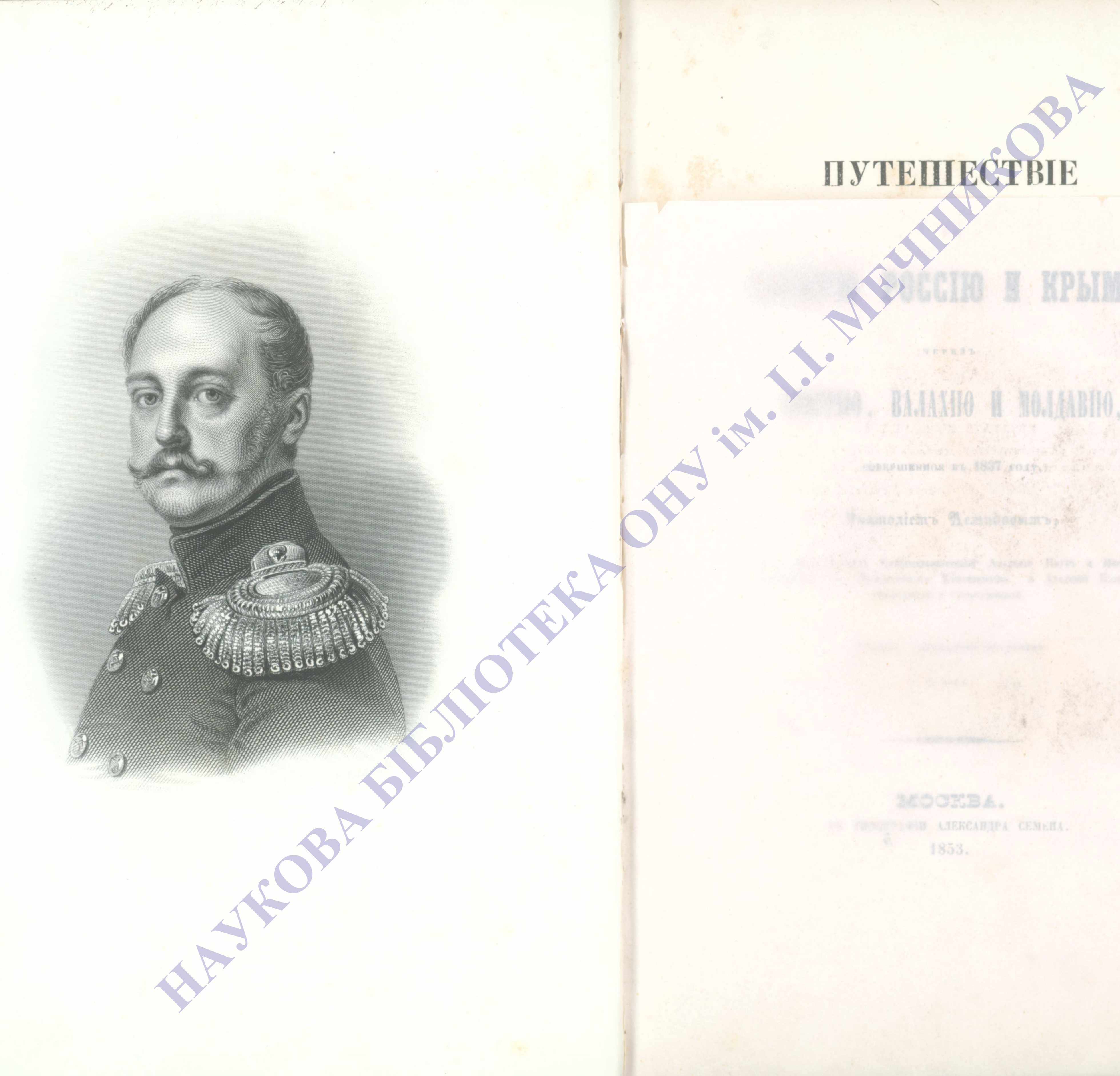

СТРОГАНОВ
2600

ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ ЮЖНУЮ РОССІЮ И КРЫМЪ.

ПУТЕШЕСТВІЕ

...оссію и Крымъ,

черезъ

...ю, Валахію и Молдавію,

совершенное въ 1837 году,

Анатоліемъ Демидовымъ,

МОСКВА.
... Александра Семена.
1853.

ПУТЕШЕСТВІЕ

въ

ЮЖНУЮ РОССІЮ И КРЫМЪ,

черезъ

ВЕНГРІЮ, ВАЛАХІЮ И МОЛДАВІЮ,

совершенное въ 1837 году,

Анатоліемъ Демидовымъ,

членомъ Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ и Искусствъ, Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, и Академій Парижской, Мюнхенской и Стокгольмской.

Изданіе, украшенное рисунками

РАФФЕ.

МОСКВА.
Въ типографіи Александра Семена.
1853.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Іюля 13 дня 1853 года.

Цензоръ Статскій Совѣтникъ

В. Флеровъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сочиненіе А. Н. Демидова, изданное на Французскомъ языкѣ въ 1840-мъ году, состоитъ изъ 4-хъ томовъ; оно посвящено Августѣйшему Имени Государя Императора Николая Павловича.

Не всѣ томы одинакаго содержанія: одни изъ нихъ представляютъ много любопытнаго и поучительнаго для каждаго образованнаго человѣка; другіе же написаны для однихъ специалистовъ. Вотъ причина, почему переведены только 1-й и 4-й томы.

Первый томъ служитъ какъ бы введеніемъ во всѣ остальные; въ немъ изложены изслѣдованія и наблюденія этнографическія, историческія и статистическія края малоизвѣстнаго, но крайне любопытнаго по своему прошедшему и будущему.

Геологическія изслѣдованія формацій составляютъ содержаніе 4-го тома; изслѣдованія эти, вообще специальныя и сухія, получаютъ высшій интересъ для каждаго Русскаго по той мѣстности, гдѣ онѣ произведены. Земли войска Донскаго преимущественно были предметомъ уче-

ныхъ изысканій; а эта часть неизмѣримой Россіи, въ настоящее время, получила значеніе и важность необыкновенныя, въ слѣдствіе открытія въ ней каменно-угольныхъ копей. Трудно предвидѣть всѣ тѣ послѣдствія, которыя могутъ проистечь изъ этой безцѣнной находки.

Къ оригиналу былъ приложенъ портретъ Государя Императора, слабо напоминавшій черты Августѣйшаго лица; для устраненія этого важнаго недостатка, при переводѣ прилагается новый портретъ, вполнѣ удовлетворяющій своему назначенію, гравированный въ Англіи на стали съ извѣстнаго рисунка Крюгера.

I.

ИЗЪ ПАРИЖА ВЪ ВѢНУ.

Давно уже занимала меня мысль о путешествіи въ южныя провинціи Россіи. Какая-то неодолимая потребность влекла меня къ изученію странъ, столь долго невозделанныхъ и варварскихъ, а нынѣ покорныхъ и образованныхъ, со всѣмъ стараніемъ, какого онѣ заслуживаютъ.

Эта обширная полоса земли, которую столько разъ опустошали, которая казалась обреченною на вѣчное разореніе, имѣетъ уже свою будущность. Въ самомъ

дѣлѣ, благодаря послѣднимъ трактатамъ, провинціи, присоединенныя къ Россійской Имперіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія и составляющія теперь Ново-Россійскій край, перемѣнили сомнительное и шаткое бытіе свое на прочное и единообразное устройство, которое современемъ безъ сомнѣнія утвердится еще болѣе. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ, и путешественникъ съ трудомъ отыщетъ среди жителей Новой Россіи отличительныя черты многочисленныхъ племенъ, оставшихся здѣсь отъ воинственныхъ переселеній съ востока на западъ.

Отъ этихъ кочевыхъ племенъ произошло двадцать колѣнъ, которыя со дня на день исчезаютъ. Мнѣ казалось, что было-бы любопытно посѣтить эту страну именно въ то время, когда есть еще возможность уловить послѣдніе слѣды этого изглаживающагося историческаго быта, и въ то же время изучить: какимъ образомъ это варварство превратилось въ цивилизацію и изъ этого ужаснаго прошедшаго развилась уже надежда на будущее.

Я имѣлъ цѣлію посвятить этому дѣлу всю свою волю, всю дѣятельность, все личное мое вліяніе. Притомъ я надѣялся, и не безъ основанія, на могущественное содѣйствіе Правительства, умѣющаго цѣнить всѣ общеполезныя предпріятія.

Планъ моего путешествія былъ давно уже обдуманъ, и наконецъ я имѣлъ счастіе представить его Государю Императору, испрашивая Высочайшаго разрѣшенія на такое странствованіе, въ которомъ каждому путешественнику предстояло особое поле для изученій и наблюденій. Предпріятіе мое вполнѣ удостоилось милостиваго одобренія. Сверхъ того, Его Императорскому Величеству, поощряющему всѣ роды заслугъ безъ различія націй, благоугодно было оказать

моимъ спутникамъ-иностранцамъ свидѣтельство Своего особеннаго покровительства. Мѣстныя начальства тѣхъ губерній, чрезъ которыя надлежало проѣзжать, получили особыя Высочайшія повелѣнія. Такимъ образомъ, подъ защитою этого высокаго покровительства, мы находили вездѣ самый радушный пріемъ, самое полное содѣйствіе.

Весна 1837 года быстро протекла въ приготовленіяхъ и предварительныхъ работахъ экспедиціи. Лишь только открылась навигація между Гавромъ и С.-Петербургомъ, я отправилъ въ столицу штейгеровъ и всѣ инструменты, необходимые для минералогическихъ изслѣдованій, составлявшихъ главную цѣль моего путешествія. Этотъ первый отрядъ составляли: опытный производитель работъ г-нъ Эйро и четверо штейгеровъ, находившихся въ его распоряженіи и снабженныхъ девятью полными снарядами. Этотъ караванъ, съ его огромнымъ приборомъ, котораго тяжесть превышала 80 т. фунтовъ, ввѣренъ былъ управленію г-на Колунова, извѣстнаго мнѣ своею долговременною и полезною службою. Вышедъ на берегъ въ Кронштадтѣ, экспедиція должна была проѣхать всю Имперію отъ сѣвера къ югу, и потомъ раскинуть палатки свои не вдалекѣ отъ устья Дона; предпріятіе многотрудное и продолжительное, но исполненное съ усердіемъ, равнымъ постоянству.

Въ началѣ мая мѣсяца главные распорядители минералогическими изысканіями, въ свою очередь, выѣхали изъ Франціи и избрали болѣе прямой путь, т. е. чрезъ среднюю Германію и губерніи южной Россіи, къ землямъ, лежащимъ по рѣкамъ Дону и Донцу, гдѣ должны были найти первую экспедицію уже готовою дѣйствовать подъ ихъ надзоромъ. Это второе отдѣленіе состояло изъ г-на Ле-Плэ, ученаго члена Ко-

ролевско Французскаго корпуса горныхъ инженеровъ, г-на Лаланна, инженера королевскаго корпуса путей сообщенія, и г-на Маленво, гражданскаго инженера, бывшаго воспитанника Сентъ-Этьенской школы; двумъ послѣднимъ поручено было, подъ руководствомъ г-на Ле-Плэ, топографическое и химическое изученіе земель, подлежавшихъ изслѣдованію.

Когда дѣло дошло до отправленія того отдѣленія, управленіе которымъ я взялъ на себя, то, сообразивъ всѣ неудобства и остановки, насъ ожидавшія, особенно въ Германіи, если бы мы поѣхали всѣ вмѣстѣ, я рѣшился отправить 6 іюня гг. Гюо, (*) Левелье и Руссо въ Вѣну, съ тѣмъ, чтобы они не спѣшили прибыть туда и осмотрѣли по дорогѣ незнакомые имъ города и земли. Пріѣхавъ въ Вѣну, они должны были ожидать тамъ меня, вмѣстѣ съ двумя другими вольными членами экспедиціи, гг. Адольфомъ Дю-Понсо и Ашиллемъ Де-Ла-Рошъ-Пушенъ, которые изъявили желаніе сопутствовать мнѣ въ южную Россію, назначивъ этотъ городъ мѣстомъ соединенія.

Самъ я выѣхалъ изъ Парижа не прежде 14 іюня, въ сопровожденіи гг. Раффе́ и де Сенсона. Мы избрали путь на Маасскій департаментъ, гдѣ я предполагалъ остановиться на короткое время и посѣтить прекрасные Абенвильскіе желѣзные заводы, находящіеся во владѣніи г-на Мюэль-Дубла, и доведенные имъ, посредствомъ безпрерывныхъ улучшеній, до высокой степени совершенства. Первый день нашего путешествія былъ прекрасенъ; подъ вечеръ мы спустились съ большаго ската горы, господствующей надъ живописною долиною Марны, надъ городомъ Мо и надъ всею

(*) См. приложеніе 1-е въ концѣ книги.

веселою окрестностію, которая скрывалась въ легкомъ вечернемъ туманѣ. Съ невольнымъ волненіемъ перенесся я мыслію къ сотоварищамъ моего долгаго странствованія, которые въ ту самую минуту приближались, въ различной степени, къ предѣлу нашего путешествія: двадцать два человѣка, думалъ я, разсѣяны теперь по разнымъ мѣстамъ Европы, всѣ одушевлены одною мыслію и съ жаромъ стремятся къ одной и той же цѣли.

Быстро миновали мы 15 числа Шалонъ, Витри-ле-Франсе́, Лоншанъ и Сенъ-Дизье и вечеромъ того-же дня въѣхали въ Маасскій департаментъ. Послѣ однообразныхъ равнинъ Шампани, взоръ оживляется при видѣ страны, усѣянной холмами. Выѣхавъ изъ Линьи, маленькаго городка, правильно построеннаго и совершенно похожаго на Лотарингскій, мы поѣхали въ Абенвиль, по дорогѣ втораго разряда, извивающейся по окраинѣ узкихъ луговъ. Если безплодіе бо́льшей части холмовъ показываетъ скудость почвы на поверхности земли, то множество деревень, лежащихъ въ глубинѣ ущелій, и трудолюбивое движеніе народа по дорогамъ, обнаруживаютъ дѣятельность, какую распространяетъ обширная разработка рудниковъ по южной границѣ Маасскаго департамента.

Телѣги, сотнями употребляемыя на перевозку дровъ, каменнаго угля и желѣзной руды, по легкому устройству и непрочной упряжи, напоминаютъ повозки Нѣмецкихъ поселянъ, а неповоротливость ихъ возничихъ дополняетъ это сходство. Впрочемъ все въ этихъ разсѣянныхъ долинахъ кажется суровымъ и унылымъ: черновато-угольный цвѣтъ, покрывающій дороги, деревья, жилища и самыхъ жителей, придаетъ всему видъ мрачнаго однообразія. Даже самый свѣтъ, падающій на эти черные предметы, кажется обманчивыми

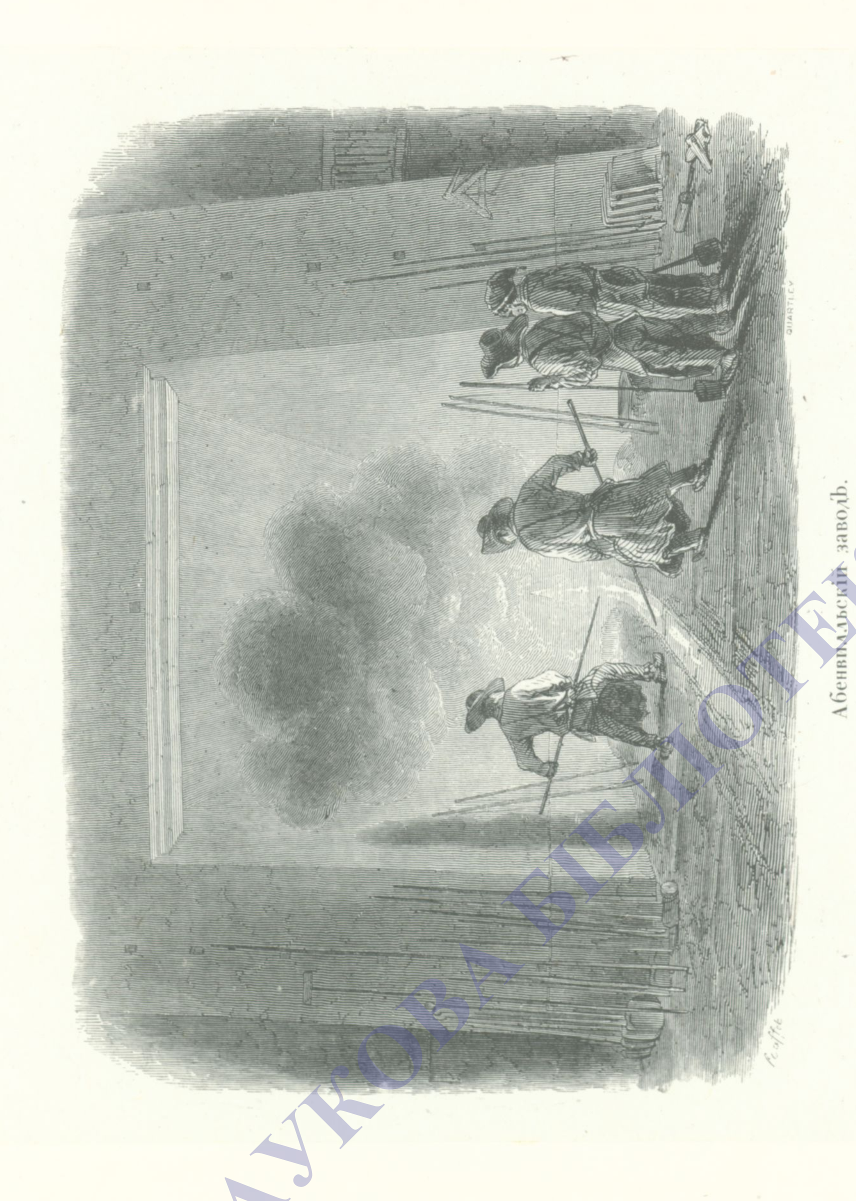
сумерками. Все здѣсь носитъ отпечатокъ исключительнаго господства желѣзныхъ промысловъ и неразлучныхъ съ ними тяжелыхъ работъ. Работы эти не допускаютъ никакого отдыха; не оставляютъ ни одной минуты для покоя и веселья, какими пользуются при работахъ полевыхъ, гдѣ каждая новая пора имѣетъ свои праздники и свои молитвы, то для умилостивленія неба, то для благодаренія его за оказанныя блага; здѣсь, напротивъ, каждый человѣкъ работникъ, каждая хижина — мастерская.

По деревнямъ, которыя проѣзжаешь между Линьи и Абенвилемъ, всюду встрѣчается одинъ и тотъ же оттѣнокъ каменнаго угля; нѣтъ роскоши, нѣтъ свѣтскихъ украшеній. Даже бродячая промышленность странствующихъ торгашей не посягаетъ на здѣшнія бѣдныя стѣны, нестоящія того, чтобы наклеивать на нихъ напыщенныя объявленія.

Самое мѣстечко Абенвиль, которое, по своему обширному заводу, служитъ какъ-бы средоточіемъ этой уединенной страны, не оказало никакихъ успѣховъ въ этомъ родѣ; низенькіе домики его едва освѣщены тусклыми стеклами, и единственные мастеровые, трудящіеся для роскоши, суть каретники, составляющіе всю мѣстную аристократію.

Радушный пріемъ ожидалъ насъ. На другой день, рано утромъ, мы отправились съ г-мъ Мюэлемъ осматривать въ подробности Абенвильскій заводъ.

Менѣе чѣмъ въ 10 минутъ пріѣдете вы изъ мѣстечка въ заводъ, по гладкой дорогѣ, лежащей по берегу рѣки Орнена; она приводитъ въ движеніе заводскія машины. Строенія для производства работъ соединены въ обширный параллелограмъ, замкнутый на концахъ рѣшетками. Съ восточной стороны, во всю длину параллелограма, вытянуто одно зданіе: это рабо-

Абенвилльскій заводъ.

чая казарма, въ которой помѣщаются съ семействами 400 человѣкъ рабочихъ, употребляемыхъ на заводѣ. Зданіе это построено въ два этажа и снабжено во всю длину огромнымъ балкономъ, съ котораго идетъ внизъ множество наружныхъ лѣстницъ, симметрически расположенныхъ.

Передъ этимъ жилищемъ, полнымъ народа, возвышаются неправильно размѣщенныя мастерскія съ своими огромными кровлями и длинными трубами. Здѣсь, при помощи тысячи рукъ, машинъ и рабочихъ, производится безпрерывная выработка чугуна и желѣза.

Цѣлый день слѣдили мы за любопытными работами на этомъ прекрасномъ заводѣ. Съ живѣйшимъ вниманіемъ, свойственнымъ человѣку, котораго по необходимости занимаютъ всѣ молоты и наковальни въ Россіи, наблюдалъ [illegible] и результаты новыхъ пріемовъ и [illegible] введенныхъ г-мъ Мюллемъ на своихъ заводѣ. Товарищи мои, для которыхъ этотъ родъ [illegible] новымъ зрѣлищемъ, [illegible] въ созерцаніе удиви- [illegible] рука, до- [illegible] на каж- [illegible] въ особенности [illegible] обнаженнаго [illegible] Кузнецы, съ чер- [illegible] кость, зубами, [illegible] простодушное удивленіе [illegible] повторяющимся каждой день.

Абенвилльскіе заводы, во многихъ отношеніяхъ, достойны извѣстности, которою пользуются. Чугунъ вырабатывается тамъ въ двухъ печахъ: одна изъ нихъ находится посреди мастерскихъ, а другая возвышает-

Абенвильскій заводъ.

чая казарма, въ которой помѣщается съ семействами 400 человѣкъ рабочихъ, употребляемыхъ на заводѣ. Зданіе это построено въ два этажа и снабжено во всю длину огромнымъ балкономъ, съ котораго идетъ внизъ множество наружныхъ лѣстницъ, симметрически расположенныхъ.

Передъ этимъ жильемъ, полнымъ народа, возвышаются неправильно размѣщенныя мастерскія съ своими огромными кровлями и длинными трубами. Здѣсь, при помощи тысячи рукъ, машинъ и рабочихъ, производится безпрерывная выработка чугуна и желѣза.

Цѣлый день слѣдили мы за любопытными работами на этомъ прекрасномъ заводѣ. Съ живѣйшимъ вниманіемъ, свойственнымъ человѣку, котораго по необходимости занимаютъ всѣ молоты и наковальни въ Россіи, наблюдалъ я результаты новыхъ пріемовъ и усовершенствованій, введенныхъ г-мъ Мюэлемъ на своемъ заводѣ. Товарищи мои, для которыхъ этотъ родъ промышленности былъ совершенно новымъ зрѣлищемъ, съ своей стороны углубились въ созерцаніе удивительныхъ перемѣнъ, какимъ подвергается руда, до обращенія ея въ полосы. Останавливаемые на каждомъ шагу новымъ объясненіемъ, они въ особенности изумлялись чуднымъ эффектамъ свѣта, обворожавшаго ихъ своею живописною прелестію. Кузнецы, съ черными лицами и бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами, улыбались, смотря на это простодушное удивленіе моихъ спутниковъ къ чудесамъ, повторяющимся каждый день.

Абенвильскіе заводы, во многихъ отношеніяхъ, достойны извѣстности, которою пользуются. Чугунъ вырабатывается тамъ въ двухъ печахъ: одна изъ нихъ находится посреди мастерскихъ, а другая возвышает-

ся на скатѣ холма, и каждая даетъ по двѣ сплавки въ день; снаряды, дѣйствующіе на заводѣ, приводятся въ движеніе водами Орнена; когда въ рѣкѣ недостаетъ воды, то ее замѣняетъ паровая машина.

Руда, выплавляемая въ Абенвильскихъ печахъ, добывается почти въ трехъ миляхъ отъ этого селенія; потребный для завода лѣсъ — также не въ дальнемъ оттуда разстояніи; что же касается до угля, то его привозятъ изъ Сарбрюка.

Мы уже сказали, что число рабочихъ при этой обширной выработкѣ руды простирается до 400 человѣкъ, которые живутъ всѣ въ одномъ зданіи; сверхъ того въ немъ помѣщаются кладовыя и школа, основанная и содержимая владѣльцемъ, въ которую принимаются дѣти обоего пола. Вечеромъ рѣшетки запираются, и все населеніе завода раздѣляется на двѣ половины: одна отходитъ ко сну, другая приступаетъ къ ночнымъ работамъ.

Еслибы не обширная промышленность, которая по необходимости распространяетъ повсюду жизнь и движеніе, то Абенвиль и его окрестности были бы очень печальны, потому что край этотъ самъ по себѣ очень непривлекателенъ. Эта оконечность Маасскаго департамента представляетъ продолженіе возвышенностей, которыя, идя отъ Арденскихъ горъ, соединяются съ нижнею цѣпью горъ Вогезскихъ. Орненъ, орошающій Абенвильскую долину, вытекаетъ не вдалекѣ отъ стариннаго городка Гондркура. Пониже долины, эта скромная рѣка направляется къ Бару и вскорѣ соединяется съ другою, такою же скромною рѣкою, называемою Со (Saulx); потомъ обѣ несутъ дань свою Марнѣ, пониже Витри-ле-Франсе. На всемъ этомъ протяженіи, растительность является только въ сосѣдствѣ водъ: возвышенности вообще обнажены, од-

накожъ надобно полагать, что исчезнувшіе лѣса покрывали нѣкогда ихъ вершины. Какъ-бы то ни было, но край этотъ претерпѣваетъ въ климатерическомъ отношеніи всѣ невыгоды, неизбѣжныя при недостаткѣ лѣсовъ; и хотя здѣшній инженеръ, къ удивленію нашему, держался противнаго мнѣнія и не считалъ послѣдствій отъ истребленія лѣсовъ важными въ отношеніи къ температурѣ, тѣмъ не менѣе мы думаемъ, что Абенвиль, суровыми и продолжительными зимами своими, обязанъ единственно совершенному недостатку растительности на столь обширной полосѣ земли.

Владѣтель заводовъ употребилъ нѣкоторое стараніе для украшенія своего уединеннаго жилища, и природа помогла ему превосходно. Гнилое и зловредное болото, подвергавшее опасности здоровье окрестныхъ жителей, г-нъ Мюэль превратилъ въ прекрасный Англійскій садъ, молодыя растенія котораго значительно уже поднялись и служатъ украшеніемъ этого мѣста.

Въ воскресенье, 18 іюня, мы выѣхали изъ Абенвиля. Въ Домреми, маленькой деревушкѣ, бывшей перистилемъ Ренскаго собора, мы посѣтили домъ, въ которомъ жила нѣкогда Іоанна д'Аркъ. Въ той комнатѣ, гдѣ жила эта смиренная дочь полей, теперь нѣтъ ничего примѣчательнаго кромѣ оффиціальныхъ надписей, вырѣзанныхъ на металлическихъ или мраморныхъ доскахъ. Почитая это суетное указаніе недостаточнымъ, здѣсь открыли общій списокъ, въ который посѣтители вносятъ свои имена и мысли, болѣе или менѣе поэтическія. Противъ этого скромнаго жилища, на площади, усаженной деревьями, поставленъ на четырехъ столбахъ родъ гробницы, скрывающей довольно посредственный бюстъ героини, оскорбленной Вольтеромъ; но принцесса Виртембергская, умершая въ ранней юности, возсоздала ея благородный

образъ съ трогательнымъ и простодушнымъ вдохновеніемъ. И народная признательность не оставила безъ вниманія этой чистѣйшей знаменитости: поселянинъ выстроилъ кабакъ въ честь Іоанны д'Аркъ, такъ по крайней мѣрѣ свидѣтельствуетъ вывѣска на раскрашенномъ желѣзномъ листѣ, развѣваемомъ вѣтромъ, съ надписью: *à la Pucelle!* Впрочемъ, при первомъ взглядѣ на это произведеніе живописи, не трудно угадать замысловатую метаморфозу, посредствомъ которой великій Наполеонъ превратился въ Дѣвственницу Орлеанскую. Бѣлый конь, зеленый мундиръ, эполеты и ботфорты въ точности сохранены на картинѣ. Каска съ перьями, вмѣсто незабвенной маленькой шляпы и пара перчатокъ *à la Crispin*, вотъ единственныя перемѣны, какія, по мнѣнію художника, были необходимы для соглашенія времени и пола.

Проѣхавъ два живописныя мѣстоположенія Нёшато и Миркуръ, мы отдохнули съ часъ въ Маренвильскомъ замкѣ, старинномъ зданіи, не имѣющемъ никакаго другаго достоинства, кромѣ разрушенной своей древности.

Въ Эпиналѣ ожидалъ насъ чрезвычайно ласковый пріемъ главнаго сборщика податей Вогезскаго департамента, г-на Дубла̀. Какъ пріятно провели мы утро 19 числа, осматривая прекрасный садъ, устроенный г-мъ Дубла! Творецъ его воспользовался крутою цѣпью утесовъ, на которой возвышались развалины прекрасной архитектуры; на этомъ счастливомъ мѣстоположеніи онъ развелъ садъ или, лучше сказать, огромный живописный паркъ, гдѣ соединены всѣ возможныя затѣи искусства и науки садоводства. Разнородныя растенія, многочисленныя постройки въ изящномъ вкусѣ, прелестная молочня, богатыя оранжереи, природныя долины и пропасти, столь же старыя, какъ и самыя

горы, — все превосходно расположено въ этомъ очаровательномъ мѣстѣ, гдѣ всѣ естественныя средства употреблены въ дѣло съ изящною разборчивостію. Съ террасъ, висящихъ надъ городомъ, очарованному взору представляется обширный и превосходный ландшафтъ. Домъ владѣльца соединяется съ этимъ прекраснымъ садомъ изящною лѣстницею, которая скрыта въ башнѣ, построенной въ Китайскомъ вкусѣ и примыкающей къ крутой скалѣ, вышиною въ 80 футовъ. Такимъ образомъ, счастливый владѣтель этихъ обворожительныхъ мѣстъ въ нѣсколько минутъ можетъ перейти изъ сада къ своимъ занятіямъ и опять очутиться въ самомъ смѣющемся и сельскомъ уединеніи, подъ тѣнью тридцати-лѣтнихъ деревьевъ, которыя выросли въ его глазахъ.

Если говорить правду, Эпиналь вовсе не красивый городъ, но расположенъ чрезвычайно живописно между холмами, которые возвышаются надъ нимъ со всѣхъ сторонъ. Ландшафтъ богатъ разнообразіемъ красокъ: плоскія красныя кровли, домики рѣзкихъ цвѣтовъ, живыя струи Мозеля, протекающаго по камнямъ, составляютъ очаровательный видъ.

Улицы въ Эпиналѣ дурно вымощены; только дорожка возлѣ домовъ выложена плитою и вообще гораздо удобнѣе шоссе. Въ наружномъ характерѣ этого горнаго города примѣтны уже свойства Нѣмецкаго быта; чистота въ домахъ, нагрѣвающія ихъ печи, толстыя служанки съ голыми руками, толпящіяся у колодцевъ съ своими бѣлыми ведрами, и запряженные быки, проходящіе по улицамъ и жующіе жвачку на всѣхъ площадяхъ: все это говоритъ, что Рейнъ и Германія уже не далеко отсюда.

Въ Эпиналѣ есть церковь, построенная въ одиннадцатомъ столѣтіи; внутренность этого памятника при-

надлежитъ къ строгому штилю, мало употребительному въ религіозныхъ зданіяхъ этой части Франціи. Между многими изображеніями, висящими подъ мрачными сводами церкви, мы узнали копію съ чуднаго оленя св. Гюбера, который, съ старинной и простодушной картины Гольбейна, столько разъ былъ возобновляемъ въ древнихъ городахъ Германіи.

Іюня 20-го, довольно рано утромъ, выѣхали мы изъ Эпиналя къ Вогезскимъ горамъ. Эта длинная цѣпь горъ, начинающаяся немного южнѣе Майнца, подымается почти параллельно теченію Рейна и спускается къ Бефору, простирая въ западную сторону второстепенную вѣтвь. Нѣсколько рѣкъ: Сарра, Мёртъ, Мозель и Маасъ, вытекаютъ изъ сѣверной стороны хребта Вогезскихъ горъ и текутъ къ сѣверу. Дорога, по которой мы поѣхали, ведетъ прямо въ Страсбургъ, и пересѣкаетъ горный хребетъ почти подъ острымъ угломъ, такъ, что легко можно подыматься на него посредствомъ множества извилинъ: отъ этого дольше сохраняется удивленіе путника, безпрестанно возбуждаемое превосходными видами. Эта дорога, рѣдко посѣщаемая путешественниками, которые предпочитаютъ ей Саверискую, представляется на каждомъ шагу чуднымъ отраженіемъ красотъ Швейцарской природы. Все здѣсь содѣйствуетъ разнообразію и прелести картины: небо, чудно простирающееся въ даль, множество округленныхъ вершинъ на разныхъ планахъ, вершинъ, которыя въ Вогезскихъ горахъ означаются особымъ названіемъ Баллоновъ (Ballons), горы покрытыя свѣжею зеленью, долины, исполненныя прохлады. Деревянные домики, тамъ и сямъ разбросанные, живыя струи рѣкъ, текущихъ со всѣхъ сторонъ, — дополняютъ сходство съ Швейцарскими горами.

Ужь если говорить о чудныхъ горахъ, такъ нельзя

не указать на Вогезскія, на этотъ удивительный оплотъ, возвышающійся между двумя равнинами. Въ полдень мы достигли самой высшей точки нашего подъема, господствующей въ равной степени и надъ Лотарингіею и надъ Альзасомъ, котораго роскошныя поля красовались въ дали. Баллонъ Альзаса, котораго вершина наиболѣе замѣчательна въ окрестности, имѣетъ не менѣе 1250 метровъ въ высоту, и если можно судить по сравненію, то мы сами находились на возвышеніи почти въ тысячу метровъ. На покатости горы, съ обѣихъ сторонъ, видно много деревень, свидѣтельствующихъ о плодородіи почвы. Вода, на пути своемъ, оплодотворяетъ и орошаетъ всѣ эти деревни. Скоро проѣхали мы небольшіе города: Жеменгутъ, Сенъ-Діе и Сентъ-Мари-о-минъ, всѣ исполненные жизни и движенія. Трудолюбивая толпа почти не обратила вниманія на нашъ шумный поѣздъ.

Вскорѣ измѣнилась вся окрестная сцена, и мы покатились по гладкой поверхности Альзасской равнины, точно по садовой аллеѣ, среди веселыхъ луговъ. Мы проѣхали, по этой прекрасной дорогѣ, среди цѣлой толпы путешественниковъ, веселыхъ и озабоченныхъ, пѣшихъ и конныхъ, въ каретахъ, дилижансахъ, почтовыхъ колясках, въ экипажахъ всякаго рода. Пыль, трубка и пиво, такъ хорошо приготовляемое для утоленія невинной жажды Нѣмецкаго народа, оспаривали другъ у друга права свои на путешественника, который для очистки совѣсти садится за столъ въ каждой харчевнѣ, встрѣчаемой по дорогѣ.

Все показываетъ здѣсь точку соприкосновенія двухъ важныхъ общественныхъ раздѣленій, все носитъ на себѣ слѣды этого пограничнаго движенія, которое разливаетъ жизнь и богатство на обитателей границы между народами, одинаково сильными и промышлен-

ными. Нижне-Рейнскій департаментъ, довольствомъ и благоденствіемъ своихъ жителей, напоминаетъ богатыя графства Англіи. Васъ окружаетъ со всѣхъ сторонъ превосходная обработка земли, придающая нивамъ видъ плодоноснѣйшихъ огородовъ. Мужчины и женщины, одинаково сильные, и даже дѣти, исполняютъ полевыя работы съ равною дѣятельностію; въ послѣдней деревушкѣ слышны стоны машинъ, трескъ печей, стукъ молотовъ и шумъ всякаго рода, вѣрный признакъ мануфактурной промышленности.

Изъ всѣхъ Французскихъ провинцій, Альзасъ съ наибольшимъ успѣхомъ показалъ выгоду употребленія машинъ на заводахъ и фабрикахъ. Въ его счастливыхъ департаментахъ, заключающихъ въ себѣ всѣ богатства почвы и промышленности, машины приспособлены и къ земледѣлію, которому онѣ доставляютъ руки, составляющія его могущество. Это распространится и повсюду, когда польза, постигнутая цѣлыми массами народа, посвятитъ его въ таинства самыхъ простыхъ началъ политической экономіи. Тогда ни одинъ земледѣлецъ, — пока будетъ на занимаемой имъ почвѣ хотя одна десятина необработанной земли, или безплодный верескъ, зловредныя болота и непроходимыя дороги, — конечно не посмѣетъ жаловаться на множество средствъ, сокращающихъ трудъ и замѣняющихъ человѣческія силы.

Пора бы успѣхамъ земледѣлія стать на ряду съ успѣхами промышленности. Фабрики и заводы дѣйствуютъ машинами; обработка земли составляетъ трудъ человѣка. Чѣмъ болѣе, на фабрикахъ и заводахъ, замѣните вы ручную работу паровыми машинами, тѣмъ болѣе освободите рукъ, столь драгоцѣнныхъ для благосостоянія земледѣлія. Что касается до государствъ, въ которыхъ народъ разсѣянъ по обширному пространству, и находится въ меньшемъ числѣ, чѣмъ сколько бы слѣдовало, тамъ вопросъ этотъ не подлежитъ даже спору. Введеніе машинъ и другихъ искусственныхъ производителей, разсматриваемое съ этой точки зрѣнія, оказывается неизмѣримымъ благодѣяніемъ.

Въ Шелештадтѣ, за гласисомъ, въ великолѣпномъ почтовомъ домѣ, мы взяли лошадей и онѣ быстро перенесли насъ чрезъ разстояніе, отдѣлявшее насъ еще отъ Страсбурга. Въ то время жители деревень, въ огромныхъ телѣгахъ, возвращались домой, и разнообразіе ихъ положеній и костюмовъ составляло по истинѣ прелестную картину. Не было ни одного мужчины пѣшкомъ, ни одной женщины въ бѣдной одеждѣ. Бѣлая рубашка съ широкими рукавами, красный корсажъ, украшенный широкими полосами черпаго бархата, короткая юбка, широкая соломенная шляпа, которая, прикрывая рѣзкія черты лица, выпускаетъ изъ подъ себя нѣсколько свѣтлорусыхъ кудрей, — вотъ нарядъ поселянокъ изъ окрестностей Страсбурга: онъ совершенно идетъ къ ихъ нѣсколько грубой и отчасти даже мужеской красотѣ.

Видѣть Страсбургъ, хотя бы на минуту, и не остановиться передъ великолѣпнымъ его соборомъ, значило бы лишить себя одного изъ живѣйшихъ наслажденій, какія можетъ доставить созерцаніе образцовыхъ произведеній зодчества, переживившихъ многіе вѣка. Даже путешественники, уже посѣщавшіе этотъ величественный соборъ, при вторичномъ взглядѣ на него не могутъ не удивляться огромности храма, превосходству оконъ и безконечной глубинѣ свѣта, исчезающаго подъ этими безмѣрными сводами. И какое безмолвіе! какое величіе! какая торжественная совокупность стольких вѣковъ христіанства!

Раздѣлавшись съ таможнею и переѣхавъ чрезъ Кель-

скій мостъ, мы пустились по Баденской дорогѣ. Веселая дорога эта идетъ по прекрасной равнинѣ, окаймленной съ запада Рейномъ, а съ востока Шварцвальдскими горами. Эта длинная цѣпь горъ тянется по теченію Рейна, и, параллельно съ Вогезскими горами, образуетъ дивный бассейнъ, средину котораго занимаетъ эта огромная рѣка. Нѣтъ ничего живѣе, красивѣе и веселѣе деревень, лежащихъ по сторонамъ дороги. Здѣсь-то во всемъ блескѣ является Нѣмецкая бездѣйственность: простые деревянные домики чисто содержатся, стекла блестятъ какъ хрусталь, маленькія окна украшены цвѣтущими розанами, садики огорожены плетнемъ изъ шиповника, — вотъ деревня, одинъ видъ которой уже услаждаетъ васъ! Только въ этой живописной странѣ, живописно населенной, вы начинаете уже чувствовать медленность почтовой ѣзды; но къ чему послужили бы жалобы? Какой путешественникъ по этой, столь часто посѣщаемой странѣ, можетъ похвалиться, что ему удалось расшевелить врожденную неповоротливость Баденскаго почталіона, этотъ вѣчно неподвижный желтый камзолъ, этотъ молчаливый охотничій рогъ? Наконецъ, однакожь, вотъ и Баденъ, гдѣ, не безъ нѣкотораго труда мы нашли квартиры, приличныя для кратковременнаго нашего пребыванія.

Щегольское и легкомысленное общество скучающихъ больныхъ, которое обыкновенно собирается въ это время на воды, прислало сюда на этотъ разъ еще небольшое число своихъ годичныхъ представителей.

Впрочемъ я заѣхалъ сюда единственно для того, чтобы доставить моимъ спутникамъ удовольствіе узнать одинъ изъ прекраснѣйшихъ уголковъ свѣта, куда можно пріѣхать подышать въ лѣтнее время, когда города превращаются въ необитаемыя печи. Обворожительный ландшафтъ, представляемый Баденомъ, и его

спокойныя гульбища, дѣйствительно восхитили нашихъ художниковъ; но особенная жизнь, какую ведутъ на водахъ, и удовольствія, быть можетъ немножко однообразныя, на которыя мода осуждаетъ насъ ежегодно, возбудили въ нихъ гораздо менѣе восторга; въ отзывахъ своихъ объ этомъ они высказывали даже досаду. Какъ понять, говорили мнѣ они, что люди, обладающіе въ Лондонѣ, Парижѣ или Петербургѣ огромными палатами, которыя кажутся еще слишкомъ тѣсными ихъ великолѣпію, рѣшаются проводить цѣлые мѣсяцы въ этихъ тѣсныхъ комнаткахъ или казармахъ и коридорахъ, наслаждаясь отвратительнымъ запахомъ краски, подновляемой каждою весною въ честь новыхъ гостей? Если вы захотите освѣжиться на улицѣ въ маленькомъ городѣ, любуясь красивыми театральными домами, замѣтьте въ этихъ простенькихъ окнахъ, украшенныхъ розами, блѣдныя и изнеможенныя женскія личики, съ мутными взорами, съ улыбкою изнеможенія, слабыя жертвы зимнихъ праздниковъ и баловъ! Дѣйствительно къ концу первой же недѣли гуляній, въ этой веселости вы находите только скуку; отъ того, что здѣсь нѣтъ лучшаго изъ всѣхъ благъ, отрадной домашности, *sweet home*, какъ говорятъ Англичане, знатоки комфорта. Притомъ, скажите пожалуста, что можетъ быть общаго и задушевнаго въ этомъ разнохарактерномъ сборищѣ всѣхъ націй? Какъ узнать другъ друга въ этой странной и небрежной смѣси Европейскихъ празднолюбцевъ? Но подождите: повѣетъ первое дыханіе осени, и каждый займетъ опять свое мѣсто въ свѣтѣ, а эта вѣчная дружба, родившаяся у теплаго источника, не удостоится ни самаго обыкновеннаго поклона, ни даже малѣйшаго воспоминанія. Заведеніе ваннъ заслужило также не безусловную похвалу отъ моихъ спутниковъ.

Они одобряли прекрасный размѣръ залъ, но въ то же время жаловались на тѣсноту садовъ и на пошлость небольшой каштановой аллеи, осѣняющей лавки, которыя годятся развѣ только для деревенской ярмарки, а вѣдь это модная аллея, гдѣ чинно тѣснились многія знаменитости, нынѣ забытыя. Хотя искусство Шабера заслужило благосклонность моихъ снисходительныхъ критиковъ, но они порядочно вознаградили себя негодованіемъ, когда вечеромъ, вокругъ столовъ игорной залы, собралась, подъ однообразною личиною холодности, жадная и страстная толпа, приходившая туда бросать золото, истрачивать жизнь и дышать смрадомъ лампъ. Это дѣлалось въ то время, когда луна озаряла рощи Бадена, а благорастворенный воздухъ, прохлада и тишина манили къ уединеннымъ прогулкамъ, вдали отъ пыли общественнаго сада. Но и самая игра въ этотъ годъ едва держалась, потому что Баденъ ожидалъ въ 1838 г. великаго событія: дѣло шло не менѣе какъ о предстоявшемъ утвержденіи компаніи, которая на слѣдующую весну должна была пересадить на Германскую почву игорный откупъ, и перенести изъ Франціи въ эти залы, нарочно для того изготовленныя, старинныя рулетки, уже надоѣвшія, давно притупленныя лопатки, истертые до самыхъ краевъ корнеты, словомъ всѣ страшныя принадлежности игры, изгнанной изъ Франціи. Сама игра, подобно честному больному, отправляется, для возстановленія своего здоровья, на Баденскія воды и въ другія мѣста.

Нѣтъ надобности говорить, что мы ходили къ старинному замку и поднялись на послѣднюю вершину проблематически-древнихъ развалинъ, вѣнчающихъ гору. Здѣсь мы долго погружены были въ созерцаніе чудной панорамы, развертывавшейся передъ нами вдали. Когда мы выходили изъ подъ сводовъ замка, къ ногамъ нашимъ подкатились два ужа, которые, сцѣпившись, дрались съ остервенѣніемъ. Древніе нашли бы въ этомъ явленіи какое нибудь предзнаменованіе для долгаго пути, намъ предстоявшаго. Но мы ограничились только тѣмъ, что прекратили эту борьбу смертію обоихъ пресмыкающихся, которыя, хотя были размозжены при паденіи, все таки крѣпко держались другъ за друга.

На другой день рано утромъ проѣхали мы чрезъ Раштадтъ, чистый, просторный и пустынный городъ, гдѣ стукъ экипажа пробуждаетъ въ одно время и эхо и жителей, равно удивленныхъ. Покуда намъ перемѣняли лошадей, Раффе́ на досугѣ подробно срисовалъ полный мундиръ солдатъ прекрасной Баденской пѣхоты; они стояли въ казармахъ недалеко отъ почтоваго дома и съ большою охотою согласились исполнить желаніе художника. Раффе́ дѣятеленъ и умѣетъ воспользоваться малѣйшими случаями въ дорогѣ: рука его всегда готова, карандашъ всегда очиненъ; нуженъ только предлогъ и онъ набросаетъ на бумагу все встрѣчаемое на пути. По этому онъ былъ очень доволенъ удивительною медленностію Баденскихъ почтальоновъ, которые, казалось, понимали его какъ нельзя лучше. Всякой разъ, какъ проклятый почтальонъ продерживалъ насъ по крайней мѣрѣ четверть часа на каждой станціи, Раффе́ говорилъ: вотъ какъ надобно ѣздить на почтовыхъ. Мы нѣсколько сожалѣли, что не зашли въ замокъ, гдѣ, какъ говорятъ, хранятся кое-какіе остатки отъ конгресса, прославившаго Раштадтъ; но въ такую раннюю пору утра, мы едва ли бы нашли, безъ большой потери времени, чичероне, который согласился бы проводить насъ туда.

Изъ Раштадта мы прибыли въ Карлсруэ. Карлсруэ принадлежитъ къ числу немногихъ городовъ, построенныхъ вдругъ, какъ строится одно зданіе, по начертанному прежде плану. Городъ этотъ, совсѣмъ уже построенный, родился въ воображеніи одного изъ великихъ герцоговъ Баденскихъ, жившаго въ прошедшемъ столѣтіи. Почти невозможно пробыть двухъ часовъ въ этой образцовой столицѣ, не услышавъ какого нибудь намека на ея таинственное происхожденіе, и потому я думаю, необходимо сначала расказать легенду, объясняющую основаніе этого города. Однажды, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ, великій герцогъ Баденскій, имѣвшій, говорятъ, причину быть недовольнымъ жителями Дурлаха, своей обыкновенной резиденціи, пріѣхалъ позабавиться охотою въ заповѣдныхъ лѣсахъ, покрывавшихъ тогда всю здѣшнюю страну. Вскорѣ принцъ отдалился отъ своей свиты, и, убаюканный тѣнью и тишиною, заснулъ въ уединенномъ мѣстѣ, что имѣетъ право сдѣлать на охотѣ каждый принцъ. Вдругъ онъ сталъ героемъ чуднаго видѣнія: онъ видѣлъ, будто изъ разверзтыхъ нѣдръ земли воздымается совсѣмъ отстроенный прекрасный и просторный городъ и покрываетъ собою половину обширнаго кругообразнаго пространства. Такъ-какъ всѣ улицы шли, подобно лучамъ, отъ центра къ окружности, то Герцогъ, стоя въ срединѣ, какъ-бы на вершинѣ бельведера, обозрѣвалъ изумленнымъ взглядомъ всѣ части этого каменнаго вѣера. Но лишь только таинственный городъ показался въ полномъ свѣтѣ, какъ толпа охотниковъ разбудила спавшаго принца. Однакожъ онъ припомнилъ и сонъ и чудеса его; онъ, разумѣется, былъ богатъ, какъ слѣдуетъ принцу, и далъ себѣ слово осуществить, если можно, на этомъ самомъ мѣстѣ, прекрасный сонъ, его очаровавшій. Принцъ какъ сказалъ, такъ и сдѣлалъ; свидѣтелемъ тому служитъ городъ, построенный въ видѣ опахала, и господствующій надъ всѣмъ бельведеръ дворца. Вторая половина обширнаго кругообразнаго пространства занята прекраснымъ паркомъ, гдѣ на свободѣ живутъ олени и лани, выгоняемые иногда въ старинные сосѣдніе лѣса. Если, однакожь, не смотря на прекрасный планъ, чрезвычайную чистоту улицъ и величественную архитектуру зданій, Карлсруэ кажется безжизненнымъ и отчасти печальнымъ, то въ этомъ надобно винить основателя, который не дополнилъ своего поэтическаго вдохновенія и ввѣрилъ одному изъ самыхъ разсудительныхъ и степенныхъ народовъ въ Европѣ, фантастическій городъ, порожденный восточною мечтою. Какъ бы то ни было, эта прелестная столица замѣчательна по своимъ прекраснымъ памятникамъ и полезнымъ учрежденіямъ, успѣхи которыхъ показываютъ просвѣщенный образъ мыслей превосходнаго государя, правящаго великимъ герцогствомъ.

Мы пробыли въ Карлсруэ не болѣе часа, въ продолженіе котораго посѣтилъ меня добрый и услужливый баронъ Габеръ и осыпалъ учтивостями; онъ видѣлъ и принималъ на пути минералогическое отдѣленіе нашей экспедиціи, находившееся подъ руководствомъ и начальствомъ г-на Ле-Плэ. Эти господа, пользуясь при усердіи совершеннымъ здоровьемъ, жаловались только на безконечно-медленную почтовую ѣзду.

Оставивъ, не подалеку за Дурлахомъ, Баденскія владѣнія, и въѣхавъ въ королевство Виртембергское, мы не подвергались таможенному осмотру. Путешественники и торговыя сношенія всякаго рода должны быть обязаны за это истинное благодѣяніе му-

дрымъ мѣрамъ, принятымъ съ общаго утвержденія всѣми Нѣмецкими государствами, въ томъ числѣ Пруссіею и Баваріею. Правительства послѣднихъ двухъ королевствъ, принявъ во вниманіе взаимное положеніе всѣхъ этихъ частей одного и того же отечества, говорящихъ однимъ языкомъ, и, въ нѣкоторой степени, имѣющихъ одинакіе интересы, согласились между собою уничтожить тысячи таможенныхъ заставъ, замедлявшихъ ходъ торговли, и образовать союзъ, на всемъ пространствѣ котораго движеніе торговли не встрѣчало бы уже никакого препятствія. По этой конвенціи, вмѣстѣ свободной и охранительной, могутъ быть совершаемы, безпрепятственно, торговыя сдѣлки, начиная отъ береговъ Рейна до Австрійской границы и до крайнихъ предѣловъ Пруссіи. Сколько безразсудно было бы ниспровергать ограды, охранительныя для промышленности, между большими націями, соперничествующими въ фабрикаціи, столько же мудро и благоразумно расширять свободу торговли въ мелкихъ и малопроизводящихъ государствахъ. Окружать послѣднія таможенными кордонами, значитъ стѣснять потребителей къ значительному ущербу сосѣдней производительности, а общее благосостояніе во всякомъ случаѣ страждетъ Прибавимъ, что путешественники, которые сколько нибудь спѣшатъ, а къ этому разряду принадлежатъ всѣ, также не мало выигрываютъ отъ настоящаго порядка вещей.

Естественную границу между великимъ герцогствомъ Баденскимъ и Виртембергскимъ королевствомъ составляетъ цѣпь Шварцвальдскихъ горъ; не въ дальнемъ разстояніи отъ Дурлаха переѣхали мы послѣдніе ихъ скаты, исчезающіе въ сѣверо-восточномъ направленіи; пограничная линія мало отдѣляется отъ

восточной части этихъ горъ, и съ перваго взгляда Виртембергъ преимущественно примѣчателенъ по своему прекрасному мѣстоположенію, которому такое сосѣдство горъ придаетъ особенную роскошь.

Я не упоминаю о всѣхъ мѣстахъ, черезъ которыя мы проѣзжали, чтобъ безъ нужды не увеличивать названій мѣстечекъ и деревень, довольно трудныхъ для выговора. Безъ всякаго сомнѣнія скорость нашей ѣзды не могла воспрепятствовать обстоятельному изученію ихъ произношенія и орѳографіи. Къ большему несчастію, полевыя работы происходили повсюду въ одно время съ нашимъ проѣздомъ, и на каждой станціи мы должны были ждать лошадей, которыхъ медленно выпрягали изъ мирныхъ телѣгъ, и съ такою же медленностію запрягали въ наши коляски. Иногда наши нетерпѣливые слуги брались сами за упряжку, браня почтальоновъ; послѣдніе отходили прочь, въ изумленіи отъ непривычнаго проворства, и стояли въ отдаленіи, съ отчаяніемъ качая головою. Изъ числа другихъ станцій, въ Илингенѣ мы прождали почти два часа среди вѣчно-праздной толпы, которая, ничего не дѣлая и разинувъ ротъ, тѣснилась около нашихъ экипажей. Наконецъ, при очаровательномъ вечерѣ, среди прелестныхъ мѣстъ и при дыханіи вѣтерка, наносимаго запахомъ недавно скошенныхъ луговъ, мы продолжали путь къ Штутгардту, разговаривая о тѣхъ кротко-величественныхъ предметахъ, думой о которыхъ исполняемся мы при видѣ прекраснаго неба, усѣяннаго звѣздами, и мирно покоющейся природы. Прежде наступленія ночи мы увидѣли вдали Людвигсбургъ и военную тюрьму его, возвышающуюся на холмѣ, посреди плодоноснѣйшихъ полей: сносное заточеніе, если только узникамъ дозволено дышать чистымъ воздухомъ на горѣ и любоваться обширнымъ

окрестнымъ ландшафтомъ! Въ одиннадцать часовъ вечера, скудный ужинъ, предурныя постели и несносныя квартиры ожидали насъ въ Штутгардтѣ.

На другой день, пока я дѣлалъ кое-какіе необходимые визиты, гг. Сенсонъ и Раффе осматривали столицу. Штутгардтъ, какъ извѣстно, раздѣленъ на два города. Новѣйшій примѣчателенъ по красотѣ зданій, по числу современныхъ построекъ, по ширинѣ и чистотѣ своихъ улицъ. Нижній городъ, напротивъ, извилистъ, мраченъ и загроможденъ такими высокими домами, что обитатели нижнихъ этажей нерѣдко лишены воздуха и свѣта. Эта старая часть города представляетъ еще множество домовъ, драгоцѣнныхъ по своимъ подробностямъ архитектуры во вкусѣ среднихъ вѣковъ. На большей части перекрестковъ замѣтны барельефы или статуйки, украшающіе углы домовъ и почти всегда представляющіе рыцарей въ полномъ вооруженіи. Эти фигуры здѣсь въ большой чести; мы замѣтили, что многія изъ нихъ, отличаясь замѣчательною красотою, служатъ украшеніемъ фонтановъ въ Виртембергскихъ деревняхъ. Нерѣдко встрѣчаешь также кобылу съ жеребенкомъ, изваянную на древнихъ и новыхъ, общественныхъ памятникахъ стараго города. Народонаселеніе, состоящее изъ 32 т. душъ толпится въ узкихъ переулкахъ нижняго города и около рынка, помѣщающагося на большой площади и простирающагося въ смежныя улицы. Это стеченіе народа не представило нашему живописцу никакого особеннаго характера, и національный костюмъ дѣйствительно не имѣетъ въ себѣ ничего замѣчательнаго. Виртембергская армія, славящаяся своимъ устройствомъ и отличными офицерами, заняла весь небольшой досугъ, какимъ могъ воспользоваться Раффе при скоромъ нашемъ проѣздѣ. Дворецъ въ Штутгардтѣ

величественной архитектуры; онъ расположенъ на эспланадѣ, симметрически обсаженной деревьями. Кромѣ того онъ окруженъ великолѣпными садами, которыхъ, къ несчастію, никто изъ насъ не успѣлъ осмотрѣть: мы едва успѣли бросить бѣглый взглядъ на всю столицу, тогда какъ она, по многимъ причинамъ, заслуживаетъ подробнаго обзора. Мы сѣли опять въ коляску и спѣшили въ Мюнхенъ; времени оставалось немного, а мы и такъ уже опоздали.

Страна, простирающаяся на юго-востокъ отъ Штутгардта, по-истинѣ очаровательна; дорога, которая вела насъ къ Ульму, пересѣкаетъ ее почти всю; счастливо разбитыя поля повсюду обѣщали обильную жатву. Когда мы проѣхали нѣсколько небольшихъ городовъ, Эсслингенъ, и Геппингенъ, виды стали разнообразнѣе, а мѣстоположеніе немного гористѣе. Къ вечеру, не одинакая скорость или лучше сказать, медленность на станціяхъ, разлучила наши экипажи и мы поодиночкѣ, одни послѣ другихъ, добрались до Гейслингена. Это значительное мѣстечко живописно лежитъ въ глубинѣ узкой долины, и составляетъ прекрасный ландшафтъ. По своимъ высокимъ домамъ, выдавшіяся бревна которыхъ окрашены красною краской, и по огромнымъ зубцамъ, торчащимъ на улицы, которыя вообще довольно узки и оттого производятъ тысячи рѣзкихъ эффектовъ, Гейслингенъ кажется полнымъ и еще живымъ эпизодомъ изъ феодальныхъ временъ. Весьма вѣроятно даже, что характеристическіе костюмы его обитателей, безпечно сидѣвшихъ группами у рѣзныхъ и унизанныхъ большими гвоздями воротъ, не значительно измѣнились въ теченіе двухъ столѣтій. Такъ какъ мы прибыли въ субботу вечеромъ, то встрѣтили бездну честныхъ сыновъ Израиля, которые, по видимому, въ Виртембергѣ не такъ

исключительно заняты торговыми оборотами, какъ въ другихъ мѣстахъ, и оттого не рѣдко, во что бы то ни стало, предаются веселому и шумному пьянству. Особенно примѣчательно въ Гейслингенѣ необъятное множество вещей, выдѣланныхъ изъ кости, которыми женщины ведутъ здѣсь довольно значительный и не менѣе того докучный для путешественниковъ торгъ. Лишь только остановится коляска, ее окружаютъ и берутъ приступомъ. Эти неустрашимыя амазонки на всѣхъ возможныхъ языкахъ пропищатъ одну и туже несносную просьбу, и вы не отдѣлаетесь отъ нихъ даже и тогда, когда накупите полныя руки произведеній неистощимой ихъ промышленности.

Между красивымъ мѣстечкомъ Гейслингеномъ и Дунаемъ возвышается значительная отрасль горнаго хребта, который у географовъ называется Швабскими Альпами; мы поднялись на него по излучинамъ довольно-медленно, что впрочемъ, при наступавшей ночи, не мало помогло нашему сну.

Уже только въ два часа утра, при великолѣпномъ блескѣ луны, могли мы составить себѣ понятіе о физіогноміи Ульма. Если судить по наружности и если мы не были обмануты поэтическимъ величіемъ, которое, при томномъ блескѣ луны, не рѣдко искажаетъ формы, городъ долженъ быть однимъ изъ любопытнѣйшихъ для художника. Въ его широкихъ, звучныхъ улицахъ, неровные и черные зубцы поднимались къ небу, усѣянному звѣздами, и бросали огромную тѣнь на противоположныя стѣны. Тамъ и сямъ нѣсколько готическихъ башенъ и высокихъ церквей съ синеватымъ отливомъ, составляли рѣзкій контрастъ съ блескомъ домовъ, покрытыхъ лакомъ, и оконныхъ стеколъ, всегда чисто вымытыхъ въ Нѣмецкомъ городѣ. Скоро вся эта картина перемѣнилась, и спустя нѣ-

сколько минутъ, мы катились опять по роскошнымъ и открытымъ полямъ, орошаемымъ Дунаемъ, близость котораго разливала въ воздухѣ прохладу.

День засталъ насъ въ Баварскихъ владѣніяхъ. Аугсбургъ столько возбуждаетъ любопытство путешественника, что конечно болѣе другихъ Нѣмецкихъ городовъ привлечетъ вниманіе; но тѣ, которые, подобно намъ, будутъ только бродить по его неровнымъ улицамъ и глазѣть, вправо и влѣво, на высокіе дома, украшенные фресками, должны удержаться отъ всякаго описанія, потому, что замѣтки, какія можно составить во время проѣзда, непремѣнно станутъ сбивчивыми и почти уничтожатся, пока доѣдешь до слѣдующей станціи. По этому, для тѣхъ, кто непремѣнно хочетъ все описывать, не остается другаго средства, какъ географическіе словари, книги, безъ сомнѣнія полезныя, но гораздо проще указать на нихъ читателямъ.

Когда приближаешься къ Мюнхену, значительное движеніе народа и экипажей всѣхъ родовъ тотчасъ возвѣщаетъ столицу, а когда въѣдешь въ нее, то ничто не уменьшаетъ той высокой степени, какую занимаетъ этотъ большой и прекрасный городъ въ Баварскомъ королевствѣ. Путешественники, насытившись историческими богатствами, за которыя Аугсбургъ и Нюрембергъ обязаны среднимъ вѣкамъ, съ удовольствіемъ пріѣзжаютъ въ Мюнхенъ отдохнуть отъ удивленія и полюбоваться здѣсь результатами новѣйшаго искусства, со вкусомъ присвоившаго себѣ строгую красоту Греческаго стиля. Мало городовъ въ свѣтѣ, гдѣ архитектура была бы въ такой чести, какъ въ столицѣ Баваріи. Навѣрно нѣтъ другаго города, гдѣ богатыя коллекціи предметовъ искусства были бы собраны съ такимъ вѣрнымъ чувствомъ прекраснаго, такъ

тщательно сберегаемы и съ такимъ удобствомъ размѣщены какъ здѣсь. Они, дѣйствительно, хранятся въ обширныхъ зданіяхъ, нарочно построенныхъ и расположенныхъ для спеціальнаго ихъ назначенія, а это рѣдкость въ другихъ мѣстахъ. Не должно также удивляться множеству новыхъ и великолѣпныхъ построекъ, которыми городъ обогатился въ послѣднія двадцать лѣтъ. Когда работы, выполненныя на счетъ казны, представляютъ такіе прекрасные образцы, то нѣтъ мудренаго, что частные люди слѣдуютъ этому художественному направленію и предаются склонности, примѣръ которой видятъ свыше. Вотъ какимъ образомъ возбуждаютъ въ народѣ любовь къ искусствамъ и доставляютъ ему болѣе счастія, вводя въ его домашній бытъ и привычки изящество, которое благотворно дѣйствуетъ на общественные нравы и умственное благосостояніе.

Улицы Мюнхена нельзя назвать вообще правильными, но нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ дѣйствительно благородный и величественный видъ. Желательно бы видѣть на нихъ побольше толпы, побольше этой одушевленной и шумной жизни, которая служитъ признакомъ многолюдства и дѣятельности. Здѣсь не городъ малъ для народа, а на оборотъ, народу недостаточно для города: сто тысячъ жителей для другаго мѣста, конечно слишкомъ много; но для такого города, какъ Мюнхенъ, числа этого, можетъ быть, недостаточно. Мы рѣшились посвятить цѣлыя сутки бѣглому обзору нѣкоторыхъ частей этого прекраснаго города. При наступленіи вечера, мы расположились на ночлегъ въ гостинницѣ, весьма удобной для предпринятаго нами странствованія.

На другой день мы испытали, какъ быстро текутъ часы, когда на каждомъ шагу васъ останавливаютъ

предметы, болѣе и болѣе возбуждающіе вниманіе. Нѣсколько необходимыхъ визитовъ отняли у насъ часть утра и мы поспѣшили отправиться въ картинную галлерею, которая помѣщается въ обширномъ зданіи, примыкающемъ ко дворцу, гдѣ имѣетъ пребываніе король. Войдя въ эти огромныя залы, мы поняли, что онѣ займутъ у насъ цѣлый день, а прочихъ богатствъ Мюнхена, по недостатку времени, намъ не удастся видѣть: коллекція картинъ, на которую пришли мы подивиться, безспорно одна изъ самыхъ пріятныхъ, какія только можно видѣть. Выборъ ея свидѣтельствуетъ о глубокомъ изученіи и знаніи дѣла, за что надобно отдать справедливость королю, возродившему въ Баваріи искусства и науки, которыя онъ самъ любитъ и обрабатываетъ. Галлерея преимущественно богата картинами художниковъ Голландской школы, которая прислала сюда множество наивныхъ и прелестныхъ произведеній. Нигдѣ нельзя любоваться лучшими портретами Ванъ-Дика; въ цѣломъ свѣтѣ, кромѣ Мюнхена, не найдется такой огромной залы, наполненной геніемъ Рубенса. Эта часть коллекціи по истинѣ самая привлекательная, потому что даетъ вѣрнѣйшее понятіе о богатствѣ и плодовитости таланта великаго художника. Я не буду исчислять здѣсь всѣ превосходныя картины, которыя занимали и восхищали насъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ; упомяну только, въ искреннюю похвалу архитекторамъ, создавшимъ великолѣпную Мюнхенскую галлерею, о превосходномъ распредѣленіи свѣта: въ этомъ отношеніи, ни одинъ Европейскій музей не расположенъ такъ счастливо. Просторныя залы, гдѣ находятся картины большаго размѣра, освѣщаются сверху; а маленькія картины, драгоцѣнныя бездѣлки искусства, которыхъ вся прелесть зависитъ нерѣдко отъ болѣе или менѣе

благопріятной разстановки, помѣщены въ длинномъ ряду комнатъ, идущихъ параллельно съ залами, и такъ освѣщены, что можно разсмотрѣть мельчайшія подробности.

Выходя изъ богатаго Мюнхенскаго музея, мы невольно поражены были видомъ живаго существа, которое въ своемъ родѣ истинная рѣдкость, совершенно соотвѣтствующая своему мѣсту и обязанностямъ, на него возложеннымъ. Сторожъ, охраняющій величественное преддверіе галерей, сначала не обратилъ на себя нашего вниманія; и уже только при выходѣ, когда одинъ изъ насъ подошелъ къ его особѣ, испещренной золотомъ и галунами, мы къ великому удивленію замѣтили гигантскіе размѣры этого Голіаѳа. Имѣя почти семь футовъ вышины, онъ между тѣмъ такъ хорошо сложенъ, что, не смотря на баснословные свои размѣры, напоминаетъ о Фарнезскомъ Геркулесѣ. Великанъ, не безъ гордости, наслаждался крайнимъ изумленіемъ нашимъ, и отвѣчалъ на вопросы съ кроткимъ добродушіемъ, которое дѣлаетъ честь его мягкому и пріятному характеру.

Вторичное, но кратковременное посѣщеніе скульптурнаго музея, зданія рѣдкаго совершенства, предназначеннаго собственно для произведеній ваянія, — доставило намъ возможность оцѣнить богатства глубокой древности, пріобрѣтенныя Баварскимъ правительствомъ въ послѣдніе годы. Нигдѣ нѣтъ лучшаго распоряженія, какъ въ этой прекрасной и благородной галлереѣ, нигдѣ, повторяю, нѣтъ украшеній, болѣе изящныхъ и болѣе соотвѣтствующихъ назначенію зданія.

Непродолжительная прогулка по прекраснымъ садамъ замка едва позволила намъ обозрѣть королевскую резиденцію. День, посвященный такимъ любопытнымъ наблюденіямъ, прошелъ слишкомъ скоро; тѣмъ болѣе, что мы должны были торопиться и ѣхать въ Вѣну, гдѣ давно уже насъ ожидали товарищи, готовые раздѣлить съ нами далекія странствованія.

Чрезъ Браунау въѣхали мы въ Австрійскую имперію. Мы прибыли туда на разсвѣтѣ. Этотъ городокъ, странно расположенный, состоитъ изъ одной улицы, не длинной, но чрезвычайно широкой. На каждомъ концѣ ея возвышаются старинныя ворота съ сторожевою башней; два фонтана, въ живописномъ вкусѣ, симметрически устроены одинъ противъ другаго посреди этой просторной улицы; въ домахъ, возвышающихся по сторонамъ ея, мало оконъ, и тѣ заботливо закрыты рѣшетками, по Испански; кровли, скатъ которыхъ идетъ назадъ, незамѣтны съ улицы, такъ что Браунау очень походитъ на Турецкій городъ. Здѣсь-то посѣтила насъ Австрійская таможенная стража, съ проворствомъ и услужливою снисходительностію.

Не смотря на нестерпимую медленность Австрійскихъ почтальоновъ, которыхъ ни просьбы ни угрозы не заставятъ ѣхать рысью при подъемѣ на самую малѣйшую возвышенность, Нильдорфъ, Ридъ и Унтеръ-Гакъ, маленькіе, но красивые и оживленные городки, остались за нами; мы остановились на минуту въ Ламбахѣ, обширномъ мѣстечкѣ, прекрасно расположенномъ надъ рѣкою, воды которой, неподалеку оттуда, у Линца, вливаются въ Дунай. Вечеромъ мы прогуливались на Энсѣ, древней Аниціи, которая передала нынѣшнее наименованіе свое одному изъ рукавовъ Дуная. Въ ожиданіи безконечныхъ приготовленій къ самому скромному ужину, мы осмотрѣли большую, четвероугольную башню, уединенно возвышающуюся посреди эспланады. Эта башня, со сводомъ

въ нижней части, кажется, служила воротами и сторожевою башнею въ то время, когда городъ Энсъ, менѣе обширный, подобно большей части окрестныхъ мѣстъ, былъ защищаемъ стѣною и запираемъ съ обоихъ концовъ. И въ настоящемъ своемъ видѣ, памятникъ этотъ достоинъ вниманія. Почти вся его поверхность покрыта фресками. Огромный циферблатъ, видный быть можетъ за милю, показываетъ часы; нижняя часть башни украшена множествомъ надписей на латинскомъ языкѣ. Одна изъ этихъ легендъ, съ точностію указывающая время постройки зданія, повѣствуетъ, что оно начато въ 1544 и окончено въ 1548 году. Другая легенда, двумя двустишіями плохой латыни расказываетъ исторію этого города, который воздвигнутъ на развалинахъ древняго города, куда не погнушались придти святые евангелисты Маркъ и Лука, для проповѣданія истинъ христіанства. Вотъ эти двустишія, мы списали ихъ для тѣхъ, кого сколько нибудь занимаетъ латынь XVI вѣка:

Aspicis exiguam nec magni nominis urbem
Quam tamen aeternus curat amatque Deus;
Haec de Laureaco reliqua est; his Marcus in oris
Cum Lucà, Christi dogma professus erat.

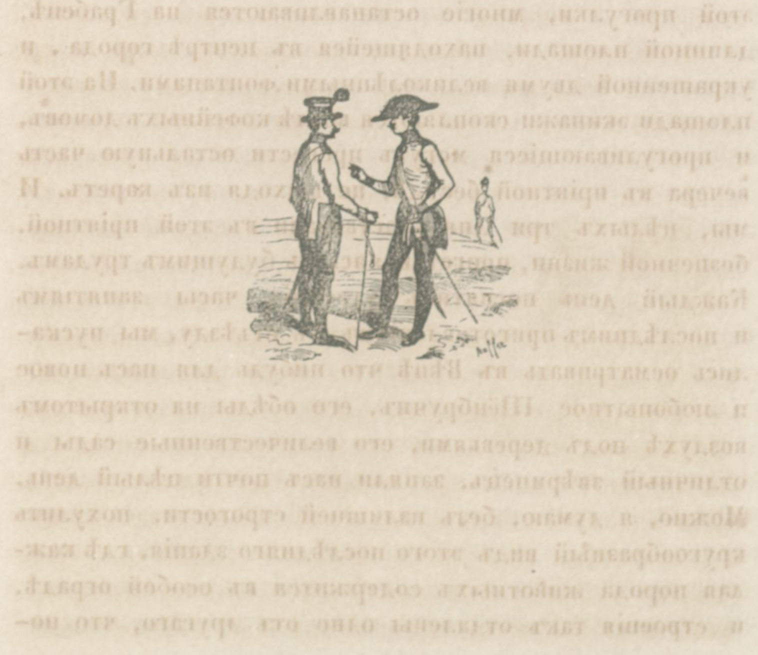
Темнота, наступившая все-таки прежде ужина, прекратила нашу прогулку и мы вскорѣ ввѣрили себя осторожнымъ почтовымъ лошадямъ, которыя въ цѣлую ночь провезли насъ не болѣе десяти Французскихъ миль, или сорока Русскихъ верстъ; по Русской ѣздѣ, для такаго переѣзда, нужно не болѣе трехъ часовъ. Наконецъ 27 іюня, около восьми часовъ утра, мы достигли до мѣстечка Мёлькъ, съ его прекраснымъ монастыремъ, чудно раскинутымъ и возвыша-

ющимся на берегу Дуная. Въ немъ находится небольшое число монаховъ Бенедиктинскаго ордена, которые ведутъ жизнь благочестивую, обычную древнимъ отшельникамъ. Императоръ Наполеонъ, занявъ Вѣну въ 1809 году, посѣтилъ эту обитель. Онъ говорилъ, что предпочитаетъ это мѣсто всѣмъ другимъ, которыя ему случалось видѣть въ покоренныхъ имъ странахъ. И точно, зданіе это, довольно похожее на гнѣздо орла, скрывающееся въ облакахъ, должно было понравиться человѣку съ такимъ пламеннымъ воображеніемъ. На паркетѣ одной монастырской залы, которая служитъ нынѣ пріемною комнатою, намъ показали слѣды сожженныхъ имъ писемъ. Около пяти часовъ вечера, необыкновенное движеніе, густыя облака пыли, множество экипажей, прекрасныхъ женщинъ и ловкихъ всадниковъ возвѣстили намъ близость Вѣны. Къ вечеру мы въѣхали въ эту прекрасную столицу, болѣе часу пробирались по длинному предмѣстію и наконецъ достигли давно приготовленныхъ для насъ квартиръ. Съ этой минуты всѣ члены моей экспедиціи находились въ сборѣ.

Товарищи, меня ожидавшіе, уже успѣли подробно обозрѣть Вѣну и были вполнѣ довольны ея учеными сокровищами. Они хвалили не только высокое достоинство ученыхъ, съ которыми случилось имъ разговаривать, но также вѣжливость, предупредительность и услужливость, какія встрѣчали во вседневныхъ отношеніяхъ своихъ. — Долго ожидая меня, они не упустили случаевъ повеселиться, когда было можно соединить веселье съ учеными занятіями. Они восхищались веселостью и дѣятельностью, господствующими въ Вѣнѣ, которую по шуму, движенію, а въ особенности по обнаруживающейся всюду потребности въ забавахъ и развлеченіи, почти нельзя назвать

Нѣмецкимъ городомъ. Осень здѣсь самое прекрасное время года, и публика каждый вечеръ наслаждается прогулками, празднествами, музыкою и преимущественно вальсированіемъ подъ звуки Штраусова оркестра. Жители средняго сословія отправляются дышать чистымъ воздухомъ и веселиться по-своему въ общественныхъ садахъ, расположенныхъ за городомъ. Ничто не можетъ сравниться съ прелестью здѣшнихъ женщинъ, умѣющихъ одѣваться кокетливо и съ большимъ вкусомъ. Въ то время, когда сады горятъ въ огняхъ и веселые простолюдины шумно веселятся при звукахъ музыки, высшій классъ Вѣнскаго общества прогуливается, соблюдая болѣе тишины, въ обворожительномъ Пратерѣ. Это прекрасный лѣсъ, гдѣ нерѣдко олени, испугавшись народа, бросаются въ рядъ блестящихъ экипажей и несутся черезъ широкія аллеи. Возвращаясь съ этой прогулки, многіе останавливаются на Грабенѣ, длинной площади, находящейся въ центрѣ города, и украшенной двумя великолѣпными фонтанами. На этой площади экипажи скопляются возлѣ кофейныхъ домовъ, и прогуливающіеся могутъ провести остальную часть вечера въ пріятной бесѣдѣ, не выходя изъ каретъ. И мы, цѣлыхъ три дня участвовали въ этой пріятной, безпечной жизни, приготовляясь къ будущимъ трудамъ. Каждый день посвятивъ утренніе часы занятіямъ и послѣднимъ приготовленіямъ къ отъѣзду, мы пускались осматривать въ Вѣнѣ что нибудь для насъ новое и любопытное. Шёнбруннъ, его обѣды на открытомъ воздухѣ подъ деревьями, его величественные сады и отличный звѣринецъ, заняли насъ почти цѣлый день. Можно, я думаю, безъ излишней строгости, похулить кругообразный видъ этого послѣдняго зданія, гдѣ каждая порода животныхъ содержится въ особой оградѣ, и строенія такъ отдалены одно отъ другаго, что по-

сѣщеніе всѣхъ отдѣленій составляетъ продолжительную и утомительную прогулку. Мы не хотѣли оставить этого прекраснаго загороднаго мѣста, не покатавшись на такъ называемыхъ Русскихъ горахъ, устроенныхъ въ красивомъ саду, неподалеку отъ Шёнбрунна. Наконецъ, благодаря благосклонной услужливости, которую я нашелъ во всѣхъ, съ кѣмъ мнѣ доводилось имѣть дѣло, приготовленія наши кончились. Рѣшившись сами плыть по Дунаю, мы наняли мѣста на одномъ изъ пароходовъ компаніи, содержащей сообщеніе изъ Песта внизъ по теченію рѣки, и немедленно отправились. Что касается до подробнаго осмотра и описанія прекрасной Австрійской столицы, то это я былъ вынужденъ отложить до того времени, когда возвращусь назадъ и буду имѣть болѣе досуга.

II.

ИЗЪ ВѢНЫ ВЪ БУХАРЕСТЪ.

Прибывъ въ Вѣну, я еще находился въ нерѣшимости на счетъ пути какой намъ слѣдовало избрать. Отсюда намъ должно было ѣхать черезъ такія мѣста, которыя, обыкновенно, мало бываютъ посѣщаемы, но въ которыхъ мы могли замѣтить много новаго и любопытнаго. Я могъ ѣхать до Одессы или водою внизъ по Дунаю, черезъ Галацъ и потомъ по Черному морю; или сухимъ путемъ, который идетъ къ сѣверу и ведетъ въ Россію, чрезъ Лембергъ и Броды или Черновоцъ. Посовѣтовав-

шись въ Вѣнѣ, я избралъ первый изъ этихъ двухъ путей, потому что основываясь на достовѣрныхъ справкахъ, имѣлъ причину опасаться значительныхъ препятствій на границѣ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, часто случается, что когда въ южной Россіи идутъ продолжительные дожди, то по дорогамъ почти нельзя проѣхать; дороги эти размываются и степи образуютъ обширное море грязи, среди которой не видно ни какого слѣда. Горе Европейской каретѣ, отваживающейся пускаться по этой пучинѣ, гдѣ едва не утопаютъ даже легкія телѣги мѣстныхъ жителей! Притомъ нашъ караванъ состоялъ изъ семнадцати человѣкъ, для которыхъ надобно было по меньшей мѣрѣ пять экипажей, включая сюда и фургонъ со снарядами и поклажей членовъ экспедиціи. Подобный поѣздъ требовалъ не менѣе тридцати или сорока лошадей. Почти невозможно было ѣхать по такой дорогѣ, нѣсколько дней сряду, съ желаемою исправностію. По этимъ причинамъ, мы предпочли пароходъ, отправляющійся изъ Вѣны въ Галацъ, и съ общаго согласія рѣшились отправиться внизъ по Дунаю. Этотъ путь представлялъ для насъ много удобствъ. Вопервыхъ мы избѣгали непріятности быть разлученными, а во вторыхъ этотъ способъ ѣзды, совершенно пригодный для чтенія и занятій всякаго рода, доставлялъ намъ возможность вмѣстѣ наблюдать все, что могло представиться на пути. Сверхъ того по Дунаю очень еще недавно начали ходить пароходы, и потому самое плаваніе по этой рѣкѣ могло представить для насъ много занимательнаго. Дунай, подобно многимъ большимъ рѣкамъ Европы, составляетъ важный торговый путь, и съ недавнихъ поръ сталъ предметомъ особеннаго вниманія журналистовъ. Недавно въ Journal des Débats было напечатано нѣсколько писемъ, замѣчательныхъ, какъ по

слогу, такъ и по учености автора ихъ. Въ этихъ письмахъ содержатся идеи вѣрныя и остроумныя о сообщеніи по Дунаю, много обѣщающемъ въ будущемъ. Эти письма, хотя писанныя въ тонѣ нѣсколько шутливомъ, очень много содѣйствовали къ тому, что и мы рѣшились плыть по этой рѣкѣ, надѣясь, что корреспондентъ Journal des Débats описалъ эту рѣку не вполнѣ и что мы въ свою очередь замѣтимъ еще многое, ускользнувшее отъ его вниманія. И въ самомъ дѣлѣ не должны ли были остаться незамѣченными имъ кое-какія подробности обыкновенной жизни на этихъ берегахъ, при описаніи которыхъ его воображеніе такъ счастливо вызвало всѣ великія воспоминанія Дакіи и Рима, всю поэзію исторіи и преданій, которыми онъ думалъ одушевить свое повѣствованіе! Корреспондентъ этотъ написалъ краснорѣчивую рѣчь на открытіе одного изъ величайшихъ торжествъ новѣйшаго времени по случаю соединенія Востока съ Западомъ, посредствомъ Дуная. Что касается до насъ, путешествующихъ послѣ него, то отказываясь отъ блестящихъ высшихъ взглядовъ, мы скромно раскажемъ, какимъ образомъ мало по малу происходитъ сліяніе двухъ частей свѣта, которыя Дунай, такъ долго раздѣлявшій ихъ, долженъ соединить.

Мы заняли мѣсто на компанейскомъ пароходѣ «Францъ 1-й», долженствовавшемъ идти изъ Песта въ Дрелково 5-го іюля. Я не могъ умѣрить отваги моихъ спутниковъ и предоставилъ имъ полную свободу ввѣриться не очень опаснымъ случайностямъ плаванія на плоскодонныхъ судахъ, которыя ходятъ изъ Вѣны, внизъ по Дунаю, чрезъ Пресбургъ до Песта: они весело отплыли подъ начальствомъ Сенсона. А самъ я отправился 3-го іюля просто на почтовыхъ. Разстояніе отъ Вѣны до границы Венгріи не велико, а между тѣмъ

какая разница между превосходными дорогами въ Австріи и весьма плохими дорогами въ Венгріи. Не вдаваясь въ излишнія изысканія, легко видѣть можно, что причина этой разницы неразрывно соединена съ особеннымъ родомъ правленія, издревле установленнымъ въ Венгріи, и что средства къ исправленію зла могутъ быть употребляемы только съ крайнею осторожностію въ такой странѣ, гдѣ, въ силу основныхъ законовъ, дворянство изъято отъ налоговъ всякаго рода. Дворянство же въ Венгріи заключаетъ въ себѣ все древнее поколѣніе Венгерцевъ, т. е. всѣхъ землевладѣльцевъ; и потому не удивительно, что работы для общественной пользы, падая исключительно на бѣдные классы, дурно выполняются и что всѣ построенія худо поддерживаются. Правда, въ послѣднее время многіе изъ значительныхъ владѣльцевъ, оставивъ въ сторонѣ мелочную расчетливость, вознамѣрились улучшить положеніе дѣлъ въ своемъ отечествѣ. Въ главѣ этихъ благородныхъ мужей, разумныхъ поклонниковъ долга, отличается человѣкъ, который неминуемо будетъ имѣть благотворное вліяніе, въ странѣ, пламенно желающей улучшенія: это графъ Стефанъ Зеченій. Съ своей стороны сеймъ также не противится ощутительному стремленію народа къ прогрессу. Нѣкоторыя изъ вновь изданныхъ имъ распоряженій уже обнаруживаютъ похвальную наклонность къ матеріальнымъ улучшеніямъ, которыя нынѣ составляютъ явную потребность Европейскаго общества. Особенно слѣдуетъ замѣтить, что попытки сейма отличаются ясностію, опредѣлительностью, чужды отвлеченныхъ теорій и направлены къ единственной цѣли — благоденствію страны, такъ, что Венгрію, по всей вѣроятности, ожидаетъ новая эра благоденствія. Сеймъ побуждаемый силою обстоя-

тельствъ, безъ всякаго сомнѣнія, понялъ свое высокое назначеніе: преобразовать мало по малу педальновидные законы, которые, въ странѣ уже требующей наконецъ своей доли въ общемъ Европейскомъ благосостояніи, могли бы обратиться въ неодолимую преграду ко всякимъ улучшеніямъ въ будущемъ, именно могли бы воспрепятствовать устройству хорошихъ проѣзжихъ дорогъ, каналовъ, мостовъ и желѣзныхъ дорогъ. Первымъ условіемъ этого постепеннаго улучшенія, котораго, какъ мы видимъ, достигаетъ Венгрія съ постоянною и предусмотрительною медленностію, будетъ, вѣроятно прежде всего, введеніе болѣе справедливой раскладки податей. Тогда по добросовѣстному соглашенію, каждый мѣстный житель, отказавшись отъ своихъ частныхъ, тягостныхъ для всѣхъ другихъ гражданъ преимуществъ, приметъ участіе въ общественныхъ повинностяхъ.

Устройство почтъ въ Венгріи, основанное на правилѣ общаго соперничества, не совсѣмъ оправдываетъ, какъ намъ кажется, похвалы, возданныя ему недавно однимъ знаменитымъ Французскимъ вельможею. Содержаніе почты, будучи предоставлено частнымъ промышленникамъ, очевидно прибыльно для тѣхъ, кто имъ занимается, потому что оно доставляетъ случайный барышъ, который увеличиваетъ доходъ, получаемый уже хозяиномъ отъ употребленія лошадей при земледѣльческихъ работахъ. Но эта система выгодная для владѣльцевъ лошадей, не такъ-то выгодна для путешественниковъ, принужденныхъ часто дожидаться, пока приведутъ лошадь отъ сохи и пока пахарь преобразится въ почтальона. Зло поправить очень легко; пусть лошадей заготовляетъ правительство: оно не станетъ содержать ихъ для двухъ различныхъ цѣлей.

Въ Пресбургѣ мы пробыли такое короткое время, что

могли составить себѣ только самое поверхностное понятіе объ этой древней столицѣ. Хотя Пресбургъ съ 1790 г. замѣненъ въ качествѣ столицы Будою, однакожь въ немъ и до сихъ поръ засѣдаетъ сеймъ. Естественно, что сосѣдство законодательной Венгерской власти благопріятно для Австріи, и она вполнѣ предоставляя Будѣ степень столицы, слѣдующую этому городу по его важности, оставляетъ однакожь въ Пресбургѣ засѣданіе обѣихъ палатъ, рѣшенія которыхъ тотчасъ передаются въ Вѣну. При видѣ этого простаго дома и этихъ залъ, устроенныхъ во вкусѣ и характерѣ самомъ простонародномъ, гдѣ вмѣсто всякаго украшенія, стоятъ большія деревянныя скамьи, покрытыя свѣжими чернильными пятнами, вы думаете, что находитесь въ обширномъ классѣ какого нибудь училища. По такому недостатку украшеній, можно бы предположить, что столь бѣдная наружность этой политической палаты представляетъ разительную противоположность съ великолѣпіемъ костюмовъ, блескомъ сабель, шпоръ, и отличій какими обыкновенно окружаетъ себя дворянство; можно бы подумать, что эта чрезмѣрная простота есть признакъ холодности или презрѣнія къ святилищу законовъ, если бы не было доказательствъ, что подъ простотою нѣсколько грубою, среди законодателей, такъ дурно помѣщенныхъ, высказывается глубокая преданность обязанностямъ, на нихъ возложеннымъ; и уваженіе къ закону, царствующее внутри палаты, заставляетъ забывать о бѣдности ея убранства.

Впрочемъ Пресбургъ такой городъ, который долженъ оставить по себѣ воспоминаніе даже и въ тѣхъ, кто проѣзжаетъ черезъ него въ торопяхъ. Онъ стоитъ въ пріятномъ мѣстоположеніи, на лѣвомъ берегу Дуная, а на другой сторонѣ рѣки, разстилается густая масса

зелени; тамъ жители Пресбурга обыкновенно наслаждаются прогулкою; это мѣсто заслуживаетъ того, чтобы его осмотрѣть. Надъ самымъ городомъ возвышается дворецъ, отъ котораго теперь остались только развалины, но мѣстоположеніе его такъ счастливо, что ему мало подобныхъ въ Европѣ. Пресбургъ имѣетъ также нѣсколько замѣчательныхъ памятниковъ и всѣ общественныя заведенія, какія обыкновенно заключаетъ въ себѣ издавна процвѣтающій столичный городъ.

4-го іюля послѣ полудня, прибыли мы въ Офенъ или Буду, городъ по преимуществу Венгерскій. Съ высоты скалы, на которой онъ находится, видны всѣ четыре большія предмѣстья его, лѣстницей спускающіяся къ самому Дунаю, а на другой сторонѣ рѣки, на лѣвомъ ея берегу, является Пестъ, во всемъ величіи, со всею роскошью новаго и уже богатаго города. Буда, своимъ величественнымъ видомъ, довольно напоминаетъ, что она представительница той исторической Венгріи, которая такъ долго была счастлива, сильна и независима. Подъ владычествомъ Римлянъ городъ этотъ назывался *Сикамбріею*, и преданіе гласитъ, что нынѣшнее имя присвоено ему въ память Аттилова брата, Буды. Какъ бы то ни было, Буда напоминаетъ доблестную исторію Венгріи, которая начинается отъ завоеванія Арпада, доходитъ до воцаренія, въ одинадцатомъ вѣкѣ, династіи Стефана, продолжается подъ владычествомъ двадцати трехъ королей его колѣна и государей отрасли Анжу, до Владислава II, издавшаго сводъ законовъ, и оканчивается Лудовикомъ II, смерть котораго въ Могакѣ въ 1526 г., повлекла за собою паденіе древней Венгерской монархіи.

Буда, отторгнутая отъ своихъ законныхъ государей находилась въ теченіе слишкомъ полутора столѣтія во власти Турокъ и сохранила слѣды ихъ насильственнаго владычества. Свидѣтелями тому служатъ бани этого города, чисто-восточныя, и его колокольни, очень похожія на минареты. Но лишь только неукротимые побѣдители были изгнаны, какъ всѣ представители Венгерской національности соединились для изглаженія оскорбленія, нанесеннаго священнымъ стѣнамъ Буды. Въ Будѣ хранятся корона святаго Стефана, его держава и скипетръ. Въ ней же имѣютъ мѣстопребываніе намѣстникъ королевства и высшіе чины духовенства. Съ тѣхъ поръ, какъ Венгрія, послѣ долговременныхъ потрясеній, признала наслѣдственныя права Австрійскаго дома, Буда снова получила вполнѣ заслуженное ею титло столицы.

Не много найдется мѣстоположеній, которыя были бы замѣчательнѣе того, какое занимаютъ Буда и Пестъ; хотя они и отдѣлены другъ отъ друга широкою рѣкою Дунаемъ, однакожь на самомъ дѣлѣ составляютъ одинъ городъ. Въ Пестѣ считается шестьдесятъ тысячъ жителей; онъ исполненъ шума и движенія; это городъ дѣятельный, непокойный, трудолюбивый: онъ больше производитъ, чѣмъ потребляетъ. Прекрасныя улицы и широкія набережныя, окаймленныя зданіями изящнаго вкуса, предназначены для торговли, которая здѣсь ежедневно увеличивается.

Едва успѣлъ я осмотрѣть нѣкоторыя улицы самыхъ замѣчательныхъ кварталовъ и болѣе достойные вниманія своею наружностію памятники, какъ меня извѣстили о прибытіи тѣхъ изъ моихъ спутниковъ, которые для проѣзда въ Пестъ выбрали веселую прогулку по Дунаю. Они были въ восхищеніи отъ своего трехдневнаго плаванія. Описаніе этой кратковременной разлуки тотчасъ передано было мнѣ, и я,

во избѣжаніе смѣшенія ихъ замѣчаній съ послѣдующими нашими наблюденіями, произведенными и описанными вмѣстѣ, помѣщаю здѣсь отдѣльно замѣтки этихъ господъ, которые говорятъ отъ общаго имени, хотя по частнымъ своимъ впечатлѣніямъ.

« Получивъ ваши наставленія относительно будущаго соединенія нашего, мы не замедлили собраться, 2 іюля, на берегу Дуная, въ томъ мѣстѣ, которое назначилъ судовщикъ, взявшійся доставить насъ оттуда въ Пресбургъ. Съ этого именно дня начинается наше выступленіе въ походъ. Мы одѣлись въ простое и одинаковое платье, котораго и не скидали во все продолженіе путешествія. Въ такомъ нарядѣ сѣли мы въ большую лодку, въ которой хозяинъ, согласно своему обѣщанію, устроилъ намъ довольно удобное помѣщеніе. Лодка этого рода заслуживаетъ описанія потому, что она составляетъ почти неизмѣнный типъ тѣхъ судовъ, которыя встрѣчаются по всему Дунаю, отъ Вѣны до мѣстъ лежащихъ близь его устья. Эти суда вообще большаго размѣра и грубой постройки ; на нихъ устроенъ большой шалашъ, занимающій почти всю длину судна ; онъ имѣетъ отъ 7 до 8 футовъ вышины, покрытъ отлогою кровлею и походитъ на домикъ. Въ немъ помѣщается амбаръ, заключающій въ себѣ всю кладь; даже пассажиры, если только имъ не противенъ запахъ всякаго рода товаровъ, находятъ здѣсь пріютъ. Передняя и задняя части лодки походятъ одна на другую по своему приподнятому деку, а руль, прикрѣпленный къ кормѣ простыми веревками, приводится въ движеніе однимъ или нѣсколькими человѣками, которые стоятъ на особо устроенномъ для того мѣстѣ крыши. Эти плавающіе шалаши очень легко спускаются внизъ по Дунаю; но когда имъ приходится подниматься вверхъ по рѣкѣ, то этой цѣли хозяева ихъ достигаютъ съ безконечными трудами и съ помощію средствъ болѣе живописныхъ, чѣмъ остроумныхъ, о которыхъ мы поговоримъ ниже.

Хозяинъ лодки считалъ насъ не совсѣмъ обыкновенными пассажирами, вѣроятно потому, что мы дали безъ торгу выпрошенную имъ незначительную цѣну. Почитая насъ горными чиновниками, безъ сомнѣнія по нашимъ фуражкамъ, украшеннымъ двумя молотками, расположенными крестъ на крестъ, онъ предоставилъ намъ шканцы, надъ которыми красиво драпировался старый парусъ. Наши чемоданы, разставленные въ видѣ дивана, занимали окружность этой импровизированной залы, а для огражденія насъ отъ всякаго докучливаго общества, накрѣпко заколотили дверь въ шалашъ, гдѣ пассажиры, за низкую цѣну, въ безпорядкѣ помѣщались среди кусковъ сала и свертковъ кожи, отъ которой запахъ проходилъ чрезъ перегородку. Пассажиры эти, большею частію, были промышленные Евреи, отправлявшіеся въ Пресбургъ по торговымъ дѣламъ. Въ ту минуту, какъ мы сходили съ берега, явился новый спутникъ : мы спѣшили оказать ему требуемое учтивостью гостепріимство и узнали, что этотъ путешественникъ былъ капитанъ піонеровъ, который съ двумя маленькими, прехорошенькими дочками отправлялся на небольшое разстояніе отъ Вѣны.

« Мы скоро оставили за собою городъ, его предмѣстія, перерѣзанныя садами, и величественную зелень Пратера. При выѣздѣ нашемъ изъ Вѣны, къ намъ приблизилась небольшая лодка съ людьми, которые должны были осмотрѣть наши паспорты. Этотъ осмотръ проворно былъ исполненъ унтеръ-офицеромъ, который, возвращая намъ бумаги, учтиво пожелалъ счастливаго пути. Мы были тронуты такою вѣжливостію ; конечно, она

дѣло очень обыкновенное, но поразила насъ потому, что не вездѣ соблюдается въ подобныхъ случаяхъ, и при сношеніяхъ съ полиціею рѣдко случается, чтобы осматриватель и осматриваемый остались довольны другъ другомъ.

« Дунай, ниже Вѣны, раздѣляется на множество рукавовъ, между которыми лежатъ довольно обширные острова, однобразно покрытые лугами и обильною, молодою растительностію. Теченіе рѣки несло насъ быстро; за берегами мы могли видѣть только верхи большихъ городскихъ зданій и превосходный шпицъ св. Стефана, который красиво и ярко рисовался на темной лазури длиннаго хребта, отдѣляющаго Австрію отъ королевства Богеміи.

« Это путешествіе, начавшееся въ сладостную пору утра, было прелестною прогулкою. Оно продолжалось по зеленоватымъ водамъ Дуная; мы, съ большою быстротою, огибали справа и слѣва множество островковъ, поросшихъ тополями. Время отъ времени появлялись то красивая деревенька, то веселый загородный домикъ, и тотчасъ исчезали за возвышеніями, покрытыми деревьями, которыя, казалось, бѣжали и какъ бы замыкали за нами излучистое ложе рѣки. Нѣсколько времени плыли мы въ этомъ лабиринтѣ водъ и зелени. Можно ли желать путешествія пріятнѣе? Вы совершаете путь быстро и въ тоже время отдыхаете мыслію на всѣхъ предметахъ, васъ окружающихъ: рѣдкое сочетаніе движенія и спокойствія!

« Спутникъ нашъ, капитанъ, молчалъ до тѣхъ поръ, пока Дунай, заключенный между островами, давалъ намъ возможность любоваться излучинами праваго берега. Но лишь только мы вошли въ каналъ болѣе обширный онъ скромно предложилъ нѣсколько вопро-

совъ, которые очевидно съ самаго отъѣзда, возбуждали его любопытство. Кто мы? какой на насъ мундиръ? Какая цѣль нашего путешествія? На вопросы его, выраженные со всѣми вѣжливыми и косвенными Нѣмецкими оборотами, мы дали отвѣты, смыслъ которыхъ удалось угадать нашему спутнику, не смотря на усилія троихъ изъ нашихъ товарищей составлять и произносить самыя короткія фразы. Съ этого завязался постоянный разговоръ, который былъ особенно поддерживаемъ со стороны капитана; онъ увидѣлъ, что имѣетъ дѣло хотя не съ искусными говорунами, однакожь съ понятливыми слушателями, и охотно сдѣлался нашимъ чичероне, выбирая, съ радушнымъ стараніемъ, тѣ изъ бросавшихся въ глаза предметовъ, которые намъ, какъ Французамъ, могли быть болѣе занимательны.

« Когда мы оставили за собою красивыя деревни Зиммерингъ и Нейгебаудъ, капитанъ обратилъ наше вниманіе на правый берегъ. « Эта остроконечная колокольня, сказалъ онъ, желѣзная крыша которой блеститъ изъ за деревьевъ, находится въ красивомъ мѣстечкѣ Эберсдорфъ. Тамъ въ 1809 г. нѣсколько дней находилась главная квартира Наполеона; Французская армія выступила по тремъ мостамъ вотъ съ этого большаго острова, что на лѣво. Вы тогда еще были молоды, господа, примолвилъ онъ, а я видѣлъ это. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь плывемъ, Дунай катилъ кровавыя волны; болѣе сутокъ страшный громъ пушекъ потрясалъ оба берега ». Покуда спутникъ нашъ разсказывалъ, мы разсматривали зеленѣющій и мирный теперь островъ Лобау и прелестную деревеньку Эберсдорфъ, гдѣ находятся замѣчательная фабрика металлическихъ издѣлій и прядильный заводъ. Время и трудъ человѣческій изгладили слѣды славныхъ и

кровавыхъ битвъ, которыя опустошали эту прекрасную страну. Такова возстановительная сила этихъ двухъ вѣчныхъ властей: между тѣмъ какъ ветераны, сражавшіеся при Эсслингенѣ и Лобау, каждый день, одинъ за другимъ, исчезаютъ съ лица земли, крѣпкія и полныя жизни деревья выростаютъ на этихъ боевыхъ поляхъ, и новое поколѣніе вновь созидаетъ то, что разрушили его отцы!

Ниже по теченію является деревня Петронелль, занимающая на правомъ берегу мѣсто древняго *Карнунтума*. Капитанъ увѣрялъ насъ, что когда роютъ по сосѣдству землю, то нерѣдко находятъ остатки Римскихъ построекъ. Онъ упомянулъ также о тріумфальной аркѣ (Heidenthor), называемой языческими воротами; постройку этой арки приписываютъ Тиверію, который воздвигнулъ ее, какъ думаютъ, въ память завоеванія Панноніи. На всѣ обязательныя указанія капитана, мы отвѣчали нѣсколькими словами, которыя онъ принималъ за знакъ нашего сожалѣнія о томъ, что мы не можемъ на досугѣ посѣтить эти любопытныя развалины.

«Около полудня мѣстность, мимо которой мы плыли, приняла видъ болѣе суровый. Дунай, текущій здѣсь однимъ только русломъ, сталъ значительно шире, возвышенные холмы тянутся по его правой сторонѣ и массы скалъ, какъ мысы, тамъ-и-сямъ вдаются въ воды его. Скоро показался городокъ Гембургъ. Онъ построенъ въ живописномъ углубленіи и надъ нимъ возвышаются развалины старой цитадели, расположенныя на вершинѣ круглой горы. Отъ этой цитадели, зубчатая стѣна, съ башнями по бокамъ, спускается къ городу и составляетъ его ограду. Это укрѣпленіе, напоминающее о младенческомъ состояніи фортификаціоннаго искусства, характеръ этихъ стѣнъ

съ частыми зубцами, башни тамъ-и-сямъ разбросанныя въ окрестности, носятъ отпечатокъ восточной архитектуры. Гембургъ, два раза разрушенный при нашествіяхъ Турокъ, два раза строился вновь. Нынѣ онъ процвѣтаетъ и увеличился множествомъ новыхъ построекъ. Расположенный на берегу небольшой бухты, онъ представляетъ, когда смотришь на него съ Дуная, чрезвычайно пріятную картину. Гембургъ, какъ говорятъ, имѣетъ 2800 жителей и табачную фабрику, на которой ежегодно обработываютъ до 200 т. центнеровъ табаку. Въ этомъ городкѣ повсюду видно довольство и благосостояніе. Здѣсь мы разстались съ нашимъ услужливымъ и свѣдущимъ капитаномъ, сожалѣя, что не могли подольше имѣть его своимъ собесѣдникомъ.

«Въ нѣсколькихъ шагахъ отсюда, ниже по теченію, лежитъ Вольфсталь, Австрійское мѣстечко, находящееся на предѣлахъ имперіи. На противуположномъ берегу, граница виднѣе обозначается огромною скалою, вершина которой живописно увѣнчана развалинами стариннаго замка.

«Эта громадная каменная масса, отвѣсно висящая надъ рѣкою, составляетъ крайнюю точку въ хребтѣ Малаго Карпата, который идетъ по прямой линіи съ сѣверо-востока, и составляетъ границу между Моравіею и Венгерскимъ королевствомъ. Здѣсь желтоводная рѣка Мархъ, которой притоки орошаютъ весь Моравскій бассейнъ, вливается въ Дунай у самой подошвы величественной скалы, о которой мы говоримъ. На правомъ берегу Дуная Малый Карпатъ еще продолжается едва замѣтными возвышенностями, и понижаясь постепенно, вскорѣ сливается съ равнинами, лежащими на югъ отъ Дуная, который, проложивъ себѣ такимъ образомъ путь чрезъ это отверстіе Мала-

го Карпата, втекаетъ въ королевство Венгрію и орошаетъ его тучныя пажити.

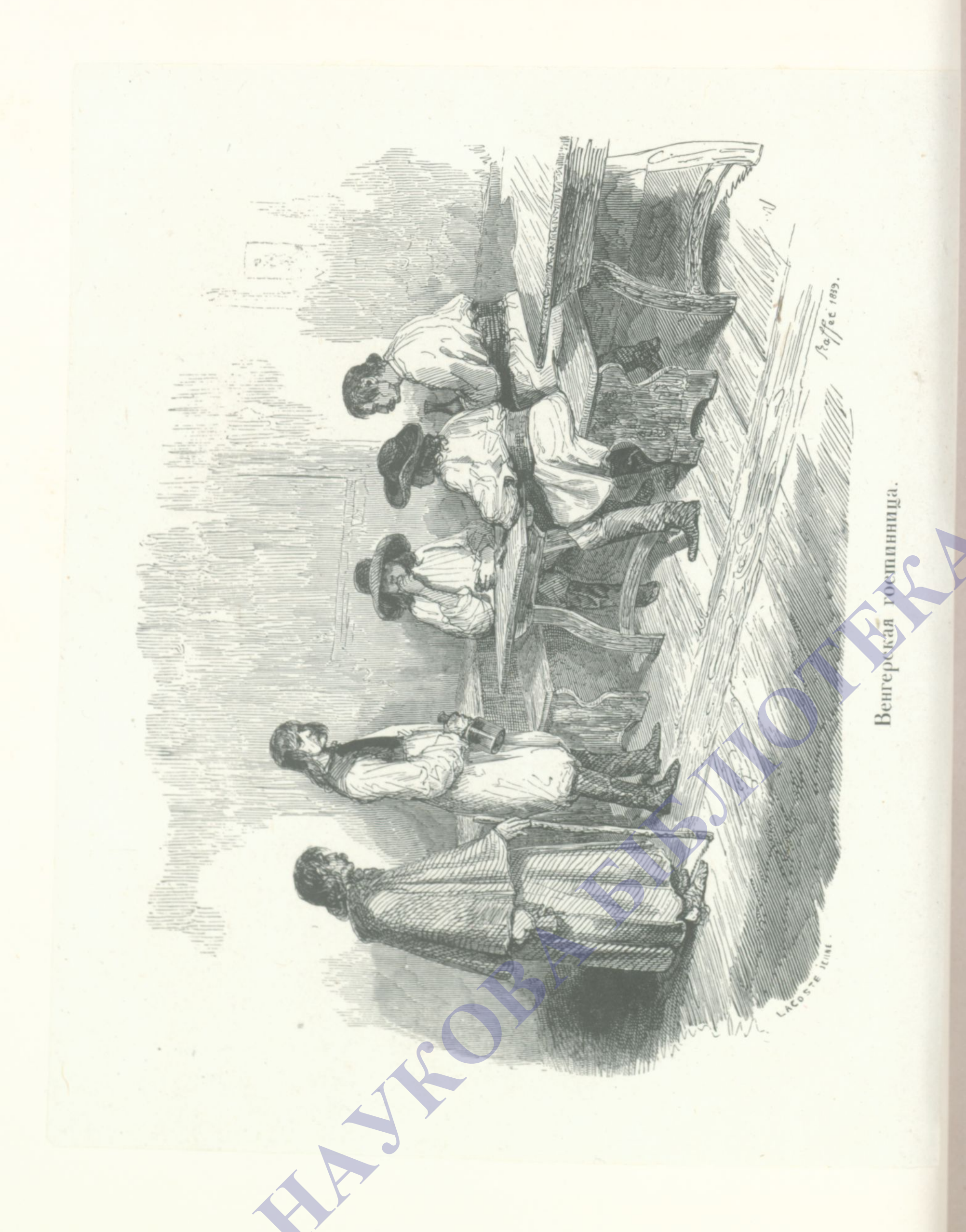
«Не вдалекѣ отъ означенной большой скалы, нѣкогда защищенной крѣпкимъ зàмкомъ, отъ котораго уцѣлѣли только развалины, упомянутыя выше, мы вышли на берегъ и вступили въ деревушку Тебенъ, сообщившую и всему мысу свое имя. Было два часа; наши лодочники, строго придерживаясь установленнаго у нихъ обычая, расположились завтракать подъ сѣнью виноградныхъ лозъ, вившихся подлѣ небольшой харчевни, на берегу Дуная. Мы такъ нетерпѣливо желали обозрѣть величественныя развалины, возвышающіяся надъ деревнею, что тотчасъ бросились взлѣзать на обрывистый утесъ, на которомъ возвышался старинный зàмокъ. Вскорѣ мы разбрелись по крутому скату, и когда осмотрѣлись, то легко могли замѣтить, что уже съ этой минуты, когда мы еще въ первый разъ принялись за наблюденія, въ каждомъ изъ насъ обнаружились различныя наклонности, зависящія отъ различія вкусовъ, занятій и способностей. Г. Гюо, едва поднявшись на нѣсколько футовъ надъ Дунаемъ, принялся отбивать куски скалы, намѣреваясь взять ихъ какъ первый образчикъ Венгерской почвы; докторъ Левелье, пораженный разнообразіемъ и красотою растеній, испещрявшихъ возвышенность, составилъ уже значительный сборникъ изъ произведеній мѣстной флоры; Руссо сторожилъ на пути ящерицъ и другихъ пресмыкающихся, испуганныхъ нашимъ появленіемъ; попадавшихся къ нему въ руки несчастныхъ тварей, онъ тотчасъ погружалъ въ винный спиртъ, гдѣ онѣ смертью, сопровождаемою страшными судорогами, искупали славу красоваться со временемъ на полкахъ его коллекціи; на сто футовъ выше насъ, Раффе

бралъ приступомъ древнюю башенку, на которую мы любовались четверть часа тому назадъ, проѣзжая у подошвы Тебенскаго мыса. Солнце пекло, и требовалось немаловажныхъ усилій для достиженія крѣпости. До платформы дойти можно не иначе, какъ перебравшись черезъ многія груды обломковъ, которыя кажется обрушились отъ пороховаго взрыва. Но какъ скоро взберешься на самый верхъ, гдѣ находится довольно хорошо уцѣлѣвшая терраса, то чувствуешь себя вполнѣ вознагражденнымъ за утомительное восхожденіе. Съ этой высоты открывается видъ истинно очаровательный. Внизу, въ четырехъ стахъ футахъ отвѣснаго разстоянія, рѣка Мархъ сливается съ Дунаемъ, но иловатыя воды ея и послѣ того еще долго сохраняютъ свой мутный цвѣтъ. На западѣ, въ туманной дали, виднѣются цвѣтущія равнины Австріи и Дунай, раздѣленный на множество рукавовъ зеленѣющими островами. На востокѣ, въ недальнемъ разстояніи, разстилается Пресбургъ, защищаемый бѣлымъ замкомъ, который возносится выше всего города; далѣе, на туманномъ горизонтѣ, едва можно разсмотрѣть неясныя линіи горъ.

«Собравшись наконецъ всѣ вмѣстѣ на вершинѣ скалы, занимаемой развалинами, и до-сыта налюбовавшись зрѣлищемъ прекраснаго мѣстоположенія, открывавшагося передъ нами, мы начали медленно спускаться опять къ Тебену, гдѣ отдохнули немного въ неопрятной конурѣ, въ которой хозяева нашихъ судовъ и ихъ пассажиры, позавтракавъ, курили трубки и спокойно потягивали превосходное пиво, нисколько не заботясь о зàмкахъ и развалинахъ. Въ этой деревенской харчевнѣ мы были свидѣтелями сценъ, исполненныхъ выраженія и характерности. Широкая и гру-

бая одежда Венгерскихъ крестьянъ, большія поярковыя шляпы ихъ, длинные волосы, ниспадающіе по мужественному и смуглому лицу — поразили насъ съ перваго взгляда: здѣсь была прекрасная школа для живописцевъ. Мы очень желали распросить этихъ людей о старинномъ зàмкѣ Тебенѣ и объ его исторіи ; но какимъ образомъ вести разговоръ съ людьми, которые, пользуясь тѣмъ, что находятся въ пяти стахъ саженяхъ отъ границы Австріи, не хотятъ понимать ни одного слова на Нѣмецкомъ языкѣ, на которомъ мы всѣ начали-бы ихъ спрашивать? Надобно сказать однакожь, что они выслушали насъ спокойно и снисходительно, не позволяя себѣ той усмѣшки, исполненной нетерпѣнія, съ какою Нѣмцы, даже самые флегматическіе, встрѣчаютъ напряженныя усилія Француза, добивающагося, чтобы его поняли. Мы попробовали заговорить на Латинскомъ языкѣ, который такъ долго былъ общенароднымъ въ Венгріи, но и этотъ опытъ не имѣлъ успѣха; языкъ, завѣщанный преданіемъ, съ каждымъ днемъ здѣсь болѣе и болѣе забывается, и мы напрасно прибѣгали къ помощи школьныхъ воспоминаній.

« Наконецъ хозяинъ, на какомъ-то странно смѣшанномъ нарѣчіи, объяснилъ намъ, что развалины носятъ названіе Замка Рыцарей (Ritter-Schloss). Но это названіе не объясняетъ ни чего ; тѣмъ болѣе, что хотя оно очень обыкновенно въ Германіи , однакожь нисколько не истолковано путеводителями и дорожниками, изданными для объясненія мѣстностей, находящихся по берегамъ Дуная; въ этихъ книгахъ просто сказано, что надъ Тебеномъ возвышается зàмокъ, замѣчательный по своей древности. Наконецъ мы узнали еще отъ жида, такого же пассажира какъ и мы сами, что разрушенная крѣпость служила въ 1809 г. ретраншаментомъ для Австрійцевъ противъ Францу-

Венгерская гостинница.

зовъ, и что съ тѣхъ поръ она осталась въ запустѣніи, въ томъ видѣ какъ мы нашли ее.

Когда дѣло дошло до отъѣзда, то явилась Венгерская таможенная стража для осмотра нашего груза; но она удовольствовалась нашимъ увѣреніемъ, что мы не ввеземъ въ Венгерское королевство никакихъ товаровъ, подлежащихъ пошлинѣ; это показаніе подтверждалось притомъ незначительностью нашей поклажи, тщательно перенесенной на лодку и состоявшей почти исключительно изъ предметовъ, служащихъ для ученыхъ цѣлей. Барка наша отчалила наконецъ отъ Тебена и въ шести часовъ вечера, когда докторъ Левелье оканчивалъ занимательную лекцію, которую составилъ для насъ о двадцати видахъ растеній, собранныхъ на горѣ, мы достигли обнаженнаго берега, у самой подошвы первыхъ домовъ Пресбурга.

«Обезпечивъ себя ночлегомъ въ гостинницѣ, гдѣ, мимоходомъ будь сказано, мы никакъ не могли склонить хозяина, чтобы онъ далъ намъ поѣсть ранѣе опредѣленнаго для ужина часа, мы приказали отыскать себѣ вожатаго для обозрѣнія города, и онъ прежде всего привелъ насъ къ замку, который съ своего высокаго и живописнаго мѣстоположенія господствуетъ надъ Пресбургомъ и его окрестностями.

«Нашъ честный чичероне, вѣроятно по недостатку другой лучшей дороги, повелъ насъ къ цитадели извилистою улицею, въ которой все населеніе, толпилось передъ домами, и привѣтствуя насъ, такъ усильно навязывалось услуживать намъ, что мы нигдѣ не могли остановиться и разсмотрѣть на досугѣ разнообразные костюмы и лица, какими съ перваго взгляда поражаютъ обитатели этого страннаго предмѣстья.

«Ворота древней постройки и довольно крутой подъемъ ведутъ къ эспланадѣ, на которой возвышает-

Венгерская гостинница.

зовъ, и что съ тѣхъ поръ она осталась въ запустѣніи, въ томъ видѣ какъ мы нашли ее.

Когда дѣло дошло до отъѣзда, то явилась Венгерская таможенная стража для осмотра нашего груза; но она удовольствовалась нашимъ увѣреніемъ, что мы не ввеземъ въ Венгерское королевство никакихъ товаровъ, подлежащихъ пошлинѣ; это показаніе подтверждалось притомъ незначительностью нашей поклажи, тщательно перенесенной на лодку и состоявшей почти исключительно изъ предметовъ, служащихъ для ученыхъ цѣлей. Барка наша отчалила наконецъ отъ Тебена и въ шесть часовъ вечера, когда докторъ Левелье оканчивалъ занимательную лекцію, которую составилъ для насъ о двадцати видахъ растеній, собранныхъ на горѣ, мы достигли обнаженнаго берега, у самой подошвы первыхъ домовъ Пресбурга.

« Обезпечивъ себя ночлегомъ въ гостинницѣ, гдѣ, мимоходомъ будь сказано, мы никакъ не могли склонить хозяина, чтобы онъ далъ намъ поѣсть ранѣе опредѣленнаго для ужина часа, мы приказали отыскать себѣ вожатаго для обозрѣнія города, и онъ прежде всего привелъ насъ къ замку, который съ своего высокаго и живописнаго мѣстоположенія господствуетъ надъ Пресбургомъ и его окрестностями.

« Нашъ честный чичероне, вѣроятно по недостатку другой лучшей дороги, повелъ насъ къ цитадели извилистою улицею, въ которой все населеніе, толпилось передъ домами, и привѣтствуя насъ, такъ усильно навязывалось услуживать намъ, что мы нигдѣ не могли остановиться и разсмотрѣть на досугѣ разнообразные костюмы и лица, какими съ перваго взгляда поражаютъ обитатели этого страннаго предмѣстья.

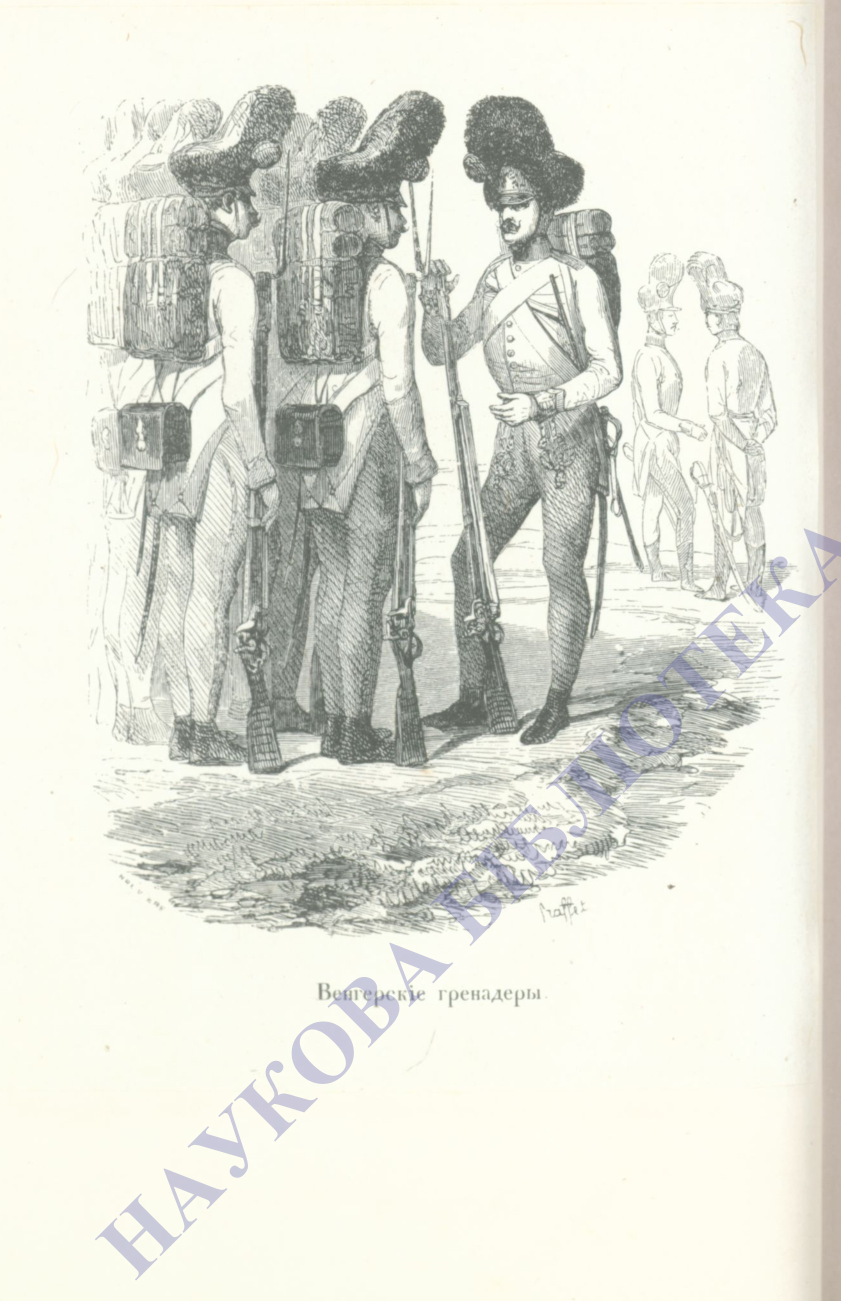
« Ворота древней постройки и довольно крутой подъемъ ведутъ къ эспланадѣ, на которой возвышает-

ся старинный Пресбургскій замокъ. Всѣ укрѣпленія срыты, а самый замокъ, обширное четвероугольное зданіе съ башнею на каждомъ исходящемъ углу, совершенно развалился. Впрочемъ, этотъ древній дворецъ и прежде былъ замѣчателенъ только по мѣстоположенію своему и прекраснымъ видамъ, передъ нимъ открывающимся. Четыре фасада его, со множествомъ прорубленныхъ въ одну линію оконъ, уподобляютъ его казармѣ. Архитектура его, равно какъ и большей части общественныхъ памятниковъ, видѣнныхъ нами въ Австріи, принадлежитъ къ стилю, бывшему въ употребленіи въ осьмнадцатомъ столѣтіи; на развалившихся стѣнахъ его видны еще кое-какіе остатки орнаментовъ, теперь уже заштукатуренныхъ. Памятники этого времени не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыхъ развалины достойны уваженія; эти развалины оскорбляютъ взоръ, какъ всякая преждевременная дряхлость, какъ всякій безцвѣтный остатокъ прежняго блистательнаго щегольства. Благородные и величественные обломки, нагроможденные съ давняго времени на вершинѣ Тебена, возбудили въ насъ живое сочувствіе; но развалины Пресбургскаго замка составляютъ непріятное зрѣлище. По всей вѣроятности, въ то время, когда это величественное зданіе находилось еще въ совершенной цѣлости, оно должно было представлять прекрасный видъ, возносясь горделиво надъ рѣкою и окрестностями. Какъ хорошъ показался намъ ландшафтъ, который открывается здѣсь на югѣ и востокѣ, хотя въ то время, когда мы любовались имъ, при вечернемъ сумракѣ, онъ былъ уже неясно виденъ. Между тѣмъ какъ мы наслаждались этою чудною картиною, къ намъ подошелъ человѣкъ небольшаго роста, среднихъ лѣтъ, по одеждѣ похожій частію на простаго гражданина, частію на воина, и, поздоровав-

шись съ нами на нашемъ языкѣ, довольно грубо и отрывисто сказалъ: « Вы любуетесь этимъ мѣстоположеніемъ, господа Французы; не правда ли, что оно представляетъ прекрасный видъ? Но за то замокъ просто безобразное зданіе и я не знаю за чѣмъ его оставляютъ. Вы замѣтили здѣсь слѣды пожара, и полагаете, что онъ произошелъ недавно, а между тѣмъ это случилось въ 1809 г., двадцать восемь лѣтъ назадъ; но до сихъ поръ все осталось въ томъ же видѣ, какъ было на другой день послѣ пожара; это доказываетъ, какъ вы видите, что здѣшніе жители не очень любятъ заниматься архитектурными произведеніями. А знаете ли, для чего сожженъ этотъ замокъ? Просто для порѣшенія счетовъ. Во время войны, въ этомъ мѣстѣ находилось огромное депо съ боевыми снарядами; смотритель магазиновъ не могъ дать казнѣ вѣрнаго отчета и чтобы покончить дѣло и скрыть концы въ воду, сжегъ замокъ. — Государь мой, возразилъ одинъ изъ насъ, кажется, вы ужь слишкомъ строго судите о такихъ людяхъ, которые по видимому должны быть ваши современники и вѣроятно ваши соотечественники. — Ваша правда сказалъ онъ, я Венгерецъ и уже старъ; нѣкогда служилъ я Наполеону; ужь это одно доказываетъ, что мои понятія не согласны съ понятіями моихъ соотечественниковъ. —И вѣроятно вашъ образъ мыслей не вполнѣ нравится вашимъ соотечественникамъ? — Вы угадали; отъ того-то я часто съ ними ссорюсь, стараясь убѣдить ихъ, что они ошибаются; но они меня не понимаютъ, и мнѣ наконецъ приходится замолчать. Я простой поручикъ и не смотря на сѣдую голову, у меня сердце еще слишкомъ молодо для моего времени и моего отечества. Мѣсяцъ тому назадъ, за небольшое нарушеніе дисциплины, меня посадили подъ арестъ въ этихъ раз-

валипахъ. Вотъ что доставило мнѣ пріятный случай встрѣтиться здѣсь съ вами. — Покрайней мѣрѣ, поручикъ, вы можете утѣшаться тѣмъ, что здѣсь прекрасное мѣсто для прогулки и зрѣніе ваше услаждается очаровательными видами. — Я могу прогуливаться, отвѣчалъ онъ, только по этой эспланадѣ; что касается до видовъ, то признаюсь, я менѣе къ нимъ чувствителенъ, чѣмъ къ несправедливости, съ какою меня преслѣдуютъ.» Въ это время мы подошли къ краю эспланады. «Вы находитесь, сказалъ онъ, на порогѣ моей тюрьмы и я не могу идти далѣе. Желаю счастливаго успѣха, господа, въ вашемъ дальнемъ путешествіи.» Когда мы начали спускаться, онъ кричалъ вслѣдъ: «Не подумайте, чтобы эти старыя разрушенныя стѣны помѣшали мнѣ выдти отсюда, еслибъ я захотѣлъ; но я далъ слово и долженъ держать его.»

«Съ тягостнымъ чувствомъ удалились мы отъ этого своенравнаго арестанта. «Вотъ несчастный затворникъ! говорили мы спускаясь; объ немъ нельзя не пожалѣть: онъ возненавидѣлъ и людей, и учрежденія своего отечества и не въ силахъ скрыть, даже передъ чужеземцами, этого неестественнаго чувства. Чего бы онъ не насказалъ намъ, если бы мы пробыли съ нимъ подолѣе? Теперь судите, можетъ ли путешественникъ, который имѣетъ средства только поверхностно наблюдать нравы и учрежденія объѣзжаемыхъ имъ странъ, дать объ этихъ учрежденіяхъ и нравахъ добросовѣстный отчетъ? Впечатлѣнія имъ уносимыя, нерѣдко будутъ зависѣть отъ перваго раскащика, который, находясь подъ вліяніемъ худаго или хорошаго расположенія духа, можетъ внушить ему или благопріятныя понятія о своей странѣ или предубѣжденія къ ней. И не возметъ ли этотъ путешественникъ на себя важ-

Венгерскіе гренадеры

ной отвѣтственности, представляя публикѣ показанія, не основанныя на его личномъ и безкорыстномъ изслѣдованіи? Въ такихъ размышленіяхъ, которыя, разочаровавъ насъ немножко, побуждали соблюдать благоразумную осторожность при будущемъ изданіи нашихъ путевыхъ записокъ, мы сдѣлали еще слѣдующее замѣчаніе: что всѣ, съ кѣмъ случилось намъ разговаривать въ продолженіе этого перваго дня, сообщали своей рѣчи особенный оборотъ, постоянно направленный къ тому, чтобы льстить чувству народности, которое, говорятъ, такъ раздражительно у насъ. Капитанъ піонеровъ, самъ Тебенскій жидъ и угрюмый поручикъ-арестантъ одинаково употребляли форму учтивости, состоящей въ томъ, чтобы говорить съ устами о такомъ предметѣ, которымъ предполагается всего болѣе имъ польстить. Такимъ образомъ, всѣ эти намеки на Наполеона и его время, дѣлаемые къ нашему удивленію въ странѣ, нѣкогда угнетенной его оружіемъ; очевидно служили знакомъ благосклоннаго къ намъ вниманія и за него мы обязаны мягкости и кротости нравовъ Австрійскаго народонаселенія.

« Возвращаясь въ городъ чрезъ другое предмѣстіе, въ которомъ, какъ видно, по воскреснымъ днямъ, исключительно забавляются солдаты, мы не разъ останавливались любоваться воинственною осанкою, развязностію и превосходною обмундировкою Венгерскихъ пѣхотинцевъ. Ничто не можетъ быть изящнѣе ихъ мундира, который составляютъ: бѣлый камзолъ съ небольшими отворотами, узкіе панталоны свѣтло-голубаго цвѣта, украшенные желтыми и черными лампасами, полусапожки, обрисовывающіе нижнюю часть ноги, и киверъ, вмѣстѣ покойный и защищающій голову. Такой костюмъ на людяхъ вообще очень стройныхъ, состав-

ной отвѣтственности, представляя публикѣ показанія, не основанныя на его личномъ и безкорыстномъ изслѣдованіи? Въ такихъ размышленіяхъ, которыя, разочаровавъ насъ немножко, побуждали соблюдать благоразумную осторожность при будущемъ изданіи нашихъ путевыхъ записокъ, мы сдѣлали еще слѣдующее замѣчаніе: что всѣ, съ кѣмъ случилось намъ разговаривать въ продолженіе этого перваго дня, сообщали своей рѣчи особенный оборотъ, постоянно направленный къ тому, чтобы льстить чувству народности, которое, говорятъ, такъ раздражительно у насъ. Капитанъ піонеровъ, самъ Тебенскій жидъ и угрюмый поручикъ-арестантъ одинаково употребляли форму учтивости, состоящей въ томъ, чтобы говорить съ гостями о такомъ предметѣ, которымъ предполагается всего болѣе имъ польстить. Такимъ образомъ, всѣ эти намеки на Наполеона и его время, дѣлаемые къ нашему удивленію въ странѣ, нѣкогда угнетенной его оружіемъ, очевидно служили знакомъ благосклоннаго къ намъ вниманія и за него мы обязаны мягкости и кротости нравовъ Австрійскаго народонаселенія.

« Возвращаясь въ городъ чрезъ другое предмѣстіе, въ которомъ, какъ видно, по воскреснымъ днямъ, исключительно забавляются солдаты, мы не разъ останавливались любоваться воинственною осанкою, развязностію и превосходною обмундировкою Венгерскихъ пѣхотинцевъ. Ничто не можетъ быть изящнѣе ихъ мундира, который составляютъ: бѣлый камзолъ съ небольшими отворотами, узкіе панталоны свѣтло-голубаго цвѣта, украшенные желтыми и черными лампасами, полусапожки, обрисовывающіе нижнюю часть ноги, и киверъ, вмѣстѣ покойный и защищающій голову. Такой костюмъ на людяхъ вообще очень стройныхъ, состав-

ляетъ самый простой и красивый мундиръ, какой только можно придумать для пѣхоты.

« Городъ Пресбургъ, который мы прошли во всю его длину, показался намъ малолюднымъ; улицы его чисты и широки, но не совсѣмъ правильны. Новѣйшія зданія довольно красивой наружности, хотя выстроены не изъ прочныхъ матеріяловъ. Мы видѣли театръ, массивное зданіе, возвышающееся на площади и украшенное самою длинною Латинскою надписью, какую только можно вообразить; естественно, что это отбиваетъ охоту прочесть ее. Въ этотъ день на театрѣ ничего не играли, и при входѣ въ него расположился давать свои представленія какой-то кочевой Италіанскій комедіантъ. Небольшое число зрителей оказывало разсѣянное вниманіе безсмертной, но уже немножко избитой, драмѣ Неаполитанскаго горбуна. Бѣдный синьоръ Пульчинелла, къ какимъ людямъ вздумалъ онъ обратиться! Для какихъ ушей расточалъ онъ сокровища своихъ сарказмовъ, насмѣшливаго хохота и забавнаго нарѣчія лацзароновъ! Важные Венгерцы, останавливаясь передъ нимъ, принимали его за безумца, и большая часть изъ нихъ немедленно продолжала свой путь, спѣсиво выпуская изъ роту клубы дыма.

« Приближаясь къ судовому мосту, перекинутому черезъ Дунай, мы начали понимать по какой причинѣ лучшая часть города показалась намъ почти необитаемою. Многочисленная толпа народа и множество прекрасныхъ экипажей, возвращались въ Пресбургъ. Мостъ и аллеи сосѣдняго гульбища такъ были наполнены народомъ, что мы насилу могли проложить себѣ путь сквозь толпу. Весь этотъ народъ выходилъ изъ театра, устроеннаго на открытомъ воздухѣ, и составляющаго довольно большую полукруглую

залу; тамъ только что передъ тѣмъ опустился занавѣсъ. Этотъ циркъ сохранилъ названіе арены, которымъ въ Италіи именуются всѣ подобные театры. Посмотрѣвъ съ минуту на гульбище, болѣе и болѣе пустѣвшее, мы разсудили, что такое проворное удаленіе гулявшихъ, многозначительное при обычной правильности той страны, не должно быть безплодною вѣстью для путешественниковъ, голодавшихъ почти цѣлыя сутки. Мы вошли въ гостинницу Золотаго Солнца и на этотъ разъ болѣе вѣжливый хозяинъ ввелъ насъ въ большую залу, въ которой уже слышенъ былъ говоръ гостей, и раздавалось нестройное пѣніе цыганскаго хора.

« Новый судовщикъ нанялся довезти насъ въ своей лодкѣ до Песта въ тридцать шесть часовъ. Теперь мы сѣли въ небольшую плоскодонную лодку, достаточной однакожь величины для помѣщенія насъ и нашихъ пожитковъ. Отъѣздъ, по обоюдному соглашенію, былъ назначенъ на слѣдующій день въ три часа утра.

« Мы явились акуратно въ назначенный срокъ, не подумавъ о томъ, что Нѣмецкіе обычаи не могли измѣниться такъ близко отъ границы. Мы имѣли довольно времени, чтобы построить рогожный шалашъ на нашей утлой ладьѣ, прежде чѣмъ судовщики пришли готовиться къ отъѣзду. Они явились не ближе пяти часовъ. Мы отчалили отъ Пресбургскаго берега у подошвы горы, обнесенной перилами и называемой Кенигсбергъ. Каждый Венгерскій король по восшествіи своемъ на престолъ, въ полномъ вооруженіи, верхомъ пріѣзжаетъ на вершину этой горы и на всѣ четыре страны свѣта махаетъ мечемъ св. Стефана.

« По мѣрѣ того какъ мы удалялись, Пресбургъ и замокъ его начали яснѣе и яснѣе отрисовываться вдали на туманномъ небѣ. Это явленіе очень хорошо выра-

жено на Англійскихъ гравюрахъ. Дунай, волнуемый свѣжимъ вѣтромъ, колыхалъ нашу лодку, которая при содѣйствіи двухъ длинныхъ веселъ, быстро неслась по теченію. Нѣсколько ниже Пресбурга, берега Дуная отличаются суровыми видами. Мы плыли по самому широкому рукаву его, обтекающему съ южной стороны островъ Шюттъ, величайшій изъ всѣхъ рѣчныхъ острововъ въ Европѣ. Онъ имѣетъ по крайней мѣрѣ двѣнадцать миль въ длину и семь въ ширину. Со всѣхъ сторонъ берега его представляютъ необитаемую, плоскую равнину, однообразно поросшую ивнякомъ и кустарникомъ.

« При видѣ такого запустѣнія едва вѣрится, что находишься въ Европѣ, среди богатой страны, наполненной многолюдными городами. Здѣшніе луга до такой степени заброшены, что, кажется, дикія птицы и животныя не привыкли еще знать какою опасностію угрожаетъ имъ присутствіе человѣка. Тамъ расхаживали огромныя стада цаплей и баклановъ, которые не трогались съ мѣста, когда мы выходили на берегъ. Жаворонки пѣли, чайки оглашали воздухъ крикомъ, а другія птицы спокойно сидѣли въ гнѣздахъ, нисколько не тревожась нашимъ присутствіемъ, точно какъ на пустынныхъ скалахъ океана, гдѣ никогда не бывала человѣческая нога. Иногда многочисленныя стада, блуждая на волѣ безъ пастуха, останавливались и смотрѣли на насъ какъ бы любуясь нашею лодкою. Но порою, и то на минуту, пустыня вдругъ оживлялась и тишину, обыкновенно въ ней господствующую, нарушалъ странный топотъ и шумъ: это случалось въ то время, когда шла вверхъ по рѣкѣ одна изъ описанныхъ нами барокъ съ устроеннымъ во всю ея длину шалашемъ. Это тяжелое судно влекутъ обыкновенно сорокъ или пятьдесятъ лошадей, медленно пробираясь отъ острова до острова, отъ брода до брода. На всѣхъ лошадяхъ сидятъ люди, которые то погружаясь до половины тѣла въ воду, то пробираясь по зыбкому песку, безпрерывно издаютъ пронзительные крики, на которые такими же криками отвѣчаетъ толпа, покрывающая навѣсъ барки. Необыкновенно странное зрѣлище, представляло это сборище грязныхъ полудикихъ судовщиковъ, которыхъ черныя лица были почти совершенно закрыты космами ихъ длинныхъ волосъ и огромною нахлобученною шляпою. Своею одеждой и всею наружностью они напомнили намъ о жителяхъ Нижней Бретани, отъ которыхъ отличались только тѣмъ, что имѣли одежду болѣе широкую. Иногда мы встрѣчали пловучія мельницы, которыя, будучи крѣпко привязаны къ толстымъ деревьямъ, спускаются на канатѣ внизъ, до такого мѣста гдѣ теченіе окажется быстрѣе, что нужно для дѣйствія машины. Но всего болѣе вниманіе наше обращалось на здѣшнихъ золотопромышленниковъ. Эти бѣдные люди, разсѣянные по островамъ или пустыннымъ берегамъ, трудятся безпрерывно, и промывая пески Дуная, извлекаютъ изъ нихъ частицы золота, несомыя рѣкою. На покатую поверхность, покрытую войлокомъ или толстымъ сукномъ, они постоянно сливаютъ воду, которую предварительно пропускаютъ сквозь кучу песку и хряща, насыпаннаго въ рѣшето, придѣланное къ верхней части машины; такимъ образомъ самыя мельчайшія, почти микроскопическія, частички драгоцѣннаго металла остаются на войлокѣ или сукнѣ, опускаясь по собственной тяжести. Мы подходили ко многимъ изъ этихъ добрыхъ людей, которые, не смотря на жаръ, занимались своею безконечною работою, съ непокрытою головой, защищенною только густыми длин-

ными волосами. Ни одинъ изъ нихъ не могъ отвѣчать намъ ни слова, не могъ понять нашихъ вопросовъ, относившихся къ ихъ однообразному промыслу. Хозяинъ нашей лодки увѣрялъ, что эти люди, работая по цѣлымъ днямъ, и подвергаясь всѣмъ суровостямъ непогоды, едва могутъ добыть въ день золота на пятнадцать Французскихъ су (нѣсколько болѣе двадцати копѣекъ серебромъ).

« Этотъ судовщикъ былъ очень веселый человѣкъ, хорошо зналъ по опыту теченіе Дуная и умѣлъ пользоваться всѣми особенностями рѣки, способствовавшими къ ускоренію плаванія. И онъ также нашелъ, что поговорить съ нами о Наполеонѣ. Онъ служилъ драгуномъ во вспомогательныхъ войскахъ, выставлявшихся Наполеону отъ Австріи, и во все продолженіе своей службы, заучилъ одну только Французскую фразу, которую кстати и не кстати употреблялъ при разговорѣ съ нами. Весь его Французскій языкъ заключался въ слѣдующихъ словахъ : « Adieu, mon bon ami. »

« Мы вышли на берегъ у древняго, упраздненнаго монастыря, находящагося въ деревнѣ Кезисъ и служащаго теперь гостинницею. Въ залѣ этой гостинницы мы застали уже нѣсколько посѣтителей, которые почти всѣ были поселяне, отличающіеся въ здѣшней странѣ прекраснымъ станомъ и суровымъ выраженіемъ лица. Всѣ они имѣютъ обычай подбривать себѣ довольно высоко виски, и это сообщаетъ ихъ лицамъ какую-то странность, что-то схожее съ наружностью помѣшаннаго человѣка. Главныя внѣшнія черты, которыми отличаются здѣшніе жители, состоятъ въ волосахъ, короткихъ на верхней части головы, очень длинныхъ назади и спускающихся на плеча; въ одеждѣ, сшитой изъ толстой холстины и стянутой жесткимъ, какъ дерево, ременнымъ поясомъ ; въ огромныхъ сапогахъ

изъ сыромятной кожи, широкой шляпѣ, рѣзкихъ движеніяхъ. Къ намъ подошелъ молодой человѣкъ, по наружности во всемъ походившій на особу духовнаго званія и обѣдавшій особо ; онъ вѣжливо спросилъ у насъ не можетъ ли быть намъ чѣмъ нибудь полезенъ. Дурной Латинскій языкъ, на которомъ онъ объяснялся, весьма легко приноравливался къ самымъ простонароднымъ выраженіямъ. Этотъ молодой человѣкъ сообщилъ намъ, между прочимъ, что всѣ его соотечественники, получившіе какое нибудь образованіе, съ равною легкостію владѣютъ Латинскимъ языкомъ, который и до сихъ поръ въ Венгріи предпочтительно употребляется въ наукахъ и законодательствѣ. Отвѣчая нашему привѣтливому собѣседнику, мы не разъ принуждены были прибѣгать къ употребленію варваризмовъ, что однакоже не помѣшало разговору нашему быть довольно оживленнымъ какъ съ той такъ и съ другой стороны. Мебель общей залы, въ которой мы находились, состояла изъ столовъ и деревянныхъ скамеекъ ; въ ней не было ни какихъ украшеній, кромѣ нѣсколькихъ картинокъ грубой работы, подобныхъ извѣстнымъ гравюрамъ, представляющимъ такъ называемую «правдивую исторію Вѣчнаго Жида», окаймленныхъ Венгерскими легендами и приклеенныхъ къ стѣнѣ, рядомъ съ объявленіемъ о программѣ Французскаго журнала, l'Europe littéraire, которое удостоилось этой чести, безъ сомнѣнія по причинѣ щегольской виньетки, его украшающей. Въ одномъ углу этой комнаты стояла ручная мельница, употребляемая для измельченія соли, совершенно подобная мельницамъ, какія были въ употребленіи у древнихъ Римлянъ, да и теперь еще встрѣчаются у Арабовъ. Доступъ въ обѣденную залу былъ свободенъ для всѣхъ, а потому въ нее набралось множество нищихъ и отврати-

тельныхъ колекъ, которые своими докучливыми криками препятствовали намъ спокойно обѣдать. Вскорѣ вошли три Нѣмецкія музыкантши; по ихъ костюму ясно было видно, что онѣ принадлежали къ числу обыкновенныхъ артистокъ, странствующихъ пѣшкомъ съ арфою и гитарою за плечами. Одна изъ нихъ была очень молода, и имѣла привлекательную физіогномію; всѣ три вели себя очень скромно, что нерѣдкость въ Германіи, гдѣ такіе кочующіе музыканты не всегда прибѣгаютъ къ пособію своего искусства, единственно для испрошенія подаянія. Пѣніе этихъ бѣдныхъ женщинъ обнаружило въ нихъ несравненно болѣе искусства, нежели можно было ожидать и требовать отъ уличныхъ пѣвицъ. По возвращеніи нашемъ на лодку, отставной драгунъ, нашъ судовщикъ, обратился къ намъ съ просьбою, которая состояла въ томъ, чтобы мы позволили тремъ пѣвицамъ (онѣ были сестры) отправиться вмѣстѣ съ нами въ Пестъ. Мы не могли отказать въ подобномъ пособіи артисткамъ, которыя и безъ того часто странствуютъ пѣшкомъ, а потому путешествіе наше продолжалось при пѣніи народныхъ Венгерскихъ балладъ.

« Подъ вечеръ мы остановились на нѣкоторое время у Коморна. Городъ этотъ, называющійся по Венгерски Комарномъ, есть главное мѣсто комитата того же имени, и лежитъ при сліяніи рѣкъ Ваага и Нейтры съ Дунаемъ. Вокругъ него простираются обширныя укрѣпленія, выстроенныя по новѣйшимъ фортификаціоннымъ системамъ, которыя защищаютъ городъ и пути мимо его ведущіе. Все доказываетъ, что это мѣсто очень важно въ стратегическомъ отношеніи, и что цитадель Коморнская заслуживаетъ славу, какою пользуется во мнѣніи людей военныхъ.

Мы пробыли въ Коморнѣ не болѣе четверти часа и

успѣли осмотрѣть только довольно красивую церковь, посвященную св. Андрею. Это одна изъ пяти католическихъ церквей, находящихся въ Комарнѣ. Въ этомъ городѣ, имѣющемъ не менѣе 12 т. жителей, есть еще три храма для лицъ, принадлежащихъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Обширныя набережныя и многіе, красиво построенные домы свидѣтельствуютъ о зажиточности и благосостояніи здѣшнихъ жителей.

« Но между тѣмъ приближалась ночь и многіе признаки предвѣщали, что вскорѣ будетъ гроза, а потому въ темнотѣ мы не могли составить себѣ понятія ни о внѣшнемъ видѣ обитателей города, ни о ихъ дѣятельности.

« При наступленіи полной ночи, вѣтеръ усилился, пошелъ крупный дождь, и Дунай, вздымаясь мало по малу, началъ жестоко качать наше утлое судно, которое по причинѣ своего плоскаго дна, было совершенно неудобно для плаванія въ бурную погоду. Берега были такъ отдаленны, что въ это время намъ казалось, будто мы носимся посреди обширнаго озера. При глубокой темнотѣ, мы плыли какъ будто въ какой нибудь пустынѣ, не имѣя другаго убѣжища, кромѣ того, какое представляла намъ цыновка, подъ которую укрылись наши трепетавшіе отъ страху пассажиры. Намъ не оставалось ничего болѣе какъ всѣми средствами ускорить наше ночное плаваніе, и каждый изъ насъ поочередно помогалъ судовщикамъ, которые уже были утомлены трудомъ, продолжавшимся цѣлые шестнадцать часовъ. Оглушенные шумомъ вѣтра, и насквозь промоченные дождемъ, мы достигли берега, совершенно не замѣтивъ его, такъ велика была темнота. Хорошо зная, по привычкѣ, берега Дуная, нашъ судовщикъ ввелъ свою лодку въ безопасную пристань,

находившуюся въ бухтѣ, образовавшейся на правомъ берегу рѣки. Кое-какъ, почти ощупью, мы добрались до сосѣдней гостинницы, гдѣ сначала насъ не хотѣли было принять и погасили свѣчи. Однакоже, послѣ переговоровъ, продолжавшихся нѣсколько времени, насъ впустили, и вскорѣ хозяйка и ея проворныя прислужницы затопили для насъ каминъ. Что касается до ужина, то приготовленіемъ его пришлось заняться намъ самимъ, по примѣру Гомеровыхъ героевъ, быть можетъ болѣе насъ ловкихъ, но вѣрно не болѣе голодныхъ.

« Гостинница эта находилась въ селеніи Гогенмархъ. Отдохнувъ въ ней нѣсколько часовъ, мы оправились отъ утомленія и страха, испытанныхъ нами во время плаванія по взволнованному бурею Дунаю, и 4 іюля восходящее солнце уже застало насъ на пути къ Грану (Gran), который издалека еще виднѣлся у подножія красивой цѣпи Матрасскихъ горъ.

« Нетцмюль и его богатые виноградники, составляющіе собственность графовъ Зичи (Zichi) и князя Эстергази, вскорѣ остались за нами, также какъ Комарнскій комитатъ; мы въѣхали въ другую провинцію и передъ нами открылись новые, величественные виды.

« Рѣка Гранъ, текущая съ сѣвера, вливается въ Дунай у самой подошвы горъ, которыя мы такъ долго видѣли только издали. Съ этого мѣста Дунай несется гораздо быстрѣе прежняго и течетъ въ узкомъ руслѣ, между горъ, покрытыхъ зеленью и мѣстами увѣнчанныхъ живописными развалинами. Не въѣзжая еще въ это съуженное мѣсто рѣки, мы вышли на берегъ у Грана, называющагося у Венгерцевъ Эстергомомъ и расположеннаго на правомъ берегу Дуная, въ веселой долинѣ. Это главный городъ палатината; въ немъ

долгое время имѣли мѣстопребываніе свое Венгерскіе короли. Онъ часто доставался въ добычу Туркамъ, ожесточеннымъ врагамъ прекрасной Венгріи, но всегда былъ любимымъ мѣстопребываніемъ высшаго Венгерскаго духовенства, которое, при нашествіи враговъ, хотя и удалялось, однакожъ каждый разъ послѣ изгнанія ихъ опять возвращалось въ Гранъ, принося обратно всю пышность, все величіе, какими окружаютъ себя епископы Венгріи, считающіе основаніе своего епископства съ XI-го вѣка и со времени мученичества св. Стефана.

« На горѣ, командующей городомъ, на томъ самомъ мѣстѣ гдѣ была древняя цитадель, набожный примасъ князь Александръ Руднай соорудилъ слѣдующія великолѣпныя зданія:

« Дворецъ для архіепископа, другой для капитула и обширную семинарію. Всего болѣе однакожь этотъ холмъ, священный для Венгровъ, и столь долго оскорбляемый присутствіемъ мусульманъ, украшается воздвигнутою на немъ огромною и великолѣпною церковью, которая, къ сожалѣнію, не совсѣмъ еще окончена постройкою. Этотъ обширный храмъ расположенный въ видѣ Греческаго креста, выстроенъ изъ кирпича, но обложенъ плитами гранита и порфира рѣдкой красоты. Покамѣстъ на этой церкви устроена временная кровля, но въ послѣдствіи на ней будетъ воздвигнутъ куполъ, которымъ достойно довершится самое величественное изъ здѣшнихъ зданій. Между тѣмъ, однакожь, съ этою, еще недостроенною, церковью уже теперь поступаютъ точно такъ же какъ не рѣдко съ древними готическими памятниками. Ее покрыли плохою краскою, способною исказить самыя прекрасныя каменныя зданія.

« Полюбовавшись прелестными окрестностями, горами, городомъ, рѣкою и устроеннымъ на ней въ этомъ мѣстѣ

паромомъ, мы пустились въ дальнѣйшій путь, не забывъ нашихъ странствующихъ артистокъ, которыя, въ то время пока мы посѣщали цитадель, отслушали обѣдню въ красивой капеллѣ, находящейся неподалеку отъ берега.

« Вскорѣ потомъ мы завидѣли Вышградъ. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, короли Венгерскіе жили въ Гранѣ, но на случай своего пріѣзда въ Вышградъ, имѣли и въ этомъ городѣ великолѣпные сады, прекрасные дворцы и роскошныя бани. Вышградъ прекрасенъ даже и теперь, хотя весь наполненъ развалинами, хотя отъ зубчатыхъ стѣнъ его остались только обломки, свидѣтельствующіе о прежнемъ великолѣпіи этого города, разрушеннаго свирѣпыми Турками.

« Изъ этихъ прекрасныхъ мѣстъ Дунай снова втекаетъ въ страну низменную, струится среди луговъ, и раздѣлясь на два рукава, образуетъ прекрасный островъ святаго Андрея, обилующій виноградниками и увеселительными домами.

« Потомъ мы миновали Вайценъ, городъ имѣющій превосходную соборную церковь. Его многочисленныя колокольни доказывали, что онъ очень многолюденъ. При плаваніи, постоянно продолжавшемся съ чрезвычайною быстротою, мы едва успѣли окинуть бѣглымъ взглядомъ островъ святаго Андрея, Донавецъ, старый Офенъ, и берега знаменитаго Заячьяго острова.

« Судовщикъ нашъ сдержалъ слово, которое далъ намъ, и въ самый срокъ доставилъ насъ въ Пестъ. Мы были изумлены и очарованы чудесною панорамою, какую представляютъ города Пестъ и Офенъ, раздѣленные только ложемъ Дуная.

« По причинѣ множества судовъ, стѣснившихся у Песта, а также въ слѣдствіе необузданности здѣшняго

простаго народа, мы не безъ труда выбрались на набережную. Здѣсь расплатились мы съ нашимъ судовщикомъ, который, прощаясь съ нами, на этотъ разъ очень кстати сказалъ свою обыкновенную фразу: « Adieu, mon bon ami! » Бѣдныя музыкантши также разстались съ нами, смиренно изъявивъ намъ свою признательность. Онѣ уже истощили для насъ весь свой репертуаръ; намъ у нихъ больше нечего было слушать, и потому онѣ отправились плѣнять своимъ пѣніемъ Венгерскія уши. Раздѣлавшись съ судовщикомъ и простясь съ музыкантшами, мы отправились во внутренность города по великолѣпной набережной, вдоль которой тянулись великолѣпныя зданія, достойныя обширной и богатой столицы.

« Вскорѣ послѣ этого всѣ мы собрались у г-на Демидова, который, только нѣсколькими часами раньше насъ прибылъ сюда. »

Эти господа такъ отчетливо расказали мнѣ обо всемъ, видѣнномъ ими въ эту первую поѣздку, что я легко могъ привести въ порядокъ ихъ замѣчанія. Умъ у нихъ такъ алкалъ наблюденій, ихъ память такъ жадно впивала всѣ впечатлѣнія, что они почти невольно сохранили множество неизгладимыхъ воспоминаній. Каждый изъ нихъ доставилъ мнѣ свой участокъ для помѣщенія въ журналѣ, и нѣкоторые, въ душѣ были даже недовольны, что я отказался помѣстить факты, новые только для нихъ самихъ, но собственно не имѣющіе особенной важности. Это было однакожь необходимо, потому что на дальнѣйшемъ пути мы непремѣнно должны были найти многое такое, что и никому еще неизвѣстно. По мѣрѣ приближенія къ Русскимъ границамъ, по странамъ мало изслѣдованнымъ, я ожидалъ найти все болѣе и болѣе предметовъ для описанія и надѣялся, что оригинальность мѣстъ и народовъ

мною посѣщенныхъ, доставитъ мнѣ возможность избѣгнуть вялаго однообразія, какимъ отличается большая часть путешествій.

На слѣдующій день, 5 іюля всѣ пассажиры парохода « Францъ I » собрались на его бортѣ и пароходъ удалился отъ Офена и Песта, облеченныхъ еще туманомъ, который однакожь, при солнечномъ восходѣ скоро разсѣялся.

Буда и Пестъ могутъ быть названы братьями. Буда, какъ старшій, имѣетъ право на предпочтеніе передъ Пестомъ, не смотря на веселую внѣшность послѣдняго. Одинъ изъ этихъ городовъ есть средоточіе торговли и современныхъ идей, — другой городъ историческій, памятникъ монархіи и дворянства. Этотъ древній городъ долго сражался и страдалъ, прежде чѣмъ на противномъ берегу возвысился подъ его охранительною сѣнью Пестъ, юный соперникъ, сіяющій теперь всѣмъ блескомъ роскоши. Покамѣстъ оба эти города сообщаются однимъ только мостомъ, но и теперь уже чувствуютъ надобность устроить другой мостъ, потому что одного недостаточно. Но Буда противится этому по той причинѣ, что пошлина на старомъ мосту собирается только съ народа, а дворяне въ слѣдствіе своихъ привилегій, отъ нея освобождены. На новомъ же мосту пошлину, по всей вѣроятности, станутъ сбирать, безъ различія привилегій, и съ простолюдиновъ, и съ дворянъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, надобно заключать по теперешнему духу Сейма. Вотъ почему Буда противится, и еще нѣсколько времени не станетъ соглашаться на такую перемѣну древнихъ обычаевъ.

Спустя часъ, мы потеряли изъ виду оба города; картины, насъ окружавшія, также измѣнили свой видъ, и по берегамъ Дуная опять потянулись безконечные,

безцвѣтные луга. Рѣка выступила изъ своего ложа и разлившись далеко, затопила деревни и фермы. Единственное зрѣлище, которымъ мы могли сколько нибудь развлечь себя, представляли стада бѣлыхъ воловъ, а иногда буйволовъ, и длинныя верницы баклановъ, испуганныхъ шумомъ, происходившимъ отъ плывущаго парохода.

У каждаго, нѣсколько значительнаго, села пароходъ нашъ останавливался, принималъ на свой бортъ новыхъ пассажировъ или спускалъ прежнихъ на берегъ, и обмѣнивался салютами. Не далеко отъ одного изъ этихъ селъ, называющагося Адони, зашелъ разговоръ о Шубри, извѣстномъ разбойникѣ, который нѣсколько лѣтъ распространялъ ужасъ въ здѣшней странѣ, и мы узнали, что этотъ страшный человѣкъ незадолго передъ тѣмъ убитъ. Шубри погибъ тридцати четырехъ лѣтъ. Первоначально онъ пасъ свиней, и уже въ послѣдствіи пріобрѣлъ извѣстность въ качествѣ атамана разбойничьей шайки. Объ немъ расказываютъ чудесныя исторіи, которыя долго еще сохранятся въ памяти здѣшнихъ добрыхъ и легковѣрныхъ крестьянъ, долго, въ видѣ преданія, будутъ переходить отъ поколѣнія къ поколѣнію.

Видно, что пароходы въ здѣшней странѣ составляютъ новость и что изумленные и любопытствующіе простолюдины до сихъ поръ не насытились этимъ зрѣлищемъ, не привыкли къ нему. Оно такъ сильно занимало ихъ, что желая поближе посмотрѣть на насъ, они толпами входили по колѣно въ грязную черную воду и долго еще стояли недвижные, даже въ то время, какъ пароходъ уже уходилъ со всею свойственною ему скоростью. Въ числѣ такихъ любопытствующихъ были не только мущины, но даже и женщины.

Со дня отправленія нашего внизъ по Дунаю, мы не разъ удивлялись, видя во всѣхъ деревняхъ множество праздныхъ людей и притомъ въ такое время, когда хлѣбъ вездѣ поспѣлъ, и, для уборки его, повидимому, необходимо было, чтобы всѣ поселяне занимались работою. Отъ чего же, спрашивали мы, эти люди, живущіе въ такой бѣдности, имѣютъ такъ много досуга?

Страна, по которой мы ѣхали, кажется, представляетъ много поводовъ къ труду; Дунай, ежегодно наводняющій поля, есть врагъ, съ которымъ надобно постоянно бороться, если желаешь побѣдить его. Ни чуть не бывало! Венгерскій крестьянинъ отыскиваетъ какое нибудь высокое мѣсто, строитъ на немъ свою хижину, и обезопасивъ себя отъ наводненія, нисколько не заботится о ежегодномъ затопленіи своихъ полей. Дѣло въ томъ, что этотъ народъ съ давнихъ временъ привыкъ страдать; его отечество такъ часто наводняли орды свирѣпыхъ варваровъ, что онъ ужъ ни во что ставитъ наводненія Дуная! Вотъ, безъ сомнѣнія, причина, въ слѣдствіе которой Венгерецъ совершенно равнодушенъ ко всѣмъ возможнымъ бѣдствіямъ. Въ немъ повсюду видна одинаковая безпечность, одинаковое пренебреженіе къ щедрой природѣ, расточающей здѣсь для человѣка все, кромѣ постоянства въ работѣ и любви къ труду, этихъ могущественныхъ дѣятелей, съ помощью которыхъ промышленность человѣческая дерзаетъ отнимать для себя новыя поля даже у самаго океана, и повелительно назначать предѣлы, дальше которыхъ не можетъ идти волна морская.

Мы продолжали плыть среди мѣстности, не представлявшей ничего замѣчательнаго, и видѣли только затопленныя поля. Въ Тольнѣ, населенной Нѣмцами, мы высадили нѣсколько пассажировъ. Удаляясь изъ этого городка, Турки разрушили его до основанія; но въ послѣдствіи, на развалинахъ его, правительство основало землелѣльческую колонію изъ Нѣмцевъ, которые разводятъ, на небольшомъ пространствѣ земли, виноградъ и табакъ, и этимъ добываютъ себѣ пропитаніе.

Вечеромъ, въ первый день нашего плаванія, мы достигли Могача. Люди, управляющіе пароходомъ «Францъ I-й», еще новички въ своемъ дѣлѣ; только при помощи быстроты, съ какою течетъ Дунай, они могутъ поспѣвать въ срокъ къ своимъ вечернимъ стоянкамъ; въ топкѣ у нихъ замѣтна чрезвычайная неопытность, въ слѣдствіе которой машины дѣйствуютъ очень медленно. Съ другой стороны и экипажъ набранъ изъ людей всѣхъ возможныхъ націй, нехотя повинующихся капитану, вынужденному раздавать свои приказанія на трехъ или четырехъ разныхъ нарѣчіяхъ. Что касается до самаго судна, то строители его, какъ видно, не позаботились о томъ чтобы, по примѣру пакетботовъ, существующихъ у другихъ Европейскихъ народовъ, устроить его со всѣми удобствами, какія нужны для перевозки пассажировъ. Здѣсь не только нѣтъ и слѣдовъ роскоши, но даже замѣтно много небрежности. На примѣръ когда пассажиры остаются на пароходѣ, не смотря на то, что онъ останавливается на ночь, то надо бы доставить имъ возможность спокойно соснуть. А мы, на нашемъ пароходѣ, вынуждены были ночевать въ тѣсной общей каютѣ, наполненной гадкими насѣкомыми, служившей поперемѣнно и столовою, и спальнею, и уборною комнатою, и по своей нечистотѣ равно негодной для какого бы то ни было употребленія. Спать можно

было только или на стульяхъ, или гдѣ нибудь на столѣ, или просто на сыромъ полу.

Впрочемъ, когда пароходное сообщеніе Вѣны съ Константинополемъ утвердится прочнѣе, когда увеличится число проѣзжающихъ лицъ, то пароходныя, компаніи, безъ сомнѣнія, болѣе станутъ заботиться объ удобствахъ своихъ пассажировъ; а теперь, покамѣстъ, ихъ главное вниманіе обращено на то, чтобы пароходы не были задерживаемы на пути по недостатку угля, и потому онѣ преимущественно стараются объ устройствѣ въ разныхъ мѣстахъ, по берегу Дуная, складочныхъ мѣстъ для угля. Послѣ устройства этихъ складочныхъ мѣстъ, компаніямъ можно будетъ подумать о составѣ экипажа на пароходахъ и доставленіи пассажирамъ всякихъ удобствъ, на которыя они имѣютъ право. Но безъ соблюденія этихъ необходимыхъ условій успѣхъ предпріятія невозможенъ.

Мы прибыли въ Могачъ при самомъ наступленіи ночи, и насъ немедленно окружила шумная толпа, покрывавшая грязный берегъ. Едва съ парохода перебросили на берегъ доску для схода на землю, какъ на бортъ нашего судна набралось множество женщинъ старыхъ и молодыхъ, одѣтыхъ нищенски, даже полунагихъ. Въ Могачѣ женщины исполняютъ должность носильщиковъ. Онѣ тотчасъ перетащили на тачкахъ, которыми управляли очень проворно, весь грузъ угля, нужный для плаванія на слѣдующій день. Не смотря на свой, болѣе нежели недостаточный, костюмъ, эти несчастныя отличались оригинальностью пріемовъ и замѣчательною рѣзкостью въ обращеніи. На мущинахъ, которые оставались равнодушными зрителями трудной работы, предоставленной на долю женщинъ, была таже широкая, свободная одежда, таже поярковая шляпа, о которыхъ мы уже говорили выше.

Въ Могачѣ съ нами разстался какой-то Венгерскій дворянинъ, отправлявшійся охотиться въ своихъ помѣстьяхъ, чего, разумѣется, онъ не могъ теперь дѣлать иначе какъ разъѣзжая на лодкѣ по затопленнымъ полямъ и лугамъ. Сойдя съ парохода онъ сѣлъ въ ветхую, почти совершенно развалившуюся коляску, по запряженную четырьмя борзыми конями, которыхъ едва могъ сдерживать кучеръ, одѣтый, мимоходомъ сказать, въ платье, сшитое изъ грубаго небѣленаго холста. Мы замѣтили, что и у всѣхъ здѣшнихъ помѣщиковъ сельскій экипажъ почти такой же. Между тѣмъ вокругъ парохода разъѣзжало множество мелкихъ судовъ, состоявшихъ просто изъ выдолбленныхъ бревенъ и едва только способныхъ поднимать не болѣе двухъ человѣкъ. Въ это время пароходъ нашъ справедливо можно было сравнить съ однимъ изъ тѣхъ древнихъ кораблей, которые, во времена Аргонавтовъ, отваживались посѣщать берега Дуная, тогда еще совершенно неизвѣстные образованному человѣчеству.

Не смотря на темноту, мы погуляли немного по городу. Улицы его обширны и правильны, но совершенно завалены сырымъ и вонючимъ навозомъ, домы дурно выстроены, самыя общественныя зданія вполнѣ соотвѣтствуютъ общему состоянію города.

Могачъ мѣсто важное не столько по своему теперешнему вліянію и народонаселенію, сколько по историческимъ воспоминаніямъ, съ нимъ сопряженнымъ. На равнинахъ, его окружающихъ, два раза боролась не на жизнь, а на смерть Венгерская монархія съ Турецкимъ нашествіемъ. Здѣсь въ 1526-мъ году Людовикъ II, монархъ юный, подававшій множество блестящихъ надеждъ, палъ въ кровопролитномъ сраженіи, въ которомъ, рядомъ съ государемъ своимъ, легло на боевомъ полѣ и отборнѣйшее Венгерское дво-

рявство. Съ этого пагубнаго дня Венгрія подпала подъ иго тягостное и продолжительное. Но за то настали и для Могача свѣтлые дни возмездія, въ 1687-мъ году, когда Турки удалились, и, поражаемые безпрерывно, были наконецъ оттѣснены до Бѣлграда. Именно за этотъ блестящій походъ принцъ Евгеній Савойскій былъ прозванъ *грозою Турокъ*.

Могачъ, дважды знаменитый въ исторіи Венгріи, принадлежитъ къ владѣніямъ могущественнаго Фюнфъ-Кирхенскаго епископа. Самый Фюнфъ-Кирхенъ, красивое мѣстопребываніе этого епископа, обладающаго, какъ говорятъ, огромнымъ богатствомъ, лежитъ къ западу отъ Могача, въ близкомъ отъ него разстояніи, и замѣчателенъ своимъ древнимъ соборомъ.

Въ Могачѣ около четырехъ тысячъ жителей, которыхъ участь не должна быть завидна, если судить по наружному виду города и всей страны, особенно по тому виду, въ какомъ и городъ и окрестности являлись во время нашего проѣзда. Единственный художественный памятникъ здѣсь составляло скульптурное изображеніе святаго Непомуцена, Могачскаго покровителя. Оно поставлено посреди города, неподалеку отъ рынка, и вокругъ его пьедестала помѣщены пушки, отнятыя у Турокъ.

Ночью мы вынуждены были удалиться на пароходъ, потому что въ это время весь Могачъ наполнялся лягушками, которыя водятся здѣсь во множествѣ, вслѣдствіе сырости, бывающей послѣ наводненія. Эти гадины прыгаютъ, квакаютъ и преслѣдуютъ запоздавшихъ прохожихъ даже въ самыя жилища.

Іюля 6-го мы плыли опять среди страны, отличающейся только однообразіемъ картинъ, ею представляемыхъ. На правомъ берегу виднѣлся Эрдодъ, (Erdöod), еще сохранившій кое-какія развалины ста-

риннаго замка, нѣкогда принадлежавшаго, какъ слышно, графамъ Пальфи. Далѣе, мы видѣли великолѣпный монастырь Вуковаръ, возвышающійся при сліяніи съ Дунаемъ рѣки Вука. Террасы его далеко виднѣлись надъ водами Дуная. Монастырь этотъ занимаютъ Францисканскіе монахи; проѣзжая мимо, мы видѣли какъ нѣкоторые изъ нихъ, безпечно сидя подъ тѣнью липъ, мечтали и смотрѣли на насъ какъ на мимолѣтныя видѣнія, подобныя свѣтскимъ мечтамъ, можетъ быть, иногда мелькающимъ и въ ихъ умѣ. Потомъ явился Черниградъ, съ развалившеюся цитаделью, и наконецъ Иллокъ, обнесенный длинною зубчатою стѣною, составляющею ветхій полуразрушенный памятникъ Оттоманскаго владычества; зубцы этой стѣны рѣзко отрисовывались на небесной лазури.

Вскорѣ мы завидѣли и Петервардейнъ. Этотъ городъ можетъ справедливо быть названъ Дунайскимъ Гибралтаромъ; онъ имѣетъ истинно грозную крѣпость, обнесенную стѣнами въ нѣсколько рядовъ; эти стѣны возвышаются другъ надъ другомъ и составляютъ укрѣпленія, которыя превосходно содѣйствуютъ защитѣ крѣпости, почти совершенно недоступной уже и по природному своему мѣстоположенію. Имя этой благородной твердыни, неразлучно сопряжено съ именемъ принца Евгенія Савойскаго; она содержится весьма хорошо. Мы посѣтили ее, взобравшись по узкой, извилистой лѣстницѣ, прикрытой сводомъ, устроеннымъ надъ нею, а между тѣмъ пароходъ нашъ, остановясь у Нейзаца, находящагося на противоположномъ лѣвомъ берегу рѣки, выгружалъ тамъ нѣкоторые привезенные имъ товары. Нейзацъ и Петервардейнъ сообщаются между собою посредствомъ моста, устроеннаго на судахъ, который тотчасъ развели, чтобы пропустить нашъ пароходъ. Едва успѣли мы оки-

нуть бѣглымъ взглядомъ прекрасную крѣпость, какъ увидѣли издалека, что пароходъ отчалилъ отъ берега и поплылъ къ отверстію, оставленному для него въ мосту. Всѣхъ пассажировъ на берегу, вмѣстѣ съ нами, было человѣкъ пятнадцать или двадцать; въ томъ числѣ находились Евреи, купцы, одинъ священникъ, и молодая Парижанка, ѣхавшая въ Бухарестъ. Всѣ мы тотчасъ бросились на мостъ, къ тому самому мѣсту, гдѣ слѣдовало проходить нашему судну; но здѣсь Дунай такъ ужасно быстръ, что пароходъ нашъ, обыкновенно плывшій чрезвычайно скромно, на этотъ разъ пронесся какъ молнія, и въ одно мгновеніе очутился уже очень далеко. Тогда всѣ пассажиры до крайности встревожились; имъ пришло въ голову, что ихъ бросили на берегу. Между тѣмъ однакожь капитанъ кричалъ намъ, чтобы мы наняли лодку и на ней пріѣхали къ пароходу. На силу могли мы отыскать весьма небольшую, очень плохо устроенную лодку, да и то еще надобно было спрыгнуть въ нее съ высоты почти осьми футовъ (болѣе сажени). Тогда пассажирами овладѣло что то въ родѣ помѣшательства; всѣ засуетились, всѣ стали прыгать вдругъ. Молодая Парижанка едва не полетѣла въ воду, но по счастію она упала на священника и потому не очень сильно ушиблась. Наконецъ лодка, черезъ чуръ обремененная этою толпою людей, которые всѣ держались на ней стоймя, пустилась колыхаясь и треща по произволу теченія и на пути безпрестанно кружилась. По прибытіи къ пароходу, на которомъ между тѣмъ капитанъ остановилъ дѣйствіе машинъ, пассажиры дрожащіе отъ страха и большею частію неумѣвшіе плавать, едва не подверглись общей гибели, бросясь всѣ вдругъ на одну сторону лодки, чтобы скорѣе взобраться на пароходъ. Нужно было

все присутствіе духа и хладнокровіе нѣкоторыхъ изъ насъ, чтобы уговорить этихъ несчастныхъ и удержать ихъ отъ такого неосторожнаго поступка. Мы были вынуждены останавливать даже силою многихъ изъ самыхъ робкихъ. Наконецъ, взобравшись на пароходъ, мы замѣтили, по выраженію лица нѣсколькихъ изъ нашихъ товарищей, что они рѣшительно вознамѣрились отказаться впредь отъ романическихъ прогулокъ, къ которымъ начальство парохода не изъявляло особеннаго снисхожденія. Но что же дѣлать? надобно покоряться судьбѣ. Съ давнихъ временъ компаніи, занимающіяся перевозкою людей и товаровъ, болѣе любятъ возить товары нежели пассажировъ. Товары предметы недвижные, спокойно лежащіе, но тѣмъ не менѣе доставляющіе прибыль; они не обнаруживаютъ никакихъ прихотей, не имѣютъ и тѣхъ потребностей, какія оказываются у пассажировъ. Дѣло въ томъ, что наши товарищи немного ошиблись на счетъ причины, побудившей капитана остановиться у Нейзаца; онъ остановился просто для выгрузки товаровъ, а пассажиры имѣли неосторожность принять эту остановку за личное къ нимъ вниманіе, за желаніе доставить имъ возможность осмотрѣть знаменитую крѣпость.

Едва волненіе, причиненное этимъ происшествіемъ, утихло, какъ вдругъ новое обстоятельство возбудило общее наше состраданіе, и даже внушило намъ ужасъ. На палубу вынесли бѣднаго истопника, почти задохшагося отъ угольнаго чада. Мало по малу его привели однакожь въ чувство, въ чемъ успѣли, благодаря попеченіямъ доктора Левелье, которому удалось, послѣ многихъ безполезныхъ усилій, пустить этому несчастному кровь. Но едва пришелъ онъ въ память, какъ впалъ въ ужасныя судороги и предался такой необычайной ярости, что товарищи его не смѣли подойти къ

нему и держать его. Это страшное разстройство умственныхъ способностей, извѣстное въ медицинѣ подъ именемъ *бѣлой горячки* (delirium tremens), причиняется обыкновенно невоздержностью и преимущественно злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Въ такомъ состояніи истопникъ находился нѣсколько часовъ; оно прерывалось, только тѣмъ, что многіе изъ насъ дарили по временамъ несчастному больному мелкія деньги, которыя привлекали на минуту его вниманіе, сопровождавшееся впрочемъ какимъ-то безсмысленнымъ выраженіемъ лица. Наконецъ онъ впалъ въ совершенное разслабленіе и его передали въ госпиталь города Земляна, гдѣ мы заключили второй день нашего плаванія.

Въ теченіе того времени, пока продолжалась описанная грустная сцена, мы прошли мимо Карловица и плыли среди острововъ, которыми Дунай обильно усѣянъ. На лѣвой сторонѣ мы видѣли устье Тейсы. Эта рѣка принадлежитъ къ величайшимъ изъ впадающихъ въ Дунай; она выходитъ изъ Верхней Венгріи и течетъ съ сѣвера на югъ, почти параллельно съ Дунаемъ, который и самъ, отъ Грана до Эрдода, льется въ томъ же направленіи. Тейса слыветъ самою рыбною изъ всѣхъ Европейскихъ рѣкъ. Можетъ быть такому обилію рыбы способствуетъ и то, что вдоль по правому берегу Тейсы тянется обширная равнина, постоянно сохраняющая болотистую почву; равнина эта часто затопляется и рыба разнаго рода плодится здѣсь во множествѣ, находя обильную пищу въ растительныхъ остаткахъ, которыми наполнены стекающія въ Тейсу воды. Впрочемъ, плыть по этимъ мѣстамъ, между низменными островами и наводненными прибрежьями, намъ было очень скучно. Когда мы пришли въ Землинъ, настала уже совершенная ночь.

Пароходъ причалилъ къ берегу довольно далеко отъ города. Чтобы побывать въ Землинѣ, мы были вынуждены пробираться къ нему по болоту, которое, вѣроятно, часто служитъ здѣсь источникомъ многихъ болѣзней.

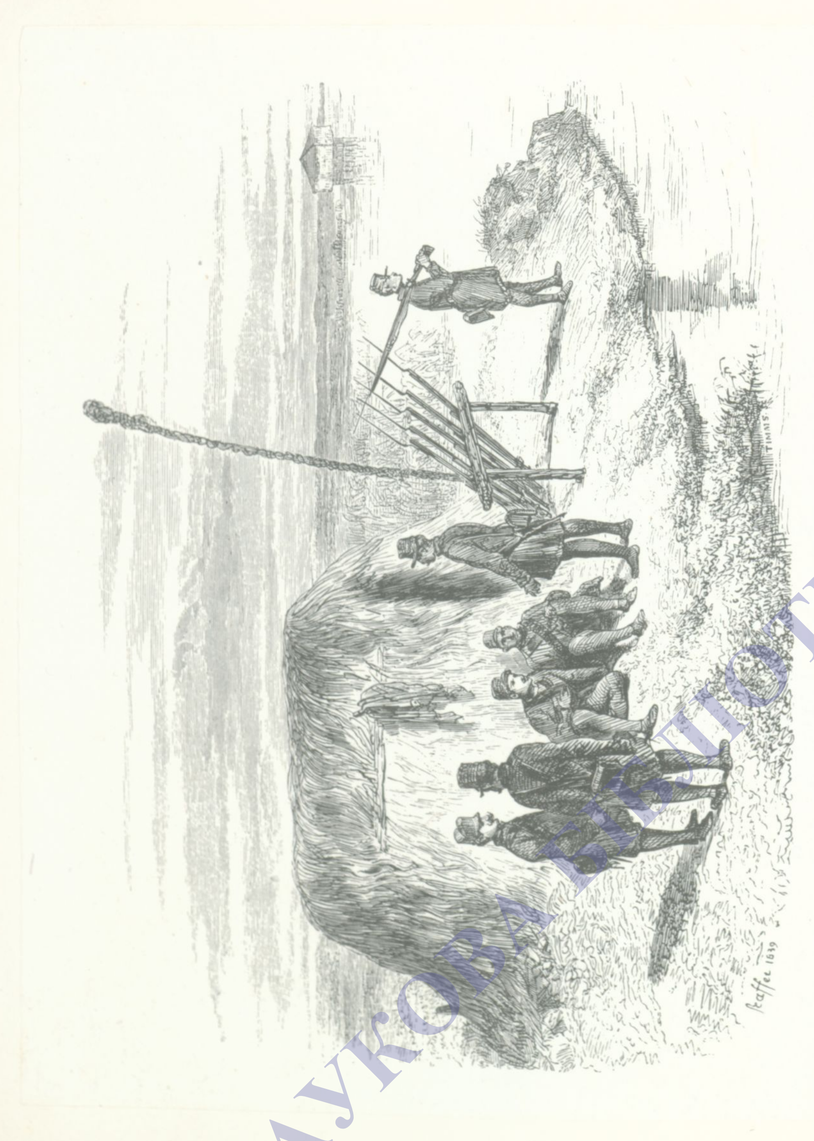
Землинъ есть послѣдній Венгерскій городъ, еще встрѣчающійся по этой дорогѣ; онъ укрѣпленъ и составляетъ главное мѣсто военныхъ поселеній, устроенныхъ на рубежѣ Славоніи. У стѣнъ Землина рѣка Сава вливается въ Дунай, который похожъ здѣсь на пространное озеро; онъ такъ широкъ въ этомъ мѣстѣ, что съ одного его берега едва, едва можно видѣть другой. Въ слѣдствіе такого положенія, весьма выгоднаго для торговли, въ Землинѣ замѣтно много движенія и дѣятельности, которыхъ почти нигдѣ въ остальной Венгріи не видно.

Прямо противъ Землина, въ туманной дали, виднѣются башни и валы Турецкаго города Бѣлграда, преграждающаго входъ въ Сербію. Австрійское начальство строго надзираетъ за тѣмъ, чтобы между обоими берегами не происходило никакихъ сообщеній; это необходимо нужно, потому что въ Сербіи постоянно свирѣпствуетъ чума. Намъ показывали на берегу деревушку, изъ которой всѣ жители бѣжали, напуганные заразою. Въ ней остались только больные, умиравшіе безъ пособія и утѣшенія. Въ одной лишь бѣдной хижинѣ еще свѣтился огонекъ; но и тотъ скоро должна была угасить рука смерти. Такое зрѣлище ужаснуло насъ, и мы были благодарны быстротѣ рѣки, при помощи которой скоро потеряли изъ виду эту деревушку, внушавшую намъ только безплодное къ ней состраданіе.

Мы отправились изъ Землина рано утромъ; Бѣлградъ и его безчисленные минареты, подернутые

утреннимъ туманомъ, и возлымавшіеся какъ бы изъ нѣдръ самаго Дуная, представляли картину истинно великолѣпную. Этотъ большой городъ расположенъ вдоль по Дунаю, на равнинѣ нѣсколько покатой, и со стороны Сербіи замыкается горою, на которой стоитъ крѣпость. Нельзя бы, кажется, ожидать большой разницы между двумя мѣстами, лежащими такъ близко другъ къ другу какъ Землинъ и Бѣлградъ, а однакожь разница эта до того велика, что пріѣхавъ изъ одного города въ другой, можно подумать будто они отдѣлены одинъ отъ другаго огромнымъ пространствомъ. Наружный видъ Землина представляетъ что-то правильное, Европейское, отличается всѣми признаками образованности, а Бѣлградъ носитъ на себѣ печать Азіатской небрежности. При видѣ этихъ красныхъ кровель, среди которыхъ безпорядочно выдаются орѣховыя деревья, черные кипарисы и блестящіе минареты, нельзя не угадать, что въ этомъ Турецкомъ городѣ каждому предоставлено строиться гдѣ и какъ онъ вздумаетъ, обращая по произволу свое жилье или къ Меккѣ, или къ Константинополю. Даже не подъѣзжая къ самому городу, съ середины Дуная, можно замѣтить, что въ этомъ лабиринтѣ деревьевъ и домовъ, улицы должны быть узкія, извилистыя, сырыя.

При пособіи зрительныхъ трубокъ, мы видѣли, у входа въ нѣкоторыя изъ живописныхъ Бѣлградскихъ жилищъ, людей, собравшихся въ кружокъ и спокойно курившихъ, не подозрѣвая того, что между тѣмъ они подвергались подробному осмотру, и что, не смотря на отдаленность, Рафе вѣрно срисовывалъ въ свой альбомъ ихъ смуглыя лица, ихъ пестрыя чалмы. Въ части города, лежащей на возвышеніи, виденъ былъ домъ князя Милоша; а Юсуфъ-паша, начальникъ Турецкихъ войскъ, занимающихъ Бѣлградъ, живетъ въ

Венгерскій караулъ, въ военномъ поселеніи, на берегахъ Дуная.

обширномъ зданіи, помѣщающемся у самыхъ стѣнъ цитадели.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Бѣлграда мы встрѣтили шлюпку, въ которой сидѣло нѣсколько женщинъ, окутанныхъ въ бѣлыя покрывала. Эта шлюпка плыла вверхъ по Дунаю, приближаясь къ его затопленному прибрежью; за нею шло довольно многочисленное прикрытіе, состоявшее изъ людей, ѣхавшихъ верхомъ и вооруженныхъ топорами. Лошади, на которыхъ ѣхали эти люди, шли по грудь въ водѣ. На передней части шлюпки сидѣлъ человѣкъ въ зеленой чалмѣ, которому по видимому, повиновались и женщины, и гребцы, и вооруженные люди, составлявшіе прикрытіе. Вѣроятно, онъ везъ этихъ женщинъ въ гаремъ паши. Эта картина обратила на себя общее вниманіе наше, и мы слѣдили взорами за шлюпкою до тѣхъ поръ, пока потеряли ее изъ виду.

Вскорѣ передъ нами мелькнула Семендрія, которой оградныя стѣны занимаютъ большое пространство. На другой сторонѣ тянется плоскій берегъ, принадлежащій уже не къ Венгріи, а составляющій такъ называемую «Военную Границу» или Банатъ. Тамъ мы увидѣли первые караулы неутомимой стражи, которая день и ночь наблюдаетъ за всѣмъ, появляющимся на Дунаѣ, всегда готовая опять прогнать на Сербскій берегъ всякаго, кто попытается перебраться оттуда въ Австрійскія владѣнія.

Прекрасное и мудрое устройство военныхъ поселеній на Дунаѣ превосходно ограждаетъ безопасность границы, и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ источникомъ благосостоянія для здѣшняго народа. Военная дисциплина, сначала примѣненная только къ огражденію государства отъ заразы, оказала дѣйствіе не менѣе благотворное, когда ее распространили на управленіе,

Венгерскій караулъ въ военномъ поселеніи, на берегахъ Дуная.

обширномъ зданіи, помѣщающемся у самыхъ стѣнъ цитадели.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Бѣлграда мы встрѣтили шлюпку, въ которой сидѣло нѣсколько женщинъ, окутанныхъ въ бѣлыя покрывала. Эта шлюпка плыла вверхъ по Дунаю, приближаясь къ его затопленному прибрежью; за нею шло довольно многочисленное прикрытіе, состоявшее изъ людей, ѣхавшихъ верхомъ и вооруженныхъ топорами. Лошади, на которыхъ ѣхали эти люди, шли по грудь въ водѣ. На передней части шлюпки сидѣлъ человѣкъ въ зеленой чалмѣ, которому по видимому, повиновались и женщины, и гребцы, и вооруженные люди, составлявшіе прикрытіе. Вѣроятно, онъ везъ этихъ женщинъ въ гаремъ паши. Эта картина обратила на себя общее вниманіе наше, и мы слѣдили взорами за шлюпкою до тѣхъ поръ, пока потеряли ее изъ виду.

Вскорѣ передъ нами мелькнула Семендрія, которой оградныя стѣны занимаютъ большое пространство. На другой сторонѣ тянется плоскій берегъ, принадлежащій уже не къ Венгріи, а составляющій такъ называемую «Военную Границу» или Баннатъ. Тамъ мы увидѣли первые караулы неутомимой стражи, которая день и ночь наблюдаетъ за всѣмъ, появляющимся на Дунаѣ, всегда готовая опять прогнать на Сербскій берегъ всякаго, кто попытается перебраться оттуда въ Австрійскія владѣнія.

Прекрасное и мудрое устройство военныхъ поселеній на Дунаѣ превосходно ограждаетъ безопасность границы, и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ источникомъ благосостоянія для здѣшняго народа. Военная дисциплина, сначала принаровленная только къ огражденію государства отъ заразы, оказала дѣйствіе не менѣе благотворное, когда ее распространили на управленіе,

стоянкахъ парохода, стоянкахъ, на которыя путешественникъ пріѣзжаетъ уже ночью, такъ что не имѣетъ времени осмотрѣть такія мѣста, съ которыми ему хотѣлось бы ознакомиться, забыли о плохомъ столѣ, какимъ пользовались на нашемъ кораблѣ, и тѣмъ легче примирились съ пароходомъ, что приближалось время, когда намъ должно было проститься съ нимъ. Наслаждаясь величественнымъ зрѣлищемъ ревущихъ водъ и роскошной растительности, мы прибыли къ небольшому домику, уединенно стоявшему на лѣвомъ берегу рѣки. Въ этотъ домикъ путешественниковъ не пускаютъ; онъ отворяется только для товарныхъ тюковъ; его имя Дренково: вотъ цѣль и главная причина медленной трехдневной поѣздки парохода. Здѣсь должно намъ было проститься съ нимъ, хотя мы еще могли ночевать на немъ. Также какъ и Башіашъ, Дренково есть совершенно пустое мѣсто; вы не найдете тутъ ни города, ни деревни, ни даже бѣднаго постоялаго двора. Вы пріѣхали въ Дренково, — вотъ и все; сошли на берегъ, но не увидите на немъ ничего. Взгляните на эту свѣтлую зелень, на эти цвѣтущіе кусты, на эти горы величественныя и мрачныя, прислушайтесь къ пустыннымъ отголоскамъ, которые вторятъ шумъ вашихъ шаговъ. . . Вотъ все, что ожидаетъ васъ въ Дренковѣ! . .

Однакожь этотъ необитаемый берегъ исполненъ прелести, именно потому что пустъ, что на немъ господствуетъ совершенная тишина. Со всѣхъ сторонъ васъ окружаетъ роскошная растительность; среди самаго лѣта вы наслаждаетесь въ этомъ мѣстѣ чрезвычайно пріятною температурою, потому что сосѣдство горъ умѣряетъ дѣйствіе солнечныхъ лучей. Единственные люди, которые посѣщаютъ эту пустыню — пастухи, приходящіе сюда иногда со стадами. Одежда этихъ

людей, исключительно обычная жителямъ здѣшней части Банната, вся состоитъ изъ овечьихъ кожъ, которыя они надѣваютъ, смотря по времени года, то шерстью внизъ, то шерстью вверхъ. Самыя шапки ихъ сдѣланы также изъ овчинъ.

Всѣ мы вышли на берегъ погулять; послѣ продолжительнаго плаванія намъ было до крайности пріятно походить по землѣ. Натуралисты наши въ нѣсколько минутъ разсѣялись по всѣмъ направленіямъ, а Рафе между тѣмъ усѣлся на дорогѣ и срисовывалъ въ свой альбомъ каждаго прохожаго.

Между прочимъ онъ срисовалъ нѣсколько здѣшнихъ женщинъ. Эти женщины носятъ на головѣ что-то въ родѣ вѣнца, составленнаго изъ ткани, свернутой цилиндрически. Рубашки у нихъ спереди имѣютъ широкій разрѣзъ, оставляющій грудь почти совершенно открытою. Прочія части бѣдной одежды ихъ состоятъ изъ весьма узкой юбки, поверхъ которой надѣты одинъ на другой два передника, отличающіеся разными яркими цвѣтами. Кромѣ того Рафе срисовалъ нѣсколько солдатъ-поселенцевъ, одѣтыхъ въ самый простой мундиръ и ветхую шинель; онъ снялъ также костюмъ нѣсколькихъ кавалеристовъ, принадлежавшихъ къ здѣшнему обсерваціонному корпусу. На головѣ этихъ людей, вообще обмундированныхъ довольно живописно, была надѣта шапка изъ черной овчины, усѣянная желѣзными и мѣдными гвоздиками. Они охотно исполняли требованія нашего живописца и получая небольшую плату за то, что соглашались простоять нѣсколько минутъ недвижно, предавались по видимому, изумленію и радости.

Но какъ бы ни было прекрасно мѣстоположеніе, все таки пріятнѣе найти на ночь какое нибудь убѣжище, нежели подвергаться необходимости ночевать подъ

открытымъ небомъ, а потому на этотъ разъ, мы не безъ удовольствія отправились спать на пароходѣ.

Четвертый день нашего плаванія, (8-е іюля), начался при весьма пріятныхъ предзнаменованіяхъ. На самомъ разсвѣтѣ отправили впередъ, въ Старую Оршову, барку, нагруженную нашими повозками и поклажей. Отъ Дренкова до Старой Оршовы суда большаго размѣра уже не могутъ ходить по Дунаю, который въ этихъ мѣстахъ наполненъ подводными камнями и водоворотами. Отсюда путешественники отправляются въ легкихъ плоскодонныхъ судахъ, могущихъ проходить безопасно, во всякое время года, по этой части Дуная, не смотря на преграды, препятствующія плаванію. И такъ мы сѣли въ красивое осьми-весельное судно, снабженное въ задней части маленькою каютою. На флагѣ его, развѣвавшемся поверхъ небольшой мачты, были начертаны слѣдующія слова: *Tünde*. Эти слова означали имя нашего судна. Едва отчалили мы отъ берега, какъ уже замѣтили, что хотя въ этомъ мѣстѣ Дунай течетъ несравненно быстрѣе, однакожь поверхность его представляется въ видѣ самомъ спокойномъ. Но приближаясь къ селенію Ислачь, лежащему на Банатскомъ берегу, мы увидѣли, что большая часть Дуная была покрыта кипящею пѣною. Здѣсь, начиная отъ Венгерскаго берега, цѣлая гряда камней простирается далеко подъ водою поперекъ рѣки, такъ что для прохода черезъ это мѣсто, суда вынуждены держаться очень близко къ Сербскому берегу, гдѣ они съ чрезвычайною скоростью уносятся быстриною рѣки. Нѣсколько минутъ плыли мы среди водоворотовъ и шумно ревѣвшихъ волнъ, потомъ вошли въ спокойное мѣсто, но не надолго, и вскорѣ опять понеслись между камней, покрытыхъ бѣлою пѣною. Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, по-

ка горы начали понижаться и водамъ Дуная, до того времени стѣсненнымъ, открылось болѣе простора.

По временамъ мы видѣли нѣсколько селъ, какъ на Сербскомъ берегу, такъ и на Венгерскомъ. Между прочимъ вниманіе наше обратило на себя довольно красивое село Миланово, выстроенное въ Сербіи не болѣе какъ лѣтъ пять назадъ, въ честь одного изъ сыновей князя Милоша, на мѣстѣ печальной деревушки *Бирниксы*. Слѣва мимо насъ мелкнула Трикулія, старинная крѣпость, состоящая только изъ трехъ башенъ, изъ которыхъ двѣ, совершенно сходныя по своему устройству, стоятъ на высокой скалѣ, а третья, со всѣхъ сторонъ омываемая Дунаемъ, соединяется съ предыдущими посредствомъ моста. Эта старинная крѣпость въ настоящее время занята карантиннымъ карауломъ.

Вскорѣ Дунай входитъ въ новую тѣснину, и волны его яростно бьются о каменныя преграды, ихъ задерживающія. Здѣсь мы вышли на берегъ и передъ нами со всѣхъ сторонъ открылось самое величественное зрѣлище, которому подобнаго мы еще не встрѣчали во все продолженіе нашего плаванія. По обоимъ берегамъ тянется каменная стѣна слишкомъ въ восемь сотъ футовъ вышины. По этой стѣнѣ, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ поверхности Дуная, вьется великолѣпная дорога, недавно только проложенная по огромнымъ утесамъ, простирающимся вдоль берега, и вполнѣ достойная сравненія съ Римскими дорогами, которыхъ драгоцѣнные остатки еще уцѣлѣли на Сербской сторонѣ. На Баннатскомъ берегу есть обширная пещера, и въ ней какой-то предпріимчивый человѣкъ, пользуясь мѣстными удобствами, устроилъ нѣкотораго рода гостинницу. Отдохнувъ нѣсколько времени въ этомъ прохладномъ убѣжищѣ, мы отправились по опи-

санной дорогѣ, которая привела насъ къ другой пещерѣ, называемой *Ветерани* и знаменитой во всей здѣшней странѣ по прекраснымъ легендамъ объ изгнанникахъ и разбойникахъ, укрывавшихся въ этой пещерѣ, и о сраженіяхъ, близь нея происходившихъ.

Говорятъ, что во время войны съ Турками въ 1788 году, пещера Ветерани была занята пѣхотнымъ гарнизономъ, и при входѣ ея стояла пушка, съ великимъ трудомъ взвезенная на такую крутизну. Изъ этой пушки, съ высоты недоступнаго мѣста, на которомъ ее поставили, гарнизонъ обстрѣливалъ на далекое разстояніе все теченіе Дуная.

Осмотрѣвъ эту примѣчательную пещеру, мы спустились опять къ нашей шлюпкѣ, которая снова понеслась внизъ по теченію, приближаясь къ Сербскому берегу. Съ этой стороны въ скалахъ правильно изсѣчена дорога, вьющаяся вдоль всего берега Дуная, и составляющая памятникъ Римлянъ, которые вели продолжительную войну съ жителями Дакіи, и долго занимали здѣшнюю страну, прежде еще нежели основали въ ней свои поселенія.

Вскорѣ, на томъ же берегу, мы увидѣли, между кустами, огромную надпись. Гребцы остановились на нѣсколько минутъ для доставленія намъ возможности разсмотрѣть этотъ слѣдъ, свидѣтельствующій о прохожденіи здѣсь сыновъ побѣдоноснаго, великаго народа. Надпись довольно длинная, высѣчена въ громадномъ вертикальномъ утесѣ и окружена рамою, которая также высѣчена въ утесѣ и покрыта превосходными рѣзными украшеніями. По бокамъ рамы видны изображенія орловъ съ распущенными крыльями, не очень хорошо сохранившіяся. Надпись испортилась отъ времени и отъ дѣйствія огней, часто разводимыхъ здѣсь по ночамъ пастухами;

но въ двухъ первыхъ строкахъ можно еще разобрать слѣдующія слова:

IMP. CÆS. D. NERVÆ FILIUS NERVA TRAJANUS
GERM. PONT. MAC.

Для того, чтобы не встревожить береговую стражу, мы разсматривали издали этотъ величественный памятникъ, который какъ-то странно видѣть въ мѣстѣ пустынномъ, оставшемся и до сихъ поръ почти въ такомъ же варварскомъ состояніи, въ какомъ оно было, когда въ немъ проходили Траяновы легіоны. Потомъ мы опять понеслись по Дунаю въ Старую Оршову, древнюю Баннатскую крѣпость и вскорѣ прибыли въ этотъ городъ, гдѣ нашли одинъ только трактиръ, и то чрезвычайно бѣдный.

Изъ всѣхъ пассажировъ, ѣхавшихъ съ нами на пароходѣ, при насъ остались только старый Армянскій купецъ, замѣчательный по его любезности въ обращеніи, да молодая Француженка, отправлявшаяся въ Бухарестъ, та самая, которая въ Петервардейнѣ подвергалась опасности, спрыгнувъ въ лодку. Армянинъ, который съ давнихъ временъ, очень часто плавалъ по Дунаю и превосходно зналъ все его теченіе, не переставалъ толковать объ опасностяхъ, какимъ мы должны были подвергнуться на слѣдующій день, при переѣздѣ черезъ одно трудное мѣсто, называемое по Турецки *Демиръ-Гапи* (желѣзныя ворота). Онъ увѣрялъ, что съ нашей стороны будетъ до крайности неблагоразумно оставаться на шлюпкѣ во время прохода черезъ это мѣсто, и мы рѣшились отправиться вмѣстѣ съ нимъ сухимъ путемъ до мѣстечка Скелы, гдѣ насъ ожидалъ пароходъ, содержащій сообщеніе по нижнему Дунаю. Такое путешествіе сухимъ путемъ со-

медициною, фармаціею, и наконецъ сдѣлался прислужникомъ вельможи. Впрочемъ онъ былъ бѣденъ какъ философъ, хотя отличался необыкновенною наглостью и плутовствомъ. Съ какимъ неистощимымъ велерѣчіемъ превозносилъ онъ богатство, силу и щедрость своего знаменитаго покровителя! А между тѣмъ, тутъ же было нѣсколько бѣдныхъ канонеровъ, которыхъ жалкій изорванный мундиръ доказывалъ, что щедрость эта не распространялась по крайней мѣрѣ на солдатъ Милошевыхъ.

Оршова лежитъ такъ близко къ Турціи, что не смотря на всѣ карантинныя предосторожности, принимаемыя Австрійскимъ правительствомъ, не должна почитать себя въ совершенной безопасности. По этой-то причинѣ мѣры начальства часто доходятъ даже до чрезвычайной строгости. Горе туристу, который, положась на прекрасное пароходное сообщеніе, существующее по Дунаю между Константинополемъ и Вѣною, изберетъ этотъ путь! Вмѣсто того, чтобы сократить свою поѣздку, онъ продолжитъ ее. Послѣ медленнаго плаванія вверхъ по рѣкѣ, ему придется еще выдержать въ Оршовѣ четырнадцати-дневный карантинъ. Впрочемъ Оршова, хотя городокъ весьма небольшой, отличается однакожъ многими особенностями. Насъ все здѣсь поражало, и военные поселенцы въ своемъ живописно-безпорядочномъ костюмѣ, и женщины, замѣчательныя по своему безпечному виду, даже дѣти, которыхъ шаловливость представляла что-то странное при широкой одеждѣ, носимой здѣсь всѣми вообще жителями.

Изъ Старой Оршовы мы отплыли на другой баркѣ, болѣе обширной и прочнѣе устроенной, чѣмъ та, которая везла насъ наканунѣ. Вскорѣ мы поравнялись съ Новою Оршовою, называемою по Турецки *Ада-Галегъ*,

то есть «укрѣпленный островъ». Это-то укрѣпленное мѣсто составляетъ любимое жилище князя Милоша: оно устроено на прекрасномъ низменномъ островѣ, покрытомъ зеленью и кустами, между которыми видны кое-гдѣ бѣдныя мазанки. Укрѣпленія здѣшнія находятся въ самомъ жалкомъ состояніи; въ постройкѣ ихъ не замѣтно никакого плана; видно, что ихъ воздвигали люди невѣжественные, что каждый паша, по своему усмотрѣнію, прибавлялъ новыя постройки, безъ всякаго знанія дѣла, не слѣдуя нисколько правиламъ искусства. На Сербскомъ берегу возвышается большая укрѣпленная башня, защищенная съ боковъ казематными баттареями, бьющими въ урѣзъ по водѣ. Эти баттареи, вмѣстѣ съ укрѣпленіями Ада-Галега, могутъ дѣйствовать перекрестно и повсюду покрывать своимъ огнемъ рукавъ Дуная, омывающій правую сторону острова. Такимъ образомъ весь этотъ рукавъ удерживается во владѣніи Сербіи. Оставивъ позади себя оба описанныя укрѣпленія, мы вошли въ такое мѣсто, гдѣ Дунай очень мелководенъ, и усѣянъ каменьями, вокругъ которыхъ яростно вращаются и бьются его пѣнистыя волны.

По самому опасному мѣсту шли мы не менѣе двадцати минутъ. Проходъ этотъ представляетъ картину истинно величественную, какъ по причинѣ зрѣлища шумно плещущихъ, разъяренныхъ волнъ, такъ по дикой красотѣ сосѣднихъ горъ и обширной перспективѣ, открывающейся вдали.

Но вскорѣ потомъ Дунай принялъ опять свой величавый видъ: весело, широко разлился онъ между берегами Валахіи и Сербіи, какъ бы отдыхая отъ усилій, какимъ предавался и волненія, испытаннаго не за долго передъ тѣмъ. Отсюда мы увидѣли на обнаженномъ Валашскомъ берегу нѣсколько бѣдныхъ ша-

лашей. Это сборище хижинъ называется Скелою; прямо противъ нея, на Турецкомъ берегу, выстроена Кладова.

Здѣсь оканчиваются опасности, представляемыя плаваніемъ по Дунаю; съ этого мѣста на немъ нѣтъ никакихъ препятствій. У безплоднаго берега стоялъ большой пароходъ «Арго», ожидавшій только насъ, чтобы пуститься по широкому, спокойному ложу рѣки, отсюда вездѣ текущей уже по однимъ только Турецкимъ владѣніямъ.

Съ перваго взгляда на Валахію, къ берегамъ которой мы пристали, нельзя было сдѣлать выгоднаго заключенія о ея почвѣ. Поля пустынныя, безжизненныя, нѣсколько хижинъ изъ хворосту, смазаннаго глиною, вотъ все, что представляется взорамъ путника, ожидающаго въ Скелѣ пока его примутъ на пароходъ. Однакожь мы воспользовались нашимъ невольнымъ досугомъ и посѣтили Чернецъ, небольшой городокъ, лежащій почти на милю во внутренности страны. Въ немъ насъ преимущественно поразила его физіономія совершенно восточная. Чернецъ весь состоитъ изъ одной длинной, извилистой улицы, окаймленной лавками и навѣсами, отъ которыхъ проходъ по улицѣ еще болѣе стѣсняется. Всѣ эти лавки очень грязны и въ нихъ выставлены на продажу товары, во все не имѣющіе ничего привлекательнаго. Тогда былъ день воскресный, жители не были заняты никакою работою. Мущины курили, сидя съ поджатыми ногами у дверей своихъ жилищь; женщины, хотя ихъ не содержатъ здѣсь въ заперти, сидѣли однакожь отдѣльно отъ мущинъ, въ положеніи небрежномъ, опершись подбородкомъ на одно колѣно, между тѣмъ какъ другая нога покоилась на землѣ; и всѣ онѣ забавлялись только безконечною болтовнею. Странно! однакожь такое по-

ложеніе имѣетъ что-то привлекательное; въ немъ есть какая-то небрежность, совершенно согласующаяся съ выраженіемъ томности, господствующимъ на лицѣ у большей части этихъ женщинъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя еще молоды. Въ здѣшнихъ народныхъ костюмахъ очень много восточнаго. Впрочемъ и вообще, при видѣ этихъ людей важныхъ, недвижныхъ, отличающихся лицами полу-мрачными, сидящихъ съ глазами потупленными, чувствуешь, что Турція отсюда недалеко, и что она оставила на долгое время свой слѣдъ въ Чернецѣ. При насъ происходилъ Валашскій танецъ, исполненный оригинальности и весьма характерный: шесть человѣкъ, выстроенныхъ въ одну линію и державшихся рука за руку, двигались, подъ звуки двухъ скрипокъ, то въ лѣво, то въ право; это было что-то въ родѣ марша, только иные изъ плясавшихъ ступали просто, а другіе, смотря по способностямъ и вкусу своему, выдѣлывали разные вычурные па. Корифеями въ этомъ танцѣ были крайніе съ обоихъ концовъ линіи танцовщики; они вели всю цѣпь танцовавшихъ то въ лѣво, то въ право, опираясь не занятою рукою на трость. Они же преимущественно умѣли придать своему танцу мужественный, величавый характеръ. Съ особеннымъ успѣхомъ въ этомъ важномъ дѣлѣ отличался какой-то молодой Валашскій сержантъ: гордо поднявъ голову, онъ увлекалъ сильною рукою всю цѣпь танцующихъ, и по временамъ съ самодовольствіемъ посматривалъ на свои ноги, которыя двигались у него чрезвычайно живо, но всегда въ попадъ подъ музыку. Музыканты принадлежали къ кочующимъ цыганамъ, которыхъ въ Валахіи чрезвычайно много. Одинъ изъ этихъ музыкантовъ замѣчателенъ былъ своею необыкновенною красотою, и мы съ живѣйшимъ состраданіемъ видѣли, какъ сержантъ

отличавшійся искусствомъ въ танцованіи, жестоко прибилъ палкою этого интереснаго цыгана, который, хотя по его наружности ни какъ нельзя было полагать, чтобы онъ имѣлъ душу подлую, снесъ однакожь терпѣливо и съ покорностью наносимые ему побои.

Возвратясь изъ Черпеца, мы нашли, что пароходъ нашъ «Арго» подвергся особеннаго рода бомбардированію, состоявшему въ томъ, что жители Скелы бросали на него безчисленное множество земляныхъ черепахъ. Это бомбардированіе забавляло равнымъ образомъ какъ осажденныхъ такъ и ихъ противниковъ.

Мы не думали ѣхать на пароходѣ до Галаца, крайняго мѣста, гдѣ останавливается плаваніе судовъ, принадлежащихъ компаніи, которая содержитъ пароходное сообщеніе по Дунаю, а намѣревались сойти на берегъ въ Валахіи у древней крѣпости Журжевы и отсюда сухимъ путемъ доѣхать до Бухареста. Пароходъ «Арго» могъ бы идти гораздо скорѣе того парохода, на которомъ мы ѣхали изъ Песта, если бы не былъ вынужденъ тащить за собою на буксирѣ огромную барку, нагруженную углемъ, назначавшимся для одного изъ складочныхъ мѣстъ пароходной линіи. Во все 10-е число день былъ мрачный, дождливый, вѣтеръ дулъ съ чрезвычайною силою, и тяжесть огромной барки, тащившейся за нами, не только задерживала нашъ ходъ, но еще не разъ угрожала намъ опасностями, которымъ подвергалась и сама на равнѣ съ нами. Случилось даже однажды, что барка ударилась о пароходъ и вся передняя часть ея была сломана. На починку этого поврежденія потеряли очень много времени. Къ довершенію несчастія капитанъ парохода, природный Италіянецъ, не зналъ ни какого языка, кромѣ Италіянскаго, и вовсе не могъ объясняться съ матросами своими, которые всѣ были Валахи или Венгры. Еще разъ повторяемъ, для выгоды самой же компаніи Дунайскаго пароходства, что будущность ея полезнаго предпріятія можетъ быть упрочена только въ то время, когда во первыхъ, она займется хорошимъ образованіемъ своихъ экипажей, образованіемъ, которое до сихъ поръ имѣетъ много недостатковъ, и во вторыхъ, когда пассажиры ея при быстротѣ ѣзды, будутъ еще пользоваться всѣми удобствами и безопасностью, какихъ люди каждаго сословія имѣютъ право требовать отъ общественнаго заведенія.

Вскорѣ мы поравнялись съ Виддиномъ. Хотя въ самомъ городѣ еще не было чумы, но однакожь она свирѣпствовала въ его окрестностяхъ. Увлекаемые чрезвычайно быстрымъ теченіемъ, мы едва успѣли взглянуть на нѣкоторыя укрѣпленія этого города, находившіяся въ хорошемъ состояніи. Надъ самыми почти стѣнами крѣпости возвышался гаремъ Сеида-паши, отличающійся множествомъ оконъ и балконовъ, устроенныхъ чрезвычайно неправильно. Намъ сказывали, что у Сеида-паши не менѣе ста женъ, которыя равнодушно ожидаютъ, чтобы чума поубавила ихъ число и доставила нѣкоторымъ изъ нихъ, до нынѣ пренебреженнымъ, случай попасть въ милость къ пашѣ-повелителю. Въ Виддинѣ есть достаточное число зданій довольно красивыхъ, почти изящныхъ, окруженныхъ зеленѣющими деревьями. Въ немъ также чрезвычайно много минаретовъ тонкихъ, узкихъ, которые не съ чѣмъ сравнить кромѣ свѣчи, прикрытой серебрянымъ тушильникомъ. Здѣсь есть нѣсколько войскъ, содержимыхъ въ хорошемъ состояніи, небольшое судостроительное заведеніе и арсеналъ; а по берегамъ видны разставленныя рядами канонирскія лодки. Все

это свидѣтельствуетъ о присутствіи начальника дѣятельнаго и зоркаго, достойнаго управлять столь важнымъ городомъ, имѣющимъ не менѣе тридцати тысячъ жителей.

Отъ Лонъ-Паланки, перваго Булгарскаго города, Виддинъ отдѣляется обширною страною, которая совершенно лишена всякой растительности и представляетъ ужасную, безплодную пустыню. Далѣе лежитъ Ореава, гдѣ въ то время убійственнымъ образомъ свирѣпствовала чума.

Избавясь наконецъ отъ докучной барки, которую мы тащили на буксирѣ, капитанъ парохода задумалъ вознаградить потерянное время, и потому рѣшился на эту ночь нигдѣ не останавливаться. Полагаясь на опытность отличнаго Венгерскаго лоцмана, онъ повезъ насъ среди многочисленныхъ Дунайскихъ островковъ, между которыхъ рѣка проложила себѣ проходы нерѣдко столь обширные, что они сходствуютъ съ открытымъ моремъ. Цистова и Рущукъ были послѣдніе Булгарскіе города, видѣнные нами на правомъ берегу Дуная, который еще недавно служилъ театромъ войны, а теперь былъ опустошаемъ инымъ бичемъ человѣчества—чумою. Но что дѣлать? надобно было привыкнуть къ этимъ мыслямъ; мы плыли въ странѣ, обилующей бѣдствіями. Вскорѣ пароходъ повернулъ къ лѣвому берегу, перерѣзалъ поперекъ весь Дунай, и плыва вдоль островковъ, шумомъ своимъ спугнулъ цѣлыя стаи пеликановъ, баклановъ и журавлей. Наконецъ онъ высадилъ насъ на берегъ въ княжествѣ Валахіи у разрушенныхъ стѣнъ Журжевы.

Берегъ здѣсь до такой степени крутъ, что на него съ величайшимъ трудомъ, и то съ помощью многихъ лошадей, могли встащить нашъ багажъ и экипажи.

Напослѣдокъ однакожь всѣ мы вышли, и рады были отдохнуть послѣ плаванія, которое нѣсколько утомило насъ однообразіемъ видовъ, представлявшихся намъ въ этой части переѣзда. Не иначе какъ съ большими и скучными хлопотами могли мы добыть почтовыхъ лошадей, для того чтобы доѣхать до Бухареста. Цѣлые три часа выпуждены мы были бѣгать и просить, пока наконецъ въ распоряженіе наше отдали всѣхъ лошадей Журжевской почтовой станціи, содержимыхъ обыкновенно въ загонѣ, подъ открытымъ небомъ. Всѣхъ лошадей, приведенныхъ къ намъ, было двадцать четыре; но ихъ было достаточно только для двухъ повозокъ. Упряжь этихъ повозокъ заслуживаетъ особеннаго описанія. Порода здѣшнихъ лошадей какая-то неизвѣстная; онѣ вообще малы и сухи, но очень живы, сильны и бѣгутъ съ необыкновенною быстротою. Запрягаютъ ихъ очень просто, посредствомъ двухъ короткихъ веревокъ, замѣняющихъ постромки и связанныхъ на груди ремнемъ. Вокругъ головы у нихъ намотана другая веревка потоньше, замѣняющая недоуздокъ; удилъ и подковъ лошади эти не знаютъ, а потому и запряженныя находятся почти въ совершенной свободѣ. Если, во время переѣзда отъ одной станціи до другой, лошади устанутъ, то почтальонъ слѣзаетъ, третъ имъ глаза, тянетъ уши и увѣренъ, что при помощи одного этого тренія силы лошадей возстановятся, точно такъ же какъ послѣ добраго отдыха. Запрягли двѣ повозки, и въ каждую по двѣнадцати лошадей. Возбуждаемыя протяжными, пронзительными криками полунагихъ почтальоновъ, лошади эти вдругъ понеслись по равнинѣ, изрѣзанной оврагами, ручьями и бездонными лужами. Къ вечеру мы прибыли въ Бухарестъ, но не всѣ; нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ остались въ Журжевѣ, ожидая пока пріѣдутъ и за ними. Этимъ вре-

менемъ они воспользовались для присутствованія при увеселеніяхъ, къ которымъ подалъ поводъ праздникъ Святаго Петра. Предоставляю имъ самимъ описать эти увеселенія.

III

БУХАРЕСТЪ. — ВАЛАХІЯ.

Обширная равнина, простирающаяся между Журжевою и Бухарестомъ, перерѣзана, отъ мѣста до мѣста, довольно глубокими рытвинами и оврагами, которые въ дождливое время обращаются въ быстрые потоки, опасные для проѣзжихъ. Не разъ наши тяжелыя кареты увязали въ болотистой почвѣ, поверхъ которой дорога была укрѣплена только набросанными на нее сучьями. А потому горе повозкѣ, если она глубоко погрузится въ эту иловатую почву; ей придется долго тутъ оставаться, ожидая пока ее вытащатъ. Впрочемъ, на этой грустной дорогѣ проѣзжіе столь

же рѣдко встрѣчаются, какъ и селенія, если только можно называть селеніями жалкія сборища бѣдныхъ шалашей, устроенныхъ изъ хвороста, смазанныхъ грязью и занятыхъ несчастными семействами, живущими въ крайней нищетѣ.

Но во время нашего проѣзда жители этихъ бѣдныхъ мѣстечекъ располагались весело встрѣтить наступающій праздникъ; цыгане готовили свои скрипки; кисло-сладкая жидкость, которую Валашскіе крестьяне привыкли называть виномъ, внушала и имъ самимъ и ихъ смуглымъ красавицамъ сильную охоту поплясать. Развеселенныя тѣмъ же напиткомъ, и старухи принялись хриплымъ голосомъ распѣвать пѣсни, дошедшія до нихъ по преданію, и можетъ быть слышанныя еще Даками и Римлянами во времена Децевала и Траяна.

Мы проѣхали довольно скоро двадцать миль, отдѣляющія Журжеву отъ Бухареста. До тѣхъ поръ, пока ѣдешь по ровной дорогѣ, извивающейся по лугамъ, путешествіе совершается быстро и легко. Эти сухія, голодныя лошади, прикрѣпленныя къ экипажамъ только плохими веревками, везутъ путешественниковъ съ неимовѣрною скоростью. Почтальоны, взобравшись на свои высокія деревянныя сѣдла, и перекинувъ черезъ плечо веревки, служащія вмѣсто вожжей, кричатъ, машутъ руками какъ бѣшеные, и безпрерывно гонятъ во весь опоръ многочисленную стаю своихъ полу-дикихъ коней, запряженныхъ въ одну только карету. Иногда этотъ странный поѣздъ несется по лугамъ, поросшимъ высокою травою, и лошади пользуясь случаемъ, хватаютъ на лету нѣсколько клоковъ травы, которую съѣдаютъ, продолжая скакать. По прибытіи на станцію, лошадей очень скоро и легко освобождаютъ отъ простой, описанной выше сбруи; послѣ того почтальоны, въ

знакъ своего удовольствія и для того, какъ они говорятъ, чтобы поуспокоить лошадокъ, принимаются крѣпко тянуть имъ уши и гриву, а потомъ пускаютъ отдыхать на лугу, гдѣ трава вся высохла отъ солнечнаго зноя.

Былъ уже поздній вечеръ, когда мы пріѣхали въ Бухарестъ. Намъ было очень затруднительно отыскать ночлегъ въ незнакомомъ намъ, большомъ городѣ, состоящемъ изъ улицъ темныхъ, извилистыхъ. Но наиболѣе насъ затрудняло то обстоятельство, что наши проводники не понимали ни слова изъ нашихъ рѣчей. Намъ сказывали, что единственное мѣсто, гдѣ пріѣзжіе могли остановиться, былъ клубъ, устроенный при театрѣ. Однакожь хозяинъ этого заведенія едва было не отказался принять насъ. Мы принуждены были долго просить его и дождаться окончанія спектакля, пока насъ пустили въ двѣ комнаты, изъ которыхъ можно было пройти прямо на сцену. Впрочемъ, мы не имѣли права жаловаться на наше закулисное помѣщеніе, потому что не смотря на него, насъ не замедлили посѣтить самыя почтенныя особы.

И дѣйствительно, едва успѣли мы вобраться въ нашу квартиру, какъ явился отъ Господаря офицеръ, съ предложеніемъ всѣхъ возможныхъ услугъ. Въ тоже самое время поставили караульныхъ у нашихъ экипажей, которые находясь посреди обширнаго двора, доступнаго всякаго рода людямъ, могли подвергнуться обыску цыганъ, весьма склонныхъ къ воровству. Эти бездомные бродячіе нищіе уже успѣли, по пріѣздѣ нашемъ, пользуясь сумятицею, присвоить себѣ нѣсколько изъ нашихъ вещей, впрочемъ, по счастію, не очень дорогихъ.

Мы совѣтуемъ каждому усталому путешественнику, пріѣхавъ въ Бухарестъ, тотчасъ же отправиться въ

прекрасныя Турецкія бани, которыя и мы не замедлили посѣтить. Въ этихъ заведеніяхъ, находящихся большею частью въ кварталѣ Бухареста, орошаемомъ Домбовицею, соединены всѣ утонченности, къ какимъ восточные жители прибѣгаютъ для того, чтобы сдѣлать истинное наслажденіе изъ физической потребности омовенія тѣла. Нечего говорить, что кромѣ наслажденія, доставляемаго паровыми банями, онѣ еще очень полезны для здоровья. Магометъ поступилъ весьма благоразумно, поставивъ своимъ послѣдователямъ въ религіозную обязанность простое гигіэническое правило; за то и мусульмане съ своей стороны, строго исполняя это предписаніе, всячески озаботились обратить его въ одно изъ самыхъ любимыхъ своихъ удовольствій, предаваясь которому, они испытываютъ, по собственному сознанію, невыразимое наслажденіе, исполняющее пріятною нѣгою весь составъ тѣла. И въ самомъ дѣлѣ ни съ чѣмъ нельзя сравнить пріятное, исполненное томности ощущеніе, какое утомленный человѣкъ, по выходѣ изъ этой теплой паровой бани, гдѣ его крѣпко натирали ароматическими веществами, испытываетъ распростершись на мягкихъ тюфякахъ. Особенно усладительно въ это время курить трубку, впивать благоуханія, которыя кладутся въ эту трубку и время отъ времени пить холодную воду, подслащенную распущенными въ ней розовыми конфектами. При томъ такое полное услажденіе всѣхъ чувствъ покупается въ Бухарестѣ за самую дешевую плату. Вотъ почему желательно, чтобы Вѣнскіе и Парижскіе обычаи, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе укореняющіеся въ Бухарестѣ, не изгнали двухъ единственныхъ предметовъ, которые приносятъ честь Туркамъ, и могли бы очень пригодиться даже для Европейскихъ обществъ; эти предметы — баня и кофе.

Въ первый день нашего пребыванія въ Бухарестѣ мы были посѣщены нѣсколькими значительными лицами, и сами отплатили имъ визиты. При этихъ взаимныхъ посѣщеніяхъ, мы уже успѣли составить себѣ нѣкоторое общее понятіе о Бухарестѣ и его жителяхъ. Впрочемъ, здѣшнее общество обнаруживало передъ нами самую изысканную вѣжливость, и уже съ перваго дня мы получили такое множество приглашеній, что еслибы съѣздили хоть по одному разу во всѣ домы, въ которыхъ намъ предлагали гостепріимство, то были бы вынуждены прожить въ Бухарестѣ гораздо долѣе, нежели сколько могли.

Господарь извѣстилъ насъ, что назначаетъ намъ у себя пріемъ въ тотъ же вечеръ. Между тѣмъ, въ ожиданіи этого пріема, мы отправились на гулянье, на которомъ каждый день собирается все высшее Бухарестское общество, въ собственныхъ каретахъ, потому что здѣшніе богачи въ наемныхъ никогда не ѣздятъ, а всегда имѣютъ собственныхъ лошадей и экипажъ. Намъ, какъ иностранцамъ, очень было любопытно видѣть въ сборѣ всю знать этой столицы. Надобно однакожь сознаться, что гульбище это, посѣщаемое многочисленною и отборною публикою, не совсѣмъ достойно такой чести. Это просто длинная, пыльная улица. Достигнувъ ея крайней оконечности и выбравшись изъ города, вы въѣдете въ длинную аллею, въ которой дорога содержится очень дурно и отъ того чрезвычайно тряска, деревья посажены не болѣе какъ три года назадъ и конечно можетъ быть будутъ доставлять прохладительную тѣнь потомкамъ нынѣшнихъ Валаховъ, но покамѣстъ нисколько не защищаютъ гуляющихъ отъ солнечнаго зноя. Вокругъ этого гульбища, куда ни взглянешь, простирается плоская белотистая равнина, не представляющая взору ничего при-

влекательнаго. Какъ бы то ни было, однакожъ по этой дорогѣ тянулись длинною цѣпью многочисленные экипажи, и каждый вечеръ сюда съѣзжается отборное общество этой, можно сказать, пестрой націи, измѣняющей въ настоящее время и нравы свои и костюмы. Въ одной и той же каретѣ вы увидите женщинъ, которыя въ туалетѣ и кокетствѣ всячески подражаютъ Вѣнскимъ щеголихамъ, молодыхъ людей одѣтыхъ по Европейски, въ черный фракъ , и какого нибудь стараго боярина съ почтенною, благородною наружностью, съ длинною, совершенно сѣдою бородою, въ монументальной шапкѣ, занесенной сюда Фанаріотскими Греками. На козлахъ важно сидятъ кучера, то одѣтые въ Русскій кучерской кафтанъ, длинный и перетянутый кушакомъ, то наряженные въ Турецкій костюмъ, съ широкою чалмою, или въ Арнаутскій съ бѣлою, развѣвающеюся юпкою. Однимъ словомъ этотъ длинный поѣздъ, быстро катившійся въ вечернемъ сумракѣ, среди облаковъ пыли, эти перья, чалмы, вуали, мелькавшіе, пестрѣвшіе повсюду, составляли зрѣлище чрезвычайно странное и для иностранца весьма занимательное по своей новости.

Наконецъ мы отправились во дворецъ Господаря. Въ пріемной насъ встрѣтило нѣсколько офицеровъ, которые прося насъ подождать, сказали намъ, что Господарь скоро воротится съ гулянья. Вмѣстѣ съ этими офицерами мы нашли одного Француза, г-на виконта Граммона-Лувиньи, который и прежде былъ намъ извѣстенъ какъ человѣкъ чрезвычайно любезный. Пріемная зала, куда насъ ввели, была украшена только портретомъ Русскаго генерала Графа Киселева (*).

(*) См. приложенія въ концѣ этого тома.

Его портреты здѣсь встрѣчаются вездѣ; онъ очень любимъ здѣшними жителями, и вполнѣ достоинъ этой любви, какъ человѣкъ благородный и добрый, оставившій о себѣ равно неизгладимое воспоминаніе какъ въ хижинахъ бѣдняковъ такъ и въ жилищахъ богачей.

Вскорѣ возвѣстили о прибытіи Господаря. Онъ принялъ насъ чрезвычайно привѣтливо, и мы имѣли случай при разговорѣ съ нимъ замѣтить, что онъ обладаетъ обширными и разнообразными свѣдѣніями. Бесѣда его легкая, исполненная остроумія, касавшаяся всѣхъ почти предметовъ, какими обыкновенно занимаются въ салонахъ на западѣ, доказала намъ, что въ этой столицѣ, отдѣленной отъ образованной Европы пустынными степями, уже теперь есть люди, отличающіеся умомъ самымъ просвѣщеннымъ, люди, не чуждые современныхъ успѣховъ образованности. Если бы намъ было дозволено изобразить въ нѣсколькихъ чертахъ наружность Валашскаго Господаря, то мы сказали бы, что князь Гика, нынѣ правящій подъ именемъ Александра II-го, кромѣ пріемовъ, свойственныхъ истинному Вельможи , отличается еще лицемъ важнымъ, кроткимъ, которое съ перваго взгляда внушаетъ къ нему довѣріе; бесѣда у него свободная, ясная, доказывающая, что онъ обладаетъ возвышеннымъ умомъ. Ему есть уже, кажется, около пятидесяти лѣтъ, но онъ и до сихъ еще поръ не женатъ. Онъ можетъ назваться истиннымъ образцемъ частныхъ добродѣтелей и просвѣщенной любви къ общественному благу. Валашскіе Господари усвоили себѣ западный гражданскій костюмъ и мундиры Россійской имперіи. Они обыкновенно говорятъ по Французски и очень свободно владѣютъ этимъ языкомъ.

Братьямъ Господаря мы имѣли честь представляться

уже въ послѣдствіи. Ихъ двое. Старшій въ семьѣ, князь Михаилъ исполняетъ должность министра внутреннихъ дѣлъ, и носитъ титулъ великаго Ворника; не задолго передъ тѣмъ онъ былъ возведенъ въ санъ Бана, первый въ государствѣ послѣ господарскаго. — Младшій изъ трехъ братьевъ, князь Константинъ Гика, управляетъ министерствомъ военныхъ дѣлъ и въ качествѣ Спатара, командуетъ небольшою Валашскою арміею. По Турецкому обычаю насъ угощали трубками и кофеемъ. Насладившись бесѣдою князя, въ продолженіе которой мы не разъ имѣли случай удостовѣриться въ основательности и разнообразіи его свѣдѣній, и возвышенности видовъ, мы наконецъ простились съ этимъ правителемъ страны прекрасной и любопытной, но въ которой почти ничто еще не устроено и все надобно водворять сызнова.

Возвратясь изъ дворца, мы нашли у себя нашихъ товарищей, остававшихся по недостатку лошадей въ Журжевѣ, на берегахъ Дуная. Они только что пріѣхали, устали до чрезвычайности и мы поспѣшили препроводить ихъ въ квартиру, которую съ большимъ трудомъ нашли для нихъ въ сосѣднемъ кварталѣ. Впрочемъ, они запоздали отчасти и по собственной винѣ. Вотъ ихъ расказъ о томъ, что они видѣли въ Журжевѣ, послѣ того какъ мы уѣхали, забравъ всѣхъ лошадей:

« Когда мы вынуждены были, говорятъ они, остаться въ Журжевѣ безъ лошадей и экипажей, и не могли отправиться за вами въ Бухарестъ, то озаботились нанять столько туземныхъ повозокъ, чтобы ихъ было достаточно для перевозки насъ самихъ и вещей, которыя остались подъ нашимъ охраненіемъ, и признаться сказать, очень затрудняли насъ. Валашскія почтовыя повозки, называемыя здѣсь *карусами*, до чрезвычайности просты и оригинальны. Это небольшой кузовъ, состоящій изъ деревянныхъ перекладинъ и поставленный на четыре колеса, болѣе или менѣе круглыя, вздѣтыя на деревянную же ось; во всемъ устройствѣ такой повозки мы не замѣтили ни одного гвоздя, ни малѣйшаго куска желѣза. Этотъ кузовъ бываетъ обильно снабженъ сѣномъ, часто сырымъ и прѣлымъ; въ немъ можетъ помѣститься одинъ только человѣкъ, много что два. Несчастный путешественникъ сидитъ сгорбясь, не имѣя къ чему прислониться и летитъ по дорогѣ, уцѣпившись за края своего безобразнаго экипажа, какъ неопытный всадникъ за гриву лошади, которая взбѣсилась и несетъ.

Эти повозки не съ чѣмъ другимъ сравнить, кромѣ Русскихъ телѣгъ, съ тою только разницею, что телѣги гораздо удобнѣе и спокойнѣе. Въ Валахіи только и есть, что подобные экипажи, отличающіеся всѣми возможными неудобствами, особенно несносными въ путешествіяхъ продолжительныхъ; другихъ повозокъ путешественникъ, не имѣющій собственной кареты, найдти не можетъ. Мы могли отправиться не ближе какъ въ двѣнадцать часовъ ночи, для того чтобы возвратившіяся почтовыя лошади успѣли достаточно отдохнуть, а потому намъ оставалось еще довольно времени осмотрѣть городъ и присутствовать при шумныхъ увеселеніяхъ затѣвавшихся по случаю праздника.

« Журжева была прежде Турецкою крѣпостью, но въ 1829-мъ году она отдана Валахіи. Въ это время великодушное посредничество Россіи извлекло Дунайскія княжества изъ уничиженія, въ какомъ они находились подъ тяжкимъ Турецкимъ владычествомъ, которое совершенно подавило ихъ своими притѣсненіями. Варварство было отброшено за Дунай, но

очищая Журжеву, мусульмане разрушили ея укрѣпленія. Теперь этотъ городъ состоитъ изъ смѣси развалинъ и новыхъ построекъ.

Среди старинной восточной безпорядицы, начинаютъ возникать правильныя прямыя улицы, устроиваемыя по образцамъ новыхъ улицъ, существующихъ въ Европейскихъ городахъ; но еще не скоро Журжеву приведутъ въ надлежащее положеніе и въ ней долго будутъ оставаться необстроенныя улицы, мѣста заваленныя обломками разрушенныхъ зданій и укрѣпленій. Кварталъ, прилегающій къ Дунаю, весь выстроенъ въ новѣйшее время. Нѣсколько красивыхъ домовъ и церковь во имя Петра апостола, которую святили именно въ самый день нашего тамъ пребыванія, сообщаютъ этой части Журжевы совершенно Европейскій видъ. Далѣе, находится здѣсь круглая площадь, среди которой стоитъ высокая башня. Собственно вся Журжева заключается въ этой одной площади; здѣсь соединены всѣ лавки и кофейныя; сюда собираются курильщики, усаживающіеся въ кружокъ у дверей кофеенъ. Кромѣ того въ этомъ же мѣстѣ находятся двѣ или три гостинницы, съ обманчивыми, много обѣщающими вывѣсками, гостинницы, въ которыхъ путешественникъ вынужденъ питаться однимъ шербетомъ, и спать на билліардѣ. При этомъ нельзя не замѣтить, что въ Валахіи и Молдавіи билліарды мебель самая обыкновенная, только всѣ они столь же нехороши въ качествѣ билліардовъ, какъ и въ качествѣ постели.

« Между тѣмъ городъ опустѣлъ, все народонаселеніе его собралось на обширной равнинѣ, не имѣвшей ни зелени, ни тѣни. На эту равнину безпрерывно пріѣзжали и приходили жители цѣлыхъ Валашскихъ деревень и многочисленныя толпы цыганъ. Такимъ образомъ безпрестанно увеличивалось число, и безъ того огромное, торговцевъ, музыкантовъ, плясуновъ и любопытныхъ, привлеченныхъ празднествомъ, которое должно было продолжаться нѣсколько дней. По прибытіи на мѣсто празднества, поселяне тотчасъ распрягали свои повозки и устраивали себѣ бивуаки: мало по малу образовался нѣкотораго рода подвижной, разроставшійся ежеминутно, городъ, въ которомъ смѣшались всѣ различныя племена, живущія въ Валахіи. Впрочемъ, становище природныхъ Валаховъ можно было тотчасъ узнать, по ихъ бѣлымъ парусиннымъ палаткамъ, вокругъ которыхъ стояли огромныя повозки и лежали упряжные буйволы и волы, между тѣмъ какъ у цыганъ палатки были сѣраго цвѣта, испещренныя черными полосами.

« Повсюду разносились облака дыма отъ костровъ, на которыхъ готовилась простая пища этого народа, столь пристрастнаго къ празднествамъ. Вездѣ, внутри палатокъ, принаряжались, готовясь къ пляскѣ. Рослыя и здоровыя Валашскія дѣвушки, были замѣтны по своимъ бархатнымъ шапочкамъ, унизаннымъ серебряными или золотыми монетами, составляющими ихъ приданое. Нерѣдко на дѣвушкѣ, больной и совсѣмъ некрасивой, была надѣта шапочка, обремененная множествомъ червонцевъ, способныхъ приманить большое число жениховъ, и на оборотъ, у многихъ хорошенькихъ, цвѣтущихъ здоровьемъ, на шапочкѣ свѣтилось весьма незначительное количество мелкихъ серебряныхъ монетъ. Это, въ маломъ видѣ, исторія всѣхъ приданыхъ на свѣтѣ. Молодыя цыганки отличаются особенною красотою, въ которой виденъ отпечатокъ происхожденія, приписываемаго нѣкоторыми авторами ихъ кочевому, или лучше сказать бродячему племени: у этихъ дѣвушекъ таже тонкая, гибкая талія, тѣже нѣжныя руки и ноги, какія свойственны женщи-

намъ племени Индусскаго, обитающаго на берегахъ Ганга.

«Трудно описать съ надлежащею вѣрностью эту кипучую, шумную ярмарку, это обширное торжище, среди котораго волновалась огромная толпа народа, собравшаяся на равнинѣ. Вся эта необозримая равнина была покрыта палатками, шалашами, вьючнымъ и упряжнымъ скотомъ; повсюду надъ нею носились огромныя облака пыли. И не смотря на всю безпорядицу, господствовавшую среди такого множества людей, не смотря на совершенное отсутствіе полиціи, торговцы очень спокойно выставляли свои товары и безъ помѣхи продавали ихъ.

«Тутъ были выставлены для продажи въ большомъ количествѣ разныя ткани, готовыя платья, мѣха и съѣстные припасы. Если гдѣ нибудь, среди этой подвижной толпы, оказывалось свободное мѣстечко, то на немъ тотчасъ располагалась толпа охотниковъ до пляски. Эти плясуны устраивались въ огромный кругъ, и двигались то въ лѣво, то въ право, иногда медленно и важно, иногда съ большою живостью и быстротою. Въ подобной пляскѣ мущины и женщины держались рука за руку; музыканты-цыгане стояли середи круга и съ неутомимымъ рвеніемъ разыгрывали свои безконечныя, всегда однообразныя аріи. Утомившійся этою забавою, танцовщикъ можетъ во всякое время, когда ему заблагоразсудится, выдти изъ круга, и мѣсто его имѣетъ право занять каждый мимо идущій. Такъ продолжается до самой глубокой ночи безконечная пляска, къ которой Валахи обнаруживаютъ чрезвычайное пристрастіе. Впрочемъ, не смотря на всю свою склонность къ этой забавѣ, они предаются ей съ замѣчательной важностью и необыкновеннымъ приличіемъ. Даже самыя цыганскія дѣвушки

пляшутъ очень скромно и чинно. Не рѣдко въ одномъ и томъ же кругу собиралось человѣкъ пятьдесятъ или шестьдесятъ, одѣтыхъ въ самые разнообразные и живописные костюмы. Подобныхъ круговъ, на всемъ протяженіи равнины, было разсѣяно безчисленное множество, и всѣ съ удивительною пристойностью вращались около своего визгливаго цыганскаго оркестра. Намъ очень весело было смотрѣть на эти забавы простыя и вмѣстѣ съ тѣмъ запечатлѣнныя какимъ-то оттѣнкомъ древней строгости. Долго блуждая среди толпы, мы были наконецъ увлечены этимъ шумомъ, этими криками, этою смѣсью звуковъ музыкальныхъ со звономъ бубенчиковъ. Но между тѣмъ намъ сказали, что все уже было готово для нашего отъѣзда, и мы воротились къ агенту пароходнаго общества, который въ тоже время исправляетъ здѣсь и должность аптекаря. Для насъ этотъ человѣкъ былъ истинный кладъ; съ нимъ мы могли, по крайней мѣрѣ, объясниться по Италіянски. Онъ началъ однакожь объявленіемъ, что въ этотъ день намъ никакъ нельзя было ѣхать въ Бухарестъ, и при томъ увѣрялъ, что начальникъ Журжевскаго почтамта не любитъ иностранцевъ, а потому его нѣтъ возможности упросить, чтобы онъ далъ намъ лошадей. Но какъ мы не знали добудемъ ли чего нибудь поѣсть и найдемъ ли гдѣ пріютиться, то, чтобы помочь этому горю, покровитель нашъ свелъ насъ къ карантинному поставщику съѣстныхъ припасовъ, у котораго мы нашли скудный, почти Турецкій обѣдъ; послѣ чего нашъ честный фармацевтъ предложилъ намъ отдохнуть въ своей квартирѣ и вмѣсто постели уклалъ насъ на сѣнѣ.

«Требовать почтовыхъ лошадей, въ Валахіи, какъ и въ Россіи, можно не иначе, какъ имѣя подорож-

ную, при полученіи которой деньги платятся впередъ за все пространство на какое подорожная взята. Для полученія лошадей, эту подорожную проѣзжающіе представляютъ на каждой станціи и болѣе уже не имѣютъ надобности нигдѣ издерживать денегъ, кромѣ того, что добровольно дадутъ почтальонамъ на водку. Добыть подорожную въ такой праздничный день было очень трудно, потому что въ это время въ Журжевѣ не только всѣ жители, но и самыя должностныя лица предавались веселью. Комендантъ города былъ исключительно занятъ своими важными обязанностями, а помощники его и адьютанты, не смотря на праздничный день, по какому-то странному противорѣчію, находились въ самомъ дурномъ расположеніи духа, такъ, что къ нимъ рѣшительно не было подступа. При всемъ этомъ хлопотать намъ самимъ о подорожной мѣшало и еще слѣдующее неудобство, въ Европейскихъ городахъ вообще неизвѣстное. Именно, хотя изъ Журжевы, также какъ изо всей Валахіи, Турки были вынуждены удалиться, однакожь отъ прежняго магометанскаго быта остался непріятный слѣдъ, состоящій въ томъ, что весь городъ былъ наполненъ стаями бездомныхъ собакъ, по причинѣ которыхъ ночью было опасно ходить по улицамъ не только иностранцамъ, но даже и самимъ природнымъ жителямъ.

« Однакожь, вопреки всѣмъ этимъ препятствіямъ, мы получили наконецъ подорожную и въ первомъ часу ночи почтмейстеръ самъ лично пріѣхалъ къ намъ съ повозками, которыя описаны выше, и называются здѣсь карусами.

« Мы было совсѣмъ уложили наши вещи, и готовились уже ѣхать, какъ вдругъ неожиданно опять произошла остановка: почтмейстеръ дозволялъ намъ помѣститься въ карусахъ только самимъ, но никакъ не

соглашался, чтобы мы взяли съ собою нашу поклажу. И такъ исполнилось то, что намъ заранѣе предсказывали, — мы не иначе могли отправиться какъ уже на слѣдующій день, и то не въ карусахъ, а въ двухъ большихъ крестьянскихъ повозкахъ, въ которыхъ кое-какъ, безпорядочно, были навалены и вещи наши. На дорогу только и могли мы добыть что два черныхъ хлѣба, безъ которыхъ намъ пришлось бы, во все продолженіе ѣзды, голодать.

« Выѣхавъ изъ города, мы очутились среди большаго луга, или лучше сказать среди обширнаго болота, на которомъ паслись огромныя стада быковъ, лошадей, буйволовъ и овецъ. Мы рѣшительно не знали по какому мѣсту ѣхали; для насъ было понятно только одно то, что наши ямщики направлялись къ сѣверу; инаго указанія, по которому можно бы было узнать дорогу, ведущую въ столицу, не было. Дорогъ правильныхъ, опредѣленныхъ, въ здѣшнихъ пустыняхъ нѣтъ. Есть только пространство обширное, все изборожденное колеями, по которому крестьянинъ ѣдетъ гдѣ ему вздумается, избирая то битую дорогу, то почву, покрытую дерномъ. Первую стоянку сдѣлали мы у какого-то колодца, находящагося въ глубинѣ небольшой лощины. Колодцы въ Валахіи попадаются на каждомъ шагу, и всѣ они устроены одинаково. Въ нихъ обыкновенно вставляются весьма широкіе древесные стволы, выдолбленные въ середкѣ. Эти огромные стволы добываются изъ лѣсовъ, покрывающихъ здѣшнія горы, и доказываютъ, что въ Валахіи есть превосходныя строевыя деревья. Упомянутые древесные стволы занимаютъ собою всю внутренность колодца, не допуская его обваливаться. Воду черпаютъ изъ нихъ ведромъ, которое сдѣлано изъ толстаго цѣльнаго дубоваго обрубка, и прикрѣплено веревкою

къ длинному рычагу, а рычагъ можетъ быть попере-мѣнно то наклоняемъ къ низу, то подымаемъ къ верху по произволу черпающаго воду.

« По мѣрѣ удаленія отъ Журжевы, почва становит-ся лучше, растительности оказывается больше, и по временамъ появляются купы молодыхъ деревьевъ. Турки такъ долго грабили несчастныхъ Валашскихъ поселянъ, такъ часто опустошали ихъ поля и преслѣ-довали ихъ самихъ, какъ дикихъ звѣрей, что эти бѣд-ные крестьяне наконецъ вынуждены были всячески избѣгать сосѣдства съ своими притѣснителями.

« Вотъ почему они оставили между Дунаемъ и свои-ми ближайшими селами пустыню верстъ на пятьде-сятъ. Это пространство предоставлялось въ жертву набѣгамъ притѣснителей, которые каждый годъ боль-шими шайками разсыпались изъ Журжевы и разоряли всякое новое заведеніе, оттѣсняя устрашенныхъ зе-мледѣльцевъ въ горы.

« Намъ приходилось переѣзжать черезъ три или че-тыре иловатыя рѣки, и мы каждый разъ, перебира-ясь черезъ нихъ, благословляли отказъ почтмейстера отправить насъ въ карусахъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы ѣхали въ этихъ низкихъ и ломкихъ повозкахъ, то наша поклажа непремѣнно была бы вся затоплена, да и сами мы не разъ могли бы вывалиться, переѣз-жая черезъ опасные броды. Нерѣдко среди самой рѣки мы попадали въ большія ямы или провалы, въ которыхъ наши тяжелыя повозки такъ увязали, что лошади едва могли ихъ вытаскивать. Въ такихъ за-труднительныхъ случаяхъ крики нашихъ извощиковъ превращались въ настоящій ревъ. Но иногда лошади, выбившись изъ силъ, останавливались въ изнеможе-ніи, и уставшіе погонщики переставали кричать; по-

томъ вдругъ, при повторенныхъ усиліяхъ, лошади вырывали тяжелую повозку изъ ямы и медленно взво-зили ее на берегъ, оставляя за собою длинный слѣдъ черной, какъ уголь, грязи.

« Проѣхавъ мимо нѣсколькихъ бѣдныхъ дереву-шекъ, которыхъ жалкія хижины свидѣтельствуютъ о крайней нищетѣ жителей, мы добрались наконецъ до одного мѣстечка, гдѣ съ истиннымъ удовольствіемъ увидѣли домы, порядочно выстроенные. Здѣсь мы нашли прекрасный монастырь, обнесенный оградою; ворота, ведущія во внутренность этой ограды, были устроены въ башнѣ, вѣроятно, имѣющей назначеніе оборонять входъ въ монастырь. Прямо противъ мона-стыря находилась чрезвычайно обширная таверна. Стѣ-ны того и другаго зданія были расписаны какимъ-то кочевымъ Рафаэлемъ, который украсилъ ихъ чрезвы-чайнымъ множествомъ живописныхъ изображеній, свидѣтельствующихъ если не объ искусствѣ его, то, по крайней мѣрѣ, о необыкновенной плодовитости воображенія. Этотъ истинно смѣлый живописецъ пы-тался изобразить на внѣшнихъ стѣнахъ таверны, по-крытыхъ бѣлою краскою, все существующее на зем-номъ шарѣ; такъ напримѣръ, онъ изобразилъ съ од-ной стороны главныхъ животныхъ, и въ числѣ ихъ даже Австральскую двуутробку, вѣроятно, не ожидав-шую такой чести, а съ другой написалъ людей, кото-рые, какъ высшія земныя существа, представлены въ по-ложеніяхъ самыхъ величественныхъ, торжественныхъ; у него нигдѣ не нарисовано бѣдняковъ, или стражду-щихъ людей, а только прекрасные, отлично одѣтые му-щины, разряженныя барыни, паши величавые, роскош-ные, съ длинными, остроконечными, черными какъ смоль, бородами, важные бояры въ огромныхъ колпакахъ, Валашскіе солдаты въ парадныхъ мундирахъ; и все это

смѣшано съ зеленью, окружено гирляндами изъ цвѣтовъ, обставлено небывалыми, фантастическими деревьями.

« Валахи, какъ намъ сказывали, всѣ вообще страстные охотники забавляться качаньемъ на круглыхъ качеляхъ, и не смотря на несчастія, нерѣдко отъ этой игры приключающіяся, ни какъ не могутъ отстать отъ нея. Такого рода качели очень высоко устроенныя, и вѣроятно подвергающія качающихся на нихъ большой опасности, находились у самыхъ стѣнъ монастыря.

« Въ большой залѣ таверны, повсюду росписанной блистательными фресками Валашскаго Рембрандта, игралъ на скрипкѣ цыганъ, акомпанируя мальчику, который звучнымъ и прекраснымъ голосомъ напѣвалъ какую-то протяжную и торжественную пѣсню. Судя по выраженію музыки, по важному виду и умиленію многочисленныхъ слушателей, пѣсня эта должна была принадлежать къ числу тѣхъ меланхолическихъ жалобъ, въ которыхъ народы необразованные, передаютъ свои преданія, повѣствуютъ о своихъ побѣдахъ или несчастіяхъ. Валахи, эти потомки Римлянъ, столь долго страдавшіе подъ тяжкимъ, унизительнымъ игомъ, вѣроятно сохранили еще нѣкоторыя пѣсни, служащія утѣшеніемъ для людей, повергнутыхъ въ рабство и составляющія отголосокъ участи болѣе отрадной. Таково было, по крайней мѣрѣ, впечатлѣніе, произведенное на насъ простою пѣснью, которую пѣлъ бѣдный цыганскій мальчикъ.

« Выбравшись изъ этого мѣстечка, называемаго Дерестіею, мы переѣхали черезъ какую-то рѣку по судовому мосту. Вскорѣ за тѣмъ настала ночь и съ нею глубокая тьма. Это обстоятельство очень безпокоило насъ, однакожь, не смотря на темноту и плохую до-

рогу, мы благополучно прибыли въ Бухарестъ. Лошади наши, утомленныя ѣздою, продолжавшеюся почти безпрерывно на разстояніи около ста верстъ, подъ конецъ везли насъ очень тихо, а извощики, совсѣмъ почти охрипнувъ, уже не понукали ихъ своими воплями. По прибытіи нашемъ въ столицу, насъ привезли сначала въ какой-то грязный, отвратительный караван-серай; но съ помощью Еврея, чрезвычайно услужливаго, мы нашли слѣды нашихъ товарищей, прибывшихъ наканунѣ, и наконецъ, послѣ многочисленныхъ затрудненій, благодаря предусмотрительности членовъ экспедиціи, предупредившихъ насъ пріѣздомъ, а также помощи капитана, присланнаго къ намъ нарочно отъ самаго Господаря, намъ удалось, уже въ глубокую ночь, перемѣститься къ одному Италіанцу, у котораго мы улеглись въ постеляхъ, устроенныхъ на деревянныхъ подставкахъ. »

Іюля 13-го всѣ мы находились въ сборѣ въ столицѣ Валахіи, и намъ предстояло одно только затрудненіе, состоявшее въ выборѣ удовольствій и занятій, вмѣстѣ пріятныхъ и полезныхъ. Прежде всего въ Бухарестѣ надобно позаботиться о томъ, чтобы добыть себѣ экипажъ. Эта предосторожность необходима, какъ по причинѣ обширности города, такъ, — и еще болѣе, — вслѣдствіе повелительнаго требованія моды, потому что здѣсь ни одинъ порядочный человѣкъ не отваживается показаться на улицѣ пѣшкомъ. Два Валашскіе обычая, ѣздить въ экипажѣ и надѣвать плащь, для защиты отъ пыли, представляютъ очень много неудобствъ иностранцу, желающему все осматривать, за всѣмъ наблюдать. Мы не замедлили однакожь порознь объѣздить весь этотъ обширный городъ, котораго многолюдныя улицы, наполнены лавками, хотя не отличающимися особенною роскошью, за то одна-

кожъ представляющими всѣ признаки сильной торговой дѣятельности. Нѣкоторыя части города посвящены, какъ кажется, исключительно тому или другому роду промышлености; такъ, на примѣръ, мы видѣли одинъ кварталъ, который весь занятъ мѣховыми торговцами и портными. Улицы здѣсь то широкія, то узкія; онѣ большею частію кривы и очень дурно вымощены, въ иныхъ даже совсѣмъ нѣтъ мостовой. Въ числѣ домовъ очень много гнилыхъ деревянныхъ хижинъ, но посреди ихъ, мѣстами, высятся зданія изящной архитектуры. Къ несчастію матеріалы, употребляемые здѣсь для построекъ, большею частію весьма непрочны и не могутъ долго сопротивляться атмосферическимъ вліяніямъ, такъ что внѣшность самыхъ прекрасныхъ Бухарестскихъ домовъ является въ обезображенномъ видѣ, не смотря на множество украшеній, ихъ покрывающихъ.

Иностранца въ этомъ городѣ всего болѣе поражаетъ разнообразіе костюмовъ и лицъ, носящихъ отпечатокъ племенныхъ отличій: люди съ такимъ типомъ попадаются здѣсь на каждомъ шагу, что слѣдуетъ приписать многочисленности народонаселенія, и тому обстоятельству, что въ столицу, какъ въ средоточіе области, стекаются, по дѣламъ своимъ, люди всѣхъ племенъ, въ Валахіи обитающихъ. Всѣ эти люди расхаживаютъ по городу съ видомъ дѣловымъ, озабоченнымъ, какого нельзя бы ожидать отъ простаго народа, еще сохранившаго восточные нравы. Бухарестскіе ремесленники, чернорабочіе, носильщики, по видимому, не скучаютъ трудомъ, не боятся его. Но преимущественно этотъ городъ оживляется многочисленными Евреями, въ немъ обитающими. Дѣятельные, вкрадчивые, никогда не теряющіе бодрости, не впадающіе въ уныніе, эти люди распространяютъ вокругъ себя жизнь

и движеніе; имѣя въ виду хотя малѣйшее вознагражденіе за свой трудъ, они не ставятъ ни во что всѣ возможныя хлопоты и усилія. А потому, какъ скоро вы увидите шляпу съ широкими полями, узкій черный сюртукъ Еврея, то можете быть увѣрены, что имѣете, если хотите, въ вашемъ распоряженіи слугу ловкаго, умнаго, неутомимаго, котораго ничто не устрашитъ — ни презрѣніе, ни гнѣвъ самый жестокій. Вы смѣло можете обратиться къ этому человѣку съ чѣмъ вамъ вздумается; онъ будетъ съ вами говорить по Нѣмецки, по Италіански, а можетъ быть и еще на двухъ или трехъ языкахъ; за нѣсколько піастровъ онъ броситъ свою работу и предоставитъ къ вашимъ услугамъ свои знанія, свою гибкость, свое молчаніе, терпѣливость, краснорѣчіе, всѣ добродѣтели свои и пороки, даже свою душу и тѣло, — короче все существо свое. Но разъ употребивши Еврея для какой нибудь минутной послуги, вы уже не легко отъ него отдѣлаетесь; съ той самой минуты онъ весь принадлежитъ вамъ, или лучше сказать вы ему; онъ не разстанется съ вами, идетъ по вашимъ пятамъ на улицѣ, издали угадываетъ что̀ вамъ нужно, садится у дверей дома, въ который вы входите, ждетъ васъ терпѣливо, и вышедши изъ этого дома вы неминуемо опять подвергнетесь его почтительнымъ поклонамъ, его неотвязчивымъ предложеніямъ услугъ, требованіямъ приказаній. Онъ спитъ у вашего крыльца, подъ вашею каретою, онъ прислуживаетъ вашимъ лакеямъ, кланяется вашей собакѣ, встрѣчаясь съ нею на улицѣ; онъ вездѣ, онъ всегда находится съ вами. Двадцать разъ вы прогоните его съ досадою, съ грубостью; но не думайте этимъ отвадить его, лишить бодрости; не смотря ни на что, онъ опять и безпрестанно будетъ преслѣдовать васъ. И какъ скоро настанетъ день, ми-

нута, когда, въ слѣдствіе какой нибудь прихоти, вамъ понадобится Еврей, то онъ тотчасъ явится передъ вами, какъ будто выдетъ изъ подъ земли, явится полный смиренія и внимательности, въ обычномъ положеніи своемъ, свойственномъ только его племени, такъ что нельзя рѣшить стоитъ ли онъ передъ вами на ногахъ, или лежитъ распростершись ницъ. Тутъ-то собственно и настаетъ его торжество; онъ часто искупаетъ такую минуту нѣсколькими сутками, проведенными безъ сна, въ усталости, въ уничиженіи. Но не смотря на все это, едва вы успѣете высказать ваше желаніе, какъ онъ выполнитъ его и выполнитъ съ точностью, умно и почтительно. А когда, въ награду за всѣ свои труды, за все самоотверженіе получитъ наконецъ договорную плату, когда положитъ въ свой карманъ эти скудныя денжонки, за которыя такъ много хлопоталъ, для которыхъ столько дней былъ вашимъ покорнымъ слугою, то вы увидите въ его признательныхъ взорахъ, что онъ молитъ Бога о ниспосланіи вамъ всѣхъ благъ, что готовъ за туже цѣну опять подвергнуться такимъ же испытаніямъ и трудамъ.

Во весь этотъ день мы всѣ вмѣстѣ разъѣзжали по разнымъ любопытнымъ заведеніямъ Бухареста и, между прочимъ, посѣтили тамошній Музей. Этотъ Музей исключительно посвященъ естественной исторіи. Онъ безпрестанно увеличивается новыми коллекціями. Въ томъ же зданіи помѣщается и библіотека, очень еще недавно основанная, и состоящая покамѣстъ только изъ семи тысячъ томовъ. Это конечно немного, но надобно надѣяться, что библіотеку постараются увеличить, особенно же снабдить ее книгами ученаго содержанія и относящимися къ естественной исторіи, книгами, которыхъ именно въ ней весьма недостаточное количе-

ство. Удаляясь изъ этого любопытнаго заведенія, находящагося въ положеніи уже весьма хорошемъ, если принять въ расчетъ краткость времени, протекшаго послѣ освобожденія княжества отъ Турецкаго ига, я съ особеннымъ удовольствіемъ подарилъ въ минералогическую коллекцію образцикъ нашей Сибирской платины, который, надѣюсь, будетъ сохраненъ какъ памятникъ моей признательности за сдѣланный намъ благосклонный пріемъ. Изъ Музея насъ повели въ училище, которое уже съ перваго взгляда производитъ благопріятное впечатлѣніе своими комнатами обширными и удобными, и внѣшнимъ видомъ воспитанниковъ, одѣтыхъ въ красивый мундиръ.

Общественныя должности въ Валахіи впредь будутъ занимаемы только ужь людьми, отличающимися наибольшими достоинствами, а это обстоятельство подастъ поводъ къ соревнованію, которое поведетъ юношество къ быстрымъ успѣхамъ въ наукахъ. Мудрый князь Александръ Гика намѣренъ образовать въ своемъ княжествѣ сколько можно болѣе молодыхъ людей, способныхъ поравняться свѣдѣніями съ Европейскою молодежью. Если принять въ соображеніе бѣдственное состояніе въ какомъ находились эти несчастныя области по освобожденіи ихъ отъ Турецкаго ига, то нельзя не почувствовать искренней признательности къ человѣку, насадившему въ Дунайскихъ княжествахъ первыя сѣмена просвѣщенія. Этотъ человѣкъ Графъ Киселевъ, принадлежащій къ немногимъ людямъ, умѣющимъ съ рѣдкимъ благодушіемъ соединять зоркую предусмотрительность. Нельзя также не сознаться, что исполненіе плановъ Графа Киселева предоставлено въ достойныя руки и что новое Валашское поколѣніе не лишено способности воспользоваться этими планами.

Кстати, да будетъ намъ позволено сказать здѣсь нѣсколько словъ о впечатлѣніи, истинно горькомъ, съ какимъ мы видѣли, что нѣкоторые путешественники, такъ же какъ и мы гостепріимно принятые въ Валахіи, радушно обласканные, возвратясь изъ путешествія своего, писали о жителяхъ этой страны въ выраженіяхъ, свидѣтельствующихъ о непростительной забывчивости. Эти путешественники, осмотрѣвшіе подобно намъ, все достопримѣчательное въ Бухарестѣ, занимаются исключительно только описаніемъ язвъ, еще незалѣченныхъ, оставшихся на теперешнемъ Валашскомъ обществѣ отъ прежняго несчастнаго быта. Валахи довѣрчивы, очень скоро пускаются въ бесѣды самыя искреннія, а потому довольно легко разгадать чѣмъ они страдаютъ. Но какая польза разоблачать эти недуги передъ Европою, которая не потребуетъ у княжествъ отчета въ томъ унизительномъ существованіи, какое они вели прежде, будучи погружены въ жалкое, сокрушающее всякую нравственность, рабское состояніе, а напротивъ пожелаетъ только знать хорошо ли эти княжества умѣли воспользоваться тѣмъ временемъ, въ продолженіе котораго наслаждаются независимостью, уже теперь оказывающею на нихъ свое благодѣтельное вліяніе. Но разсматривая съ этой точки зрѣнія настоящее положеніе Валахіи и Молдавіи, нельзя не отдать жителямъ этихъ областей той справедливости, что ни одно Европейское общество не пробивало себѣ съ такимъ усердіемъ, съ такою дѣятельностью пути къ лучшей будущности, хотя ни одно не встрѣчало такихъ многочисленныхъ препятствій, порожденныхъ прежнимъ его бытомъ. Въ доказательство можно бы привести многія важныя улучшенія, уже вполнѣ усвоившіяся этимъ княжествамъ. Наконецъ, господа повѣствователи, столь мало снисходительные, заплатившіе обывателямъ Бу-

хареста за ихъ гостепріимство только насмѣшками, конечно хорошо знаютъ исторію, а потому не могутъ отрицать, что на свѣтѣ существуютъ народы, которые уже болѣе пятидесяти лѣтъ преобразовываютъ свой политическій и моральный бытъ, а однакожъ не болѣе имѣютъ твердыхъ руководственныхъ правилъ, какъ и бѣдные Валахи, столь еще недавно исторгнутые изъ рабства.

Но пора оставить это постороннее разсужденіе и возвратиться къ Бухаресту и тѣмъ примѣчательнымъ заведеніямъ, которыя мы въ немъ осматривали. Нѣмецкій врачь, докторъ Майеръ, человѣкъ весьма умный и — что еще важнѣе, — превосходно знающій трудное искусство жить въ свѣтѣ, водилъ насъ по военному гошпиталю, состоящему подъ его управленіемъ.

По всему видно, что зданіе, въ которомъ помѣщается этотъ гошпиталь, выстроено было первоначально совсѣмъ съ другою цѣлью, а потому въ немъ слѣдуетъ многое перемѣнить какъ въ гигіэническомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи къ устройству палатъ. Эти палаты тѣсны, низки и воздухъ въ нихъ не легко можетъ быть возобновляемъ. Больныхъ въ гошпиталѣ лежало очень много, потому что лихорадка, почти постоянно господствующая здѣсь, въ извѣстное время года преимущественно свирѣпствуетъ между солдатами, не смотря на всѣ гигіэническія предосторожности, принимаемыя военнымъ начальствомъ для предохраненія отъ нея рядовыхъ. Большой, такъ называемый « Пантелеймоновскій », гошпиталь, находящійся при въѣздѣ въ городъ, гораздо лучше соотвѣтствуетъ своему назначенію. Это заведеніе, основанное нѣкоторыми благотворительными людьми, на деньги, собранныя посредствомъ подписки, состоитъ изъ

цѣлаго ряда обширныхъ и высокихъ залъ, въ которыя свободно проникаютъ свѣтъ и воздухъ, а вмѣстѣ съ ними въ больныхъ возбуждается веселое расположеніе духа и надежда на выздоровленіе. Въ этомъ гошпиталѣ можно похулить только одно то, что на квартиры для лицъ, управляющихъ этимъ заведеніемъ, занято ужь слишкомъ много мѣста, часть котораго могла бы быть сохранена для устройства еще двухъ или трехъ палатъ, въ которыхъ можно бы было помѣщать нѣсколько болѣе страждущихъ. Кровати въ Пантелеймоновскомъ гошпиталѣ желѣзныя, а въ военномъ постели разосланы на деревянныхъ подставкахъ.

Возвращаясь домой, мы встрѣтились съ Господаремъ; онъ приказалъ остановить свою карету, и на слѣдующій день пригласилъ всѣхъ членовъ нашей экспедиціи къ себѣ на вечеръ, въ загородное жилище свое, занимаемое имъ обыкновенно въ лѣтнюю пору, и находящееся въ недалекомъ разстояніи отъ Бухареста. Князь Михаилъ Гика и князь Кантакузенъ, съ необыкновенною любезностію, взялись отвезти насъ къ Господарю.

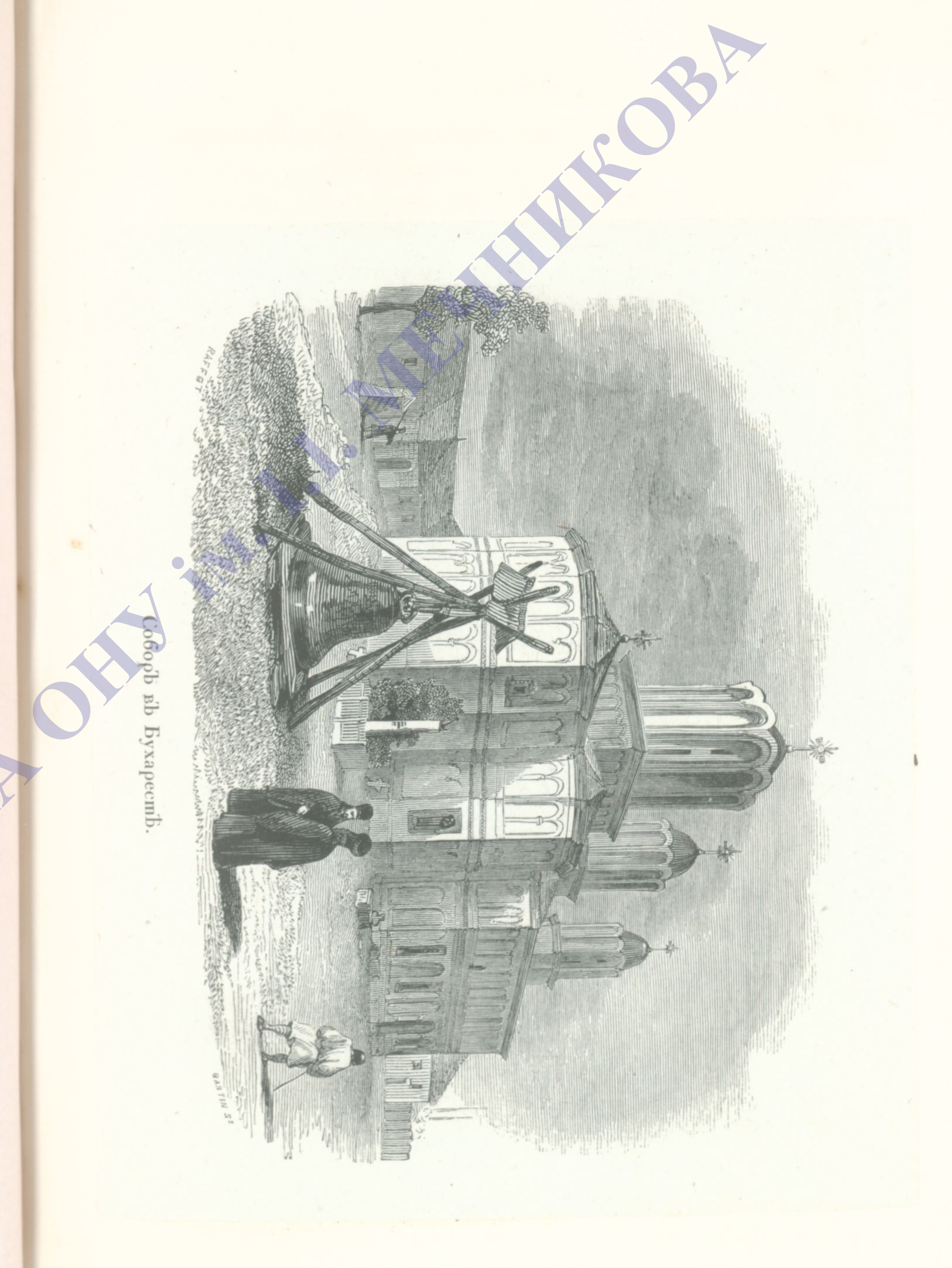
Совѣщательная палата помѣщается въ зданіи, принадлежащемъ къ соборной церкви, которая стоитъ на самомъ прекрасномъ мѣстоположеніи, на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ всѣмъ Бухарестомъ. Подобно всѣмъ вообще церквамъ этой столицы, при соборной церкви есть монастырь и все зданіе обнесено обширною оградою, въ которой устроено двое крѣпкихъ воротъ, защищенныхъ башнями. Въ прежнія несчастныя времена такое устройство доставляло церквамъ возможность выдерживать продолжительныя осады. Здѣшняя соборная церковь не очень пространна; при ней есть три колокольни, которыхъ

цѣлаго ряда обширныхъ и высокихъ залъ, въ которыя свободно проникаютъ свѣтъ и воздухъ, а вмѣстѣ съ ними въ больныхъ возбуждается веселое расположеніе духа и надежда на выздоровленіе. Въ этомъ гошпиталѣ можно похулить только одно то, что на квартиры для лицъ, управляющихъ этимъ заведеніемъ, занято ужъ слишкомъ много мѣста, часть котораго могла бы быть сохранена для устройства еще двухъ или трехъ палатъ, въ которыхъ можно бы было помѣщать нѣсколько болѣе страждущихъ. Кровати въ Пантелеймоновскомъ гошпиталѣ желѣзныя, а въ военномъ постели разосланы на деревянныхъ подставкахъ.

Возвращаясь домой, мы встрѣтились съ Господаремъ; онъ приказалъ остановить свою карету, и на слѣдующій день пригласилъ всѣхъ членовъ нашей экспедиціи къ себѣ на вечеръ, въ загородное жилище свое, занимаемое имъ обыкновенно въ лѣтнюю пору, и находящееся въ недалекомъ разстояніи отъ Бухареста. Князь Михаилъ Гика и князь Кантакузенъ, съ необыкновенною любезностію, взялись отвезти насъ къ Господарю.

Совѣщательная палата помѣщается въ зданіи, принадлежащемъ къ соборной церкви, которая стоитъ на самомъ прекрасномъ мѣстоположеніи, на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ всѣмъ Бухарестомъ. Подобно всѣмъ вообще церквамъ этой столицы, при соборной церкви есть монастырь и все зданіе обнесено обширною оградою, въ которой устроено двое крѣпкихъ воротъ, защищенныхъ башнями. Въ прежнія несчастныя времена такое устройство доставляло церквамъ возможность выдерживать продолжительныя осады. Нынѣшняя соборная церковь не очень пространна; при ней четыре колокольни, которыхъ

Соборъ въ Бухарестѣ.

куполы, такъ же какъ и куполъ самой церкви покрыты листовымъ желѣзомъ, окрашеннымъ зеленою краскою. Снаружи все зданіе и прочія принадлежащія къ нему постройки, выкрашены блестящею бѣлою краскою. Въ переднемъ фасадѣ, устроенномъ въ одномъ изъ узкихъ боковъ церкви, находится паперть, украшенная внутри множествомъ самыхъ разнообразныхъ живописныхъ изображеній. Трапеза церкви очень тѣсна, стѣны ея обильно покрыты позолотою и образами, преграда, отдѣляющая алтарь отъ трапезы, обогащена превосходными украшеніями, свѣтъ скудно проникаетъ въ эту церковь, сквозь узкія, длинныя окна.

Мы уже сказали, что въ одномъ изъ зданій, принадлежащихъ къ соборной церкви, помѣщается Валашская совѣщательная Палата, т. е. Собраніе, въ которомъ бояры обсуживаютъ государственныя дѣла. Зала, гдѣ происходятъ совѣщанія эти, отличается, подобно залѣ, вмѣщающей въ себѣ Венгерскій Сеймъ, чрезвычайною простотою своею и совершеннымъ отсутствіемъ всякаго убранства. Она очень узка и длинна; на концѣ ея, противоположномъ той сторонѣ, откуда входъ, поставлено кресло съ балдахиномъ, служащее сѣдалищемъ для Митрополита, который есть законный предсѣдатель Камеры. Эта Камера состоитъ изъ сорока трехъ членовъ; во время нашего посѣщенія они находились почти всѣ въ засѣданіи: между ними было нѣсколько человѣкъ старыхъ бояръ, сохранившихъ широкій и величавый костюмъ, какой они носили еще во времена Турецкаго владычества: сверхъ того всѣ эти бояры ходятъ въ бородахъ и въ огромномъ колпакѣ. Военные являются на совѣщаніе въ мундирѣ и съ саблею при бедрѣ.

Члены Палаты сидятъ вокругъ большаго стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, и произносятъ рѣчи не

сходя съ своего мѣста; министры сидятъ тутъ же, т. е. не особо отъ членовъ Палаты. При насъ на очереди состояло сужденіе о разныхъ перемѣнахъ, которыя почитали нужнымъ сдѣлать въ уложеніи княжества. Изъ министровъ, г-нъ Стирбей, управляющій департаментомъ юстиціи, почти одинъ отвѣчалъ на всѣ запросы, а однакожь не было замѣтно, чтобы это его утомляло. Впрочемъ, не смотря на то, что пренія производились весьма жарко, ни одинъ ораторъ не уклонился отъ формъ самаго вѣжливаго разговора. Въ части залы, предоставленной публикѣ, постороннихъ посѣтителей было очень мало, и тѣ, по здѣшнему обычаю, присутствовали при преніяхъ стоя; но для насъ, какъ только мы вошли, нѣкоторые бояре велѣли принести стульевъ. Публику еще весьма недавно начали допускать къ слушанію палатскихъ преній: а журналамъ и до сихъ поръ не дозволено печатать отчетовъ о томъ, что происходитъ въ засѣданіяхъ. При выходѣ нашемъ изъ Палаты, къ намъ подошелъ одинъ изъ ея членовъ, полковникъ Филипеско, котораго фамилія принадлежитъ къ древнѣйшимъ въ Валахіи. Г-нъ Филипеско, обучавшійся во Франціи, получилъ превосходное образованіе; теперь онъ командуетъ однимъ изъ линейныхъ полковъ Валашской арміи и отличается, не только основательными свѣдѣніями, но сверхъ того изящнымъ обращеніемъ и чрезвычайною любезностью. Въ товариществѣ этого благосклоннаго путеводителя мы посѣтили всѣ принадлежности соборной церкви и осмотрѣли ея живописное мѣстоположеніе. Съ вершины горы, на которой стоитъ церковь, виденъ весь Бухарестъ, занимающій весьма большое пространство. Этотъ городъ содержитъ въ себѣ очень много садовъ и представляетъ, когда смотришь на него съ высоты, чрезвычайно живописный видъ, чему

очень много содѣйствуютъ его разноцвѣтныя кровли, многочисленныя церкви и колокольни, и зелень деревьевъ, смѣшанныхъ съ домами.

Когда насталъ вечеръ, мы отправились къ Господарю, въ его лѣтнее мѣстопребываніе Скуффу, находящееся лишь въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бухареста, на берегу рѣки Домбовицы. Домъ, въ которомъ онъ живетъ, не обширенъ и не отличается великолѣпіемъ, но при немъ есть прекрасные сады, расположенные въ веселой равнинѣ, орошаемой рѣкою. По этой причинѣ загородное жилище Господаря гораздо пріятнѣе городскаго. Въ Бухарестѣ казеннаго дома, для помѣщенія Господарей, въ настоящее время, не существуетъ. Прежде былъ такой домъ и очень обширный, но въ 1812-мъ году онъ сгорѣлъ. Теперь Господарь помѣщается въ собственномъ, очень большомъ и прекрасно отстроенномъ, домѣ.

И нынѣшнее свиданіе наше, также какъ предыдущее, прошло въ занимательныхъ разговорахъ, при которыхъ здравый смыслъ, опытность и благодушіе князя постоянно обнаруживались въ свѣтѣ самомъ благопріятномъ. Такъ же какъ и въ первый разъ, на вечерѣ присутствовали всѣ члены семейства Господарева, его невѣстки и большое количество офицеровъ. Щегольской мундиръ офицеровъ рѣзко отдѣлялся отъ простаго, скромнаго одѣянія Господаря. На немъ былъ черный фракъ и жилетъ, съ широкими отворотами. Это, какъ слышно, его любимый костюмъ, носимый во всемъ Бухарестѣ, только имъ однимъ. И въ самомъ дѣлѣ, мы не видали ни разу, чтобы кто нибудь другой былъ одѣтъ такъ же какъ онъ. При наступленіи ночи, всѣ мы отправились въ городъ и потомъ въ театръ. Здѣсь намъ можно бы было сказать, что ужь самъ Господарь, со всѣмъ своимъ небольшимъ дво-

ромъ, находится у насъ въ гостяхъ, потому что изъ театральной залы и со сцены можно было пройдти прямо въ квартиру, нами занимаемую. Разыграно было нѣсколько сценъ изъ «Семирамиды», и сверхъ того дана очень забавная Нѣмецкая комедія, подъ названіемъ : «Флегма и хитрость.»

На слѣдующее утро князь Константинъ Гика дѣлалъ смотръ Бухарестскому гарнизону. Войска эти съ большою точностью производили разныя движенія, которымъ ихъ научили Русскіе офицеры. Князь Константинъ пригласилъ насъ присутствовать при этомъ смотрѣ, и мы весело разъѣзжали за нимъ вдоль строя, какъ вдругъ произошло несчастное приключеніе, остановившее на время маневры и встревожившее зрителей. Ученье сопровождалось батальнымъ огнемъ, и въ лице князю, ѣхавшему слишкомъ ужь близко къ рядамъ, попалъ тлѣющій пыжъ. Этотъ пыжъ, благодаря Бога, ранилъ князя очень легко, но обжогъ ему лице, что могло имѣть важныя послѣдствія. Товарищь нашъ, докторъ Левеллье, тотчасъ же перевязалъ рану, послѣ чего князь немедленно сѣлъ опять на лошадь и потомъ смотръ продолжался до конца благополучно.

Въ тотъ же день мы были приглашены Господаремъ къ обѣду, за которымъ присутствовало отборнѣйшее Бухарестское общество. Обѣдъ этотъ былъ данъ въ Скуффѣ, подъ тѣнью прекрасныхъ деревъ, въ большой прогалинѣ, столь хорошо осѣненной, что въ нее не проникалъ ни одинъ солнечный лучь. Во все продолженіе обѣда, которому, также какъ въ Россіи, предшествовалъ легкій завтракъ, два оркестра музыкантовъ, спрятанные между кустовъ, поперемѣнно разыгрывали національныя Валашскія пѣсни и дикія цыганскія мелодіи. Цыганскій оркестръ, игравшій вообще довольно нестройно, производилъ, однакожь,

особенное впечатлѣніе, котораго ни какъ не испытаешь отъ правильной, гармонической музыки, къ какой привыкъ слухъ Европейцевъ. Что касается до такта, соблюдаемаго въ цыганской музыкѣ, то нельзя не замѣтить, что онъ всегда неровенъ, неправиленъ, и часто изумляетъ неожиданными темпами. Послѣ обѣда происходили Валашскіе танцы, и мы такъ были очарованы строгою точностью и согласіемъ, какія господствовали въ этихъ танцахъ, что князь приказалъ, нарочно для насъ, повторить многіе изъ нихъ. Онъ велѣлъ даже доставить намъ музыку танца, какъ видно составляющаго наслѣдіе Римлянъ, и называемаго здѣсь *Hora Roumaniaska*. Между тѣмъ какъ танцовщики всячески старались позабавить насъ своими плясками, цыгане, съ усердіемъ, безпрерывно возрастающимъ, разыгрывали свои безконечныя аріи. Инструменты ихъ состояли изъ двухъ бандуръ, двухъ скрипокъ, свирѣли и беззвучнаго, глухаго контрабаса ; но ихъ смуглыя, красивыя лица, одушевленныя любовью къ музыкѣ, очень много придавали прелести этой поэтической картинѣ.

Насладившись довольно долго этими сельскими увеселеніями, мы поспѣшили въ обширныя, прекрасныя залы г-на Филипеско, который далъ въ этотъ вечеръ блестящій балъ и созвалъ на него самое отличное Бухарестское общество. Во всей Европѣ я не находилъ города, гдѣ бы можно было встрѣтиться съ людьми болѣе любезными, гдѣ бы самый лучшій тонъ былъ такъ превосходно согласованъ съ тихою веселостью. Этотъ прелестный балъ кончился очень поздно. Не нахожу словъ для выраженія того пріятнаго чувства, какое произвелъ на меня видъ главы семейства, аги Филипеско. Онъ былъ одѣтъ въ широкій костюмъ бояровъ ; борода его длинная, совершенно бѣлая, при-

давала особенную важность его почтенной наружности. Вокругъ него порхали молодыя, миловидныя танцовщицы, которыхъ газовыя убранства, ленты, длинные волосы и прекрасныя лица превосходно оттѣняли кроткую физіономію величественнаго старца. Въ этой картинѣ мы видѣли истинную эмблемму здѣшней страны, прежде всего заимствовавшей у запада его забавы и развязность въ обращеніи. Напрасно важное боярское одѣяніе противится наплыву модъ и современныхъ бездѣлокъ; новому поколѣнію необходимо нужны пространныя залы, гдѣ бы оно могло, сколько его душѣ угодно, кружиться и носиться въ вальсѣ и амазонкѣ; ему нуженъ костюмъ, который не скрывалъ бы изящныхъ тѣлоположеній въ мазуркѣ, не дѣлалъ бы помѣхи въ кадрили. Но нельзя не пожалѣть, что эта блистательная молодежь, стремящаяся усвоить себѣ Европейскую цивилизацію, вмѣстѣ съ изящными свѣтскими обычаями, захватываетъ и опасныя политическія идеи, господствующія на западѣ.

Валахія, къ сожалѣнію, слишкомъ преждевременно узнаетъ заботы общественной, дѣловой жизни, тревоги, сопровождающія промышленную и торговую дѣятельность. Страна эта такъ долго стонала подъ тяжкимъ игомъ, что ей надо бы отдохнуть нѣсколько времени, прежде чѣмъ пуститься на трудное поприще, избранное націями, устроившими у себя представительныя формы правительства. Этой націи, только что еще пробуждающейся, можно бы сказать слѣдующія, всѣмъ извѣстныя, хотя уже давно произнесенныя, слова: «отложимъ серьозныя дѣла до завтрашняго дня.»

Вотъ жизнь, какую мы вели въ Бухарестѣ; все наше время было занято забавами, посѣщеніями; насъ безпрерывно приглашали на балы, гдѣ мы постоянно находились въ самомъ радушномъ, любезномъ обще-

ствѣ; каждый день мы ѣздили по разнымъ заведеніямъ, достойнымъ внимательнаго обзора; вездѣ встрѣчали предметы, вполнѣ заслуживающіе наблюденія; повсюду находили людей, наперерывъ старавшихся оказать намъ какую нибудь услугу: самыя знатныя и почтенныя особы, занимающія наиболѣе важное положеніе въ этомъ добромъ городѣ, съ величайшею благосклонностью сообщали намъ всѣ свѣдѣнія, въ какихъ мы, какъ странники любознательные, имѣли надобность. Не помню мѣста, гдѣ бы мы употребили съ такою пользою время, какъ въ продолженіе пяти дней, проведенныхъ нами въ Бухарестѣ, и промчавшихся для насъ съ необыкновенною быстротою. Наконецъ, приведя въ порядокъ наши личныя замѣчанія и всѣ свѣдѣнія, благосклонно доставленныя намъ разными просвѣщенными лицами, въ томъ числѣ самимъ Господаремъ и министромъ юстиціи г-мъ Стирбеемъ, мы пожелали бросить еще разъ послѣдній, прощальный, исполненный признательности, взглядъ на этотъ городъ, уже въ настоящее время достойный занять мѣсто въ числѣ самыхъ примѣчательныхъ столицъ. Еще однажды объѣздили мы его извилистыя улицы, полюбовались церквями, украшенными при входѣ витыми колоннами, которыхъ изящныя капители покрыты живописными изображеніями святыхъ угодниковъ. Опять посѣтили мы разные кварталы, также какъ любимое гульбище высшаго общества; подышали табачнымъ дымомъ въ кофейнымъ домахъ, въ которыхъ публика, страстная до полигическихъ новостей, читаетъ журналы, издаваемые во всѣхъ странахъ образованнаго міра. Наконецъ, насмотрѣвшись въ послѣдній разъ, на всѣ предметы, возбуждавшіе въ насъ столько пріятныхъ воспоминаній, мы изготовились къ отъѣзду.

Что касается до статистическихъ свѣдѣній о Буха-

рестѣ, то мы можемъ представить здѣсь слѣдующую таблицу народонаселенія этой столицы, почерпнутую изъ послѣдней народной переписи, произведенной здѣшнимъ правительствомъ:

	Жителей обоего пола.
Бояръ	2,598
Ихъ домашнихъ	5,757
Жителей разныхъ сословій	46,604
Бѣлаго духовенства	256
Лицъ, принадлежащихъ къ семействамъ священниковъ, и ихъ прислуги	1,058
Монаховъ	137
Евреевъ, ихъ родственниковъ и прислуги	2,583
(Въ этомъ числѣ заключаются почти всѣ Евреи, живущіе въ Валахіи; въ селахъ ихъ почти нѣтъ, потому что они вообще не занимаются земледѣліемъ.)	
Иностранцевъ	1,795
Всего.	60,788

Надобно, однакожъ, замѣтить, что въ представленной таблицѣ не включены еще люди, не имѣющіе постояннаго пребыванія въ Бухарестѣ, а пріѣзжающіе въ этотъ городъ временно по дѣламъ, или единственно для своего удовольствія. Число такихъ наѣзжающихъ лицъ простирается отъ десяти до двѣнадцати тысячъ.

Въ Бухарестѣ считаютъ;

Домовъ	10,074
Монастырей	26
Церквей	95
Типографій	3
Больницъ	2
Журналовъ (*Національный музей* и *Валашскій курьеръ*.)	2
Литературное общество	1
Солдатская школа искусствъ и ремеслъ	1

Обыкновенную пищу простаго народа составляетъ варево изъ кукурузы или проса, обращенныхъ въ муку; это нѣчто въ родѣ поленты. Мяса и соленой рыбы здѣшніе простолюдины почти совсѣмъ не употребляютъ. Любимый народомъ крѣпкій напитокъ составляетъ водка, перегоняемая изъ сливъ.

Городъ Бухарестъ раздѣляется на пять кварталовъ, или округовъ, изъ которыхъ одинъ называется желтымъ, другой краснымъ, третій зеленымъ, четвертый синимъ, пятый чернымъ. Начальникъ полиціи называется агою; подъ его вѣдѣніемъ находится пять полицейскихъ коммисаровъ или квартальныхъ; изъ нихъ каждый завѣдываетъ цѣлымъ кварталомъ, имѣя при себѣ помощниковъ, которыхъ число соразмѣряется съ обширностью квартала.

Наконецъ, 17-го іюля, простясь съ благодушнымъ Господаремъ, котораго мы покидали съ истиннымъ сожалѣніемъ, изъявивъ нашу совершенную признательность, какъ ему самому, такъ его любезному семейству и всѣмъ особамъ, удостоившимъ насъ своей благосклонности, мы выѣхали изъ Бухареста.

Поѣздъ нашъ увеличился еще двумя повозками, купленными въ Валахіи. Это были повозки крытыя, легкія, и, какъ мы въ послѣдствіи удостовѣрились на дѣлѣ, весьма прочныя.

На пути нашемъ было приготовлено сорокъ лошадей. Благосклонная предусмотрительность Господаря простиралась до того, что онъ послалъ впередъ нѣсколько эстафетъ, съ приказаніемъ распорядиться, чтобы мы нигдѣ не были задерживаемы. По этой причинѣ дальнѣйшее путешествіе наше продолжалось съ чрезвычайною быстротою.

Съ самаго начала мы ѣхали по странѣ печальной, болотистой; около полудня переѣзжали на паромѣ

черезъ рѣку Яломницу, которой воды, прибывшія отъ дождей, неслись съ чрезвычайною быстротою. Отъ мѣста до мѣста мы находили перемѣнныхъ лошадей, стоявшихъ среди чистаго поля. На этихъ уединенныхъ станціяхъ жилищемъ почтмейстеру служили глиняныя мазанки. Быстро несся нашъ длинный караванъ по грустнымъ степямъ, какъ вдругъ пошелъ обильный дождь и затопилъ всю окрестность, отъ чего дорога сдѣлалась вязче, труднѣе, и лошади наши пошли гораздо медленнѣе. По обѣимъ сторонамъ, рядомъ съ нашими повозками, скакалъ отрядъ жандармовъ, называемыхъ здѣсь *доробанцами*, данный намъ, въ видѣ прикрытія, на одной изъ станцій. Эти жандармы, въ дурныхъ мѣстахъ подпирали повозки руками, не допуская ихъ упасть. Во все продолженіе дороги, они были къ намъ очень внимательны и при всякомъ затрудненіи на дорогѣ обнаруживали чрезвычайную дѣятельность и усердіе.

Между тѣмъ мы ѣхали постоянно на сѣверъ, приближаясь болѣе и болѣе къ величественной цѣпи горъ. которыхъ вершины были облечены черными тучами. Мы видѣли многіе таборы цыганъ; захваченные бурею, они убирали свои темноцвѣтныя палатки, разставленныя по полямъ, и принимали мѣры предосторожности противъ бури, угрожавшей разразиться надъ ними. Между этими цыганами мы видѣли женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, едва прикрытыхъ, кое какимъ рубищемъ. Возлѣ нихъ жались бѣдныя дѣти, совсѣмъ нагія. Это были весьма безобразныя ребятишки, съ тощими, изсохшими руками и ногами, съ животомъ раздувшимся, вспученнымъ.

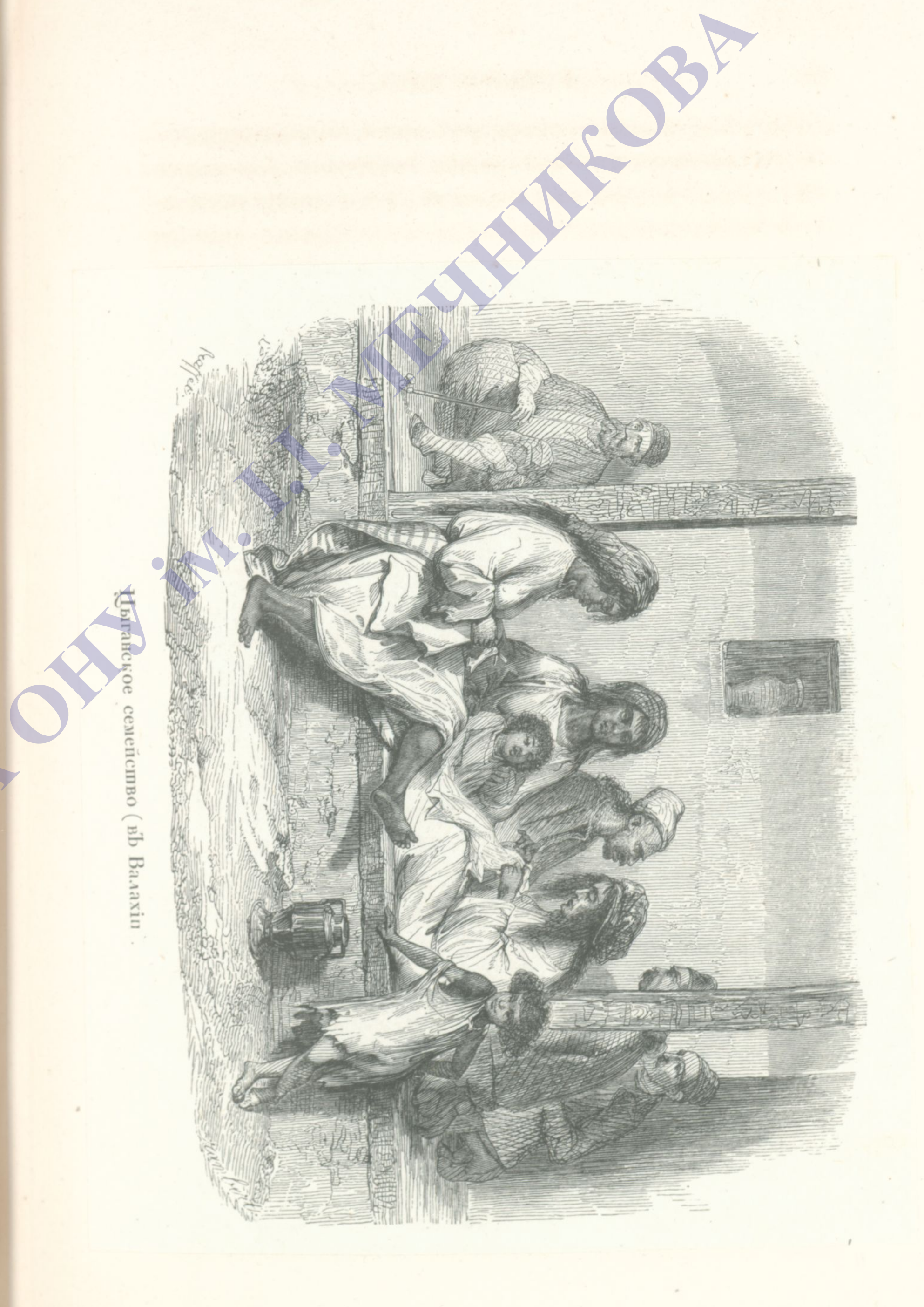
Но вскорѣ лугъ сдѣлался вязкимъ, глубокимъ болотомъ; лошади, жандармы, повозки тащились въ водѣ; если встрѣчался ровъ, то пытались объѣхать его,

черезъ рѣку Яломицу, которой воды, прибывшія отъ дождей, неслись съ чрезвычайною быстротою. Отъ мѣста до мѣста мы находили перемѣнныхъ лошадей, стоявшихъ среди чистаго поля. На этихъ уединенныхъ станціяхъ жилищемъ почтмейстеру служили глиняныя мазанки. Быстро несся нашъ длинный караванъ по грустнымъ степямъ, какъ вдругъ пошелъ обильный дождь и затопилъ всю окрестность, отъ чего дорога сдѣлалась вязче, труднѣе, и лошади наши пошли гораздо медленнѣе. По обѣимъ сторонамъ, рядомъ съ нашими повозками, скакалъ отрядъ жандармовъ, называемыхъ здѣсь *доробанцами*, данный намъ, въ видѣ прикрытія, на одной изъ станцій. Эти жандармы, въ дурныхъ мѣстахъ подпирали повозки руками, не допуская ихъ упасть. Во все продолженіе дороги, они были къ намъ очень внимательны и при всякомъ затрудненіи на дорогѣ обнаруживали чрезвычайную дѣятельность и усердіе.

Между тѣмъ мы ѣхали постоянно на сѣверъ, приближаясь болѣе и болѣе къ величественной цѣпи горъ, которыхъ вершины были облечены черными тучами. Мы видѣли многіе таборы цыганъ; захваченные бурею, они убирали свои темноцвѣтныя палатки, разставленныя по полямъ, и принимали мѣры предосторожности противъ бури, угрожавшей разразиться надъ ними. Между этими цыганами мы видѣли женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, едва прикрытыхъ, кое какимъ рубищемъ. Возлѣ нихъ жались бѣдныя дѣти, совсѣмъ нагія. Это были весьма безобразныя ребятишки, съ тощими, изсохшими руками и ногами, съ животомъ раздувшимся, вспученнымъ.

Но вскорѣ лугъ сдѣлался вязкимъ, глубокимъ болотомъ; лошади, жандармы, повозки тащились въ водѣ; если встрѣчался ровъ, то пытались объѣхать его.

Цыганское семейство (въ Валахіи)

или перескакивали прытью, при усиленныхъ ударахъ кнута и удвоенныхъ воплях погонщиковъ. Странную тогда картину представляли наши четыре тяжелыя повозки, которыя, въ сумрачную, ненастную погоду катились по затопленному лугу и при каждой, скрытой подъ водою ямѣ, при каждомъ неожиданномъ толчкѣ, повидимому, должны были или опрокинуться, или совершенно увязнуть въ грязи. Въ такія минуты всѣ усугубляли свою внимательность ; услужливые доробанцы усердно поддерживали повозки, находившіяся въ опасномъ положеніи, а погонщики, обращаясь къ своимъ усталымъ, взмыленнымъ лошадямъ, ужь не кричали на нихъ, а старались ободрить ихъ ласковыми, дружелюбными, почти братскими увѣщаніями. И въ самомъ дѣлѣ, несчастныя твари заслуживали кроткаго обращенія ; онѣ въ полномъ смыслѣ слова выбивались изъ силъ въ продолженіе этого долговременнаго, труднаго переѣзда. Наконецъ, при страшныхъ раскатахъ грома и проливномъ дождѣ, мы прибыли въ Бузео. Сквозь дождь и среди мрака, водворившагося отъ черной тучи, покрывавшей все небо, мы едва могли разглядѣть зеленыя колокольни и бѣлыя стѣны обширнаго епископства, достойнаго жилища одного изъ богатѣйшихъ Валашскихъ прелатовъ. По счастію наше прикрытіе увеличилось, не за долго передъ тѣмъ, еще нѣсколькими доробанцами, къ нему присоединившимися. При помощи этихъ услужливыхъ и радушныхъ людей, намъ удалось благополучно перебраться черезъ оврагъ, котораго русло не успѣло слишкомъ высоко наполниться дождевою водою. Но прибывши къ рѣчкѣ Бузео, текущей между берегами чрезвычайно крутыми, мы рѣшительно струсили, и никакъ не надѣялись, чтобы не погибла какая нибудь изъ нашихъ повозокъ. И дѣйствительно одна повозка под-

вергалась большой опасности. Сначала она довольно счастливо перебралась черезъ потокъ, котораго теченіе сдѣлалось уже чрезвычайно быстрымъ и опаснымъ; но при взъѣздѣ на противуположную сторону рѣки, надобно было употребить болѣе получаса времени, слишкомъ двадцать лошадей и неимовѣрныя усилія, чтобы встащить повозку на крутой и скользкій берегъ. И то еще мы были вынуждены вылѣзть изъ повозки и по спинамъ лошадей перебраться на верхнюю часть берега, иначе, если бы мы вздумали идти не по лошадямъ, то намъ пришлось бы на каждомъ шагу увязать по колѣно въ грязи.

Въ Рымникѣ мы надѣялись отдохнуть на хорошихъ постеляхъ. Валашскій дворянинъ, г-нъ Николеско, предупрежденный о томъ, что мы пріѣдемъ, готовился оказать намъ гостепріимство именно въ то самое время, когда мы были измочены дождемъ и едва не утонули въ грязи. Къ несчастію, когда мы приблизились къ рѣчкѣ Рымнику, черезъ которую надобно было еще переѣхать, чтобы добраться до желаннаго пріюта, ожидавшаго насъ у г-на Николеско, настала темная ночь и ни одинъ изъ нашихъ проводниковъ не отважился пуститься черезъ рѣку въ столь позднее время и при такой ужасной погодѣ. И потому, волею или неволею, намъ пришлось ночевать или въ повозкахъ, или въ хижинѣ у какого-то несчастнаго крестьянина; а этотъ бѣднякъ не могъ предложить намъ никакой другой постели, кромѣ соломы, на которой даже лошадь, хоть нѣсколько разборчивая, на примѣръ Англійская, не согласилась бы улечься. Но часамъ къ тремъ утра небо прояснилось, дождь унялся, рѣка опала, нашлись мѣста, удобныя для переѣзда въ бродъ, и мы не замедлили прибыть въ Рымникъ.

Это безвременье лишило насъ случая воспользоваться гостепріимствомъ, готовившимся для насъ еще накунунѣ; потому что по прибытіи нашемъ въ Рымникъ, былъ уже часъ четвертый утра; мы посовѣстились обезпокоить г-на Николеско, немедленно перемѣнили лошадей и отправились далѣе, къ предѣламъ Молдавіи.

Жилище г-на Николеско, сколько мы могли судить о немъ по его наружному виду, было очень обширно и отличалось особеннымъ великолѣпіемъ. Домъ выстроенъ въ Италіанскомъ вкусѣ, съ открытыми галлереями. Самый Рымникъ показался намъ городомъ, довольно значительнымъ; въ немъ есть замокъ, выстроенный по Турецкому образцу, изъ кирпича. Въ этомъ мѣстѣ Суворовъ сражался съ Мустафой-пашею и одержалъ надъ нимъ знаменитую побѣду, за которую былъ награжденъ титуломъ графа Рымникскаго.

Іюля 18-го, на самомъ разсвѣтѣ, погода вдругъ перемѣнилась, изъ дурной сдѣлалась хорошею; равнина, освѣженная дождемъ, являлась въ очаровательномъ видѣ; солнце сіяло въ полномъ блескѣ и благотворная теплота его оживила наши оцѣпенѣвшіе члены; мы вскорѣ забыли утомленіе, испытанное нами въ продолженіе ненастной, исполненной тревогъ, ночи, и прибывъ въ Фокшаны, были тамъ встрѣчены начальникомъ округа, г-мъ Георгомъ Разо, который принялъ насъ очень вѣжливо и предупредительно.

Фокшаны есть послѣдній, съ этой стороны, Валашскій городъ, лежащій на самой границѣ Валахіи и Молдавіи. Посреди города течетъ рѣчка Милкова, составляющая собственно пограничную черту между Валахіею и Молдавіею. Это просто маленькій ручей, черезъ который перекинутъ деревянный мостъ. Такое положеніе чрезвычайно благопріятно для тор-

говли: а потому городокъ этотъ, кажется, имѣетъ довольно много жителей и въ числѣ ихъ не мало Евреевъ.

Часть нашей экспедиціи остановилась въ гостинницѣ « Hôtel de France », содержимой какимъ-то Французомъ. Что касается до меня, то, по приглашенію начальника округа, я остановился у него въ домѣ, гдѣ мнѣ было оказано гостепріимство не только отъ самаго хозяина, но и отъ имени всего Валашскаго участка Фокшанъ. Вмѣстѣ съ правителемъ округа, и начальникъ полиціи, или исправникъ, изъявилъ совершенную готовность оказывать намъ всѣ возможныя услуги. Округъ, или уѣздъ, къ которому принадлежитъ городъ Фокшаны, называется Путна; въ немъ считаютъ двадцать пять тысячъ семействъ, что составляетъ, по обыкновенному, примѣрному изчисленію, употребительному въ статистикахъ, нѣсколько болѣе ста тысячъ человѣкъ жителей. Близь этой границы обитаетъ Французскій миссіонеръ, исповѣдующій Римско-католическую вѣру. Въ Валахіи католическихъ церквей считается двадцать, а въ Молдавіи шестьдесятъ. Этотъ угрюмый миссіонеръ, вмѣсто того, чтобы обрадоваться соотечественникамъ и распрашивать о Франціи, что естественно каждому человѣку, живущему въ далекѣ отъ родины, распространился въ безконечныхъ жалобахъ какъ противъ Валахіи, гдѣ живетъ уже весьма давно, такъ и противъ многихъ лицъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло. При такихъ чувствованіяхъ трудно ему будетъ вести здѣсь жизнь пріятную.

Это время показалось намъ самымъ удобнымъ для приведенія въ порядокъ многочисленныхъ документовъ, какими насъ снабдили гостепріимные и любезные обитатели Бухареста; а потому, прежде чѣмъ со-

всѣмъ выѣхать изъ Валахіи, мы распредѣлили эти документы въ порядкѣ, по нашему мнѣнію, самомъ удобномъ для сообщенія нашимъ читателямъ вѣрнаго понятія о странѣ, которую мы объѣхали. Разумѣется, въ продолженіе шести только дней, проведенныхъ нами въ Валахіи, мы не могли сами лично собрать точныхъ данныхъ объ этомъ княжествѣ; но мы намѣреваемся въ нижеслѣдующемъ простомъ расказѣ, изложить сперва нѣкоторыя свѣдѣнія, почерпнутыя въ книгахъ, читанныхъ нами на досугѣ, во время плаванія по Дунаю, и потомъ расказать все, что узнали изъ разговоровъ съ образованными людьми, съ которыми имѣли счастіе познакомиться въ Бухарестѣ.

Посвящая нѣсколько строкъ древней исторіи Валашскаго народа, мы нисколько не имѣемъ намѣренія пускаться въ излишне многочисленныя и не совмѣстныя съ размѣромъ и цѣлью нашихъ записокъ подробности о его происхожденіи. Но скажемъ, что соображая главныя черты, отличающія этотъ народъ, воспоминанія, какими онъ и теперь еще одушевленъ, нѣкоторыя преданія, составляющія Римское наслѣдіе, завѣщанное уже осмнадцать вѣковъ назадъ, нельзя безъ истиннаго жестокосердія отказывать Валахамъ въ знаменитомъ происхожденіи отъ Даковъ и Римлянъ.

Въ первыя времена послѣ Рождества Христова, страны, извѣстныя нынѣ подъ именемъ Валахіи, Молдавіи и Трансильваніи, были соединены въ одно тѣло и составляли грозное царство Даковъ, о которомъ такъ часто упоминается въ одахъ Горація. Жители, населявшіе эту страну, происходили отъ Скиѳовъ и Сарматовъ. Долго они были страшными врагами Римлянъ, и даже, предводительствуемые Децеваломъ, однимъ изъ своихъ королей, до того устрашили Рим-

скаго императора Домиціана, что онъ согласился заключить съ ними постыдный миръ. Желая отмстить за такое уничиженіе, Траянъ два раза водилъ на берега Дуная свои побѣдоносные легіоны, и съ тѣхъ поръ уцѣлѣли любопытные памятники, описанные нами выше, равно какъ остатки смѣло перекинутаго черезъ Дунай моста, еще видные не подалеку отъ Скелы. Послѣ окончательнаго покоренія Дакіи, въ этой странѣ, столь долго находившейся въ варварскомъ состояніи, основались Римскія поселенія и Дакія превратилась въ провинцію, состоявшую подъ управленіемъ преторовъ.

Такой порядокъ вещей существовалъ до третьяго вѣка по Рождествѣ Христовѣ. Въ это время Дакія подверглась нашествію Готѳовъ и Гунновъ; но тогда Римская имперія уже клонилась къ упадку и Авреліанъ удовольствовался только тѣмъ, что вывелъ изъ Дакіи Римскихъ поселенцевъ и назначилъ имъ другія земли въ провинціи Мезіи. Вскорѣ послѣ того Дакія, отторгнутая отъ Римской имперіи, сдѣлалась добычею разныхъ варварскихъ народовъ, попеременно ее покорявшихъ. Сначала въ нее вторглись Гунны, которыхъ, однакожъ, по смерти Аттилы, Римлянамъ удалось прогнать назадъ въ Скиѳію; потомъ Гениды, заключившіе договоръ съ Римлянами, Лонгобарды, отправившіеся, при Юстиніанѣ, на покореніе Италіи, наконецъ Авары, или бѣлые Гунны, дерзнувшіе, по увѣренію нѣкоторыхъ историковъ, угрожать даже самой Византіи. Впрочемъ, этихъ послѣднихъ почти совершенно истребилъ Ираклій.

Въ продолженіе времени отъ седьмаго до девятаго вѣка, древнюю Дакію занимали Славяне и Булгары, перебравшіеся черезъ Дунай для овладѣнія этою плодоносною страною. И если положиться на увѣренія

нѣкоторыхъ писателей, то здѣшніе жители начали носить имя Валаховъ именно со времени этого переселенія Славянъ. Народы Славянскіе, говорятъ упомянутые писатели, имѣли обыкновеніе называть Римлянъ общимъ именемъ Влассовъ: чтожъ мудренаго, что они назвали тѣмъ же именемъ и другое племя, долгое время состоявшее подъ владычествомъ Рима и свыкшееся съ Римскимъ образомъ жизни? Съ другой стороны любители словопроизводствъ, столь многочисленные въ Европѣ, находятъ еще иные корни для имени Влассовъ, или Влакковъ; но все, что они въ этомъ отношеніи говорятъ, недостовѣрно, и, по нашему мнѣнію, убѣдительнаго и важнаго не заключаетъ ничего. Между прочимъ, нѣкоторые изъ нихъ предполагаютъ, что первые Римскіе поселенцы пришли въ Дакію подъ предводительствомъ Римлянина Флакка, что по этому вся страна получила названіе Флакціи, или Флаккіи, а жители имя Флакковъ, отъ котораго уже происходитъ Славянское слово Влакки и новѣйшее *Валахи*. Мы полагаемъ, что благоразумнѣе будетъ отбросить всѣ ребяческія разсужденія разныхъ досужныхъ писателей объ имени народа Валашскаго и о его происхожденіи, и основаться на повѣрьяхъ самихъ жителей, которыхъ мѣстныя преданія часто представляютъ гораздо болѣе достовѣрности, нежели изслѣдованія историковъ. На примѣръ, если вы спросите у самихъ жителей, отъ чего происходитъ слово Валахъ, то они будутъ отвѣчать вамъ, что имя это новое, въ исторіи появляется лишь съ двѣнадцатаго столѣтія, и придается имъ только иностранцами, а между самими обитателями княжества почти неизвѣстно и вовсе не употребительно. Напротивъ, они скажутъ вамъ, что жители Валахіи сами себя называютъ *Руманами* — Римлянами, а зе-

млѣ своей даютъ имя *Тсара Руманеска* — Римская земля. Сверхъ того и гербъ Валашскій есть Римскій орелъ, къ которому прибавленъ Крестъ. Наконецъ, если принять въ соображеніе мужественный, исполненный крѣпости, наружный видъ жителей, представляющій очень много сходнаго съ нынѣшними Транстеверинцами, если подвергнуть изслѣдованію ихъ языкъ, игры, празднества; то во всемъ этомъ найдешь несомнѣнные слѣды знаменитаго происхожденія, на которое Валахи предъявляютъ притязаніе. Да и не кстати было бы оспаривать у нихъ это происхожденіе, тѣмъ болѣе, что нѣтъ, кажется, никакой бѣды въ томъ, что Валашскій народъ еще чувствуетъ въ себѣ нѣсколько той благородной гордости, которая поддерживала и утѣшала его въ долговременныхъ несчастіяхъ. И такъ, по всей вѣроятности, въ наше время, собственно народъ Валашскій можетъ считаться представителемъ Даковъ и Римлянъ, а дворянство Валашское безъ сомнѣнія происходитъ отъ Славянъ, покорившихъ нѣкогда эту страну.

Между тѣмъ, нѣкоторые Славяне, желая уклониться отъ разоренія, какому очень часто подвергались въ этой несчастной странѣ, образовали между рѣками Ольтою и Дунаемъ, особое поселеніе, въ которое, вмѣстѣ съ собою, увлекли и нѣсколькихъ природныхъ Даковъ. Тамъ они образовали особую націю и выбрали изъ среды себя начальника, которому дали имя Бана. Таково происхожденіе Банната, составляющаго часть Валахіи, простирающуюся вдоль верхняго Дуная; главный городъ въ немъ Краіова.

До тринадцатаго вѣка включительно, Дакія подвергалась поперемѣнно нашествіямъ Скиѳовъ и Татаръ, которые совсѣмъ было изгнали природныхъ жителей. Тогда Валахія и Молдавія, почти совершенно обращенныя въ пустыню, отдались подъ покровительство Венгріи. Во время царствованія Венгерскаго Короля Лудовика I-го, появился Родольфъ Черный (по Валашски *Раддуло Негро*), первый собственно Валашскій воевода. Изгнанный изъ Венгріи вторженіемъ Батыевыхъ Татарскихъ ордъ, Родольфъ Черный, въ товариществѣ напуганныхъ земляковъ своихъ, удалился отыскивать убѣжище въ пустыняхъ, составлявшихъ нѣкогда отечество его предковъ.

Тогда эти области, находясь подъ управленіемъ собственныхъ воеводъ, отдохнули и вновь образовали особое царство. Пріучившись мало по малу къ военному дѣлу, Валахи твердо сопротивлялись всѣмъ попыткамъ Венгровъ подчинить ихъ снова подъ свое владычество; они сдѣлали еще болѣе, стали вести наступательную войну съ ближайшими сосѣдями своими, Турками, которыхъ земли не были защищены со стороны Дуная. Но Султанъ Баязетъ остановилъ ихъ и подчинилъ Валахію дани.

Въ продолженіе почти цѣлаго столѣтія, Валахи то одни, то съ помощью Венгровъ, пытались, но всегда безполезно, свергнуть жестокое Турецкое иго; послѣ минутной свободы, они всегда опять подпадали подъ владычество Оттоманской Порты и участь ихъ съ каждымъ днемъ становилась несчастнѣе. Наконецъ, въ 1520-мъ году, Магометъ II-й изгналъ изъ Валахіи ея законнаго монарха, поставилъ въ княжествѣ новаго воеводу, носившаго даже званіе паши, и заключилъ съ Валахами трактатъ, котораго главныя основанія до сихъ поръ еще не исключены изъ Валашскаго уложенія. Въ послѣдующее время, вліяніе Турокъ на Валахію безпрерывно усиливалось, такъ что, въ 1544-мъ году, Валахи были принуждены уступить Портѣ часть своей земли, простирающуюся вдоль по Дунаю. На

этомъ-то участкѣ, Турки выстроили крѣпости Браиловъ, Журжеву и Турно, въ которыхъ помѣстили сильные гарнизоны.

Такое положеніе дѣлъ продолжалось до 1593-го года; а въ это время воевоеда, по имени Михаилъ, рѣшился, во что бы то ни стало, свергнуть Турецкое иго. Съ большимъ искусствомъ умѣлъ онъ найдти себѣ союзниковъ, при помощи которыхъ изгналъ Турокъ изъ выстроенныхъ ими крѣпостей, и съ постояннымъ успѣхомъ отражалъ всѣ ихъ дальнѣйшія нападенія. Дѣло дошло до того, что Магометъ III-й, послѣ продолжительной и упорной войны, не смотря на свои громадныя полчища, былъ вынужденъ отказаться отъ владычества надъ Валашскимъ княжествомъ. Къ сожалѣнію, Валахи не долго пользовались свободою; послѣ смерти Михаила, у духовенства возникли несогласія съ дворянствомъ, отъ чего въ государствѣ произошли разные безпорядки, въ слѣдствіе которыхъ Валахія опять подпала подъ иго Султановъ, лишилась свободы сама себѣ избирать своихъ воеводъ и вынуждена была платить дань.

Между тѣмъ, къ концу семнадцатаго вѣка, Бухарестъ сдѣлался мѣстопребываніемъ Валашскаго правительства, и Бессарабъ, воевода правившій въ 1710-мъ году, пріобрѣлъ столько силы, что сосѣдственныя великія націи старались вступить съ нимъ въ союзъ. Но къ несчастію, пагубная перѣшительность этого воеводы была причиною того, что онъ не только не успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ, но еще заплатилъ за нихъ жизнію. Вскорѣ потомъ Порта соединила оба княжества, Валахію и Молдавію, въ одну область, окончательно отняла у нихъ право избирать себѣ правителей и начала присылать къ нимъ воеводъ, которыхъ назначала, по собственному произволу, изъ

Греческихъ семействъ, обитающихъ издавна въ Константинополѣ, и въ слѣдствіе долговременной привычки къ повиновенію, годившихся служить орудіемъ для точнаго выполненія верховной воли Султана.

Первый воевода, управлявшій обоими, такимъ образомъ соединенными, княжествами, былъ князь Николай Маврокордато. Подъ правленіемъ преемника его, Константина Маврокордато, правившаго съ 1740-го года, княжества насладились нѣсколькими годами тишины и спокойствія. Въ послѣдней половинѣ осмнадцатаго столѣтія вспыхнула война между Россіею и Оттоманскою Портою. Русская армія занимала княжества и крѣпости по Дунаю въ продолженіе четырехъ лѣтъ, по прошествіи которыхъ, въ лагерѣ при Кучукъ-Кайнарджи, заключенъ $^{10}/_{22}$ іюля 1774-го года знаменитый вѣчный миръ. Въ статьѣ 26-й трактата, при этомъ случаѣ составленнаго и утвержденнаго обѣими договаривавшимися сторонами, было сказано, что княжества возвращаются Портѣ, со всѣми крѣпостями, въ нихъ заключающимися; но въ то же время великая Монархиня, предписывавшая тогда законы Турецкому правительству, заставила Порту обезпечить жителямъ Валахіи и Молдавіи полную свободу вѣроисповѣданія, увольненіе отъ податей на нѣкоторое, опредѣленное число лѣтъ, и право переселяться куда они захотятъ съ семействами своими и со всѣмъ имуществомъ. Сверхъ того Екатерина Великая выговорила для княжествъ право имѣть при Султанѣ повѣреннаго въ дѣлахъ изъ христіанъ, и заставила Порту согласиться, чтобы Русскіе посланники и консулы могли входить и лично, какъ отъ имени своего правительства, такъ и прямо отъ себя, съ представленіями по дѣламъ обоихъ княжествъ. Въ 1784-мъ году Султанъ Абдулъ-Гамидъ, особымъ гатти-шерифомъ, подтвер-

дилъ всѣ привилегіи, дарованныя Валахіи и Молдавіи, отказался отъ права поселять своихъ подданныхъ на земляхъ, принадлежащихъ княжествамъ и уменьшилъ, какъ подать, платимую ему жителями, такъ и подарки, требуемые отъ правителей княжествъ.

Но вскорѣ Порта забыла о своихъ торжественныхъ обѣщаніяхъ; и въ 1789-мъ году, когда разразилась Французская революція, Австрія и Россія вынуждены были совокупно объявить Турціи войну и занять своими войсками Валахію и Молдавію. Слѣдствіемъ этой войны былъ трактатъ, заключенный въ Яссахъ, которымъ участь обоихъ княжествъ была вторично обезпечена на условіяхъ 1774 и 1784-го годовъ.

Въ началѣ текущаго столѣтія, правительство Оттоманское видимо клонилось къ заключенію союза съ Императоромъ Наполеономъ, а потому Россія увидѣла себя еще разъ въ необходимости снова объявить Турціи войну и опять занять оба княжества. Россійскія войска удерживали за собою Валахію и Молдавію съ 1806-го по 1812-й годъ. Наконецъ миръ былъ заключенъ въ Бухарестѣ. Трактатомъ, при этомъ случаѣ составленнымъ, рѣка Прутъ назначена границею Россійской имперіи, и для Дунайскихъ княжествъ выговорены слѣдующія условія: уменьшены подати, взимаемыя съ нихъ Портою и срокъ правленія каждаго Господаря опредѣленъ въ семь лѣтъ. Нѣсколько позднѣе этого времени Валахіею правилъ князь Караджа; угрожаемый гнѣвомъ Оттоманскаго правительства и страшась за жизнь свою, онъ вдругъ рѣшился тайнымъ образомъ уйдти изъ Валахіи, и въ 1818-мъ году исполнилъ это намѣреніе, предоставивъ, во время своего отсутствія, управленіе боярамъ.

Послѣдніе обратились къ Султану и просили его

ввѣрить впредь управленіе княжествами исключительно Дивану. Такимъ образомъ они надѣялись положить конецъ бѣдствіямъ, проистекавшимъ отъ правленія посредствомъ Греческихъ князей. Но Султанъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на эту просьбу, и послалъ къ нимъ, въ качествѣ Господаря, князя Александра Суцо. По смерти этого князя, случившейся въ 1821-мъ году, произошли нѣкоторыя попытки къ возстанію; при томъ, въ это время и во многихъ другихъ мѣстахъ обнаружились признаки броженія умовъ, которыхъ отголосокъ возбуждалъ и въ Дунайскихъ княжествахъ желаніе независимости. Въ Испаніи, въ Италіи, въ Египтѣ совершались важныя событія, обращавшія на себя взоры всѣхъ Европейскихъ политиковъ. Извѣстно также, что въ это же самое время вспыхнуло возстаніе и въ Греціи, окончившееся отдѣленіемъ этой страны отъ Турецкой имперіи и образованіемъ изъ нея особаго королевства.

Вскорѣ послѣ того Россія вынуждена была объявить Турціи войну и опять занять оба княжества. Послѣдовавшая за тѣмъ продолжительная и кровопролитная борьба, поставившая Турецкую имперію на край гибели, кончилась уже въ 1829-мъ году знаменитымъ Адріанопольскимъ трактатомъ, со времени заключенія котораго слѣдуетъ считать окончательное освобожденіе Валахіи и Молдавіи отъ Турецкаго самоуправства. Между тѣмъ какъ для Валахіи и Молдавіи составлялось органическое уложеніе, графъ Киселевъ, командовавшій Россійскими войсками, расположенными въ княжествахъ, былъ сдѣланъ полномочнымъ главою временнаго правительства, въ качествѣ Президента. Такимъ образомъ, въ рукахъ этого знаменитаго мужа, до тѣхъ поръ извѣстнаго только воинскими подвигами, была соединена вся власть, какая была тог-

да необходимо нужна для преобразованія этой страны, на основаніи условій, постановленныхъ въ Аккерманской конвенціи и въ Адріанопольскомъ трактатѣ. Подобная задача была чрезвычайно обширна и многотрудна; она обнимала, въ совокупности своей, всѣ самые высшіе вопросы общественнаго благоустройства и представляла множество разнообразныхъ затрудненій, которыя преодолѣть было не очень легко. Но даровитый графъ, постоянно одушевленный пламенною любовью къ общественному благу, отличающійся твердою волею и неутомимою дѣятельностью, благополучно привелъ къ концу это важное преобразованіе и водворилъ въ обоихъ княжествахъ порядокъ и законность, на мѣсто господствовавшаго прежде, чудовищнаго самоуправства, тяготѣвшаго болѣе двухъ сотъ лѣтъ надъ несчастными жителями. Графъ-законодатель принялъ княжества въ свое управленіе послѣ разорительной войны, а потому прежде всего долженъ былъ восторжествовать надъ слѣдующими ужасными бѣдствіями: надъ чумою, надъ голодомъ, надъ всеобщею бѣдностью, и — что еще труднѣе, — онъ долженъ былъ преодолѣть уныніе духа и нравственное униженіе народа. Но твердая воля его побѣдила всѣ эти препятствія; онъ не только преобразовалъ княжества, но можно сказать пересоздалъ ихъ. Ему эти области, прежде находившіяся подъ такимъ дурнымъ управленіемъ, обязаны всѣмъ своимъ административнымъ устройствомъ: онъ создалъ армію, водворилъ порядокъ въ финансахъ, ввелъ гражданское управленіе, до тѣхъ поръ въ этой странѣ не существовавшее и неизвѣстное, пріучилъ народъ къ повиновенію и порядку. За то, надобно сознаться, что имя его свято чтится всѣми жителями, питающими къ нему искреннюю и живѣйшую

признательность. Наконецъ, когда новые Господари, съ утвержденія правительствъ обѣихъ имперій, вступили въ исправленіе должности своей, и начали дѣйствовать подъ руководствомъ основныхъ законовъ, благоразумно обдуманныхъ и составленныхъ, — однимъ словомъ, когда графъ Киселевъ вполнѣ совершилъ возложенное на него трудное порученіе; то онъ выѣхалъ изъ страны, имъ избавленной, вновь возрожденной и въ которой память о немъ останется вѣчно незабвенною.

И такъ, въ слѣдствіе послѣдняго счастливаго переворота, испытаннаго Валахіею, она состоитъ подъ управленіемъ Господаря, котораго выбираетъ чрезвычайное собраніе бояръ, съ утвержденія Порты и съ согласія Россійскаго правительства. Валахія пользуется свободною національностью и Турки не имѣютъ права нигдѣ, на всемъ протяженіи земель, входящихъ въ составъ княжества, ставить свои гарнизоны, или содержать войска. Генеральное собраніе, пользующееся, вмѣстѣ съ Господаремъ, законодательною властью, состоитъ изъ сорока трехъ членовъ, считая въ томъ числѣ и президента. Мѣсто президента всегда принадлежитъ Бухарестскому Митрополиту; прочіе сорокъ два члена выбираются общимъ собраніемъ бояръ, посредствомъ тайной балотировки. Министры не могутъ быть въ одно время и депутатами.

Представляемъ изчисленіе должностей и чиновъ, существующихъ въ Валахіи. По странному стеченію обстоятельствъ, княжество это представляетъ то сходство со всѣми другими мелкими государствами, что и въ немъ пышность титловъ несогласна со степенью богатства и обширностью княжества.

Послѣ Господарскаго, первый санъ въ государствѣ есть санъ *Бана*. Этотъ титулъ въ древности принадле-

жалъ владѣльцамъ той части Валахіи, которая, какъ уже замѣчено выше, называется Баннатомъ. Мѣстопребываніе свое Баны имѣли въ городѣ Краіовѣ. Въ настоящее время этотъ титулъ сообщаетъ лицу, его носящему, право засѣданія въ совѣтѣ, или какъ здѣсь называютъ, въ Диванѣ; а въ Баннатѣ мѣсто его занимаетъ намѣстникъ, называющійся *Каймаканомъ*.

Четыре *Ворника* изъ дворянъ суть безсмѣнные члены Дивана, также какъ Банъ и Митрополитъ. Они занимаютъ въ Диванѣ судебныя должности.

Къ членамъ совѣта принадлежатъ еще такъ называемые *Логофеты*; ихъ двое; они возвѣщаютъ публикѣ о рѣшеніяхъ, постановленныхъ собраніемъ и утвержденныхъ окончательно подписью самаго Господаря.

Спатаръ, также засѣдающій въ Диванѣ, есть главнокомандующій всей Валашской арміи.

Вестіаръ, главный Казнохранитель, и въ этомъ качествѣ засѣдающій; равнымъ образомъ въ Диванѣ.

Постельникъ исправляетъ при Господарѣ должность секретаря по особымъ дѣламъ.

Диванъ-Эфенди — секретарь Дивана.

Второстепенныя должности слѣдующія:

Клазіоръ — должность чисто почетная.

Ага — главный начальникъ всей полиціи въ княжествѣ и городскаго управленія собственно въ Бухарестѣ.

Комисо — конюшій Господаря.

Далѣе слѣдуютъ должности третьестепенныя, но предоставленныя исключительно дворянству. Къ числу ихъ принадлежатъ, между прочимъ, *Коминаръ* и *Гармашъ*. Послѣдній приводитъ въ исполненіе приговоры уголовныхъ судовъ и надзираетъ за кочевыми цыганами.

Есть и еще должности, теперь уже чисто почетныя, состоящія только въ одномъ имени. Къ нимъ принадлежатъ, напримѣръ, *Пагарникъ* или Кравчій, *Стольникъ*, и еще пять или шесть другихъ должностей.

Дѣлами княжества управляютъ четыре министра и одинъ статсъ-секретарь. Министерства суть слѣдующія: внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, духовныхъ дѣлъ и финансовъ. Сверхъ того существуютъ: генеральный Контроль, Карантинный Комитетъ, и Коммисія для устройства тюремъ и надзора за ними.

Спатаръ, какъ мы уже сказали, командуетъ арміею, которая состоитъ изъ трехъ полковъ, а каждый полкъ имѣетъ два батальона, такъ что, въ полномъ составѣ своемъ, военныя силы княжества простираются до пяти тысячъ человѣкъ. При Господарѣ находится десять штабъ-офицеровъ.

Въ Валахіи считается 22 города, 15 мѣстечекъ, и 3,560 деревень. По вычисленію, совершенному въ 1837-мъ году, въ этомъ княжествѣ находится всего на все 339,322 дома. Вся поверхность княжества раздѣляется на семнадцать округовъ или уѣздовъ, изъ которыхъ пять лежатъ на одной сторонѣ Алуты, а двѣнадцать на другой. Каждымъ изъ этихъ округовъ управляютъ двое исправниковъ, избираемыхъ изъ бояръ. Въ послѣднее время, въ каждомъ округѣ учреждены судейскія должности; сверхъ того во всѣхъ округахъ есть такъ называемые *самеси*, или казначеи, которыхъ обязанность состоитъ въ повѣркѣ дѣйствій исправниковъ, по счетной и денежной части вообще. *Самеси* чиновникъ безсмѣнный, а прочіе замѣняются ежегодно другими, по выборамъ. Это учрежденіе, заимствованное изъ Турецкой администраціи, нужно бы отмѣнить какъ можно скорѣе, иначе въ общественномъ управленіи не можетъ быть никакой прочности.

Округи, или уѣзды раздѣляются въ свою очередь

на такъ называемые *плацы* или участки; въ каждомъ такомъ участкѣ живетъ сборщикъ податей.

Въ каждомъ главномъ городѣ или мѣстечкѣ округа есть муниципальный совѣтъ, состоящій подъ вѣдѣніемъ президента, или мера, вспомоществуемаго тремя совѣтниками, или адъюнктами.

Метрическіе списки, прежде графа Киселева не существовавшіе въ Валахіи, теперь ведутся духовенствомъ въ двухъ экземплярахъ. Одинъ изъ этихъ экземпляровъ хранится въ приходской церкви, а другой препровождается въ регистратуру окружнаго управленія.

При новомъ порядкѣ вещей, введенномъ въ Валахіи, болѣе всего улучшилась юридическая часть. Хотя законы не могли еще совершенно устранить нѣкоторыхъ слѣдовъ самоуправства, однакожь, справедливость требуетъ замѣтить, что правосудіе воздается гораздо лучше прежняго. Диванъ совершенно убѣжденъ въ необходимости ввести прочный сводъ законовъ, и потому употребляетъ всѣ возможныя усилія, чтобы согласовать нравы и потребности страны, ввѣренной его управленію, съ законодательствомъ Европейскихъ народовъ, у которыхъ законы имѣютъ силу прочную именно потому, что они составлены благоразумно. При этомъ Диванъ понимаетъ, что правосудіе воздается только тамъ хорошо, гдѣ судьи такіе люди, въ справедливости которыхъ никто не сомнѣвается. Съ другой стороны трудно найти человѣка, столь способнаго руководствовать своихъ товарищей на пути этой спасительной реформы, какъ Ворникъ Іоаннъ Стирбей, искусный министръ, управлявшій этимъ важнымъ министерствомъ во время нашего пребыванія въ Валахіи.

Правосудіе воздается отъ имени Господаря; дѣла рѣшаются на основаніи Валашскаго свода законовъ, изданнаго еще въ 1818-мъ году. Самый этотъ сводъ основанъ на Римскомъ правѣ и на обычаяхъ, господствующихъ въ княжествѣ. Въ то время, когда мы проѣзжали, Диванъ разсматривалъ Французскій сводъ коммерческихъ и уголовныхъ законовъ. Разумѣется, что Диванъ не приметъ ихъ вполнѣ, а только почерпнетъ изъ нихъ статьи, согласныя съ географическимъ и политическимъ положеніемъ Валахіи. Во время нашего пребыванія часть коммерческаго свода была уже принята; сужденія объ остальной части, также какъ объ уголовномъ сводѣ, отложены до слѣдующихъ засѣданій. Что касается до обычаевъ, то они и въ Валахіи, за нѣкоторыми незначительными изъятіями, такіе же какъ и въ Молдавіи, а потому мы еще возвратимся къ нимъ.

Въ Валахіи есть три разряда присутственныхъ мѣстъ: 1-е) Окружные, или уѣздные суды, — составляющіе первую инстанцію; 2-е) аппеляціонные суды, или вторая инстанція; и наконецъ, 3-е) Диванъ, верховное судилище, или третья инстанція. Окружные, или уѣздные, суды завѣдываютъ всѣми гражданскими и коммерческими дѣлами; въ уголовныхъ дѣлахъ они ограничиваются только производствомъ слѣдствія.

Аппеляціонный судъ раздѣляется на три департамента: гражданскій, уголовный и коммерческій. Каждый изъ этихъ департаментовъ составляетъ особое присутственное мѣсто.

Диванъ, или верховное судилище, разсматриваетъ рѣшенія аппеляціонныхъ судовъ, находящихся какъ въ Большой, такъ и въ Малой Валахіи.

Судъ присяжныхъ, или жюри, въ Валахіи не существуетъ.

До сихъ поръ судьи выбираются только на три года. По прошествіи этого срока они могутъ быть ос-

тавлены и еще на нѣкоторое время въ должности, если начальство довольно ихъ службою. Но въ основномъ уложеніи сказано, что по прошествіи десяти лѣтъ послѣ 1830-го года, чиновники, назначенные Господарями, будутъ уже безсмѣнные, за исключеніемъ тѣхъ, которые, оказавшись виновными въ какомъ либо преступленіи, добровольно сложатъ съ себя свою обязанность, или перейдутъ въ другую должность.

Въ Валахіи каждый имѣетъ право жаловаться, или преслѣдовать судомъ всякаго кто бы то ни былъ, хотя бы даже дворянинъ или членъ Дивана, и при этомъ, для требованія къ суду самыхъ значительныхъ особъ, не нужно прибѣгать ни къ какимъ особеннымъ формальностямъ.

Тяжбы въ Валахіи очень многочисленны; обыкновенный поводъ къ нимъ подаетъ то, что смежные владѣльцы захватываютъ другъ у друга землю. Это удивительно въ такой странѣ, гдѣ пашни большею частью пустуютъ и для земледѣльца существуетъ очень много простора. Также большое количество споровъ возникаетъ по случаю предпочтительнаго права, какимъ пользуются, при продажахъ недвижимыхъ имуществъ, на покупку продаваемой собственности, родственники продающаго лица, или его сосѣди по имѣнію. Желательно, чтобы узаконенія, относящіяся къ этому предмету, были уничтожены, или измѣнены. Въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій Диванъ, какъ слышно, намѣренъ заняться этимъ дѣломъ.

Сословіе адвокатовъ не устроено надлежащимъ образомъ и не имѣетъ особеннаго правленія. Когда какой нибудь обвиняемый не выбралъ себѣ самъ защитника, или никто изъ адвокатовъ не хочетъ взяться за его дѣло, то присутственное мѣсто уже отъ себя назначаетъ ему ходатая.

Защита подсудимаго совершенно свободна; пренія производятся публично, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда отъ публичнаго производства можетъ пострадать честь какого нибудь семейства. Нѣтъ законовъ, которые запрещали бы журналамъ, или давали имъ право сообщать отчеты о преніяхъ, происходящихъ въ присутственныхъ мѣстахъ; но до сихъ поръ ни одинъ журналъ еще не помѣщаетъ подобныхъ отчетовъ.

По закону, за убійство слѣдуетъ наказывать смертью; но смертная казнь вышла изъ обыкновенія, съ тѣхъ поръ какъ княжества находились подъ управленіемъ графа Киселева. Господари начали теперь замѣнять смертную казнь пожизненнымъ осужденіемъ на работу въ соляныхъ копяхъ.

Господарь имѣетъ право миловать кого заблагоразсудитъ изъ лицъ, представляемыхъ къ помилованію присутственными мѣстами и департаментомъ юстиціи. Въ такомъ случаѣ обыкновенно только уменьшаютъ наказаніе. Когда какой нибудь арестантъ докажетъ своимъ поведеніемъ, что исправился, то тюремный смотритель доноситъ объ этомъ въ департаментъ юстиціи, который съ своей стороны представляетъ это донесеніе Господарю, а послѣдній можетъ, если заблагоразсудитъ, сократить срокъ наказанія, къ которому арестантъ присужденъ.

КОЛИЧЕСТВО ЗЛОДѢЯНІЙ И ПРЕСТУПЛЕНІЙ

за 1835-й годъ.

Воровство и мошенничество	457
Воровство со взломомъ и грабежи на большой дорогѣ	24
Убійства	56
Попытки убійства	26
Всего	563

за 1836-й годъ.

Воровство и мошенничество	331
Воровство со взломомъ и грабежи на большой дорогѣ.	23
Убійства	66
Попытки убійства	8
Всего	428

Замѣчательно, что умышленныя убійства происходятъ здѣсь чрезвычайно рѣдко : за весьма немногими исключеніями; это преступленіе Валахи совершаютъ только въ пьяномъ видѣ. Вина въ Валахіи очень много, оно весьма дешево и совершенно свободно отъ пошлинъ, кромѣ небольшой акцизной подати, взимаемой въ пользу городскихъ доходовъ, при ввозѣ въ города.

Совершеннолѣтіе Валаховъ опредѣлено по достиженіи двадцати-пяти лѣтъ ; но недоросль можетъ быть освобождаемъ отъ попечительства и прежде этого срока въ слѣдующихъ случаяхъ : 1-е) если вступитъ въ бракъ; 2-е) если этого освобожденія пожелаютъ его родители, однакожь не ранѣе осмнадцатилѣтняго возраста; 3-е) рѣшеніемъ присутственнаго мѣста, по желанію опекуновъ, родственниковъ малолѣтнаго, или по его собственному требованію, если онъ не имѣетъ ни отца, ни матери, и уже достигъ двадцати одного года. Въ такомъ случаѣ рѣшеніе суда первой инстанціи представляется въ департаментъ юстиціи и подается на утвержденіе Господаря. Впрочемъ, освобожденный этимъ путемъ отъ попечительства, недоросль не имѣетъ права дѣлать займовъ, закладывать свое недвижимое имущество и распоряжаться движимостью, а можетъ только свободно и безотчетно пользоваться слѣдующими ему доходами.

Разводъ дозволенъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ; посредствомъ такого развода, бракъ совершенно уничтожается и разведенные могутъ вступить въ новый ? Развода можно также требовать по причинѣ несходства нравовъ, существующаго между супругами; но въ этомъ случаѣ они должны подвергнуться семилѣтнему испытанію. Если, по прошествіи этого срока, когда будутъ истощены всѣ средства религіозныхъ и нравственныхъ увѣщаній, супруги не перестанутъ упорствовать въ своемъ намѣреніи, то болѣе уже ничто не препятствуетъ разводу.

Министерство духовныхъ дѣлъ завѣдываетъ всѣми церковными дѣлами и народнымъ просвѣщеніемъ. Въ Валахіи есть три епископства : Рымникское, Аргечское и Бузеосское ; каждымъ управляетъ особый Архіерей, и всѣ они подчинены Бухарестскому Митрополиту. Вѣроисповѣданіе здѣсь Греческое ; всѣ внѣшнія формы его, особенно же посты, жителями соблюдаются очень строго ; впрочемъ, нельзя сказать, чтобы религія имѣла очень много вліянія на умы Валаховъ. Не смотря на то, однакожь, народъ присутствуетъ со всѣмъ должнымъ уваженіемъ при богослуженіи, и большое число церквей, существующихъ въ Валахіи, свидѣтельствуетъ объ усердіи жителей къ наружному Богопоклоненію. Въ княжествѣ считается не менѣе 3,753 церквей, изъ которыхъ 1,364 каменныя. Къ этому числу надобно еще присовокупить 202 монастыря, которые, вѣроятно, оказываютъ много пособій бѣднымъ, потому что въ Валахіи очень рѣдко можно найдти нищаго, просящаго милостыню. Этому отвратительному и презрѣнному ремеслу предаются только нѣкоторые цыгане.

Валахи вообще очень склонны къ суевѣрію, легко

вѣрятъ въ существованіе колдуновъ и въ возможность разныхъ заклинаній : но однакожъ, повѣрья эти составляютъ у нихъ болѣе поэтическія преданія и не имѣютъ столько силы, чтобы возмущать спокойствіе Валашскихъ жителей.

Народное воспитаніе, въ 1837-мъ году, находилось въ слѣдующемъ состояніи :

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ.

Казенныя заведенія.

		Число воспитанниковъ.
Бухарестъ. Училище	Святаго Саввы : Первоначальные классы	456
	Курсы словесныхъ наукъ	262
	Дополнительные курсы	29
Суккурсаліи училища Святаго Саввы Первоначальные классы	Амзасская	92
	Новая Святаго Георгія	114
	Всего	953
Частныхъ учебныхъ заведеній двадцать два; во всѣхъ этихъ заведеніяхъ		704
Три мужскіе пансіона		49
Два женскіе		39
Всѣхъ вообще учащихся въ Бухарестѣ		1,745
Краіова. Казенное училище:	Первоначальные классы	146
	Курсы словесныхъ наукъ	84
Частныя училища		65
Мужской пансіонъ		18
Въ округахъ есть двадцать шесть школъ, изъ которыхъ двѣнадцать содержатся на казенный счетъ		1,724
Всѣхъ учащихся въ Валахіи		3.782

Независимо отъ этихъ заведеній, каждый приходскій священникъ, или дьячекъ обязанъ, за небольшое

вознагражденіе, учить крестьянскихъ дѣтей чтенію и письму. Такимъ образомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, не останется во всей Валахіи ни одного человѣка, по крайней мѣрѣ изъ новаго поколѣнія, который не умѣлъ бы читать и писать.

Финансовая часть въ Валахіи ввѣрена, какъ мы уже сказали, особымъ чиновникамъ, изъ которыхъ каждый собираетъ подати въ своемъ округѣ, и потомъ вноситъ ихъ въ государственное казначейство. Постоянные доходы княжества, состоятъ изъ слѣдующихъ суммъ :

	Піастры.
Поголовный, или подушный сборъ съ земледѣльцевъ	10,670
Поголовный сборъ съ мазилей (низшаго класса дворяне)	121,645
Поголовный сборъ съ цыганъ	147,860
Сборъ съ паспортовъ и проч.	438,970
Съ откупа соли	2,500,000
Съ откупа таможенъ	1,405,050
Городскія пошлины съ водки, спирта и табака, а также пошлины за ввозъ этихъ предметовъ въ города; пошлины съ вывозимаго за границу хлѣба и скота, не включенныя въ общій таможенный откупъ; пошлины съ торговыхъ свидѣтельствъ и пр.; случайные доходы	2,000,000
	14,824,195

Всѣ эти подати взимаются круглымъ числомъ съ 296,286 семействъ.

Крестьяне вносятъ ежегодно по тридцати піастровъ съ души ; деньги эти они представляютъ сборщику податей, который уже отъ себя сдаетъ ихъ въ казначейство. Сверхъ того, каждый крестьянинъ обязанъ

вносить три піастра въ кассу своего прихода, учрежденную въ каждой деревнѣ.

Расходы княжества состоятъ въ слѣдующихъ издержкахъ:

	Піастры
Ежегодная дань Портѣ.	1,400,000
На содержаніе: Господаря, министровъ и проч.	1,600,000
— министерства юстиціи.	2,158,440
— Внутреннихъ дѣлъ	1,857,488
— Полиціи.	360,540
— Войска и милиціи.	2,750,000
— Доробанцовъ, или жандармовъ	179,240
— Почтъ.	1,107,418
— Карантиновъ.	600,000
— Дорогъ и мостовъ.	200,000
— Мостовой въ Бухарестѣ.	48,000
— на дрова въ разныхъ заведеніяхъ:	80,000
— тюрьмы.	70,000
- пенсіи.	1,500,000
— содержаніе нищихъ и нуждающихся.	100,000
— монастыри.	22,000
— для народнаго обученія	350,000
— на призрѣніе сиротъ и подкидышей.	100,000
— гошпитали	150,000
И того.	14,633,118

Что касается до послѣднихъ трехъ статей, то есть: до народнаго обученія, призрѣнія сиротъ и содержанія гошпиталей, то на эти предметы деньги выдаетъ не собственно казна, а центральная касса митрополіи, которой доходы зависятъ отъ сборовъ съ духовныхъ имуществъ.

Если окажется въ доходахъ излишекъ, то, по вычетѣ изъ него суммъ, нужныхъ на чрезвычайные расходы, остальныя деньги обращаются для составленія запаснаго капитала.

Въ Валахіи и Молдавіи въ обращеніи находятся

слѣдующія монеты: Русскій серебряный рубль, Австрійскіе: червонецъ и цванцигеръ, Турецкіе: піастръ, аспръ и пара.

Піастръ, служащій монетною единицею, не всегда, въ цѣнности, равняется Турецкому піастру. До сихъ поръ онъ еще не такъ упалъ какъ въ Турціи, однакожь, въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, цѣнность его значительно понизилась.

Около 1822-го года, піастръ стоилъ еще, въ Валахіи, отъ 75 до 80 Французскихъ сантимовъ (около 20 копѣекъ серебромъ); но послѣ того онъ много утратилъ своей цѣнности. Изъ представленнаго ниже расчета можно вывести среднюю стоимость, какую онъ имѣлъ въ 1837-мъ году. Прежде, однакожь, считаемъ нужнымъ замѣтить, что эта монета имѣетъ два разныхъ курса, изъ которыхъ одинъ, признанный правительствомъ, а другой,—употребительный въ торговлѣ и между частными людьми.

Въ государственныхъ казначействахъ деньги принимаются по слѣдующимъ цѣнамъ:

	фр. с.
Русскій рубль серебромъ, составляющій *ровно* четыре франка, принимается за десять піастровъ; изъ чего сказывается, что піастръ стоитъ.	0, 40. »
Австрійскій червонецъ, стоющій на Французскія деньги 11 франковъ 85 сантимовъ, принимается за 31 піастръ съ половиною; въ этомъ случаѣ піастръ стоитъ.	0, 37, 62.
Австрійскій цванцигеръ, стоющій 86 сантимовъ, принимается за 2 піастра съ четвертью; по этому счету піастръ стоитъ.	0, 38, 22.
Слѣдственно, средняя цѣна піастра въ казнѣ составляетъ.	0, 38, 61.

Въ частныхъ сдѣлкахъ піастръ ходитъ по слѣдующимъ цѣнамъ;

	фр. с.
За Русскій рубль серебромъ даютъ 12 піастровъ; слѣдственно піастръ стоитъ.	0, 33, 33.
Австрійскій червонецъ за 35 и за 36 піастровъ; по этому піастръ стоитъ.	0, 33. 86.
Или.	0, 32, 92.
Австрійскій цванцигеръ за 2½ піастра, что возводитъ цѣнность піастра до.	0, 34, 40.
Средняя цѣна піастра въ торговлѣ.	0, 33, 63.
Средняя цѣна піастра между оффиціальнымъ и частнымъ курсомъ.	0, 36, 12.

Этотъ піастръ, имѣющій уже такую незначительную цѣнность, еще подраздѣляется на 40 пара и 120 асповъ.

Привозимые въ Валахію товары состоятъ преимущественно изъ иностранныхъ мануфактурныхъ издѣлій; изъ Турціи привозятъ много деревяннаго масла, мыла и кофею.

Изъ Валахіи вывозятся: хлѣбъ, конопля, пенька, кожи, скотъ, лѣсъ, медъ, воскъ, немного вина, соли, шерсти, и весьма небольшое количество шелку. Надобно, однакожь, замѣтить, что шелководство начинаетъ оказывать нѣкоторые успѣхи.

Съ 1831-го по 1835-й годъ, цѣнность привозныхъ товаровъ простиралась ежегодно до 31,848,076 піастровъ; вывозимо было, въ тѣже годы, разныхъ товаровъ на сумму 49,159.585 піастровъ.

Нельзя не сознаться, что въ Валахіи еще не существуетъ почти никакой промышлености. Есть только небольшое число фабрикъ, на которыхъ дѣлаютъ шляпы и набивные платки; но количество издѣлій,

выставляемыхъ этими фабриками, еще недостаточно для внутренняго потребленія.

Впрочемъ, очень понятно, что недостатокъ рукъ и зависящій отъ этого обстоятельства упадокъ промышлености и земледѣлія, надобно приписать бѣдственному положенію, въ какомъ такъ долго находилась эта страна, всегда угрожаемая опустошительными набѣгами Турокъ. По той же самой причинѣ и торговля въ ней еще слабо развита: несчастные жители были обязаны продавать свои произведенія только Туркамъ, а эти назначали за нихъ цѣну какую сами хотѣли. Жаловаться было некому; внутреннее управленіе находилось въ самомъ дурномъ состояніи. Но со времени послѣднихъ преобразованій, всѣ дѣла приняли совершенно другой оборотъ, и надобно надѣяться, что для здѣшней, едва только рождающейся, промышлености готовится будущность отрадная.

Въ послѣдніе четыре года, число вновь основанныхъ фабрикъ и заводовъ уже простиралось до 631.

Зав: стеариновыхъ свѣчъ.	1	— шляпныхъ фабрикъ.	4
— сальныхъ.	32	— платочныхъ. . . .	22
— кожевенныхъ. . .	184	— для выдѣлки шерстяныхъ снурковъ. . .	15
— мыльныхъ. . .	28	— водочныхъ заводовъ	180
— горшечныхъ . . .	69	— стеклянныхъ. . .	4
— обыкновеннаго поотка.	91	— фаянсовый. . . .	1
		Всего	631

Во всей Валахіи считается 2.299 водяныхъ мельницъ, 6 вѣтряныхъ, 9 приводимыхъ въ движеніе лошадьми.

До настоящаго времени, изъ минеральныхъ веществъ, въ Валахіи съ нѣкоторою выгодою разрабо-

тывается только каменная соль. Выше мы уже объявили сколько доставляетъ казнѣ откупъ съ соли, но по всему надобно полагать, что Валахія имѣетъ очень много минеральныхъ богатствъ, которыхъ разработка, въ мирное время и при употребленіи достаточныхъ капиталовъ, можетъ быть значительно развита. По собраннымъ нами свѣдѣніямъ, въ достовѣрности которыхъ мы не имѣемъ никакой причины сомнѣваться, представляемъ нижеслѣдующее изчисленіе разныхъ минеральныхъ веществъ, найденныхъ въ Валахіи.

Золото. Всѣ рѣки, текущія между рѣками Ольтецою и Яломницею, включая сюда и ихъ самихъ, содержатъ золотоносный песокъ; но болѣе всего этотъ металлъ находится въ пескахъ рѣки Ольтецы, на протяженіи пяти миль, выше деревни Бинзени. На этомъ пяти-мильномъ пространствѣ находятся богатѣйшіе золотоносные пески Валахіи: они имѣютъ черновато-красный цвѣтъ, перемѣшаны съ глиною, кварцемъ и ясписомъ. Послѣ убыли водъ, среди самаго русла рѣки, нерѣдко находятъ довольно большіе самородки золота. Золотоносные пески находятся еще въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: по рѣкѣ Аргечи, близь деревни Оэсти, въ двухъ миляхъ отъ Курте; по рѣкѣ Шупанѣ, въ четверти мили отъ деревни Юпанести; по рѣкѣ Валеа-Каселоръ, близь деревни Маголео-Малулуи; и наконецъ, по рѣкѣ Яломницѣ, близь деревни Бронести, въ двухъ съ половиною миляхъ отъ Фирговиста.

Мѣдь. Въ Малой Валахіи, въ округѣ Мегединци, находятся руды углекислой мѣди по рѣкѣ Бурбѣ, въ одной милѣ отъ мѣстечка Бая де-Арама. И въ прежнія времена здѣсь уже разработывали этотъ металлъ, что можно видѣть по нѣкоторымъ остаткамъ доменъ, по глубокимъ ямамъ, вырытымъ въ горахъ и по многимъ кускамъ руды, валяющимся въ разныхъ мѣстахъ.

Близь самаго мѣстечка Бая-де-Арама находятся также руды мѣднаго колчедана, который въ новѣйшее время начали разрабатывать; но до тѣхъ поръ, пока окончено будетъ устройство доменныхъ печей, нельзя еще опредѣлить среднее количество металла, какое эти руды могутъ доставить. Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ опытамъ, произведеннымъ надъ кусками, разбросанными на поверхности земли, и оставшимися отъ прежнихъ работъ, надобно полагать, что здѣшнія руды содержатъ очень много мѣди.

Есть и еще мѣдныя руды, находящіяся въ трехъ четвертяхъ мили отъ мѣстечка Бая-де-Арама.

Самородная ртуть. Эта ртуть находится близь города Пелести, въ Аргечскомъ округѣ; она просачивается въ видѣ капель, на горизонтальномъ слоѣ, состоящемъ изъ песка и глины. Впрочемъ, ртуть эта встрѣчается лишь на небольшомъ пространствѣ, далѣе котораго ея не могли найти, не смотря на тщательные поиски.

Каменный уголь. Въ Валахіи во многихъ мѣстахъ находятся слои каменнаго угля; лучшій добывается въ округѣ Бузео, въ участкѣ Песковолуйскомъ, въ четырехъ миляхъ отъ Бузео, на лѣвомъ берегу рѣки Сарацени, между деревнями Беркою и Іоссиною.

Этотъ уголь, при горѣніи, издаетъ пламя, пахнетъ нефтью и сѣрою. Сто частей его, обращенныхъ въ пепелъ, даютъ осьмнадцать частей осадка темно-красноватаго цвѣта. Онъ лежитъ въ глинистой почвѣ двѣнадцатью слоями, имѣющими около двадцати двухъ вершковъ толщины; въ совокупности, они простираются въ толщину болѣе нежели на двѣсти метровъ (метръ содержитъ около двадцати двухъ вершковъ).

Лигнитъ. Это горючее вещество находится въ Ва-

лашскомъ княжествѣ во многихъ мѣстахъ, особенно въ Малой Валахіи, въ округѣ Вутцѣ-Плаіу, близь деревни Армачести. Лигнитъ находится здѣсь въ большихъ массахъ, слегка прикрытыхъ тонкимъ слоемъ земли. Во ста частяхъ его содержится шестнадцать частей глинозема. При горѣніи, онъ издаетъ пламя; пепелъ, остающійся отъ него, имѣетъ темнокрасный цвѣтъ. Добывать его было бы очень легко; каждый работникъ могъ бы въ день извлечь этого горючаго вещества болѣе двухъ тысячъ килограммовъ.

Каменная соль. Мы уже сказали, что эта соль составляетъ главное ископаемое богатство Валахіи. Соль находится въ слѣдующихъ мѣстахъ: въ Малой Валахіи въ одной милѣ отъ города Рымника, а въ Большой близь деревни Сланика, въ округѣ Сабуени и близь деревни Феллега, въ Праговскомъ округѣ, въ Кемпинскомъ участкѣ. Слои этой соли находятся въ шести и даже въ пятидесяти-пяти метрахъ ниже поверхности земли; они простираются въ глубину на восемьдесятъ восемь метровъ. Изъ этихъ копей ежегодно добываютъ тридцать восемь милліоновъ килограммовъ соли (килограммъ равняется почти двумъ съ половиною Рускимъ фунтамъ); сумма, платимая за откупъ соли, составляетъ почти четвертую часть Валашскихъ казенныхъ доходовъ. Сланикская соль имѣетъ кристаллическій видъ и считается лучшею въ Валахіи.

Нефть. Это вещество встрѣчается во многихъ мѣстахъ Валахіи. Самый богатый источникъ нефти находится въ округѣ Сакуини, близь деревни Пукурецы. Здѣсь ежегодно добываютъ ея около двадцати двухъ тысячъ пяти сотъ килограммовъ. Самые обильные колодцы могутъ доставить до осьмидесяти килограммовъ въ день, а самые скудные отъ пяти до пятнадцати

килограммовъ. Добываніе не представляетъ никакихъ особенныхъ затрудненій.

Самородная сѣра. Ее находятъ въ Домбовицкомъ округѣ, въ Діалулуйскомъ участкѣ, близь деревни Шіатинго. Она содержится въ слояхъ зеленой глины, въ видѣ желтыхъ шариковъ.

Гранаты. Ихъ находятъ въ Аргечскомъ округѣ, на горѣ Чоканъ. Обыкновенно они содержатся въ слюдистомъ сланцѣ; иногда однакожь ихъ встрѣчаютъ разсыпанными по скату горы, откуда они уносятся потоками водъ. По этому они нерѣдко попадаются въ гравіѣ, по берегамъ нѣкоторыхъ рѣкъ.

Янтарь. Его находятъ въ округѣ Деспре-Бузео, близь деревни Кользы, а также по сосѣдству отъ деревни Бойлоръ, въ округѣ Квисковскомъ. Къ сожалѣнію этотъ янтарь чрезвычайно хрупокъ, и потому не годится ни для какихъ издѣлій.

Кромѣ всего этого, въ Валахіи очень много минеральныхъ водъ; главныя изъ нихъ слѣдующія:

Бобоцкія, въ Домбовицкомъ округѣ.	Сѣрныя. . . . . . .
Сфинцестскія, въ томъ же округѣ. . .	Сѣрныя. . . . . . .
Пибичинскія, въ томъ же округѣ. . .	Содержащія желѣзо.
Въ той же деревнѣ	Сѣрныя . . . . . .
Въ той же деревнѣ.	Соляныя . . . . .
Бразасскія, въ Праговскомъ округѣ. .	Сѣрныя. . . . . . .
Пончусскія, въ Домбовицкомъ округѣ.	Сѣрныя. . . . . . .
Калиманестскія	Сѣрныя. . . . . . .
Розіаскія, близь монастыря того же имени.	Сѣрно-соляныя. . .
Олавестскія.	Сѣрно-соляныя. . .
Глоговскаго монастыря.	Сѣрныя. . . . . . .

Теперь, въ заключеніе свѣдѣній и замѣчаній, собранныхъ нами о любопытной странѣ, которую мы

описываемъ, намъ остается сказать только нѣсколько словъ о ея физическихъ свойствахъ.

Съ востока и юга, Валахія, во всю длину свою, омывается Дунаемъ; къ сѣверу, она ограничена цѣпью Карпатскихъ горъ, отдѣляющихъ ее отъ Трансильваніи. Въ длину, отъ востока на западъ, она простирается на сто Французскихъ миль; средняя ширина ея, отъ сѣвера къ югу, составляетъ около пятидесяти миль. Половина этого пространства, къ востоку расширяющагося, представляетъ обширную равнину, орошаемую многими большими рѣками; другая половина, то есть сѣверная, состоитъ изъ цѣпи холмовъ, возвышающихся одинъ надъ другимъ, въ видѣ амфитеатра, и наконецъ оканчивающихся высокими горами. Въ этой части Валахіи, въ слѣдствіе большаго количества рѣкъ и ручьевъ, а также по причинѣ самой роскошной растительности, видъ страны представляетъ очень много пріятнаго.

Судоходныхъ рѣкъ, кромѣ Дуная, въ Валахіи нѣтъ. Часто, какъ мы сами испытали, послѣ сильныхъ дождей, рѣки Бузео, Рымникъ и многіе ручьи вдругъ выступаютъ изъ береговъ и неожиданно затопляютъ равнины, по которымъ текутъ; но такое случайное обиліе воды, въ означенныхъ рѣкахъ, не можетъ послужить въ пользу торговли. Съ горъ Валашскихъ текутъ многіе ручьи, имѣющіе весьма свѣтлую воду, которая, однакожь, не вездѣ очень здорова; это доказывается тѣмъ, что во многихъ горныхъ мѣстностяхъ жители имѣютъ зобы, чрезвычайно ихъ безобразящіе. Въ мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ, какъ мы уже замѣтили выше, часто свирѣпствуютъ повальныя лихорадки, но, по счастію, онѣ рѣдко бываютъ злокачественны.

Климатъ въ Валахіи самый умѣренный; зимою холодъ силенъ только въ продолженіе двухъ мѣся-

цевъ; весна настаетъ скоро и часто неожиданно; весенній разливъ нерѣдко сопровождается ужасными наводненіями. Если въ іюнѣ мѣсяцѣ постоянно дуетъ вѣтеръ съ Чернаго моря, то надобно ожидать частыхъ и сильныхъ бурь. Именно при такихъ обстоятельствахъ мы находились среди здѣшнихъ обширныхъ степей, по которымъ иногда нѣтъ никакой возможности ѣхать; до того почва можетъ размякнуть, если дождь будетъ хоть нѣсколько продолжителенъ.

Отъ добраго и благосклоннаго князя Александра Гики мы получили слѣдующія метеорологическія свѣдѣнія, въ точности которыхъ нельзя сомнѣваться, судя по отличнымъ дарованіямъ преподавателей училища, въ которомъ производились наблюденія.

РЕЗУЛЬТАТЪ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ, ДѢЛАННЫХЪ ВЪ УЧИЛИЩѢ СВЯТАГО САВВЫ,

въ продолженіе 1834, 1835 и 1836-го годовъ.

ТЕМПЕРАТУРА.

Январь, 1-я, половина: -18° одинъ разъ.	*Іюнь* . . . . отъ + 14° до + 22°
Во отъ — 10° до — 15° обыкновенно.	*Іюль* . . . . . . отъ + 17° до + 23°
2-й, половинѣ отъ — 1° до — 3°	*Августъ* . . . . . отъ + 20° до + 13°
Февраль: 1-я полов. отъ — 1° до — 7°	*Сентябрь* . . . . отъ + 17° до + 10°
2-я полов. отъ + 1° до + 3°	*Октябрь* . . . . . отъ + 14° до + 1°
Мартъ . . . . . . отъ + 5° до 14°	*Ноябрь* . . . . . . отъ + 8° до + 0°
Апрѣль . . . . . . отъ 4° до + 17°	*Декабрь* 1-я полов. отъ + 1° до — 9°.
Май . . . . отъ + 4° до + 21°	

Барометръ. Во все продолженіе года онъ измѣняется отъ 28-ми дюймовъ 4-хъ линій, Французской мѣры, до 21-го дюйма 11-ти линій. Въ мартѣ онъ поднимается только однажды до 29 дюймовъ; въ сентябрѣ до

29-ти дюймовъ 3-хъ линій; въ октябрѣ до 29-ти дюймовъ.

Направленіе вѣтровъ въ продолженіе года.

	Дни.
Сѣверный	7
Сѣверо-восточный	5
Восточный	121
Юго-восточный	12
Южный	46
Юго-западный	19
Западный	56
Сѣверо-западный	37
Тихо	62
Всего	365

Въ теченіе года было:

Зимою:	дни.	Весною:	дни.
Облачныхъ дней	16	Облачныхъ	17
Сумрачныхъ	13	Сумрачныхъ	8
Снѣгъ шелъ	16	Дождливыхъ	12
Туманныхъ дней	4	Съ утреннимъ морозомъ	2
Сырыхъ	3	Съ сильнымъ вѣтромъ	8
Съ утреннимъ морозомъ	1	Красныхъ	45
Хорошихъ, красныхъ дней	37		
	90		92

Лѣтомъ.	дни.	Осенью.	дни.
Облачныхъ	8	Облачныхъ	6
Сумрачныхъ	6	Сумрачныхъ	16
Съ дождемъ	8	Съ дождемъ	12
Туманныхъ	2	Со снѣгомъ	7
Съ сильнымъ вѣтромъ	11	Съ сильнымъ вѣтромъ	5
Красныхъ дней	57	Красныхъ	45
	92		91

Замѣчено, что нѣкоторыя естественныя явленія, свойственныя другимъ Европейскимъ странамъ, находящимся подъ одною широтою съ Валахіей, происходятъ въ послѣдней не повсемѣстно и не сопровождаются слишкомъ разрушительными дѣйствіями. Вообще отъ нихъ почти никогда не страдаютъ низменныя мѣста этого княжества. Впрочемъ, въ Валахіи ежегодно случается два или три подземныхъ удара, болѣе или менѣе ощутительныхъ, и къ несчастію черезъ каждые восемь или десять лѣтъ бываютъ сильныя землетрясенія. Всѣ еще помнятъ землетрясеніе 1802-го года, которымъ опрокинута одна изъ башенъ Колцскаго монастыря; равнымъ образомъ и въ 1829-мъ году было сильное землетрясеніе, отъ котораго поколебались многія зданія въ Бухарестѣ. Наконецъ уже послѣ насъ, именно $^{11}/_{23}$-го января 1838-го года, случилось еще землетрясеніе, несравненно ужаснѣйшее, угрожавшее Бухаресту совершеннымъ разрушеніемъ. Это землетрясеніе происходило вечеромъ; весь городъ вдругъ поколебался; самыя прочныя зданія начали качаться изъ стороны въ сторону; многіе домы обрушились, и не осталось ни одного неповрежденнаго. При этомъ несчастіи погибло большое количество людей. Въ такихъ ужасныхъ обстоятельствахъ, присутствіе духа, человѣколюбіе и мужество Господаря, князя Гики, явилось въ полномъ блескѣ. Неусыпными попеченіями своими онъ успѣлъ возстановить порядокъ и возвратить спокойствіе своимъ несчастнымъ согражданамъ.

Народонаселеніе Валахіи, во многихъ мѣстахъ, долгое время не имѣвшее постоянной осѣдлости, теперь болѣе и болѣе привыкаетъ къ нему. Это народонаселеніе состоитъ изъ трехъ слѣдующихъ сословій: изъ бояровъ, изъ Валаховъ поселянъ и земледѣльцевъ, и изъ цыганъ.

Бояры составляютъ классъ землевладѣльцевъ; но, къ сожалѣнію, они не научились еще извлекать всю выгоду, какую можно бы было получить отъ земли богатой, которая способна давать обильнѣйшія жатвы при самомъ легкомъ воздѣланіи. Эти бояры, занимаютъ всѣ общественныя должности, освобождены отъ платежа государственныхъ повинностей, весьма привержены къ своимъ преданіямъ и особенно отличаются совершеннымъ недостаткомъ предусмотрительности. До сихъ поръ они всегда предавались безплодной роскоши, которая истощила ихъ богатство и вовлекла многія семейства въ постоянные, почти неоплатные долги.

Правда, въ настоящее время бояры лучше стали сознавать собственныя выгоды, и принимая участіе въ государственныхъ дѣлахъ, вѣроятно, научатся яснѣе понимать многіе темные вопросы частной экономіи, столь тѣсно связанные съ хорошимъ общественнымъ управленіемъ. Сверхъ того превосходное воспитаніе, получаемое молодыми дворянами, служитъ ручательствомъ, что со временемъ въ Валахіи устроится болѣе прочный порядокъ вещей. Но до сихъ поръ жизнь привилегированнаго класса отличается безпечною непредусмотрительностью, которая отчасти заимствована изъ восточныхъ нравовъ, отчасти вошла въ нравы Валашскаго народа вслѣдствіе того, что онъ долгое время не имѣлъ въ виду ничего прочнаго.

Въ близи самихъ бояръ и вокругъ нихъ все исполнено изящества, хотя все отзывается чѣмъ-то театральнымъ: но какъ скоро отойдешь отъ самаго хозяина, взглянешь на толпу его людей, живущихъ въ праздности, одѣтыхъ въ рубище, какъ скоро осмотришь экипажи многочисленные, но именно по этому самому во все неизящные, домы обширные, но большею час-

тію преданные запустѣнію, то испытываешь какое-то грустное чувство, и убѣждаешься, что сквозь всю эту роскошь проглядываетъ что-то похожее на бѣдность. Прекрасное обращеніе хозяина, прелести и дарованія женщинъ, принадлежащихъ къ его семейству, легкость и чистота, съ какою всѣ говорятъ на разныхъ Европейскихъ языкахъ, вкусъ, изящество, господствующіе въ разговорѣ, словомъ все убѣждаетъ васъ, что здѣшнее общество нисколько не ниже отличнѣйшихъ Европейскихъ обществъ; но какъ скоро вы выйдете изъ гостиной и увидите грязную, отвратительную толпу праздныхъ слугъ и цыганъ, которые шатаются по переднимъ и нерѣдко даже спятъ на крыльцахъ, то немедленно вспоминаете, что находитесь въ Валахіи, и что вся эта цивилизація, подобно драгоцѣннымъ металламъ, находящимся въ здѣшней странѣ, еще не очищена отъ грязной коры, ее облекающей, и не можетъ явиться въ полномъ блескѣ своемъ.

При одномъ только простомъ взглядѣ на Валашскаго крестьянина, нельзя не испытать къ нему особеннаго сочувствія, которое преимущественно возбуждается воспоминаніемъ о долговременныхъ бѣдствіяхъ, испытанныхъ этимъ народомъ. Крестьяне здѣшніе вообще отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, въ слѣдствіе котораго они очень легко могутъ переносить тяжелыя полевыя работы; но въ ихъ нравахъ надобно измѣнить очень многое. Счастливы были бы они, если бы умѣли понимать какія блага скрываются въ этой прекрасной землѣ, дарованной имъ Небомъ, землѣ, которую они съ гордостью называютъ наслѣдіемъ, доставшимся имъ отъ Римлянъ, но которая заслужитъ названіе истинно Римской только въ то время, когда сдѣлается плодоносною и производительною: *Magna parens frugum!* Если эта земля будетъ хорошо воздѣла-

на, то въ Валахіи разовьется и сильная торговля. По Дунаю можно будетъ возить всякаго рода хлѣбъ въ магазины Чернаго моря; а Валахи могли бы производить много хлѣба и продавать его дешево, если бы имъ не мѣшала лѣнь, невоздержность и любовь къ праздникамъ, которыхъ у нихъ ужь слишкомъ много. И такъ, для просвѣщеннаго и человѣколюбиваго правительства здѣсь предстоитъ благородное, хотя многотрудное дѣло—искоренить дурныя привычки и склонности народа.

Наконецъ, третій классъ народонаселенія состоитъ изъ цыганъ. Этихъ людей, носящихъ, въ разныхъ государствахъ, разныя наименованія, вездѣ терпятъ, хотя повсюду презираютъ. Всѣ они наглые воры, величайшіе лѣнивцы, нищіе; но нищіе гордые, которые, не смотря на свое рубище и гнусные пороки, отличаются прекраснѣйшею, самою кроткою наружностью, свойственною, почти исключительно, только Кавказскому поколѣнію. Цыганъ въ Валахіи очень много. Ихъ внѣшній видъ оправдываетъ мнѣніе нѣкоторыхъ писателей, утверждающихъ, что цыганское племя переселилось въ Европу, бывши выгнано изъ Остъ-Индіи. Здѣшніе цыгане, наружными чертами своими, очень много отличаются отъ Испанскихъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Гитановъ*, въ которыхъ явно замѣтна примѣсь Мавританской крови. Какъ бы то ни было, это племя, изгнанное изъ настоящаго своего отечества, въ Валахіи находитъ болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, средствъ къ пропитанію своему, потому что здѣсь оно имѣетъ возможность согласовать свои природныя склонности съ условіями, доставляющими ему покровительство законовъ. Часть цыганскаго народонаселенія питается собственнымъ трудомъ. Сюда относятся, на примѣръ, цыгане, занимающіеся промывкою

золотоносныхъ песковъ. Такимъ промысломъ они, между прочимъ, добываютъ деньги, нужныя для уплаты податей. Нѣкоторые другіе цыгане занимаются столярнымъ, слѣсарнымъ, коновальнымъ мастерствомъ и служатъ поварами; эти мастерства предоставлены имъ исключительно, потому что у природныхъ Валаховъ они находятся въ пренебреженіи. Но большая часть цыганъ состоитъ въ услуженіи у бояръ, которыхъ домы почти вездѣ наполнены толпою этихъ безполезныхъ и даже опасныхъ прислужниковъ. Наконецъ, многіе цыгане ведутъ кочевую жизнь и бродятъ по полямъ, занимаясь воровствомъ и нищенствомъ. Едва прикрытые, постоянно подверженные холоду, жару, дождю и вѣтру, эти люди, вмѣстѣ съ женами своими и дѣтьми, живутъ подъ открытымъ небомъ, среди полей и луговъ, въ легкихъ палаткахъ, а нѣкоторые и палатокъ не имѣютъ. Ребятишки у нихъ вообще чрезвычайно безобразные, и безобразіе ихъ простирается до того, что даже странно, какимъ образомъ могутъ, изъ этихъ уродливыхъ дѣтей, выходить, въ послѣдствіи, такіе красивые, стройные молодые люди.

Впрочемъ, въ уложеніи княжества есть статья, предписывающая составить особый капиталъ для того, чтобы со временемъ выстроить кочующимъ цыганамъ домы и пріучить ихъ къ осѣдлой жизни. Эту мѣру уже начали приводить въ исполненіе.

Лучшимъ заключеніемъ къ нашимъ замѣчаніямъ послужитъ нижеслѣдующая таблица народонаселенія Валашскаго, составленная при народной переписи, происходившей въ 1837-мъ году. Изъ этой таблицы можно видѣть, въ какой соразмѣрности и на сколько категорій могутъ быть подраздѣлены разные классы жителей, нами исчисленныхъ.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ.

По послѣдней переписи оказалось:

1-е. Семействъ не платящихъ податей:

	Семейства.
Бояръ	944
Ніамуровъ и постельничихъ, или мелкаго дворянства	4,195
Священниковъ Греческаго исповѣданія (они почти всѣ женаты)	6,820
Дьяконовъ, того же исповѣданія	2,710
Причетниковъ	2,920
Цыганъ, живущихъ въ услуженіи у частныхъ лицъ	14,158
Вдовъ и увѣчныхъ	13,127
Лицъ, не платящихъ податей за оказанныя ими услуги	1,078
Лицъ, не платящихъ податей потому, что они состоятъ въ военной службѣ	3,436
Разныхъ иностранныхъ подданныхъ, большею частію католиковъ, реформатовъ и Евреевъ	3,729

(Евреевъ очень мало, да и тѣ преимущественно живутъ въ Бухарестѣ, а въ округахъ ихъ нѣтъ почти нигдѣ).

Всѣхъ не платящихъ податей семействъ. . . 53,117

2-е. Семейства, подчиненныя подушному окладу и другимъ податямъ:

Землепашцевъ	272,974
Булгаровъ, выселившихся изъ Турціи	5,179
Мазилей (родъ низшаго дворянства.)	3,258
Купцовъ и разныхъ торговцевъ	4,810
Ремесленниковъ	4,430
Цыганъ, имѣющихъ ремесло	5,635
Общая сумма семействъ	349,403

Считая по пяти человѣкъ въ каждомъ семействѣ, все народонаселеніе простирается до. 1,747,015

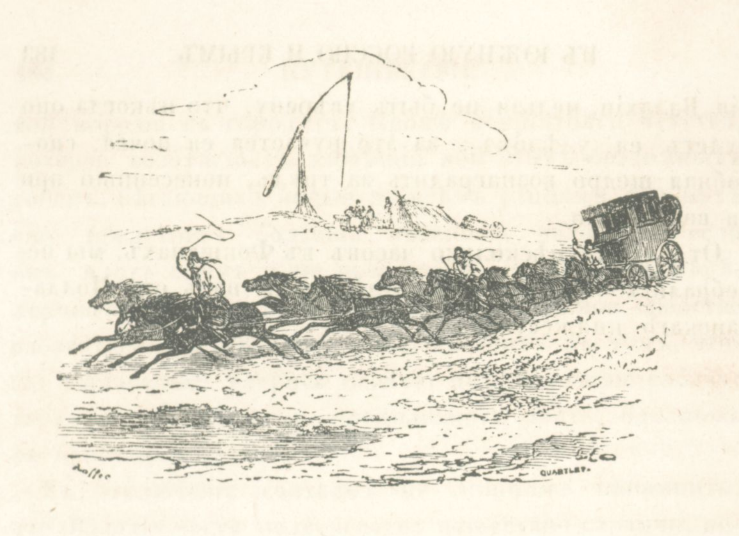
Сюда же слѣдуетъ причислить: монаховъ	2,648
Людей, не имѣющихъ постояннаго мѣстопребыванія	1,519
Общая сумма всего народонаселенія	1,751,182

Валахія способна доставлять огромное количество земледѣльческихъ произведеній, какъ скоро будетъ достаточно населена и когда жители ея поймутъ, что истинные источники богатства состоятъ въ трудѣ и неутомимомъ прилежаніи. Для любителей сельско-хозяйственной статистики не будетъ, можетъ быть, излишнимъ слѣдующее, составленное въ 1837-мъ году, исчисленіе домашнихъ животныхъ, находившихся въ княжествѣ, число которыхъ, по всей вѣроятности, быстро будетъ увеличиваться.

ДОМАШНІЯ ЖИВОТНЫЯ:

Меренов	96,885
Кобылъ и жеребцовъ	105,533
Воловъ	310,948
Быковъ приплодныхъ	15,542
Коровъ	280,017
Муловъ	230
Ословъ	798
Тонкошерстныхъ барановъ	93,332
Обыкновенныхъ	704,840
Тонкошерстныхъ овецъ	924,976
Обыкновенныхъ	360,096
Козъ	213,377
Свиней	345,428

Для охраненія стадъ своихъ, Валахи держатъ собакъ большихъ и очень умныхъ. Но всѣ достоинства этихъ собакъ не вознаграждаютъ того неудобства, какое проистекаетъ отъ чрезвычайнаго размноженія псо-

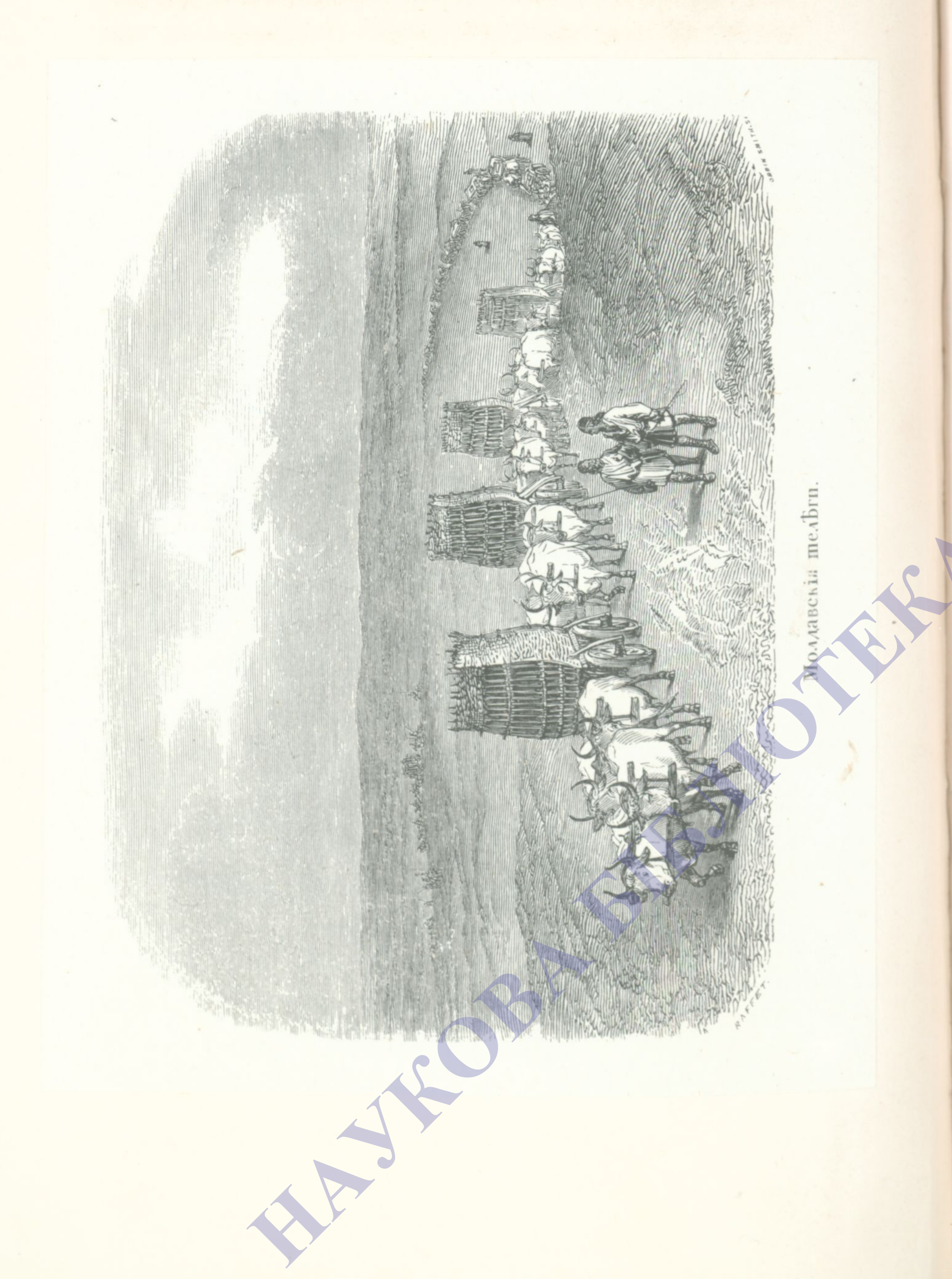

IV.

ЯССЫ. — МОЛДАВІЯ. — БЕССАРАБІЯ.

Въ Валахіи взорамъ нашимъ представлялось грустное зрѣлище затопленныхъ равнинъ, среди которыхъ мы не видали ни битыхъ, хорошихъ дорогъ, ни крѣпкой, сухой почвы. Тоже самое ожидало насъ и въ Молдавіи, которой долины отвсюду ограждены круглыми холмами. Едва перебрались мы за границу, дождь полился снова и когда мы прибыли къ берегамъ рѣки Серета, текущаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Фокшанъ, то увидѣли, что черезъ него переѣхать было очень трудно.

Молдавскія телѣги.

Серетъ вытекаетъ изъ горъ, простирающихся по западному рубежу Молдавіи и падаетъ въ рѣку Барлатъ, которая, въ свою очередь, сливается съ Дунаемъ между Браиловомъ и Галацомъ. Въ этихъ мѣстахъ Дунай раздѣляется на нѣсколько большихъ рукавовъ, также какъ Прутъ, неподалеку оттуда текущій, и равнымъ образомъ впадающій, нѣсколькими устьями, въ Черное море; здѣсь же находятся озера Кагулъ и Ялпучъ. Въ слѣдствіе такого обилія водъ, вся эта страна, до самаго моря, представляетъ обширное болото, пересѣченное множествомъ рѣкъ, текущихъ параллельно съ сѣвера и теряющихся въ этомъ лабиринтѣ водъ, пажитей и песчаныхъ косъ, по причинѣ которыхъ плаваніе по нижнему Дунаю, начиная съ Галаца, представляетъ весьма большія затрудненія.

Но возвратимся къ Серету. Онъ уже вышелъ изъ береговъ и до того разлился, что очень высоко затопилъ дорогу, ведущую къ судовому мосту, черезъ него перекинутому; а какъ между тѣмъ дождь не переставалъ идти, то и вода въ рѣкѣ продолжала еще прибывать. Пріѣхавшій, не задолго передъ нами, обозъ, состоявшій изъ сотни тѣлегъ, тяжело нагруженныхъ, везомыхъ волами, остановился у берега; погонщики не рѣшились переѣзжать при такомъ состояніи рѣки. Нечего было думать, надобно было торопиться, и мы отважились ѣхать по узкому, зыбкому мосту. Въ продолженіе этого переѣзда, съ обѣихъ сторонъ вокругъ нашихъ повозокъ тѣснилось множество полунагихъ людей, которые поддерживали экипажи. Прибывъ, наконецъ, на противоположный берегъ, мы были встрѣчены отрядомъ Молдаванскихъ жандармовъ, вооруженныхъ копьями, и находившихся подъ командою оберъофицера. Этотъ небольшой отрядъ сопровождалъ насъ до первой станціи, на которой былъ смѣненъ дру-

Серетъ вытекаетъ изъ горъ, простирающихся по западному рубежу Молдавіи и падаетъ въ рѣку Барлатъ, которая, въ свою очередь, сливается съ Дунаемъ между Брайловомъ и Галацомъ. Въ этихъ мѣстахъ Дунай раздѣляется на нѣсколько большихъ рукавовъ, также какъ Прутъ, неподалеку оттуда текущій, и равнымъ образомъ падающій, нѣсколькими устьями, въ Черное море; здѣсь же находятся озера Кагулъ и Ялпучъ. Въ слѣдствіе такого обилія водъ, вся эта страна, до самаго моря, представляетъ обширное болото, пересѣченное множествомъ рѣкъ, текущихъ параллельно съ сѣвера и теряющихся въ этомъ лабиринтѣ водъ, пажитей и песчаныхъ косъ, по причинѣ которыхъ плаваніе по нижнему Дунаю, начиная съ Галаца, представляетъ весьма большія затрудненія.

Но возвратимся къ Серету. Онъ уже вышелъ изъ береговъ и до того разлился, что очень высоко затопилъ дорогу, ведущую къ судовому мосту, черезъ него перекинутому; а какъ между тѣмъ дождь не переставалъ идти, то и вода въ рѣкѣ продолжала еще прибывать. Пріѣхавшій, не задолго передъ нами, обозъ, состоявшій изъ сотни тѣлегъ, тяжело нагруженныхъ, везомыхъ волами, остановился у берега; погонщики не рѣшились переѣзжать при такомъ состояніи рѣки. Нечего было думать, надобно было торопиться, и мы отважились ѣхать по узкому, зыбкому мосту. Въ продолженіе этого переѣзда, съ обѣихъ сторонъ вокругъ нашихъ повозокъ тѣснилось множество полунагихъ людей, которые поддерживали экипажи. Прибывъ, наконецъ, на противоположный берегъ, мы были встрѣчены отрядомъ Молдаванскихъ жандармовъ, вооруженныхъ копьями, и находившихся подъ командою оберъофицера. Этотъ небольшой отрядъ сопровождалъ насъ до первой станціи, на которой былъ смѣненъ дру-

гимъ отрядомъ; такъ продолжалось и на всѣхъ слѣдующихъ станціяхъ. Этою внимательностью мы были обязаны заботливости Валашскаго Господаря, который рекомендовалъ насъ Молдаванскому правительству.

Путешествіе наше было самое скучное: ни что не нарушало мрачнаго однообразія картины, насъ окружавшей. Экипажи наши тащились медленно; погонщики, для избѣжанія битой дороги, которая была чрезвычайно скользка, везли насъ по лугамъ, среди густой зелени и прекрасныхъ дикихъ цвѣтовъ, достигавшихъ въ вышину человѣческаго роста. Сначала это забавляло насъ, но потомъ очень наскучило. Частый дождь, какъ будто густой туманъ, скрывалъ отъ насъ всю окрестность; далѣе пятидесяти шаговъ мы не могли ничего видѣть. Какая тоска! Взорамъ нашимъ повсюду представлялась только длинная полоса зелени, изрѣзанной черными колеями, которыя, будучи наполнены дождевою водой, имѣли видъ миніатюрныхъ канавъ. До слуха нашего доходилъ только однообразный топотъ лошадей по жидкой грязи.

Станціи и здѣсь точно такъ же устроены какъ въ Валахіи: онѣ состоятъ изъ плетневой ограды, среди которой возвышается хижина съ остроконечною кровлею. Эта хижина въ дождливое время постоянно топится и дымъ выходитъ изъ нея въ дверь. Въ загородкѣ находилось пятьдесятъ или шестьдесятъ измокшихъ лошадей, которыя собравшись въ тѣсный кружокъ, стояли понуривъ голову и съ философическою терпѣливостью сносили непогоду. Путь нашъ пролегалъ параллельно съ рѣкою Барлатомъ, но поодаль отъ нея. Это та самая рѣка, которая, какъ я уже сказалъ, течетъ прямо съ сѣвера и принявъ Серетъ, падаетъ, нѣсколько далѣе, въ Дунай. Между Барла-

томъ и первыми откосами горъ, тянущихся на западѣ, простирается, зеленѣющими полосами, обширная равнина, среди которой путники могутъ ѣхать гдѣ имъ вздумается, не придерживаясь постоянно одной дороги. По близости селъ, мы видѣли, въ иныхъ мѣстахъ, хорошо воздѣланныя поля. Но въ такую погоду, при проливномъ дождѣ, не было ни какой возможности что либо порядочно осмотрѣть.

Вечеромъ мы остановились въ Бирлату, главномъ мѣстѣ округа тогоже имени. Это мѣстечко имѣетъ намѣреніе сдѣлаться городомъ; по крайней мѣрѣ такъ надобно судить по огромному пространству, на которомъ разчерчены его улицы и площади. На этомъ пространствѣ нѣтъ ни въ чемъ недостатка, кромѣ людей и домовъ. Впрочемъ, Бирлату не иное что какъ большое глиняное озеро, въ которомъ лошади увязали по грудь! Прибывъ къ жилищу исправника, завѣдывающаго округомъ, мы въ полномъ смыслѣ слова высаживались на сушъ. Приказанія, относящіяся къ намъ, были получены во время отсутствія исправника, а потому насъ принялъ, и съ чрезвычайною привѣтливостью угощалъ одинъ изъ его помощниковъ. Но мы до крайности устали и болѣе всего имѣли надобность въ отдыхѣ и снѣ.

Однакожь въ домѣ исправника не на чемъ было лечь, кромѣ двухъ длинныхъ дивановъ и пола, впрочемъ весьма чистаго. Но въ такихъ странахъ, какъ Молдавія и Валахія, путешественникамъ не слѣдуетъ быть излишне разборчивыми; а потому мы очень спокойно выспались: кто на диванѣ, кто на полу.

Іюля 19-го небо прояснилось, дорога сдѣлалась сноснѣе, и мы поѣхали очень скоро. Въ Молдавіи намъ вездѣ попадались почтальоны молодые, усердные, отважные и проворные. Они были одѣты въ па-

русинные халаты, перетянутые поясомъ и на головѣ имѣли шапки, отличавшіяся разными яркими цвѣтами. Длинные волосы ихъ развѣвались вѣтромъ, руки были вытянуты, тѣло пригнуто впередъ; безпрестанно они издавали пронзительные крики и находили какое-то удовлетвореніе своему самолюбію вытягивать эти крики сколько позволяла ихъ крѣпкая грудь. При каждомъ изъ нашихъ экипажей этихъ людей было по трое; какъ скоро одинъ переставалъ кричать, другой начиналъ, и такимъ образомъ, по очередно, всѣ они смѣнялись. Эти отчаянные крики, дѣйствующіе на лошадей не хуже ударовъ бича, прекращались только на станціи. Впрочемъ, почтальоны ѣхали, или лучше сказать летѣли, не разбирая никакихъ мѣстныхъ особенностей; съ одинаковою быстротою неслись они вверхъ и внизъ по горѣ, по мѣсту ровному и по изрытому оврагами, такъ что мы съ большимъ трудомъ могли ихъ останавливать, когда на глаза намъ попадалась какая нибудь птица, которую мы покушались застрѣлить. Въ Молдавіи много хищныхъ птицъ; эти подоблачные разбойники носятся безпрестанно надъ равнинами, поросшими высокою травою, всюду отыскивая жертвъ для насыщенія своей прожорливости. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ есть небольшія рощи, мы видѣли птицу, называемую ронжею; она съ виду похожа на небольшую сивоворонку; перья у нея почти всѣ прекраснаго голубаго цвѣта, съ блестящимъ бархатистымъ отливомъ. Эта птица очень сторожка, не подпускаетъ къ себѣ близко человѣка и для того, чтобы поймать или застрѣлить ее, намъ надобно бы было потратить много времени. Впрочемъ, мы могли утѣшиться: хотя намъ и не удалось поймать ни одной такой птицы, однакожь мы уже имѣли чучелу ея, добытую еще въ Валахіи.

Страна, по которой мы теперь ѣхали, была несравненно красивѣе видѣнной нами части Валахіи. Въ Молдавіи нѣтъ тѣхъ голыхъ, безплодныхъ равнинъ, какія тянутся по пути отъ Журжевы. Здѣшнія мѣстности представляютъ много разнообразія; и хотя лѣсовъ мало, однакожь повсюду очень много зелени, свѣтлыхъ, чистыхъ ручейковъ, и — что всего лучше — почва способна ко всякаго рода произведеніямъ. Жаль только, что земля, столь плодоносная, весьма мало воздѣлана, и что слѣдовъ человѣческаго труда въ ней почти нигдѣ не видно!

Когда вспомнишь о тѣхъ Европейскихъ странахъ, гдѣ земледѣльцы, при помощи неимовѣрныхъ усилій, обращаютъ въ плодоносныя пашни горы, скалы и болота, то испытываешь невольную грусть при видѣ обширныхъ и плодоносныхъ полей, которыя могли бы доставить самыя богатыя жатвы, но не смотря на то, остаются въ запустѣніи и безплодіи, по недостатку рукъ для ихъ воздѣланія. Можно сказать, что, отъ самаго Песта, Дунай течетъ по мѣстамъ, почти совершенно пустыннымъ. Страны эти опустошены тремя пагубными бичами: вопервыхъ, наводненіями Дуная; во вторыхъ, войною, которая еще ужаснѣе наводненій и безсмысленнѣе ихъ; и въ третьихъ, притѣснительнымъ управленіемъ Оттоманской Порты, еще болѣе безумнымъ и ужаснымъ нежели самая война. Вотъ причины, по которымъ благосостояніе въ здѣшнихъ странахъ никогда не могло развиться; до сихъ поръ оно было безжалостно подавляемо въ самомъ зародышѣ своемъ. Проѣзжая по этимъ пустынямъ, гдѣ не встрѣчаешь ни пашенъ, ни жатвы, чувствуешь глубокое состраданіе къ жителямъ и невольно задаешь себѣ вопросъ: да чѣмъ же они питаются? Однакожь, не смотря на все это, жители Молдавіи и Валахіи съ

избыткомъ добываютъ все, нужное имъ для существованія; но этихъ жителей такъ мало, въ сравненіи съ обширностью страны, что большая часть почвы необходимо должна оставаться невоздѣланною. Когда народонаселеніе увеличится, когда будетъ достаточное число людей для того, чтобы производить и потреблять, то земледѣліе распространится и эти обширныя поля, уже столько вѣковъ не тронутыя плугомъ, опять покроются обильными жатвами. Вслѣдъ за развитіемъ земледѣлія, возникнутъ и нѣкоторыя другія отрасли промышлености. При настоящемъ порядкѣ вещей, когда правительство княжествъ, руководимое въ дѣйствіяхъ своихъ законами, доставляетъ каждому жителю личную неприкосновенность и защиту его собственности, для Молдавіи было бы истиннымъ благодѣяніемъ, если бы въ ней основалось нѣсколько хорошихъ колоній, состоящихъ изъ трудолюбивыхъ земледѣльцевъ. По этой причинѣ, новое уложеніе предписываетъ давать поселенцамъ, прибывшимъ изъ чужихъ краевъ, права одинакія съ туземцами, отказывая имъ только въ политическихъ правахъ, которыя пріобрѣтаются не иначе, какъ при соблюденіи, въ теченіе нѣкотораго времени, извѣстныхъ условій. Такія узаконенія способны побудить къ переселенію въ Молдавію многихъ земледѣльцовъ изъ Турціи и Германіи; а потому можно надѣяться, что благосостояніе этой страны разовьется скорѣе, нежели какъ вообще полагаютъ.

Самое важное препятствіе для развитія въ Молдавіи, не только земледѣлія, но вообще промышлености и торговли, заключается въ дурномъ состояніи дорогъ и въ совершенной почти невозможности устроить хорошіе пути сообщенія.

Въ такой странѣ, гдѣ часто ѣдешь цѣлый день, не

видавъ ни одного камышка, трудно устроить дорогу, которая во всякую погоду была бы крѣпка и прочна. До тѣхъ поръ пока сухо, сообщенія производятся быстро и дѣятельно; равнина всюду открыта и въ легкихъ карусахъ каждый ѣдетъ по ней, гдѣ хочетъ; только тяжелыя тѣлеги, запряженныя волами, осторожно, и длинными вереницами тянутся по битой дорогѣ. Но при дождѣ почва жирная, состоящая изъ чернозема, вдругъ вся размокаетъ и по ней уже нельзя ѣхать скоро, даже и въ легкихъ повозкахъ, а экипажъ хоть сколько нибудь грузный, вынужденъ тащиться съ крайнею медленностію.

Между тѣмъ мы приближались къ столицѣ Молдавіи. Послѣднія станціи проѣхали мы съ чрезвычайною быстротою, даже лошадей повсюду запрягали для насъ самымъ поспѣшнымъ образомъ; но все это дѣлалось такъ проворно только потому, что впереди насъ скакалъ, въ видѣ эстафеты, чиновникъ, который понуждалъ и почтальоновъ и почтмейстеровъ къ усиленной дѣятельности, въ другое время для этихъ людей вовсе необычной. Наконецъ мы приблизились къ большой, песчанистой горѣ, поросшей прекрасными деревьями. Взъѣздъ на эту гору былъ очень труденъ и едва успѣли мы взобраться на ея вершину, какъ вдругъ разразилась страшная буря, сопровождаемая сильнымъ ливнемъ. Съ вершины горы мы увидѣли въ равнинѣ, лежавшей у подошвы ея, городъ Яссы, надъ которымъ еще не было тучъ, такъ что онъ былъ озаренъ солнечными лучами и представлялъ издали прекрасную, исполненную живости картину.

Онъ выстроенъ на ровномъ мѣстѣ, окруженъ зеленѣющими холмами и занимаетъ большое пространство. Домы его всѣ выкрашены бѣлою краскою, и при каждомъ есть садъ; изъ среды города возносятся

блестящія колокольни и многія большія зданія съ зелеными крышами. Буря свирѣпствовала съ невыразимою яростью въ то время, когда мы спускались съ горы по длинной, извилистой и довольно опасной дорогѣ. По прибытіи въ Яссы, мы нашли этотъ городъ совершенно затопленнымъ. При въѣздѣ въ него насъ ожидало двѣнадцать человѣкъ жандармовъ, предоставленныхъ въ наше распоряженіе; въ сопровожденіи этого прикрытія, мы въѣхали въ городъ по длинной улицѣ, вымощенной простыми бревнами. Эта улица вездѣ была покрыта вершковъ на семь водою, которая однакожь не проникала въ двери жилищь и лавокъ, потому что онѣ были сдѣланы довольно высоко отъ уровня мостовой. Во всѣхъ окнахъ и дверяхъ мы видѣли множество любопытствующихъ, которые смотрѣли на насъ съ видомъ какого-то недоумѣнія. Въ числѣ ихъ мы замѣтили наиболѣе Евреевъ. Эти люди вездѣ почтительно кланялись намъ, не смотря на то, что мы были залиты дождемъ и забрызганы грязью. Чему были мы обязаны такою единодушною вѣжливостью? Не жандармамъ ли, которые сопровождали насъ и своимъ присутствіемъ доказывали, что Господарь благосклонно къ намъ расположенъ? Или, можетъ быть, эти смѣтливые Израильтяне, видя нашъ длинный поѣздъ, радовались нашему прибытію, въ надеждѣ, при случаѣ, поживиться чѣмъ нибудь отъ насъ? Не могу рѣшить этой задачи.

Наше продолжительное странствованіе по улицамъ, наполненнымъ водою, кончилось въ гостинницѣ «С.-Петербургъ», гдѣ мы были приняты со всѣми признаками самой предупредительной вѣжливости. Насъ встрѣтило нѣсколько человѣкъ офицеровъ, которые предоставили въ наше распоряженіе почетный караулъ изъ жандармовъ, необходимыхъ для охраненія

нашихъ экипажей. Вскорѣ насъ посѣтилъ, съ предложеніемъ всѣхъ возможныхъ услугъ, самъ Ага, одѣтый въ богатый восточный костюмъ. Все это доказывало, что и въ Яссахъ, какъ въ Бухарестѣ, насъ ожидало самое благородное и любезное гостепріимство.

Гостинница, въ которой мы остановились, была выстроена въ обширныхъ размѣрахъ и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отличалась великолѣпіемъ, даже несоотвѣтственнымъ съ ея назначеніемъ. Но, не смотря на обширныя и прекрасно расположенныя залы, не смотря на живопись, обильно украшавшую стѣны, въ ней нельзя было найдти никакихъ удобствъ, необходимо нужныхъ для путешественниковъ, утомленныхъ продолжительною ѣздою. Въ этихъ прекрасныхъ комнатахъ мы не нашли другой кровати, кромѣ билліарда, на которомъ улеглись четверо изъ нашихъ товарищей. Прочіе должны были удовольствоваться кое-какими матрасами, слегка набитыми соломою. Кромѣ подобныхъ матрасовъ не было ничего: ни одѣялъ, ни подушекъ, и ни какихъ другихъ принадлежностей постели. При видѣ великолѣпныхъ мундировъ, въ которые были одѣты многочисленные посѣтители, наполнявшіе наши комнаты, всякой иностранецъ могъ бы подумать, что находится въ чертогахъ какого нибудь вельможи, и ему ни какъ бы не пришло въ голову, что обитатели этихъ великолѣпныхъ залъ терпятъ недостатокъ въ предметахъ, которые въ другихъ Европейскихъ странахъ самый скромный путешественникъ имѣетъ возможность получить въ бѣднѣйшей сельской гостинницѣ.

Какъ бы то ни было, но въ этомъ жилищѣ, вмѣстѣ и роскошномъ и бѣдномъ, мы вскорѣ были посѣщены лицами, занимающими самое высокое положеніе въ

Ясскомъ обществѣ. Еще не успѣли мы разобраться, какъ намъ возвѣстили о прибытіи князя Суцо, министра внутреннихъ дѣлъ, справедливо пользующагося въ Молдавіи славою человѣка съ большими дарованіями и замѣчательнымъ умомъ. Въ краткое время, въ продолженіе котораго я имѣлъ удовольствіе насладиться бесѣдою этого важнаго сановника, онъ сообщилъ мнѣ столь любопытныя свѣдѣнія о состояніи княжества, что я рѣшился просить его о доставленіи мнѣ подлинныхъ документовъ, свидѣтельствующихъ о настоящемъ положеніи Молдавіи, сравнительно съ порядкомъ вещей, существовавшимъ прежде Адріанопольскаго трактата. И онъ прислалъ мнѣ эти драгоцѣнные документы. Ихъ такъ много и они составлены съ такою тщательностью, что я не нахожу словъ для выраженія моей признательности г-ну Суцо. Далѣе я представляю извлеченіе изъ этихъ бумагъ, которыхъ полнаго содержанія, къ сожалѣнію, мнѣ никакъ нельзя было включить въ мою книгу, потому что оно было бы не соразмѣрно съ ея общимъ объемомъ. Тѣмъ не менѣе, и въ извлеченіи моемъ, читатели увидятъ точную картину управленія Молдавіи, въ двухъ совершенно противоположныхъ видахъ: во первыхъ, подъ притѣснительнымъ самоуправствомъ второстепенныхъ Оттоманскихъ чиновниковъ, и во вторыхъ, по освобожденіи отъ Турецкаго ига, подъ кровомъ законовъ и просвѣщеннаго протектората.

На слѣдующее утро (20-го іюля), мы отправились посѣтить Господаря, правителя Молдавіи. Князь Стурдза, обязанный своимъ возвышеніемъ свободному избранію, есть первый Господарь Молдавіи, призванный къ управленію этимъ княжествомъ, послѣ преобразованія, столь счастливо совершеннаго графомъ Киселевымъ. Жилище Господаря не представляетъ ничего

особенно замѣчательнаго. Древній дворецъ Молдаванскихъ владѣтелей разрушенъ, въ 1827-мъ году, страшнымъ пожаромъ, истребившимъ болѣе двухъ третей города; теперь этотъ дворецъ лежитъ въ развалинахъ, покрывающихъ холмъ, господствующій надъ Яссами. По недостатку великолѣпнаго жилища, двору правителя сообщаетъ нѣкоторый блескъ военная свита, его окружающая, и многочисленная стража, разставленная вокругъ дома, имъ занимаемаго.

Господарь принялъ насъ самымъ благосклоннымъ образомъ. Когда подали трубки, онъ вступилъ съ нами въ разговоръ, въ продолженіе котораго обнаружилъ особенный даръ слова и необыкновенныя свѣдѣнія. Предметомъ нашей бесѣды было состояніе княжествъ, возрожденныхъ къ новой жизни; вліяніе, какое обнаруживаетъ на жителей теперешняя форма правительства; успѣхи, уже явно видимые въ общественномъ благосостояніи, и усилія правителей къ достиженію окончательнаго развитія народной промышленности и торговли. Все, что князь говорилъ объ этихъ любопытныхъ предметахъ, для насъ, какъ иноземцевъ, мало знакомыхъ съ настоящимъ положеніемъ княжествъ, было исполнено занимательности. Князь нѣсколько разъ обнаруживалъ самую пламенную любовь къ своему народу; болѣе всего его огорчало то обстоятельство, что княжество еще обязано платить Туркамъ ежегодную дань. — « Если Порта, говорилъ онъ, согласится, когда нибудь, освободить Молдавію отъ этой тяжелой повинности, то я готовъ пожертвовать всѣмъ моимъ состояніемъ, чтобы и съ моей стороны способствовать благосостоянію этого бѣднаго народа, испытавшаго столь продолжительныя бѣдствія. » Рѣдко можно найти человѣка, одушевленнаго подобными чувствованіями; они приносятъ мно-

го чести князю Стурдзѣ и предвѣщаютъ жителямъ Молдавіи прекрасную будущность.

Господарь дѣятельно и неутомимо занимается общественными дѣлами, и хотя, къ сожалѣнію, состояніе здоровья его не всегда соотвѣтствуетъ усиліямъ, какія необходимы при такомъ многотрудномъ дѣлѣ, однакожь онъ не ослабѣваетъ въ исполненіи важной обязанности, возложенной на него довѣріемъ и любовью его соотечественниковъ.

Самая наружность князя Стурдзы свидѣтельствуетъ о его физическихъ страданіяхъ, надъ которыми онъ торжествуетъ только при необыкновенной силѣ воли. Ему не болѣе сорока лѣтъ отъ роду, а на лицѣ у него уже рѣзко отразились слѣды важныхъ заботъ, сокрушающихъ его духъ. Онъ женатъ на Константинопольской Гречанкѣ, принадлежащей къ одному изъ княжескихъ Греческихъ семействъ; у него два сына, воспитывающіеся въ Берлинѣ.

Наше пребываніе въ Яссахъ не могло быть продолжительно, а потому у насъ едва достало времени принять нѣкоторыхъ особъ, удостоившихъ насъ своимъ посѣщеніемъ. Самъ князь Стурдза имѣлъ снисходительность навѣстить насъ въ нашей гостинницѣ. Онъ постоянно обнаруживалъ къ намъ самую любезную внимательность, простиравшуюся даже до того, что по его приказанію, нѣсколько разъ Венгерскіе музыканты, изъ отряда минеровъ, приходили забавлять насъ музыкою въ продолженіе нашего обѣда. Къ сожалѣнію, надобно однакожь сознаться, что столъ, который мы имѣли въ гостинницѣ, гдѣ стояли, былъ сообразованъ съ предписаніями самой строгой гигіэны, вѣроятно для того, чтобы онъ не представлялъ слишкомъ рѣзкой противоположности съ простотою мебели.

Мы приближались къ границѣ Россіи, и знали, что переѣхавъ за нее, не могли избѣгнуть четырнадцатидневнаго карантина. Не имѣя возможности уклониться отъ этого заключенія, мы рѣшились, по крайней мѣрѣ, подвергнуться ему какъ можно скорѣе, и потому положили, на слѣдующій же день (21-го іюля) перебраться въ предѣлы Россійской имперіи. По этой причинѣ намъ оставалось лишь нѣсколько часовъ для того, чтобы хотя поверхностно, слегка ознакомиться со столицею Молдавіи.

Городъ Яссы занимаетъ, какъ мы уже сказали, огромное пространство; садовъ въ немъ еще болѣе нежели въ Бухарестѣ. Въ совокупности своей онъ представляетъ зрѣлище весьма удовлетворительное. Новѣйшія зданія отличаются изяществомъ вкуса и чрезвычайною опрятностью, которыхъ вовсе не замѣтно въ старыхъ домахъ. Есть нѣсколько большихъ, весьма широкихъ улицъ; въ нѣкоторыхъ кварталахъ непрочная и безпокойная деревянная мостовая уже замѣнена каменною. И здѣсь, также какъ въ Валахіи, по недостатку матеріаловъ, почти невозможно воздвигать обширныя зданія; но не смотря на то, въ Яссахъ находится нѣсколько примѣчательныхъ церквей, и много домовъ, принадлежащихъ богатымъ боярамъ, выстроенныхъ въ видѣ замковъ и содержимыхъ въ хорошемъ состояніи. Но посреди самаго города нерѣдко находятся большіе пустыри, по которымъ блуждаютъ разныя домашнія животныя, и въ томъ числѣ полезныя твари, внушающія особенный ужасъ Евреямъ.

Въ наружности этого города осталось гораздо менѣе слѣдовъ восточнаго стиля, нежели во внѣшнемъ видѣ Бухареста. Правда, что это надобно отчасти приписать и сильному пожару, случившемуся въ 1827-мъ

году: имъ истреблена большая часть старинныхъ домовъ, а въ постройкѣ новыхъ оказывается вліяніе архитектурнаго стиля, употребительнаго въ городахъ сосѣдственной Новой Россіи. Едва успѣлъ городъ Яссы возникнуть изъ пепла, какъ въ 1829-мъ году въ немъ обнаружилась чума, а черезъ два года потомъ холера. Всѣ эти несчастія, столь быстро слѣдовавшія одно за другимъ, весьма много замедлили процвѣтаніе Яссъ. И вотъ при какихъ трудныхъ обстоятельствахъ надобно было водворить въ Молдавіи полное и совершенное политическое преобразованіе! Но за то, какой славы и признательности достоинъ тотъ кто побѣдилъ всѣ эти препятствія! При видѣ этого цвѣтущаго города, его улицъ прекрасно проведенныхъ, исполненныхъ кипучей торговой дѣятельности, можно ли не чувствовать истиннаго уваженія къ человѣку, которому Молдавія всѣмъ этимъ обязана?

Главная улица въ Яссахъ населена купцами, мѣнялами, факторами всякаго рода, которые почти всѣ изъ Евреевъ. Эти неутомимые торговцы и здѣсь отличаются точно такимъ же характеромъ, какъ въ другихъ мѣстахъ: и здѣсь они такъ же нечувствительны къ обидамъ, алчны до барыша. Въ старинной части этой широкой улицы существуетъ длинный навѣсъ, подпираемый легкими деревянными столбами: подъ нимъ помѣщаются магазины. Въ этомъ мѣстѣ вы увидите множество Евреевъ: они сидятъ у дверей своихъ лавокъ, вглядываются пристально въ прохожихъ и погремыхываютъ серебряными рублями, которые держатъ въ горсти, стараясь этимъ вразумить, что готовы размѣнять кому угодно деньги. Въ магазинахъ развѣшены разныя ткани, модныя вещицы, и выставлены Нѣмецкія и Англійскія бронзовыя издѣлія. Болѣе всего насъ изумило то, что среди этихъ магазиновъ,

занятыхъ повсемѣстно лишь Евреями, мы нашли Французскую книжную лавку и кабинетъ чтенія.

Въ Яссахъ церквей не такъ много какъ въ Бухарестѣ; но въ числѣ ихъ есть одна, заслуживающая особеннаго вниманія по своей изящной постройкѣ. Въ слѣдствіе общаго туземнаго обычая, она окружена монастыремъ и обнесена оградою, которая нѣкогда была укрѣплена. Эта церковь выстроена изъ прекраснаго камня и при ней находятся двѣ высокія колокольни. Всѣ внѣшнія стороны зданія покрыты арабесками, чрезвычайно разнообразными, высѣченными рельефно въ камняхъ, изъ которыхъ выкладены стѣны. Окна этой церкви очень узки, и сквозь нихъ проникаетъ самый слабый свѣтъ. Во всѣхъ трехъ придѣлахъ, посвященныхъ святымъ: Василію Блаженному, Іоанну Златоусту и Григорію Богослову, день и ночь теплятся лампады. Этотъ прекрасный храмъ выстроенъ около 1622-го года воеводою Василіемъ и первоначально внутри былъ весь покрытъ позолотою; но онъ три раза горѣлъ, неоднократно, во времена Татарскихъ набѣговъ, подвергался разграбленію, и въ 1802-мъ году едва не былъ совершенно разрушенъ случившимся тогда землетрясеніемъ. Церковь эта называется церковью Трехъ Святителей. Прежде въ ней хранились многія драгоцѣнности, и теперь еще не всѣ утрачены; къ числу такихъ уцѣлѣвшихъ вещей принадлежитъ коллекція картинъ, вышитыхъ княгинею Θеодосіею, супругою набожнаго воеводы Василія, построившаго описываемый храмъ. Эти картины вышиты съ удивительнымъ искусствомъ по бархату, золотомъ и шелками. Между прочимъ, на одной картинѣ изображена сама княгиня во весь ростъ, старшій сынъ ея и двадцать семь внучатъ. Эти портреты изображены истинно мастерски и дышатъ жизнію. Изъ нихъ

видно, что костюмъ, какой въ то время носили бояре, сходствовалъ болѣе съ Венгерскимъ, нежели съ Турецкимъ одѣяніемъ. Въ той же церкви сохранялся еще портретъ самого строителя ея, воеводы Василія; но лѣтъ двадцать назадъ онъ неизвѣстно кѣмъ украденъ. Сначала въ этой пропажѣ обвиняли причетъ и обвиненіе нѣкоторымъ образомъ подтверждалось тѣмъ обстоятельствомъ, что портретъ былъ осыпанъ множествомъ жемчуговъ. По счастію еще существуетъ другой портретъ этого воеводы, писанный аль-фреско, на одной изъ стѣнъ церкви. Въ этомъ изображеніи представлено, что воевода держитъ весь храмъ на лѣвой рукѣ своей, вознесенной къ верху, и посвящаетъ его тремъ святителямъ, которые, съ высоты небесъ, благословляютъ его. Не довольствуясь сооруженіемъ храма, благочестивый воевода рѣшился еще выкупить у Турокъ мощи Святыя Венеранды, съ давнихъ временъ находившіяся въ ихъ рукахъ. Эти мощи были наконецъ возвращены въ Молдавію и, какъ увѣряютъ жители Яссъ, самъ Султанъ проводилъ ихъ до предѣловъ своей имперіи. Все это изображено живописью, на богатой ракѣ, въ которой покоятся мощи.

Что сказать еще о Яссахъ, въ которыхъ мы пробыли такое короткое время? Здѣсь намъ не случилось побывать ни въ какомъ кругу, способномъ сообщить намъ вѣрное понятіе о цѣломъ обществѣ. Сколько можно судить по лицамъ, удостоившимъ насъ посѣщеніемъ, Молдаванское дворянство не чуждается просвѣщенія. Училище, въ которомъ обучаются дѣти высшаго сословія, съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ болѣе и болѣе воспитанниковъ. Въ Яссахъ существуютъ три типографіи, имѣющія, въ совокупности, одиннадцать книгопечатныхъ станковъ. Печатаютъ здѣсь, кромѣ Руманскаго языка, еще на Русскомъ, Французскомъ и Ново-Греческомъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ основано здѣсь общество любителей естественныхъ наукъ и медицины, и труды его уже имѣютъ весьма благопріятное вліяніе на общественную любознательность. Это общество, принявъ въ соображеніе ученую цѣль нашей экспедиціи, прислало намъ всѣмъ дипломы на званіе иностранныхъ членовъ. Правительство всячески заботится о составленіи хорошей коллекціи естественныхъ предметовъ, но къ сожалѣнію, до сихъ поръ она еще очень не велика. Сверхъ того, Господарь намѣренъ присоединить къ этой коллекціи звѣринецъ. Такимъ образомъ можно надѣяться, что въ скоромъ времени и Яссы будутъ въ состояніи представить свой участокъ въ общую сокровищницу Европейскаго просвѣщенія, трудясь въ свою очередь надъ изслѣдованіемъ восточныхъ странъ, возбуждающихъ ежедневно болѣе и болѣе вниманіе просвѣщеннаго міра.

Но вскорѣ мы выѣхали изъ столицы Молдавіи и перебравшись черезъ нѣсколько крутыхъ холмовъ, увидѣли извилистый Прутъ и деревню Скуланы, раздѣленную рѣкою на два участка, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ къ Молдавіи, а другой къ Россіи. Черезъ Прутъ мы переѣхали на паромѣ. Въ этомъ же самомъ мѣстѣ, нѣсколько лѣтъ назадъ, происходила сцена, столь же трогательная, какъ и торжественная. Цѣлый народъ провожалъ до границъ страны, осыпая благословеніями графа Киселева, который былъ для нихъ избавителемъ и отцемъ. Когда бывшій глава временнаго правительства удалился отъ Молдаванскаго берега, то его привѣтствовали прощальными криками и слезами. И самъ онъ, бросая послѣдній взглядъ на эту страну, обязанную ему своимъ благоустройствомъ, также не могъ удержаться отъ слезъ. Какъ драгоцѣнны

были эти слезы, изливаемыя благороднѣйшимъ человѣкомъ! Какъ трогательно это прощаніе воина и законодателя съ народомъ, которому онъ служилъ и рукою и совѣтомъ!

Начальство карантина, извѣщенное заранѣе о томъ, что мы будемъ, изготовило для насъ помѣщеніе въ особомъ лазаретѣ. Къ несчастію Скуланскій карантинъ, занимающій большое пространство, расположенъ на низкомъ и сыромъ мѣстѣ, весьма немного возвышающемся надъ уровнемъ рѣки Прута, текущаго очень близко къ его оградѣ. При малѣйшей прибыли воды въ рѣкѣ, карантинъ подвергается затопленію; это случилось и не задолго передъ нашимъ пріѣздомъ. Лазаретъ, въ которомъ насъ помѣстили, состоялъ изъ девяти небольшихъ мазанокъ, крытыхъ тростникомъ; всѣ онѣ были устроены посреди большаго двора, на которомъ росло нѣсколько вишенныхъ деревъ. Каждая мазанка имѣла свою особенную изгородь, запиравшуюся досчатыми дверцами. Для экипажей не было никакого помѣщенія, лошади бродили подъ открытымъ небомъ. Въ этихъ одноэтажныхъ домикахъ, полъ состоялъ изъ земли, ни чѣмъ не прикрытой, сырой, и только посыпанной пескомъ. Каждый домикъ раздѣлялся на три комнатки и находился подъ надзоромъ отставнаго солдата. Насъ распредѣлили въ трехъ такихъ мазанкахъ, и мы, скрѣпя сердце и покоряясь необходимости, рѣшились цѣлыя двѣ недѣли вести жизнь, истинно отшельническую.

Подобное уединеніе, или лучше сказать, скука, въ продолженіе его испытываемая, болѣе всего располагаетъ человѣка къ занятіямъ, требующимъ нѣкотораго размышленія; а потому всѣ мы принялись приводить въ порядокъ наши путевыя записки и замѣчанія. Только что выѣхавъ изъ Молдавіи, я нашелъ, что теперь то

именно и было прилично сообщить читателю все, что намъ удалось узнать объ этой странѣ. И такъ, бросимъ взглядъ назадъ, и скажемъ нѣсколько словъ объ исторіи Молдавіи, о ея прошедшемъ и настоящемъ бытѣ, постараемся даже разгадать и ея будущность: вѣдь и этого намъ никто не можетъ запретить.

Исторія послѣднихъ временъ Молдавіи тѣсно соединена съ исторіею Валахіи, о которой легкій очеркъ мы уже сообщили въ предыдущей главѣ. Попеременно занятая Скиѳами, Сарматами, Даками, Римлянами, варварами и наконецъ Славянами, Молдавія долго раздѣляла участь сосѣдственныхъ съ нею странъ. Не прежде XII-го вѣка Валахія и Молдавія образовались въ два особыя княжества. Около того времени, какъ извѣстно, орды грабителей Татаръ вторглись въ княжества и жители ихъ толпами удалились въ Венгрію, оставивъ отечество свое на жертву Татарамъ. Эти выходцы образовали два большія поселенія: одно въ Фагарачѣ, другое въ Мамарочѣ. Первое изъ этихъ поселеній состояло изъ народовъ, образовавшихъ, въ послѣдствіи, Валашское княжество, второе заключало выходцевъ страны, лежащей болѣе къ востоку и составляющей нынѣшнюю Молдавію. Татары ограбили княжества, обратили ихъ въ пустыню и удалились, предоставляя прежнимъ владѣльцамъ этихъ опустошенныхъ странъ воротиться или нѣтъ. Изгнанные жители, вѣроятно, никогда бы и не подумали сызнова основаться въ разоренномъ и покинутомъ отечествѣ, еслибы вторичное нашествіе, направленное уже противъ Венгріи, не вынудило ихъ бѣжать и изъ новыхъ своихъ поселеній. Когда орды Батыевы вторглись въ Венгрію, испуганные поселенцы вспомнили объ отечествѣ своихъ предковъ, о его горахъ, и воротились въ него. Родольфъ Черный привелъ назадъ въ Вала-

хію Фагарачскихъ колонистовъ, а Богданъ, старшина Мамарочской колоніи, удалился, съ своими соотечественниками, въ страну, прилегающую къ Пруту. Оба они приняли званіе воеводъ, и, по примѣру всѣхъ угнетенныхъ народовъ, отдались подъ покровительство Венгерскихъ королей. Такимъ образомъ основалось два княжества, которыя послѣ того уже почти никогда не соединялись.

Около этого же времени Молдавія получила свое имя отъ имени рѣки Молдавы, по ней протекающей. Въ послѣдствіи она носила также имя Богданіи, въ память основателя княжества. Турки и теперь еще называютъ ее этимъ именемъ.

Долгое время оба княжества боролись то съ Венгріей, иногда излишне обременявшей ихъ своимъ покровительствомъ, несноснымъ для иныхъ предпріимчивыхъ воеводъ, то съ Портою, которой притязанія безпрерывно усиливались. Наконецъ, въ 1526-мъ году, когда знаменитая Могачская битва предала Венгрію въ въ руки мусульманъ, Молдавія также подпала подъ иго Турокъ, сдѣлалась данницею Султана и вынуждена была заключить съ Портою точно такой же трактатъ какъ Валахія.

Къ концу семнадцатаго столѣтія, Молдавія, освободившаяся, на короткое время, отъ Турецкаго владычества, подпала подъ суровое правленіе Сигисмунда Трансильванскаго. Этотъ монархъ, въ то время грозный и могущественный, присвоилъ себѣ власть назначать въ Молдавію воеводъ и подчинилъ ее дани. Но вскорѣ Турки опять овладѣли княжествомъ и жестоко наказали жителей за ихъ возмущеніе. Съ той поры и Валахія и Молдавія впали въ совершенное уныніе и уже не пытались вырваться изъ рабства. Хотя воеводы, по видимому, еще избирались боярами, одна-

кожъ выборы эти были только мнимые, а въ сущности правители княжества назначались Турецкимъ Диваномъ и были покорными слугами Порты, которая часто, по одной прихоти своей, лишала ихъ не только власти, но и самой жизни. Такой порядокъ вещей существовалъ очень долго; не прежде какъ уже во времена, довольно къ намъ близкія, одинъ изъ Валашскихъ воеводъ, по имени Бессарабъ, человѣкъ предпріимчивый, но непостоянный и робкій, намѣреваясь объявить войну Туркамъ, вступилъ въ союзъ сперва съ Австріей, а потомъ съ Россіей. Султанъ, желая отмстить Бессарабу, поручилъ Молдаванскому воеводѣ, князю Кантемиру, убить его; но Кантемиръ, въ свою очередь, присоединился къ Петру Великому, которому сдалъ столицу Молдавіи. При такихъ обстоятельствахъ, казалось, что Порта должна была утратить владычество надъ княжествами; но Русскіе, угрожаемые превосходными силами, вынуждены были остановиться, а вскорѣ потомъ и совершенно выдти изъ княжествъ. Видя неудачу, Бессарабъ вдругъ рѣшился покориться Султану и въ слѣдъ за тѣмъ, какъ мы уже сказали выше, заплатилъ головою за свое неблагоразуміе. Что касается до князя Кантемира, то ему удалось бѣжать и найдти пристанище въ Россіи.

Съ того времени оба Дунайскія княжества терпѣли совершенно одинакую участь: и то и другое равно были разоряемы Турками, притѣсняемы пашами; но Молдавія страдала, кажется, еще болѣе Валахіи. Только уже въ концѣ осмнадцатаго столѣтія положеніе обоихъ княжествъ начало улучшаться, благодаря покровительству Россіи. Каждый новый трактатъ, заключаемый между Россійскою имперіею и Портою, содержалъ какія нибудь статьи, благопріятныя для Валахіи и Молдавіи.

Правда, что участь княжествъ облегчалась медленно, постепенно, что въ слѣдствіе разныхъ непредвидѣнныхъ политическихъ обстоятельствъ и всякаго рода несчастій, Россіи нерѣдко должно было возобновлять свое заступничество и вынуждать Порту къ соблюденію обѣщаній, ею данныхъ; однакожь, не смотря на всѣ, безпрерывно возрождавшіяся бѣдствія, не смотря на пагубное возмущеніе Ипсилантія, навлекшее на Молдавію множество несчастій, участь обоихъ княжествъ съ каждымъ днемъ улучшалась, и наконецъ, Адріанопольскій трактатъ окончательно обезпечилъ ихъ будущность.

Благодаря любопытнымъ документамъ, доставленнымъ мнѣ отъ князя Суцо, я могу представить нѣсколько свѣдѣній, съ помощью которыхъ читатели сами сравнятъ то состояніе, въ какомъ Молдавія находилась до Адріанопольскаго мира, съ теперешнимъ ея положеніемъ.

Прежде кампаніи 1829-го года Молдавія была подчинена управленію, не имѣвшему ничего правильнаго, прочнаго, въ слѣдствіе котораго жители подвергались всякаго рода притѣсненіямъ. Княжество это лишь по виду было управляемо своимъ собственнымъ Господаремъ, а въ самомъ дѣлѣ совершенно зависѣло отъ прихотей Порты и сосѣдственныхъ пашей. На него было возложено доставлять въ столицу Оттоманской имперіи строевой лѣсъ, бойный скотъ и зерновой хлѣбъ по цѣнамъ, которыя назначались Портою произвольно. Этимъ, однакожь, дѣло не оканчивалось: какъ скоро цѣны были утверждены, то въ Молдавію наѣзжали Турецкіе коммисары и насильственно отбирали требуемые товары, въ количествѣ гораздо большемъ противъ того, какое слѣдовало брать.

Соблюденіе внутренняго порядка было поручено Турецкимъ стражамъ (бехлисамъ): они жили въ большихъ городахъ и только притѣсняли да грабили несчастный народъ, которому должны были оказывать покровительство. Крѣпости, стоявшія на лѣвомъ берегу Дуная, и занятыя Турецкими гарнизонами, также служили въ большую тягость для жителей, вынужденныхъ доставлять гарнизонамъ всякаго рода продовольствіе. Во внутреннемъ управленіи не было ничего правильнаго, законнаго; Господари присылаемые Портою, временно управлявшіе княжествомъ, незнакомые ни съ обычаями, ни со правами страны, не руководствовались, въ управленіи ею, ни чѣмъ, кромѣ собственнаго произвола. Вынуждаемые необходимостью поддерживать безпрестанными подарками благосклонность Порты и пашей, Господари эти, съ одной стороны обременяли народъ безчисленными поборами, а съ другой, зная непрочность своего положенія и непродолжительность власти, имъ ввѣренной, всячески старались и сами наживаться. Нельзя даже не подивиться какъ правители эти, находясь въ столь унизительномъ состояніи, могли еще иногда основывать, въ этой несчастной странѣ, нѣкоторыя полезныя заведенія. Но за исключеніемъ этихъ рѣдкихъ благодѣяній, они не занимались ни чѣмъ, кромѣ обремененія народа, а это было для нихъ тѣмъ удобнѣе, что власть ихъ слабо умѣрялась только вліяніемъ бояръ, которые, съ своей стороны, участвуя въ выгодахъ, извлекаемыхъ Господаремъ, соглашались быть его слѣпыми, покорными орудіями.

Правительство было устроено слѣдующимъ образомъ: на *вестіара*, или министра финансовъ было возложено управленіе финансовыми дѣлами и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; *постельнику* были поручены сношенія съ иностранными консулами, пашами и Портою. Каж-

дымъ округомъ управляли два чиновника, имѣвшіе административную, судебную и исполнительную власть. Тяжбы рѣшались окончательно судомъ бояръ, въ которомъ предсѣдательствовалъ Господарь; но въ производствѣ дѣла не соблюдалось никакой законной формы. Сверхъ того ни что не препятствовало возобновлять процессы при каждой перемѣнѣ Господаря. Дѣла, какъ административныя, такъ и судебныя производились коротко, на скорую руку и рѣшительно безъ соблюденія какой бы то ни было законной формы, а потому не было ни архивовъ, ни протоколовъ, ни даже канцелярій, въ настоящемъ значеніи этого слова.

Подати взимались произвольно и возобновлялись подъ безчисленными предлогами. Налоги были прямые и косвенные; къ прямымъ относился подушный окладъ. Общая сумма этого оклада распредѣлялась предварительно по округамъ, согласно съ ихъ народонаселеніемъ, а потомъ правители округовъ назначали уже по своему усмотрѣнію сумму, какую должна была платить каждая община. Еще другой прямой налогъ, называвшійся *рассуресъ*, былъ назначенъ для содержанія чиновниковъ. Сверхъ того податныя сословія были подчинены разнымъ косвеннымъ налогамъ, извѣстнымъ подъ общимъ наименованіемъ *рассуматесъ*; они состояли въ податяхъ съ ульевъ, барановъ, свиней, табаку и виноградниковъ. Равнымъ образомъ были подчинены особеннымъ налогамъ всякаго рода повозки, вѣсы, водочные заводы и проч. А между тѣмъ, какъ бы въ насмѣшку лицамъ, платившимъ подати и обремененнымъ огромными налогами, нѣкоторыя мѣстности были вовсе освобождены отъ повинностей, пользуясь исключительными правами, которыя въ теченіе времени вошли въ обычай, хотя нисколько этимъ не оправдывались.

Слѣдующія таблицы могутъ дать надлежащее понятіе о финансовомъ состояніи княжества въ тогдашнее злополучное время.

Доходы и расходы княжества Молдавіи, за 1828-й годъ, прежде вступленія русскихъ войскъ.

ДОХОДЫ.

	Піастры, аспры.	
Подать съ поселянъ. . . .	984,386 60	
Съ мазилей и рупташей, . .	73,741 »	
Съ питейныхъ домовъ и лавокъ. . . .	112,000 »	
Со свидѣтельствъ.	51,592 »	
Съ лицъ, состоящихъ при питейныхъ домахъ. . . .	18,190 »	
Съ руптовъ. . .	38,036 »	
За торговыя и другія свидѣтельства съ иностранцевъ.	18,074 »	
	1,296,019 60	1,296,019 60
Доходы съ соли. , ...		212,060 »
Доходъ съ округа Боточани, собиравшійся для Господарши.		56,800 »
Подати рассуресъ.		741,829 87
Доходъ предполагаемый съ почтъ.		300,739 »
Подать съ овецъ.	87,905 »	
— съ ульевъ и свиней.	87,470 »	
— съ виноградниковъ. . .	300,000 »	758.110 »
Таможенныхъ сборовъ. . . .	208,950 »	
Подать съ водочныхъ заводовъ.	73,785 »	
		3,365,558 27

РАСХОДЫ.

	Піастры, аспры.
Часть подати вносилась ежегодно въ кассу рассуресъ. .	25,000 »
Доходы, получаемые Господаршею съ округа Боточани. .	56,800 »
Остатокъ отъ дохода называющагося грагедика, принятый и употребленный на расходъ Русскими въ 1828-мъ году.	40,237 27
На разныя жалованья.	1,079,518 81
На содержаніе почты.	300,739 »
Денегъ, истраченныхъ по произвольному распоряженію Господаря. . . , . .	1,863,263 39
	3,365,558 27

ПОДАТИ, ВЗИМАЕМЫЯ ДО 1827-ГО ГОДА, СЪ КАЖДАГО ПОСЕЛЯНИНА.

	Піастръ	Аспр.
Подать, распредѣленная такъ, что она вносилась по частямъ, черезъ каждые три мѣсяца	12	»
Рассуресовъ	4	60
Подать на содержаніе почтъ	4	»
Грагедика (особая подать)	7	90
Рассуматесъ	7	»
Пенныхъ и другихъ	3	»
Разныхъ мелкихъ повинностей, исчисленныхъ приблизительно	50	»
Всего	78	30

При взиманіи податей такихъ разнообразныхъ и многочисленныхъ, разумѣется, происходило множество злоупотребленій, особенно потому, что деньги поступали прямо къ Господарю, который никому не давалъ отчета въ употребленіи ихъ. Кромѣ того поселяне были подчинены многимъ повинностямъ натурою, и сверхъ того поставляли лошадей, какъ для почтовыхъ станцій, такъ и для конюшенъ Господаря, и наконецъ были вынуждены давать еще каждому послѣднему чиновнику все чего бы онъ ни потребовалъ.

Положеніе податныхъ сословій становилось еще тягостнѣе отъ исключительныхъ привилегій, какими пользовались нѣкоторые классы жителей и разныя вліятельныя боярскія фамиліи. Эти несправедливыя исключенія были очень многочисленны; постараемся сообщить объ нихъ нѣкоторое понятіе читателямъ.

При правленіи Греческихъ князей достаточно было, на примѣръ, чтобы членъ какаго либо семейства былъ причисленъ, какъ бы то ни было, къ исправленію какой нибудь службы, и тогда все его семейство освобождалось отъ платежа податей. Такимъ образомъ въ каж-

домъ округѣ находилось множество лицъ, уволенныхъ отъ платежа податей. Вообще никакихъ податей не платили люди, находившіеся по какому бы то нибыло поводу при слѣдующихъ лицахъ, или мѣстахъ:

При исправникѣ округа;
При вестіаріѣ;
При капитанствахъ;
При гетманствѣ;
При полиціи;
При соловарняхъ;
При почтахъ;
При охраненіи границъ;
При поставкѣ въ казну лѣса;
Угольники;
Почтальоны.

Въ Ясскомъ округѣ и въ самыхъ Яссахъ, при городскомъ управленіи было еще болѣе такихъ привилегированныхъ лицъ, освобожденныхъ отъ платежа повинностей. Кромѣ исчисленныхъ выше классовъ, исключенія простирались, въ Яссахъ, еще на слѣдующихъ людей:

Служащихъ при канцеляріяхъ;
— при Диванѣ;
Стражу по берегамъ Прута;
Пожарныхъ;
Водовозовъ;
Смотрителей за водоемами;
Курьеровъ;
Людей, употребляемыхъ для содержанія чистоты въ городѣ;
Конюховъ при Господарскомъ дворѣ.
Поденьщиковъ;
Служащихъ при таможняхъ;
Столяровъ;
Каменьщиковъ.

Въ слѣдствіе такого неблагоразумнаго и несправедливаго увольненія отъ повинностей, дарованнаго за незначительныя услуги, большинство рабочаго народа было безчеловѣчнымъ образомъ угнетено. Въ шестнадцати округахъ, на которые раздѣляется Молдавія, находилось 7,985 семействъ, уволенныхъ такимъ образомъ отъ податей. А полагая, среднимъ числомъ, каждую семью въ 5 человѣкъ, выходило, что 39,925 лицъ пользовались

несправедливыми привилегіями, въ ущербъ земледѣльцамъ. Но это еще не все:

Независимо отъ столь огромнаго числа лицъ, изъятыхъ отъ платежа податей, по существовавшему тогда обычаю, каждый бояринъ имѣлъ право освобождать отъ всякой подати извѣстное число людей, соразмѣрное съ важностью мѣста, какое онъ занималъ въ обществѣ. Такіе привилегированные люди назывались *сокотельниками* и были распредѣлены слѣдующимъ образомъ:

Санъ разныхъ бояръ.	Число лицъ, какое, смотря по сану своему, бояринъ могъ освободить отъ платежа повинностей.	Санъ разныхъ бояръ	Число лицъ, какое, смотря по сану своему, бояринъ могъ освободить отъ платежа повинностей.
Великіе Логофеты . . .		Сердари.	14
Ворники.		Стольники.	12
Гетманы, ...	80	Медельницеры.	9
Вестіары. , ...		Клутегеры.	8
Постельники, ...		Сульдіеры.	6
Аги.		Пилары.	5
Спатары.	40	Чатрарсы.	3
Баны.	25	Гикницеры.	4
Комиссы.	22	Второстепенные спатары.	8
Каминары.	20		
Пагарники.	16	Третьестепенные вестіары.	8

Замѣчаніе. Сокотельниковъ имѣли также: Митрополитъ, Архіереи и нѣкоторыя другія значительныя лица.

Такимъ образомъ, обремененные податями и повинностями, отвсюду притѣсненные; разоряемые и Турками, и собственнымъ правительствомъ и жестокосердою взыскательностью землевладѣльцевъ; подверженные безпрестанно заразѣ отъ чумы, Молдаванскіе крестьяне были лишены даже надежды, послѣдней

утѣшительницы несчастныхъ. Собственность ихъ не была нисколько ограждена и безпрестанныя, нескончаемыя тяжбы, поддерживали между всѣми почти жителями постоянную взаимную вражду. Никакое полезное предпріятіе не было возможно, по причинѣ непрочности правительства, и неизвѣстности будущаго. Просвѣщенія не было никакого, всѣ жители коснѣли въ грубомъ невѣжествѣ, промышленость была уничтожена, торговля подавлена. И такимъ образомъ бѣдная Молдавія, погрязая съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе въ рабствѣ и нищетѣ, оставалась постоянно въ положеніи бѣдственномъ, между тѣмъ какъ всѣ сосѣдственныя съ нею земли быстрыми шагами шли впередъ, по пути улучшеній общественнаго быта.

Но Адріанопольскій трактатъ положилъ конецъ всѣмъ этимъ страданіямъ. Условія, выговоренныя въ этомъ трактатѣ и для Молдавіи, также какъ для Валахіи, необходимо должны имѣть чрезвычайно важное вліяніе на участь княжествъ; эти условія заключаются въ слѣдующемъ:

Господари выбираются самими Молдаванскими боярами изъ природныхъ Молдаванъ и на всю жизнь; Турки вынуждены были очистить всѣ крѣпости, которыя занимали по лѣвому берегу Дуная; земли включавшіяся прежде въ округъ, присвоенный этимъ крѣпостямъ, возвращены ихъ законнымъ владѣльцамъ; Турецкая полицейская стража уничтожена; отмѣнены поставки по цѣнамъ, произвольно назначаемымъ Портою; опредѣлено, чтобы ни одинъ магометанинъ не смѣлъ жить на Молдаванской землѣ; учреждены карантины по Дунаю; устроена вооруженная милиція изъ Молдаванъ; наконецъ составлено уложеніе, основанное на правилахъ независимаго внутренняго управленія.

Это уложеніе было обсуждено и принято въ общемъ собраніи бояръ; въ немъ содержатся для жителей всѣ возможныя, согласныя съ общественнымъ порядкомъ льготы и ручательства; и наконецъ графъ Киселевъ, во время своего благотворнаго управленія, научилъ Молдаванъ практическому пользованію уложеніемъ, такъ что теперь, слѣдуя его мудрымъ указаніямъ, правительство княжества продолжаетъ правильно дѣйствовать на предназначенномъ ему поприщѣ.

Представляемъ въ немногихъ словахъ механизмъ и дѣйствія этого новаго правительства.

Правительственная форма, дарованная трактатами княжествамъ, заключается вообще въ слѣдующемъ:

Административная и судебная власть отдѣлены другъ отъ друга. Первая ввѣрена совѣту, состоящему изъ логофета, или министра внутреннихъ дѣлъ, вестіара, то есть министра финансовъ, и постельника, или статсъ-секретаря, на котораго возложены сношенія съ иностранными державами.

Управленіе судебною частью составляетъ удѣлъ логофета, завѣдывающаго министерствомъ юстиціи.

Гетманъ есть начальникъ милиціи и войскъ вообще,

Въ завѣдываніи логофета, или министра внутреннихъ дѣлъ, находится все, относящееся собственно ко внутреннему управленію, какъ-то: полиція, городскія начальства, попеченіе о народномъ продовольствіи, надзоръ за карантинами, содержаніе въ исправности дорогъ и вообще путей сообщенія, и спорныя дѣла, входящія въ составъ предметовъ, къ его вѣдомству принадлежащихъ.

Вестіаръ, или министръ финансовъ, завѣдываетъ взиманіемъ податей, отчетностью по финансамъ, государственными оброчными и откупными статьями, и развитіемъ промышлености и торговли вообще, сколько это зависитъ отъ его департамента и не касается до сношеній съ иностранными государствами.

Постельникъ сносится съ консулами; онъ завѣдыетъ всѣмъ, имѣющимъ отношеніе къ интересамъ иностранныхъ подданныхъ, проживающихъ въ княжествѣ; на него же возложено составленіе всѣхъ бумагъ, исходящихъ отъ Господаря и Государственнаго Совѣта.

Совѣтъ собирается въ опредѣленные дни для занятія государственными дѣлами.

Логофетъ, или министръ юстиціи, надзираетъ за судебною частью во всѣхъ ея отрасляхъ. Черезъ него Господарь сносится съ присутственными мѣстами, и обратно, присутственныя мѣста, черезъ него же входятъ съ представленіями или донесеніями къ Господарю. Если окажутся какіе нибудь недостатки въ формахъ судопроизводства, то логофетъ юстиціи представляетъ Господарю свои, на этотъ счетъ, замѣчанія и предположенія. Равнымъ образомъ онъ же подноситъ на утвержденіе Господаря тѣ приговоры и судебныя рѣшенія, которые не могутъ быть окончательно приведены въ исполненіе безъ подписи правителя княжества.

Въ слѣдствіе этихъ основныхъ учрежденій, потребовалось множество второстепенныхъ, но тѣмъ не менѣе весьма важныхъ, изъ которыхъ представляемъ здѣсь главныя.

Число округовъ, прежде простиравшееся до шестнадцати, уменьшено; составлено только тринадцать округовъ и распредѣлены они гораздо удобнѣе. Каждый округъ управляется *исправникомъ*, къ которому члены совѣта посылаютъ предписанія, каждый по сво-

ей части. Во всѣхъ округахъ есть присутственныя мѣста, составляющія первую инстанцію, а также сборщикъ податей, пекущійся о выгодахъ казны.

Каждый округъ раздѣляется на нѣсколько участковъ, большею частью на пять или на шесть; во всѣхъ участкахъ есть особые второстепенные чиновники, управляющіе ими подъ именемъ смотрителей.

Внутренняя полиція состоитъ изъ корпуса жандармовъ, учрежденнаго по введеніи новаго уложенія, подъ названіемъ *стугиторовъ*. Число этихъ жандармовъ простирается до 1200 человѣкъ. Изъ нихъ 266 употребляются отчасти для соблюденія порядка въ городѣ Яссахъ, отчасти для службы при разныхъ министерствахъ, а 934 распредѣлены по округамъ и состоятъ подъ начальствомъ исправниковъ и смотрителей. Содержаніе этимъ людямъ идетъ преимущественно отъ общинъ.

Полиція въ городѣ Яссахъ устроена нѣсколько правильнѣе. Городъ раздѣленъ на четыре части, изъ которыхъ каждая состоитъ подъ управленіемъ особаго коммиссара, имѣющаго подъ своимъ начальствомъ трехъ второстепенныхъ полицейскихъ чиновниковъ. На суммы, почерпаемыя изъ городскихъ доходовъ, составлена команда пожарныхъ во сто человѣкъ, которые уже не разъ отличались при пожарахъ примѣрнымъ мужествомъ и повиновеніемъ.

Съ тѣхъ поръ какъ заведены *стугиторы*, или жандармы, прекратились вооруженные грабежи, прежде весьма обыкновенные, о которыхъ мы еще не имѣли случая говорить. Большею частью разбоемъ занимались иноземные выходцы, какъ то Албанцы, Сербы, Трансильванцы. Простолюдины изъ Молдаванъ рѣдко разбойничаютъ, а большею частью только воруютъ скотъ и разныя вещи изъ домовъ. Впрочемъ

слѣдующая статистическая таблица, представляющая исчисленіе злодѣяній и преступленій, совершенныхъ въ Молдавіи въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, свидѣтельствуетъ, что Молдаванскій народъ совсѣмъ не такъ безнравственъ, какъ бы можно было полагать, судя по тому несчастному состоянію, въ какомъ онъ находился подъ Турецкимъ игомъ.

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ТАБЛИЦА ПРЕСТУПЛЕНІЙ И ЗЛОДѢЯНІЙ.

Годы	1832.	1833.	1834.	1835.	1836.	1837.	1838.
Оставшихся осужденныхъ отъ предыдущаго года. .	75	60	168	182	84	»	48
Преступниковъ, арестованныхъ въ теченіе года.	324	505	507	455	286	186	232
Осужденныхъ на смертную казнь.	»	»	1	10	5	»	»
Приговоренныхъ къ работамъ на соловарняхъ. .	124	112	133	56	19	»	18
Къ публичнымъ работамъ.	76	93	104	70	»	»	57
Къ изгнанію изъ княжества. . . . . ,	»	23	62	27	»	»	7
Къ заключенію въ монастыряхъ.	4	5	9	7	«	»	6
Къ простому тюремному содержанію.	»	»	»	6	»	»	»
Выпущенныхъ на поруки.	193	164	180	227	»	»	»
Оправданныхъ.	»	»	»	108	»	»	106
Умершихъ въ заключеніи.	»	»	4	42	»	»	8.

Въ главномъ городѣ каждаго округа, находится теперь зданіе для содержанія арестантовъ; но для центральной тюрьмы назначенъ въ Яссахъ особый, очень большой домъ, въ которомъ помѣщается и присутствіе уголовнаго суда. Во времена самыя обильныя

грабежами и разбоями, число арестантовъ никогда не превышало 200, но также ихъ ни когда не было менѣе 100. Благодаря новому правительству, эта цифра много понизилась, такъ что теперь число содержимыхъ подъ карауломъ обыкновенно простирается только отъ 30 до 60.

Всѣхъ тюремъ, въ цѣлой Молдавіи, семнадцать; въ томъ числѣ двѣ временныя для подозрѣваемыхъ въ какомъ либо преступленіи, находящіяся въ Яссахъ, и одна, устроенная при соловарняхъ.

Къ лучшимъ учрежденіямъ нынѣшняго правительства, безспорно принадлежатъ городскія управленія. Сначала они были устроены только въ шести главныхъ городахъ; но вскорѣ и прочіе города сами стали просить, чтобы и имъ было оказано тоже благодѣяніе. Впрочемъ, управленіе это покамѣстъ введено только въ слѣдующихъ городахъ: въ Яссахъ, Галацѣ, Фокшанахъ, Бирлату, Боточани, Бакеу и Тургу-Фурмосѣ. На прочіе города и мѣстечки оно будетъ постепенно распространяемо въ послѣдствіи. Члены муниципальныхъ совѣтовъ выбираются ежегодно главными жителями каждаго города. Доходы общинъ состоятъ преимущественно въ податяхъ со ввозимыхъ въ города крѣпкихъ напитковъ и въ налогахъ на табакъ. Эти доходы, которыхъ сравнительное исчисленіе ниже мы представляемъ, очень много способствовали прогрессивному движенію и разнымъ улучшеніямъ, необходимымъ для городовъ. Освѣщеніе улицъ по ночамъ, предохранительныя средства отъ пожаровъ, устройство мостовыхъ и дорогъ въ окрестностяхъ, построеніе каменныхъ мостовъ, — вотъ улучшенія, которыми, безъ общественныхъ доходовъ, города Молдаванскіе никогда бы не могли пользоваться, а теперь все это они имѣютъ.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИСЧИСЛЕНІЕ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ ВЪ НѢКОТОРЫХЪ ГОРОДАХЪ.

	Годъ 1833		Годъ 1834		Годъ 1835		Годъ 1836.		Годъ 1837.	
	Доходы.	Расходы.	Доходы.	Расходы.	Доходы.	Расходы.	Доходы.	Расходы.	Доходы.	Расходы.
	Піастры.	Піастры	Піастры.	Піастры.	Піастры.	Піастры	Піастры.	Піастры.	Піастры.	Піастры.
Боточани	53, 351	48, 447	56, 622	39, 219	65, 131	46, 525	80, 319	42, 316	120, 015	47, 452
Романо.	28, 172	12, 689	31, 554	20, 587	28, 428	28, 424	17, 463	18, 827	26, 406	23, 384
Фокшаны.	37, 147	38, 521	44, 967	48, 186	55, 624	45, 999	54, 224	36, 595	68, 927	32, 739
Галацъ.	54, 535	59, 570	94, 861	51, 679	73, 906	48, 402	90, 526	53, 061	113, 037	59, 686
Бирлату.	23, 333	13, 733	30, 814	22, 065	33, 501	25, 604	27, 957	14, 943	31, 959	21, 174
Яссы	202, 914	241, 148	206, 364	235, 208	306, 925	374, 769	353, 219	284, 558	456, 024	424, 423

Напоминаемъ читателямъ, что піастръ, монетная единица въ Молдавіи, равняется и въ этомъ княжествѣ, также какъ въ Валахіи, среднимъ числомъ 0, франку, 36,74 сантимовъ на Французскія деньги. Въ предыдущей главѣ представленъ расчетъ, на которомъ мы основываемъ эту цѣнность піастра.

До сихъ поръ Молдавія страна чисто земледѣльческая, а потому общественное благосостояніе ея преимущественно зависитъ отъ обилія и хорошаго качества хлѣбныхъ ея произведеній. Неурожай, бывшій въ 1831-мъ и 1835 годахъ, и слѣдовавшій за тѣмъ голодъ, доказавъ необходимость болѣе внимательнаго надзора за общественными запасами, обратилъ вниманіе правительства на земледѣльческія произведенія. Такимъ образомъ несчастіе это послужило въ пользу; оно чрезвычайно много содѣйствовало развитію хлѣбнаго производства. Слѣдствіемъ принятыхъ мѣръ было то, что обиліе снова водворилось и цѣны на хлѣбъ и вообще на съѣстные припасы весьма много понизились. Но устройство запасныхъ магазиновъ, которые теперь въ Молдавіи заведены во всѣхъ общинахъ, болѣе всего послужитъ къ предохраненію ея отъ чрезмѣрной дороговизны, до какой достигалъ хлѣбъ въ неурожайные годы. Въ каждой общинѣ устроенъ запасный магазинъ; всѣ поселяне обязаны представлять въ этотъ магазинъ, немедленно по окончаніи жатвы, пять четвериковъ кукурузы и не касаться до запаса прежде истеченія трехъ лѣтъ. По прошествіи этого срока крестьянинъ можетъ взять обратно такое количество кукурузы, которое равняется годичному его вносу, и такъ продолжается ежегодно. Такимъ образомъ въ магазинахъ всегда хранится запасъ на три года. При помощи этой благоразумной предосторожности, жители обезпечены отъ неурожая и чрезмѣрной дороговизны хлѣба.

Для того, чтобы показать благодѣтельное вліяніе подобныхъ мѣръ теперешняго правительства, представляемъ ниже сравнительную таблицу посѣвовъ, происходившихъ въ Молдаванскомъ княжествѣ въ двѣ разныя эпохи. Къ этому присоединяемъ нѣкоторыя

свѣдѣнія о количествѣ ежегоднаго сбора хлѣба въ этомъ княжествѣ.

ПОСѢЯННЫЕ ХЛѢБА.

	Въ 1832.	Въ 1833.	ЗАМѢЧАНІЕ.
	гектол.	гектол.	Въ свѣдѣніяхъ, собранныхъ нами въ Молдавіи, количество посѣянныхъ хлѣбовъ показано въ туземной мѣрѣ, называемой *кило*, которую мы перевели на Французскія десятичныя мѣры, принимая, что Молдаванское кило равняется $2\frac{1}{2}$ Русскимъ четвертямъ или $5\frac{1}{4}$ гектолитрамъ.
Пшеница и рожь.	137,634	343,156	
Ячмень и овесъ. .	90,368	145,346	
Кукуруза.	120,299	155,794	
Просо.	3,869	5,885	
Сарачинское пшено	4,956	19,472	
Картофель. . . .	31,762	66,665	

Принимая въ соображеніе среднюю производительность разной почвы, существующей въ Молдавіи, можно полагать, что въ означенные два года собрано слѣдующее количество хлѣбовъ:

СОБРАННЫЕ ХЛѢБА.

	Въ 1832.	Въ 1833.	
	гектол.	гектол.	Принято, что средній урожай бываетъ слѣдующій:
Пшеница и рожь	1,238,706	3,088,404	Пшеница и рожь. . . самъ 9
Ячмень и овесъ. .	903,680	1,453,460	Ячмень и овесъ. . . . — 10
Кукуруза.	4,811,960	6,231,760	Кукуруза. . . . . . — 40
Просо.	154,760	235,400	Просо. . . . . . . — 40
Сарачинское пшено	173,460	681,520	Сарачинское пшено. . — 35
Картофель. . . .	317,620	666,650	Картофель. . . . . — 100

Учрежденіе карантина на Дунаѣ, принадлежитъ также къ величайшимъ благодѣяніямъ, которыми Молдавія обязана новому правительству своему. Этотъ карантинъ уже неоднократно препятствовалъ чумѣ проникнуть въ княжество. Онъ устроенъ въ Галацѣ; стражу въ немъ содержитъ милиція. Карантинъ этотъ находится подъ управленіемъ комитета, пекущагося о сохраненіи общественнаго здравія. Комитетъ состоитъ изъ главнаго инспектора лазаретовъ въ обоихъ княжествахъ, министра внутреннихъ дѣлъ, гетмана и старшаго медика.

Государственный медицинскій департаментъ, находящійся въ завѣдываніи комитета, пекущагося о сохраненіи народнаго здравія, состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: изъ главнаго медика, изъ четырехъ другихъ медиковъ, служащихъ въ четырехъ частяхъ города Яссъ, медика, управляющаго гошпиталемъ Святаго Спиридонія и нѣсколькихъ другихъ второстепенныхъ лѣкарей. Кромѣ того есть еще лѣкаря, служащіе въ разныхъ уѣздныхъ городахъ, завѣдывая вмѣстѣ и округомъ, такъ, что во всемъ княжествѣ нѣтъ мѣста, гдѣ бы нельзя было имѣть медицинскаго пособія.

Проведеніе новыхъ и починка существующихъ дорогъ лежитъ на отвѣтственности общинъ, съ которыхъ, для этой цѣли, собирается особенная сумма, простирающаяся, въ совокупности, до 75,000 піастровъ. Нечего говорить, что сумма эта весьма недостаточная, тѣмъ болѣе, что по свойству Молдаванской почвы, устройство хорошихъ дорогъ въ Молдавіи необходимо будетъ стоить очень дорого. На собираемую сумму можно только починивать дороги по близости городовъ и селъ; но и это, въ дождливое время, будетъ лишь напрасная издержка и трудъ безполезный.

На устройство мостовой въ городѣ Яссахъ отпускается ежегодно 125,000 піастровъ. Но суммы этой недостаточно для выкладки повсемѣстно новой мостовой, а потому владѣльцы домовъ обязались содержать, каждый противъ своего дома, мостовую въ исправности въ продолженіе семи лѣтъ. Деньги на этотъ предметъ взимаются съ нихъ соразмѣрно съ пространствомъ, какое каждый домъ занимаетъ вдоль по улицѣ.

Прежде введенія правительства, нынѣ существующаго, даровавшаго княжествамъ новую жизнь, главнѣйшія общеполезныя заведенія, вовсе не имѣли, при тогдашнихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ, достаточныхъ и постоянныхъ пособій, а потому находились въ самомъ жалкомъ состояніи и даже не приносили никакой пользы. Но въ уложеніи княжествъ назначены для такихъ заведеній постоянные капиталы, которые называются благотворительными кассами. Такихъ кассъ четыре и каждая находится подъ управленіемъ трехъ или четырехъ бояръ, назначаемыхъ Господаремъ и называющихся попечителями.

Общее собраніе попечителей, подъ предсѣдательствомъ Митрополита, называется совѣтомъ благотворительныхъ кассъ.

Первая благотворительная касса есть училищная. Она имѣетъ четырехъ попечителей; доходы ея простираются до 400,000 піастровъ въ годъ. Эти доходы употребляются на издержки по общественному преподаванію. Вотъ таблица, показывающая количество учащихся, какое до сихъ поръ было въ Молдавіи:

въ школахъ.		въ 1832	въ 1834	въ 1838.
Въ округахъ	Ясскомъ. . .	225	515	482
— —	Фокшанскомъ.	33	68	93
— —	Бирлатскомъ. .	60	100	66
— —	Галацкомъ. . .	44	61	85
— —	Гучскомъ. . . .	45	58	80
— —	Романскомъ. .	32	121	37
— —	Боточанскомъ.	67	62	103
		506	985	936

въ самыхъ яссахъ:	въ 1832	въ 1834	въ 1838.
Казенныхъ воспитанниковъ	25	50	64
Пенсіонеровъ.	»	24	50
Въ дѣвичьемъ институтѣ. . .	»	70	72
Въ городской школѣ.	»	»	66
Всѣхъ учащихся. . . .	531	1,129	1,188

Вторая благотворительная касса принадлежитъ гошпиталю, устроенному въ монастырѣ Святаго Спиридонія. Это заведеніе имѣетъ особенный доходъ и управляется тремя попечителями; въ немъ помѣщается до 200 больныхъ.

Касса подаяній состоитъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Митрополита; доходы ея простираются до 72,000 піастровъ.

Наконецъ, назначеніе четвертой кассы, или кассы водъ, заключается въ томъ, чтобы содержать въ исправности водопроводы и фонтаны. Покамѣстъ она еще не имѣетъ попечителей, потому что поправки су-

ществующихъ водоемовъ производится посредствомъ подряда; доходъ кассы состоитъ изъ 50,000 піастровъ, которые всѣ и выдаются подрядчикамъ.

Общее собраніе попечителей составляетъ, какъ уже сказано выше, центральный комитетъ, занимающійся повѣркою доходовъ и расходовъ каждой кассы, совѣщаніями о мѣрахъ, какія слѣдуетъ принимать къ улучшенію состоянія кассъ и къ болѣе бережливому употребленію суммъ, въ нихъ сохраняемыхъ. Онъ же надзираетъ за тѣмъ, чтобы соблюдались правила, которыми должны руководствоваться лица, завѣдывающія этими кассами. Министръ внутреннихъ дѣлъ доноситъ обо всемъ, касающемся до кассъ, какъ Господарю, такъ и Дивану.

По введеніи новаго уложенія, совершенно измѣнились, не только способъ взиманія, но и самое свойство податей. Всѣ прежнія повинности, подати натурою и проч. уничтожены и замѣнены однообразнымъ налогомъ въ тридцать піастровъ съ каждаго семейства и податью съ торговыхъ свидѣтельствъ, которая простирается отъ шестидесяти до двухъ сотъ сорока піастровъ. Для бо́льшей правильности въ разкладкѣ этого налога, уложеніе предписываетъ производить, черезъ каждыя семь лѣтъ, общую перепись всѣхъ податныхъ семействъ, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе семилѣтняго срока, протекающаго между каждою переписью, каждая община уже вносила бездоимочно всю сумму, какая, до новой переписи, съ нея будетъ слѣдовать, хотя бы число жителей въ ней между тѣмъ уменьшилось или увеличилось.

Первая подобная перепись происходила въ 1831-мъ году, а вторая въ 1837-мъ. Сумма, налагаемая на каждую общину, будучи опредѣлена согласно съ ко-

личествомъ семействъ, къ общинѣ принадлежащихъ, остается неизмѣнною; а потому община уже сама облагаетъ каждаго жителя, соображаясь, въ этомъ распредѣленіи, съ количествомъ скота, имѣющагося у каждаго поселянина.

Сверхъ того въ каждой общинѣ есть особенная, такъ называемая, общинная касса, въ которую каждое семейство вноситъ ежегодно три піастра, или десятую долю государственной повинности. Съ помощью этихъ денегъ община покрываетъ издержки, необходимыя при сборѣ податей, а также пополняетъ недоборы, причиняемые смертью кого либо изъ жителей, включенныхъ въ перепись, и за котораго, до новой переписи, все еще надобно платить въ казну.

Далѣе мы представляемъ специальную таблицу государственныхъ доходовъ и расходовъ Молдавіи. Отчетная часть устроена слѣдующимъ образомъ: въ концѣ каждаго мѣсяца, вестіаръ, или министръ финансовъ, представляетъ Государственному Совѣту общій отчетъ о доходахъ и расходахъ. Этотъ отчетъ препровождается въ контроль, который, разсмотрѣвъ его, представляетъ обратно Совѣту съ своими замѣчаніями, если въ нихъ есть надобность. Потомъ все дѣло поступаетъ на разсмотрѣніе Дивана, гдѣ уже подвергается окончательному обсужденію.

Въ Молдавіи есть особенные законы, которыми опредѣляются взаимныя права и обязанности землевладѣльцевъ и пахарей. Цѣль этихъ законовъ состоитъ, во первыхъ, въ томъ, чтобы установить прочныя отношенія между землевладѣльцами и крестьянами, основанныя на справедливости, и наконецъ доставить крестьянину право, котораго прежде онъ не имѣлъ,

переходить отъ одного землевладѣльца къ другому, и поселяться во всякомъ мѣстѣ, въ какомъ онъ пожелаетъ, смотря по тому гдѣ найдетъ для себя лучше и выгоднѣе. Въ этихъ законахъ, и кромѣ того, есть еще много постановленій самыхъ благопріятныхъ для крестьянъ. Такъ, на примѣръ, крестьянинъ имѣетъ право занять для себя слѣдующія пространства земли: подъ домъ и огородъ 10 *прагинъ*, или 360 квадратныхъ саженъ, подъ собственную пашню полтора *фалтоша* или 4,320 квадратныхъ саженъ, подъ сѣнокосъ 40 прагинъ, или 1,440 квадратныхъ саженъ, подъ выгонъ 20 прагинъ, или 720 квадратныхъ саженъ. Сверхъ того крестьянинъ имѣетъ право, и кромѣ этихъ участковъ земли, за каждую пару своихъ собственныхъ воловъ, употребляемыхъ въ работу, пользоваться 60 прагинами, или 2,160 квадратными саженями земли для сѣнокоса и подъ выгонъ (*). Въ вознагражденіе за пользованіе этою землею, крестьянинъ обязанъ работать на землевладѣльца извѣстное число дней въ году и давать ему опредѣленное число подводъ. Столь полезныхъ для поселянина законовъ нѣтъ во многихъ земляхъ, которыя считаются несравненно просвѣщеннѣе Молдавіи. Впрочемъ, при практическомъ приложеніи означенныхъ законовъ, не обходится безъ того, чтобы нѣкоторые землевладѣльцы не выговаривали себѣ у крестьянъ нѣкоторыхъ особенныхъ условій, которыя представляются на утвержденіе мѣстныхъ начальствъ и соблюдаются наравнѣ съ законными постановленіями.

(*) Молдаванская сажень равняется почти двумъ метрамъ, слѣдственно крестьянинъ, имѣющій двухъ воловъ, получаетъ для своего употребленія около $4\frac{1}{2}$ гектаровъ земли.

Прежде чѣмъ станемъ говорить о милиціи и о судебной части, необходимо сообщить нѣкоторыя свѣденія о генеральномъ собраніи, или Диванѣ.

Генеральное собраніе состоитъ:

Изъ Митрополита, предсѣдательствующаго въ немъ;

Изъ двухъ Архіереевъ, управляющихъ Епархіями Романскою и Гучскою.

Изъ шестнадцати бояръ разныхъ степеней, начиная отъ *логофета* до *бана* включительно. Требуется, чтобы сановники эти были рождены въ самой Молдавіи, имѣли отъ роду не менѣе тридцати лѣтъ и постоянно жили въ Яссахъ. Тѣ же условія постановлены и для избирателей столичныхъ.

Сверхъ того въ генеральномъ собраніи засѣдаютъ тринадцать депутатовъ изъ округовъ. Депутаты эти выбираются изъ землевладѣльцевъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, имѣющихъ также не менѣе тридцати лѣтъ. Но избирателями въ округахъ могутъ быть и лица, имѣющія двадцать пять лѣтъ отъ роду.

Митрополитъ и два Архіерея засѣдаютъ въ собраніи по праву, присвоенному ихъ мѣсту; они члены безсмѣнные; но шестнадцать Ясскихъ бояръ назначаются столичными избирателями, а тринадцать депутатовъ изъ округовъ—окружными или уѣздными избирателями. Составленное такимъ образомъ собраніе, существуетъ пять лѣтъ, по прошествіи которыхъ производятся новые выборы. Засѣданія открываются каждый годъ перваго декабря и должны, по закону, продолжаться только два мѣсяца, но обыкновенно закрываются гораздо позже. Въ этихъ засѣданіяхъ утверждаются публичные торги на разныя оброчныя статьи, и обсуждаются мѣры общія, не входящія въ кругъ обыкновеннаго дѣйствія министровъ. Какъ объ открытіи, такъ и о заключеніи засѣданій Господарь извѣщаетъ посланіемъ.

Правильная милиція устроена также послѣ того времени какъ введено новое уложеніе. Милиція составляется изъ рекрутовъ и вольно-опредѣляющихся. Ею начальствуетъ Гетманъ, вспомоществуемый генеральнымъ штабомъ. Она состоитъ изъ одного полка, въ которомъ половина кавалеріи, половина пѣхоты. На содержаніе милиціи ежегодно выходитъ 650,000 піастровъ, да сверхъ того на содержаніе главнаго штаба, состоящаго при Господарѣ, употребляется 80,000 піастровъ. Часть милиціи стоитъ гарнизономъ въ Яссахъ; но самое большое число рядовыхъ распредѣлено въ карантинномъ кордонѣ по Дунаю и на главныхъ пограничныхъ точкахъ княжества. Сверхъ того особенный отрядъ содержитъ караулы при копяхъ каменной соли, въ которыхъ работаютъ преступники.

Судебная часть устроена совершенно вновь. Въ каждомъ главномъ городѣ округа или уѣзда учреждены суды первой инстанціи; въ Яссахъ существуютъ два апеляціонныхъ суда, а въ Галацѣ коммерческій судъ; наконецъ, верховное судилище составляетъ Господарскій Диванъ. Окружные или уѣздные суды завѣдываютъ всѣми гражданскими, коммерческими и уголовными дѣлами; но они не могутъ судить спорныхъ дѣлъ, на сумму выше 1,500 піастровъ. Апеляціонные суды и коммерческій судъ не могутъ рѣшать дѣлъ, простирающихся выше нежели на сумму въ 20,000 піастровъ. На рѣшенія Господарскаго Дивана апеляціи нѣтъ. Всѣ эти рѣшенія подписываются самимъ Господаремъ, или какимъ нибудь лицемъ, которому онъ дастъ на это порученіе.

Сверхъ того въ уложеніи предписаны и формы судопроизводства, о которыхъ прежде въ Молдавіи не имѣли ни малѣйшаго понятія. Такимъ образомъ успѣли установить нѣкоторый порядокъ въ безчисленныхъ здѣшнихъ тяжбахъ, которымъ, при прежнемъ безпечномъ правительствѣ, вѣроятно, никогда не было бы конца.

Таковы главныя преобразованія, совершенныя въ 1832-мъ году. Читатели могутъ видѣть, что преобразованія эти объемлютъ всѣ отношенія, могущія существовать между правительствомъ и народомъ, и можно сказать рѣшительно, что послѣ введенія ихъ, для Молдавіи настала новая эра благосостоянія.

Временное Русское правительство было смѣнено Молдаванскимъ уже въ 1834-мъ году. Двухъ лѣтъ было достаточно графу Киселеву, чтобы убѣдить жителей въ благотворныхъ слѣдствіяхъ реформы, имъ произведенной. Въ два года онъ успѣлъ прочно утвердить правила порядка и законности, которыми замѣнилъ прежнее самоуправство. За то этотъ мудрый сановникъ насладился удовольствіемъ видѣть, что благосостояніе княжествъ еще при немъ было уже твердо упрочено, и уѣзжая, оставилъ на память по себѣ жителямъ, провожавшимъ его съ благословеніями, прекрасно устроенныя финансы, общественныя кассы и муниципальныя учрежденія, находившіяся въ цвѣтущемъ состояніи, Милиція, не смотря на то, что она устроена не болѣе какъ три года назадъ, отличается такою дисциплиною и выправкою, что ее легко принять за старую, издавна привыкшую къ службѣ. Карантинъ, содержимый и охраняемый съ усердіемъ и честностью, можетъ поравняться съ самыми старинными заведеніями этого рода. Торговля, освобожденная отъ стѣсненій, начала сильно развиваться, и многіе капиталы, употребленные на разныя полезныя предпріятія, ощутительнымъ образомъ способствуютъ развитію общественнаго богатства. Разумѣется, что многочисленныя стихіи благосостоянія, которыми новый образъ правительства надѣлилъ Молдавію, принесли свой плодъ не вдругъ; но иначе и быть не могло: слѣдствія новыхъ учрежденій развиваются не иначе какъ въ теченіе времени.

Графъ Киселевъ посѣялъ сѣмена порядка и благоденствія, а преемнику его досталось пожинать плоды его трудовъ, и онъ собираетъ ихъ въ количествѣ безпрерывно возрастающемъ, по мѣрѣ развитія средствъ страны, возрожденной къ новой жизни. И дѣйствительно, въ отчетахъ, представляемыхъ правительствомъ генеральному собранію, оказывается, что государство, съ каждымъ годомъ процвѣтаетъ болѣе и болѣе.

Кромѣ земледѣлія, котораго произведеній, не смотря на значительный ихъ отпускъ, съ излишкомъ достаточно для внутренняго потребленія, начинаютъ возникать и другаго рода отрасли промышлености, которыя доставятъ новую пищу внутренней торговлѣ, угрожаемой до сихъ поръ застоемъ.

Особенно въ 1837-мъ году обнаружилась чрезвычайная дѣятельность: въ этомъ году не только было воздѣлано гораздо болѣе земель, но умножено и улучшено скотоводство, заведены мериносы, и наконецъ основаны нѣкоторыя мануфактурныя заведенія, какъ-то: писчебумажныя фабрики, фаянсовые заводы, и проч.

Нижеслѣдующая таблица отпуска и привоза, хотя

весьма не полная, свидѣтельствуетъ однакожь объ успѣхахъ Молдавіи въ этомъ отношеніи:

	Отпускъ.	Привозъ.
Въ 1832	11,862,430 піастр.	13,612,947 піастр.
1833	12,262,356	18,307,732
1834	12,386,104	14,515,117
1835	13,271,497	11,812,518
1836	18,953,712	14,217,393
1837	17,353,611	10,878,021

Постепенное возрастаніе таможенныхъ доходовъ, доставляемыхъ пошлинами съ отпускаемаго за границу скота и хлѣба, имѣетъ естественную связь съ успѣхами торговли. Округи, сосѣдственные съ Галацомъ, преимущественно отпускаютъ хлѣбъ разнаго рода, сало, кожи, воскъ и вино; округи прилегающіе къ Австрійской имперіи, предпочтительно торгуютъ скотомъ, и сверхъ того имѣютъ много водочныхъ заводовъ, доставляющихъ много барды, которая служитъ для откармленія скота, отпускаемаго за границу. Можно съ увѣренностью утверждать, что изъ Молдавіи ежегодно отпускается до пятидесяти тысячъ головъ крупнаго рогатаго скота. Словомъ, почва здѣсь столь плодородная, что можно, купивъ землю, получать съ употребленнаго на покупку капитала, чистыхъ 7 или 8 процентовъ, за вычетомъ всѣхъ издержекъ, необходимыхъ на воздѣланіе пашень и на другія работы.

Лучшимъ заключеніемъ ко всему сказанному, можетъ служить нижеслѣдующая сравнительная таблица доходовъ и расходовъ княжества въ двѣ разныя эпохи, и наконецъ таблица народописчисленія, совершеннаго по предписанію закона, въ семилѣтній срокъ.

Сравнительная таблица доходовъ и расходовъ Молдаванскаго княжества въ 1834 и 1839-мъ годахъ.

	БЮДЖЕТЪ 1834 года.	БЮДЖЕТЪ 1839 года.
	піастры.	піастры.
Поголовная подать съ крестьянъ.		
— съ людей, не имѣющихъ постояннаго мѣстопребыванія.		
— съ мазилей и рупташей.		
— съ торгующихъ иностранцевъ.	5,239,275	6,161,985
— съ Евреевъ, содержащихъ питейные дома и другихъ.		
— съ торговцевъ и ремесленниковъ, имѣющихъ торговыя свидѣтельства. .		
— съ государственныхъ цыганъ.		
съ солянаго откупа. . . . . . , ...	850,000	765,000
— съ таможенъ.	486,990	898,128
— съ отпускнаго скота.	322,717	567,000
Съ иностранцевъ.	60,000	20,000
Пособіе отъ монастырей (единовременное) 450,000	«	«
Пособіе отъ Митрополита и Архіереевъ. , . .	60,000	60,000
Сборъ за паспорты.	12,000	12,000
Пошлины съ вывозимаго сала.	10,500	7,845
	7,041,482	8,491,956

РАСХОДЪ.

	БЮДЖЕТЪ 1834 года.	БЮДЖЕТЪ 1838 года.
	піастры.	піастры.
Дань Портѣ	«	740,000
Содержаніе Господаря	800,000	1,200,000
Содержаніе государственныхъ чиновниковъ	1,962,668	2,132,236
Жалованье агенту въ Константинополѣ	60,000	80,000
Наемъ для помѣщенія казенныхъ заведеній	50,000	60,000
Освѣщеніе и отопленіе присутственныхъ мѣстъ	60,000	60,000
Содержаніе стугиторовъ, служащихъ при министерствахъ и присутственныхъ мѣстахъ	538,700	327,370
Содержаніе милиціи	650,000	730,000
Содержаніе карантина	100,000	120,000
Содержаніе почтъ	442,000	442,000
На разсылку по почтѣ казенныхъ бумагъ	85,000	75,000
Вознагражденіе сокотельникамъ и на пенсіи	1,000,000	1,000,000
Содержаніе дорогъ	25,000	75,000
Содержаніе школъ	200,000	200,000
Содержаніе семинарій	60,000	60,000
На мостовую города Яссъ	125,000	125,000
Содержаніе медицинскаго департамента	80,000	100.000
Содержаніе арестантовъ	30,004	30,000
Содержаніе водопроводовъ и фонтановъ	50,000	50,000
Вознагражденіе госпиталю Святаго Спиридонія	21,000	21,000
На кассу для бѣдныхъ	72,000	72,000
Чрезвычайные расходы	80,000	100,000
Издержки при исчисленіи народа	«	150,000
	6,491,368	7,999,606 (A)

(A) У чиновниковъ вычитается десятая часть жалованья, которая также идетъ на содержаніе училищъ. Слѣдственно на общественное образованіе употребляется всего 400,000 піастровъ.

По исчисленію произведенному согласно съ закономъ, въ концѣ 1837-го года, можно видѣть движеніе Молдаванскаго народонаселенія въ продолженіе

послѣднихъ шести лѣтъ. Впрочемъ, этого исчисленія еще недостаточно, чтобы узнать въ точности количество жителей, населяющихъ княжество, потому что въ немъ включены только семейства, платящія подать. Не должно упускать изъ виду, что и въ Молдавіи, также какъ въ Валахіи, есть очень много лицъ, которыя, подъ разными предлогами, освобождены отъ повинностей, что, разумѣется, имѣетъ неблагопріятныя слѣдствія. Мы уже показали, до какой степени, при прежнемъ правительствѣ, подобныя несправедливыя исключенія вредили общественному благосостоянію княжествъ. Какъ жаль, что не смотря на мудрыя преобразованія, совершенныя здѣсь во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, нельзя еще было установить равенства налоговъ! Представляемъ списокъ лицъ, освобожденныхъ отъ повинностей:

Бояры;
Чиновники разныхъ степеней;
Духовенство и причетники;
Люди, состоящіе въ услуженіи у бояръ;
Иностранцы, временно проживающіе въ княжествѣ.

Есть еще классы жителей, имѣющіе право освобождать, въ извѣстныхъ случаяхъ, кого пожелаютъ отъ платежа податей. Такъ, на примѣръ, каждый землевладѣлецъ, у котораго живетъ менѣе двухъ сотъ семействъ, имѣетъ право освободить отъ подати пятую долю семействъ, у него проживающихъ, а если ихъ живетъ болѣе двухъ сотъ, то одно семейство изъ десяти.

Каждый стугиторъ, или жандармъ, имѣетъ право освободить три семейства.

Каждый солдатъ, на дѣйствительной службѣ состоящій, освобождаетъ одно семейство.

Наконецъ инвалиды и увѣчные также освобождены отъ податей.

Изъ этого слѣдуетъ, что подати платятъ только слѣдующіе классы:

1. Торговцы и ремесленники, имѣющіе торговыя свидѣтельства и платящіе ежегодно отъ 60 до 240 піастровъ.

2. Потомки младшихъ линій, принадлежащихъ къ привилегированнымъ классамъ, извѣстные подъ именемъ *мазилей*, *рупташей и руптовъ*. Они платятъ ежегодно по 30 піастровъ.

3. Жители деревень, платящіе также по 30 піастровъ и сверхъ того вносящіе по три піастра въ общинную кассу.

4. Люди, не имѣющіе постояннаго мѣстопребыванія. Они вносятъ по 10 піастровъ съ души въ годъ.

5. Иностранцы, поселившіеся на житье въ княжествѣ, вносящіе по 15 піастровъ.

6. Евреи, содержащіе въ деревняхъ питейные домы, вносятъ по 60 піастровъ.

7. Наконецъ цыгане, обязанные вносить ежегодно по 38 піастровъ съ души.

Изложивъ эти данныя, сообщаемъ результатъ общей переписи податныхъ семействъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представленъ официально въ 1838-мъ году.

Названіе округа.	Названіе главнаго города	Число жителей округа, платящихъ подати.
Дорогои	Михаилены	12,946
Боточаны	Боточаны	18,073
Сучава	Фаличены	11,082
Ніамцо	Піатре	15,018
Романо	Романо	12,933
Бакео	Бакео	23,230
Путна	Фокшаны	21,746
Текуцъ	Текуцъ	14,211
Ковурлоны	Галацъ	10,312
Тутова	Бирлату	13,881
Васлуи	Васлуи	13,768
Фатчи	Гучь	10,628
Яссы	Яссы	22,693
	Всѣхъ семействъ платящихъ подати	200,521

Если допустить исчисленіе, принятое въ Молдавіи, по которому полагается, что каждое семейство состоитъ изъ пяти человѣкъ, то количество Молдаванскаго народонаселенія должно простираться до. . . 1,002,605

Мы не имѣемъ никакихъ точныхъ данныхъ, на основаніи которыхъ могли бы показать количество лицъ, освобождаемыхъ, существующими законами, отъ общественныхъ повинностей, а потому не представляемъ этого исчисленія, тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ нѣтъ еще никакихъ официальныхъ документовъ, въ которыхъ было бы показано, хотя приблизительно, число такихъ привилегированныхъ лицъ.

Тѣмъ не менѣе и изъ представленныхъ нами, весьма неполныхъ, свѣдѣній оказывается, что съ 1832-го года, масса народонаселенія, несущаго государственныя повинности, значительно умножилась: тогда число семействъ простиралось только до 165,685, а количество жителей, по вышеприведенному расчету, до. 828,425

Значитъ, въ 1838-мъ году лицъ, платящихъ подати, прибыло. 174,180

Съ тѣхъ поръ, какъ заведены метрическіе списки, можно знать сколько человѣкъ ежегодно родится и умираетъ въ княжествѣ. Изъ представленной ниже таблицы видно, что число рождающихся ежегодно, значительно превышаетъ число умирающихъ; именно круглымъ числомъ родившихся бываетъ каждый годъ 9,769-ю болѣе нежели умирающихъ. Только въ 1833-мъ году, когда въ Молдавіи свирѣпствовала холера, умершихъ было гораздо болѣе, а потому и народонаселеніе въ этомъ году почти не увеличилось. Нѣтъ сомнѣнія, что это возрастаніе народонаселенія состоитъ въ связи съ бо̀льшимъ благосостояніемъ, какимъ началъ пользоваться народъ послѣ введенія новой формы правительства.

Годы.	Число родившихся.			Браки.	Число умершихъ.		
	Муж. пола.	Жен. пола.	Всего		Муж. пола.	Женскаго.	Всего.
1832.	12,809	11,096	23,905	11,012	7,238	6,121	13,359
1833.	12,122	10,293	22,415	7,784	11,893	10,768	22,661
1834.	12,725	11,530	24,255	9,038	9,045	8,275	17,515
1835.	13,024	10,712	23,736	7,260	7,497	6,324	13,821
1836.	13,782	11,722	25,504	7,367	6,860	6,046	12,906
1837.	12,601	11,341	23,942	8,909	6,089	5,543	11,632

Въ отношеніи къ физическимъ свойствамъ, мы не замѣтили почти никакой разницы между Молдавіею и ея сосѣдкою Валахіей. Княжества ограничены съ запада одною и тою-же цѣпью горъ; и хотя въ Яссахъ зимою бываетъ холоднѣе, нежели въ Бухарестѣ, однакожь это объясняется очень просто тѣмъ, что Яссы лежатъ нѣсколько сѣвернѣе. Въ Молдавіи чаще и сильнѣе ощущаются землетрясенія, бывающія иногда и въ сосѣднихъ странахъ.

Молдаване народъ крѣпко сложенный, воздержный, способный къ тяжелымъ работамъ, привыкшій выносить вліянія самой противоположной погоды. Въ наружныхъ чертахъ у него много несходнаго съ Валашскимъ народомъ. Лице у Молдаванъ не очень пріятно; они имѣютъ обычай носить весьма длинные волосы, не брѣютъ и не стригутъ бороды, а потому наружность ихъ представляетъ что-то почти дикое, такъ что ихъ можно бы принять за грубыя статуи, представляющія древнихъ Сарматовъ, сохраняемыя въ нѣкоторыхъ музеяхъ, и увезенныя нѣкогда Римлянами вмѣстѣ съ другими трофеями. Наружность Валаховъ, напротивъ, представляетъ очень много красиваго, свойственнаго человѣческимъ породамъ, наиболѣе совершеннымъ. Молдаване, кажется, отчасти еще не совсѣмъ утратили привычки кочевой жизни; они нерѣдко пускаются пѣшкомъ въ путешествія весьма продолжительныя. Собравшись многочисленнымъ караваномъ, они часто странствуютъ въ страны весьма отдаленныя, и даже доставляютъ разные товары въ нѣкоторыя части восточной Россіи. Путешествуя по обширнымъ степямъ, простирающимся на юго-востокъ Россійской Имперіи, Молдаване идутъ нога въ ногу съ своими волами, и часто по цѣлымъ мѣсяцамъ ночуютъ среди степи, по той причинѣ, что села въ этихъ мѣстахъ очень рѣдки. Вечеромъ караванъ останавливается, разставляетъ свои многочисленныя тѣлеги въ видѣ каррея и пускаетъ воловъ на траву, предоставляя охраненіе этихъ животныхъ весьма сильнымъ и злымъ собакамъ.

Вскорѣ погонщики разводятъ, среди каррея, огни, на которыхъ готовятъ свое простое кушанье, и послѣ ужина засыпаютъ спокойно, завернувшись въ войлочныя одѣяла. Не смотря на свою привычку къ пѣше-

холству, Молдаване отличные мастера ѣздить верхомъ. Въ сѣверной части княжества у нихъ водится прекрасная порода лошадей, которыя рослѣе Валашскихъ и часто покупаются, въ сосѣдственныя государства, для кавалерійскихъ ремонтовъ.

Мы можемъ говорить только о той части народонаселенія, которую видѣли сами въ обоихъ княжествахъ; но по словамъ путешественниковъ, наиболѣе свѣдущихъ и достойныхъ вѣроятія, горные обитатели Валахіи и Молдавіи отличаются еще большею оригинальностью. Вообще вся здѣшняя горная страна представляетъ, какъ слышно, множество великолѣпныхъ картинъ; растительность въ ней обильная и мѣстность весьма нерѣдко напоминаетъ Альпы и Швейцарію. Очень сожалѣемъ, что мы не могли посѣтить горы этой любопытной земли, заслуживающей во многихъ отношеніяхъ изученія. Но проѣхавъ, черезъ всю Молдавію въ три дня и подъ проливнымъ дождемъ, не почувствуешь никакого желанія забавляться прогулками по живописнымъ мѣстностямъ.

Цыгане, племя чуждающееся осѣдлой, порядочной жизни, весьма многочисленны въ Молдавіи. И здѣсь, также какъ въ Валахіи, нѣкоторые изъ нихъ нанимаются въ слуги и повара; прочіе добываютъ себѣ пропитаніе кузнечествомъ, коновальнымъ мастерствомъ и музыкою. Ни одного изъ этихъ занятій никто у нихъ не перебиваетъ. Впрочемъ, они повара весьма дурные, и притомъ неопрятны до отвратительности. Слава Богу, намъ не довелось отвѣдывать ихъ стряпни!

Всѣ внѣшніе обряды религіи, особенно посты, и здѣсь, также какъ въ Валахіи, соблюдаются очень строго. Впрочемъ, воздержаніе совершенно согласуется и съ постояннымъ образомъ жизни Молдаванъ, которыхъ обыкновенную пищу составляетъ варево изъ ку-

курузы, называемое *мамалыгой*. Подбавивъ въ свое варево немного молока, эти бѣдные люди воображаютъ, что имѣютъ ужь самое лакомое кушанье. Богатѣйшіе поселяне отвѣдываютъ мяса изрѣдка, лишь для того, чтобы разговѣться, по прошествіи какого нибудь поста.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о языкѣ жителей, населяющихъ оба Дунайскія княжества.

Языкъ и въ Молдавіи и въ Валахіи почти совершенно одинакій. Это особенное нарѣчіе, состоящее изъ смѣси искаженныхъ Латинскихъ и Славянскихъ словъ. Азбука и грамматика для него составлены только въ 1735-мъ году, въ то время, когда благонамѣренный Господарь, князь Маврокордато, пытался ввести нѣкоторую образованность въ странѣ, ввѣренной его управленію. Собственно по Валашски говоритъ только простой народъ; что касается до бояръ, то они давно уже привыкли къ ново-Греческому, составлявшему придворный языкъ и введенному Господарями, которые насылались изъ Константинополя. Въ настоящее время всѣ бояры говорятъ по Французски, такъ что нельзя найдти почти ни одного порядочнаго дома, въ которомъ языкъ и литература Французскіе не были бы въ чести. Нѣсколько словъ, выписанныхъ нами изъ хорошаго словаря, могутъ сообщить читателямъ понятіе о томъ, что въ языкъ Валашскій вошло изъ Латинскаго, составляющаго великій источникъ, изъ котораго почерпнули многія націи:

Съ.	Cum.	Слезы	Lacrimæ.
Бѣлый.	Alb.	Свѣтъ.	Luminar.
Прекрасный. . .	Formos.	Слово.	Verba.
Добрый.	Bounn.	Грѣшникъ. . . .	Pescator.

Быкъ.	Boo.	Черный. . . .	Negro.
Скамья.	Scamm.	Родня.	Parinte.
Начинать. . .	Incep	Гдѣ.	Undè.
Палецъ. . . .	Degete.	Смѣхъ.	Ris
День.	Dzio.	Столъ.	Massa.
Игра.	Venat.	Стекло.	Vitric, и т. д.

Кромѣ этихъ немногихъ словъ, взятыхъ безъ выбора, въ нарѣчіи Дунайскихъ княжествъ есть и множество другихъ такихъ же, свидѣтельствующихъ о совершенномъ сходствѣ этого нарѣчія съ Италіанскимъ языкомъ. Надобно, однакожь, замѣтить, что сходство это можно понять только при чтеніи книги, составленной на упомянутомъ нарѣчіи, а въ живой рѣчи, у туземцовъ, его не скоро уловишь. Только самый привычный слухъ можетъ схватить настоящія слова, потому что туземцы до чрезвычайности искажаютъ ихъ дурнымъ своимъ произношеніемъ и грубыми горловыми звуками голоса.

Въ карантинѣ, на досугѣ, мы занимались приведеніемъ въ порядокъ нашихъ замѣтокъ, почерпнутыхъ нами отчасти изъ книгъ, отчасти изъ собственныхъ наблюденій, а преимущественно изъ документовъ, доставленныхъ лицами, принимавшими въ насъ участіе въ Молдавіи и Валахіи. Представляя читателю эти замѣтки, мы не выдаемъ ихъ за полное изображеніе страны, которой описаніе могло бы занять нѣсколько томовъ, но какъ простой разсказъ о впечатлѣніяхъ, испытанныхъ нами во время нашего непродолжительнаго пребыванія въ княжествахъ.

Но пора уже намъ возвратиться въ Скуланы, которыя, по силѣ Бухарестскаго трактата, заключеннаго $^{16}/_{28}$-го маія 1812-го года между Россіею и Портою Оттоманскою, стали Руссксою деревнею. Этимъ трактатомъ, какъ извѣстно, къ Россіи присоединена длинная полоса земли, лежащая между Днѣстромъ и Прутомъ, которые текутъ здѣсь почти параллельно. На принятой за новую границу линіи, и Русскіе и Молдаване основали карантины, имѣющіе цѣлью останавливать все, приходящее съ праваго берега Дуная, для того, чтобы отвратить вторженіе чумы. Молдаванскій карантинъ устроенъ въ Галацѣ, неподалеку отъ устья Прута, Русскій находится на лѣвомъ же берегу, въ ближайшемъ къ Молдавіи мѣстѣ.

Не станемъ описывать скуки, испытанной нами въ карантинѣ. Единственное утѣшеніе находили мы въ сознаніи, что обязаны повиноваться законамъ, безъ которыхъ никакое общество не могло бы существовать. Все развлеченіе наше состояло только въ томъ, что мы купались иногда въ рѣкѣ. Но и этимъ мы были обязаны лишь особенной снисходительности медика, управляющаго лазаретомъ. Говорятъ, что воды Прута очень полезны для здоровья и въ видѣ купанья и въ видѣ питья. Мы предпочитали только купаться, а пить этой воды не хотѣли, потому что она имѣетъ довольно ощутительный солоноватый вкусъ.

Около деревяннаго забора, окружающаго лазаретъ, день и ночь расхаживаютъ часовые, въ ночное время безпрерывно окликающіеся. Состояніе погоды продолжалось такое же, какъ и въ то время когда мы были въ Молдавіи. Каждый день утромъ былъ нестерпимый жаръ, а вечеромъ свирѣпствовали сильныя грозы, сопровождаемыя проливными дождями. Тогда наши дворы и самые домы обращались въ болото, котораго, на слѣдующій день, не могли совершенно осушить яркіе лучи солнца. Однаждьі, во время грозы, когда раздавались безпрерывные удары грома, насъ извѣстили, что молнія ударила въ отрядъ козаковъ, ѣхавшихъ на смѣну. Вѣроятно, электричество было при-

влечено ихъ длинными копьями. Изъ пяти человѣкъ, составлявшихъ этотъ отрядъ, одинъ былъ убитъ, а четверо другихъ лишились употребленія нѣкоторыхъ членовъ своихъ.

Надобно замѣтить, что въ Скуланы уже давно были присланы предписанія высшаго начальства оказывать намъ всякое покровительство и вспомоществованіе. И потому, со стороны чиновниковъ, намъ было оказано полное снисхожденіе, какое только не противорѣчило ихъ строгимъ обязанностямъ. Дозволеніемъ купаться, которымъ мы такъ дорожили, были мы обязаны благосклонной предупредительности карантиннаго начальника и лазаретнаго медика, доктора Эллизена. Я выпросилъ также, чтобы нашему живописцу Раффе дозволили срисовать нѣкоторыхъ Армянъ и Евреевъ, также какъ и мы выдерживавшихъ карантинъ.

Между тѣмъ время текло. Въ первыхъ числахъ августа къ намъ пріѣхалъ изъ Одессы посланецъ отъ Ново-Россійскаго генералъ-губернатора, князя Воронцова, и обрадовалъ насъ извѣщеніемъ объ участіи, какое въ насъ принималъ князь, участіи, въ которомъ я давно уже привыкъ не сомнѣваться въ слѣдствіе моей долговременной переписки съ княземъ. Этотъ посланецъ былъ молодой чиновникъ изъ Одесской канцеляріи генералъ-губернатора; онъ объявилъ, что присланъ для сопровожденія насъ въ остальной части пути. Іюля 23-го (3-го августа) насъ позвали снова въ управленіе карантина, гдѣ мы должны были дать присягу. Съ искреннею радостью поклялись мы, что ни въ чемъ не нарушили карантинныхъ правилъ и что не были заражены чумою ни во время нашего пріѣзда, ни въ продолженіе пребыванія въ карантинѣ.

Мы присягнули на Евангеліи, но для Магометанъ тутъ же имѣется Коранъ, а для Евреевъ Библія.

На слѣдующій день мы выѣхали изъ грозной ограды, гдѣ подвергалось испытанію наше терпѣніе. Въ экипажи наши запрягли лошадей по четыре въ рядъ, и мы быстро понеслись по Бессарабскимъ равнинамъ. При выѣздѣ изъ деревни Скуланъ, мы поѣхали по странѣ голой, невоздѣланной, изрѣзанной долинами, лежащими между длинной цѣпи круглыхъ холмовъ, простирающихся параллельно съ берегами Прута. Такое расположеніе мѣстности замѣчается на протяженіи почти двадцати верстъ, или пяти Французскихъ миль. Въ глубинѣ этихъ долинъ обыкновенно находится большое количество прудовъ, образующихся отъ дождей и поддерживаемыхъ дождевою водою. Но на всемъ протяженіи, какое можетъ обнять взоръ, нигдѣ не видно ни деревьевъ, ни жилищъ. Единственные представители здѣшняго народонаселенія, которыхъ мы видѣли, были наши извощики. Впрочемъ, сколько мы могли замѣтить, люди эти, своею наружностью, нисколько не разнились отъ Молдаванъ, только въ лицѣ ихъ нѣтъ той рѣзкости, какою отличаются жители Молдавіи. Лице у нихъ шире, нежели у Молдаванъ, цвѣтъ лица бѣлѣе, борода и волосы бѣлокурые, тогда какъ у Молдаванъ черные. Костюмъ ихъ составляютъ высокія шапки, рубашка изъ грубаго холста, перевязанная поясомъ, широкое нижнее платье и сапоги изъ сыромятной кожи, надѣтые поверхъ панталонъ. Здѣшніе извощики имѣютъ обычай садиться на козлахъ, что впрочемъ употребительно и вездѣ въ Россіи. Но такое обыкновеніе едва не сдѣлалось для насъ причиною несчастія: одинъ изъ извощиковъ, человѣкъ неловкій, чувствуя, что не можетъ справиться съ лошадьми, которыя были молоды и горячи, рѣшился

дать имъ волю, и онѣ понесли, подвергая страшной опасности, не только сидѣвшихъ въ повозкѣ, но и встрѣчныхъ, которые старались остановить ихъ.

Нѣсколько часовъ спустя, видъ мѣстности измѣнился. На этотъ разъ, вмѣсто длинныхъ однообразныхъ равнинъ, мы увидѣли страну, хорошо населенную, покрытую лѣсами и рощами, и вдали огражденную красивыми горами. При въѣздѣ въ какой-то большой лѣсъ, мы были застигнуты сильною бурею, но по счастію скоро нашли въ этомъ же лѣсу почтовый дворъ, принадлежавшій къ Бахмутской станціи, и укрылись въ немъ. Отсюда мы видѣли, какъ молнія упала весьма неподалеку отъ нашего убѣжища и весьма близко къ стаду быковъ, которые съ философическимъ равнодушіемъ переносили непогоду. Когда ливень прекратился, мы отправились далѣе, и къ сожалѣнію, скоро выѣхали изъ этой живописной и прекрасной страны. Видъ мѣстности снова измѣнился; передъ нами раскинулась обширная равнина, или лучше сказать простерлось огромное озеро черной грязи, озеро, которому не видно было конца. При наступленіи ночи, вокругъ насъ ничто еще не измѣнилось; но часамъ къ десяти насъ встрѣтилъ отрядъ козаковъ съ фонарями на пикахъ, и мы узнали, что приближаемся къ Кишеневу.

Выдти вдругъ изъ глубокаго мрака, изъ цѣлаго моря грязи, очутиться среди прекрасной залы, ярко освѣщенной, гдѣ васъ принимаютъ со всею возможною вѣжливостью, и при томъ имѣть въ виду хорошій ужинъ, — вотъ одинъ изъ крутыхъ переходовъ, который, хотя составляетъ обстоятельство весьма обыкновенное для путешественниковъ, однакожъ, не смотря на частое повтореніе, никогда не утрачиваетъ своей пріятности. Въ отсутствіи Кишеневскаго губернатора,

мы были приняты, въ обширномъ и прекрасномъ домѣ, полицеймейстеромъ города, родственникомъ губернатора. Послѣ утомленія, испытаннаго нами въ продолженіе пути, мы съ истиннымъ наслажденіемъ соснули на мягкихъ диванахъ. Но къ несчастію насъ подняли очень рано, такъ что мы должны были еще часа два дожидаться лошадей. На этотъ разъ отправившись въ путь, мы уже не останавливались нигдѣ до самой Одессы, первой желанной цѣли нашего продолжительнаго странствованія.

Тѣ лица, которыми мы такъ радушно и вѣжливо были приняты въ Кишеневѣ, пожелали проводить насъ на нѣкоторое разстояніе за городъ. Относительно Кишенева мы не можемъ сказать ничего, кромѣ того только, что онъ очень обширенъ и, подобно Риму, расположенъ на нѣсколькихъ холмахъ. Впрочемъ, этотъ городъ лишь потому занимаетъ огромное пространство, что улицы его очень широки и всѣ дома окружены большими садами. Въ немъ еще много уцѣлѣло, отъ прежняго его быта, старыхъ, дурно выстроенныхъ хижинъ и мазанокъ; но въ новыхъ кварталахъ вездѣ прекрасные домы, а общественныя зданія отличаются даже весьма изящною архитектурою. Блескъ церковныхъ куполовъ и разнообразныхъ красокъ, какими покрываются въ Русскихъ городахъ домы, также какъ веселый зеленый цвѣтъ кровель пріятнымъ образомъ поразили нашихъ спутниковъ, для которыхъ это было совершенною новостью. Площади въ Кишеневѣ чрезвычайно обширны, онѣ украшены зеленью и обнесены тумбами. Въ то время, когда мы проѣзжали черезъ этотъ городъ, начальство его занималось разведеніемъ прекраснаго сада для общественнаго гульбища.

На холмахъ сосѣдственныхъ съ городомъ, мы видѣли

нѣсколько виноградниковъ: но далѣе страна опять представляетъ невоздѣланную пустыню, и почва повсюду изрыта дождевыми потоками. Въ низкихъ и затопленныхъ равнинахъ мы встрѣчали безчисленное множество болотныхъ птицъ, цѣлыя стада турухтановъ, дергачей, и особенно большое количество журавлей, которые расхаживали по лугамъ величаво и какъ бы задумавшись. Вся неизмѣримая степь, среди которой мы катились, была покрыта разнообразными и чрезвычайно красивыми цвѣтами. Къ несчастію грязь не дозволяла доктору Левелье нарвать этихъ цвѣтовъ. Ни что не можетъ изобразить досады, какую докторъ испытывалъ, будучи вынужденъ только поглядывать изъ повозки на эти цвѣты, находившіеся къ нему такъ близко.

Наконецъ мы увидѣли Бендеры. Неподалеку отъ этой крѣпости скончался въ степи знаменитый князь Потемкинъ. Князь выѣхалъ больной изъ Яссъ и отправлялся въ Херсонъ; но по близости Бендеръ, чувствуя приближеніе кончины, вышелъ изъ кареты; ему хотѣлось, по примѣру одного изъ Римскихъ Кесарей, *умереть стоя*. Точное мѣсто, гдѣ онъ скончался, къ сожалѣнію неизвѣстно.

Мы не въѣзжали въ Бендеры, гдѣ долго еще сохранится воспоминаніе о Карлѣ XII-мъ, грозномъ врагѣ, павшемъ подъ ударами Россіи. Изъ почтоваго двора весь этотъ городъ виденъ какъ на ладони. Онъ расположенъ въ обширной равнинѣ; въ немъ нѣтъ не только садовъ, но ни одного дерева; вокругъ его разсѣяно множество вѣтряныхъ мельницъ. Крѣпость стоитъ отдѣльно отъ города; она занимаетъ довольно обширное пространство; новѣйшія укрѣпленія простираются вокругъ развалинъ прежней Турецкой крѣпости; гарнизонъ состоитъ изъ шести сотъ артиллеристовъ. Эта крѣпость утратила свою важность съ тѣхъ поръ какъ перестала быть пограничною твердынею. Командуя рѣкою Днѣстромъ и всею окрестностью, отвсюду открытою, она была, конечно, очень важна для Турецкой имперіи, на предѣлахъ которой находилась.

При Бендерахъ Днѣстръ не очень широкъ, но течетъ между такими крутыми берегами, что къ нимъ трудно приставать парому, который ходитъ подъ самыми бастіонами крѣпости. Чтобы взобраться на лѣвый берегъ, мы были вынуждены прибѣгнуть къ пособію Молдаванскихъ извощиковъ, которые стояли по близости города.

Тирасполь, его крѣпость и обширный артиллерійскій паркъ, расположенный у ея стѣнъ, быстро пронеслись предъ нашими взорами. Далѣе, мы проѣхали мимо Кучероны, гдѣ недавно основана Нѣмецкая земледѣльческая колонія, одна изъ осьми учрежденныхъ въ Бессарабіи. Эти колоніи доставляютъ большую пользу: колонисты принесли съ собою Нѣмецкій способъ воздѣланія земли, Нѣмецкіе кроткіе нравы и даже Нѣмецкія названія мѣстностей. Такъ, на примѣръ, къ вечеру, мы проѣзжали черезъ «Мангеймъ» и «Стразбургъ», гдѣ языкъ Нѣмецкій напомнилъ намъ другія страны, не менѣе, конечно, плодородныя, но гораздо болѣе многолюдныя; это доказывается уже тѣмъ, что жители вынуждены переселяться. Здѣшніе Нѣмцы, какъ видно, довольны своею участью, тѣмъ болѣе, что дѣвственная земля, ими воздѣлываемая, щедро вознаграждаетъ ихъ трудъ. Въ Бессарабіи, по всей вѣроятности, очень скоро разовьется дѣятельная промышленная производительность. Область эта, имѣя хлѣба не только гораздо болѣе, нежели сколько нужно для внутренняго потребленія, но даже болѣе того количества, какое можетъ

отпускать въ продажу, начала обращаться къ мануфактурной промышлености. Правительство поощряетъ это направленіе разными мѣстными льготами: такъ, напримѣръ, дистиллировка и продажа водки, состоящая во всей имперіи на откупѣ, въ Бессарабіи пользуется совершенною свободою. Весьма недавно здѣсь начали разводить и свеклосахарные заводы. Нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такихъ удобствъ для разведенія свекловицы, какъ въ Бессарабіи; почва ея такъ жирна, что не можетъ быть истощена этимъ растеніемъ, въ другихъ странахъ вреднымъ для полей. Сверхъ того, земли здѣсь такъ много, что можно часто мѣнять поля, оставляя на долго незасѣяннымъ то поле, на которомъ свекловица уже росла однажды. Для топлива здѣсь употребляется, такъ называемый кизякъ, то есть смѣсь рубленной соломы съ коровьимъ пометомъ. Изъ этой смѣси дѣлаютъ плитки и высушиваютъ лѣтомъ на солнцѣ, обкладывая ими дома снаружи. Почти всѣ домы здѣсь обложены этимъ топливомъ, которое зимою отнимается отъ стѣнъ.

Кромѣ Нѣмецкихъ колоній, мы видѣли многочисленные Молдаванскіе караваны, располагавшіеся на ночь лагеремъ въ своемъ обычномъ стратегическомъ порядкѣ. Запоздавшему пѣшеходу опасно приближаться къ этимъ кочевымъ становищамъ: очень легко можетъ случиться, что его разорвутъ свирѣпыя собаки, стерегущія Молдаванскіе караваны.

Ночь давно уже наступила, а на каждой станціи мы были вынуждены очень долго ждать лошадей. Не смотря на высланныя впередъ двѣ эстафеты, нигдѣ не было ничего за ранѣе изготовленнаго: вездѣ оказывался недостатокъ въ лошадяхъ, вездѣ жадные Евреи, никогда не упускающіе случая попользоваться на счетъ путешественника, надоѣдали намъ предложеніями своихъ

отпускать въ продажу, начала обращаться къ мануфактурной промышлености. Правительство поощряетъ это направленіе разными мѣстными льготами: такъ, напримѣръ, дистиллировка и продажа водки, состоящая во всей имперіи на откупѣ, въ Бессарабіи пользуется совершенною свободою. Весьма недавно здѣсь начали разводить и свеклосахарные заводы. Нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такихъ удобствъ для разведенія свекловицы, какъ въ Бессарабіи; почва ея такъ жирна, что не можетъ быть истощена этимъ растеніемъ, въ другихъ странахъ вреднымъ для полей. Сверхъ того, земли здѣсь такъ много, что можно часто мѣнять поля, оставляя на долго незасѣяннымъ то поле, на которомъ свекловица уже росла однажды. Для топлива здѣсь употребляется, такъ называемый кизякъ, то есть смѣсь рубленной соломы съ коровьимъ пометомъ. Изъ этой смѣси дѣлаютъ плитки и высушиваютъ лѣтомъ на солнцѣ, обкладывая ими дома снаружи. Почти всѣ домы здѣсь обложены этимъ топливомъ, которое зимою отнимается отъ стѣнъ.

Кромѣ Нѣмецкихъ колоній, мы видѣли многочисленные Молдаванскіе караваны, располагавшіеся на ночь лагеремъ въ своемъ обычномъ стратегическомъ порядкѣ. Запоздавшему пѣшеходу опасно приближаться къ этимъ кочевымъ становищамъ: очень легко можетъ случиться, что его разорвутъ свирѣпыя собаки, стерегущія Молдаванскіе караваны.

Ночь давно уже наступила, а на каждой станціи мы были вынуждены очень долго ждать лошадей. Не смотря на высланныя впередъ двѣ эстафеты, нигдѣ не было ничего за ранѣе изготовленнаго, вездѣ оказывался недостатокъ въ лошадяхъ, вездѣ жадные Евреи, никогда не упускающіе случая воспользоваться на счетъ путешественника, надоѣдали намъ предложеніями своихъ

Фельдъ-егерь (въ Бессарабіи).

услугъ, которыхъ никакъ нельзя добиться, какъ скоро дашь имъ впередъ денегъ. Такимъ образомъ мы тащились всю ночь по грязной равнинѣ, гдѣ нерѣдко повозки наши увязали, и уже къ утру прибыли въ столицу Новой-Россіи. Еще прежде чѣмъ завидѣли городъ, мы уже чувствовали вліяніе воздуха, наносимаго вѣтромъ съ моря и производившаго на лица наши раздражительное дѣйствіе. Наконецъ, при первомъ свѣтѣ дня, мы вступили въ великолѣпную гостинницу, носящую имя Ришельевской, и достойную носить его по причинѣ всякаго рода самыхъ утонченныхъ удобствъ, какія въ ней можно найти.

V.

ОДЕССА. — ЮЖНЫЙ БЕРЕГЪ КРЫМА.

Одесса, съ перваго взгляда на нее, оправдываетъ славу, какою пользуется; еще издали нельзя не узнать въ этомъ городѣ юную и цвѣтущую столицу Новой-Россіи. Окруженная со всѣхъ сторонъ неизмѣримыми степями, Одесса является предъ путникомъ какъ давно ожиданный оазисъ; въѣзжая въ нее, испытываешь столь же радостное чувство, какъ и то, которымъ наполняется сердце при вступленіи въ гавань послѣ продолжительнаго плаванія.

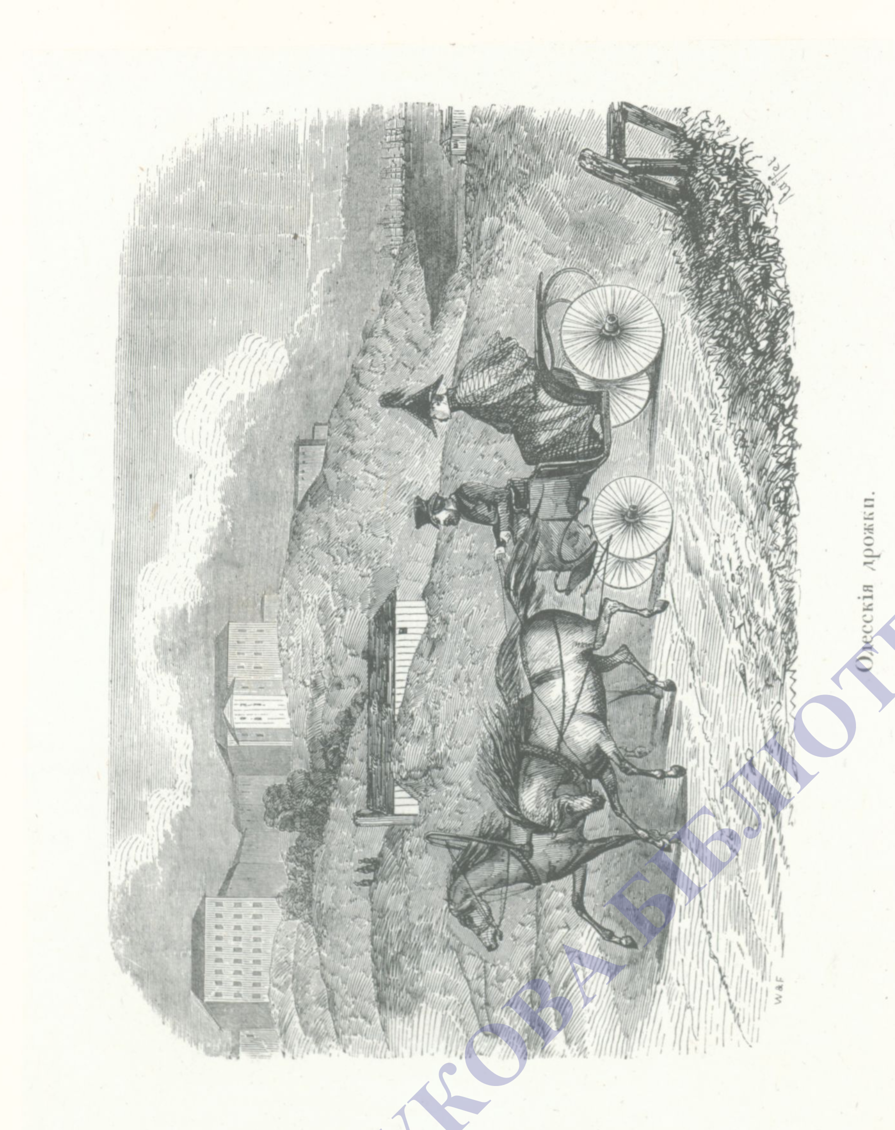
Этотъ городъ и теперь уже весьма обширный, съ каждымъ днемъ распространяется болѣе и болѣе; онъ расположенъ на огромной плоской возвышенности, имѣющей крутые, почти отвѣсные скаты, и омываемой водами Чернаго-Моря. У подошвы этой крутой возвышенности, простирается обширная бухта, которой воды, темно-голубыя, представляютъ рѣзкую противоположность съ блѣдноцвѣтными, сухими окрестными берегами, въ лѣтнее время постоянно скрывающимися подъ облаками пыли, вздымаемой вѣтромъ. Хорошо защищенная отъ южныхъ вѣтровъ, Одесская гавань открыта сухимъ восточнымъ. Она раздѣляется тремя молами на три бассейна, изъ которыхъ одинъ, опредѣленный для кораблей, подвергаемыхъ карантину, простирается у самаго лазарета и крѣпости, а два другіе назначены для военныхъ и купеческихъ судовъ, приходящихъ изъ странъ, гдѣ не предполагается чумы. Внѣшняя часть бухты представляетъ прекрасное якорное мѣсто для самыхъ большихъ судовъ, но къ сожалѣнію, часто подверженное восточнымъ и особенно юго-восточнымъ вѣтрамъ. Эти страшные вѣтры, пронесясь черезъ все Черное-Море, вгоняютъ въ Одесскую гавань бурныя, ничѣмъ неудержимыя волны.

Одесса расположена правильно, какъ и вообще новые города въ Россіи; она выстроена тщательно; впрочемъ, лучшіе дома ея находятся въ тѣхъ частяхъ, которыя прилегаютъ къ морю. Въ этихъ частяхъ все исполнено величія и носитъ печать богатства. Обширная и прекрасная терраса, господствующая надъ бухтою, окружена общественными зданіями, гостинницами, великолѣпными домами; но чтобы имѣть вѣрное понятіе о красотѣ зрѣлища, представляемаго этою частью Одессы, надобно видѣть ее съ моря.

Отвѣсный край возвышенности, о которой мы говорили, имѣетъ въ вышину до осьмидесяти футовъ; во всю длину ея устроенъ бульваръ, составляющій прекраснѣйшее общественное гульбище. Въ средней части этого гульбища, окруженной прекрасными домами, стоитъ бронзовая статуя герцога Ришелье, которому Одесса очень многимъ обязана. Отъ подножія статуи тянется исполинская лѣстница, которой постройка, во время нашего пребыванія, была уже значительно подвинута впередъ. Лѣстница эта имѣетъ двѣсти футовъ ширины; по ней можно будетъ спуститься съ большой террасы на нижнюю набережную. Подъ лѣстницею устроиваютъ подземныя галлереи, поддерживаемыя сводами и освѣщаемыя окнами, расположенными вверху. По этимъ галлереямъ будутъ проѣзжать къ порту разные экипажи и повозки.

Все это въ совокупности представляетъ видъ истинно великолѣпный; но должно сознаться, что въ другихъ мѣстахъ города только изрѣдка попадаются нѣкоторыя зданія, напоминающія о великолѣпіи приморскихъ частей. Улицы Одессы обсажены акаціями, тщательно вымощены, пересѣкаются прямоугольно и тянутся изъ конца въ конецъ города, имѣющаго театръ, многія прекрасныя церкви, обширныя площади, базары, нѣсколько богатыхъ коммерческихъ заведеній.

Тротуары вездѣ очень широки, такъ, что во всякое время, утромъ и вечеромъ, и гуляющіе и идущіе по дѣламъ, могутъ проходить очень свободно. Наиболѣе движенія замѣтно въ Ришельевской улицѣ, самой прекрасной и многолюдной. Въ этой улицѣ множество магазиновъ, въ которыхъ выставлены разнообразнѣйшія Европейскія издѣлія, привозимыя сюда свободно, потому что Одесса есть порто-франко. Объ этой

Одесскія дрожки.

торговой свободѣ, обогатившей Одессу, свидѣтельствуютъ блестящія магазинныя вывѣски, украшенныя надписями на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. По улицамъ безпрерывно разъѣзжаютъ дрожки, экипажи весьма легкіе и очень полезные. Въ Одессѣ существуетъ обычай, свойственный всѣмъ городамъ южной Европы; въ этомъ городѣ занимаются дѣлами утромъ, а съ полудня предаются отдыху. Подобный обычай, предписываемый жаркимъ климатомъ, сообщаетъ городу, въ теченіе нѣкоторой части дня, какой-то печальный, пустынный видъ. Но за то вечеромъ все снова оживаетъ: открывается театръ, наполняются народомъ кофейныя и клубы; въ одномъ мѣстѣ съѣзжаются дворяне, въ другомъ купцы, Турки, Армяне, даже Евреи; каждый классъ народонаселенія, каждое племя имѣетъ свое особое мѣсто сходбища; и во всѣхъ этихъ убѣжищахъ бесѣдѣ предаются съ трубкою во рту.

Съ этого самаго дня Одесса сдѣлалась нашею главною квартирою; отсюда мы отправлялись въ дальнія поѣздки наши по разнымъ любопытнымъ странамъ, сюда же возвращались изъ поѣздокъ, какъ въ общее сборное мѣсто.

Насъ уже давно ждали въ Одессѣ, и мы были приняты съ величайшимъ радушіемъ разными особами, которымъ г. Генералъ-Губернаторъ, князь М. С. Воронцовъ, при отъѣздѣ своемъ имѣлъ снисходительность рекомендовать насъ.

Г. Генералъ-Губернаторъ имѣлъ надобность поспѣшить въ Крымъ и выѣхалъ изъ Одессы за два дня передъ нашимъ пріѣздомъ. Но онъ оставилъ намъ настоятельное приглашеніе посѣтить его какъ можно скорѣе; и потому мы пламенно желали отправиться въ южный Крымъ, который всѣ намъ описывали въ самыхъ

Одесскія дрожки.

торговой свободѣ, обогатившей Одессу, свидѣтельствуютъ блестящія магазинныя вывѣски, украшенныя надписями на всѣхъ Европейскихъ языкахъ. По улицамъ безпрерывно разъѣзжаютъ дрожки, экипажи весьма легкіе и очень полезные. Въ Одессѣ существуетъ обычай, свойственный всѣмъ городамъ южной Европы; въ этомъ городѣ занимаются дѣлами утромъ, а съ полудня предаются отдыху. Подобный обычай, предписываемый жаркимъ климатомъ, сообщаетъ городу, въ теченіе нѣкоторой части дня, какой-то печальный, пустынный видъ. Но за то вечеромъ все снова оживаетъ: открывается театръ, наполняются народомъ кофейныя и клубы; въ одномъ мѣстѣ съѣзжаются дворяне, въ другомъ купцы, Турки, Армяне, даже Евреи; каждый классъ народонаселенія, каждое племя имѣетъ свое особое мѣсто сходбища; и во всѣхъ этихъ убѣжищахъ бесѣдѣ предаются съ трубкою во рту.

Съ этого самаго дня Одесса сдѣлалась нашею главною квартирою; отсюда мы отправлялись въ дальнія поѣздки наши по разнымъ любопытнымъ странамъ, сюда же возвращались изъ поѣздокъ, какъ въ общее сборное мѣсто.

Насъ уже давно ждали въ Одессѣ, и мы были приняты съ величайшимъ радушіемъ разными особами, которымъ г. Генералъ-Губернаторъ, князь М. С. Воронцовъ, при отъѣздѣ своемъ имѣлъ снисходительность рекомендовать насъ.

Г. Генералъ-Губернаторъ имѣлъ надобность поспѣшить въ Крымъ и выѣхалъ изъ Одессы за два дня передъ нашимъ пріѣздомъ. Но онъ оставилъ намъ настоятельное приглашеніе посѣтить его какъ можно скорѣе; и потому мы пламенно желали отправиться въ южный Крымъ, который всѣ намъ описывали въ самыхъ

очаровательныхъ краскахъ. Тамъ, по примѣру богатаго и благороднаго вельможи, управляющаго этимъ краемъ, въ короткое время образовалась самая изящная сельская жизнь, какую только можно вообразить. Благодаря этому примѣру, богатѣйшіе жители Одессы каждое лѣто ѣздятъ жить въ умѣренномъ климатѣ, среди водъ, тѣни и величественныхъ мѣстностей древней Тавриды. Въ Одессѣ, беззащитно открытой морскимъ вѣтрамъ, лишенной, въ жаркіе лѣтніе дни, свѣжаго воздуха и зелени, невольно испытываешь желаніе пожить гдѣ нибудь въ прохладѣ, среди лѣсной тѣни. Въ этомъ городѣ безпрестанно носится ѣдкая пыль, воздымаемая вѣтрами и проникающая даже въ самыя жилища. Чтобы защититься отъ этой пыли и жара, нѣкоторые жители напрасно удаляются на сосѣдственныя съ городомъ дачи, извѣстныя здѣсь подъ именемъ хуторовъ, и окруженныя многочисленными рощами, вновь разсаженными. Эти молодые искусственные лѣса засыхаютъ, глинистая почва трескается у самаго корня деревъ, твердѣетъ какъ камень, и изъ всѣхъ деревьевъ, съ такимъ трудомъ разводимыхъ среди степи, остаются весьма немногія, едва сохраняющія болѣзненное существованіе. А потому какое пріятное ощущеніе долженъ испытывать тотъ, кто можетъ удалиться въ свѣжіе, вѣковые лѣса Крыма, слушать шумъ тамошнихъ свѣтлыхъ, игриво бѣгущихъ ручейковъ, разсматривать величественные ландшафты, отъ которыхъ не отказалась бы и самая Италія! Вотъ что намъ повторяли ежеминутно всѣ, съ кѣмъ мы имѣли случай говорить о прекрасной Тавридѣ. Каждый былъ ею рѣшительно очарованъ, каждый такъ спѣшилъ удалиться въ нее, что мы рѣшились не медлить отъѣздомъ и послѣдовать приглашенію князя Воронцова. Именно 10-го августа отправлялся

въ Ялту пароходъ съ лучшимъ Одесскимъ обществомъ, и мы наняли на немъ мѣсто.

Между тѣмъ, каждый изъ насъ занимался учеными изысканіями, составлявшими цѣль нашего путешествія. Мои товарищи изучали почву Одессы, зоологію окрестной страны и ея флору. Рафе обогащалъ свой портфель, срисовывая народныя сцены, происходившія передъ его глазами. Онъ наполнялъ свою коллекцію, и безъ того уже богатую, изображеніями Евреевъ, Караимовъ, Молдаванъ, Турокъ, Малороссіянъ и коренныхъ Русскихъ; онъ не забылъ и характеристической бороды Русскаго мужичка. Я съ моей стороны собиралъ и приводилъ въ порядокъ разныя замѣчанія о Новороссійскомъ краѣ вообще и въ особенности объ Одессѣ, которой исторія еще такъ недавно началась, что о постепенномъ развитіи и распространеніи города многое и теперь еще можно узнать изъ устъ ея жителей. Все это мнѣ необходимо было изучать, потому что иначе я не могъ бы дать себѣ удовлетворительнаго отчета въ причинахъ, въ слѣдствіе которыхъ благосостояніе Одессы развилось такъ быстро, что изумило всю Европу. При томъ, безъ подобнаго изученія нельзя также угадать какимъ образомъ новый городъ успѣлъ воспользоваться благопріятными для него обстоятельствами; нельзя, наконецъ, опредѣлить какая судьба ожидаетъ эту прекрасную колонію, уже теперь заслужившую имя Черноморской Марсели, и дѣйствительно представляющую, во многихъ отношеніяхъ, нѣкоторое сходство съ древнею Фокейскою колоніею. Вотъ изслѣдованія, которыми я занялся прежде всего.

На мысѣ, гдѣ теперь возвышается Одесская крѣпость и зданія лазарета, принадлежащаго къ прекраснѣйшимъ въ Европѣ, не задолго передъ началомъ ны-

нѣшняго столѣтія, еще существовала Турецкая крѣпость, господствовавшая надъ моремъ и степью, и называвшаяся Хаджи-Бей. Въ ней обыкновенно жилъ паша, высылаемый отъ Порты, для управленія этою пустынною крѣпостью, которая лѣпилась на горѣ какъ гнѣздо ласточки.

Въ то время князь Потемкинъ распространялъ владычество Екатерины Великой въ этихъ странахъ, носящихъ нынѣ имя Новой-Россіи, и по его приказанію адмиралъ де-Рибасъ въ короткое время овладѣлъ Турецкою крѣпостью, стоявшею на мѣстѣ нынѣшней Одессы. Вскорѣ потомъ Екатерина предписала основать нѣсколько крѣпостей вдоль по всей новой границѣ своей имперіи; Хаджи-Бей былъ включенъ въ число этихъ крѣпостей и долженъ былъ составлять связь между Овидіополемъ, охранявшимъ устья Дуная, и Тирасполемъ, который сторожилъ теченіе Днѣстра. Въ 1794-мъ году, эти три крѣпости вновь перестроены и основана Одесская цитадель на развалинахъ стараго мусульманскаго замка.

Не прошло послѣ того и года, какъ уже на этомъ мѣстѣ появилось множество поселенцевъ, привлеченныхъ благопріятнымъ мѣстоположеніемъ и надѣявшихся на защиту крѣпости. Такимъ образомъ основался городъ, или лучше сказать станъ торговый, расположившійся на той самой плоской возвышенности, на которой теперь выстроена Одесса. Адмиралъ де Рибасъ, управлявшій новымъ поселеніемъ, умѣлъ внушить этимъ отважнымъ торговцамъ столько довѣренности, что они рѣшились поселиться здѣсь на постоянное житье. Такимъ образомъ онъ былъ первымъ основателемъ города, который признаетъ трехъ иностранцевъ за главныхъ виновниковъ своего существованія: разительный примѣръ пользы, какую Правительство, великодушно гостепріимное, и сознающее свое могущество, можетъ извлечь изъ присутствія талантныхъ чужеземныхъ изгнанниковъ, ищущихъ подъ его кровомъ убѣжища.

Донъ Хозе-де-Рибасъ, котораго имя неразлучно съ именемъ Ришелье и Ланжерона, родился въ Неаполѣ, но въ слѣдствіе разныхъ политическихъ случайностей, былъ вынужденъ, въ 1769-мъ году, удалиться въ Россію. Здѣсь вступилъ онъ на службу въ Императорскій флотъ, оказалъ многія заслуги, былъ произведенъ въ адмиралы, и наконецъ удостоился завиднаго порученія создать главный городъ для новопріобрѣтенной области. Донъ Хозе обнаружилъ, при исполненіи этого порученія, столь же много дѣятельности, какъ и благоразумія. Годъ спустя по основаніи новаго города, въ немъ уже считалось 2,300 человѣкъ жителей мужескаго пола и 1600 женскаго. Жители эти состояли изъ Грековъ, Евреевъ и Булгаровъ, которые могли спокойно заниматься своими торговыми дѣлами, находясь подъ спасительною охраною храбраго гарнизона и опытныхъ, дѣятельныхъ штабъ-офицеровъ. Тогда новорождающійся городъ счелъ уже нужнымъ просить Правительство, чтобы оно дало ему имя. Великая Императрица, любившая, какъ извѣстно, историческія изслѣдованія, нашла, что въ этомъ дѣлѣ не будетъ не прилично потребовать мнѣнія Санктъ-Петербургской Академіи Наукъ. Геніальная Монархиня предусматривала, что на этотъ разъ дѣло шло не о бѣдномъ мѣстечкѣ, заброшенномъ въ отдаленномъ углѣ обширной имперіи, но о богатомъ торговомъ и складочномъ мѣстѣ, къ которому купеческіе корабли разныхъ Европейскихъ государствъ, разъѣзжающіе по Средиземному морю, скоро найдутъ дорогу. Такимъ образомъ Одесса получила имя. Въ исторіи древнихъ Греческихъ посе-

леній нашли, что не подалеку отъ мѣста, занимаемаго нынѣшнею Одессою, существовалъ нѣкогда Греческій городъ *Одиссосса*, или *Одиссоссъ* (*), а потому и новому Русскому поселенію дали это древнее имя, отысканное въ поэтической лѣтописи о Троянской войнѣ, описанной величайшимъ поэтомъ.

Въ 1796-мъ году, Одесса распорядилась своимъ внутреннимъ устройствомъ какъ городъ, понимающій свою силу и достоинство. Первою потребностью для нея былъ порядокъ, а второю торговля. Вотъ почему, заведя у себя полицію, Одесса устроила биржу, и вскорѣ торговля сдѣлалась душею, соединявшею новое народонаселеніе, составленное изъ элементовъ, столь разнообразныхъ. Уже въ этомъ году въ Одессу пришло девяносто шесть иностранныхъ купеческихъ кораблей, и адмиралъ де-Рибасъ дѣятельно занимался устройствомъ разныхъ зданій, необходимыхъ для торговаго мореходства.

Между тѣмъ Россійская Имперія понесла невознаградимую утрату: Екатерина Великая скончалась. Послѣ того быстрое возрастаніе Одессы остановилось на нѣсколько времени. Начальство въ этомъ новомъ городѣ поручили контръ-адмиралу Пустошкину, а г-нъ де-Рибасъ былъ отозванъ въ Петербургъ. Однакожь, не смотря на разныя неблагопріятныя обстоятельства, Одесса и въ это время не упала; къ концу 1797-го года въ ней было уже 400 домовъ и 5000 человѣкъ жителей.

Это народонаселеніе, исключительно занимавшееся торговлею и мѣною, нисколько еще не пыталось заняться какою либо производительною промышле-

(*) Улиссовъ градъ.

ностью; въ цѣломъ городѣ не было ни одной фабрики, ни одного завода. . . . или нѣтъ, извините, былъ одинъ заводъ, о которомъ стоитъ упомянуть, потому что онъ характеризуетъ тогдашній бытъ этого новорожденнаго города, въ послѣдствіи достигшаго до такой степени благосостоянія: заводъ этотъ соотвѣтствовалъ необходимой потребности того времени. . . . на немъ дѣлалась пудра для убѣленія головы.

Истекавшій осмнадцатый вѣкъ былъ ознаменованъ грозными политическими бурями; и въ самой Одессѣ, этомъ городѣ, который едва начиналъ существовать, а потому могъ бы, кажется, не опасаться этихъ бурь, были ощутительны страшныя потрясенія, колебавшія Европу.

Долгое время Одесса безуспѣшно просила себѣ разныхъ торговыхъ и портовыхъ привилегій, въ томъ числѣ свободной гавани; но наконецъ, однакожь, усилія ея увѣнчались успѣхомъ. Благодаря князю Гагарину, управлявшему министерствомъ торговли, портовыя работы въ Одессѣ возобновились, достроены были разныя морскія заведенія и основанъ карантинъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ находится теперь. Замѣтя, что жители терпѣли иногда недостатокъ въ хлѣбѣ, Правительство предписало остановиться отпускомъ его за границу, и повелѣло устроить запасные магазины: тогда благосостояніе города опять начало быстро возвышаться.

Все это происходило въ первомъ году текущаго столѣтія. Между тѣмъ на тронъ вступилъ Императоръ Александръ, который обратилъ особенное вниманіе на отдаленныя южныя области своей обширной имперіи и подчинилъ ихъ общимъ законамъ, какими управляется и все государство. Это былъ новый залогъ окончательнаго присоединенія означенныхъ областей къ

Россіи, и такой порядокъ вещей вскорѣ принесъ свои плоды. Въ Одессу явилась еще цѣлая колонія Булгаровъ, привлеченная новыми льготами, дарованными этому городу. Вскорѣ ее освободили на двадцать пять лѣтъ отъ платежа повинностей, избавили отъ военнаго постоя, устроивъ въ ней нѣсколько казармъ, и наконецъ подарили ей окрестную землю, которою она и до сихъ поръ еще владѣетъ; десятая часть таможенныхъ доходовъ была назначена для портовыхъ построекъ, и сверхъ того оказано городу множество другихъ благодѣяній, сильно содѣйствовавшихъ быстрому развитію его торговли и возрастанію народонаселенія. Съ того времени благосостояніе Одессы возрастало съ каждымъ днемъ. Въ 1803-мъ году торговые обороты ея совершались уже на многіе миліоны; городъ обстроивался, распространялся на уступленныхъ ему земляхъ. При такихъ-то обстоятельствахъ прибылъ въ Одессу новый градоначальникъ, котораго управленіе утвердило на прочныхъ основаніяхъ величіе и богатство новаго города.

Арманъ-Эммануэль, герцогъ Ришелье, имѣлъ честь неразрывно соединить имя свое съ судьбою Одессы, для которой было истиннымъ благодѣяніемъ, достойнымъ вѣчной признательности, водвореніе въ ней этого просвѣщеннаго начальника, украшеннаго отъ природы всѣми великими качествами, свойственными людямъ, которые предназначены основывать и созидать. Первоначально герцогъ Ришелье выѣхалъ изъ Франціи въ Вѣну, въ то самое время, когда революція начала угрожать опасностью всѣмъ знатнымъ фамиліямъ, составлявшимъ опору древней Французской монархіи. Императоръ Іосифъ принялъ его съ особеннымъ отличіемъ, но Турецкая война, веденная съ необыкновеннымъ искусствомъ знаменитѣйшими Русскими полководцами, внушила ему желаніе служить подъ Россійскими знаменами. Уже при первомъ вступленіи своемъ, онъ обнаружилъ такую храбрость, что при взятіи Измаила удостоился получить орденъ Святаго Георгія и шпагу за храбрость. Герцогъ Ришелье находился постоянно при особѣ Императора Александра, прежде еще вступленія сего Монарха на тронъ; но онъ возвращался на короткое время въ свое отечество, успокоившееся наконецъ послѣ революціонныхъ тревогъ, подъ сильнымъ правленіемъ Наполеона. Ришелье не склонился на блестящія предложенія новаго Французскаго властелина и уѣхалъ обратно въ Россію, гдѣ его ожидали чинъ генералъ-лейтенанта и должность Одесскаго губернатора.

Въ то время, когда управленіе Одессою было ввѣрено герцогу Ришелье, въ этомъ городѣ считалось восемь церквей, одна больница, тысяча домовъ, большею частью бѣдныхъ хижинъ, и девять тысячъ человѣкъ жителей, въ числѣ которыхъ находилось только сто сорокъ ремесленниковъ. Между тѣмъ потребность въ ремесленникахъ была такъ велика, что новый губернаторъ счелъ необходимымъ озаботиться преимущественно привлеченіемъ въ городъ разныхъ людей, свѣдущихъ въ наиболѣе нужныхъ ремеслахъ.

Когда всѣ отрасли управленія сосредоточились въ однѣхъ рукахъ, и надзоръ за ними былъ распредѣленъ равномѣрно, то городу осталось только заботиться о своемъ украшеніи и распространеніи.

Къ этому же времени слѣдуетъ отнести и множество другихъ, весьма важныхъ благодѣяній, которыми Императоръ Александръ осыпалъ Одессу. Пониженіе таможенныхъ пошлинъ на двадцать пять процентовъ

привлекло въ здѣшнюю гавань весьма большое количество иностранныхъ кораблей. На портовыя постройки была отдѣлена уже не десятая, а пятая доля таможенныхъ доходовъ. Карантинъ устроили со всѣми возможными удобствами, гарнизонъ увеличили, и учредили въ городѣ два большіе рынка. Въ тоже время открыли здѣсь Коммерческій Судъ и школу для преподаванія коммерческихъ наукъ. Разведеніе мериносовъ, пользуясь покровительствомъ, скоро умножилось, и жителямъ Одессы, отдававшимъ въ наймы подъ выгоны земли, дарованныя имъ въ окрестностяхъ города, открылся новый, значительный источникъ дохода. Обиліе, всегда сопутствующее порядку и труду, благосостояніе и роскошь начали, мало по малу проникать въ этотъ новый городъ. Живописный бульваръ, простирающійся надъ морскимъ берегомъ, естественно привлекалъ жителей къ прогулкѣ. Съ высоты, на которой бульваръ этотъ находится, они могли, съ радостью и надеждою, взирать на открытое море и мечтать о будущности своего города. По примѣру губернатора, всѣ жители принялись разсаживать, вокругъ домовъ своихъ и вдоль по улицамъ, разныя деревья, которыхъ присутствію внутри города герцогъ Ришелье справедливо приписывалъ большую важность. И хотя свойство здѣшней почвы вообще неблагопріятно развитію растительности въ большомъ размѣрѣ, однакожь надобно сознаться, что разсадка нѣкоторыхъ породъ акаціи принесла городу большую пользу, доставивъ ему нѣсколько тѣни и прохлады, которыхъ прежде онъ не зналъ, находясь среди голой степи, въ лѣтнее время совершенно изсушаемой солнечнымъ жаромъ.

Между тѣмъ земледѣліе, въ окрестностяхъ Одессы, значительно улучшилось и распространилось, такъ, что уже въ 1805-мъ году Одесса могла отпустить на

5,700,000 рублей хлѣба въ западныя Европейскія государства, подвергшіяся неурожаю. Война, возникшая вскорѣ потомъ въ средней Европѣ, сначала имѣла неблагопріятное вліяніе на торговые обороты Одессы, но въ послѣдствіи этотъ городъ умѣлъ извлечь выгоду даже и изъ подобныхъ, пагубныхъ для многихъ другихъ странъ, обстоятельствъ. Во первыхъ многіе Италіанскіе купцы, уклоняясь отъ Французскаго владычества, переселились въ Ново-Россійскій край и принесли съ собою свои капиталы, и, что еще важнѣе, свое знаніе торговыхъ дѣлъ. Въ то же время, политическое состояніе Европы, препятствовавшее торговцамъ съ востока проникать въ Средиземное море, имѣло то счастливое послѣдствіе, что всѣ товары, которымъ по причинѣ войны былъ запертъ выходъ изъ Дарданеллъ, начали приходить въ Одессу, что доставило ей весьма обширную транзитную торговлю. Это уклоненіе восточныхъ товаровъ, хотя и случайное, дало, однакожь Одессѣ, въ короткое время, два милліона рублей прибыли. Наконецъ все начало разростаться въ этомъ счастливомъ городѣ, который уже не сталъ болѣе довольствоваться одними торговыми, служащими единственно для выгоды, учрежденіями, но пожелалъ посвятить часть своего избытка искусствамъ. Тогда у него попала въ честь архитектура, къ которой обыкновенно, прежде всякаго другаго искуства, получаютъ пристрастіе народы, начинающіе богатѣть. И вдругъ, среди скромныхъ домиковъ и бѣдныхъ хижинъ, начали возноситься зданія замѣчательной постройки. Вскорѣ образовался особый модный кварталъ, устроился даже театръ, на которомъ, по недостатку въ національныхъ комедіяхъ, разыгрывались Италіанскія оперы. Этотъ театръ учрежденъ былъ недалеко отъ биржи, какъ будто его нарочно

хотѣли поставить въ виду того зданія, которое напоминаетъ о происхожденіи здѣшняго населенія. Среди такого благосостоянія, въ 1812-мъ году, чума впервые прокралась въ городъ и похитила двѣ тысячи жителей. Едва оправившись послѣ этого бѣдствія, Одесса была постигнута новымъ, еще болѣе для нея чувствительнымъ несчастіемъ; она лишилась своего знаменитаго губернатора, который, по возстановленіи на тронѣ Франціи законныхъ государей, возвратился въ отечество свое. Цѣлыя одиннадцать лѣтъ герцогъ Ришелье управлялъ Одессою какъ отецъ, и потому, когда уѣзжалъ изъ нея, то не осталось ни одного жителя, который бы не скорбѣлъ объ утратѣ такого начальника.

Герцога провожало до первой станціи почти все народонаселеніе Одессы. Когда настала минута разлуки, весь народъ бросился къ своему благодѣтелю, каждый хотѣлъ облобызать его руки, коснуться до его платья. И самъ онъ столь глубоко былъ тронутъ, что надобно было почти насильно оторвать его отъ народа и отнести въ карету, которая тотчасъ же быстро удалилась. Остальная часть его благородной жизни принадлежитъ уже другой странѣ. Но и во Франціи, занимая важнѣйшія государственныя должности, герцогъ Ришелье никогда не забывалъ о жителяхъ Одессы. Нынѣ, посреди этого города воздвигнутъ ему прочный памятникъ.

Статистическія цифры Одессы представляютъ въ этотъ одиннадцатилѣтній періодъ замѣчательное приращеніе. Не входя въ излишнія подробности, скажемъ только, что при отъѣздѣ герцога Ришелье, въ Одессѣ было уже двадцать пять тысячъ жителей и болѣе двухъ тысячъ домовъ; а сумма ежегодныхъ торговыхъ оборотовъ ея простиралась уже отъ сорока пяти до пятидесяти милліоновъ рублей.

И такъ въ Ново-Россійскомъ краѣ оставалось благородное наслѣдіе; и оно, по волѣ Государя, было передано въ достойныя руки, именно въ руки графа Ланжерона, который съ рѣдкимъ счастіемъ продолжалъ трудъ своего знаменитаго предшественника.

Графъ Ланжеронъ, также какъ и герцогъ Ришелье, принадлежалъ къ Французскимъ эмигрантамъ. Принятый въ Россійскую службу, онъ обнаружилъ великія военныя дарованія въ Швеціи, Турціи, Голландіи, на островѣ Корфу, словомъ вездѣ, гдѣ ему случалось вести войну. По заключеніи всеобщаго мира, г-нъ Ланжеронъ былъ опредѣленъ гражданскимъ губернаторомъ и генералъ-губернаторомъ Ново-Россійскаго края. Такимъ образомъ въ однѣхъ рукахъ была сосредоточена власть, доставлявшая графу Ланжерону возможность составить планъ администраціи, долженствовавшей впредь тѣсно соединить выгоды Одессы съ выгодами обширныхъ странъ, ввѣренныхъ управленію новаго губернатора.

Графъ Ланжеронъ принялъ Одессу въ свое управленіе въ концѣ 1815-го года. Въ это время она была уже не новое поселеніе, испытывающее свои силы, а великій городъ, занимающій весьма важное мѣсто въ обширной Россійской имперіи. И потому намъ остается говорить теперь уже не о робкихъ попыткахъ небольшаго количества торговцевъ, а объ успѣхахъ быстрыхъ и громадныхъ. Въ 1815-мъ году, изъ Одессы вывозилось товаровъ на четырнадцать милліоновъ рублей, но годъ спустя ихъ вывозилось уже на тридцать семь милліоновъ, а еще черезъ годъ на сорокъ два милліона. Привозъ простирался въ то же время

отъ пятнадцати до девятнадцати милiоновъ въ годъ. Съ этой поры Одесса сдѣлалась огромнымъ складочнымъ мѣстомъ хлѣба, житницею, которая, въ голодные годы, снабжаетъ хлѣбомъ всѣ Европейскія государства. А какъ не было достаточнаго количества кораблей для столь быстраго и обширнаго отпуска, то въ это же время были выстроены Одесскіе многочисленные магазины, составляющіе, можно сказать, особый городъ, въ которомъ хранятся хлѣбныя произведенія Русской почвы.

Такимъ образомъ совершилась судьба этого новаго города. Отнынѣ онъ принадлежитъ къ самымъ дѣятельнымъ и полезнымъ городамъ въ мірѣ. Къ довершенію благополучія Одессы, въ 1817-мъ году было исполнено и давнишнее ея желаніе: она была объявлена свободною гаванью. Эта мѣра имѣла для города чрезвычайно важныя послѣдствія, доставивъ ему средства заняться фабричною промышленостью, весьма выгодною при дешевизнѣ сырыхъ матеріаловъ и возможности свободно привозить ихъ въ городъ.

Прежде всего занялись устройствомъ ограды, гдѣ эта драгоцѣнная свобода могла бы быть содержима въ извѣстныхъ предѣлахъ, но и не стѣснена. Пространство было велико; на обнесеніе его таможенною оградою потребовалось два года времени и триста тысячъ рублей денегъ. А потому свободный привозъ иностранныхъ товаровъ былъ допущенъ не прежде 1819-го года.

При огромномъ развитіи матеріальнаго богатства, Одесса терпѣла однакожъ еще недостатокъ въ заведеніяхъ для умственнаго образованія. Но около того же времени былъ устроенъ Ришельевскій лицей, который въ короткое время наполнился множествомъ воспитанниковъ. Первымъ его директоромъ былъ аббатъ Николь, благодушный руководитель юношества, новый Ролленъ, выѣхавшій изъ Франціи съ большимъ запасомъ знанія, которое умѣлъ и для другихъ сдѣлать пріятнымъ и удободоступнымъ. Тогда же былъ устроенъ и ботаническій садъ: садоводству обучалъ одинъ Французъ, который завелъ разсадники разныхъ деревъ и растеній; многія попытки его оклиматизировать нѣкоторыя растенія имѣли совершенный успѣхъ.

Когда вспыхнула война за независимость Греціи, то многія Греческія семейства удалились въ Одессу, куда увезли съ собою и останки Константинопольскаго патріарха, замученнаго Турками.

Въ 1821-мъ году, учредилось правильное сообщеніе между Одессою и Константинополемъ, посредствомъ двухъ кораблей, ходившихъ туда и сюда въ опредѣленные сроки. Въ Одессѣ завелись свои типографіи, основались свои журналы, дѣловыя собранія, общества ученыя, и увеселительныя сходбища. Чтобы изъ города торговаго и трудолюбиваго превратиться въ городъ изящный и веселый, Одессѣ оставалось сдѣлать одинъ только шагъ, и она сдѣлала его легко, благодаря примѣру и попечительности новаго генералъ-губернатора своего. Этотъ новый генералъ-губернаторъ есть столь же искусный правитель, какъ и знаменитый воинъ, человѣкъ, имѣющій обширныя свѣдѣнія, непоколебимо стремящійся ко благу общества, снисходительный къ слабостямъ человѣческимъ, это мужъ, принадлежащій къ самымъ чистымъ, во всѣхъ отношеніяхъ, знаменитостямъ Россіи, однимъ словомъ благородный и вполнѣ образцовый дворянинъ и вельможа, — князь Михаилъ Семеновичь Воронцовъ.

Князь М. С. родился въ 1782-мъ году и возросъ въ Англіи, гдѣ родитель его былъ посланникомъ. Въ службу князь М. С. вступилъ въ гвардію поручичьимъ чиномъ и былъ въ походахъ въ Грузіи и на Кавказѣ съ 1801-го по 1805-й годъ. Тамъ, среди ежедневныхъ битвъ, онъ обнаружилъ мужество, которое положило начало его блестящей военной славѣ. Онъ быстро былъ повышаемъ въ Ганноверѣ, Германіи и Европейской Турціи. Во время похода во Францію, онъ былъ уже генераломъ и при Краонѣ командовалъ войсками, которыя сражались противъ корпуса, находившагося подъ личнымъ предводительствомъ самого Наполеона. Въ продолженіе времени, пока Франція была занята союзными арміями, князь М. С. Воронцовъ начальствовалъ Русскими войсками, стоявшими во Франціи. Главная квартира его была въ Мобежѣ: тамъ и до сихъ поръ еще сохранилось воспоминаніе о его благородномъ обращеніи, постоянно отличавшемся самою строгою справедливостью. Управленіе Ново-Россійскимъ краемъ ввѣрено ему въ 1823-мъ году, и съ того времени онъ поселился въ Одессѣ. Счастливый городъ! Въ пятомъ уже начальникѣ онъ находитъ соединеніе всѣхъ блистательныхъ качествъ, какими прославились первые основатели его благосостоянія, безпрерывно возрастающаго.

При управленіи благороднаго князя процвѣтаніе Одессы стало еще болѣе возвышаться. Внѣшняя красота города приняла замѣчательный отпечатокъ величія и изящнаго вкуса. Составлено карантинное положеніе, которое принадлежитъ къ самымъ мудрымъ постановленіямъ по этой части, какія когда либо существовали въ мірѣ. Огромныя суммы были употреблены на устройство водосточныхъ трубъ, на мостовую и разведеніе деревъ въ городѣ, и вообще для обезпеченія общественнаго здравія. Полиція во многихъ отношеніяхъ улучшена, во всемъ городѣ водворился удивительный порядокъ и совершенная безопасность. Воздвигнуты многія церкви, устроены обширные рынки, воспитательныя и благотворительныя заведенія, обширная тюрьма. Наконецъ, чтобы дать понятіе о томъ благосостояніи, до какого князь Воронцовъ довелъ Одессу, заимствуемъ изъ нижепоименованнаго сочиненія, недавно еще изданнаго, слѣдующую статистическую таблицу:

СТАТИСТИКА ОДЕССЫ

въ концѣ 1836-го года,

ЗАИМСТВОВАННАЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЯ Г-на СКАЛЬКОВСКАГО,

подъ заглавіемъ: *Тридцать первыхъ лѣтъ Одессы.* — Одесса 1837.

---

1. Поверхность, занимаемая городомъ и его округомъ.

Одесса, съ двумя предмѣстіями своими и двѣнадцатью деревнями, отъ нея зависящими, занимаетъ . . . . Кв. дес.	42,628
Загородные дома около нея занимаютъ. . . .	522
Виноградники, вокругъ нея разведенные, доставляющіе 18,000 рублей доходу, занимаютъ.	4,000,000
Площади.	8
Улицы. . . . . , . .	60

2. Число зданій.

Церквей	28	5,645
Правительственныхъ зданій	27	
Казармъ	7	
Общественныхъ садовъ и гульбищъ	4	
Гаваней (карантинная, свободная и Платоновская)	3	
Гошпиталей	3	
Богадѣльна	1	
Пріютъ для сиротъ	1	
Зданіе для ученія войскъ	1	
Хлѣбныхъ магазиновъ	363	
Фабрикъ и заводовъ	34	
Частныхъ домовъ въ городѣ	2,125	
» » въ предмѣстіяхъ	1,570	
» » въ деревняхъ	1,478	

3. Народонаселеніе.

	Муж. пола.	Женскаго.
Духовенства	52	50
Дворянъ и чиновниковъ	2,698	2,597
Купцовъ, переставшихъ торговать	18	60
Купцовъ первой гильдіи	127	102
» второй гильдіи	172	295
» третьей	1,455	1,484
Мѣщанъ	18,511	16,876
Иностранцевъ не торгующихъ	1,365	1,948
Поселенцевъ, пользующихся правомъ Одесскихъ гражданъ	1,037	1,089
Другихъ лицъ податнаго сословія	1,981	1,672
Отставныхъ солдатъ	136	98
	27,532	26,271

Обоего пола 53,803

Здѣсь еще не включены солдаты, составляющіе гарнизонъ и воспитанники разныхъ учебныхъ заведеній.

4. Общественныя учебныя и ученыя заведенія.

Ришельевскій музей съ гимназіей	1	22
Школа восточныхъ языковъ	1	
» уѣздное Одесское училище	1	
» приходскихъ	4	
Сиротскій домъ	1	
Греческое коммерческое училище	1	
Лютеранское училище	1	
Католическое	1	
Еврейское мужское	1	
» женское	1	
Институтъ благородныхъ дѣвицъ	1	
Училище для дѣвицъ, содержимое городомъ	1	
Мужскихъ пансіоновъ	3	
Женскихъ	4	

Общее число учащихся	мальчиковъ	1,723	2,375
	дѣвочекъ	652	

Типографій	3
Литографій	3
Публичная библіотека	1
Ново-Россійскій Музей	1
Общество сельскаго хозяйства	1

5. Торговля и мореходство.

	Рубли.	
Въ 1836-мъ году ввезено товаровъ на	18,282,522 »	52,949,820 »
Вывезено на	34,667,298 »	

Кораблей	пришло	1,252
	отошло	1,221

Страховыхъ морскихъ обществъ	1	6
Обществъ пароходнаго плаванія по Черному-Морю	1	
Новороссійское пароходное общество	1	
Общество овцеводовъ	1	
» конскаго бѣга	1	
» искусственныхъ минеральныхъ водъ	1	

6. Бюджетъ города.

Доходы.

	Рубли.	Коп.	Рубли.	К.
Пятая доля изъ таможенныхъ сборовъ	1,388,968	22	1,786,119	34
Позсмельныхъ податей, съ торговыхъ свидѣтельствъ и проч.	397,151	12		

Расходы.

	Рубли.	К.
На общественныя зданія, содержаніе присутственныхъ мѣстъ, мостовую, освѣщеніе города и проч.	1,374,818	10

Изъ числа многочисленныхъ прекрасныхъ заведеній, существующихъ здѣсь, мы осматривали, между прочимъ, Ботаническій садъ, о которомъ считаемъ необходимымъ упомянуть особенно потому, что посѣщая его, мы познакомились съ профессоромъ г-номъ Нордманномъ и пріобрѣли дѣятельное сотрудничество этого ученаго мужа. Онъ управляетъ Одесскимъ Ботаническимъ садомъ съ 1833-го года, постоянно обнаруживая пламенную любовь къ естественнымъ наукамъ. Узнавъ о цѣли нашей экспедиціи, объ изысканіяхъ, какія мы намѣревались дѣлать въ Крыму, особенно по части зоологіи, онъ вдругъ почувствовалъ сильное желаніе путешествовать и мнѣ посчастливилось уговорить его, чтобы онъ отправился съ нами въ Крымъ, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, потому что уже пять разъ путешествовалъ по этому полуострову. Онъ показалъ намъ коллекціи естественныхъ предметовъ, со-

бранныя имъ въ Крыму, которыми наши натуралисты такъ были восхищены, что изъявили желаніе ѣхать безъ всякой отсрочки и приходили въ отчаяніе отъ малѣйшаго замедленія. Какъ бы то ни было, съ этого дня г-нъ Нордманъ присоединился къ нашимъ спутникамъ.

Садъ, находящійся подъ управленіемъ г-на Нордманна, назначенъ болѣе для образованія хорошихъ садовниковъ, нежели для разведенія растеній, которому равно противятся и климатъ и почва. Поучившись три или четыре года практическому садоводству, воспитанники получаютъ аттестатъ и легко находятъ мѣста въ Одессѣ, гдѣ любители садовъ еще не лишаются бодрости, не смотря на многочисленныя безплодныя попытки. Если же въ Одессѣ не оказывается мѣста, то воспитанники Ботаническаго сада отправляются въ Крымъ, а тамъ свойство почвы совершенно благопріятно опытамъ всякаго рода. Что касается до Ботаническаго сада, то въ немъ дѣланы были довольно удачныя попытки аклиматизировать нѣкоторыя чужеземныя растенія. Особенно такія попытки удавались съ растеніями Сѣверо-Американскими и Японскими. Но всего болѣе садъ этотъ приноситъ пользы своими питомниками; онъ ежегодно доставляетъ какъ частнымъ лицамъ, такъ и для разныхъ общественныхъ надобностей болѣе сорока тысячъ разныхъ молодыхъ деревцовъ. При садѣ этомъ находятся директоръ, секретарь, четыре старшихъ садовника; на содержаніе его городъ выдаетъ ежегодно десять тысячъ рублей. Расходы, производящіеся сверхъ этой суммы, покрываются деньгами, выручаемыми продажею молодыхъ деревцовъ изъ питомниковъ. Деревца эти, впрочемъ, всегда продаются по самымъ дешевымъ цѣнамъ, нарочно для того, чтобы

заохочивать людей, заботящихся о разведеніи и распространеніи разнаго рода деревъ.

Правитель канцеляріи Генералъ-Губернатора, г-нъ Фабръ, составилъ любопытную коллекцію, содержащую въ себѣ предметы ботаническіе и вмѣстѣ промышленные. Въ этомъ дендрологическомъ музеѣ будетъ помѣщено всякаго рода дерево, какое только производитъ Россійская имперія. И теперь уже есть въ немъ многіе образцики дерева, какъ въ естественномъ видѣ, такъ и полированные. Г. Фабръ, столь благородно пользующійся краткимъ досугомъ, остающимся у него отъ его важныхъ занятій, обнаружилъ передъ нами, когда мы посѣщали его кабинетъ, не только чрезвычайную вѣжливость и любезность, но и разнообразныя свѣдѣнія.

Въ Одесскомъ гошпиталѣ мы замѣтили одинъ лишь недостатокъ, именно, что доступъ свѣжаго воздуха въ палаты не довольно свободенъ. Впрочемъ, здѣсь очень заботливо пекутся о больныхъ. Хирургическая часть въ этомъ гошпиталѣ ввѣрена искусному доктору, г-ну Андріевскому. Къ сожалѣнію, въ то время, когда мы посѣщали заведеніе, было произведено много важныхъ операцій. Это непріятное зрѣлище вынудило насъ сократить посѣщеніе, такъ что мы всѣ поспѣшили удалиться, за исключеніемъ доктора Левелье, котораго удержало только участіе къ наукѣ, имъ самимъ изучаемой.

Въ Одесскомъ учебномъ округѣ, въ настоящее время заключается большое количество гимназій и училищъ, находящихся въ Ново-Россійскомъ краѣ. Изъ Ришельевскаго лицея, какъ слышно, ежегодно выходитъ очень много отлично образованныхъ молодыхъ людей. Кромѣ этого заведенія и частныхъ пансіоновъ, въ Одессѣ есть еще училища: военное,

восточныхъ языковъ и лоцманское. Одесскіе Греки преимущественно занимаются мореходствомъ и рыбною ловлею; но при всемъ томъ, кажется, рыболовная промышленость не достаточно развита и усовершенствована, такъ, что не смотря на обиліе рыбы въ части моря, прилегающей къ Одессѣ, городъ этотъ недостаточно снабженъ рыбою и она продается не дешево.

Что касается до плодовъ, то ими Одесса снабжена въ чрезвычайно большомъ количествѣ. Многочисленные балаганы, въ которыхъ здѣсь торгуютъ плодами, прикрытые парусиннымъ навѣсомъ, напоминаютъ объ Италіанскихъ и Испанскихъ фруктовыхъ лавкахъ. Болѣе всего Одесскіе жители любятъ арбузы, продающіеся здѣсь по чрезвычайно дешевой цѣнѣ, доступной для каждаго, самаго бѣднаго человѣка. Утвердительно можно сказать, что въ продолженіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, въ Одессѣ ежедневно продается до тридцати тысячъ арбузовъ. До тѣхъ поръ, пока продолжаются сильные жары, народъ не знаетъ другаго питья, другой пищи, кромѣ арбузовъ. Впрочемъ, такое обильное употребленіе этого плода не можетъ быть полезно для здоровья въ странѣ, гдѣ иногда свирѣпствуютъ повальныя лихорадки и другія острыя болѣзни.

Мѣстоположеніе Одессы имѣетъ много вліянія на климатъ ея.

Городъ этотъ, будучи выстроенъ довольно высоко надъ поверхностью моря и беззащитно подверженъ всѣмъ вѣтрамъ, откуда бы они ни дули, въ лѣтнее время, заносится пылью и пескомъ, и сверхъ того жаръ тогда въ немъ бываетъ нестерпимый.

Долгое время утверждали, что воздухъ въ Одессѣ нездоровый и дурной; однакожь, судя по состоянію

общественнаго здравія, надобно полагать, что на воздухъ клеветали по напрасну. Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что болѣзни здѣсь появляются обыкновенно въ такія эпохи, когда происходитъ быстрая перемѣна температуры; а въ этомъ отношеніи положеніе Одессы весьма неблагопріятное. Хотя она лежитъ подъ 46 градусомъ, 30-ю минутами широты, то есть въ полосѣ, гдѣ климатъ вообще умѣренный, однакожь, съ одной стороны зима въ ней бываетъ гораздо суровѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, лежащихъ подъ тою же параллелью, а съ другой — лѣто несравненно жарче. Но это происходитъ, какъ мы уже замѣтили, отъ того, что мѣста, окружающія Одессу, совершенно лишены лѣсовъ; при томъ и всѣ города, основанные въ этихъ безконечныхъ степяхъ, подвержены тѣмъ же неблагопріятнымъ условіямъ.

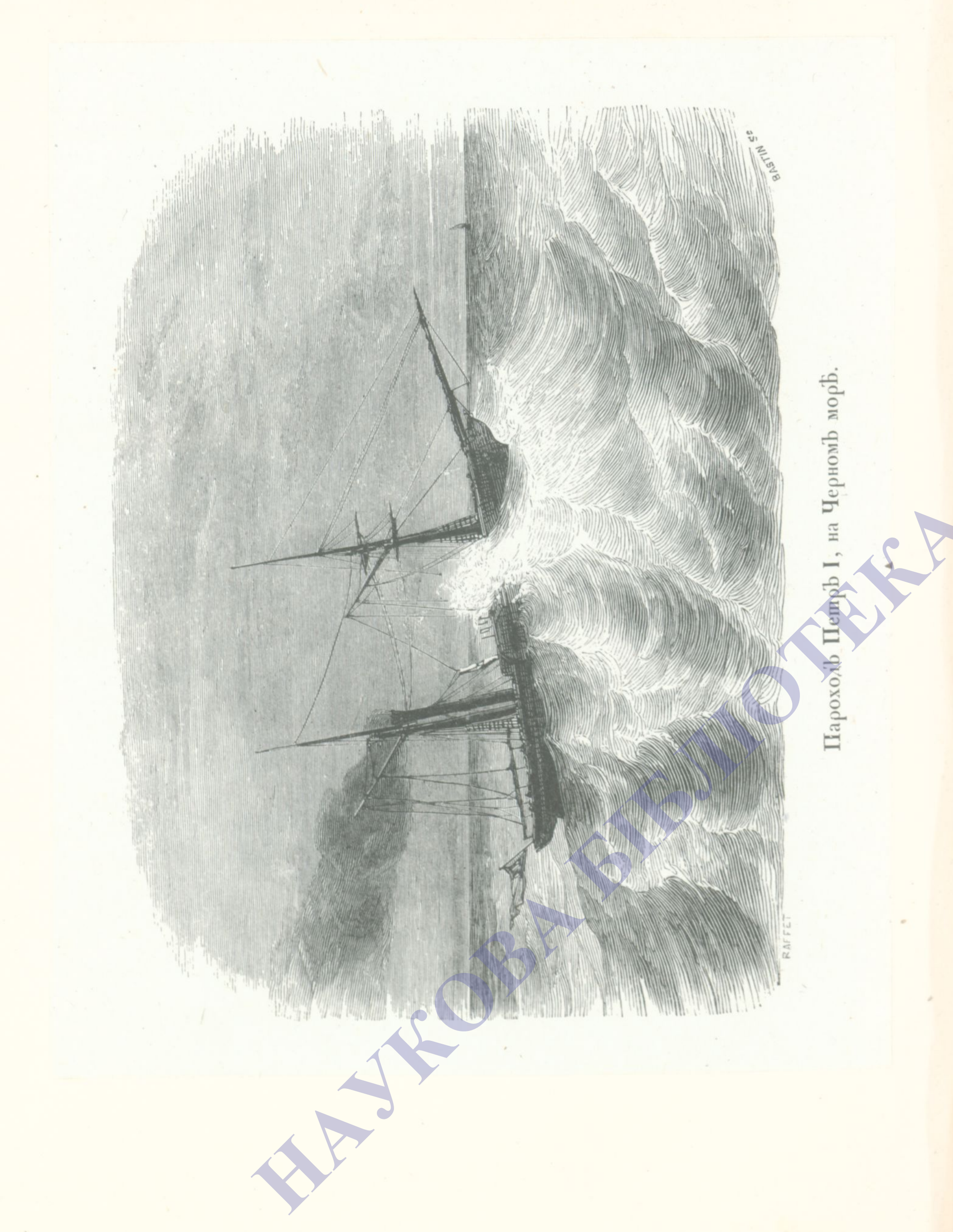
Еще болѣе важное неудобство для города, которому, по всей вѣроятности, предстоитъ важная будущность, составляетъ недостатокъ прѣсной воды, дѣлающійся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ощутительнымъ. Но въ этомъ отношеніи можно положиться на отеческую заботливость князя Воронцова; при помощи Божіей и при содѣйствіи науки, онъ безъ сомнѣнія, найдетъ способъ снабдить Одессу въ достаточномъ количествѣ хорошею водою. Впрочемъ, въ Одессѣ и теперь довольно много колодцевъ и вода въ нихъ здоровая. Что касается до топлива, то въ дровахъ по нынѣ еще нѣтъ недостатка, хотя они и дороги. Надѣялись найти въ Бессарабіи каменный уголь, но до сихъ поръ надежды эти еще не совсѣмъ оправдались; надобно однакожь думать, что изысканія, усердно производимыя начальствомъ, рано или поздно увѣнчаются желаемымъ успѣхомъ.

Мы слышали отъ нѣкоторыхъ моряковъ, что будто

приморское положеніе Одессы и выборъ ея гавани не совсѣмъ удачны, что въ Херсонѣ и Николаевѣ существуютъ болѣе безопасныя якорныя стоянки и что изъ этихъ городовъ Южная Россія удобнѣе бы могла сбывать свои произведенія. Первое изъ этихъ замѣчаній, можетъ быть, и основательно: дѣйствительно Одесскій рейдъ открытъ всѣмъ вѣтрамъ, которые часто вгоняютъ волны въ самую бухту и заносятъ ее пескомъ; что же касается до втораго замѣчанія, то намъ кажется, что оно не совсѣмъ справедливо и что положеніе Одессы довольно благопріятно для сбыта произведеній изъ южныхъ частей Россійской имперіи. Еще за долго прежде, чѣмъ Одесса была объявлена вольною гаванью, корабли изъ западныхъ странъ Европы приходили къ ней въ большомъ количествѣ. Не можетъ же быть, чтобы не существовало какихъ нибудь особенныхъ выгодъ въ положеніи Одессы, когда, не смотря на существованіе Херсона, вся прибрежная торговля Чернаго-Моря обратилась къ Одессѣ уже въ то время, какъ городъ этотъ только что основался на мѣстѣ, занимаемомъ прежде Турецкою крѣпостцею Хаджи-Беемъ, не производившимъ вовсе никакой торговли. Надобно припомнить, что первоначальное развитіе Одессы въ теченіе десяти лѣтъ было затруднено разными неблагопріятными обстоятельствами и что она не могла бы бороться съ ними, еслибы въ собственномъ ея положеніи не было силы, которая помогла ей восторжествовать надъ всѣми препятствіями. Для Бессарабіи и Подоліи, а также для странъ, простирающихся къ востоку до береговъ Буга, Одесса представляетъ самое естественное мѣсто сбыта. Изъ этихъ странъ, безъ всякаго ущерба Херсонской торговлѣ, могутъ быть доставляемы въ Одессу ихъ главныя произведенія: шерсть, зерновой хлѣбъ, кожи, са-

ло. Что касается до металловъ, привозимыхъ по Азовскому морю, то они естественно должны были доставляться въ Одессу, какъ въ ближайшій и наиболѣе доступный портъ, къ которому и плыть изъ Азова благопріятствуютъ вѣтры, большею частію тамъ господствующіе. Безопасность якорныхъ стоянокъ Херсонской и Николаевской зависитъ отъ того, что входъ въ нихъ чрезвычайно труденъ, а это естественнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, должно было вредить самому развитію торговли, производимой Херсономъ и Николаевымъ.

Но зачѣмъ долѣе заниматься изслѣдованіемъ вопросовъ, на которые, во время перваго, непродолжительнаго пребыванія нашего въ Одессѣ, мы не могли обратить достаточнаго вниманія? Ослѣпленные изяществомъ этого города, мы были усыплены нѣгою жизни, исполненной обилія и роскоши, которыя тѣмъ болѣе имѣли для насъ цѣны, что слѣдовали непосредственно за продолжительными лишеніями, за утомительнымъ путешествіемъ. Мы были очарованы великолѣпными зданіями, стройно тянувшимися вдоль красиваго бульвара, и не заботились о томъ, что всѣмъ этимъ архитектурнымъ украшеніямъ благопріятствовало самое свойство камня, употребляемаго здѣсь на стройку, потому что камень этотъ очень мягокъ и легко поддается рѣзцу. Кромѣ того намъ говорили, что Одесса выстроена не на прочной почвѣ, что она стоитъ на хрупкой раковинистой скалѣ, мало по малу вывѣтривающейся и разрушающейся отъ дѣйствія атмосферическихъ вліяній. Мы не обращали на подобныя слова никакого вниманія; мы находили въ этихъ непрочныхъ домахъ такой ласковый пріемъ, столько роскоши, тонкаго вкуса, изящества, что все содѣйствовало къ самому пріятному для насъ усыпленію. Спѣшу къ описанію того времени, когда,

Пароходъ Петръ I, на Черномъ морѣ.

въ слѣдствіе обязательнаго приглашенія Князя Воронцова, мы наняли мѣста на красивомъ пароходѣ «Петръ Великій,» который во все лѣто содержитъ сообщеніе между Одессою и тремя главными точками древняго Херсонеса: Ялтою, Ѳеодосіею и Керчью.

Мы отправились прямо въ Ялту; вмѣстѣ съ нами находилось многочисленное и весьма хорошее общество, сопровождавшее Княгиню Воронцову, супругу Князя Михаила Семеновича, которая отправлялась въ Алупку. Августа 10-го въ двѣнадцать часовъ дня, пароходъ нашъ вышелъ въ открытое море. Путешествіе наше началось въ самую прекрасную погоду; всѣ лица, составлявшія общество, въ которомъ мы находились, отличались необыкновеннымъ остроуміемъ и любезностью, такъ что мы проводили время самымъ пріятнымъ образомъ. Дамы, каждый годъ совершающія эту поѣздку въ свои Крымскія дачи, обнаруживали большую привычку къ морю.

Вечеръ прошелъ мирно и весело; но при закатѣ солнца, на горизонтѣ протянулась длинная красная полоса, возвѣстившая, что ночью будетъ не такъ тихо. Самые опытные моряки не пропустили этого признака безъ вниманія, и послѣдствія доказали, что они угадали вѣрно. Когда наступила ночь, подулъ сильный вѣтеръ, волны расходились и начали заливать палубу нашего прекраснаго парохода, который мало возвышался надъ уровнемъ моря. Тогда многіе изъ пасажировъ пришли въ смущеніе, и нѣкоторые изъ самыхъ даже привычныхъ къ такимъ перемѣнамъ погоды на морѣ, подверглись припадкамъ морской болѣзни. Въ самую глубокую полночь мы увидѣли Тендрскій маякъ, устроенный на оконечности длинной косы, которая такъ низменна, что даже и днемъ ея нельзя различить отъ моря. Нѣсколько позднѣе мы

Пароходъ Петръ I. на Черномъ морѣ.

въ слѣдствіе обязательнаго приглашенія Князя Воронцова, мы наняли мѣста на красивомъ пароходѣ «Петръ Великій, » который во все лѣто содержитъ сообщеніе между Одессою и тремя главными точками древняго Херсонеса : Ялтою, Ѳеодосіею и Керчью.

Мы отправились прямо въ Ялту ; вмѣстѣ съ нами находилось многочисленное и весьма хорошее общество, сопровождавшее Княгиню Воронцову , супругу Князя Михаила Семеновича, которая отправлялась въ Алупку. Августа 10-го въ двѣнадцать часовъ дня, пароходъ нашъ вышелъ въ открытое море. Путешествіе наше началось въ самую прекрасную погоду; всѣ лица , составлявшія общество, въ которомъ мы находились, отличались необыкновеннымъ остроуміемъ и любезностью, такъ что мы проводили время самымъ пріятнымъ образомъ. Дамы, каждый годъ совершающія эту поѣздку въ свои Крымскія дачи, обнаруживали большую привычку къ морю.

Вечеръ прошелъ мирно и весело; но при закатѣ солнца, на горизонтѣ протянулась длинная красная полоса, возвѣстившая, что ночью будетъ не такъ тихо. Самые опытные моряки не пропустили этого признака безъ вниманія, и послѣдствія доказали, что они угадали вѣрно. Когда наступила ночь, подулъ сильный вѣтеръ, волны расходились и начали заливать палубу нашего прекраснаго парохода, который мало возвышался надъ уровнемъ моря. Тогда многіе изъ пасажировъ пришли въ смущеніе , и нѣкоторые изъ самыхъ даже привычныхъ къ такимъ перемѣнамъ погоды на морѣ, подверглись припадкамъ морской болѣзни. Въ самую глубокую полночь мы увидѣли Тендрскій маякъ, устроенный на оконечности длинной косы, которая такъ низменна, что даже и днемъ ея нельзя различить отъ моря. Нѣсколько позднѣе мы

увидѣли слѣва маякъ Тарканбутскій, а утромъ прошли посреди эскадры, состоявшей изъ четырехъ линейныхъ кораблей и двухъ фрегатовъ Россійскаго флота, маневрировавшихъ не далеко отъ береговъ Крыма, завидѣнныхъ нами уже часамъ къ одиннадцати. Маякъ, поставленный на низменной косѣ Херсонеса, указываетъ первую, наиболѣе выдавшуюся точку южнаго берега. Вскорѣ очарованнымъ взорамъ нашимъ представились высокія красивыя горы, которыя можно было принять за зеленѣющую цѣпь, простирающуюся между Генуэзскою областью и герцогствомъ Луккскимъ. Обогнувъ первый мысъ, мы плыли быстро и все еще по взволнованному морю, мимо самыхъ живописныхъ мѣстъ, которыхъ названія, снисходительные спутники наши едва успѣвали сказывать намъ.

Этотъ огромный мысъ есть мысъ Парѳеніумъ. На вершинѣ его, нечуждой поэтическихъ воспоминаній, (потому что здѣсь, по отзывамъ всѣхъ древнихъ поэтовъ, совершилась прекрасная драма Ореста и Ифигеніи), стоитъ монастырь Святаго Георгія, увѣнчанный огромнымъ краснымъ куполомъ, на которомъ ярко свѣтятся вызолоченные громоотводы.

Вотъ и Балаклава съ своими Генуэзскими развалинами; она возвышается на скалѣ, надъ узкою морскою губою, въ которой корабли и рыбачьи суда находятъ пристанище какъ въ гавани. Эта губа, укрытая самою природою, представляетъ убѣжище тайное и безопасное; нѣтъ ни одной столь высокой мачты, которая моглабы быть видимою извнѣ этой губы, отвсюду огражденной стѣнами громадныхъ скалъ. Нѣсколько далѣе возвышается мысъ Аю-дагъ, составляющій самую южную оконечность Тавриды. Чѣмъ далѣе мы плыли вдоль этихъ любопытныхъ береговъ, тѣмъ болѣе открывалось передъ нами прекрасныхъ мѣстоположеній. Природа постепенно утрачивала свой дикій, суровый видъ, громада горъ отступала во внутренность полуострова, образуя между собою и моремъ отлогіе уступы, обильно украшенные растительностью. Вскорѣ мы увидѣли Кастропуло, одно изъ тѣхъ полезныхъ заведеній, которыя такъ прославили уважаемое, по многимъ причинамъ, имя моего почтеннаго родителя. Передъ фасадами, бѣлыхъ какъ снѣгъ, Кастропульскихъ домовъ, тянутся по скату холмовъ, виноградники, достигающіе до самаго песчанаго морскаго берега. Не могу выразить какъ я былъ взволнованъ при видѣ этой собственности, которую никогда еще не посѣщалъ, являвшейся передо мною какъ часть родительскаго наслѣдія, самая достойная величайшей заботливости.

Вскорѣ передъ глазами нашими явились мѣста, обитаемыя богатыми владѣльцами южнаго Крымскаго берега. Наконецъ мы увидѣли чертоги, выстроенные въ легкомъ Византійскомъ вкусѣ, ярко отдѣлявшіяся отъ зелени, ихъ окружавшей, и осѣненныя національнымъ Русскимъ флагомъ, который весело развѣвался по вѣтру. Это была Алупка, главное мѣсто здѣшней очаровательной колоніи загородныхъ замковъ. Хотя мы были еще довольно далеко отъ берега, однакожь до насъ донеслись звуки трехъ пушечныхъ выстрѣловъ, привѣтствовавшихъ наше прибытіе. Маякъ, возвышающійся на небольшомъ холмѣ, указываетъ входъ въ Ялтскую бухту, гдѣ должно было окончиться наше плаваніе. По причинѣ дурной погоды и противнаго вѣтра, мы прибыли шестью часами позже нежели слѣдовало. Пароходъ нашъ сталъ на якорь въ небольшомъ разстояніи отъ плотины, которая можетъ защитить только простыя барки отъ большихъ волнъ, налетающихъ съ открытаго моря.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ того какъ пароходъ сталъ на якорь, на взволнованномъ морѣ явилась легенькая лодочка, которая быстро приблизилась къ нашему судну. На ней прибылъ къ намъ Князь Воронцовъ. Онъ и теперь, какъ всегда, обнаружилъ свою обычную доброту и любезность. Онъ былъ радъ тому счастію, которое испытывали всѣ окружавшіе его; на его прекрасномъ и величавомъ лицѣ ясно выражалось спокойствіе благородной души, счастливой собственными благодѣяніями. Пріемъ, которымъ Князь удостоилъ какъ меня, такъ и спутниковъ моихъ, наполнилъ сердце мое признательностью. Вообще все его обращеніе отличалось искреннимъ радушіемъ, исполненнымъ прелести и естественности.

Вслѣдъ за тѣмъ мы сошли на берегъ и остановились въ гостинницѣ, содержимой синьоромъ Бартолуччи, прежнимъ басомъ Одесскаго театра. О! тщета величія земнаго!

VI.

КРЫМЪ. — ТАГАНРОГЪ. — НОВО-ЧЕРКАСКЪ.

Мало найдется мѣстностей столь живописныхъ какъ та, которую занимаетъ Ялта; самая гавань ея можетъ скорѣе назваться украшеніемъ, нежели гаванью. Всѣ домы въ этомъ мѣстечкѣ, или лучше сказать изящномъ городѣ, совершенно новые и прислонены къ высокому горному хребту. Ялта, выстроенная очень недавно на мѣстѣ какого-то древняго Греческаго города, довольно обширнаго, занимаетъ весь сѣверный берегъ большой бухты, простирающейся между двумя мысами. Рейдъ Ялтскій, окоймленный

живописными мѣстностями, очень хорошо защищенъ съ сѣверо-западной стороны, но съ юго-восточной совершенно открытъ вѣтрамъ и волнамъ. Въ этомъ отношеніи здѣшній рейдъ сходствуетъ съ Одесскимъ. Въ Ялтской бухтѣ, даже и въ то время, когда вѣтеръ утихъ, волны долго еще бушуютъ и размывая пески на днѣ бухты, болѣе и болѣе стѣсняютъ якорное мѣсто, и безъ того не очень удобное. Вотъ почему Ялта, какъ бы объ ней ни заботились, никогда не будетъ важнымъ портовымъ городомъ, а всегда временнымъ, можно сказать, минутнымъ убѣжищемъ, куда корабли укрываются мимоходомъ и не на долго. Въ этой гавани, хотя бы на нее издержали огромныя суммы, корабли никогда не будутъ имѣть возможности держаться долго. Однакожь при всемъ этомъ Ялта, имѣетъ нѣкоторую значительность, какъ мѣсто, въ которомъ выходитъ на берегъ знать, обитающая лѣтнею порою на южномъ берегу Крыма.

Что касается до общественныхъ заведеній, то въ этомъ отношеніи Ялта не отстала ни отъ какого большаго города. Въ ней есть таможня, почтамтъ, архитекторъ, аптека и аптекарь, лавки, наполненныя всякими гастрономическими предметами. Главная гостинница называется la città di Odessa (городъ Одесса). Домъ, ею занимаемый, выстроенъ по приказанію Князя Воронцова, расположенъ со вкусомъ и со всѣми удобствами, необходимыми для путешественниковъ, и составляющими въ здѣшнемъ краю не послѣднюю рѣдкость. Но настоящій хозяинъ въ этой странѣ Князь Михаилъ Семеновичъ; на всемъ пространствѣ обширнаго сада, называющагося южнымъ берегомъ Крыма, отъ этого мудраго правителя не ускользнула ни малѣйшая бездѣлица, которая можетъ доставить удовольствіе посѣтителямъ. Какъ скоро основали гостинницу, то для нея понадобился содержатель; тогда синьоръ Бартолуччи, прекрасный basso cantante, оставилъ Одесскій театръ, переселился въ Ялту и принялся разыгрывать новую роль, которую выполняетъ, также какъ и прежнюю, къ удовольствію публики.

На слѣдующій день Князь М. С. Воронцовъ прислалъ за нами свои экипажи, и мы отправились въ Алупку. Дорога, ведущая въ это прекрасное помѣстье, идетъ вдоль по морскому берегу, а потомъ нечувствительно подымается до первыхъ холмовъ, возвышающихся надъ моремъ съ западной стороны. Отсюда она достигаетъ подошвы Яйльскихъ скалъ, возносящихся, какъ стѣна въ тысячу восемь сотъ футовъ вышины, на всемъ протяженіи отъ Ялты до мыса Аи-Тодора. Вся эта дорога такъ ровна и спокойна, что кареты могутъ ѣхать по ней съ величайшею скоростью. Поднявшись на горы средней вышины, вы начинаете усматривать, вдоль по дорогѣ, дачи съ домами, выстроенными самымъ затѣйливымъ образомъ. Попеременно вы видите то небольшой дворецъ въ Азіатскомъ вкусѣ, котораго окна закрыты сторами, трубы похожи на минареты, то красивый готическій замокъ, то уютненькую дачку, въ родѣ Англійскихъ *котеджей*, совершенно погруженную въ морѣ зелени и цвѣтовъ, то легкое деревянное зданіе, съ обширными галлереями, покрытое лакомъ и блестящее какъ зеркало. Здѣсь бѣлыя какъ снѣгъ, стройныя башенки, нѣсколько далѣе какія-то̀ развалины; повсюду деревья, зелень, ручьи, фонтаны и водопады, гирлянды изъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ наслаждаясь этими прекрасными видами, вы ѣдете цѣлыя пятнадцать верстъ по дорогѣ, извивающейся по Яйльскимъ утесамъ; съ лѣва передъ вами блеститъ и волнуется безпредѣльное море, подъ ногами каждую минуту мелька-

ютъ зеленѣющіе овраги и лощины, усѣянныя виллами, виноградниками и разнообразно извивающимися дорожками. Здѣсь ѣдешь точно какъ будто по какому нибудь Англійскому парку. Вдоль по дорогѣ тянется загородка, окрашенная бѣлою краскою. Загородка эта, хотя и не очень крѣпкая, обезпечиваетъ, однакожь, отъ опасности упасть, въ случаѣ, если закружится голова, при взглядѣ внизъ, во время этого быстраго переѣзда. Повсюду надъ головою у васъ висятъ скалы въ тысячу футовъ вышиною, а изъ трещинъ этихъ скалъ выдаются въ обиліи разныя растенія, колыхаемыя вѣтромъ. Но гдѣ найти слова для достойнаго описанія столь чудесныхъ картинъ!

Въ эти минуты я испытывалъ такія ощущенія, которыя, благодаря Бога, не могутъ быть подвергнуты анализу. Я смотрѣлъ, удивлялся, и мнѣ нисколько не приходило въ голову пытаться письменнымъ словомъ передать всѣ эти изумительныя красоты ландшафта, простиравшагося передо мною. При томъ я нисколько не юмористъ и ужь совсѣмъ не поэтъ. Поѣздка моя къ Князю Воронцову имѣла цѣль серьозную, полезную; я спѣшилъ поскорѣе добраться до странъ, сосѣдственныхъ съ рѣкою Дономъ, гдѣ, какъ читатели вѣроятно еще помнятъ, уже должна была находиться часть моей экспедиціи, состоявшая подъ начальствомъ г-на Ле-Плэ. Я нетерпѣливо желалъ увѣриться собственными глазами оправдаются ли наши общія надежды, хотѣлъ узнать объ успѣхахъ нашихъ товарищей въ изслѣдованіяхъ, которыя составляли цѣль ихъ путешествія. Я пріѣхалъ въ Алупку не за тѣмъ, чтобы повеселиться, а для того, чтобы ускорить достиженіе моей цѣли, и потому намѣревался пробыть одинъ лишь день въ этомъ прекрасномъ замкѣ, и въ тотъ же вечеръ отблагодарить Князя за его гостепріимство. И сколько

очарованій долженъ былъ я побѣдить, отказываясь отъ любезной бесѣды благороднаго хозяина, отъ прелестей чудеснаго края и роскошной, полной забавъ жизни. Какъ трудно было противиться всему этому, особенно, когда слѣдовало опять пуститься въ безконечныя степи! Впрочемъ, могу отдать себѣ эту справедливость, я устоялъ. Изъявить лично мое уваженіе Князю Воронцову, отблагодарить его за себя и за всѣхъ моихъ спутниковъ, я могъ въ одинъ день, и сдѣлалъ это въ одинъ день. Князь Воронцовъ, превосходный мастеръ проникать въ самыя тайныя мысли людей, имѣющихъ съ нимъ какія либо сношенія; онъ очень ясно видѣлъ, что въ этомъ случаѣ я приношу моимъ обязанностямъ великую жертву. Онъ принялъ моихъ чужеземныхъ товарищей съ тою благосклонною привѣтливостью, которая такъ сильно привязываетъ къ нему всѣхъ, имѣющихъ съ нимъ по чему либо дѣло. Съ этой минуты онъ сдѣлался ихъ покровителемъ. Разумѣется, при такомъ покровительствѣ, я не задумался предоставить имъ свободу осмотрѣть подробно этотъ занимательный край.

Весело провели мы время среди отборнаго и любезнаго общества, и не замѣтили какъ насталъ вечеръ. Осмотрѣвъ сады Алупки и великолѣпный домъ въ восточномъ вкусѣ, который Князь отстраивалъ въ то время, я простился съ этимъ истинно благороднымъ вельможею. Онъ далъ мнѣ нѣсколько совѣтовъ, сообщилъ разныя свѣдѣнія о мѣстностяхъ, и обнадежилъ, что окажетъ полное покровительство членамъ экспедиціи, которыхъ я оставлялъ. Была уже глубокая ночь, когда я отправился обратно въ Ялту, сопровождаемый графомъ Галатери, адъютантомъ Генералъ-Губернатора, которому Князь поручилъ сопутствовать мнѣ въ моей поѣздкѣ въ Донскую землю. Я взялъ также съ

собою въ Ялту Сенсона, для снабженія его нѣкоторыми наставленіями; я ему поручалъ руководить остальными спутниками во время моего отсутствія.

Въ Алупкѣ цѣлый день мы наслаждались теплою, пріятною погодою. Не такъ было въ Ялтской бухтѣ: вѣтеръ не переставалъ бушевать, волны разыгрались снова и сообщеніе съ пароходомъ « Петръ Великій » сдѣлалось трудно, а на этомъ пароходѣ еще находилась моя карета. Ждать пока море успокоится, было бы долго, а въ это время я не имѣлъ возможности хоть сколько нибудь замедлить моимъ отъѣздомъ. При томъ капитанъ парохода, Англичанинъ, превосходно знавшій свое дѣло, увѣрялъ, что вѣтеръ утихнетъ не ближе какъ черезъ нѣсколько дней. Дѣлать нечего, я тотчасъ рѣшился, оставилъ карету свою на пароходѣ, который на слѣдующій день долженъ былъ доставить ее въ Кафу, а самъ отправился до этого города въ почтовой тѣлегѣ.

Въ короткое время мы проѣхали Ялтскую долину, катясь чрезвычайно быстро по прекрасной дорогѣ, проведенной на скатахъ горъ, возвышающихся надъ моремъ. Мы отправились въ двѣнадцать часовъ дня, а въ это время года ($^{1}/_{13}$-го августа) жаръ здѣсь бываетъ нестерпимый.

Опаляемые знойными лучами солнца, мы въ короткое время ужасно загорѣли и загаръ этотъ очень долго не сходилъ у меня съ лица. Быстро пронеслись мы мимо Массандры съ ея богатыми виноградниками, Аи-Данила и другихъ живописныхъ мѣстъ, лежащихъ на этомъ пути. Потомъ мы достигли Аю-Дага. Этотъ огромный мысъ такъ далеко вдался въ море, что дорогу уже нельзя было вести вокругъ него, а потому ей дали направленіе по другой грядѣ горъ, гдѣ, бла-

годаря Бога, мы нашли прохладныя, очаровательныя долины, огромныя деревья, прекрасные лѣса, водопады, множество живописныхъ мѣстъ, которыя, можно сказать, такъ и просятся на картину. Подобнаго здѣшнимъ Крымскимъ видамъ нѣтъ ничего и въ самой Италіи; въ этомъ, со временемъ, должны будутъ сознаться всѣ ландшафтные живописцы. Эта цѣпь прекрасныхъ прибрежныхъ мѣстностей заключается Алуштою, полутатарскимъ мѣстечкомъ, лежащимъ у самаго моря. Здѣсь къ морю примыкаетъ обширная равнина, дорога сворачиваетъ отъ берега во внутренность Тавриды и направляется къ средней ея части, гдѣ находится Симферополь. Сначала все подымаешься въ гору, потому что путь лежитъ по нижнимъ откосамъ Чатыръ-Дага. Это гора истинно величественная; вершина ея далеко видна съ моря и корабли нерѣдко по ней направляютъ свое плаваніе; равнымъ образомъ ее далеко можно видѣть и съ сѣверной стороны, изъ степи, гдѣ Татарскіе караваны также ею руководствуются.

Взъѣхавъ на вершину и спускаясь по сѣверному скату Чатыръ-Дага, я увидѣлъ, что мѣстность уже много утратила своей живописности; растительность стала скуднѣе и наконецъ совсѣмъ прекратилась на краю равнины, гдѣ она притаилась только въ оврагахъ и по теченію рѣки Салгира. Впрочемъ, и здѣсь природа все еще прекрасная. Мѣстами попадаются деревни; одна изъ нихъ, по имени Султанъ-Махмутъ, особенно памятна мнѣ по причинѣ многочисленнаго цыганскаго табора, расположившагося близь нея станомъ. Не выѣзжая изъ Европы, невозможно составить себѣ болѣе полнаго понятія о дикихъ народахъ, сообщающихъ столько поэтической прелести повѣствованіямъ мореплавателей. Вся орда видѣнныхъ нами

цыганъ, не имѣла почти никакой одежды: дѣти и подростки обоего пола ходили совершенно нагіе. Въ каждой изъ деревень, черезъ которыя мы проѣзжали, на насъ бросались цѣлыя стаи докучливыхъ собакъ. Наконецъ мы прибыли въ Симферополь, главный городъ Крыма, гдѣ сосредоточено управленіе всею областью. Быстро совершили мы этотъ путь, но за то и утомились до чрезвычайности; а потому приняли съ особенною признательностью предложеніе Симферопольскаго гражданскаго губернатора, г-на Муромцева, доѣхать до Кафы въ его каретѣ.

Симферополь, хотя и далеко отстоитъ отъ горъ, однакожь находится еще не въ степи. Въ окрестностяхъ его, изрѣзанныхъ оврагами, гдѣ свѣжесть воздуха и влажность почвы поддерживаетъ растительность, есть много мѣстъ, благопріятныхъ для разведенія виноградныхъ садовъ. Салгирская долина, простирающаяся къ сѣверу, особенно замѣчательна прекрасными деревьями, въ ней растущими. Симферополь раздѣляется на двѣ части: старый городъ, называвшійся у Татаръ Акъ-Метшетъ, съ узкими многолюдными улицами, въ которыхъ, по восточному обычаю, лавки распредѣлены по сортамъ товаровъ, и новый — съ улицами прямыми и широкими, какъ въ Европейскихъ городахъ. На одной изъ самыхъ обширныхъ площадей, красуется соборная церковь, отличающаяся изящною архитектурою, но выстроенная изъ легкихъ матеріаловъ. Другая обширная площадь, или лучше сказать рынокъ, лежащій въ самомъ центрѣ Симферополя, замѣчателенъ по шумному скопищу покупателей и продавцевъ, безпорядочно смѣшанныхъ. Въ этомъ мѣстѣ постоянно можно видѣть толпу, состоящую изъ смѣси людей всѣхъ націй, можно слышать звуки различныхъ языковъ. Тутъ есть Греки, Татары,

Армяне, Евреи, Русскіе; всѣ эти люди то и дѣло расхаживаютъ между товаровъ и разныхъ животныхъ, между Русскими дрожками и тяжелыми Татарскими фурами, въ которыя запряжены двугорбые верблюды, огромной величины, чрезвычайно смирные.

Этотъ городъ, по своему центральному положенію, есть общее средоточіе всей дѣятельности, какая только происходитъ на полуостровѣ. Въ немъ уже теперь множество новыхъ домовъ, и число ихъ безпрестанно возрастаетъ. Недавно начали сверлить артезіанскій колодезь, и есть надежда, что онъ будетъ доставлять большое количество воды. Въ послѣднее время устроено нѣсколько новыхъ гостинницъ и трактировъ, и потому пріѣзжіе могутъ пользоваться разными удобствами, какихъ прежде не было. Правда, что до сихъ поръ содержатели этихъ заведеній, полагаясь на обычай зажиточныхъ Россіянъ путешествовать съ собственными постелями, не заботятся о доставленіи своимъ постояльцамъ спокойныхъ постелей, такъ что путешественники вынуждены довольствоваться дурными диванами, едва набитыми сѣномъ. Но можно надѣяться, что черезъ нѣсколько лѣтъ и въ здѣшнихъ гостинницахъ заведутся хорошія постели. То ли еще было въ этомъ краю въ старину, а между тѣмъ сколько произошло перемѣнъ вовсе неожиданныхъ и которымъ, по видимому, было гораздо труднѣе совершиться.

Въ двѣнадцать часовъ ночи мы выѣхали изъ Симферополя въ губернаторской каретѣ. Дорога шла по ровной степи. Вскорѣ мы проѣхали черезъ Карасу-Базаръ, большой городъ, населенный преимущественно Татарами; но по причинѣ темноты я не могъ хорошо разсмотрѣть его. Послѣ того, продолжая ѣхать

все степью, мы достигли наконецъ восточнаго Крымскаго берега, и прибыли въ Кафу, городъ Генуэзцевъ и Татаръ, который, не смотря на свою совершенно Италіанскую наружность, напоминающую Болонію, сохранилъ еще слѣды мусульманскаго быта. Когда мы въѣзжали въ Кафу, она была озарена первыми лучами восходящаго солнца. Вокругъ нея простираются старинныя стѣны съ башнями, хотя мѣстами развалившіяся, но еще свидѣтельствующія о прежнихъ временахъ ея могущества и процвѣтанія. Въ гавань Кафы, которую называютъ также и ея древнимъ именемъ, Ѳеодосіею, теперь заходятъ только немногія легкія суда, нагруженныя хлѣбомъ, доставляемымъ изъ степи. Прежде, однакожь, это былъ городъ богатый и многолюдный. Степь, простирающаяся вокругъ него, почти вовсе невоздѣлана, но тѣмъ не менѣе нельзя себѣ представить до какой степени почва здѣсь плодородна.

Торговое движеніе, оживлявшее въ старинныя времена Кафу, теперь перешло въ Керчь, которая, по причинѣ своего благопріятнаго положенія близь пролива, соединяющаго Азовское море съ Чернымъ, привлекаетъ къ себѣ большое количество кораблей.

Ѳеодосія слыветъ городомъ весьма пріятнымъ. Главное населеніе ея состоитъ изъ Грековъ, но по коммерческимъ дѣламъ сюда постоянно стекается большое количество разныхъ иностранцевъ. Здѣсь живутъ также Армяне и Евреи-Караимы; Татары населяютъ предмѣстія, и сверхъ того бываетъ много Ногайскихъ Татаръ, отличающихся Китайскою, или Калмыцкою физіономіею. Эти люди безпрерывно пріѣзжаютъ въ Кафу, по разнымъ надобностямъ, въ большихъ фурахъ. Мы едва имѣли досугъ осмотрѣть площади го-

рода, его улицы, довольно хорошо вымощенныя, и нѣкоторыя гульбища, впрочемъ, не слишкомъ красивыя. Капитанъ парохода «Петръ Великій» сдержалъ слово, и карету мою выгрузили въ гавани болѣе удобной: а потому я поспѣшилъ пересѣсть въ собственный экипажъ, вмѣстѣ съ моимъ спутникомъ графомъ, Галатери.

Съ изумительною скоростію достигли мы Арабата. Путь нашъ лежалъ по прямой линіи съ юга на сѣверъ, при чемъ горы Крымскія остались у насъ назади, а передъ нами разстилалась только безпредѣльная равнина, столь же гладкая какъ и море, къ которому она прилегаетъ. Впрочемъ, степь эта не составляетъ совершенной пустыни; по ней часто встрѣчаются обозы, везущіе въ Кафу или Керчь соль, добываемую не подалеку отъ Перекопа. Иногда видишь также, посреди степи, Татарина, который, усѣвшись, для тѣни, подъ своимъ верблюдомъ, куритъ спокойно трубку и наслаждается отдыхомъ. Въ этихъ пустыняхъ, равно какъ и въ другихъ мѣстахъ, нами прежде посѣщенныхъ, нѣтъ опредѣленной дороги, и каждый ѣдетъ, гдѣ ему вздумается. Впрочемъ, Татары съ замѣчательнымъ искусствомъ умѣютъ направляться по прямой линіи; говорятъ, что даже и зимою, когда степь составляетъ лишь безпредѣльную равнину, повсюду покрытую снѣгомъ и не представляющую ни какихъ слѣдовъ, они ѣздятъ по ней какъ по битой дорогѣ.

Крѣпость, еще защищенная хорошимъ валомъ и глубокимъ рвомъ, но внутри наполненная развалинами, деревня состоящая изъ десятка домовъ, расположенныхъ въ видѣ улицы, на пространствѣ, котораго въ центральной Европѣ было бы достаточно для города съ двѣнадцатью тысячами жителей, — вотъ что назы-

вается Арабатомъ. Крѣпость выстроена на песчаной косѣ, простирающейся между Азовскимъ и Гнилымъ моремъ (Сивачемъ), которое вполнѣ достойно этого имени. Отъ самаго вала тянется прямо къ сѣверу нѣкотораго рода естественная плотина; по бокамъ ея съ одной стороны плещутся шумныя, подвижныя волны, съ другой — тянется что-то въ видѣ болота, съ водою гнилою, стоячею, постоянно издающею дурной запахъ. Эта плотина, у сѣверной оконечности своей, пересѣкается каналомъ сажень въ пятьдесятъ шириною, посредствомъ котораго оба моря между собою соединяются. По счастію на перешейкѣ, въ разныхъ мѣстахъ, размѣщены почтовыя станціи, такъ что можно съ чрезвычайною скоростью проѣхать все это пространство. Однакожь на второй станціи мы добились лошадей не безъ нѣкотораго труда.

Было уже двѣнадцать часовъ ночи, когда мы пристали къ Еничи, по ту сторону упомянутаго канала, который здѣсь величаютъ проливомъ. Съ этой минуты мы находились уже на твердой землѣ и ѣхали, направляясь къ востоку, вдоль по берегу Азовскаго моря, но въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи.

Слѣдственно путь нашъ лежалъ все по той же безконечной пустынной равнинѣ, сливающейся вдали съ горизонтомъ. Какое счастіе, когда среди этой степи, гдѣ постоянно господствуетъ тишина, ни чѣмъ не нарушаемая, встрѣтишь неожиданно человѣка!

Въ такое время, когда среди тумана, надъ степью медленно восходитъ солнце, не рѣдко случается и здѣсь видѣть явленіе, извѣстное подъ названіемъ миража, и состоящее въ томъ, что взору представляются несуществующія озера, рѣки, величественныя деревья. Иногда бываетъ даже, что простая тѣлега является

вдругъ въ видѣ великолѣпнаго дворца. Эти обманчивыя видѣнія, побуждающія къ мечтательности, цѣлое утро составляли для насъ предметъ особеннаго занятія.

Вечеромъ, созерцая на западѣ тучи, облитыя яркимъ заревомъ, мы отыскивали на небѣ черныхъ скалъ, грозныхъ горныхъ вершинъ и огненныхъ потоковъ лавы. Остальная часть дня шла для насъ медленно, скучно, не смотря на быструю ѣзду и огромное пространство, какое мы каждый разъ переѣзжали. Только на станціяхъ мы имѣли случай видѣть на нѣсколько минутъ живыя существа.

Первый день нашего странствованія прошелъ не безъ приключенія. Пріѣхавъ на одну изъ послѣднихъ станцій, мы нашли въ почтовомъ домѣ общій безпорядокъ; всѣ его жители находились въ какомъ-то страхѣ, и торопливо бѣгали въ разныя стороны. Насъ приняли съ чрезвычайною радостью; всѣ вдругъ начали спрашивать, не можемъ ли мы чѣмъ нибудь помочь умиравшей женщинѣ, именно женѣ станціоннаго смотрителя. Дѣло было важное, не терпящее отлагательства. Мы поспѣшили къ больной, и когда взошли къ ней, то я удостовѣрился, что она просто слишкомъ много наѣлась, и отъ того, не смотря на здоровье, совершенно неповрежденное, находилась въ крайней опасности. Дѣйствительно она задыхалась, и я только посредствомъ внезапнаго вдохновенія могъ найти средство спасти ее. Такое вдохновеніе, по счастію, снизошло на меня. Въ каретѣ у меня было рвотное, которое во всякомъ случаѣ могло произвести прекрасное дѣйствіе; я задалъ больной сильный пріемъ этого рвотнаго и съ крайнимъ безпокойствомъ ожидалъ послѣдствій. Слава Богу! спустя нѣсколько минутъ лекарство по-

дѣйствовало; обремененный желудокъ бѣдной больной облегчился и мы отправились далѣе, осыпаемые со всѣхъ сторонъ изъявленіями благодарности. Право, ни какой великій медикъ не могъ бы въ этомъ случаѣ поступить удачнѣе меня!

Переѣхавъ черезъ рѣчку Токмакъ, падающую въ озеро Молочное, мы прибыли въ землю Ногайскихъ Татаръ. Въ этихъ обширныхъ равнинахъ, гдѣ начали мѣстами появляться слѣды воздѣланія почвы, я въ первый разъ видѣлъ саранчу, о которой въ Валахіи только слышалъ много расказовъ. Представьте себѣ цѣлую живую тучу, пожирающую все раститель-ное въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она опустится. Этихъ прожорливыхъ насѣкомыхъ такъ много, что не за-мѣтно между ними ни малѣйшаго уменьшенія, не смо-тря на огромныя стада разныхъ птицъ, которыя съ жадностью поѣдаютъ ихъ.

Ногайскъ есть главный городъ страны, населенной кочевымъ племенемъ, не совсѣмъ еще привыкшимъ къ осѣдлой жизни, что доказывается и постройкою домовъ въ этомъ городѣ. Главные матеріалы, употребляемые здѣсь на постройку, состоятъ изъ глины и соломы. Сломайте мечеть, базаръ и нѣсколько бѣдныхъ ла-вокъ, и отъ города останется жалкая деревня.

Исторія этого города такъ нова, что ее можно ра-сказать въ немногихъ словахъ. Въ концѣ прошлаго столѣ-тія, когда Императрица Екатерина Великая помышляла о заселеніи южныхъ областей Россіи, въ степяхъ Астра-ханскихъ кочевала многочисленная орда Татаръ, состо-явшая изъ чистыхъ потомковъ тѣхъ племенъ, которыя слѣдовали за побѣдоносными знаменами Чингисъ-Ха-на. Правительство, даровавъ этимъ людямъ нѣкото-рыя льготы, привлекло ихъ въ страну, которую они

и теперь еще занимаютъ. И они поселились здѣсь въ числѣ тридцати тысячъ человѣкъ. Но кочевыя склон-ности ихъ всегда снова проявлялись, такъ что эти Татары нерѣдко были въ тягость сосѣднимъ съ ними жителямъ. Одинъ Французскій эмигрантъ, графъ Мезонъ, предпринялъ совсѣмъ пріучить этихъ людей къ гражданской, осѣдлой жизни. Онъ дѣйствовалъ, въ этомъ случаѣ, съ такимъ терпѣніемъ и искусствомъ, что успѣлъ изъ блуждающихъ сыновъ степи сдѣ-лать трудолюбивыхъ поселенцевъ. Онъ научилъ ихъ воздѣлывать землю, которая ждетъ здѣсь только рукъ для своей обработки, и земля эта щедро возна-градила трудъ ихъ. Тогда развилась у Ногайцевъ торговля, а при торговлѣ образовалась промышле-ность, совершенно согласовавшаяся со склонностью Ногайцевъ къ странствованіямъ. Каждый годъ, по-слѣ жатвы, длинные обозы ихъ отправляются въ Кафу и Керчь, нагруженные произведеніями плодонос-ныхъ равнинъ, заселенныхъ Ногайцами. Едва завиди-те вы вдали цѣпь Ногайскихъ тѣлегъ, какъ уже по вѣтру доносится до васъ несносный скрипъ колесъ. Тѣлеги эти дѣлаются обыкновенно только изъ дерева и въ устройство ихъ не входитъ ни куска желѣза; ихъ везутъ верблюды, величины истинно громадной. Ногайцы любятъ скрипъ своихъ тѣлегъ и если кто нибудь посовѣтуетъ имъ смазать колеса, то они отвѣ-чаютъ: «За чѣмъ же? Шуму не любятъ только во-ры одни.»

И такъ Ногайскъ образовался среди простодушныхъ земледѣльцевъ. Я уже замѣтилъ, что до сихъ поръ городъ этотъ еще не достигъ до большаго процвѣта-нія; онъ сдѣлался въ новѣйшее время просто боль-шою гостинницею для отважныхъ Армянскихъ и Ка-раимскихъ торговцевъ, которыхъ встрѣчаешь здѣсь

повсюду. Почтенный графъ Мезонъ скончался не задолго предъ нашимъ пріѣздомъ. Мы видѣли домъ, въ которомъ онъ жилъ, и сады, имъ разведенные. Къ сожалѣнію, относительно садоводства, онъ не нашелъ себѣ въ здѣшней странѣ многихъ подражателей. Какъ бы то ни было, благодѣянія, оказанныя имъ этому народу, принесутъ свой плодъ со временемъ. Ногайцы дѣятельны, смышлены, но и до сихъ поръ еще страстно любятъ кочевую жизнь, доказывая этимъ, что дѣйствительно происходятъ отъ завоевательнаго племени, которое въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій расхаживало по восточной Европѣ, сокрушая все на пути своемъ. Пріучить это племя къ покорности, доставить ему благосостояніе: вотъ задача, которую долженъ былъ рѣшить графъ Мезонъ! И онъ рѣшилъ ее удовлетворительно.

Впрочемъ, страна, въ которой мы теперь находились, содержитъ и еще нѣсколько колоній, основанныхъ переселенцами изъ другихъ Европейскихъ странъ. Рядомъ съ землею Ногайцевъ, есть колонія Менонистовъ, первоначально переселившихся изъ Пруссіи; нѣсколько далѣе, приближаясь къ Маріуполю, мы увидѣли воздѣланныя земли, хорошіе домы и обширные амбары, устроенные со сводами и окруженные акаціями: все это свидѣтельствовало, что здѣсь живутъ Нѣмецкіе колонисты. Странно какъ то видѣть въ одной и той же странѣ этихъ честныхъ Нѣмцевъ, отличающихся бѣлымъ лицемъ, тяжелою, медленною походкою, и Ногайцевъ съ желтыми, сплюснутыми лицами, выдавшимися скулами, глазами узкими, косвенно расположенными! Впрочемъ, успѣхи Татаръ ничто въ сравненіи съ тѣмъ прекраснымъ бытомъ, какой устроили для себя, въ этой странѣ, Нѣмецкіе поселенцы. Не говорю уже о изобильномъ

произведеніи хлѣба; это не удивительно при чрезвычайномъ плодородіи почвы; замѣчу только, что присутствіе Нѣмцевъ преобразило здѣшнюю пустыню въ такую страну, въ которой теперь можно достать всѣ необходимые предметы, нужные въ жизни. По несчастію поселенцамъ некуда сбывать многихъ произведеній своихъ, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежатъ: превосходное молоко, зелень, плоды, скотъ, отличная пшеничная мука. Правда, поселенцы доставляютъ все это въ сосѣдніе города; но такого рода сбытъ, по здѣшней мѣстности, не можетъ быть очень обширенъ. Между тѣмъ, однакожь, воздѣланіе земли съ каждымъ годомъ распространяется и совершенствуется, улучшаются породы скота и увеличивается народонаселеніе. Совершенно справедливо мнѣніе, что земля только въ то время плодородна, когда есть руки для ея воздѣланія; населите землю, и она будетъ плодородна: таковъ законъ природы. Взгляните на пустыни самыхъ прекрасныхъ странъ въ свѣтѣ; онѣ украшены самою роскошною, но безполезною растительностью, среди которой господствуютъ растенія вредныя и даже ядовитыя; это отъ того, что почва здѣсь не воздѣлана рукою человѣка. Земля, для производительности, имѣетъ, какъ бы, необходимую потребность *въ потѣ лица человѣка*.

Среди этихъ пространныхъ степей, въ которыхъ легко могъ бы помѣститься избытокъ населенія нѣкоторыхъ другихъ земель, мнѣ невольно приходило въ голову, что можно бы сдѣлать драгоцѣнное употребленіе изъ этой обширной страны, теперь не доставляющей никакой пользы. Сколько націй, думалъ я, бѣдствуетъ по недостатку мѣста! Какъ мы должны благодарить Провидѣніе, за то, что оно доставило Россіи просторное мѣсто для водво-

ренія всего того, что можетъ служить къ ея благосостоянію.

Гдѣ найти страну, въ которой оказалось бы такъ много удобствъ для распространенія полезныхъ нововведеній? Гдѣ взять землю столь плодородную, почву такую способную къ воздѣланію, мѣстность, соединяющую столько выгодъ для постройки городовъ? Какъ у Англіи есть Новый Южный Валлисъ, такъ у Россіи Сибирь для удаленія людей неисправимыхъ, состоящихъ въ явной враждѣ съ обществомъ; но можетъ быть одной Россіи суждено найти удобоисполнимую систему, соединяющую въ себѣ и наказаніе, отъ котораго нельзя освобождать преступниковъ, и возможность исправлять ихъ. Устройствомъ поселеній, хорошо принаровленныхъ къ этой человѣколюбивой цѣли, можно бы, мнѣ кажется, рѣшить эту задачу, которая издавна занимаетъ друзей человѣчества, наиболѣе достойныхъ этого имени. Прекрасный опытъ, сдѣланный недавно въ Голландіи, показалъ Европѣ, какую пользу, для исцѣленія нравственныхъ народныхъ недуговъ, можно извлечь изъ товарищества, находящагося подъ хорошимъ управленіемъ. Опытъ генерала Ванъ-денъ-Боша призрѣть нищихъ, доставивъ имъ вѣрныя средства добывать себѣ пропитаніе собственнымъ трудомъ, истинно достоинъ всеобщаго подражанія. Собравъ, посредствомъ самой мелочной подписки, нѣкоторую сумму, Голландскій колонизаторъ основалъ сперва образцовое поселеніе, а потомъ и большое количество другихъ, подобныхъ первому, въ которыхъ бѣдные, бродяги и сироты находятъ вѣрное пропитаніе, добываемое собственнымъ ихъ трудомъ. И между тѣмъ, замѣтьте, что Голландія принуждена была покупать для этой цѣли земли, тогда какъ Россія можетъ отдѣлить на устройство подобныхъ поселеній такія пространства земли, которыя обширностью равняются инымъ царствамъ. Система военныхъ поселеній уже доставила самые благодѣтельные результаты. Я твердо увѣренъ, что здѣшнія пустыни легко можно заселить бѣдными, нищими, сиротами, и что такого рода поселеніе доставитъ большую пользу не только этимъ несчастнымъ людямъ, но даже всему государству и общественной нравственности. Можетъ быть, думалъ я еще, здѣсь же можно было бы попытаться устроить и мѣста, удобныя для исправленія такихъ виновныхъ, для которыхъ ссылка въ страны весьма отдаленныя, была бы уже наказаніемъ излишне строгимъ. Но всѣ эти мечты разрушила суровая дѣйствительность; я видѣлъ передъ собою степь, которую воображеніе мое на минуту населило, и видѣлъ ее тою же, какъ и прежде, невоздѣланною, унылою пустынею. Но вотъ, передъ нами уже показался, вдали, Маріуполь.

Маріуполь есть городъ портовой и торговый, особенно примѣчательный по чрезвычайной дѣятельности, въ немъ господствующей. Въ это мѣсто, какъ и вообще во всѣ прибрежные города, свозятъ изъ внутреннихъ областей хлѣбъ и нагружаютъ на Генуэзскіе корабли, которые не забыли еще дороги къ здѣшнимъ берегамъ, гдѣ нѣкогда Генуэзское могущество являлось съ такимъ блескомъ. На корабляхъ, приходящихъ изъ Италіи въ Маріуполь, доставляются издѣлія небольшаго, весьма промышленнаго, городка Кіавари, находящагося не подалеку отъ Аппенинскихъ горъ; сверхъ того тѣ же корабли доставляютъ сюда колоніальные товары, которыя Генуя сама получаетъ отъ Англичанъ. Возвратясь на родину, Генуэзцы привозятъ и складываютъ въ своемъ портѣ хлѣбъ, который могутъ продавать дешевле другихъ, потому что имъ

плаваніе по Средиземному морю обходится не такъ дорого, какъ другимъ народамъ, также плавающимъ и торгующимъ на этомъ морѣ.

Прошло уже слишкомъ трое сутокъ по отъѣздѣ нашемъ изъ Ялты, когда мы прибыли въ Таганрогъ. При имени этого города неминуемо пробуждается воспоминаніе о кончинѣ Императора Александра 1-го, великодушнаго Монарха, которому Европа обязана избавленіемъ своимъ. Здѣсь Онъ скончался, и Россія, для того, чтобы вспоминать объ этомъ несчастіи, не имѣетъ надобности въ устройствѣ какихъ бы то ни было памятниковъ.

Таганрогъ хорошо выстроенъ и находится въ пріятномъ мѣстоположеніи; домы въ немъ каменные и кирпичные, красивой архитектуры. Онъ имѣетъ и театръ, часто посѣщаемый лучшимъ обществомъ города. На этомъ театрѣ большею частію играютъ легкія комедіи и Скрибовы водевили, довольно удачно переведенные.

Таганрогъ основанъ Петромъ Великимъ; уже во времена этого Монарха было замѣчено, что вода въ Азовскомъ морѣ убываетъ, а потому, для помѣщенія Таганрога, выбрали скатъ мыса, котораго откосъ, далеко вдающійся въ море, подавалъ поводъ надѣяться, что корабли всегда будутъ находить здѣсь мѣсто, удобное для якорной стоянки. Съ самаго начала торговля новаго города получила значительное развитіе; но вскорѣ она встрѣтила важныя помѣхи. Донъ, стремительно вливающійся въ этомъ мѣстѣ въ море, наноситъ громады песку, который, отъ дѣйствія южныхъ вѣтровъ, скопляется близь берега. Въ настоящее время у Таганрога такъ мало воды, что товары возятъ по взморью, довольно далеко отъ берега, на тѣлегахъ и передаютъ на большія барки, которыя уже доставляютъ

ихъ на корабли, вынужденные, за мелководьемъ, останавливаться верстахъ въ четырехъ отъ города. Въ этомъ морѣ, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе мелѣющемъ, наибольшая глубина доходитъ только до 12 или 15 метровъ (отъ $5\frac{1}{2}$ до $6\frac{2}{3}$ сажени), а средняя простирается лишь до двухъ метровъ (около $2\frac{1}{2}$ аршинъ). Все это представляетъ большія неудобства.

Въ началѣ текущаго столѣтія, въ Таганрогъ приходило еще довольно много иностранныхъ кораблей, такъ что Правительство считало нужнымъ содѣйствовать развитію торговли этого города. Тогда въ Таганрогѣ устроили особый карантинный лазаретъ, посредствомъ котораго корабли, идущіе въ его портъ, избавлялись отъ семидневнаго промедленія въ Керчинскомъ карантинѣ. Но вскорѣ мореходство Таганрогское усилилось, а какъ магазины этого города оказались, при возрастающей потребности, недостаточно помѣстительны, то въ Керчи устроили новый карантинъ, весьма обширный, помѣстили въ ней таможню и основали складочное мѣсто для товаровъ. Тогда сумма торговыхъ сдѣлокъ раздѣлилась и въ Таганрогъ стало приходить менѣе кораблей, потому что подозрительные товары уже не допускались прямо въ его портъ. Керчинскій карантинъ пропускалъ въ Таганрогъ только тѣ суда, которыя были признаваемы вовсе неподозрительными; впрочемъ и эти должны были выдерживать карантинъ, только уже въ Таганрогѣ.

Въ такомъ положеніи дѣла находились до 1833-го года, когда Керчь была объявлена единственнымъ карантиннымъ мѣстомъ для Азовскаго моря. Эта мѣра нанесла значительный ущербъ Таганрогу; всѣ корабли, идущіе въ Азовское море, вынуждены были останавливаться въ Керчи и выдерживать двадцати осьми-дневный, а иногда и тридцати-двухъ-дневный каран-

20

тинъ. Съ той поры Азовское море закрылось для всѣхъ судовъ, кромѣ простыхъ каботажныхъ; Керчь сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ для судовъ Азовскаго моря, какъ уже была имъ для судовъ, ходящихъ по восточной части Чернаго. Въ нее начали стекаться не только колоніальные товары, но даже и Русскія произведенія, сплавляемыя по Дону.

Вотъ отъ чего во время нашего прибыванія въ немъ, городъ этотъ, показался намъ печальнымъ, безжизненнымъ, и торговцы его, съ которыми мы имѣли случай говорить, обнаруживали особенное уныніе. До сихъ поръ ослабленная Таганрогская торговля поддерживается лишь перевозкою боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ на Кавказскіе берега. По этой причинѣ еще довольно значительное количество транспортныхъ судовъ, занимающихся преимущественно упомянутою перевозкою, плаваетъ по этому мелкодонному морю, съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе убывающему.

Нетерпѣливо желалъ я, какъ можно скорѣе, добраться до земли Донскихъ козаковъ, гдѣ нѣкоторые члены моей экспедиціи занимались минералогическими изслѣдованіями, въ большомъ размѣрѣ. Уже въ Таганрогѣ я имѣлъ объ нихъ извѣстія и спѣшилъ присоединиться къ нимъ. Ни мало не медля, я отправился въ Ростовъ; мнѣ было необходимо торопиться, потому что повидавшись съ моими учеными инженерами, я долженъ былъ опять, какъ можно скорѣе, возвратиться въ Одессу, чтобы поспѣть къ маневрамъ, которые готовились въ окрестностяхъ Вознесенска, на берегахъ рѣки Буга. Государь Императоръ опредѣлилъ произвести въ этомъ мѣстѣ смотръ кавалеріи военныхъ поселеній; и все уже готовилось къ величественному торжеству, обращавшему на себя вни-

маніе цѣлой Европы. Но между тѣмъ возвратимся къ Ростову, или лучше сказать къ пути, ведущему въ этотъ городъ, совершенно усѣянному курганами.

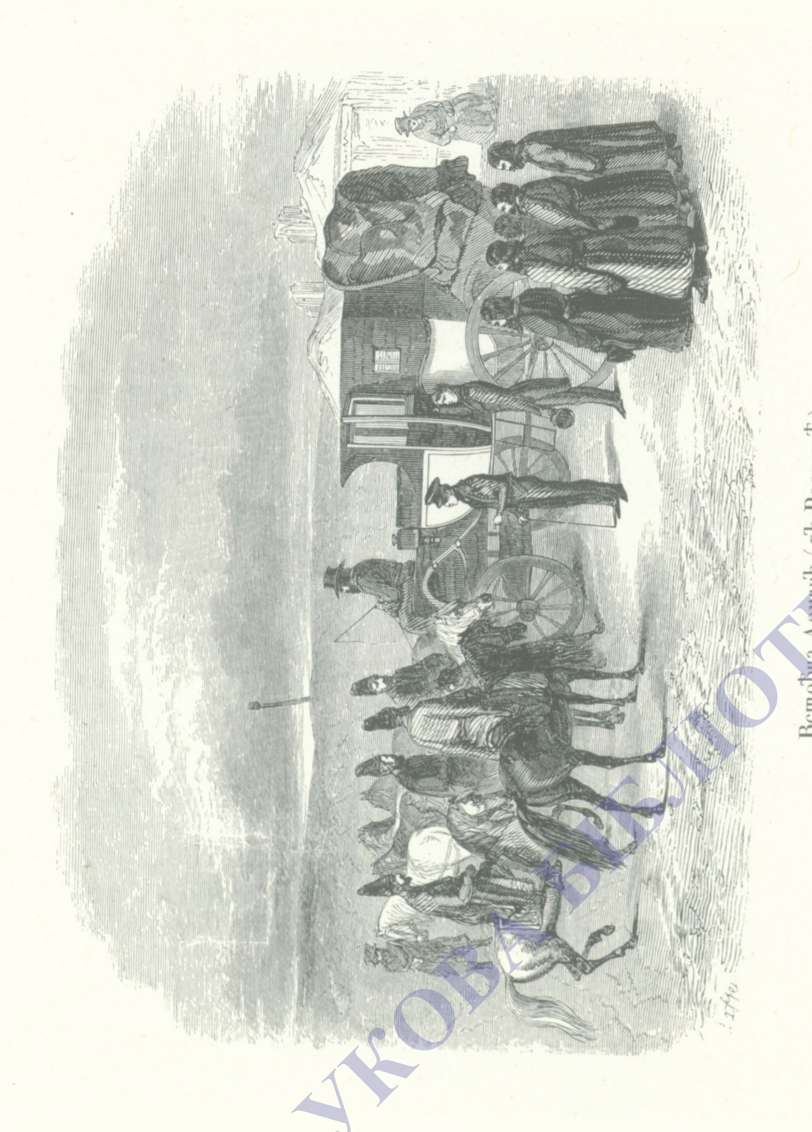
Курганами здѣсь называются коническія возвышенности, которыми обилуетъ эта обширная страна, совершенно ровная и лишенная лѣсовъ. Нигдѣ не видали мы такого множества кургановъ и въ такомъ близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, какъ въ равнинахъ Керченскихъ и принадлежащихъ къ тѣмъ областямъ, которыя нѣкогда входили въ составъ древняго Понтійскаго царства. Но ихъ много также и въ странѣ, простирающейся отъ рѣки Дона до береговъ Прута, гдѣ они часто тянутся довольно правильными линіями, и по видимому расположены такъ не безъ намѣренія. Отъ самаго Маріуполя я уже почти безпрестанно встрѣчалъ эти любопытные холмы, имѣющіе вообще отъ двадцати-пяти до тридцати футовъ въ вышину. Они очевидно сдѣланы человѣческими руками, и землю для нихъ брали тутъ же, вокругъ основанія холма, что доказывается углубленіями, существующими около большей части изъ нихъ, хотя впрочемъ углубленія эти, въ иныхъ мѣстахъ и засыпаны землею, взятою, какъ видится, откуда нибудь далѣе. Когда многіе изъ этихъ кургановъ разрыли, то убѣдились, что это были просто могилы; однакожь, нельзя еще утвердительно сказать, чтобы рѣшительно всѣ курганы служили для одной этой цѣли. Нѣкоторые писатели, пораженные, какъ и я, стройнымъ расположеніемъ кургановъ въ линію, расположеніемъ, которое особенно замѣчается въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ степь совершенно ровна и не имѣетъ уже никакихъ возвышенностей, или углубленій, приписывали курганамъ стратегическое значеніе, предполагали, что Татарскія орды, столь часто проходившія по здѣшнимъ степямъ, устроивали

эти курганы для опознанія мѣстности и направленія пути. Такое мнѣніе нисколько не противно здравому смыслу и не противорѣчитъ преданіямъ, правда отчасти уже изгладившимся, объ этихъ древнихъ памятникахъ. Мнѣ кажется, нѣтъ ничего безразсуднаго предполагать, что курганы воздвигались каждый разъ, когда какая нибудь большая орда стояла гдѣ либо лагеремъ. Курганы могли защищать отъ вѣтра палатки начальниковъ, на нихъ можно было разставлять часовыхъ, и сверхъ того, можетъ быть съ вершины этихъ возвышенностей, начальники произносили рѣчи своимъ воинамъ, можетъ быть ихъ жрецы совершали здѣсь свои жертвоприношенія! Если на большомъ разстояніи была растянута значительная армія, подвигавшаяся совокупно впередъ, то курганы могли служить средствомъ для взаимной передачи, между разными отрядами, извѣстій, посредствомъ условленныхъ сигналовъ или огней.

Если случалась битва, или кто нибудь умиралъ и естественною смертью, то покойниковъ хоронили въ курганахъ, которые такимъ образомъ дѣлались памятниками, вѣроятно имѣвшими, въ то время свое особое названіе. Такимъ образомъ, степь эта, для насъ совершенно пустынная, для древнихъ народовъ была исполнена воспоминаній.

Курганы, встрѣчаемые по пути отъ Таганрога, на берегахъ Дона (древняго Танаиса), отличаются тою особенностью, что на вершинѣ каждаго изъ нихъ находится гранитный камень, съ грубо-высѣченнымъ подобіемъ сфинксовой головы. Это обстоятельство замѣчательно потому, что такого свойства камней въ здѣшнихъ мѣстахъ нѣтъ нигдѣ.

Донъ протекаетъ у самаго Ростова, и нѣсколько далѣе, раздѣлясь на многіе рукава, падаетъ въ море. Въ здѣш-

Встрѣча Армянъ (въ Ростовѣ).

ней гавани, не смотря на то, что она не велика, замѣтно, однакожь, довольно значительное торговое движеніе. Недалеко оттуда насъ встрѣтила депутація изъ четырехъ Армянъ, которые пріѣхали верхомъ, на весьма хорошихъ лошадяхъ. Эти люди пригласили меня посѣтить Нахичевань, городъ населенный исключительно ихъ соотечественниками. Я охотно принялъ столь вѣжливое приглашеніе, тѣмъ болѣе, что Нахичевань находится именно на томъ самомъ пути, по которому я предполагалъ слѣдовать далѣе. Посѣщеніе мое было не продолжительно, но доставило мнѣ много удовольствія.

Нахичевань городъ замѣчательный по своей странной наружности, свидѣтельствующей впрочемъ о господствующей здѣсь торговой дѣятельности. Онъ лежитъ на берегу Дона, ниже Ново-Черкаска, главнаго города Донской земли. Народонаселеніе Нахичевани отличается смышленностью и ловкостью въ торговлѣ; оно стоило бы того, чтобы съ нимъ короче ознакомиться, еслибы я имѣлъ на это досугъ. Хотя Нахичевань находится не въ такомъ счастливомъ географическомъ положеніи, какъ Ростовъ, за то жители ея несравненно способнѣе къ торговымъ сдѣлкамъ, нежели Ростовскіе. Изъ глубины этой пустыни, почти никѣмъ не посѣщаемой, они содержатъ постоянныя торговыя сношенія съ своими соотечественниками, живущими въ Астрахани, Лейпцигѣ и Малой-Азіи. Въ доказательство ихъ ловкости, достаточно будетъ сказать, что они овладѣли почти всею торговлею Донскаго бассейна. По причинѣ своихъ многочисленныхъ базаровъ, Нахичевань обратилась въ богатое складочное мѣсто, способное, въ случаѣ надобности, наводнить товарами всѣ окрестныя ярмарки. Искусные Нахичеванскіе Армяне не преминули скупить и все вино, дос-

ней гавани, не смотря на то, что она не велика, замѣтно, однакожь, довольно значительное торговое движеніе. Недалеко оттуда насъ встрѣтила депутація изъ четырехъ Армянъ, которые пріѣхали верхомъ, на весьма хорошихъ лошадяхъ. Эти люди пригласили меня посѣтить Нахичевань, городъ населенный исключительно ихъ соотечественниками. Я охотно принялъ столь вѣжливое приглашеніе, тѣмъ болѣе, что Нахичевань находится именно на томъ самомъ пути, по которому я предполагалъ слѣдовать далѣе. Посѣщеніе мое было не продолжительно, но доставило мнѣ много удовольствія.

Нахичевань городъ замѣчательный по своей странной наружности, свидѣтельствующей впрочемъ о господствующей здѣсь торговой дѣятельности. Онъ лежитъ на берегу Дона, ниже Ново-Черкаска, главнаго города Донской земли. Народонаселеніе Нахичевани отличается смышленностью и ловкостью въ торговлѣ; оно стоило бы того, чтобы съ нимъ короче ознакомиться, еслибы я имѣлъ на это досугъ. Хотя Нахичевань находится не въ такомъ счастливомъ географическомъ положеніи, какъ Ростовъ, за то жители ея несравненно способнѣе къ торговымъ сдѣлкамъ, нежели Ростовскіе. Изъ глубины этой пустыни, почти никѣмъ не посѣщаемой, они содержатъ постоянныя торговыя сношенія съ своими соотечественниками, живущими въ Астрахани, Лейпцигѣ и Малой-Азіи. Въ доказательство ихъ ловкости, достаточно будетъ сказать, что они овладѣли почти всею торговлею Донскаго бассейна. По причинѣ своихъ многочисленныхъ базаровъ, Нахичевань обратилась въ богатое складочное мѣсто, способное, въ случаѣ надобности, наводнить товарами всѣ окрестныя ярмарки. Искусные Нахичеванскіе Армяне не преминули скупить и все вино, дос-

тавляемое Донскими виноградниками; они развозятъ его по южной Россіи и сбываютъ подъ именемъ *шато-ла-фита* и *го-сотерна*. Многочисленные магазины этого небольшаго города наполнены прекрасными шелковыми тканями и разными восточными, преимущественно Персидскими, товарами. Улицы здѣсь прямыя, и, также какъ домы, содержатся въ большой чистотѣ. Мы остановились въ домѣ городскаго головы, который принялъ насъ чрезвычайно радушно и привѣтливо. Здѣсь намъ не понравилась только чрезвычайная дикость женщинъ, простирающаяся до того, что мы едва имѣли случай увидѣть, и то вскользь, огромныя косы здѣшнихъ красавицъ, расположенныя на головѣ вѣнцомъ, и ихъ шелковыя платья.

Нѣсколько времени спустя по выѣздѣ нашемъ изъ гостепріимной Нахичевани, мы прибыли въ главный городъ Донскаго войска — Ново-Черкаскъ.

Глядя издали на бѣлые домы этого города, расположенные по холму, выдающемуся въ равнину, на подобіе мыса, находишь, что они похожи на большое стадо овецъ, которыя разбрелись на обширномъ пространствѣ и щиплютъ траву. Имя Ново-Черкаска доказываетъ, что это городъ новый; онъ наслѣдовалъ Старо-Черкаску. Мѣсто, гдѣ стоялъ Старо-Черкаскъ, было низкое, дурно выбранное; жителямъ надоѣли наконецъ частыя наводненія, и они рѣшились переселиться выше, на такое мѣсто, куда разливы Дона не могли достигать. Впрочемъ и холмъ, на которомъ теперь выстроенъ городъ, также представляетъ довольно много неудобствъ, по причинѣ своей крутизны. Не смотря на все это, однакожъ, Ново-Черкаскъ быстро сдѣлался весьма обширнымъ городомъ; улицы въ немъ непомѣрно широки; безплодная почва, на которой онъ стоитъ, покрыта въ сухое время пылью, отъ которой нельзя показаться на улицу; домы здѣсь маленькіе, обмазанные яркою бѣлою краскою, дѣйствующею весьма вредно на зрѣніе. По всѣмъ этимъ причинамъ жить въ Ново-Черкаскѣ не слишкомъ пріятно.

Мы были приняты какъ нельзя радушнѣе атаманомъ г-мъ Власовымъ. Этотъ старый и почтенный офицеръ обнаружилъ передъ нами искреннюю предупредительность, которой я никогда не забуду. Впрочемъ, долго останавливаться въ Ново-Черкаскѣ мнѣ было некогда; а потому, едва успѣвъ отобѣдать у генерала Бердяева, исправляющаго здѣсь должность начальника штаба, мы уже поскакали къ станицѣ Каменской.

Станица Каменская лежитъ къ сѣверу, довольно далеко отъ Ново-Черкаска, на берегу рѣки Донца, по дорогѣ къ Воронежу. Я остановился въ ней лишь на минуту и поспѣшилъ къ небольшой равнинѣ, называемой Каменкою, гдѣ долженъ былъ найти людей, къ которымъ ѣхалъ изъ такой дали и по дорогамъ столь безпокойнымъ. И дѣйствительно я нашелъ въ этой пустынѣ нѣкоторыя работы, начатыя присланными отъ меня Французами, къ которымъ, по моему распоряженію, присоединили нѣсколько человѣкъ рабочихъ изъ нашихъ Сибирскихъ рудокопень. Что касается до г-на Ле-Пле, котораго я уже два дня упорно отыскивалъ, то онъ отправился въ Луганы, гдѣ ему должно было видѣться съ генераломъ Сентъ-Альдегондомъ, служащимъ въ Россіи по горному вѣдомству. Узнавъ объ этомъ, я немедленно рѣшился ѣхать въ Луганы. Но здѣсь въ степи уже не было битой дороги, и къ довершенію несчастія равнина изрыта глубокими оврагами, препятствующими ѣхать по прямой линіи. Въ то самое время, когда я надѣялся, что

скоро достигну желанной цѣли моего путешествія, карета моя, при спускѣ съ крутаго съѣзда, опрокинулась и вмѣстѣ съ лошадьми упала на берегъ Донца, гдѣ увязла въ топкой тинѣ. И здѣсь, однакожь, счастье не оставило меня; я ни сколько не ушибся, и выбравшись изъ увязшей кареты, пересѣлъ одинъ въ телегу, случившуюся по близости, скакалъ одиннадцать часовъ не останавливаясь, и не смотря на страшные толчки, въ десять часовъ вечера, благополучно прибылъ въ Луганы, гдѣ меня совсѣмъ не ожидали. Карету мою не иначе могли вытащить изъ тины, какъ послѣ шести-часовыхъ, величайшихъ усилій.

И такъ я соединился съ другимъ отдѣломъ моихъ сотрудниковъ. Эти были не такъ счастливы какъ ихъ товарищи, оставшіеся въ Крыму; они дѣйствовали въ странѣ угрюмой, ничѣмъ не защищенные отъ солнечнаго зноя. Между тѣмъ, однакожь, они уже сдѣлали довольно много, изслѣдовали въ геологическомъ отношеніи бассейнъ Дона и берега Донца, не пропустили безъ осмотра ни одной сколько нибудь значительной лощины, даже ни одного оврага, и наконецъ произвели въ нѣкоторыхъ мѣстахъ развѣдочныя раскопки. Я провелъ въ Луганахъ только два дня, для того, чтобы условиться о способѣ дальнѣйшихъ развѣдокъ, и потомъ приготовился возвратиться въ Одессу самымъ краткимъ путемъ.

Въ Луганахъ есть казенный литейный заводъ, на которомъ изготовляются для крѣпостей, лежащихъ на югѣ Россійской имперіи, и для Черноморскаго флота, ядра, и другія чугунныя вещи.

Въ Луганахъ долго жилъ г-нъ Ле-Плэ съ товарищами своими; они нашли здѣсь самый благосклонный пріемъ; даже для содѣйствія въ нашихъ розысканіяхъ, имъ давали съ завода весьма многихъ рабочихъ. Условившись обо всемъ, что мнѣ было нужно, я выѣхалъ изъ Луганъ вечеромъ $^8/_{20}$ августа.

Если бы я ограничился изложеніемъ здѣсь только собственныхъ замѣчаній на счетъ земли Донскихъ казаковъ, по которой проѣхалъ съ такою неимовѣрною быстротою, то свѣдѣнія мною собранныя на лету, конечно не заключали бы въ себѣ ничего важнаго. Но я могу представить, по крайней мѣрѣ, подробности, почерпнутыя изъ разговоровъ, какъ съ почтеннымъ атаманомъ г-мъ Власовымъ, такъ и съ моимъ благосклоннымъ спутникомъ, графомъ Галатери.

Страна, обитаемая Донскими казаками, есть обширная равнина, черезъ которую протекаетъ рѣка Донъ, выходящая сюда изъ Воронежской губерніи и падающая въ Азовское море. Къ этой же странѣ принадлежитъ и гористый округъ, простирающійся по рѣкѣ Донцу, до самой Екатеринославской губерніи. Почва здѣсь очень плодородная, но худо воздѣланная. Хотя равнина, составляющая всю область, много выше морскаго уровня, однакожь она изрыта глубокими лощинами, по которымъ всюду протекаютъ рѣки. Главные промыслы жителей состоятъ въ земледѣліи, рыбной ловлѣ и скотоводствѣ. При всѣхъ условіяхъ, могущихъ обезпечить народное богатство, казаки живутъ въ бѣдности, но за то они ведутъ и жизнь самую умѣренную. Единственная страсть, питаемая ими, состоитъ въ любви къ водкѣ. Съ пятнадцати лѣтъ до пятидесяти, они всегда должны быть готовы на службу. Въ этой землѣ мало городовъ, но деревень чрезвычайно много. Всѣ эти деревни называются вообще *станицами*, а каждая станица имѣетъ свое особенное, собственное имя. Кромѣ того вся страна усѣяна такъ называемыми *хуторами*, отдѣльными сельскими жилищами. Казаки вообще старообрядцы, чрезвычайно

суевѣрны и погружены въ такое глубокое невѣжество, что долго еще не могутъ быть просвѣщены. Жилища у нихъ крайне бѣдныя, одежда плохая; они неопрятны до чрезвычайности, но однакожь, не смотря на свою привычку къ нечистоплотности, содержатъ въ особенной чистотѣ мундиръ свой. Это у нихъ строго соблюдается. Платье свое чиститъ казакъ ежедневно, а рукъ никогда не умываетъ.

Вечеромъ 20-го августа я былъ еще въ 830-ти верстахъ отъ Одессы; но отдохнувъ двое сутокъ, пустился съ новою бодростью въ этотъ дальній путь. Дорога къ Бахмуту нѣсколько веселѣе. Повсюду намъ попадались у подошвы курганов грубыя гранитныя изображенія сфинксовъ.

Вскорѣ мы прибыли въ Екатеринославъ, широко разстилающійся по берегу Днѣпра. Домы въ этомъ городѣ чрезвычайно красивые и всѣ окружены садами. Екатеринославъ есть главный городъ губерніи того-же имени. Мы не замѣтили въ немъ большаго движенія, можетъ быть потому, что проѣхали черезъ него не останавливаясь. Послѣ того мы миновали Никополь, и продолжали путь нашъ по берегу Днѣпра до Берислава. Вездѣ на этомъ пути мы катились по равнинѣ, усѣянной многочисленными курганами, и въ иныхъ мѣстахъ хорошо воздѣланной.

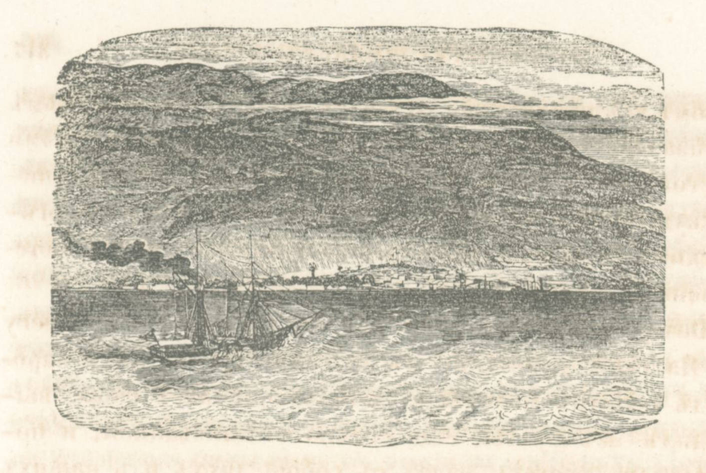
Не могу теперь ничего сказать о Бериславѣ и Херсонѣ, о которыхъ въ послѣдствіи поговорю подробнѣе. Быстро проѣхавъ черезъ эти города, я прибылъ въ Николаевъ, отличающійся отъ большей части здѣшнихъ городовъ прекрасными, широкими улицами. Существующая здѣсь верфь есть первая изъ устроенныхъ при Черномъ-Морѣ. Хотя Николаевъ не имѣетъ такой превосходной гавани какъ Севастополь, однакожь и при немъ есть хорошій рейдъ и обширный арсеналъ.

Переѣхавъ на паромѣ черезъ Днѣпръ, который въ этомъ мѣстѣ такъ широкъ, что для переправы нужно было употребить болѣе получаса, мы отправились прямымъ трактомъ въ Одессу, куда прибыли въ ночь 24-го августа, послѣ двухъ-недѣльнаго отсутствія, въ продолженіе котораго я объѣздилъ около 2000 верстъ.

Въ Одессу пріѣхалъ я въ самое время, потому что смотръ войскъ въ Вознесенскѣ вскорѣ долженъ былъ начаться. Вотъ какова жизнь путешественника! Она вся состоитъ изъ смѣси разнообразныхъ ощущеній; въ ней всѣ возможныя удобства замѣняются вдругъ всякими лишеніями; кто ведетъ ее, тотъ не долженъ скучать, что послѣ обилія ему придется переносить скудость, что онъ будетъ вынужденъ спать попеременно, то подъ открытымъ небомъ, среди степи, то на мягкихъ пуховикахъ, въ какихъ нибудь чертогахъ.

Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ изъ моихъ спутниковъ, подробно, шагъ за шагомъ, осматривали Крымъ, изучали терпѣливо и тщательно этотъ издревле знаменитый полуостровъ, въ которомъ каждый городъ имѣетъ до трехъ именъ: миѳологическое, историческое, и данное новѣйшими завоевателями. Въ слѣдующей главѣ сообщаю расказъ моихъ товарищей о томъ, что они видѣли и замѣтили, во время моего отсутствія.

VII.

ЯЛТА. — БАХЧИ-САРАЙ.

Передъ выѣздомъ изъ Ялты, для изслѣдованія Тавриды, мы должны были предварительно нѣсколько приготовиться къ нашему странствованію. Эти приготовленія задержали насъ двое сутокъ, которыя, однакожь, не пропали даромъ, потому что натуралисты наши съ утра до ночи осматривали окрестности Ялты, а живописецъ не выпускалъ изъ рукъ карандаша.

Странствованіе наше началось при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Князь Воронцовъ имѣлъ снисходительность самъ помочь намъ въ составленіи маршрута, котораго намъ слѣдовало держаться. Мы имѣли прекраснаго проводника и сильныя рекомендаціи. Такимъ образомъ всѣ препятствія отъ насъ были устранены, намъ оставалось только пользоваться столь благопріятными обстоятельствами, и мы наконецъ начали нашу страническую жизнь, посвященную съ этой минуты геологическимъ изысканіямъ и наблюденіямъ по части естественной исторіи.

Вечеромъ, 13-го августа, мы собрались на берегу у Ялтской пристани, въ то самое время, какъ пароходъ «Петръ Великій», доставившій насъ сюда, выходилъ изъ бухты, еще сильно взволнованной, и поплылъ къ востоку, взявъ съ собою двухъ изъ нашихъ товарищей, отправлявшихся къ г-ну Демидову, и экипажи послѣдняго, которые было удобнѣе выгрузить въ Кафѣ. Съ вершины горы, гдѣ мы стояли, море было открыто передъ нами на весьма далекое разстояніе, и мы долго еще слѣдили за движеніями парохода, подвергавшагося сильной качкѣ, по причинѣ громадныхъ волнъ моря, еще не утихшаго послѣ недавней бури.

На мысѣ, гдѣ мы стояли, возвышалась нѣкогда старая Ялтская церковь, отъ которой теперь остался только фундаментъ. Среди обломковъ мы нашли два человѣческихъ черепа. Кто знаетъ, чьи это черепа!... Вѣроятно, не простыхъ людей... Такъ, по крайней мѣрѣ надобно судить по тому, что мы нашли ихъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была самая церковь.

Недалеко оттуда, на другой горѣ, стоитъ новая Ялтская церковь, отличающаяся прекрасною, легкою архитектурою, покрытая изящною рѣзьбою. Входъ въ нее открытъ черезъ красивую колокольню; надъ самою церковью возвышается величественный куполъ, вокругъ котораго по угламъ, воздвигнуто еще четыре купола по меньше.

На слѣдующій день мы осматривали окрестности

Ялты. Въ бухту ея впадаютъ двѣ маленькія рѣчки, которыя не рѣдко отъ дождей, или въ слѣдствіе таянія снѣговъ, обращаются въ бурные потоки. Одна изъ этихъ рѣчекъ, сообщившая свое имя городу, начинается въ прекрасномъ горномъ мѣстоположеніи, протекаетъ по равнинѣ, усѣянной садами и виноградниками и вливается въ море у самыхъ воротъ Ялты. Другая рѣчка, теряющаяся въ морскомъ пескѣ, течетъ нѣсколько южнѣе, по близости мыса Аи-Тодора и называется « *Кримасто-Неро* ». Лѣтнею порою она составляетъ мелкій ручеекъ, едва струящійся по голышамъ, покрывающимъ ея русло, изрытое весенними потоками. И въ этой рѣчкѣ могло бы быть большое количество воды; но она протекаетъ по садамъ многихъ Татаръ, которые пользуются ея свѣтлою, какъ хрусталь, водою, для орошенія своихъ многочисленныхъ коноплянниковъ и табачныхъ полей, для чего проводятъ отъ рѣчки канавы. Мы пошли вверхъ по высохшему руслу этой рѣчки, часто заваленному огромными камнями и черезъ часъ очутились среди суроваго, но величественнаго мѣстоположенія. Здѣсь потокъ раздѣляется на два рукава у подножія громадныхъ утесовъ, обильно поросшихъ соснами, лиственницею и можжевельникомъ, среди которыхъ мѣстами возвышаются острыя, красивыя скалы, необыкновенно сходныя со шпицами кафедральной готической церкви. Вѣтра не было, вокругъ насъ господствовала глубокая тишина, все это мѣсто представляло совершенную пустыню.

На возвратномъ пути мы посѣтили большую Татарскую деревню, расположенную на берегу потока и осѣненную прекрасными орѣховыми деревьями. Деревня эта называется *Дере-Куи*; *дере* значитъ долина, а *куи* — деревня. Здѣшніе Татары вообще для своихъ

селеній предпочтительно избираютъ такія мѣстности, гдѣ бы можно было прислонять домы къ горѣ и располагать ихъ по скату, въ видѣ амфитеатра. Такимъ образомъ жилища сельскихъ Татаръ обыкновенно имѣютъ только три стѣны, а четвертую составляетъ самая гора, къ которой жилища эти прислонены. Кровля у нихъ плоская, образующая террасу, всегда устроенную такъ, что она не пропускаетъ сквозь себя воды. Терраса эта постоянно содержится въ чистотѣ; на ней Татарскій крестьянинъ сушитъ свои плоды и зерновой хлѣбъ; здѣсь онъ наслаждается прохладою вечерняго воздуха, бесѣдуетъ съ своими друзьями и сосѣдями; отсюда онъ наблюдаетъ за всѣмъ, что происходитъ вдали, высматриваетъ на кого лаютъ его вѣрные псы. Эта терраса существенно составляетъ весь его домъ. Въ числѣ подобныхъ платформъ та, которая принадлежитъ такъ называемому *омбаши*, или начальнику села, составляетъ преимущественно мѣсто общественнаго сходбища; она есть, можно сказать, форумъ, на которомъ Татары сообщаютъ другъ другу разныя новости, обсуживаютъ дѣла, касающіяся до всей деревни вообще; здѣсь же они принимаютъ иностранцевъ, которымъ, по существующему издавна обычаю, обыкновенно оказываютъ самое радушное гостепріимство.

Нижняя часть « Дере-куи » осѣнена цѣлымъ лѣсомъ большихъ густолиственныхъ орѣховыхъ деревьевъ. Общественный водоемъ, находящійся подъ тѣнью этихъ деревьевъ, былъ окруженъ женщинами въ то время какъ мы пришли; но эти женщины, увидя насъ, бросились врознь. Всѣ онѣ были закутаны въ широкія бѣлыя покрывала и пустившись такимъ образомъ бѣжать, среди вечерняго сумрака, напомнили намъ миѳологическое сказаніе о тѣняхъ Елисейскихъ

полей. Впрочемъ тогда и все согласовалось съ этимъ воспоминаніемъ: свѣжесть воздуха, тишина, господствовавшая вокругъ насъ, журчаніе ручьевъ и быстрыя движенія легкихъ бѣглянокъ. Если вы встрѣтитесь съ здѣшнею женщиною на какой нибудь узенькой тропинкѣ, то она поспѣшно пустится назадъ, чтобы не подвергаться взорамъ мущины, и даже когда находится довольно далеко, такъ, что не имѣетъ причины ничего опасаться, то все таки однакожь упрямо оборачивается къ вамъ спиною. Самыя дѣти, по видимому, точно также пугаются иностранцевъ. Однакожь, нѣсколько хорошенькихъ мальчиковъ, съ веселыми личиками, робко слѣдовали за нами издали, готовые, впрочемъ, убѣжать при малѣйшемъ поводѣ къ опасенію. Имъ очень нравилось смотрѣть какъ мы стрѣляли голубей, которыхъ въ « Дере-куи » водится очень много. Всѣ эти мальчики были очень красивы, проворны, хорошо сложены; костюмъ ихъ состоялъ изъ узкаго кафтанчика, и красной шапочки, изъ подъ которой выказывались густые волосы, красиво заплетенные заботливою рукою матерей ихъ. Когда мальчикъ подростетъ, красную шапочку замѣняетъ черная, сдѣланная изъ овечьей шкуры, общеупотребительная у здѣшняго народа. Взрослые Татары очень стройны, проворны, смѣлы, имѣютъ прекрасные глаза, орлиный носъ; вся наружность ихъ ознаменована печатью смѣтливости и ума. Вообще они очень лѣнивы, любятъ понѣжиться, но въ случаѣ надобности умѣютъ переносить самые тяжкіе труды.

Люди эти говорятъ Татарскимъ языкомъ, но слова произносятъ такъ грубо и невнятно, что, какъ слышно, ихъ съ трудомъ могутъ понимать прочіе Татары, хорошо, впрочемъ, знающіе свой языкъ. Эта привычка къ горловымъ звукамъ, вѣроятно, образовалась у нихъ

отъ того, что они часто перекликаются другъ съ другомъ съ высоты своихъ террасъ.

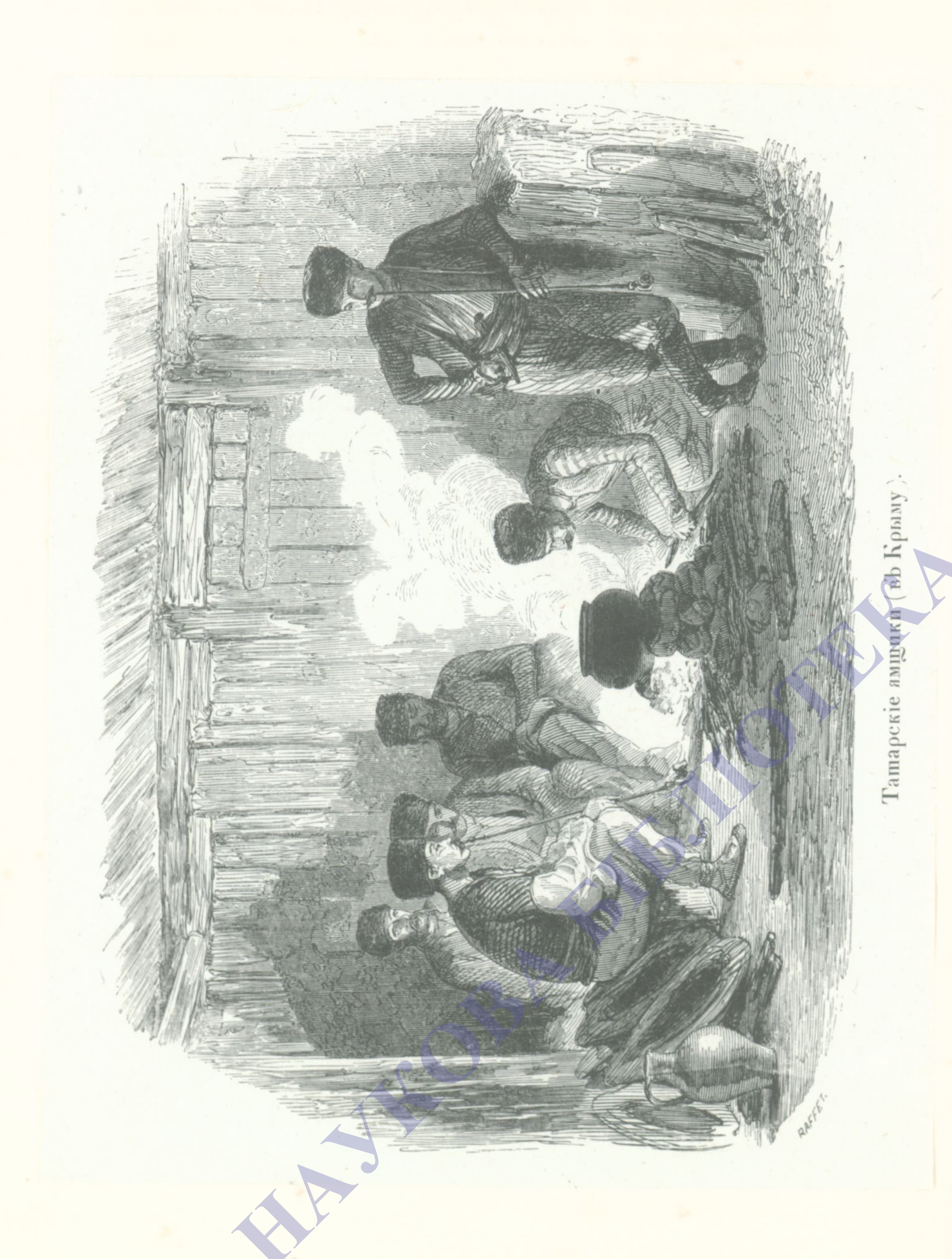
Надобно замѣтить, что Татары вообще очень хорошо умѣютъ ухаживать за растеніями, которыя разводятъ у себя. Выше мы уже упоминали о томъ, что посредствомъ искуснаго распредѣленія воды изъ рѣчки, протекающей близь ихъ жилищъ, они удачно способствуютъ плодородію своихъ полей.

Изъ Алупки, 15-го августа, мы получили маршрутъ, въ которомъ были прописаны всѣ мѣста Тавриды, заслуживающія вниманія и наблюденія. Первый путь, по которому намъ слѣдовало отправиться, описывалъ, на Крымской картѣ, дугу, обнимавшую, между прочимъ, слѣдующія главныя точки: Бахчи-Сарай, прежнюю столицу Крымскихъ хановъ; Севастополь съ его огромнымъ морскимъ арсеналомъ; весь древній Херсонесъ, возбуждающій такъ много историческихъ и поэтическихъ воспоминаній. Мы предприняли это любопытное странствованіе, снабженные всѣмъ, что могло доставить намъ всякаго рода удобства и облегчить изученіе края. Письма, которыми Генералъ-Губернаторъ имѣлъ снисходительность снабдить насъ, доставляли намъ повсюду благопріятный пріемъ. Имѣя предписаніе на Русскомъ и Татарскомъ языкахъ, мы нигдѣ не нуждались въ лошадяхъ и повозкахъ. Проводника прислалъ къ намъ самъ князь Воронцовъ; имя проводника этого было Михаилъ-Барба-Кристи; онъ служилъ унтеръ-офицеромъ въ ротѣ Ялтскихъ арнаутовъ.

Греческая милиція, носящая имя *арнаутовъ*, состоитъ изъ батальона, которому исключительно поручено содержать караулъ по берегамъ Крыма. Штабъ этой милиціи имѣетъ свое мѣстопребываніе въ маленькомъ приморскомъ городкѣ Балаклавѣ; отсюда караулы

разсылаются по разнымъ точкамъ берега, въ которыхъ присутствіе ихъ считается нужнымъ. Учрежденіе милиціи, состоящей изъ арнаутовъ, относится къ войнѣ 1769-го года, веденной Россіею съ Турками. Въ то время въ Русскомъ флотѣ служила цѣлая дивизія, состоявшая изъ однихъ лишь Грековъ, навербованныхъ въ Архипелагѣ, которая очень много содѣйствовала успѣхамъ Россійскаго оружія. Когда война кончилась, Греки эти поселились въ Россіи и изъ нихъ составили полкъ, оказавшій и здѣсь очень важныя услуги при усмиреніи Татаръ, нѣсколько разъ возмущавшихся. Въ послѣдствіи воины эти были названы Греческимъ Балаклавскимъ батальономъ, и имъ даны были земли для поселенія. И такъ милиція эта составляетъ настоящее военное поселеніе; колонисты, временно отправляютъ свою службу, а остальную часть года занимаются воздѣланіемъ своихъ земель. Почему этимъ Грекамъ дали имя арнаутовъ, я не могъ добиться, да впрочемъ, теперь ужь до этого трудно и добраться. Какъ бы то ни было, нашъ добрый проводникъ, унтеръ-офицеръ Михаилъ Барба-Кристи, едва получилъ предписаніе, присланное ему изъ Алупки, какъ тотчасъ, и съ величайшимъ усердіемъ, занялся изготовленіемъ лошадей для переѣзда въ Бахчи-Сарай.

Часу въ шестомъ утра (16-го августа) мы были уже всѣ на коняхъ и весело неслись въ Ялтской лощинѣ по тропинкѣ, извивавшейся вдоль маленькой рѣчки. Нашъ караванъ состоялъ изъ четырнадцати человѣкъ, въ числѣ которыхъ было пятеро Татаръ; ѣхали мы одинъ за другимъ, потому что тропинка была очень узка и двое въ рядъ не могли на ней помѣститься. Лошади наши были малы ростомъ и очень некрасивы, но за то отличались другими прекрасными качествами. Это животныя истинно неутомимыя, которымъ, послѣ са-

Татарскіе ямщики (въ Крыму).

мой продолжительной ѣзды достаточно малѣйшаго отдыха и небольшаго количества скудной пищи, чтобы снова бодро пуститься въ путь. Никогда онѣ не спотыкаются на каменистыхъ тропинкахъ, извивающихся по скатамъ самыхъ крутыхъ стремнинъ, вездѣ идутъ также твердо какъ по ровной дорогѣ; спускаются онѣ медленно и осторожно, а въ гору несутся вскачь. Сѣдла у Татаръ деревянныя, покрытыя толстою кожаною подушкою, стремена весьма короткія. Татары, привыкшіе къ подобнымъ сѣдламъ, очень крѣпко держатся въ нихъ; но иностранцу для этого нуженъ нѣкоторый навыкъ. Ѣхали мы слѣдующимъ образомъ: каждый имѣлъ при себѣ вещи нужныя: кто альбомы и другія артистическія принадлежности, кто огромные молотки, нужные для геологическихъ изслѣдованій, кто ружье и пагубныя для мотыльковъ сѣтки; вьючныя лошади тащили съѣстные припасы, рыболовныя сѣти, плащи, поваренную посуду, палатки, боченки со спиртомъ и легкіе чемоданы, съ нашимъ городскимъ платьемъ. Вотъ въ какомъ видѣ являлся нашъ разноцвѣтный караванъ, при выѣздѣ изъ Ялты.

Вскорѣ мы начали подыматься на отдѣльныя, совершенно круглыя горы, по которымъ дорога вьется винтообразно и возвышается постепенно, потому что прямо взъѣхать на эти горы громадныя, подымающіяся почти отвѣсно, нѣтъ никакой возможности. Весело было смотрѣть какъ наши маленькія лошадки бѣжали по зыбкимъ камнямъ, которые вырывались у нихъ изъ подъ копытъ и катились въ долину, издавая громовые звуки, не рѣдко еще слышанные нами даже и въ то время, когда мы уже были на вершинѣ горы. Въ мѣстахъ болѣе высокихъ мы видѣли особую породу сосенъ, столь же красивыхъ какъ и въ Ита-

мой продолжительной ѣзды, достаточно малѣйшаго отдыха и небольшаго количества скудной пищи, чтобы снова бодро пуститься въ путь. Никогда онѣ не спотыкаются на каменистыхъ тропинкахъ, извивающихся по скату самыхъ крутыхъ стремнинъ, вездѣ идутъ также твердо какъ по ровной дорогѣ; спускаются онѣ медленно и осторожно, а въ гору несутся вскачь. Сѣдла у Татаръ деревянныя, покрытыя толстою кожаною подушкою, стремена весьма короткія. Татары, привыкшіе къ подобнымъ сѣдламъ, очень крѣпко держатся въ нихъ; но иностранцу для этого нуженъ нѣкоторый навыкъ. Ѣхали мы слѣдующимъ образомъ: каждый имѣлъ при себѣ вещи нужныя: кто альбомы и другія артистическія принадлежности, кто огромные молотки, нужные для геологическихъ изслѣдованій, кто ружье и пагубныя для мотыльковъ сѣтки; вьючныя лошади тащили съѣстные припасы, рыболовныя сѣти, плащи, поваренную посуду, палатки, боченки со спиртомъ и легкіе чемоданы, съ нашимъ городскимъ платьемъ. Вотъ въ какомъ видѣ являлся нашъ разноцвѣтный караванъ, при выѣздѣ изъ Ялты.

Вскорѣ мы начали подыматься на отдѣльныя, совершенно круглыя горы, по которымъ дорога вьется винтообразно и возвышается постепенно, потому что прямо взъѣхать на эти горы громадныя, воздымающіяся почти отвѣсно, нѣтъ никакой возможности. Весело было смотрѣть какъ наши маленькія лошадки бѣжали по зыбкимъ камнямъ, которые вырывались у нихъ изъ подъ копытъ и катились въ долину, издавая громовые звуки, не рѣдко еще слышанные нами даже и въ то время, когда мы уже были на вершинѣ горы. Въ мѣстахъ болѣе высокихъ мы видѣли особую породу сосенъ, столь же красивыхъ какъ и въ Ита-

ліи. Эти сосны достигаютъ чрезвычайной величины въ огромныхъ Яйльскихъ оврагахъ; но на самыхъ высокихъ вершинахъ мелчаютъ. Мы назвали это прекрасное дерево *Таврическою сосною*. — *pinus Taurica*. Отдохнувъ нѣсколько подъ тѣнью этихъ сосенъ, на площадкѣ, поросшей мохомъ, мы снова начали подыматься выше и выше.

Теперь мы ѣхали по крутому косогору огромной конической горы, совершенно поросшей лѣсомъ; тропинка, по которой мы слѣдовали, могла скорѣе назватьсяб бороздою, проложенною лучемъ молніи, нежели дорогою. Безпрерывно попадались намъ бездонныя стремнины, то справа, тослѣва; иногда перебирались черезъ пропасти, по перекинутымъ черезъ нихъ древеснымъ стволамъ; по мѣрѣ того какъмы подымались выше, горизонтъ расширялся передъ нами, а лѣсъ становился все гуще и гуще. Взобравшись наконецъ на вершину горы, возвышающуюся надъ уровнемъ моря не менѣе какъ на девять сотъ метровъ (около четырехъ сотъ пятидесяти сажень), мы очутились среди голой площадки, гдѣ, однакожь, протекалъ ручеекъ съ превосходною водою, которая послужила намъ для утоленія жажды.

Когда мы взобрались на высшую точку Яйльской горной гряды, называемую *Стилле-Богасъ*, то передъ нами открылась великолѣпнѣйшая панорама: къ югу картина замыкалась моремъ, близъ котораго виднѣлась Ялта съ своею голубою бухтою и сверкавшими на ней парусами кораблей; на сѣверѣ и западѣ представлялось другое зрѣлище: тамъ мы видѣли цѣлые хребты, и среди ихъ громаднѣйшую Крымскую гору — Чатыръ-Дагъ.

На противоположномъ спускѣ Стилле-Богаса лѣсъ былъ уже не такъ густъ; вѣтеръ сдѣлался сильнѣе, по-

вернулся съ сѣверной стороны и гнулъ деревья, хотя не могъ сломать ихъ; внизу, въ глубокихъ лощинахъ передъ нами открывались очаровательные ландшафты, ярко озаренные полуденнымъ солнцемъ.

Уставъ до чрезвычайности, мы прибыли наконецъ въ большую деревню, куда вынуждены были пробираться тропинками, по которымъ могутъ лѣпиться лишь дикія козы да здѣшнія Татарскія лошади. Много разъ, на ужасныхъ крутизнахъ, наши неустрашимыя лошади въ полномъ смыслѣ слова спускались скользя. Деревня, куда мы прибыли, называлась *Буюкъ-Узенъ-Бачъ*. Нельзя описать радости, какую мы испытали, имѣя наконецъ возможность отдохнуть. Жители приняли насъ очень радушно, и пока мы пили кофе, проводникъ нашъ, усердный Михаилъ Барба-Кристи, хлопоталъ о замѣнѣ нашихъ усталыхъ лошадей свѣжими.

Комната, въ которую насъ ввели, была опрятна и довольно красиво убрана; на полу лежали ковры, отличавшіеся яркими цвѣтами; вдоль стѣнъ тянулся широкій и очень низкій диванъ; въ маленькомъ каминѣ еще тлѣлись остатки огня. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что этотъ гостепріимный домъ былъ не иное что какъ сельская кофейня, въ которую досужные Татары сходятся побесѣдовать; но при насъ въ ней не было никого, потому что мы пріѣхали въ такое время, когда Татары обыкновенно спятъ. Жители Буюкъ-Узенъ-Бача очень трудолюбивы; промышленность ихъ состоитъ исключительно въ томъ, что они дѣлаютъ повозки, выгодно сбываемыя въ средней части Крыма.

Выѣхавъ изъ этой деревни, которой придаютъ особенную прелесть ея многочисленные сады и виноградники, мы продолжали путь нашъ по странѣ, отличавшейся скудною растительностью и каменистою поч-

вою. Ѣхали мы по тропинкѣ почти непроходимой, изрѣзанной рытвинами, по которымъ, въ дождливое время, несутся стремительные потоки. Наконецъ мы прибыли въ лощину, усѣянную маленькими коническими холмиками, состоявшими изъ сланца и глины. На этихъ холмикахъ, отъ дѣйствія дождевой воды, образовались разныя, до чрезвычайности странныя, борозды и вырѣзки. Г. Нордманнъ, которому эта страна уже была извѣстна, уговаривалъ насъ ѣхать черезъ одну большую лощину, увѣряя, что по ней мы гораздо скорѣе доѣдемъ до Бахчи-Сарая. Но на этотъ разъ онъ ошибся, а проводники, привыкшіе къ безусловному повиновенію, не посмѣли противорѣчить ему. Такимъ образомъ, побродивъ довольно долго по лугамъ, орошаемымъ хорошенькою рѣчкою, мы вынуждены были опять взобраться на горы, окружающія Бахчи-Сарай. Эти горы легко распознать, потому что по вершинамъ ихъ тянутся утесы, очень похожіе на городскую ограду, и придающіе горамъ видъ крѣпости.

Солнце уже опускалось за горизонтъ; нашъ маленькій караванъ, утомленный продолжительною ѣздою, мало по малу разбрелся; всѣ мы ѣхали порознь, и нѣкоторые изъ насъ забавлялись охотою, стрѣляли птицъ, которыя по чему нибудь казались намъ достойными попасть въ нашу коллекцію естественныхъ предметовъ. По временамъ встрѣчались намъ нѣкоторые туземцы, и мы распрашивали ихъ о дорогѣ. Но отвѣты этихъ людей только приводили насъ въ большее недоумѣніе. Иные говорили, что до Бахчи-Сарая намъ остается только четыре версты, другіе, что еще восемь, и т. д.

Между тѣмъ, надъ горами взошелъ мѣсяцъ ярко-багроваго цвѣта. Тогда Михаилъ Барба-Кристи и двое изъ нашихъ товарищей, у которыхъ лошади еще не

очень устали, пустились впередъ, чтобы приготовить намъ ночлегъ, а мы между тѣмъ тащились какъ могли, стараясь, по возможности, не терять времени.

Вскорѣ мы въѣхали въ среду утесовъ, сходствующихъ, какъ выше сказано, съ крѣпостными стѣнами. Мы надѣялись, что теперь уже скоро доберемся до ночлега и отдохнемъ; но каково же было наше разочарованіе, когда выбравшись на безплодную горную площадку, не увидѣли передъ собою ни города, ни огней, а только обширную равнину, въ которой господствовало пустынное безмолвіе, нарушаемое лишь топотомъ нашихъ лошадей.

Слишкомъ часъ еще мы ѣхали по этой обманчивой пустынѣ, какъ вдругъ послышался лай и мелькнули огоньки въ какой-то пропасти, простиравшейся у самыхъ ногъ нашихъ; и тогда только мы разсмотрѣли, сквозь туманъ, верхи бѣлыхъ минаретовъ. Медленно спустились мы по тропинкѣ крутой, извилистой, и наконецъ прибыли къ берегу небольшой рѣчки, обнесенной каменною набережною. Мы сошли съ лошадей у большихъ стрѣльчатыхъ воротъ въ восточномъ вкусѣ, надъ которыми былъ устроенъ квадратный павильонъ. Часовой узналъ насъ и немедленно впустилъ въ огромный дворъ, окруженный легкими, изящными, различной величины зданіями, которыхъ прелестные фасады такъ и блистали, будучи ярко озарены мѣсячнымъ свѣтомъ. Это были тѣ самые чертоги, гдѣ нѣкогда обитали ханы Крымскіе, это было историческое зданіе, *замокъ садовъ*, которому городъ Бахчи-Сарай обязанъ своимъ знаменательнымъ именемъ.

Теперь мы наконецъ, въ самомъ дѣлѣ, достигли нашей цѣли: передъ нами была уже не Вѣна, веселая столица образованнаго народа, не гордый Венгерскій Пестъ, не Дунай съ затопленными берегами, несущій

на пѣнистыхъ волнахъ своихъ мирные пароходы, даже не Бухарестъ и не Яссы, города утратившіе свой восточный колоритъ отъ примѣси западныхъ нововведеній; нѣтъ мы находились въ настоящемъ восточномъ городѣ, въ одномъ изъ тѣхъ дворцевъ, о которыхъ читывали только въ сказкахъ Шехеразады, короче мы были — все равно что въ Азіи. Надъ головами нашими раздается голосъ мусселима; въ двухъ шагахъ отъ насъ, на безмолвномъ кладбищѣ, покоится прахъ шестидесяти хановъ, нѣкогда обитавшихъ въ этомъ дворцѣ; завтра мы увидимъ ихъ тѣсныя могилы, близь которыхъ, съ тихимъ журчаніемъ, протекаетъ ручеекъ, скрывающійся въ травѣ.

Теперь Крымъ сдѣлался Русскою областью, и Россія добросовѣстно охраняетъ преданія этого поэтическаго угла своей громадной имперіи. Бахчи-Сарайскій дворецъ, также какъ и прежде, открытъ для посѣтителей; въ его стѣнахъ каждый день готово для пріѣзжихъ гостепріимство, достойное древнихъ временъ. Для этого отведенъ большой флигель дворца, тотъ самый, который обращенъ къ рѣчкѣ. Если, при входѣ въ этотъ флигель, вы обернетесь и взглянете во внутренность двора, то увидите на правой рукѣ, кромѣ собственнаго жилища хановъ, гаремъ, бани, сады и высокую башню, на которой сдѣлана пространная терраса, окруженная крѣпкими рѣшетками. На лѣво возвышается большая мечеть, отличающаяся весьма стройными минаретами. Посреди кладбища стоятъ два павильона. Весь дворецъ окруженъ зданіями, въ которыхъ помѣщались кухни, конюшни, и прочія принадлежности. Въ глубинѣ двора возвышается прекрасный кіоскъ, изъ котораго сдѣланъ входъ въ конюшни; рядомъ съ нимъ бьетъ фонтанъ, устроенный въ восточномъ вкусѣ; на фонтанѣ находится вензелевое изображеніе имени Императора Александра, составленное изъ Турецкихъ буквъ. Далѣе картина заключается множествомъ садовъ, расположенныхъ въ видѣ амфитеатра, и горами, о которыхъ мы уже говорили, представляющими видъ крѣпости.

Намъ отвели двѣ комнаты весьма опрятныя, снабженныя сафьянными диванами, которыхъ, конечно, недостаточно было для всѣхъ насъ; но послѣ шестнадцати-часовой верховой ѣзды, мы могли очень спокойно уснуть и на полу, покрытомъ мягкими коврами. Въ тоже время, для подкрѣпленія нашихъ силъ, ослабленныхъ продолжительнымъ воздержаніемъ, мы послали поискать какого нибудь кушанья, и думали, что въ такое позднее время это будетъ сопряжено съ большими затрудненіями. Но къ величайшему нашему удивленію, намъ тотчасъ же принесли два огромныхъ блюда, изъ которыхъ на одномъ были горою накладены бараньи ножки, а на другомъ бараньи же головы. Послѣднее блюдо показалось намъ уже слишкомъ восточнымъ, а потому мы уступили его нашимъ Татарамъ.

Мы еще спали, когда солнце взошло, и проснувшись, тотчасъ поспѣшили удостовѣриться произведетъ ли на насъ, при дневномъ свѣтѣ зрѣлище дворца то же впечатлѣніе, какое произвело наканунѣ, при лунномъ сіяніи. Дворецъ и теперь показался намъ столь же прекрасенъ. Его зданія, истинно изящныя, разнообразныя, осѣненныя большими красными кровлями, покрытыя разными живописными изображеніями и девизами, отличались особенною, неописуемою прелестью; его обширные дворы, многочисленные сады, не очень тѣнистые, но заключающіе въ себѣ множество неизсякаемыхъ фонтановъ, таинственныя стѣны гарема, короче все было для насъ исполнено новости и привлекательности; но подробное описаніе всѣхъ

этихъ принадлежностей мы представимъ въ послѣдствіи.

Смотритель дворца, г-нъ Бобовичь, которому мы были рекомендованы г-мъ Генералъ-Губернаторомъ, принялъ насъ очень вѣжливо. Посѣтивъ его, мы тотчасъ разбрелись по городу; каждый изъ насъ спѣшилъ заняться своимъ спеціальнымъ предметомъ: иные пошли въ горы, для геологическихъ изслѣдованій надъ страннымъ устройствомъ этихъ горъ, замѣченнымъ нами еще наканунѣ; другіе, не заботясь о ханахъ, недавнихъ властелинахъ этой страны, пошли изучать древность въ самомъ почтенномъ ея святилищѣ, принялись собирать окаменѣлости, громадные черепы устрицъ, жившихъ въ такія времена, которыхъ отдаленности умъ человѣческій еще не можетъ опредѣлить; нѣкоторые изъ насъ занялись собираніемъ разныхъ рѣдкихъ растеній, а прочіе принялись срисовывать лица попадавшихся имъ жителей и зданія Бахчи-Сарайскія. Такимъ образомъ всѣ мы разсѣялись по городу и его окрестностямъ.

Бахчи-Сарай лежитъ въ глубинѣ узкой лищины, обнесенной большими кубическими утесами, которые, повидимому, угрожаютъ завалить и раздавить его. Черезъ него течетъ, въ глубокомъ оврагѣ, ручей, называемый *Джурукъ-Су*, котораго вода не годится для употребленія; самое имя его означаетъ, что въ немъ вода вонючая. Но кромѣ его здѣсь есть множество другихъ источниковъ, содержащихъ прекрасную воду. Долгое время Бахчи-Сарай былъ столицею и любимымъ мѣстопребываніемъ Крымскихъ хановъ, которые всячески старались украсить здѣшній дворецъ свой. Со временъ Императрицы Екатерины, Бахчи-Сарай, вмѣстѣ со всѣмъ Крымомъ, присоединенъ къ Россійской имперіи, но онъ и до сихъ поръ остался городомъ чисто Татарскимъ, и одинъ, во всемъ Крыму, сохранилъ, безъ примѣси, типъ этой интересной націи.

Весь городъ состоитъ собственно почти изъ одной длинной улицы, простирающейся вдоль ручья Джурукъ-Су. По обѣимъ сторонамъ ея тянутся домы и сады, расположенные по скатамъ узкой лощины. Между домами, изъ среды деревьевъ, возвышаются многія мечети, съ красивыми минаретами. Что касается до архитектуры обыкновенныхъ домовъ, то она не отличается ни чѣмъ особеннымъ, кромѣ устройства трубъ, сквозныхъ и сдѣланныхъ въ видѣ маленькихъ остроконечныхъ башенокъ. Вдоль по всей большой улицѣ расположены лавки и разныя ремесленныя заведенія. Послѣднія сохранили всю свою первоначальную простоту: въ нихъ и теперь приготовляются такія же издѣлія, какія вырабатывались двѣсти лѣтъ назадъ. Въ лавкахъ выставлены и вывѣшены большею частью лишь слѣдующіе предметы: самая грубая глиняная посуда, простые ножи, большое количество весьма разнообразныхъ издѣлій изъ сафьяна, бабуши или туфли, сѣдла, кушаки, кошельки и т. д. Торговцы обыкновенно сидятъ въ глубинѣ лавки, съ трубкою во рту, поджавши ноги, какъ вездѣ на востокѣ.

Въ ремесленныхъ заведеніяхъ дѣлаютъ повозки и разныя къ нимъ принадлежности, чешутъ, прядутъ и разматываютъ хлопчатую бумагу. Кромѣ того мы видѣли хлѣбниковъ, мясниковъ и цирюльниковъ. Эти цирюльники играютъ здѣсь важную роль: они поэты, философы, политики; многимъ изъ нихъ особенную важность придаютъ огромныя очки, которыя они носятъ. Здѣшніе токари преимущественно занимаются изготовленіемъ длинныхъ чубуковъ изъ черешни и жасминнаго дерева, требуемыхъ въ большомъ коли-

чествѣ не только въ самомъ Крыму, но и въ другихъ странахъ. Всѣ эти люди трудятся очень хладнокровно, съ соблюденіемъ величайшаго спокойствія; нельзя описать того величаваго вида, какой они соблюдаютъ продавая или покупая что нибудь. [redacted]-Караимы торгуютъ исключительно разными тканями, овощными и колоніальными товарами. Ихъ здѣсь довольно много; всѣ они живутъ вмѣстѣ, на большой утесистой возвышенности, находящейся недалеко отъ города. Въ заключеніе замѣтимъ, что описанная улица, составляющая почти весь городъ, плохо вымощена, и что по ней безпрерывно разъѣзжаютъ телеги, издающія несносный скрипъ; къ ней примыкаютъ нѣкоторые переулки, ведущіе въ предмѣстія, обитаемыя низшими классами.

Дворецъ, съ своими обширными садами, лежитъ въ самой серединѣ города; въ него въѣзжаютъ черезъ каменный мостъ, въ тѣ ворота, въ которыя, на канунѣ, и мы были впущены. Это древнее жилище хановъ все покрыто безчисленными надписями; нѣтъ почти ни одной двери, которая не имѣла бы своей особенной легенды, или своего таинственнаго вензеля, окруженнаго разными живописными изображеніями, представляющими цвѣты, плоды, разныхъ рѣдкихъ или фантастическихъ птицъ, рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлаго грунта стѣнъ. Надобно замѣтить, что, не задолго передъ нашимъ посѣщеніемъ, дворецъ хановъ былъ весьма искусно подновленъ.

Трудъ этотъ былъ порученъ отличному архитектору, г-ну Эльсону, который выполнилъ его со вкусомъ и возвратилъ обветшавшему дворцу весь его первобытной блескъ, всю оригинальность. Онъ не только подновилъ стѣны, двери, окна этого прекраснаго замка, но еще снабдилъ ихъ богатою мебелью,

и разными, самыми мелочными украшеніями, имѣющими восточный типъ. Всѣ комнаты обтянуты драгоцѣнными обоями, снабжены диванами и коврами, недавно выписанными изъ Константинополя.

Внутренность дворца состоитъ изъ залъ и отдѣльныхъ кабинетовъ, въ которыхъ не замѣтно никакого правильнаго расположенія. Въ нихъ проникаетъ слабый свѣтъ сквозь цвѣтныя стекла. Каждая комната такъ и блеститъ перламутромъ, хрусталями, золотомъ и серебромъ; всѣ онѣ исполнены благоуханія. Короче, въ этомъ чудесномъ дворцѣ соединено все, что могла создать только самая роскошная восточная фантазія. Но кто будетъ въ состояніи исчислить всѣ извороты этого дворца-лабиринта, его многочисленные потаенные выходы, его мраморныя бани, скромныя свидѣтельницы чувственныхъ наслажденій Азіатскаго гарема, извѣстныхъ Европейцамъ только по наслышкѣ?

Мы уже говорили, что въ садахъ есть большая башня, увѣнчанная позолоченною рѣшеткою. Тамъ, какъ разсказываютъ, одинъ изъ хановъ воспитывалъ своихъ соколовъ, а другой устроилъ на вершинѣ этой башни платформу, куда жены его приходили наслаждаться прохладою вечерняго воздуха, откуда могли, ни кѣмъ не видимыя, осматривать окрестности города.

Въ гаремѣ, окруженномъ высокими стѣнами, имѣющемъ также свои бани и прохладныя мраморныя залы, мы осматривали комнаты, въ которыхъ нѣкогда жили ханскія жены. Но увы! теперь все здѣсь пусто; лишь кое гдѣ видны еще слѣды древняго убранства: въ окнахъ уцѣлѣло нѣсколько яркоцвѣтныхъ стеколъ, на стѣнахъ нѣсколько Венеціанскихъ зеркалъ, въ которыя когда-то смотрѣлись любимицы ханскія. Именно здѣсь изнывала Марія Потоцкая, внушившая Пушкину его стихотвореніе «Бахчи-Сарайскій фонтанъ».

Этотъ *дворецъ садовъ*, такъ долго бывшій жилищемъ Крымскихъ повелителей, могъ бы еще справедливѣе быть названъ *дворцемъ фонтановъ*. Въ немъ повсюду есть проточная вода; она проведена въ стѣны, льется въ садахъ, бьетъ изъ фонтановъ, сдѣланныхъ въ комнатахъ.

Изъ числа этихъ фонтановъ особеннаго упоминанія заслуживаютъ два, устроенные въ парадныхъ сѣняхъ. Они покрыты легкими рельефными арабесками, совершенно вызолоченными, и выдающимися на разноцвѣтномъ, яркомъ грунтѣ. Въ нихъ соединено все, что только есть въ восточномъ вкусѣ изящнаго, въ Азіатской архитектурѣ лучшаго. Именно одинъ изъ этихъ фонтановъ и внушилъ Пушкину мысль его поэмы «Бахчи-Сарайскій фонтанъ.» Кромѣ богатыхъ украшеній, фонтанъ покрытъ еще множествомъ надписей. Мы нашли переводъ ихъ въ прекрасномъ и полезномъ сочиненіи ученаго г-на Монтандона, долго жившаго въ Крыму. Сочиненіе это называется: «*Путеводитель по Крыму*». Между прочимъ, слѣдующая надпись находится на фонтанѣ, называющемся Маріинымъ:

«Ликъ Бахчи-Сарая возвеселенъ благотворными попеченіями лучезарнаго Керима-Гирея! Отеческая рука великаго хана утолила жажду народа.»

«Если есть гдѣ нибудь подобный фонтанъ, да явится онъ.»

«Въ Дамаскѣ, въ Багдадѣ есть много диковинокъ; но и тамъ нѣтъ такого прекраснаго фонтана.»

Слѣдуетъ годъ 1176 геджры.

На другомъ фонтанѣ находится надпись, содержащая молитвы строителя его, Капланъ-Гирей-хана, о томъ, чтобы Аллахъ простилъ ему и его родственникамъ ихъ грѣхи.

Къ числу источниковъ, возбуждающихъ наиболѣе поэтическія мечтанія, принадлежитъ скромный ручеекъ, струящійся въ травѣ, между кустовъ, растущихъ на небольшомъ кладбищѣ, гдѣ покоится прахъ Крымскихъ ханов. Мы уже упоминали о мѣстѣ, занимаемомъ этимъ кладбищемъ, и о двухъ его ротондахъ, увѣнчанныхъ обширными куполами. Въ этихъ ротондахъ помѣщено нѣсколько ханскихъ гробницъ; тамъ же погребены и нѣкоторыя жены ихъ. Въ изголовьѣ каждаго гроба стоитъ камень, котораго верхушка изсѣчена въ видѣ чалмы; на нѣкоторыхъ даже помѣщены настоящія чалмы хановъ, теперь уже истлѣвшія и висящія лохмотьями. На камняхъ, покрывающихъ гробы женщинъ, изсѣченъ ихъ головной уборъ. Позади этихъ ротондъ находиться небольшое обгороженное мѣсто, поросшее разнородными растеніями; здѣсь находится множество могилъ, надъ которыми стоятъ бѣлые мраморные памятники, покрытые украшеніями, выпукло высѣченными.

Вечеромъ, 17-го августа, къ намъ присоединилось новое общество: трое мущинъ и одна дама пріѣхали осмотрѣть эти мѣста, имѣющія такъ много заманчивости для путешественниковъ. Вмѣстѣ съ этими ново-пріѣзжими мы отправились въ большую дворцовую мечеть. Насъ впустили съ той стороны, которая обращена къ улицѣ. При самомъ входѣ, въ большой залѣ со сводами, вниманіе наше было привлечено прекраснымъ фонтаномъ. Вода, бьющая изъ него довольно высоко, ниспадаетъ въ обширный водоемъ, изъ котораго вытекаетъ, посредствомъ множества небольшихъ отверстій, тоненькими струйками. Такимъ образомъ многіе магометане могутъ вдругъ совершать предписанныя имъ омовенія. Изъ этой залы мы взошли въ обширныя сѣни, а оттуда въ самую мечеть. Это огромное зданіе, слабо освѣщено нѣсколькими окнами,

въ которыя вставлены прекрасныя голубыя стекла. Полъ устланъ коврами; въ задней стѣнѣ, находящейся прямо противъ двери, сдѣлано полукруглое углубленіе, въ видѣ ниши, украшенное рѣзьбою по камню: это святилище храма. Посреди мечети виситъ огромная люстра, устроенная звѣздообразно, съ шестнадцатью остроконечными, исходящими углами. На каждомъ изъ этихъ угловъ утверждена лампа, къ которой привѣшена длинная шелковая кисть. Во всей мечети нѣтъ ни одного стула; украшеній въ ней весьма мало; есть лишь нѣсколько книгъ и свѣчей, весьма толстыхъ, испещренныхъ разными, самыми яркими красками. Между тѣмъ какъ мы осматривали внутренность мечети, отличающуюся простотой, но не чуждую нѣкотораго величія, мусселимъ рѣзкимъ, протяжнымъ голосомъ созывалъ Татаръ на молитву. Въ минаретахъ дѣлается узкая лѣсенка; по ней мусселимъ, или муэдзинъ, выходитъ на платформу, устроенную на самомъ верху минарета, и, обращаясь на всѣ четыре стороны, кричитъ или поетъ. Вскорѣ въ мечеть начали сходиться Татары, предшествуемые муллою; зажгли толстыя свѣчи и не заботясь нисколько о нашемъ присутствіи, начали молиться. Всѣ Татары стояли въ рядъ, обратившись лицемъ къ описанной нишѣ, мулла нѣсколько впереди ихъ.

Въ числѣ молящихся мы замѣтили нѣкоторыхъ *хаджи*, то есть мусульманъ, уже посѣщавшихъ Мекку, и отличавшихся отъ прочихъ бѣлою чалмою. Когда богослуженіе началось, Татары хватались руками за уши, бросались на колѣни, простирались ницъ, дѣлая все это молча и съ удивительною, почти механическою, стройностію. Одинъ лишь мулла бормоталъ какія-то молитвы, прерывая ихъ обычною формулою:— «Аллахъ экъ бессъ! Аллахъ керимъ»! Богъ великъ!

Богъ милосердъ. — Впрочемъ, мулла произносилъ все это голосомъ самымъ невнятнымъ.

Нечего говорить, что благочестивые поклонники Магомета оставили въ сѣняхъ свои бабуши, или туфли, а потому и намъ пришлось также снять нашу Европейскую обувь.

На слѣдующій день мы посвятили цѣлое утро занимательной прогулкѣ. Хотя лошадей велѣли мы привести какъ можно ранѣе, однакожь ихъ привели не ближе осьми часовъ: здѣсь ужь такой обычай, и сердиться было бы безполезно. Но, въ ожиданіи лошадей, мы снова посѣтили дворецъ. Насъ ввели въ комнаты перваго этажа, отличающіяся, какъ и прочія, величайшею роскошью. Съ особеннымъ изяществомъ и блескомъ были убраны комнаты, назначенныя для пріема Государя и Государыни. Вездѣ были разставлены драгоцѣнныя вазы — фарфоровыя съ цвѣтами, или хрустальныя, съ плававшими въ нихъ золотыми рыбками; повсюду были разостланы богатые ковры, которые легко можно было замарать, а потому мы и здѣсь снимали нашу обувь. Не лишнее будетъ замѣтить, что комнаты во дворцахъ всѣхъ восточныхъ властителей обыкновенно бываютъ весьма небольшія; этимъ онѣ отличаются отъ дворцевъ Европейскихъ государей. Тоже самое мы видѣли и въ Бахчи-Сараѣ.

Наконецъ явились Татарскіе кони. Для дамы, пріѣхавшей наканунѣ, привели красивую лошадку съ изящною сбруею и богатымъ краснымъ сѣдломъ. Мы отправились въ *Чіуфутъ-Галегъ*, или Еврейскую крѣпость, какъ здѣсь называютъ маленькій городокъ, обитаемый Караимами; это можетъ быть единственный въ цѣломъ мірѣ городокъ, принадлежащій исключительно [redacted]

Выбравшись изъ Бахчи-Сарая, мы неожиданно въѣ-

хали въ нѣкоторый родъ предмѣстья, составляющаго какъ бы особый городъ. Не нахожу словъ для описанія того отвратительнаго зрѣлища, какое представилось намъ здѣсь. Представьте себѣ цѣлую орду дикарей, почти совершенно нагихъ, живущихъ не въ домахъ, а въ грязныхъ пещерахъ, — естественныхъ, или вырытыхъ человѣческою рукою въ горахъ, возвышающихся надъ городомъ. Здѣсь живетъ многочисленный таборъ цыганъ, которымъ, по причинѣ ихъ природной лѣни, какъ видно, нравится такого рода жизнь. Со всѣхъ сторонъ мы видѣли отвратительныя лохмотья, развѣшанныя по скаламъ; отвсюду, вверхъ по горѣ, возносился синеватый дымъ. Услышавъ топотъ нашихъ лошадей, повыскакали, какъ обезьяны, ребятишки черные, безобразные, и тощія женщины, простиравшія къ намъ руки съ крикомъ и уродливымъ кривляньемъ. Грустное зрѣлище представляли эти несчастные, и мы всячески спѣшили выбраться изъ этого гнѣздилища униженнаго человѣчества. Впрочемъ, и между здѣшними безобразными цыганами мы замѣтили нѣсколько красивыхъ молодыхъ мущинъ и дѣвушекъ, но весьма немногихъ.

Нѣсколько далѣе зрѣлище перемѣняется: удаляясь отъ береговъ ручья Джурукъ-Су и начиная въѣзжать на гору, мы замѣтили на правой сторонѣ множество скалъ, отъ природы симметрически расположенныхъ. На нѣкоторой высотѣ, въ утесахъ, мы увидѣли многочисленныя углубленія, сообщающіяся между собою посредствомъ легкой галлереи, тянущейся на большомъ разстояніи, вдоль обрывистаго края горы. Это Успенскій монастырь. Дорога въ него лежитъ по глубокому оврагу; но чтобы проникнуть въ это, можно сказать, воздушное жилище, надобно взбираться по лѣстницамъ, высѣченнымъ въ утесѣ. Самую

примѣчательную часть этой цѣпи пещеръ, составляетъ небольшая часовня, украшенная нѣсколькими простыми колоннами, которыя высѣчены самими иноками. Здѣсь есть священникъ православнаго исповѣданія. Въ день Успенія Пресвятыя Дѣвы, 15-го августа, со всѣхъ концевъ Крыма въ этотъ монастырь стекается множество богомольцевъ. По словамъ нашихъ проводниковъ, пещеры эти были вырыты въ такое время, когда христіане испытывали сильное гоненіе отъ мусульманъ.

Между тѣмъ мы продолжали въѣзжать по каменистой, весьма скользкой тропинкѣ. Жители Чіуфутъ-Галега пользуются водою изъ двухъ источниковъ, вытекающихъ на скатѣ горы. По этой причинѣ, въ продолженіе цѣлаго дня, по горѣ безпрерывно движутся, то вверхъ, то внизъ, цѣлыя вереницы лошаковъ и ословъ, навьюченныхъ длинными, очень узкими боченками. Чіуфутъ-Галегъ виднѣлся въ нѣсколькихъ стахъ футахъ надъ нашими головами; домы его расположены у самаго края пропасти, такъ что страшно смотрѣть на нихъ. Внутренность оврага носитъ бѣлый колоритъ, въ немъ все изсушено солнечными лучами. Наконецъ, взобравшись на послѣдній скатъ, почти отвѣсный, мы выѣхали на большую платформу, и очутились у воротъ города.

Здѣсь насъ ожидало болѣе двадцати человѣкъ цыганъ, вооруженныхъ скрипками; во второмъ ряду стояли еще нѣкоторые съ Турецкими барабанами. Въ сопровожденіи этихъ музыкантовъ, ѣхали мы мѣрнымъ шагомъ, какъ тріумфаторы, по узкимъ улицамъ города, выстроеннаго на голомъ камнѣ, и потому не имѣющаго надобности въ мостовой. Во время этой, не слишкомъ занимательной, прогулки, мы видѣли только сборище бѣдныхъ хижинъ, да нѣсколько женщинъ, украдкою смотрѣвшихъ на насъ. Проѣхавъ черезъ весь

городъ, мы очутились на пустомъ, обнаженномъ пространствѣ, составляющемъ верхъ скалы, возвышающейся перпендикулярно на пять сотъ футовъ надъ лощиною *Джурукъ-Су*. Здѣсь, какъ намъ сказывали, ханы содержали оленей, назначавшихся для травли. Посѣтивъ это мѣсто, мы осматривали могилу какой-то ханской дочери, которой жизнь, какъ увѣряютъ, была исполнена многихъ странныхъ приключеній. Осмотрѣвъ всѣ эти достопримѣчательности, мы отправились въ домъ раввина, который, съ рѣдкою вѣжливостью, оказалъ намъ гостепріимство. Между тѣмъ цыганская музыка не прекращалась ни на минуту; усердные скрипачи то и дѣло угощали насъ маршами, вальсами, балладами, которыя всѣ были разыграны на одинъ тонъ.

Раввинъ вышелъ къ намъ на встрѣчу до самыхъ дверей своего дома и привѣтливо поклонился намъ, положивъ, по здѣшнему обычаю, правую руку на сердце, потомъ на голову, слегка наклоненную. Онъ ввелъ насъ въ небольшую, довольно низкую комнату, устланную коврами и тюфяками; посрединѣ стоялъ столъ, едва возвышавшійся на одинъ футъ надъ поломъ и уставленный разными легкими кушаньями, пирогами, конфектами, чашками съ кофеемъ, бутылками съ виномъ. Угощая насъ радушно, самъ раввинъ ни до чего, однакожь, не касался. Мы усѣлись на подушкахъ вокругъ столика, имѣвшаго овальную форму, и, по непривычкѣ къ здѣшнему образу жизни, а также не зная предразсудковъ и понятій Караимскихъ, безъ сомнѣнія, провинились во многихъ неловкостяхъ; но если въ нашихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ и было что нибудь, несогласное съ обычаями мѣстными, то хозяинъ нашъ не далъ намъ того замѣтить. Онъ простеръ свою снисходительность даже до того, что ввелъ насъ въ женское отдѣленіе своего дома. Этою благосклон-

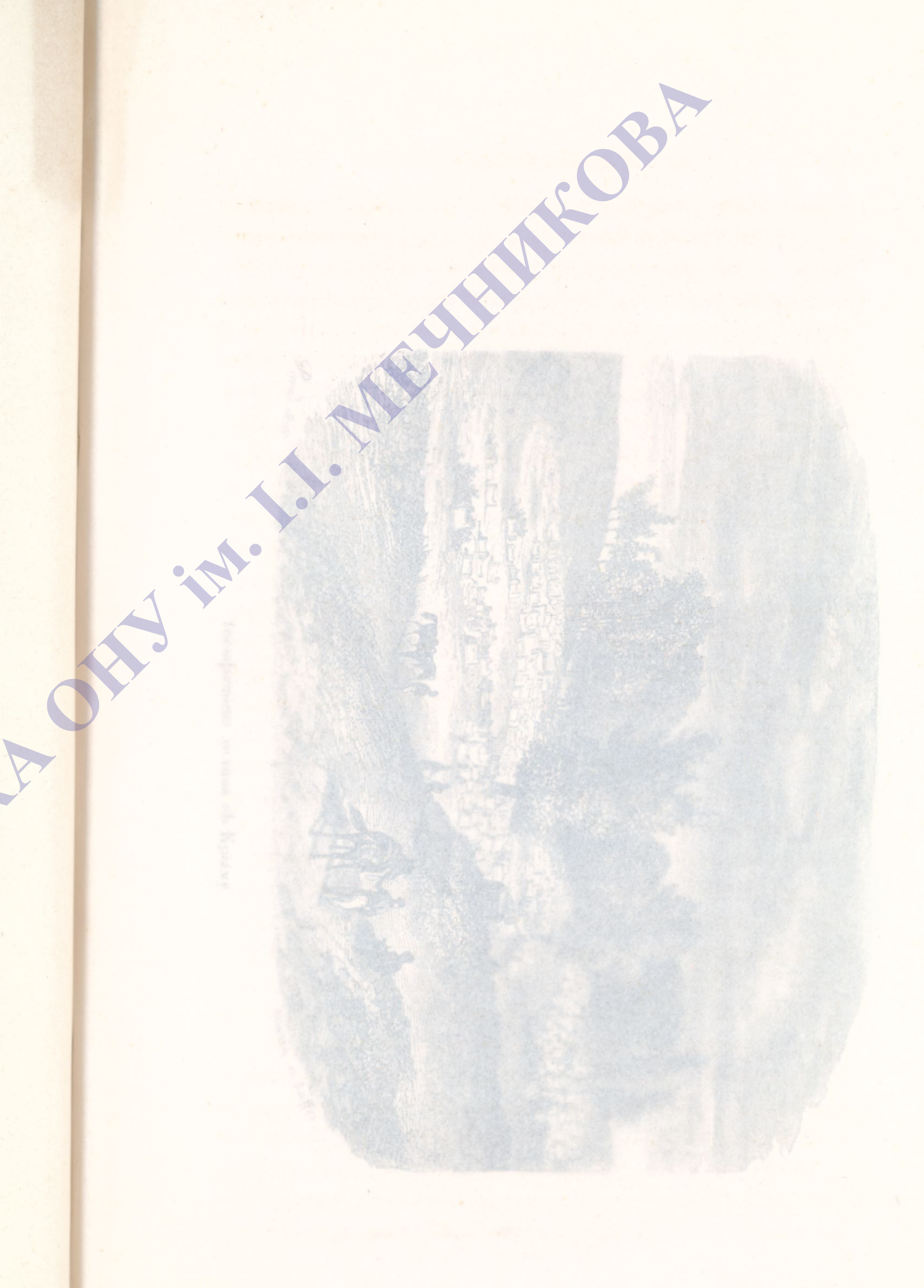
ностью мы были обязаны присутствію въ нашемъ обществѣ женщины. Впрочемъ, наше появленіе смутило гинезей почтеннаго раввина (*); одна изъ бывшихъ въ немъ женщинъ, лѣтъ двадцати отъ роду, очевидно пользующаяся особенною благосклонностью хозяина, совершенно растерялась, покраснѣла и отскочила къ окну, какъ будто ища защиты у игравшихъ на этомъ окнѣ, двухъ премиленькихъ малютокъ. Двѣ другія женщины сидѣли въ углу, закрывшись занавѣсками, и никакъ не согласились показаться. Платье на молодой раввиновой женѣ было щегольскаго покроя, шелковое, съ голубыми и красными полосками, очень ловко обхватывавшее ея стройную талію, не искаженную корсетомъ; широкій поясъ, перевязанный довольно низко, спереди былъ схваченъ двумя круглыми серебряными бляхами, прекрасной работы. Густые, красиво заплетенные волосы, были прикрыты чалмою, сдѣланною изъ чернаго платка, съ красными цвѣтами; на шеѣ блистало золотое ожерелье; на плечахъ была легкая шелковая накидка, желтаго цвѣта, съ черными коймами; на ногахъ желтыя бамбуши, общеупотребительныя въ здѣшнемъ краю.

Эта смущенная прекрасная женщина, стыдливо склонившаяся къ дѣтямъ своимъ, представляла такой чудесный предметъ для картины, что Раффе не могъ упустить случая срисовать ее. Благосклонный раввинъ охотно согласился на это, и доставилъ нашему живописцу всѣ удобства для рисованья. Между тѣмъ, пока онъ занимался этою работою, мы посѣтили двѣ синагоги. Это зданія довольно большія, весьма просто убранныя, не представляющія почти ничего замѣчательнаго, кромѣ двухъ экземпляровъ Ветхаго Завѣта,

(*) Гинезеемъ называется у Евреевъ женская половина; это что-то похожее на гаремъ.

составляющихъ истинно рѣдкія рукописи, писанныя на пергаменѣ, и сохраняемыя въ великолѣпныхъ бархатныхъ футлярахъ, покрытыхъ рѣзными серебряными украшеніями. Караимы слѣдуютъ буквально только тому, что написано въ Библіи, отвергая Талмудъ и всѣ другія толкованія раввинисма, а также не соглашаются съ раввинистами въ нѣкоторыхъ обрядахъ и въ степени родства, при которой дозволенъ или не дозволенъ бракъ. Нельзя также не обратить вниманія и на слѣдующую черту, которая рѣзко отличаетъ Караимовъ отъ прочихъ Евреевъ; именно, во всѣхъ странахъ, гдѣ Караимы живутъ, они пользуются славою людей совершенно честныхъ. Въ этомъ насъ увѣрялъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, который долго служилъ въ Одесскомъ Комерческомъ судѣ и потому имѣлъ случай удостовѣриться самымъ убѣдительнымъ образомъ въ добросовѣстности Караимовъ. Физіономія у Караимовъ вообще открытая и выражающая радушіе; кромѣ всего вышеупомянутаго, они отличаются еще отъ обыкновенныхъ жидовъ и своею чрезвычайною опрятностью. Они вѣжливы и предупредительны, но не унижаютъ себя ни до какой подлости, и не смотря на то, что во всѣхъ своихъ сдѣлкахъ соблюдаютъ строжайшую честность, умѣютъ превосходно вести торговлю. Эта небольшая секта Караимовъ разсѣяна по разнымъ странамъ; ея послѣдователи есть въ Египтѣ, въ Волыніи, въ Литвѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Считая Караимовъ, живущихъ въ Чіуфутъ-Галегѣ, въ Одессѣ, около Херсона, Козлова и Ѳеодосіи, ихъ наберется не болѣе двухъ тысячъ во всей южной Россіи.

Къ югу отъ Чіуфутъ-Галега, въ недальнемъ отъ него разстояніи, есть оврагъ, называемый Іосафатовою долиною: здѣсь находится кладбище Караимовъ; мо-

составляющихъ истинно рѣдкія рукописи, писанныя на пергаменѣ, и сохраняемыя въ великолѣпныхъ бархатныхъ футлярахъ, покрытыхъ рѣзными серебряными украшеніями. Караимы слѣдуютъ буквально только тому, что написано въ Библіи, отвергая Талмудъ и всѣ другія толкованія раввинисма, а также не соглашаются съ раввинистами въ нѣкоторыхъ обрядахъ и въ степени родства, при которой дозволенъ или не дозволенъ бракъ. Нельзя также не обратить вниманія и на слѣдующую черту, которая рѣзко отличаетъ Караимовъ отъ прочихъ Евреевъ; именно, во всѣхъ странахъ, гдѣ Караимы живутъ, они пользуются славою людей совершенно честныхъ. Въ этомъ насъ увѣрялъ одинъ изъ нашихъ спутниковъ, который долго служилъ въ Одесскомъ Комерческомъ судѣ и потому имѣлъ случай удостовѣриться самымъ убѣдительнымъ образомъ въ добросовѣстности Караимовъ. Физіономія у Караимовъ вообще открытая и выражающая радушіе; кромѣ всего вышеупомянутаго, они отличаются еще отъ обыкновенныхъ жидовъ и своею чрезвычайною опрятностью. Они вѣжливы и предупредительны, но не унижаютъ себя ни до какой подлости, и не смотря на то, что во всѣхъ своихъ сдѣлкахъ соблюдаютъ строжайшую честность, умѣютъ превосходно вести торговлю. Эта небольшая секта Караимовъ разсѣяна по разнымъ странамъ; ея послѣдователи есть въ Египтѣ, въ Волыніи, въ Литвѣ и во многихъ другихъ мѣстахъ. Считая Караимовъ, живущихъ въ Чіуфутъ-Галегѣ, въ Одессѣ, около Херсона, Козлова и Өеодосіи, ихъ наберется не болѣе двухъ тысячъ во всей южной Россіи.

Къ югу отъ Чіуфутъ-Калега, въ недальнемъ отъ него разстояніи, есть оврагъ, называемый Іосафатовою долиною: здѣсь находится кладбище Караимовъ; мо-

Іосафатова долина въ Крыму.

гилы расположены въ немъ безпорядочно и осѣнены многочисленными, прекрасными дубами. Всѣхъ надгробныхъ камней мы насчитали до четырехъ тысячъ; на каждомъ есть Еврейская надпись; нѣкоторые надгробные памятники стоятъ уже болѣе четырехъ столѣтій. Мы нашли нѣсколько памятниковъ опрокинутыхъ; намъ сказывали, что это произошло отъ случающихся здѣсь иногда землетрясеній. Продолжая идти по узкой тропинкѣ, мы увидѣли вдругъ старичка небольшаго роста, который усѣвшись въ кустахъ, высѣкалъ на памятникѣ, вновь поставленномъ, Еврейскую надпись. Костюмъ этого старика отличался своею странностью: на головѣ у него была надѣта круглая, какъ шаръ, синяя шапка, глаза защищены отъ солнца и пыли круглыми очками, привязанными на-зади головы посредствомъ двухъ снурочковъ; онъ сидѣлъ на корточкахъ, сжавшись подъ тѣнью зонтика, который защищалъ его отъ солнца. На вопросы наши онъ отвѣчалъ слѣдующее:

«Вотъ уже болѣе сорока лѣтъ, что здѣсь не воздвигается ни одного памятника, на которомъ надпись не была бы сдѣлана моею рукою. Всѣ тѣ, кому я оказалъ эту послѣднюю честь, были мои друзья, мои родственники. Я работаю не для одной только прибыли; въ этомъ ремеслѣ, сорокъ лѣтъ доставлявшемъ мнѣ хлѣбъ насущный, для меня заключаются многія воспоминанія. Я зналъ, я любилъ большую часть людей, покоящихся здѣсь; теперь и самъ приближаюсь къ смерти, и тамъ, подъ этими деревьями, которыя вы видите вправо, выбралъ себѣ мѣсто для могилы. Не знаю кто окажетъ мнѣ послѣднюю услугу, которую я такъ часто оказывалъ другимъ; можетъ быть на моемъ надгробномъ камнѣ сдѣлаетъ надпись какой нибудь неискусный человѣкъ.»

Между тѣмъ какъ переводчикъ, мало по малу, передавалъ намъ философическій монологъ стараго рѣзчика, Раффе срисовывалъ въ свой альбомъ его почтенныя черты. Старичекъ замѣтилъ это и охотно способствовалъ работѣ своего собрата, какъ онъ назвалъ нашего живописца; а когда рисунокъ былъ конченъ, то подписалъ подъ нимъ свое имя на Еврейскомъ языкѣ.

Еще одинъ вечеръ посвятили мы новому осмотру дворца и его скромнаго кладбища, а потомъ, 19-го августа, отправились далѣе, оставивъ, однакожь, въ Бахчи-Сараѣ г-дъ Гюо и Раффе, которымъ еще жаль было разстаться съ этимъ прекраснымъ мѣстомъ. Прочіе члены нашей экспедиціи усѣлись въ четыре тѣлеги и отправились къ Севастополю, слывущему однимъ изъ превосходнѣйшихъ военныхъ портовъ, не только на Черномъ морѣ, но и въ цѣломъ мірѣ.

И такъ мы выѣхали изъ Бахчи-Сарая по обнаженной равнинѣ, простирающейся до Бельбека, единственнаго мѣста, гдѣ мы должны были остановиться на пути къ Севастополю. Но оставляя Бахчи-Сарай, считаемъ не лишнимъ сообщить объ немъ нѣкоторыя подробности.

Въ Бахчи-Сараѣ полагаютъ 14,000 жителей, большею частью Татаръ, потому что Русскихъ, Евреевъ, Армянъ и другихъ въ немъ всего только 2250 человѣкъ. Увѣряютъ, будто въ этомъ городѣ три тысячи домовъ; но намъ кажется, что число это преувеличено. Здѣсь есть православная церковь, Еврейская синагога и тридцать двѣ мечети. Пріѣзжіе могутъ останавливаться въ любомъ изъ существующихъ въ Бахчи-Сараѣ десяти хановъ, или караванъ-сераевъ; но въ нихъ, по причинѣ плохаго помѣщенія и скуднаго

Татарскiй хлѣбникъ въ Бахчисараѣ.

обѣда, останавливаются лишь погонщики да иностранные торговцы.

Къ числу пріятностей здѣшней жизни, принадлежатъ двѣ прекрасныя Турецкія бани. Выше мы приблизительно уже исчислили въ чемъ состоитъ промышленость жителей. Они вывозятъ много разныхъ ремесленныхъ издѣлій, но сами постоянно принуждены покупать всякаго рода съѣстные припасы, потому что не занимаются земледѣліемъ, а только умѣютъ разводить огородные овощи. Впрочемъ, лѣтомъ они питаются почти исключительно плодами и овощами, которыхъ у нихъ чрезвычайно много. Хлѣбъ выписываютъ они въ зернѣ и превращаютъ его въ муку на мельницахъ, устроенныхъ по ручью Джурукъ-Су. Мы упоминали уже о большомъ количествѣ фонтановъ: и въ самомъ дѣлѣ, надобно сознаться, что мы ни въ какой другой странѣ не видали ихъ въ такомъ множествѣ. Содержаніе каналовъ, посредствомъ которыхъ въ городъ проводится вода, служитъ новымъ доказательствомъ любви, обнаруживаемой мусульманами къ ручьямъ и водометамъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о народномъ воспитаніи въ Бахчи-Сараѣ. Здѣсь есть много школъ для первоначальнаго обученія, и три *медрессы*, въ которыхъ преподаются науки. Въ эти высшія заведенія могутъ поступать всѣ Татары, предназначающіе себя къ занятію общественныхъ должностей или къ поступленію въ службу при мечетяхъ. Догматамъ магометанскаго вѣроисповѣданія учатъ здѣсь такъ называемые «эфенди»; сверхъ того въ медрессахъ преподаютъ исторію, ариѳметику и, по увѣренію г-на Монтандона, даже астрологію. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ находится до трехъ сотъ воспитанниковъ, ко-

торымъ дается и квартира. Медрессы основаны въ разныя времена ханами. Эти властители, какъ видится, поставляли себѣ въ славу размноженіе подобныхъ училищь. Такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключать по тому обстоятельству, что двое изъ хановъ, именно Ахметъ-Ага и Менгли-Гирей, основавъ двѣ самыя большія медрессы, предписали въ нихъ и похоронить себя.

Между тѣмъ мы быстро неслись, въ нашихъ легкихъ повозкахъ, по бѣлой, изсохшей равнинѣ, чрезъ которую пролегала дорога въ Бельбекъ: изрѣдка мы останавливались только для охоты за соколами, которыхъ здѣсь очень много, и они принадлежатъ къ особенной, весьма красивой породѣ. Намъ посчастливилось застрѣлить нѣсколько изъ нихъ.

Миновавъ Бельбекъ, деревню полу-Русскую, полу-Татарскую, мы спустились въ узкую лощину, по которой протекаетъ ручей, называемый также Бельбекомъ и сообщившій свое имя деревнѣ. Эта прелестная лощина вся наполнена садами и огородами столь красивыми и плодородными, что они невольно напомнили намъ о самыхъ прекрасныхъ и наилучшимъ образомъ воздѣланныхъ странахъ западной Европы. Но вскорѣ мы оставили это прекрасное мѣсто позади себя, вновь поднялись на плоскую степную возвышенность и увидѣли не вдалекѣ отъ себя море: это былъ западный берегъ Крыма. Съ плоской возвышенности, на которой мы находились, шла, постепенно понижаясь, дорога, ведущая къ Севастопольскому порту. Намъ были уже видны мачты кораблей, стоявшихъ въ этой гавани. Быстрота нашей ѣзды была такъ велика, что когда у одной тѣлеги соскочило колесо, то едва могли остановить лошадей и тѣлега тащилась еще до-

вольно долго, упираясь осью въ землю. Ямщикъ, который при этомъ случаѣ сожалѣлъ только о томъ, что ему приходилось бѣжать назадъ за колесомъ, надѣвъ его на ось, вколотилъ клинушекъ на мѣсто пропавшей гайки, сѣлъ опять на козлы и снова принялся скакать во весь опоръ, для того, какъ онъ говорилъ, чтобы наверстать утраченное отъ остановки время.

Послѣ того мы, безъ всякаго дальнѣйшаго приключенія, прибыли къ берегу гавани. Пока изготовляли шлюпку для нашего перевоза въ городъ, мы съ изумленіемъ смотрѣли на линѣйные и другіе военные корабли, стройно стоявшіе рядомъ въ прекраснѣйшей гавани, какую только можно себѣ представить. Мы сѣли на шлюпку въ небольшой губѣ, наполненной каботажными судами, проплыли у самой кормы ста-двадцати-пушечнаго корабля «Варшава» и вышли наконецъ на набережную Севастополя, на которой суетилась шумная толпа народа, привлеченная недавно прибывшимъ судномъ съ арбузами.

Городъ Севастополь раскинулся на кругломъ холмѣ, возвышающемся между двухъ бухтъ. Улицы въ этомъ городѣ широкія, но до чрезвычайности пыльныя; зданій значительныхъ немного; домы большею частію маленькіе, низкіе, отдѣленные другъ отъ друга пространными дворами. Цѣлый часъ проискали мы безполезно гостинницы, не зная того, что здѣсь гостинницъ нѣтъ. Наконецъ намъ указали какого-то Италіанскаго кондитера, который отдалъ въ наше распоряженіе двѣ пустыя комнаты, съ разбитыми стеклами въ окнахъ. Вобравшись въ квартиру, мы были вынуждены подумать и о мебели. Но хозяинъ нашъ, почтенный г-нъ Кабалзаро, объявилъ, что немедленно доставитъ намъ мебель. И въ самомъ дѣлѣ, часъ или

два спустя, къ намъ притащили мѣшковъ съ двадцать, набитыхъ сѣномъ, и напомнившихъ намъ о постеляхъ, на которыхъ въ среднихъ вѣкахъ спали студенты. Нечего дѣлать! Мы вздохнули снова о Бахчи-Сарайскомъ дворцѣ и его мягкихъ коврахъ, и легли спать; намъ необходимо было укрѣпиться сномъ для новыхъ странствованій.

VIII

Севастополь. — Одесса. — Вознесенскъ.

Положеніе Севастополя, какъ военнаго порта, по справедливости считается однимъ изъ самыхъ выгодныхъ. И дѣйствительно, въ цѣлой Европѣ мало найдется гаваней, представляющихъ столь много удобствъ для многочисленнаго флота. Гавань Севастопольскую составляетъ весьма широкая и глубокая морская губа, вдавшаяся во внутренность западнаго берега Тавриды слишкомъ на двѣ Французскія мили (болѣе осьми верстъ). Въ этомъ великолѣпномъ бассей-

нѣ нѣтъ ни камней подводныхъ, ни опасныхъ отмелей; входъ въ него не затруднителенъ и защищенъ грозными укрѣпленіями, которыхъ артиллерія покрываетъ огнемъ своимъ фарватеръ во всю его ширину и длину. Въѣхавъ въ эту гавань, вы увидите у южнаго берега четыре обширныя бухты, представляющія весьма удобный входъ и столь глубокія, что въ одной изъ нихъ, именно въ *корабельной бухтѣ*, трех-палубныя военныя суда могутъ безопасно останавливаться въ нѣсколькихъ лишь саженяхъ отъ берега. Именно между двухъ изъ этихъ бухтъ и лежитъ Севастополь, который Татары иногда называютъ Акъ-Тіаромъ, по воспоминанію о древнемъ городѣ, находившемся къ сѣверу отъ гавани, по близости къ безплодному холму, возвышающемуся при входѣ въ портъ.

Севастополь занимаетъ часть пространства, на которомъ находилось предмѣстіе города Херсонеса, процвѣтавшаго въ глубокой древности. Городъ этотъ давно уже не существуетъ, и напоминаетъ о себѣ только нѣкоторыми развалинами, мало по малу также изчезающими съ лица земли.

Съ высоты холмовъ, на которыхъ устроены батареи, защищающія рейдъ, взору открывается безплодная, голая страна, оправдывающая Татарское названіе этого мѣста Акъ-Тіаръ, т. е. бѣлый утесъ.

Улицы Севастополя, хотя симметрически, правильно расположенныя, представляютъ то неудобство, что идутъ безпрестанно съ одной крутизны на другую. Путникъ, вышедши на берегъ въ таможнѣ, и увидя этотъ городъ, раскинутый на бѣлыхъ, раскаленныхъ солнцемъ утесахъ, не вдругъ рѣшается идти въ него, ищетъ боязливо нѣтъ ли гдѣ нибудь тропинки, болѣе удобной. Есть одна только улица, нѣсколько сноснѣе

прочихъ: она идетъ параллельно съ большимъ портомъ, и по ней тянутся самыя замѣчательныя зданія, какими справедливо можетъ гордиться новѣйшій Севастополь. Въ этой улицѣ стоитъ прекрасный соборъ, здѣсь же возвышается адмиральтейская башня, зданіе замѣчательное; жаль только, что колонны, которыми оно украшено, не пропорціональны съ прочими частями. Кромѣ того, въ этой Севастопольской улицѣ есть нѣсколько прекрасныхъ домовъ, которыхъ окна постоянно закрыты сторами, нѣсколько небольшихъ садиковъ, къ сожалѣнію всегда занесенныхъ пылью. Взойдя въ самую верхнюю часть города, вы найдете и тамъ сады, за которыми скромно таятся маленькіе, очень опрятные домики; но за то здѣсь вы подвержены вліянію сильныхъ вѣтровъ, постоянно господствующихъ лѣтомъ на всемъ этомъ берегу.

Тѣмъ не менѣе, съ этой высоты взору открывается прекрасная перспектива, щедро вознаграждающая путешественника за трудъ, понесенный при восхожденіи на крутизны, по которымъ разстилается городъ. Отсюда вы видите вдругъ всю окрестность, море на далекое разстояніе, гавань съ арсеналами, адмиральтействомъ и другими, принадлежащими къ ней заведеніями. Все это представляетъ зрѣлище, истинно великолѣпное, особенно когда весь Черноморскій флотъ, стоитъ, также какъ и во время нашего пребыванія, стройными рядами въ гавани.

Вы будете въ состояніи судить о томъ одушевленіи, какое флотъ этотъ доставляетъ здѣшней величественной мѣстности, когда узнаете сколько тутъ было судовъ и какой величины; по этому представляемъ изчисленіе ихъ:

Варшава о. . .	120 пушкахъ.	Махмутъ . . .	90 пушкахъ:
Силистрія. . .	90	Екатерина. . .	90
Чесма. . . .	90	Адріанополь .	90
Марія. . . .	90	Стоустъ. . .	90
Анапа. . . .	90	Пименъ. . . .	90
Памикъ-Ифстафи.	90		

Далѣе стояли фрегаты :

Бургасъ. . . .	60	Браиловъ. . .	40
Эносъ . . .	60	Агаѳоклъ. . .	60
Варна . . .	60	Тенедосъ. . .	60
Анна	40		

Потомъ корветты :

Сизополи. . .	14	Орестъ. . . .	24
Ифигенія. .	24		

Бриггъ Меркурій.		20
Гоэлетты	Гонецъ.	14
	Вѣстовой.	14

И наконецъ куттеры :
Спѣшный и Струя.

Въ ту минуту, когда мы только что разобрались въ занятой нами квартирѣ, въ городѣ и гавани обнаружилось необычайное движеніе. Дѣло состояло въ томъ, что прибылъ казенный пароходъ «Громоносецъ» съ княземъ Менщиковымъ, министромъ Россійскихъ морскихъ силъ, намѣревавшимся дѣлать смотръ флоту.

Министръ не съѣзжалъ съ своего парохода, на который къ нему являлись всѣ мѣстные чиновники. Адмиралъ Славяновъ, начальствовавшій тогда Севастопольскимъ портомъ, въ это время былъ очень нездо-

ровъ: вотъ причина, по которой мы не могли видѣться съ нимъ, а только препроводили къ нему рекомендательное письмо, данное намъ отъ Князя Воронцова. За эту неудачу мы были отчасти вознаграждены тѣмъ, что насъ представили г-ну Гюптону, искусному инженеру, который придумалъ и привелъ въ исполненіе большую часть важныхъ и полезныхъ построекъ, существующихъ теперь въ гавани. Онъ принялъ насъ весьма радушно, въ собственной квартирѣ, гдѣ мы насладились зрѣлищемъ истинно счастливой семейной жизни. У г-на Гюптона восемь человѣкъ дѣтей. Умные и трудолюбивые сыновья его, не смотря на свою молодость, уже помогаютъ отцу въ огромныхъ предпріятіяхъ, которыя онъ приводитъ въ исполненіе посредствомъ цѣлой арміи военно-рабочихъ. Куда бы вы ни взглянули въ Севастополѣ, всюду увидите длинныя казармы, назначенныя для помѣщенія значительнаго гарнизона; однакожь, не смотря на такое большое количество казармъ, онѣ были еще недостаточны для помѣщенія всѣхъ солдатъ, употреблявшихся тогда на разныя казенныя работы, долженствующія совершенно измѣнить видъ здѣшняго берега. И въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ мѣсто этихъ бѣлыхъ известковыхъ холмовъ, нѣкогда возвышавшихся надъ бухтою, займутъ обширныя мастерскія, пространныя эспланады и глубокіе бассейны. Уже при насъ холмы эти, при помощи терпѣливаго труда, были срыты почти до основанія.

Для такого исполинскаго превращенія употребляется тридцать тысячъ человѣкъ, живущихъ въ палаткахъ. Весьма любопытно было видѣть какъ это множество трудящихся солдатъ, одѣтыхъ въ бѣлыя парусинныя платья, суетилось, работая въ облакахъ пыли. Они уносили въ мѣшкахъ, можно сказать, почти горстями

холмы, которые уничтожали. Это былъ истинный муравейникъ, свидѣтельствующій, что раздѣленіе труда, можетъ, мало по малу, привести къ такимъ же результатамъ, какіе доставляются самыми сильными машинами. Впрочемъ, въ этой дѣятельной толпѣ обнаружилась страшная болѣзнь, именно Египетское воспаленіе глазъ, которое, по увѣренію многихъ, имѣло заразительное свойство. Эту болѣзнь вообще приписывали огромному количеству пыли, воздымаемой вѣтромъ на здѣшнемъ берегу, гдѣ все было взрыто. Впрочемъ, какова бы ни была причина этого недуга, только онъ являлся въ ужасающемъ видѣ. Нерѣдко въ одни сутки, человѣкъ лишался зрѣнія.

Велико было наше удивленіе при видѣ бухты, гдѣ стояли трехпалубные корабли такъ близко къ берегу, что съ нихъ можно было сходить на сушь посредствомъ небольшой доски, перекинутой съ палубы на берегъ; но мы были изумлены еще болѣе, когда пришли осмотрѣть доки, назначенные для починки кораблей, и превосходно устроенные г-мъ Гюптономъ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, нѣсколько выше его уровня, вырытъ обширный бассейнъ. Въ немъ устроено пять доковъ для починки кораблей, изъ которыхъ въ трехъ чинятся линѣйные корабли, а въ двухъ остальныхъ фрегаты. При такомъ морѣ, которое не подвержено приливамъ, осушеніе этихъ доковъ составляло задачу, довольно трудную для рѣшенія; вотъ какимъ образомъ ее разрѣшили. Въ осмнадцати верстахъ отъ порта, въ большой равнинѣ, прилегающей къ рейду, есть рѣчка небольшая, но многоводная, текущая по мѣсту, довольно высокому. Эту рѣчку, называемую *Черною*, инженеры отвели въ новое русло, высѣченное для нея въ утесѣ. Здѣсь она течетъ частію въ подземномъ тоннелѣ, частію по во-

допроводу и наконецъ падаетъ въ устроенные для починки кораблей бассейны. Посредствомъ воды, доставляемой этою рѣчкою, бассейны могутъ быть наполняемы такъ, что въ нихъ удобно будетъ входить самымъ большимъ сто-двадцати-пушечнымъ кораблямъ и фрегатамъ. Когда корабли вводятся въ доки, вода спускается посредствомъ шлюзовъ и корабль, оставшись на сушѣ, можетъ быть починенъ. Послѣ починки, воду опять впускаютъ такимъ же образомъ и корабль выводятъ. Это работы истинно великія, принадлежащія къ тѣмъ, которыя способны прославить правительство, ихъ совершившее, и обезсмертить имя инженера, ихъ выполнившаго. Болѣе всего насъ удивляло то, что солдаты, употребляемые при этихъ работахъ, съ одинаковою ловкостью, изъ землекоповъ обращались то въ плотниковъ, то въ кузнецовъ, то въ каменьщиковъ. Г. Гюптонъ, природный Англичанинъ, не могъ довольно надивиться этой способности Русскаго простолюдина привыкать, въ самое короткое время, къ разнообразнѣйшимъ занятіямъ. Прибавимъ, что Русскій солдатъ не только способенъ ко всѣмъ возможнымъ ремесламъ, но сверхъ того отличается еще многими другими хорошими качествами, именно: онъ послушенъ по природному характеру, почтителенъ безъ низости, ловокъ и дѣятеленъ безъ хвастовства.

Военныя верфи устроены въ Николаевѣ, котораго положеніе очень для этого благопріятно, какъ по его мѣстности, такъ и по причинѣ удобства сплавлять къ нему изъ Средней Россіи нужный кораблестроительный лѣсъ. А потому въ Севастополѣ надобно было только имѣть доки для починки кораблей, и они устроены превосходно. Кто бы подумалъ? главный врагъ, истребляющій въ Черномъ морѣ величайшіе корабли, есть не иной кто какъ самый крошечный,

почти незамѣтный червь, называемый *teredo navalis*. Въ слѣдствіе разрушеній, причиняемыхъ этимъ червемъ, какъ слышно, Русскіе военные корабли, круглымъ числомъ, могутъ служить только восемь лѣтъ, тогда какъ Французскіе и Англійскіе, круглымъ же числомъ, служатъ пятнадцать лѣтъ. Были сдѣланы попытки предохранить корабли отъ означеннаго червя, но, кажется, онѣ не имѣли успѣха.

Осмотрѣвъ эти занимательныя постройки, мы вознамѣрились отправиться моремъ для посѣщенія Инкермана. Выходя изъ арсенала, мы замѣтили прекрасный фонтанъ, устраиваемый въ скалѣ, для снабженія флота прѣсною водою. Вода эта будетъ процѣживаема и доставляема на корабли въ самомъ чистомъ видѣ. Плывши мимо узкой долины, мы вдругъ увидѣли отдѣльный домикъ, нѣкотораго рода кіоскъ, возвышавшійся среди дубовой рощи. Здѣсь былъ общественный садъ, праздничное гульбище города, который воздвигая вокругъ себя грозныя укрѣпленія, не забылъ и о мѣстѣ для отдыха и прогулки. Въ этомъ саду, особенно большое гулянье бываетъ перваго маія. При насъ садъ всячески старались украсить, въ ожиданіи пріѣзда Августѣйшей Фамиліи.

Въ самой бухтѣ, вода довольно прѣсная, что доказывается обильно растущимъ въ ней тростникомъ. Быстро проѣхали мы черезъ гавань и вступили въ русло Черной рѣчки, довольно узкое, но глубокое.

Здѣсь утесы раздвигаются, лощина становится шире, взоры, утомленные однообразнымъ зрѣлищемъ сѣрыхъ береговыхъ утесовъ, отдыхаютъ при видѣ небольшихъ зеленѣющихъ луговинъ, орошаемыхъ ручьями, осѣненныхъ купами деревъ, украшенныхъ цвѣтущими кустами. Мы вышли на правый берегъ рѣки, поросшій красивыми деревьями и начали взбираться на сосѣдній утесъ, въ которомъ прорыто для Черной рѣчки новое русло, долженствующее провести ее къ бассейну арсенала. На этотъ утесъ всходить очень легко, потому что въ немъ, нарочно для этого, высѣчены ступени, сдѣланныя въ тотъ самый день, когда Инкерманскую долину посѣщалъ знаменитый гость, маршалъ Мармонъ. Прибывъ къ краю канала, мы не замедлили осмотрѣть и тоннель, проходящій подъ громадною массою камней. Этотъ тоннель, весь высѣченный въ утесѣ, простирающійся на сто тридцать метровъ въ длину (почти 65 сажень), стоилъ пятнадцати-мѣсячной работы. Въ вышину онъ имѣетъ десять Французскихъ футовъ; на лѣвой сторонѣ его устроена дорожка, достаточная для того, чтобы проходить по ней. Работа была начата съ обоихъ концовъ тоннеля вдругъ, и рабочіе сошлись по серединѣ, почти нисколько не уклонясь отъ прямой линіи. По берегамъ канала, простирающагося на осмнадцать верстъ, устроено одиннадцать карауленъ, представляющихъ красивые осьмиугольные павильоны.

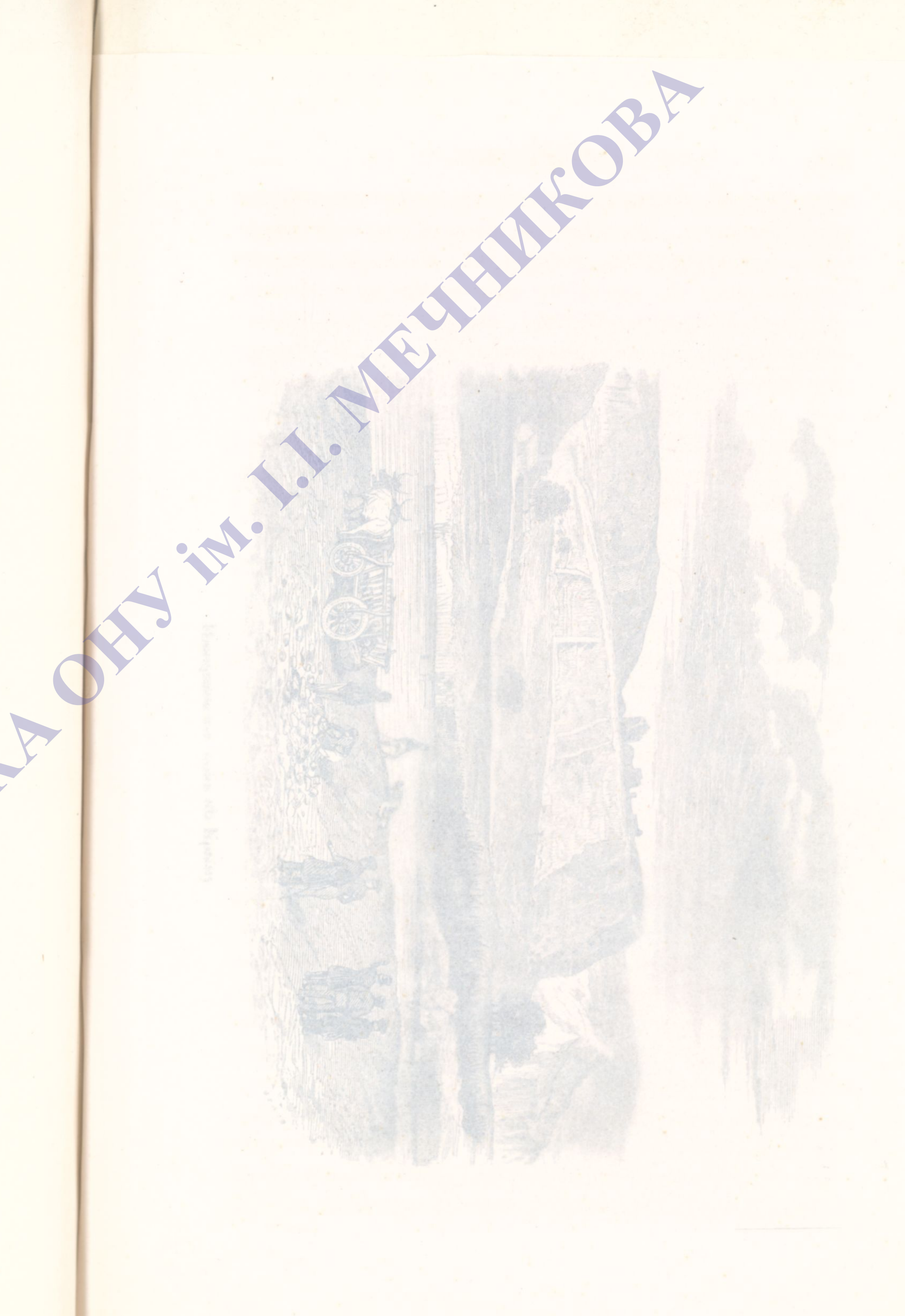
Не далеко оттуда мы посѣщали обширныя пещеры, въ которыхъ укрывались отъ гоненія благочестивые отшельники. Пройдя сквозь узкую дверь, мы начали взбираться на извилистую лѣстницу, по бокамъ которой устроены тѣсныя и темныя келліи; эта лѣстница привела насъ въ часовню, изъ которой видна, во всю длину свою, прелестная Инкерманская долина, замыкаемая громаднымъ утесомъ, на которомъ возвышался нѣкогда Инкерманъ. Теперь въ этихъ пещерахъ нѣтъ монаховъ, и онѣ служатъ убѣжищемъ солдатамъ, работающимъ при каналѣ. Здѣсь эти солдаты находятъ успокоеніе на одрахъ, не менѣе жесткихъ, какъ и тѣ, на которыхъ спали отшельники.

Въ исторіи Крыма мы нашли объ Инкерманѣ свѣ-

дѣнія весьма неопредѣленныя. По увѣренію нѣкоторыхъ ученыхъ, во времена древней Греціи, городъ этотъ процвѣталъ подъ именемъ Ѳеодосіи; но по утвержденію другихъ, онъ назывался тогда Стеносомъ. Палласъ, напротивъ, полагаетъ, что городъ этотъ первоначально основанъ уже Генуэзцами. Теперь отъ него остались только развалившіяся стѣны и башни, да множество маленькихъ пещеръ, высѣченныхъ въ отвѣсной сторонѣ горы. Болота, простирающіяся вокругъ этихъ развалинъ, распространяютъ вредныя испаренія, и потому жители Севастополя обыкновенно не совѣтуютъ путешественникамъ долго заниматься осмотромъ Инкерманскихъ развалинъ.

И такъ мы отправились обратно къ Севастополю. По дорогѣ мы посѣтили прекрасный шестидесяти-пушечный фрегатъ « Бургасъ », приносящій, какъ по красотѣ своей внѣшности, такъ и по отличному содержанію внутри, большую честь Черноморскому флоту. Но всего болѣе удивленіе наше было возбуждено прекрасными пропорціями и величественнымъ видомъ трехъ-палубнаго линѣйнаго корабля « Варшава ». Онъ возвышался, какъ грозный утесъ, среди этого многочисленнаго флота, на которомъ въ то время было не менѣе двѣнадцати тысячъ человѣкъ экипажу и тысячи пяти сотъ орудій.

Обитатели Севастополя ведутъ жизнь исключительно домашнюю, по причинамъ, исчисленнымъ нами выше, препятствующимъ устройству гульбищъ и другихъ общественныхъ увеселеній. Весьма немногіе только катаются вечеромъ въ лодкахъ по гавани. За то граждане Севастопольскіе очень любятъ мирныя домашнія, особенно семейныя, развлеченія. Вообще всѣ они чрезвычайно гостепріимны; впрочемъ, это черта общая всѣмъ Русскимъ, и нѣкоторые изъ моихъ со-

дѣнія весьма неопредѣленныя. По увѣренію нѣкоторыхъ ученыхъ, во времена древней Греціи, городъ этотъ процвѣталъ подъ именемъ Ѳеодосіи; но по утвержденію другихъ, онъ назывался тогда Стеносомъ. Палласъ, напротивъ, полагаетъ, что городъ этотъ первоначально основанъ уже Генуэзцами. Теперь отъ него остались только развалившіяся стѣны и башни, да множество маленькихъ пещеръ, высѣченныхъ въ отвѣсной сторонѣ горы. Болота, простирающіяся вокругъ этихъ развалинъ, распространяютъ вредныя испаренія, и потому жители Севастополя обыкновенно не совѣтуютъ путешественникамъ долго заниматься осмотромъ Инкерманскихъ развалинъ.

И такъ мы отправились обратно къ Севастополю. По дорогѣ мы посѣтили прекрасный шестидесяти-пушечный фрегатъ «Бургасъ», приносящій, какъ по красотѣ своей внѣшности, такъ и по отличному содержанію внутри, большую честь Черноморскому флоту. Но всего болѣе удивленіе наше было возбуждено прекрасными пропорціями и величественнымъ видомъ трехъ-палубнаго линѣйнаго корабля «Варшава». Онъ возвышался, какъ грозный утесъ, среди этого многочисленнаго флота, на которомъ въ то время было не менѣе двѣнадцати тысячъ человѣкъ экипажу и тысячи пяти сотъ орудій.

Обитатели Севастополя ведутъ жизнь исключительно домашнюю, по причинамъ, исчисленнымъ нами выше, препятствующимъ устройству гульбищъ и другихъ общественныхъ увеселеній. Весьма немногіе только катаются вечеромъ въ лодкахъ по гавани. За то граждане Севастопольскіе очень любятъ мирныя домашнія, особенно семейныя, развлеченія. Вообще всѣ они чрезвычайно гостепріимны; впрочемъ, это черта общая всѣмъ Русскимъ, и нѣкоторые изъ моихъ со-

Инкерманскія копи въ Крыму.

путниковъ, никогда еще не бывавшіе въ Россіи и не знавшіе обычаевъ, господствующихъ въ этой обширной имперіи, не могли довольно нахвалиться любезностью Севастопольскихъ жителей. Ложатся здѣсь рано; въ десять часовъ въ этомъ городѣ царствуетъ уже повсемѣстная тишина, нарушаемая только боемъ часовъ, протяжными криками караульныхъ и лаемъ собакъ.

Обыкновенно въ Севастополѣ считается тридцать тысячъ жителей, полагая въ томъ числѣ солдатъ, моряковъ и другихъ людей, принадлежащихъ къ служащимъ при гавани. Но въ то время, когда мы были, въ слѣдствіе работъ, о которыхъ упомянуто выше, народонаселеніе Севастополя простиралось почти до шестидесяти тысячъ человѣкъ. О количествѣ жителей преимущественно можно было судить, посѣщая рынки. Тамъ раскупали необыкновенное множество арбузовъ; каждый день утромъ мы видѣли цѣлыя горы этихъ плодовъ, а къ полдню не оставалось изъ нихъ ничего. Также очень много продавалось рыбы и притомъ рыба была все разныхъ породъ. Это очень радовало нашихъ натуралистовъ. Каждое утро они спѣшили на рынокъ, чтобы поспѣть ранѣе всѣхъ покупателей и выбрать какъ можно болѣе такихъ рыбъ, которыя были имъ нужны для ученыхъ цѣлей.

Впрочемъ, въ Севастополѣ всѣ вообще съѣстные припасы очень дешевы; дороги только дрова и сѣно, потому что ихъ надобно привозить изъ далека. Въ строительныхъ матеріалахъ, и при томъ довольно хорошихъ, Севастополь не имѣетъ недостатка; но камень здѣсь очень скважистъ, и потому его необходимо покрывать штукатуркою, иначе внѣшній видъ дома не можетъ имѣть надлежащаго благообразія. Что касается до великолѣпныхъ каменныхъ массъ, употре-

бляемыхъ на постройку доковъ, то ихъ привозятъ изъ мѣстъ весьма отдаленныхъ, и это еще болѣе увеличиваетъ издержки, необходимыя на описанныя нами работы. Уже при насъ насчитывали примѣрно, что всѣ постройки обойдутся въ пятнадцать милліоновъ рублей ассигнаціями.

Въ Севастополѣ нѣтъ ни одного Татарскаго дома; равнымъ образомъ мы не видали Татарскихъ жилищъ и въ деревнѣ, лежащей около такъ называемой «Сѣверной» гавани, въ которой останавливаются каботажныя суда. Въ этой деревнѣ устроено множество магазиновъ, защищенныхъ грозными баттареями. Замѣчательно, что Татары не въѣзжаютъ въ городъ, а располагаются съ своими тѣлегами по берегу «Сѣверной» гавани. Здѣсь, съ утра до вечера, толпится множество мелочныхъ торговцевъ, закупающихъ съѣстные припасы, дрова и другіе товары, привозимые Татарами.

Между тѣмъ наши товарищи, остававшіеся еще въ Бахчи-Сараѣ, присоединились къ экспедиціи. Поѣздка ихъ сопровождалась нѣкоторыми приключеніями. Они прибыли въ Севастополь темною ночью и вошедши въ незнакомый имъ городъ безъ проводника, наткнулись въ темнотѣ на огромную пирамиду арбузовъ; пирамида разсыпалась и арбузы покатились въ море. Это обстоятельство произвело страшную тревогу! Торговцы, пробужденные шумомъ катившихся арбузовъ, вскочили съ испугомъ; одни пустились догонять арбузы, другіе бросились ловить виновниковъ разрушенія пирамиды. Суетня, шумъ, крикъ были ужасные!

Къ счастію явился одинъ таможенный чиновникъ и защитилъ нашихъ товарищей, которые не знали было что̀ имъ и дѣлать. Спокойствіе возстановилось и товарищи наши добрались кое-какъ до нашего жилища. Но каково было ихъ разочарованіе, когда они увидѣ-

ли скудную мебель, находившуюся въ нашихъ компатахъ. Зная, что Севастополь большой городъ, они ожидали было пріюта, снабженнаго несравненно большими удобствами.

Не далеко отъ Севастополя, къ юго-западу отъ него, тянется длинная коса, едва возвышающаяся надъ поверхностью моря; на ней устроенъ маякъ. Это мѣсто у древнихъ называлось Херсонесомъ; здѣсь была сильная и долго процвѣтавшая Греческая колонія; но она изчезла еще за долго прежде нашей эры, почти не оставивъ и слѣдовъ своего величія. На нѣкоторой части этой косы и даже у самаго Севастополя разсѣяны остатки стѣнъ, правильно распредѣленныхъ на равныхъ четвероугольныхъ пространствахъ. Нѣкоторые ученые принимаютъ эти параллелограммы за развалины древняго Херсонеса, основаннаго, по увѣренію древнихъ преданій, на берегахъ Тавриды Греками, выселившимися изъ Гераклеи.

Но нѣкоторые другіе антикваріи, не легко полагающіеся на преданія, находятъ въ этихъ симметрическихъ участкахъ не иное что, какъ доли пашенъ, распредѣленныхъ по равну между извѣстнымъ числомъ владѣльцевъ; правда, и они соглашаются, что, по видимому, распредѣленіе это могло быть сдѣлано не иначе какъ въ глубокой древности. Фундаментъ этихъ стѣнъ, почти совершенно изгладившихся съ поверхности земли, углубленъ такъ мало, что стѣны очевидно не могли принадлежать къ большимъ зданіямъ. Эти развалины находятся почти на всемъ протяженіи полуострова, составлявшаго древній Гераклеотическій Херсонесъ. Мѣстами встрѣчаются также остатки большихъ башенъ, замѣчательныхъ по громаднымъ камнямъ, изъ которыхъ онѣ были выстроены, складеннымъ безъ смазки. Отъ маяка, возвышающа-

гося на крайней оконечности косы, мы пошли по берегу моря, направляясь къ востоку, и вскорѣ взобрались на первые отроги Крымской горной цѣпи. Здѣсь, съ высоты величественнаго мыса, называвшагося у древнихъ Грековъ Парѳеніономъ, мы окинули однимъ взглядомъ весь этотъ Херсонесъ, столь малый и ничтожный въ сравненіи съ тою славою, какою онъ пользуется. Намъ казалось удивительнымъ какъ могли распространиться изъ такого незначительнаго уголка всѣ эти драгоцѣнныя преданія, басни и поэтическія легенды, врѣзавшіяся въ воображеніе людей глубже настоящей исторіи. Судите же о древнихъ временахъ по этому незначительному отрывку древняго міра; ищите мѣсто, гдѣ стоялъ великій древній городъ; доройтесь до его законовъ и учрежденій; опишите его величіе; опредѣлите долго ли онъ существовалъ: данныхъ для вашихъ изслѣдованій вы не найдете никакихъ кромѣ нѣкоторыхъ камней, разбросанныхъ тамъ и сямъ; на этомъ опустошенномъ мѣстѣ наука становится въ тупикъ, она идетъ здѣсь, можно сказать, только ощупью. Здѣсь царствуетъ лишь поэзія. Не хотите ли вы присутствовать при безсмертномъ актѣ драмы Атридовъ и Троянской войны, драмы, съ которой мы познакомились еще въ отрочествѣ? Ступите нѣсколько шаговъ по этому мысу; вотъ сцена вѣчная, оставшаяся тою же, какою была три тысячи лѣтъ назадъ, при Гомерѣ!

Здѣсь находился храмъ Тавропольтанской Діаны съ своими окровавленными жертвенниками. На томъ самомъ мѣстѣ гдѣ вы стоите, нѣкогда стояла жрица богини; нѣсколько далѣе вамъ покажутъ утесъ, на которомъ Орестъ умилостивлялъ Эвменидъ. Все это увѣковѣчено въ драмахъ Эсхила и Софокла. Но куда увлекся я поэзіей? Я забылъ, что мы простые путешественники, а не поэты, и должны заниматься не мечтами, а существенностью.

Этотъ прекрасный мысъ, возбуждающій столько миѳологическихъ воспоминаній, у Генуэзцевъ назывался мысомъ Фіоренте; мы посѣщали его 24-го августа, утромъ. Въ Севастополѣ намъ дали нѣсколько почтовыхъ тѣлегъ, на которыхъ мы должны были ѣхать въ Балаклаву. Путь нашъ шелъ съ сѣвера на югъ, именно по той линіи, гдѣ по увѣренію древнихъ историковъ и географовъ, Геродота и Страбона, пролегалъ ровъ, отдѣлявшій нѣкогда Херсонесъ отъ остальной части полуострова. Дорога, идущая по безплодной степи, вдругъ выходитъ къ огромному полукружію, составленному изъ скалъ, постепенно понижающихся къ морю. Это полукружіе, съ обоихъ концовъ своихъ замыкается двумя мысами, вертикально возвышающимися надъ моремъ. На высшей точкѣ этого естественнаго цирка, въ прекраснѣйшемъ мѣстоположеніи, какое только можно вообразить, стоитъ монастырь святаго Георгія. Вокругъ монастыря живописно разбросано нѣсколько веселыхъ домиковъ, среди которыхъ возвышается прекрасная церковь. Въ этомъ монастырѣ живутъ десять монаховъ и архимандритъ, съ которымъ мы познакомились въ Севастополѣ. Здѣсь есть семинарія, доставляющая священниковъ для флота. Во время нашего посѣщенія, монахи были не всѣ въ монастырѣ: пятеро изъ нихъ находились на флотѣ, а одинъ находился въ плѣну у Черкесовъ, и монастырь собиралъ, мало по малу, и съ большимъ трудомъ, 8000 рублей, нужныхъ для выкупа его. Не далеко отъ монастыря, стояли два особенныя, довольно большія зданія, назначенныя для пріема посѣтителей. Всѣ могутъ свободно прогуливаться по обширной горной площадкѣ, возвышающейся надъ монастыремъ;

для всхода на эту площадку, устроена лѣстница со сводами. Сады благочестивыхъ иноковъ орошены прекраснымъ ручейкомъ. Эти сады спускаются къ морскому берегу, гдѣ устроена купальня, защищенная отъ вѣтровъ и волнъ морскихъ.

Посѣтивъ монастырь, мы пошли на мысъ Парѳеніонъ. Съ вершины его крайней скалы, нависшей надъ моремъ, мы увидѣли передъ собою величественную картину. Представьте себѣ, съ одной стороны, безпорядочную смѣсь остроконечныхъ утесовъ, перемѣшанныхъ съ полосами темной зелени, среди которыхъ, въ дали, свѣтился монастырь святаго Георгія, съ своими принадлежностями,—съ другой, безпредѣльное море съ голубыми волнами. У самыхъ ногъ нашихъ огромная акула, тихо прокрадывалась вокругъ мыса, желая броситься на стадо водяныхъ птицъ, не подалеку оттуда полоскавшихся въ водѣ. И вся эта картина была ярко озарена лучами солнца, пылавшаго среди чистой небесной лазури.

Здѣсь г-да Гюо и Рафе спустились къ морскому берегу, лежавшему футовъ на пять сотъ ниже насъ. Г. Гюо усмотрѣлъ на этомъ берегу слѣды лавы, а Рафе хотѣлъ поближе осмотрѣть два остроконечные утеса, которые можно бы было назвать Орестомъ и Пиладомъ. Эти каменные братья возносятся изъ глубины моря и доступны только для птицъ. Вообще съ такими естественными явленіями всегда бываетъ сопряжена какая нибуль сказка; а потому здѣшніе жители увѣряютъ, что на вершинахъ этихъ недоступныхъ утесовъ находится огромное количество золотаго песка. Народы, уже переставшіе вѣрить феямъ и волшебникамъ, обыкновенно мечтаютъ о золотѣ. Несчастные, они не знаютъ, что золото скрывается въ нѣдрахъ земли, не растетъ, какъ мохъ, на скалахъ

и что добываніе его обходится дороже, нежели оно стоитъ въ самомъ дѣлѣ!

Между тѣмъ какъ наши товарищи бродили по морскому берегу, мы предавались изысканіямъ древностей; однакожь, когда первый пылъ воображенія остылъ, мы увидѣли себя лицемъ къ лицу съ существенностью, прекрасною, но все таки прозаическою. Часы летѣли; Михаилъ Барба-Кристи давно уже отправился съ тѣлегами впередъ, по дорогѣ къ Балаклавѣ; время, назначенное для общаго сбора, прошло, а наши товарищи еще не возвращались. Мы кричали, стрѣляли, но сигналы наши оставались безъ отвѣта; наконецъ, со стороны моря, послышался легкій шумъ, внушившій намъ живѣйшія опасенія. Руссо тотчасъ бросился въ ту сторону, а мы между тѣмъ стояли въ недоумѣніи, опасаясь не случилось ли съ кѣмъ нибудь изъ двухъ товарищей нашихъ, спустившихся на берегъ, какого либо несчастія. Мы не знали, какимъ образомъ въ такомъ случаѣ встащить его на отвѣсную крутизну, чѣмъ пособить ему, потому что инструменты доктора Левелье были отправлены впередъ, вмѣстѣ съ обозомъ. Наконецъ Руссо выстрѣлилъ два раза изъ ружья: это значило, что въ самомъ дѣлѣ случилось несчастіе. Но въ чемъ оно состояло мы еще не знали. Тотчасъ докторъ Левелье и нѣсколько человѣкъ изъ нашихъ товарищей сѣли въ двѣ тѣлеги и поскакали къ мѣсту приключенія.

Благодаря Бога, несчастіе было не такъ велико, какъ мы опасались. Г. Гюо, утомясь до чрезвычайности, не могъ взобраться на крутой скатъ мыса; силы два раза измѣняли ему до такой степени, что онъ лишался чувствъ. По счастію Раффе во-время подоспѣлъ къ нему на помощь. Онъ возвратилъ его къ памяти, искупавъ въ морской водѣ, и кричалъ изо

всѣхъ силъ, призывая насъ, но это было такъ далеко, что мы ничего не слыхали. Тогда г-нъ Гюо опять пытался карабкаться на мысъ, но снова впадалъ въ безчувственность и наконецъ вынужденъ былъ опорожнить свои карманы, въ которыхъ было около двухъ пудъ разныхъ окаменѣлостей. Тогда только нашъ геологъ добрался до платформы, куда мы могли поспѣшить къ нему на помощь. Здѣсь уложили мы его въ тѣлегу на сѣно и тихонько повезли въ Балаклаву.

Между монастыремъ святаго Георгія и Балаклавою дорога идетъ то съ горы, то въ гору, и такъ продолжается до хорошенькой деревеньки Кадикуи, населенной Греками. Отсюда тянется Балаклавская долина, наполненная зеленѣющими садами и виноградниками. Долина эта понижаясь къ югу, оканчивается у морской губы, окруженной высокими холмами и соединяющейся съ открытымъ моремъ посредствомъ узкаго канала. Это Балаклавская гавань, въ которой могло бы безопасно помѣщаться большое количество кораблей: во внутренности бассейна они были бы въ совершенной тишинѣ, какъ на какомъ нибудь озерѣ, потому что окрестныя горы рѣшительно преграждаютъ путь вѣтрамъ, откуда бы они ни дули. Здѣшнее мѣсто было бы весьма удобно для контрбандистовъ и морскихъ разбойниковъ, но благодаря Бога, здѣсь существуетъ строгая полиція, неусыпно надзирающая за общественною безопасностью. Теперь совсѣмъ запрещено кораблямъ входить въ Балаклавскую гавань; исключеніе сдѣлано только въ пользу кораблей, находящихся въ опасности потонуть. Вотъ почему въ настоящее время въ Балаклавскую гавань входятъ только для почевки рыбачьи суда.

Такимъ образомъ городокъ этотъ, лежащій на восточной сторонѣ гавани, не производитъ никакой торговли. Онъ населенъ Греками, которые занимаются лишь земледѣліемъ; и если бы Балаклава не была мѣстопребываніемъ штаба арнаутовъ, то, не смотря на свое прекрасное приморское положеніе, она не стоила бы отмѣтки на географической картѣ. Въ древности Балаклава была извѣстна подъ именемъ Симболона или Цимбало. Страбонъ говоритъ, что она принадлежала къ владѣніямъ Херсонеса; онъ увѣряетъ даже, будто гавань Симболона была соединена посредствомъ длинной стѣны съ гаванью Херсонеса; жаль только, что онъ не упоминаетъ по какимъ мѣстамъ была проведена эта стѣна, — по морю или по суши.

Справедливо впрочемъ то, что Греки первые открыли эту естественную гавань и воспользовались ею. Въ послѣдствіи этимъ мѣстомъ овладѣли Генуэзцы. На горѣ, прилегающей съ востока ко входу въ гавань, они устроили обширную крѣпость, которой развалины и теперь еще существуютъ. Можетъ быть съ того времени это мѣсто и получило свое теперешнее названіе, происходящее, какъ говорятъ, отъ Италіанскихъ словъ bella chiave. Впрочемъ, нѣкоторые этимологисты производятъ имя Балаклавы отъ Татарскаго слова Балушъ, значащаго — тюрьма. Но оставимъ эти изслѣдованія: какая нужда доискиваться отъ чего происходитъ названіе развалинъ?

Теперешняя Балаклава есть не иное что какъ кучка хижинъ, обнесенная полуразвалившимися стѣнами. Въ этомъ городкѣ замѣчательны только главная улица съ запустѣвшими лавками, церковь, довольно красивая, и зданіе, въ которомъ живетъ начальникъ Греческаго батальона.

Вѣрный Михаилъ Барба-Кристи, встревоженный нашимъ промедленіемъ, ожидалъ насъ при въѣздѣ въ

простирающейся до высокихъ горъ, идущихъ вдоль морскаго берега, и знаменитой въ Крыму по величественной красотѣ, сообщаемой этими горами всей мѣстности.

Проводникъ нашъ потребовалъ *омбаши* (сельскаго начальника), который немедленно явился и тотчасъ отвелъ намъ особый домъ. Прежде всего мы озаботились о приготовленіи обѣда, потому что порядочно проголодались. Съ нами былъ запасъ сарацинскаго пшена; Татары доставили намъ прекраснаго молока и хлѣба; а потому обѣдъ нашъ, хотя не отличался разнообразіемъ кушаньевъ, однакожь былъ очень вкусенъ. Посудою, топливомъ и прочими принадлежностями снабдили насъ также Татары, которые постоянно обнаруживали чрезвычайную предупредительность. Мы не видали ни одной женщины; робкія мусульманки обыкновенно прячутся, какъ скоро въ деревнѣ появится пріѣзжій.

Въ Байдарской долинѣ считается одиннадцать деревень; взъѣжая на горы, по пути къ берегу, можно видѣть всѣ эти деревни, окруженныя садами и огородами, среди которыхъ возносятся огромныя орѣховыя деревья и прекраснѣйшие дубы, какіе только есть въ Крыму. Именно изъ этой долины вытекаетъ Черная рѣчка, которую хотятъ провести въ Севастопольскіе бассейны. Татары называютъ ее Казели-Узенъ. Вопреки общему мусульманскому обычаю, здѣшніе Крымскіе Татары устроиваютъ свои кладбища въ мѣстахъ, не имѣющихъ тѣни, на какомъ нибудь безплодномъ, каменистомъ холмѣ, гдѣ нѣтъ ни травы ни кустовъ. Единственный памятникъ надъ могилами, составляютъ камни, помѣщенные стоймя надъ изголовьемъ гроба.

Чтобы достигнуть морскаго берега, намъ надобно было опять взобраться на грозный Яйльскій хребетъ

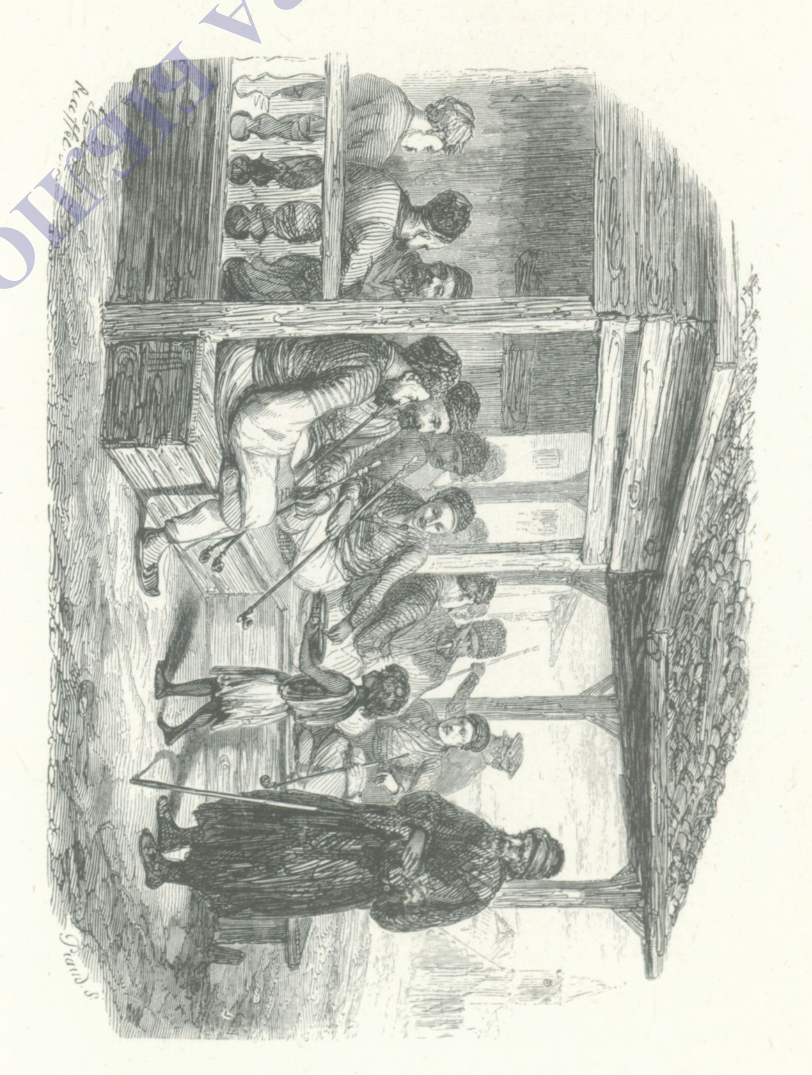

простирающейся до высокихъ горъ, идущихъ вдоль морскаго берега, и знаменитой въ Крыму по величественной красотѣ, сообщаемой этими горами всей мѣстности.

Проводникъ нашъ потребовалъ *омбаши* (сельскаго начальника), который немедленно явился и тотчасъ отвелъ намъ особый домъ. Прежде всего мы озаботились о приготовленіи обѣда, потому что порядочно проголодались. Съ нами былъ запасъ сарацинскаго пшена; Татары доставили намъ прекраснаго молока и хлѣба; а потому обѣдъ нашъ, хотя не отличался разнообразіемъ кушаньевъ, однакожь былъ очень вкусенъ. Посудою, топливомъ и прочими принадлежностями снабдили насъ также Татары, которые постоянно обнаруживали чрезвычайную предупредительность. Мы не видали ни одной женщины: робкія мусульманки обыкновенно прячутся, какъ скоро въ деревнѣ появится пріѣзжій.

Въ Байдарской долинѣ считается одиннадцать деревень; взъѣжая на горы, по пути къ берегу, можно видѣть всѣ эти деревни, окруженныя садами и огородами, среди которыхъ возносятся огромныя ореховыя деревья и прекраснѣйшіе дубы, какіе только есть въ Крыму. Именно изъ этой долины вытекаетъ Черная рѣчка, которую хотятъ провести въ Севастопольскіе бассейны. Татары называютъ ее Казели-Узенъ. Вопреки общему мусульманскому обычаю, здѣшніе Крымскіе Татары устроиваютъ свои кладбища въ мѣстахъ, не имѣющихъ тѣни, на какомъ нибудь безплодномъ, каменистомъ холмѣ, гдѣ нѣтъ ни травы ни кустовъ. Единственный памятникъ надъ могилами, составляютъ камни, помѣщенные стоймя надъ изголовьемъ гроба.

Чтобы достигнуть морскаго берега, намъ надобно было опять взобраться на грозный Яйльскій хребетъ

Татарская кофейня въ Байдарахъ

и спуститься по его крутымъ скатамъ. Дорогою мы забавлялись стрѣльбою птицъ, которыхъ здѣсь очень много; но къ сожалѣнію онѣ чрезвычайно сторожки, такъ что намъ не часто удавалось убить какую нибудь изъ нихъ. Сѣверный скатъ, по которому мы взбирались, представляетъ множество дикихъ, величественныхъ картинъ; деревья, растущія на немъ, вообще крѣпки, но малорослы, и видно, что они съ трудомъ сопротивляются разрушительному дѣйствію дующихъ здѣсь вѣтровъ. Взъѣхавъ на вершину хребта, мы невольно остановились, какъ бы оцѣпенѣвъ отъ изумленія, такъ прекрасно было зрѣлище, вдругъ открывшееся передъ нами. Съ одной стороны мы увидѣли высоты Ласпійскія, расположенныя амфитеатромъ и освѣщенныя лучами солнца, падавшими на нихъ уже косвенно; съ другой — множество диковинныхъ скалъ, которыя были ярко озарены солнцемъ; у подножія этихъ скалъ, надъ огромною полукруглою полосою зелени, носился легкій прозрачный туманъ, и эта зеленая равнина спускалась все ниже и ниже, и наконецъ оканчивалась бѣлою полосою прибрежнаго песка. А далѣе, за предѣлами песчаной полосы, волновалось, сверкало и пылало море, въ которомъ отражалось небо, покрытое пурпуромъ вечерней зари.

На скатѣ этой прекрасной Ласпійской долины, куда мы спустились по удобной, осѣненной прекрасными деревьями, дорогѣ, мы нашли два бѣленькіе домика, окруженные прекрасно воздѣланными пашнями. Здѣсь живутъ два брата, Французы, по имени Компеъ; они управляютъ небольшою дачею, принадлежащею ихъ соотечественнику, генералу Потье. Старшій изъ братьевъ имѣетъ большое семейство. Онъ учился въ знаменитой политехнической школѣ, которую Наполеонъ называлъ курицею, несущею золотыя яица. Здѣсь,

въ совершенномъ уединеніи, онъ употребляетъ досугъ свой на воспитаніе осьмерыхъ дѣтей своихъ и на занятіе науками. Младшій братъ его преимущественно посвящаетъ себя надзору за сельско-хозяйственными работами. Въ этомъ скромномъ домикѣ мы, люди совершенно незнакомые хозяевамъ, были приняты какъ старинные друзья. Хозяинъ показывалъ намъ свое богатое собраніе травъ, минераловъ, окаменѣлостей; онъ былъ такъ добродушенъ, что мы легко могли бы выпросить у него всѣ эти предметы, еслибы только были способны употребить во зло благородное умиленіе, сердечную радость, внушенныя ему неожиданною встрѣчею соотечественниковъ, умѣвшихъ понимать его жизнь, его занятія, и цѣнить удовольствія, доставляемыя наукою.

Мы пробыли въ этомъ мѣстѣ цѣлыя сутки, и въ продолженіе этого времени вкусили отдыхъ истинно отрадный; а на слѣдующій день снова отправились въ путь, простясь съ г-ми Комперъ какъ съ родными, съ которыми разстаешься, не зная когда опять съ ними увидишься.

Дорога, по которой мы ѣхали до Ласпи, еще сохраняетъ слѣды проѣзда по ней Императрицы Екатерины II-й, Великой Монархини, которой Россія такъ много обязана. Отъ Ласпи путь къ востоку пролегаетъ по узкой тропинкѣ, извивающейся вдоль страшныхъ пропастей. По настоянію г-на Компера, мы оставили еще на денекъ погостить у него нашего больнаго вмѣстѣ съ докторомъ Левелье, а сами 27-го, вечеромъ, отправились въ Кастропуло, гдѣ насъ ожидало самое полное гостепріимство, потому что это селеніе устроено здѣсь родителемъ г-на Демидова.

Сперва мы ѣхали нѣсколько времени по прекрасной дорогѣ, среди лѣса, также какъ и въ то время, когда

приближались къ Ласпи; но вскорѣ намъ пришлось сойдти съ лошадей, взять ихъ подъ узцы и вести между множествомъ камней, составлявшихъ какой-то безпорядочный хаосъ. Въ это время мы находились на высотѣ пяти, или шести сотъ футовъ надъ уровнемъ моря, и подвигались медленно среди обваловъ, гдѣ не было ни какой наѣзженной дороги. Не рѣдко намъ приходилось взбираться на громадные камни, на которыхъ наши бѣдныя лошади падали и даже сильно ушибались. Татарскіе проводники съ непоколебимымъ хладнокровіемъ смотрѣли на всѣ наши усилія и на страшныя неудобства дороги, прекратившіяся лишь въ окрестностяхъ Татарской деревни Фороса, которой имя свидѣтельствуетъ о ея Греческомъ происхожденіи.

Надъ самою деревнею Яйльскій хребетъ возносится вертикально; но далѣе онъ идетъ уже отлого и свойство почвы таково, что она воздѣлана вездѣ до самаго моря. Прекрасную картину представляетъ эта мѣстность: на ней повсюду разбросаны виноградники, повсюду возносятся шелковичныя и орѣховыя деревья необыкновенной величины, вездѣ земля покрыта свѣжею, прекрасною зеленью, и только изрѣдка встрѣчаются безплодные овраги, служащіе русломъ для весеннихъ потоковъ. Черезъ эти овраги довольно опасно перебираться; по краямъ ихъ обыкновенно пролегаетъ лишь самая узкая тропинка въ нѣсколько вершковъ, такъ что когда вы ступаете по ней одною ногою, другая у васъ виситъ надъ бездонною пропастью. Здѣсь-то вполнѣ обнаруживаются дивный инстинктъ и необыкновенная ловкость Татарскихъ лошадей. Онѣ съ величайшею осторожностью идутъ по этимъ опаснымъ тропинкамъ, пробуютъ землю впереди себя, прежде чѣмъ ступятъ на нее, и когда удостовѣ-

рятся, что почва крѣпка, то пускаются скакать, какъ бы шутя надъ миновавшею опасностью.

Вскорѣ мы оставили за собою еще двѣ Татарскія деревни, Мишчатку и Мухалачку; лошади наши, чувствуя приближеніе ночи, безпрерывно ускоряли быстроту своего бѣга. На этомъ пути мы миновали одно изъ самыхъ примѣчательныхъ мѣстъ въ Крыму, котораго къ сожалѣнію не могли осмотрѣть. Это спускъ съ горъ по лѣстницамъ, называемый на Татарскомъ языкѣ Мердвеномъ. Если изъ Байдаръ пожелаешь ѣхать къ берегу не черезъ Ласпійскую долину, то надобно сперва взобраться на сѣверный бокъ горы, съ которой спускъ такъ крутъ, что на немъ устроены лѣстницы. Лѣстницы эти расположены извилинами и ступени ихъ отчасти высѣчены въ утесѣ, отчасти сдѣланы изъ бревенъ, и хотя простираются на огромной высотѣ, однакожь устроены такъ удобно и прочно, что на нихъ можно взбираться верхомъ; доказательствомъ ихъ прочности служитъ то обстоятельство, что о несчастныхъ случаяхъ на нихъ — не слышно.

Вполнѣ полагаясь на нашихъ Татарскихъ лошадей, мы весело неслись по опаснымъ тропинкамъ. Была уже темная ночь, мы не знали гдѣ ѣдемъ, но вдругъ передъ нами заблистало множество огней, раздались звуки Русскаго языка и намъ сказали, что мы находимся въ Кастропуло.

Управитель этого имѣнія, съ помощію Французскаго винодѣлателя, оказалъ намъ такое гостепріимство, которое заставило насъ забыть наше двухнедѣльное утомительное странствованіе. Въ этомъ помѣстьи мы пробыли все 28-е число; здѣсь же съ нами соединились г-да Гюо и Левелье, остававшіеся у г-на Компера. Слово Кастропуло Греческое, и значитъ: «небольшое укрѣпленіе». Дѣйствительно близь

этого мѣста есть утесъ, возносящійся надъ самымъ моремъ и представляющій нѣкоторые слѣды крѣпости, подавшей поводъ дать такое воинственное названіе помѣстью, имѣющему назначеніе самое миролюбивое.

Въ 1829-мъ году здѣсь разведенъ обширный виноградникъ, въ которомъ насажены черенки разныхъ, самыхъ лучшихъ сортовъ винограда, вывезенныхъ изъ Испаніи. Эти черенки принялись очень хорошо и доставляютъ плоды превосходнаго качества. Надобно сознаться, однакожь, что до сихъ поръ вино, выдѣлываемое изъ этого винограда, еще не совсѣмъ хорошо; но это зависитъ отъ недостатка искусныхъ винодѣловъ, которыхъ, вѣроятно, со временемъ выпишутъ изъ чужихъ краевъ. Здѣшнія жилыя строенія не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго, кромѣ того, что они содержатся въ большомъ порядкѣ и опрятности; но за то устройство погребовъ и качество бочекъ превосходныя. Все это приноситъ честь архитектору и смышлености Русскихъ крестьянъ. Имъ сказали: «Будьте бочарами»! и они прекрасно исполнили данное имъ приказаніе.

Кастропуло находится въ самомъ живописномъ мѣстоположеніи, на одномъ изъ круглыхъ холмовъ, принадлежащихъ къ Яйльской грядѣ. Отъ этого селенія идетъ узенькая тропинка, извивающаяся по виноградникамъ, и приводящая къ теплицѣ, въ которой содержатся растенія самыя рѣдкія и драгоцѣнныя. Отсюда, по той же тропинкѣ, вы придете къ морскому берегу, гдѣ можете выкупаться въ прекрасномъ мѣстѣ, имѣющемъ песчаное дно, усѣянное разноцвѣтными камешками. Къ несчастію здѣсь нѣтъ никакой бухты, которая могла бы служить гаванью для укрытія судовъ отъ бури. Это неудобство тѣмъ болѣе ощутительно, что до сихъ поръ еще между Кастропуло и

другими мѣстностями Крыма не существуетъ хорошей проѣзжей дороги. Правда, что вскорѣ и до этого мѣста будетъ доведена прекрасная дорога, устроенная между Ялтою и Алупкою.

Августа 29-го, всѣ мы были уже на коняхъ и, въ товариществѣ Кастропульскаго управителя, проводившаго насъ до выѣзда изъ ввѣреннаго ему имѣнія, весело отправились въ дальнѣйшій путь. Не смотря на неудобства тропинокъ, ведущихъ изъ Кастропуло въ Ялту, лошади наши неслись почти вездѣ вскачь. При всей быстротѣ ѣзды, мы не оставляли безъ вниманія прекрасныхъ картинъ, не рѣдко открывавшихся передъ нами. Сперва мы миновали *Кучукъ-Куи*, маленькую деревню, населенную нѣсколькими Татарами. Это мѣсто лежитъ очень высоко и къ нему надобно пробираться по дорогѣ чрезвычайно трудной. Здѣсь все еще носитъ слѣды несчастія, случившагося лѣтъ за пятьдесятъ, когда обрушилась часть горы и завалила большое количество жилищъ. Далѣе, на пути нашемъ лежалъ Кикинеисъ, богатое, цвѣтущее село, обилующее быстрыми, свѣтлыми ручейками, орошающими мѣстность уже болѣе ровную и не столь изрытую, какъ близь Кучукъ-Куи. Послѣ того дорога спускается къ морю, гдѣ идетъ вдоль берега, по обширному ровному мѣсту, а потомъ вдругъ поднимается въ гору и вьется между растрескавшихся скалъ мыса Лимена. Но такъ она продолжается лишь на небольшомъ пространствѣ: вскорѣ опять вы съѣзжаете на шоссе, проходящее по веселымъ Симеизскимъ равнинамъ, усѣяннымъ цвѣтущими деревьями, усматриваете красивыя дачи и наконецъ пріѣзжаете въ очаровательную резиденцію Князя Воронцова.

Въ то время, когда мы проѣзжали черезъ Алупку, Князь находился въ Одессѣ, гдѣ все уже готовилось

для принятія Августѣйшихъ посѣтителей. Давно ожиданный смотръ войскъ на берегахъ Буга вскорѣ долженъ былъ послѣдовать, и многіе изъ насъ имѣли случай присутствовать при этомъ величественномъ зрѣлищѣ.

Возвратясь 29-го августа въ Ялту послѣ двухнедѣльнаго, не безплоднаго странствованія, мы радостно, какъ будто въ родительскій домъ, вступили въ гостинницу Бартолуччи, и на этотъ разъ привезли съ собою коллекцію разныхъ рѣдкихъ естественныхъ произведеній всякаго рода. Здѣсь мы занялись классификаціей нашихъ ученыхъ сокровищъ и составленіемъ новаго маршрута для тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которые должны были еще остаться въ Крыму. Около того же времени пароходъ « Петръ Великій » пришелъ въ Ялтскую гавань и 1-го сентября на немъ отправилась часть нашей экспедиціи въ Одессу, откуда ей предстоялъ путь въ Козловъ, на западномъ берегу Крыма. Описаніемъ Козлова мы займемся въ послѣдствіи, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о военномъ торжествѣ, происходившемъ вскорѣ послѣ того въ обширныхъ степяхъ Одесской области.

Въ Одессу мы прибыли благополучно и нашли здѣсь дѣятельнаго вождя нашей экспедиціи, г-на Демидова, только что пріѣхавшаго съ береговъ Дона, которому и предоставляемъ дальнѣйшій расказъ.

Собравшись, такимъ образомъ, вмѣстѣ, мы уже совсѣмъ было располагались отправиться въ Вознесенскъ, но были задержаны внезапною болѣзнью г-на Раффе, который до сихъ поръ бодро выносилъ всѣ трудности путешествія, но теперь и самъ испыталъ ихъ слѣдствія. Впрочемъ, когда ему сказали, что мы увидимъ прекраснѣйшую въ свѣтѣ армію, то онъ поспѣшилъ выздоровѣть. Онъ говорилъ, что скорѣе со-

гласенъ умереть, нежели не поспѣть во-время въ Вознесенскъ.

Я говорилъ уже о томъ видѣ, въ какомъ представляется степь, простирающаяся вокругъ Одессы. Дорога, ведущая на разстояніи ста тридцати пяти верстъ въ Вознесенскъ, не разнится ни чѣмъ отъ Бессарабскихъ дорогъ, пролегающихъ безпорядочно среди безпредѣльныхъ равнинъ. На этомъ пространствѣ, разсѣяно нѣсколько Русскихъ деревень и Нѣмецкихъ поселеній, которыхъ пашни свидѣтельствуютъ о чрезвычайномъ плодородіи почвы : вотъ все, въ чемъ заключается характеристика здѣшней мѣстности.

Прибывъ, часовъ въ пять вечера, въ большую деревню Кантакузовку, стоящую на крутомъ холмѣ у берега Буга, мы увидѣли знаменитый Вознесенскій лагерь, о которомъ во всей Европѣ уже заранѣе носились разные диковинные слухи. И въ самомъ дѣлѣ, изумительное зрѣлище представлялъ этотъ городъ, внезапно возникшій подъ стопами самой грозной кавалеріи, какая когда либо существовала въ мірѣ !

Представьте себѣ на мѣстѣ бѣдной деревни цвѣтущій городъ, исполненный шума, движенія, величія ; вообразите, что передъ вами прекрасные сады, пространное парадное мѣсто, большія улицы, по которымъ тянется болѣе трехъ сотъ обширныхъ домовъ, которые всѣ выстроены по одному плану и въ равныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ ; вспомните, что все это возникло вдругъ, какъ будто посредствомъ волшебства, и что въ то время, когда мы прибыли, все это пространство было тѣсно наполнено людьми, такъ что почти не доставало помѣщенія для пріѣзжихъ.

Кавалерія, для которой преимущественно готовилось это величественное торжество, стояла лагеремъ вдоль Буга ; ряды ея палатокъ, простиравшіеся слишкомъ на пятнадцать верстъ, терялись въ отдаленности среди рощъ и между излучинъ рѣки. Съ того мѣста, на которомъ мы стояли, взоръ могъ угадывать размѣщеніе лагеря только по дыму, поднимавшемуся столбами, потому что погода была въ этотъ вечеръ тихая и дымъ не относило никуда въ сторону. Лагерь пѣхоты занималъ мѣсто на плоской, нѣсколько изогнутой, высотѣ и простирался въ видѣ длинной полосы, отличавшейся яркою бѣлизною.

Мы переѣхали черезъ Бугъ по судовому мосту и вобравшись въ городъ, очутились среди оглушительнаго шума, причиняемаго движеніемъ экипажей, всадниковъ, пѣшеходовъ. Намъ отвели квартиру въ одномъ изъ упомянутыхъ выше домовъ, выстроенныхъ по одинаковому плану ; домъ въ которомъ мы помѣстились, состоялъ подъ № 359-мъ. Вмѣстѣ съ квартирою въ распоряженіе каждаго приглашеннаго гостя предоставлялись прислуга, экипажъ съ упряжью, мебель и посуда ; словомъ, это было гостепріимство полное, изумительное, царственное !

Вознесенскъ есть главное мѣсто военнаго поселенія. Уже одного простаго взгляда на прекрасно воздѣланныя поля, достаточно, чтобы удостовѣриться въ пользѣ, доставляемой этими превосходно устроенными поселеніями. Положеніе Вознесенска самое благопріятное ; обширные луга, простирающіеся близь него, по берегамъ Буга, доставляли чрезвычайно много удобствъ для того, чтобы сдѣлать изъ этого мѣста центръ для большой массы кавалеріи. Никогда, можетъ быть, не бывало сосредоточено на одной точкѣ такой многочисленной конницы, и это-то самое обстоятельство составляло главную прелесть ежедневныхъ смотровъ, здѣсь происходившихъ, этихъ военныхъ маневровъ, этихъ примѣрныхъ сраженій, при которыхъ вся гро-

мадная масса войскъ двигалась, останавливалась, шла впередъ, сражалась какъ одинъ человѣкъ, но какъ человѣкъ издавна и вполнѣ свыкшійся съ благороднымъ военнымъ ремесломъ.

Обыкновенно все утро посвящалось маневрамъ, а вечеромъ происходили празднества, давались балы, театральныя представленія, концерты. Особенно замѣчательна была музыка, игравшая въ то время, когда били зорю предъ домомъ главноначальствовавшаго надъ лагеремъ, графа де Витта. Тогда торжественно раздавались звуки тысячи пяти сотъ инструментовъ и пѣло тысячу человѣкъ дѣтей, выбранныхъ изъ пѣвчихъ военнаго поселенія. Иногда, по Высочайшему приглашенію, во дворецъ съѣзжались лица, допущенныя въ лагерь съ разрѣшенія Самого Государя Императора. Въ этомъ лагерѣ находились достойнѣйшіе представители всѣхъ Европейскихъ армій. Здѣсь были благородные ветераны, присутствовавшіе при разныхъ битвахъ, и многіе иностранные принцы.

Государь прибылъ въ лагерь 29-го августа, а Государыня Императрица 5-го сентября вечеромъ, при теплой, ясной погодѣ. Вслѣдъ за тѣмъ, во всемъ городѣ и въ обоихъ лагеряхъ вспыхнула блестящая иллюминація изъ разноцвѣтныхъ огней.

На театрѣ, въ этотъ вечеръ, давали Французское представленіе и стеченіе зрителей было чрезвычайно многочисленное. А между тѣмъ дѣти-пѣвчіе, собравшись передъ дворцемъ, привѣтствовали звуками народнаго гимна Августѣйшую Благотворительницу отечества.

Но прежде чѣмъ сдѣлаемъ подробное описаніе нашего пребыванія въ Вознесенскѣ, и величественныхъ

зрѣлищъ, происходившихъ въ нашемъ присутствіи, представляемъ офиціальное исчисленіе корпусовъ, участвовавшихъ въ маневрахъ, о которыхъ воспоминаніе долго еще будетъ храниться въ южной Россіи.

ИСЧИСЛЕНІЕ

Войскъ, собранныхъ въ Вознесенскѣ для смотра, происходившаго въ 1837-мъ году.

ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩІЙ ВОЙСКАМИ.

Инспекторъ поселенной кавалеріи, генералъ отъ кавалеріи графъ де Виттъ.

ШТАБЪ ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩАГО.

Начальникъ штаба: Генералъ-лейтенантъ Задонскій (временно исправлявшій эту должность).

Генералъ-квартирмейстеръ: полковникъ Ладыженскій (также временно исправлявшій эту должность).

Дежурный адъютантъ (помощникъ начальника штаба): полковникъ Мартосъ.

ПЕРВЫЙ КОРПУСЪ РЕЗЕРВНОЙ КАВАЛЕРІИ.

—

Командиръ корпуса : Генералъ отъ кавалеріи Никитинъ.

ШТАБЪ КОРПУСА.

Начальникъ штаба : Генералъ-лейтенантъ Задонскій.
Генералъ-квартирмейстеръ : полковникъ Розеліонъ-Сохальскій.
Дежурный адъютантъ (помощникъ начальника штаба): подполковникъ Синельниковъ.

ПЕРВАЯ КИРАСИРСКАЯ ДИВИЗІЯ.

Командиръ дивизіи : Генералъ-лейтенантъ Коскуль.

Названіе войскъ.	Командующіе.	Число эскадр.
ПЕРВАЯ БРИГАДА.	Генералъ-маіоръ Миленъ.	
Полки:		
Екатеринославскій.	Полковникъ Туманскій. . . .	8
Имени Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.	Полковникъ Денисовъ. . . .	8
ВТОРАЯ БРИГАДА.	Полковникъ Князь Гагаринъ. .	
Полки :		
Астраханскій.	Подполковникъ Милевскій. . .	8
Псковскій.	Полковникъ Черемисиновъ. . .	8

ПЕРВАЯ УЛАНСКАЯ ДИВИЗІЯ.

Командиръ дивизіи : Генералъ-лейтенантъ Палицынъ.

ПЕРВАЯ БРИГАДА.	Генералъ-маіоръ Лизогубъ.	
Полки :		
Бѣлогорскій.	Полковникъ Бобылевъ. . . .	8
Чугуевскій.	Полковникъ Мазуркевичъ. . .	8

ВТОРАЯ БРИГАДА.	Генералъ-маіоръ Арсеньевъ.	
Полки :		
Борисоглѣбскій.	Подполковникъ Колокольцевъ. .	8
Серпуховской.	Полковникъ Вижитскій. . . .	8

АРТИЛЛЕРІЯ

Перваго корпуса резервной кавалеріи.

ПЕРВАЯ ДИВИЗІЯ КОННОЙ АРТИЛЛЕРІИ. Баттареи, изъ которыхъ она состоитъ.	Начальникъ: Полковникъ Чадинъ.	Число орудій.
Баттарея тяжел. артиллеріи N. 15.	Подполковникъ Скачковъ. . .	8
» легкой » N. 16.	Капитанъ Коссовскій.	8
» » » N. 17.	Подполковникъ Шмидтъ. . .	8
» » » N. 18.	Подполковникъ Кириловъ. . .	8

—

ВТОРОЙ КОРПУСЪ РЕЗЕРВНОЙ КАВАЛЕРІИ.

—

Командиръ корпуса : Генералъ-Лейтенантъ баронъ Остенъ-Сакенъ.

ШТАБЪ КОРПУСА.

Начальникъ штаба: Генералъ-Маіоръ Бралке.
Генералъ-квартирмейстеръ : Полковникъ Балакиревъ.
Дежурный адъютантъ (помощникъ начальника штаба): Полковникъ Шевичъ.

ВТОРАЯ ДИВИЗІЯ КИРАСИРОВЪ.

Командиръ дивизіи: Генералъ-Лейтенантъ Яхонтовъ.

ПЕРВАЯ БРИГАДА.	Генералъ-Маіоръ Пиллеръ.	Число эскадр.
Полки:		
Ордена Святаго Георгія. . . .	Полковникъ Энгельгардтъ. . .	8
Стародубскій.	Полковникъ Рейснеръ. . . .	8
ВТОРАЯ БРИГАДА.	Генералъ-Маіоръ Сомовъ (временно командующій).	
Полки:		
Принца Альберта Прусскаго. .	Полковникъ графъ Ржевусскій, флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества. . .	8
Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны.	Полковникъ Фитингофъ. . . .	8

ВТОРАЯ УЛАНСКАЯ ДИВИЗІЯ.

Командиръ дивизіи: Генералъ-Лейтенантъ баронъ Корфъ.

ПЕРВАЯ БРИГАДА.	Генералъ-Маіоръ князь Багратіонъ.	
Полки:		
Украинскій.	Полковникъ Лапской.	8
Ново-Архангельскій.	Полковникъ Масловъ.	8
ВТОРАЯ БРИГАДА.	Генералъ-Маіоръ Лангель.	
Полки:		
Новомиргородскій.	Подполковникъ Величко. . . .	8
Елисаветградскій.	Полковникъ Калагеоргій (временно начальствующій). . .	8

АРТИЛЛЕРІЯ

Втораго резервнаго кавалерійскаго корпуса.

ВТОРАЯ ДИВИЗІЯ КОННОЙ АРТИЛЛЕРІИ.		Полковникъ гвардіи Гитовъ.	
Баттареи, изъ которыхъ она состоитъ.			Число орудій.
Баттарея тяжелыхъ орудій	N. 19.	Полковникъ Пичугинъ. . . .	8
» легкихъ »	N. 20.	Подполковникъ Шатиловичь. .	8
» » »	N. 21.	Подполковникъ Вольфъ. . . .	8
» » »	N. 22.	Полковникъ Врубель.	8

ТРЕТІЙ РЕЗЕРВНЫЙ КАВАЛЕРІЙСКІЙ КОРПУСЪ.

Командиръ корпуса: Генералъ-адъютантъ, Генералъ отъ кавалеріи Потаповъ.

ШТАБЪ КОРПУСА.

Генералъ-квартирмейстеръ: Полковникъ Занденъ.

Дежурный адъютантъ (помощникъ начальника штаба): Полковникъ Винтуловъ.

ПЕРВАЯ ДИВИЗІЯ ДРАГУНЪ.

Командиръ дивизіи: Генералъ-Лейтенантъ Гербель.

ПЕРВАЯ БРИГАДА.	Генералъ-Маіоръ Монтрезоръ.	Число эскадр.
Полки:		
Московскій.	Полковникъ Левенецъ. . . .	12
Каргопольскій.	Полковникъ Павличь. . . .	12

ВТОРАЯ БРИГАДА.

Полки :

Кинбурнскій.	Полковникъ Энгельгардтъ. . . .	12
Ново-Россійскій.	Полковникъ Буланинъ. . . .	12

ВТОРАЯ ДИВИЗІЯ ДРАГУНЪ.

Командиръ дивизіи : Генералъ-Лейтенантъ Граббе.

ПЕРВАЯ БРИГАДА. Генералъ-Маіоръ Шиллингъ.

Полки :

		Число эскадр.
Казанскій.	Полковникъ Крутовъ, флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества.	12
Рижскій.	Полковникъ Лебедь.	12

ВТОРАЯ БРИГАДА.

Полки :

Финляндскій.	Полковникъ Зеленскій. . . .	12
Тверской.	Полковникъ Броневскій. . . .	12

АРТИЛЛЕРІЯ

Третьяго резервнаго кавалерійскаго корпуса.

ТРЕТЬЯ ДИВИЗІЯ КОННОЙ АРТИЛЛЕРІИ. Полковникъ Купріяновъ.

Баттареи, изъ которыхъ она состоитъ.

			Число орудій.
Баттарея тяжелыхъ орудій	N. 23	Полковникъ Вульфертъ. . . .	8
» легкихъ »	N. 24	» Соколовъ. . . .	8
» » »	N. 25	Гвардіи Капитанъ Кичь. . . .	8
» » »	N. 26	Капитанъ Абрамовичъ. . . .	8

СВОДНЫЙ КАВАЛЕРІЙСКІЙ КОРПУСЪ.

Командиръ корпуса : Генералъ-Лейтенантъ Герштенцвейгъ.

ШТАБЪ КОРПУСА.

Генералъ-квартирмейстеръ : Полковникъ Ладыженскій.

Дежурный адъютантъ (помощникъ начальника штаба) : Полковникъ Щербинскій.

ТРЕТЬЯ ДИВИЗІЯ ЛЕГКОЙ КАВАЛЕРІИ.

Командиръ дивизіи : Генералъ-Лейтенантъ баронъ Оффенбергъ.

ПЕРВАЯ БРИГАДА. Генералъ-Маіоръ Народовскій.

Уланскіе полки :

		Число эскадр.
Е. Св. Принца Нассавскаго. . .	Полковникъ Пенхержевскій. . .	10
Волынскій.	» Лешернъ.	10

ВТОРАЯ БРИГАДА. Генералъ-Маіоръ Плаутинъ.

Гусарскіе полки :

Князя Витгенштейна. . . .	Полковникъ Богушевскій . . .	10
Принца Оранскаго.	» графъ Оруркъ. . .	10

ПЯТАЯ ДИВИЗІЯ ЛЕГКОЙ КАВАЛЕРІИ.

Командиръ дивизіи : Генералъ-Лейтенантъ Глазенапъ.

ПЕРВАЯ БРИГАДА. Генералъ-Маіоръ Боршовъ.

Уланскіе полки :

Бугскій.	Подполковникъ Глотовъ. . . .	10
Одесскій.	Полковникъ Лауницъ.	10

ВТОРАЯ БРИГАДА. Генералъ-Маіоръ Гротенгеймъ.

Гусарскіе полки:

Ахтырскій.	Полковникъ Врангель.	10
Александрійскій.	» Норвертъ.	10

АРТИЛЛЕРІЯ

Своднаго кавалерійскаго корпуса.

		Число орудій.
Сводная дивизія конной артиллеріи.	Полковникъ Штрикъ.	
Баттареи третьей конно-артиллерійской бригады.		
Легкая N. 5-го.	Подполковникъ Матвѣевъ. . . .	8
» N. 6-го.	Капитанъ Ганъ.	8
Баттареи пятой конно-артиллерійской дивизіи.		
Легкая N. 9-го.	Полковникъ Брюггенъ.	8
» N. 10-го.	Капитанъ Вріоссекъ.	8

СОВОКУПНОСТЬ ВСѢХЪ ЧЕТЫРЕХЪ КОРПУСОВЪ.

Эскадроновъ. 304
Артиллерійскихъ орудій. 128

ВОЙСКА, НЕ ВХОДЯЩІЯ ВЪ СОСТАВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КАВАЛЕРІЙСКИХЪ КОРПУСОВЪ.

КАВАЛЕРІЯ.		Число эскадр.
1-е. Сводный эскадронъ гвардейской кавалеріи составляютъ: два взвода Уланскаго полка имени Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Павловича и два взвода Гродненскаго гусарскаго полка.	Штабсъ-Капитанъ Гродненскаго гусарскаго полка Юрага. . . .	1

2-е. 1-е и 2-е резервные эскадроны уланъ и гусаровъ изъ 1-й, 2-й, 4-й, 6-й и 7-й дивизій легкой кавалеріи.		40
3-е. Полкъ жандармовъ.		3
4-е. Дивизія конныхъ піонеровъ.	Полковникъ Каульбарсъ. . . .	2
	Всѣхъ эскадроновъ.	46

ПѢХОТА.		Батальоны.
1-е. Сводный гвардейскій и гренадерскій батальонъ составляютъ: двѣ гвардейскія роты, — одна изъ Литовскаго полка, другая изъ Волынскаго, и двѣ роты изъ корпуса гренадеръ, изъ которыхъ одна носитъ имя гренадерскаго полка Е. В. Австрійскаго Императора Франца 1-го, а другая гренадерскаго полка Е. В. Короля Прусскаго.	Генералъ-маіоръ Степановъ. .	1
2-е. Резервные батальоны гренадерскихъ полковъ:		
Графа Румянцова.		1
Князя Суворова.		1
Астраханскихъ карабинеровъ.		1
Резервная дивизія 5-го корпуса.		
Пятые батальоны.	Генералъ-Лейтенантъ Гартунгъ.	12
Шестые батальоны.		12
	Всѣхъ батальоновъ.	28

АРТИЛЛЕРІЯ.		Число орудій.
Пѣшая баттарея, составленная изъ гвардейской и гренадерской артиллеріи.	Полковникъ Дракъ.	8

ЛИНЕЙНАЯ АРТИЛЛЕРІЯ.

Двѣ пѣшія резервныя баттареи.		16
Двѣ конныя.		16
	Всѣхъ орудій.	40
Роты артиллеристовъ, причисленныя къ 1-му, 2-му и 3-му кавалерійскимъ корпусамъ.		32
Кантонисты 2-го резервнаго кавалерійскаго и своднаго корпусовъ, составляющіе.	Эскадроновъ.	24
	Баттарей.	3

ВСЕГО ВООБЩЕ.

350 Эскадроновъ.
28 Батальоновъ.
168 Орудій.
32 Роты артиллеристовъ.
24 Эскадрона } кантонистовъ.
3 Баттареи } кантонистовъ.

IX.

ВОЗНЕСЕНСКЪ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ КРЫМЪ. — ЭВПАТОРІЯ.

Великое военное зрѣлище, происходившее въ Вознесенскѣ, при которомъ я имѣлъ счастіе присутствовать, естественно должно было наполнить меня благоговѣніемъ и поглотить все мое вниманіе. Не простое любопытство привлекло меня въ этотъ городъ воиновъ; нѣтъ, послѣ того какъ миновалось первое изумленіе, я постарался дать себѣ отчетъ въ средствахъ, послужившихъ къ созданію столь грозныхъ силъ, особенно этой несравненной кавалеріи, можно сказать, един-

ственной въ цѣломъ мірѣ. Тайна такого изумительнаго результата скрывается въ устройствѣ Русскихъ военныхъ поселеній: здѣсь возникло это войско, которому нигдѣ нѣтъ подобнаго. Многочисленность воиновъ, превосходная дисциплина ихъ, прекрасное содержаніе, рѣдкая красота коней, даже воинственный видъ, представляемый совокупностью эскадроновъ, — все свидѣтельствуетъ о благотворныхъ слѣдствіяхъ этой системы и о ея неоспоримомъ превосходствѣ.

Здѣсь не мѣсто объяснять вполнѣ устройство военныхъ поселеній. При томъ военные люди знаютъ откуда почерпнуть техническія свѣдѣнія объ этой системѣ, составляющей предметъ удивленія для людей, одаренныхъ самымъ возвышеннымъ умомъ, для воиновъ самыхъ искусныхъ. Мы сами читали подробное описаніе этой системы въ недавно вышедшемъ сочиненіи маршала Франціи, герцога Рагузскаго, превосходнаго судіи въ предметахъ такого рода, и потому, съ своей стороны, ограничиваемся нѣсколькими словами объ основныхъ правилахъ, на которыхъ зиждется устройство этихъ поселеній.

Кавалерійскія военныя поселенія основаны въ нѣкоторыхъ странахъ, орошаемыхъ рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, на земляхъ, принадлежащихъ казнѣ, весьма плодородныхъ, но лѣтъ тридцать назадъ еще остававшихся въ невоздѣланномъ состояніи. Нѣкоторыя семейства изъ средней Россіи, нѣсколько Булгаровъ, Молдаванъ и остававшихся еще Запорожскихъ казаковъ, нѣкогда составлявшихъ грозу здѣшнихъ степей, поселились въ этихъ мѣстахъ, будучи привлечены важными льготами, имъ дарованными. Сначала эту пространную мѣстность раздѣлили на округи, потомъ на села; землю, принадлежавшую къ каждой деревнѣ, разбили на два участка, изъ которыхъ

одинъ принадлежалъ жителямъ села, такъ что каждое семейство получило по девяносту десятинъ земли и домъ. Другой участокъ былъ оставленъ за казною, но крестьяне были обязаны воздѣлывать его, посвящая ежегодно на это воздѣланіе сорокъ пять дней. Такимъ образомъ были основаны села, выстроенныя по однообразному плану; каждое изъ этихъ селъ заключало сто восемьдесять сохъ, или земледѣльческихъ семействъ. Каждое семейство обязано было давать квартиру и пищу одному кавалеристу. Слѣдственно, въ каждой деревнѣ поселилось сто восемьдесять кавалеристовъ, или эскадронъ; а какъ во всѣхъ кавалерійскихъ полкахъ военныхъ поселеній считается восемь дѣйствующихъ эскадроновъ и одинъ резервный, то девять деревень образовали полкъ. Сверхъ того при каждомъ эскадронѣ устроили домъ для штаба, конюшни, магазины, больницу, школу, церковь. Такимъ образомъ, кавалеристъ былъ обезпеченъ во всѣхъ отношеніяхъ и ему оставалось заботиться лишь о своихъ служебныхъ обязанностяхъ. Не смотря на то, однакожь, онъ связанъ тѣсными узами съ гражданскимъ обществомъ, съ которымъ постоянно находится въ соприкосновеніи.

Многіе изъ этихъ воиновъ переженились на молодыхъ крестьянкахъ, которыхъ военный мундиръ нисколько не пугаетъ. Начальство поощряетъ такіе браки, и теперь болѣе трети людей въ каждомъ эскадронѣ уже отцы семейства. Сыновья кавалеристовъ обучаются въ школѣ, съ позаранку привыкаютъ къ верховой ѣздѣ и дисциплинѣ, и двадцати лѣтъ поступаютъ во фронтъ. Изъ нихъ образуются прекрасные кавалеристы и они большею частью выходятъ въ унтеръ-офицеры. Эти солдатскіе дѣти, вмѣстѣ съ рекрутами, набираемыми изъ крестьянъ, составляютъ ежегодный уча-

стокъ, выставляемый каждымъ поселеннымъ полкомъ. Если количество солдатскихъ сыновей окажется недостаточнымъ, то правительство пополняетъ этотъ недостатокъ молодыми людьми изъ другихъ подобныхъ заведеній. Въ каждой губерніи есть особенная школа для обученія солдатскихъ сыновей. Въ этихъ школахъ, кромѣ первоначальнаго образованія, дѣти обучаются еще разнымъ ремесламъ и искусствамъ, которыя могутъ имъ быть полезны въ службѣ. Всѣ почти находящіеся при Русской арміи музыканты, ветеринарные врачи, писцы, чертильщики и геометры, выходятъ изъ кантонистовъ (такъ называются солдатскіе дѣти), которыхъ число простирается до ста пятидесяти тысячъ человѣкъ.

Таково положеніе солдатъ въ военныхъ поселеніяхъ. Остается сказать нѣсколько словъ о крестьянахъ, у которыхъ солдаты поселены. Благосостояніе, какимъ пользуются эти крестьяне, лучше всего доказываетъ пользу, приносимую подобными поселеніями, и ихъ благотворное вліяніе на бытъ крестьянъ. Земли у крестьянъ болѣе нежели нужно для прокормленія не только ихъ самихъ, но и солдатъ живущихъ въ ихъ селѣ; хлѣбъ у нихъ родится въ чрезвычайномъ обиліи, скотъ распложается изумительнымъ образомъ. Въ то же время увеличивается и количество произведеній, доставляемыхъ казенными землями, на воздѣланіе которыхъ крестьяне посвящаютъ изъ девяти рабочихъ дней только одинъ. За то запасные магазины военныхъ поселеній всегда обильно снабжены хлѣбомъ и часто изъ нихъ, въ голодные годы, снабжались поселяне сосѣдственныхъ губерній. Всѣ эти селенія управляются сами по себѣ, особеннымъ штабомъ, независимымъ отъ эскадроннаго штаба. Въ каждой деревнѣ начальствуетъ капитанъ, который завѣ-

дываетъ школами, назначаетъ рабочіе дни, надзираетъ за магазинами, за казеннымъ скотомъ и казенными вещами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ наблюдаетъ за порядкомъ и управляетъ полиціею. Ему помогаютъ два поручика.

Правосудіе воздается самымъ отеческимъ образомъ. Эскадронные суды, называемые комитетами, состоятъ: изъ поручика, сержанта, приходскаго священника и трехъ поселенцевъ, выбираемыхъ обществомъ. Предсѣдательствуетъ въ каждомъ такомъ судѣ эскадронный начальникъ. Неприступая къ сужденію о дѣлѣ, докладчикъ сообщаетъ о взаимныхъ притязаніяхъ обѣихъ тяжущихся сторонъ. Потомъ, и просителю и отвѣтчику дается двухсуточный срокъ для полюбовнаго окончанія дѣла. Потомъ ихъ судятъ. Аппеляцію на эскадронный комитетъ подаютъ въ полковой комитетъ, составленный на тѣхъ же правилахъ какъ и первый. Рѣшеніе этого комитета приводится въ исполненіе и обнародывается во всемъ полку. Наконецъ, обѣ стороны могутъ еще жаловаться бригадному начальнику, который ежемѣсячно посѣщаетъ всѣ поселенія, принадлежащія къ его бригадѣ. Бригадный начальникъ, въ свою очередь, производитъ слѣдствіе и потомъ представляетъ дѣло корпусному командиру, который уже окончательно рѣшаетъ его.

Уголовныя дѣла завѣдываются мѣстными военными судами, которымъ подсудимы не только солдаты, но и крестьяне. Генералъ-инспекторъ поселенной кавалеріи имѣетъ право, по усмотрѣнію своему, утверждать рѣшенія военныхъ судовъ, отмѣнять, или смягчать приговоры. Онъ можетъ даже устранить офицера отъ должности и предать его самого суду. По его же только представленію всѣ чиновники въ военныхъ поселені-

яхъ получаютъ повышеніе. Изъ этого легко можно видѣть, какою обширною властью пользуется генералъ-инспекторъ.

Но такая власть и поручена человѣку истинно достойному, генералъ-анъ-шефу графу де Витту. Хотя не онъ, можетъ быть, придумалъ планъ кавалерійскихъ поселеній, однакожь, онъ первый сдѣлалъ возможнымъ исполненіе этого плана. Ему эти поселенія обязаны большею частью своимъ цвѣтущимъ состояніемъ. Нельзя описать какъ много онъ обнаружилъ, въ продолженіе своего двадцатилѣтняго управленія военными поселеніями, усердія, энергіи, опытности, и другихъ высокихъ способностей.

Впрочемъ, онъ былъ достаточно вознагражденъ за всѣ свои труды величественнымъ смотромъ, происходившимъ въ Вознесенскѣ. Какъ было, я думаю, удовлетворено его благородное сердце, когда на этихъ обширныхъ лугахъ выстраивались прекрасные эскадроны, возникшіе въ полномъ вооруженіи на степи, которая еще въ началѣ нынѣшняго вѣка была совершенною пустынею! Какъ дорога была ему высокая честь командовать при этомъ торжествѣ, обращавшемъ на себя вниманіе всей Европы! Сколько радости и счастія долженъ былъ онъ чувствовать, удостоившись торжественныхъ похвалъ и признательности изъ устъ Августѣйшаго и самаго свѣдущаго судіи этого дѣла!... Но возвратимся къ нашему пребыванію въ Вознесенскѣ.

Мы удостоились въ этомъ лагерѣ гостепріимства самаго полнаго, не менѣе какъ если бы мы принадлежали къ числу какихъ нибудь знатныхъ особъ. Насъ пускали повсюду, намъ все показывали. Мы осматривали, попеременно, то кавалерійскій лагерь, раскину-

Русская артиллерія (въ Вознесенскѣ).

тый на разстояніи пятнадцати верстъ, по берегамъ Буга, мѣстами среди рощь, мѣстами на открытыхъ равнинахъ; то лагерь пѣхоты, заключавшій двадцать восемь баталіоновъ, которыхъ палатки, симметрически разставленныя, далеко тянулись отъ самаго Вознесенска до огромной плоской возвышенности, совершенно защищенной отъ сырости. Особенно вниманіе наше привлекали старые солдаты резервныхъ баталіоновъ, отличавшіеся лицами, истинно воинственными. Взойдя въ одну палатку, мы увидѣли солдата, тщательно чистившаго нѣсколько орденовъ, которые по обычаю, введенному въ Русской арміи, были прикрѣплены къ небольшой пластинкѣ, и всѣ вмѣстѣ прицѣплялись къ мундиру. «Какимъ образомъ этотъ храбрецъ могъ заслужить столько орденовъ»? спросилъ одинъ изъ моихъ товарищей. Солдатъ, не говоря ни слова, открылъ свою грудь, испещренную рубцами отъ полученныхъ имъ ранъ. Подобный отвѣтъ не имѣлъ надобности въ объясненіи, такъ онъ былъ простъ и трогателенъ. И мы могли бы расказать много еще другихъ, подобныхъ анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о прекрасномъ духѣ Россійскихъ войскъ, о ихъ дисциплинѣ, достойной удивленія, о ихъ примѣрномъ мужествѣ! Но среди этихъ величественныхъ зрѣлищъ, мы безпрестанно испытывали новыя впечатлѣнія, быстро смѣнявшіяся другими, и потому невольно затрудняемся въ выборѣ предметовъ для нашего описанія.

Однакожь, въ числѣ воспоминаній, которыя не могутъ и не должны изгладиться изъ сердца нашего, считаемъ необходимымъ сообщить одно, относящееся къ нашему доброму товарищу Раффе. Этотъ артистъ, страстный до военныхъ зрѣлищъ, съ невыразимымъ *восторгомъ* присутствовалъ при торжествахъ, происхо-

тый на разстояніи пятнадцати верстъ, по берегамъ Буга, мѣстами среди рощъ, мѣстами на открытыхъ равнинахъ, то лагерь пѣхоты, заключавшій двадцать восемь батальоновъ, которыхъ палатки, симметрически разставленныя, далеко тянулись отъ самаго Вознесенска по огромной плоской возвышенности, совершенно защищенной отъ сырости. Особенно вниманіе наше привлекали старые солдаты резервныхъ батальоновъ, отличавшіеся лицами, истинно воинственными. Взойдя въ одну палатку, мы увидѣли солдата, тщательно чистившаго нѣсколько орденовъ, которые по обычаю, введенному въ Русской арміи, были прикрѣплены къ небольшой пластинкѣ, и все вмѣстѣ прицѣплялись къ мундиру. «Какимъ образомъ этотъ храбрецъ могъ заслужить столько орденовъ»? спросилъ одинъ изъ моихъ товарищей. Солдатъ, не говоря ни слова, открылъ свою грудь, испещренную рубцами отъ полученныхъ имъ ранъ. Подобный отвѣтъ не имѣлъ надобности въ объясненіи, такъ онъ былъ простъ и трогателенъ. И мы могли бы расказать много еще другихъ, подобныхъ анекдотовъ, свидѣтельствующихъ о прекрасномъ духѣ Россійскихъ войскъ, о ихъ дисциплинѣ, достойной удивленія, о ихъ примѣрномъ мужествѣ! Но среди этихъ величественныхъ зрѣлищъ, мы безпрестанно испытывали новыя впечатлѣнія, быстро смѣнявшіяся другими, и потому невольно затрудняемся въ выборѣ предметовъ для нашего описанія.

Однакожь, въ числѣ воспоминаній, которыя не могутъ и не должны изгладиться изъ сердца нашего, считаемъ необходимымъ сообщить одно, относящееся къ нашему доброму товарищу Рафе. Этотъ артистъ, страстный до военныхъ зрѣлищъ, съ невыразимымъ *восторгомъ* присутствовалъ при торжествахъ, происхо-

дившихъ въ Вознесенскѣ: какъ жадно онъ все осматривалъ, какъ усердно скопировывалъ блистательные эскадроны, мелькавшіе мимо него. Однажды, срисовывая кавалеристовъ, отличавшихся прекрасными мундирами, онъ вдругъ услышалъ, что кто-то зоветъ его. Голосъ, произносившій его имя, былъ повелительный, громовый, чрезвычайно благозвучный. Рафе быстро обернулся, и что же! его кликалъ Самъ Государь Императоръ!

Его Величество, подозвавъ нашего художника, изволилъ нѣсколько времени милостиво разговариват съ нимъ. Можно себѣ представить въ какомъ смущеніи и вмѣстѣ въ какомъ восторгѣ находился тогда нашъ скромный артистъ!

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ имѣлъ счастіе быть представленъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ въ самомъ дворцѣ, по возвращеніи изъ котораго къ нему пріѣхалъ одинъ изъ отличнѣйшихъ штабъ-офицеровъ, баронъ Ганъ, имѣвшій порученіе доставить г-ну Рафе средства осмотрѣть въ Вознесенскѣ и срисовать все, заслуживающее особеннаго вниманія.

Если бы я не опасался подвергнуться упрекамъ, какіе такъ часто навлекала на себя классическая эпопея, изчисляющая обыкновенно съ величайшею точностью батальоны описываемыхъ ею войскъ, имена ихъ начальниковъ, изображающая такъ подробно вооруженіе воиновъ, то, можетъ быть, попытался бы, въ моемъ простомъ и правдивомъ разсказѣ, описать прекраснѣйшую изъ церемоній, происходившихъ при этомъ великомъ, тринадцати-дневномъ торжествѣ. Но ограничиваюсь только упоминаніемъ, что большой общій смотръ кавалеріи происходилъ 26-го августа (7-го сентября новаго стиля).

Государь Императоръ изволилъ прибыть въ простыхъ дрожкахъ, имѣя съ Собою Августѣйшаго Брата Своего, Великаго Князя Михаила Павловича. Его Величество изволилъ сѣсть на превосходнаго воронаго коня и поскакать къ войскамъ, которыя стояли въ строю, недвижно и въ совершенной тишинѣ. Но подобныя торжественныя зрѣлища, очаровывающія взоры, ничѣмъ не могутъ быть изображены. Онѣ утрачиваютъ свое величіе въ сухой номенклатурѣ бюллетеня и въ холодныхъ очеркахъ рисунка, сколько бы ни былъ онъ вѣренъ. Надобно было видѣть на самой Вознесенской равнинѣ всѣ эти тридцать шесть полковъ, стоявшіе въ глубокихъ колоннахъ, изъ которыхъ при каждой находилась ея артиллерія! Надобно было слышать эту музыку, торжественно раздававшуюся при проѣздѣ Монарха. Нѣсколько времени спустя по пріѣздѣ Государя, на смотръ изволила пожаловать и Государыня Императрица, въ сопровожденіи блестящей свиты иностранныхъ принцевъ, генераловъ и офицеровъ.

Въ заключеніе смотра, Государь изволилъ остановиться у коляски Ея Величества, и войска начали проходить церемоніальнымъ маршемъ. Дивное зрѣлище представляли эти триста пятьдесятъ эскадроновъ, отличавшіеся не только красотою людей, разнообразіемъ и блескомъ мундировъ, но и превосходствомъ коней, которые въ каждомъ полку были одинаковой масти. Всѣ эти лошади Англійской породы и доставляются съ заводовъ поселенія.

На полѣ, гдѣ происходили маневры, въ разныхъ мѣстахъ были разставлены кантонисты, которые назначали эскадронамъ дирекцію, какой они должны были держаться, и указывали публикѣ мѣста, гдѣ она должна была устанавливаться. Экипажи стояли на

краю луга, который весь, на необозримомъ протяженіи былъ покрытъ живописною толпою любопытныхъ. Словомъ, все это въ совокупности представляло картину оживленную, полную блеска и торжества, картину, какой никогда еще не представляли здѣшнія степи, гдѣ, не далѣе какъ пятьдесятъ лѣтъ назадъ, господствовала постоянная тишина, возмущаемая лишь свистомъ вѣтра.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того, мы съ сожалѣніемъ выѣхали изъ Вознесенска, оставивъ въ немъ одного Рафе, который не вдругъ могъ разстаться съ этимъ дивнымъ лагеремъ, и располагался еще многое срисовать въ немъ.

Между тѣмъ ожидали Государя, Августѣйшую фамилію и чужеземныхъ гостей въ Одессѣ, гдѣ должны были происходить дальнѣйшія празднества, уже не воинственныя. И Одесса приготовилась достойнымъ образомъ встрѣтить знаменитыхъ гостей. Всѣ дома ея были выкрашены вновь: биржа была назначена мѣстомъ, гдѣ городъ намѣревался дать балъ Ихъ Величествамъ; вездѣ кипѣла величайшая дѣятельность, и 8-го Сентября, вечеромъ, когда мы прибыли въ Одессу, всѣ приготовленія были почти уже окончены.

Между тѣмъ, послѣ краткаго отдыха въ этомъ прекрасномъ городѣ, членамъ нашей экспедиціи приходилось опять разстаться. Одни должны были снова возвратиться въ Крымъ, изъ котораго неохотно уѣхали; другимъ слѣдовало заняться мѣстными наблюденіями, особенно же изслѣдованіемъ промышлености въ Одессѣ, представлявшей весьма много любопытнаго для насъ. Впрочемъ, мы должны были разлучиться лишь на короткое время; у насъ уже было подробно расписано гдѣ и когда намъ опять съѣхаться. Я отправилъ сухимъ путемъ, по Симферопольской дорогѣ

двухъ изъ моихъ товарищей, наиболѣе желавшихъ туда ѣхать. Ниже представлены сдѣланныя ими наблюденія, которыя они сообщили мнѣ по возвращеніи изъ этой поѣздки.

Мы выѣхали, говорятъ они, изъ Одессы 12-го сентября въ седьмомъ часу утра; погода, не смотря на то, что настоящее лѣто уже прошло, была весьма жаркая. Ѣхали мы въ одной изъ покойныхъ и необыкновенно прочныхъ Валашскихъ повозокъ, купленныхъ въ Бухарестѣ, уже доставившихъ намъ очень много пользы и въ прежнихъ нашихъ поѣздкахъ. Повозка была запряжена тройкою въ рядъ; мы неслись въ скачь, и безпечно разговаривали вдвоемъ, не заботясь о томъ, гдѣ насъ везутъ, не зная мѣстности, не понимая языка жителей. Сухимъ путемъ поѣхали мы по необходимости, а не потому, чтобы намъ это доставляло удовольствіе. Пароходы, содержащіе сообщеніе между Одессою и Крымомъ, въ это время были всѣ остановлены для проѣзда Императорскаго Двора въ Крымъ, а потому мы были вынуждены отказаться отъ путешествія моремъ, представляющаго болѣе удобствъ. При томъ въ Россіи, не смотря на обширность пространствъ и малонаселенность нѣкоторыхъ странъ, можно вездѣ ѣздить съ совершенною безопасностью. Имѣя правильную подорожную, путешественникъ даже не потерпитъ нигдѣ и задержки. Только на таможенной чертѣ, отдѣляющей округъ Одессы, пользующейся правомъ свободной торговли, насъ подвергли весьма строгому осмотру. Выѣхавъ за эту черту, отдѣленную стѣпою, мы быстро понеслись по знакомой уже намъ пыльной степи, кое-гдѣ поросшей молодыми акаціями.

Жаръ становился нестерпимымъ; нашъ брадатый ямщикъ вдругъ, безъ всякой видимой причины, повернулъ прямо къ морю и даже въѣхалъ въ него. Не

понимая цѣли подобнаго поступка, мы нѣсколько встревожились, но по незнанію Русскаго языка, не могли ничего добиться отъ ямщика; видно, однакожь, такое омовеніе повозки была очень полезно для нея; такъ, по крайней мѣрѣ, мы могли заключить по довольному виду, съ какимъ ямщикъ указывалъ попеременно то на солнце, то на море. Искупавъ повозку, онъ опять погналъ лошадей вскачь и мы беззаботно понеслись вдоль раскаленнаго морскаго берега.

Долго ѣхали мы такимъ образомъ по битой дорогѣ, мѣстами, кое-гдѣ воздѣланными; въ лѣво отъ насъ виднѣлись многія большія озера, которыя скоро остались позади насъ. Эти озера сообщаются съ моремъ узкими каналами; онѣ доставляютъ, какъ слышно, прекрасную рыбу; два изъ нихъ показались намъ, сколько можно было судить издали, весьма обширными. Всѣ эти озера называются лиманами, что значитъ по Турецки «морская пристань». Тѣмъ же именемъ называются и устья большихъ рѣкъ, въ которыя могутъ входить корабли. Въ упомянутыя озера впадаетъ много рѣчекъ, и онѣ часто, при половодьи, совершенно соединяются съ моремъ.

Вскорѣ Одесса скрылась у насъ изъ виду, и мы въѣхали въ настоящую степь. Прилегающія къ Одессѣ степи не похожи на Бессарабскія; послѣднія имѣютъ видъ волнообразный, а первыя, напротивъ, представляютъ плоскую, ровную поверхность, не имѣющую ни углубленій, ни возвышенностей, и въ отдаленіи гладко сливающуюся съ моремъ. Лишь изрѣдка, кое гдѣ, это однообразіе степи прерывается цѣпью кургановъ, тѣхъ коническихъ возвышенностей, о которыхъ мы уже говорили выше. При чрезвычайной быстротѣ ѣзды, вы надѣетесь, что скоро выѣдете изъ плоскаго пространства, отвсюду васъ окружающаго,

но тщетно ожиданіе ваше; несутся кони, летятъ часы, а вы все еще катитесь по безпредѣльной степи, представляющей все тотъ же видъ мѣстности обнаженной, изсушенной солнечнымъ зноемъ, глубоко унылой. Въ это время не было уже цвѣтовъ, которые весною и лѣтомъ украшали степь своею пестротою; и мы невольно припоминали слова Рубруквиса, посѣщавшаго эти степи еще въ тринадцатомъ вѣкѣ: *Nulla est sylva, nulla mons, nullus lapis*, нѣтъ ни лѣса, ни пригорка, ниже камня! Между тѣмъ, однакожь, и въ этихъ степяхъ было ощутительно близкое присутствіе Императора, и пески пустынные, такъ же какъ города, приготовились къ Его пріѣзду; дорога во многихъ мѣстахъ была уравнена, рытвины засыпаны; станціонціонные домы вновь выбѣлены.

По Валашскимъ болотнымъ равнинамъ въ нашей повозкѣ было намъ довольно спокойно; но здѣсь, на изсохшей отъ зноя известковой почвѣ насъ трясло до чрезвычайности. И это еще было не самое важное неудобство ѣзды по здѣшнимъ мѣстамъ; кромѣ того мы терпѣли много недостатковъ; между прочимъ нигдѣ нельзя было найти порядочной воды, а жаръ доходилъ до 28 градусовъ по Реомюру и мы томились нестерпимою жаждою.

Около полудня мы уклонились отъ берега и направились на сѣверо-востокъ, по пути къ большому городу Николаеву, имѣющему гавань и знаменитый арсеналъ. Часовъ въ пять мы прибыли къ берегу широкой рѣки, составленной сліяніемъ рѣкъ Буга и Ингулы. Николаевъ стоитъ именно при совпаденіи этихъ двухъ рѣкъ; онъ находился еще въ двухъ верстахъ отъ того мѣста, къ которому мы прибыли.

Черезъ Бугскій лиманъ мы переправились на паромѣ, ходившемъ на канатѣ. Переправа эта продол-

жалась, по крайней мѣрѣ, три четверти часа. Берегъ, на которомъ стоитъ Николаевъ, выше противоположнаго. На немъ мы замѣтили нѣсколько прекрасныхъ казенныхъ садовъ, наполненныхъ большими тополями. Эти деревья были здѣсь насажены еще княземъ Потемкинымъ для Императрицы Екатерины Второй, когда эта Государыня располагалась посѣтить свои новопрiобрѣтенныя области. Вышедши на берегъ, мы очутились посреди толпы солдатъ, женщинъ и Нѣмецкихъ колонистовъ, которыхъ очень легко узнать по ихъ кроткому, смиренному виду. Всѣ эти люди сошлись для покупки арбузовъ, только что привезенныхъ Нѣмцами на нѣсколькихъ возахъ. Этотъ плодъ и здѣсь, какъ вообще на югѣ Россiи, составляетъ любимое лакомство простаго народа. Наконецъ мы прибыли въ одну изъ главныхъ улицъ Николаева и остановились въ трактирѣ, имѣвшемъ довольно благовидную наружность.

Впрочемъ, только наружный видъ этого трактира и можно было похвалить. Въ ожиданiи ужина, который, по видимому, не скоро могъ быть изготовленъ, мы отправились прогуливаться по обширному и довольно красивому Николаеву. Съ перваго взгляда все въ немъ прекрасно и величественно. Улицы широкiя, какъ и во всѣхъ Русскихъ городахъ, зданiй достаточно, однакожь эти зданiя хороши только снаружи, а во внутренности ихъ все очень бѣдно. По причинѣ необыкновенной ширины улицъ, жители много терпятъ отъ вѣтра и пыли; въ дождливое время бываетъ ужь слишкомъ много грязи, въ сухое — жилища, стоящiя очень разрозненно, не защищены отъ дѣйствiя солнечныхъ лучей, отвсюду проникающихъ. Площади здѣсь такъ велики, что переходить черезъ нихъ и въ сухое время довольно утомительно, а въ знойное или въ

дождливое этотъ переходъ становится уже великимъ подвигомъ. Какъ бы то ни было, не смотря на всѣ подобные недостатки, Николаевъ представляетъ зрѣлище величественное, вполнѣ достойное его назначенiя, состоящаго въ томъ, чтобы служить обширнымъ арсеналомъ. Городъ не совсѣмъ еще обстроился; во многихъ мѣстахъ дома такъ еще далеко стоятъ другъ отъ друга, что можно сказать не составляютъ собственно улицъ, а лишь показываютъ направленiе, которое какая либо улица должна имѣть со временемъ. Жителей здѣсь около пяти тысячь; большая часть изъ нихъ принадлежитъ къ морскому вѣдомству. Кораблестроительныя заведенiя устроены, кажется, очень сообразно ихъ назначенiю; намъ не удалось побывать въ нихъ, и мы посмотрѣли на нихъ только изъ прекраснаго общественнаго саду, разведеннаго на высокомъ берегу, близь устья Ингулы. Не жалѣя издержекъ, здѣсь можно строить вдругъ по нѣскольку большихъ кораблей, которые будучи спущены на воду, въ настоящее время легко могутъ быть выведены изъ этого порта, недавно углубленнаго. Прежде же чѣмъ это углубленiе было сдѣлано, для того, чтобы вывести корабли въ Бугскiй лиманъ, надобно было прибѣгать къ пособiю такъ называемыхъ камелей, машинъ чрезвычайно многосложныхъ, которыя первоначально, если не ошибаемся, были введены въ употребленiе у Венецiанъ. Теперь, напротивъ, даже самые большiе, сто-двадцати-пушечные корабли безъ всякой посторонней помощи выходятъ изъ Николаевскихъ верфей. Только вооружаютъ ихъ уже въ Севастополѣ.

Нельзя, я думаю, найти нигдѣ кораблестроительнаго порта, лучше соотвѣтствующаго своему назначенiю, чѣмъ Николаевъ, который достаточно защищенъ

отъ всякаго нападанія уже тѣмъ, что лежитъ далеко отъ морскаго берега, во внутренности страны, въ глубинѣ извилистаго лимана. Равнымъ образомъ Николаевъ удобно можетъ быть снабжаемъ всѣми, нужными для кораблестроенія, матеріалами. Хотя въ Бугѣ есть пороги, однакожъ къ Николаеву, легко могутъ быть сплавляемы лѣсъ, деготь, пенька и проч., по Днѣпру, который не далеко оттуда впадаетъ въ море.

Однимъ словомъ выборъ мѣста, гдѣ находится Николаевъ, для устройства при немъ кораблестроительнаго заведенія, приноситъ большую честь князю Потемкину, которому и вообще этотъ край очень многимъ обязанъ. И въ самомъ дѣлѣ, для кораблестроительнаго заведенія и арсенала, которые могли бы легко сообщаться съ Севастополемъ, нельзя было найти мѣста лучше и удобнѣе какъ Николаевъ. Отъ мудрой Императрицы, понимавшей необходимость въ сильномъ флотѣ на Черномъ морѣ, не укрылись выгоды, которыя для будущихъ дѣйствій въ здѣшнемъ краѣ, могли доставить порты Севастопольскій и Николаевскій по своему природному положенію, по укрѣпленіямъ, какими можно было ихъ защитить и по удобству съ какимъ они могли сообщаться между собою для успѣха въ общемъ дѣлѣ. Насъ увѣряли, что червь, такъ много вредящій кораблямъ въ Севастопольской гавани, не менѣе опасенъ и для судовъ строимыхъ и спускаемыхъ на воду въ Николаевѣ. Не утверждаемъ рѣшительно, чтобы фактъ этотъ былъ неоспоримый, потому что слышали объ немъ не отъ моряка, однакожь считаемъ обязанностью замѣтить, что объ этомъ уже давно было писано и говорено.

На слѣдующій день, мы опять катились среди степи, на юго-востокъ, по дорогѣ къ Херсону. Хотя мы требовали лошадей еще съ четырехъ часовъ утра,

однакожь намъ пришлось дожидаться ихъ довольно долго, такъ что мы не ранѣе двѣнадцати часовъ дня могли прибыть въ Херсонъ, куда въѣхали среди облаковъ удушающей пыли. Такая пыльная атмосфера препятствовала намъ обозрѣть въ совокупности, однимъ взглядомъ, этотъ городъ, который очень обширенъ и содержитъ въ себѣ много значительныхъ зданій. Кромѣ прекрасной крѣпости, мы болѣе всего были поражены зрѣлищемъ безчисленнаго множества вѣтряныхъ мельницъ, которыя были устроены вмѣстѣ, на вершинѣ небольшаго холма, и дѣйствовали всѣ вдругъ.

Мы имѣли рекомендательное письмо къ одному Французу, съ давнихъ временъ поселившемуся въ Херсонѣ, гдѣ онъ имѣлъ большое заведеніе для мытья шерсти. Но какимъ образомъ, не зная ни слова по Русски, намъ отыскать его въ большомъ городѣ? Вотъ въ чемъ состояло главное затрудненіе. Правда, нѣкоторые Евреи, къ которымъ мы обращались на Нѣмецкомъ языкѣ, отвѣчали намъ не затрудняясь, потому что Евреи вездѣ знаютъ по Нѣмецки. Но указанія ихъ были такъ невразумительны, что еще болѣе сбили насъ съ толку. Такимъ образомъ, мы долго блуждали по городу, изнемогая отъ сильнаго жара, и все еще не могли отыскать нашего соотечественника. Наконецъ взошли мы на какой-то очень опрятный дворъ, гдѣ насъ встрѣтила дама, хорошо одѣтая, стоявшая на крыльцѣ. Мы принялись распрашивать у нея на всѣхъ возможныхъ языкахъ объ отыскиваемомъ нами домѣ; говорили по Нѣмецки, по Англійски, по Италіянски, и постоянно получали въ отвѣтъ неутѣшительныя слова: *не понимаю*. Мы пытались даже заговорить съ нею на Ново-Греческомъ языкѣ, но услышали тотъ же отвѣтъ. Вдругъ дама, какъ будто оду-

мавшись, сказала съ веселымъ видомъ: «да не говорите ли вы по Французски»? Кто можетъ описать радость нашу, когда мы увидѣли, что стоимъ передъ соотечественницею! Благодаря Бога на этотъ разъ мы получили указанія весьма точныя и удобопонятныя, такъ что не замедлили отыскать Француза, къ которому везли письмо.

Этотъ Французъ принялъ насъ очень дружелюбно. У него мы познакомились съ г-мъ Вассаломъ, помѣщикомъ изъ окрестностей Перекопа, который не только самъ обогатился разведеніемъ тонкошерстныхъ овецъ чистой породы, но и всему здѣшнему краю принесъ очень много пользы. Кромѣ этого помѣщика, у хозяина нашего, г-на Мулена, былъ въ это время еще камергеръ, съ которымъ мы уже прежде познакомились въ Ялтѣ. Когда они уѣхали, мы сѣли обѣдать, а потомъ осматривали шерстомойное заведеніе нашего гостепріимнаго хозяина. Оно устроено на большомъ острову, образуемомъ рукавами Днѣпра и состоитъ изъ многихъ обширныхъ деревянныхъ зданій. Въ верхнемъ этажѣ работаютъ женщины которыя расщипываютъ шерсть, уже вымытую, и разбираютъ ее по сортамъ; въ нижнемъ настроено множество чулановъ, изъ которыхъ въ каждомъ хранится особаго рода шерсть. Здѣсь же находится прессъ. Этимъ прессомъ уминаются тюки съ шерстью. Онъ состоитъ изъ простаго винта, поворачиваемаго посредствомъ горизонтальныхъ рычаговъ, а потому далеко не представляетъ тѣхъ выгодъ, какія можно имѣть съ помощію гидравлическаго пресса. При осмотрѣ промываленъ, намъ представилось зрѣлище истинно живописное, носившее такой отпечатокъ мѣстнаго характера, что нельзя оставить его безъ описанія.

Чаны, въ которыхъ производится мытье шерсти,

уставлены на большихъ плотахъ; мытьемъ занимаются двѣсти дѣвушекъ отъ осьмнадцати до двадцати лѣтъ, находящихся подъ надзоромъ нѣсколькихъ пожилыхъ женщинъ. Мы приходили тотчасъ послѣ обѣда, когда рабочимъ дается отдыхъ. Въ жаркую погоду молодыя работницы, по существующему здѣсь обычаю, употребляютъ время отдыха для купанья; а потому на плотахъ не было почти ни кого. За то вокругъ плотовъ, по рѣкѣ, было разсѣяно множество плававшихъ дѣвушекъ, которыя оставили на берегу рѣшительно всю свою одежду, вѣроятно для того, чтобы имъ не тяжело было плыть. Впрочемъ, зрѣлище это никого не удивляло, кромѣ насъ; здѣсь женщины нисколько не стыдятся купаться вмѣстѣ съ мущинами, и это ни мало не служитъ въ ущербъ ихъ нравственности. Когда мы сошли съ острова опять на Херсонскій берегъ, то двѣ дѣвушки вышли изъ воды, одѣлись и проводили насъ до города, въ которомъ тогда замѣтно было большое торговое движеніе; вездѣ былъ слышенъ сильный шумъ, повсюду народъ суетился, рабочіе, носильщики бѣгали въ разныя стороны. И здѣсь, какъ во всемъ этомъ краю, поводъ къ такому сборищу народа подаетъ продажа арбузовъ. Нѣсколько выше этого мѣста вся рѣка была покрыта множествомъ каботажныхъ судовъ. Эти суда нагружаются солью, которую привозятъ съ восточной стороны Крыма, и хлѣбомъ, сплавляемымъ въ Херсонъ по Днѣпру.

Херсонъ основанъ не болѣе, какъ лѣтъ пятьдесятъ назадъ. Первое основаніе этому городу положилъ князь Потемкинъ, который имѣлъ для него въ виду другое назначеніе. И въ самомъ дѣлѣ, по своему положенію, Херсонъ могъ бы быть складочнымъ мѣстомъ для всѣхъ произведеній средней Россіи, сплавляемыхъ

по Днѣпру. Вотъ почему, съ самаго начала, городъ этотъ былъ устроенъ въ обширныхъ размѣрахъ. Имя, данное ему въ воспоминаніе процвѣтавшей нѣкогда, по близости отсюда, древней Греческой колоніи, значитъ пустынное, невоздѣланное мѣсто.

Херсонъ дѣйствительно началъ было быстро разростаться, но такъ продолжалось не долго, только до основанія Одессы. Исключительныя привилегіи, дарованныя Одессѣ, остановили развитіе Херсона. Кораблямъ, приходящимъ изъ Средиземнаго моря, естественно лучше было останавливаться въ Одесской гавани, которая совершенно открыта, нежели въ Херсонской, куда надобно пробираться между отмелями Днѣпровскаго лимана, часто измѣняющими свое положеніе. Уже въ началѣ текущаго столѣтія упадокъ Херсона былъ ощутителенъ, такъ что еще въ 1802-мъ году нѣкоторые путешественники писали объ упадкѣ торговли въ этомъ городѣ, сначала имѣвшемъ столь много причинъ надѣяться на блестящую будущность.

Послѣдній ударъ нанесло Херсону то обстоятельство, что Одесса была объявлена вольною гаванью. Съ тѣхъ поръ въ Херсонъ стали приходить только тѣ корабли, которыхъ хозяева, сложивъ свой грузъ въ Одессѣ, имѣютъ намѣреніе дешевле купить шерсть и хлѣбъ, а потому не лѣнятся заходить въ Херсонъ, который гораздо ближе Одессы къ мѣстамъ, откуда эти товары доставляются. Теперь широкія улицы Херсона кажутся пустынными, такъ мало замѣтно въ нихъ людей, и при томъ онѣ вѣчно занесены пылью, или наполнены грязью. Въ нѣкоторыхъ кварталахъ довольно много магазиновъ, но магазины эти большею частью заперты. Вотъ настоящее положеніе Херсона! А между тѣмъ какую великую будущность готовилъ ему его основатель! Взгляните на грозные

валы крѣпости, на зданія адмиралтейства, еще уцѣлѣвшія, и вы поймете, что князь Потемкинъ почиталъ это мѣсто ключемъ великой рѣки, протекающей по южному краю Россіи. Прахъ Потемкина покоится въ Херсонѣ, въ небольшой приходской церкви. Онъ скончался, какъ мы уже сказали выше, внезапно; а какъ это случилось недалеко отъ Херсона, любимаго имъ города, то его и похоронили въ немъ.

Въ настоящее время, Херсонъ есть главный городъ губерніи того же имени, входящей въ составъ Новой-Россіи. По новѣйшимъ исчисленіямъ, жителей въ немъ тысячъ около двадцати. Городъ очень обширенъ, и раздѣляется на четыре квартала. Домовъ въ немъ считаютъ не менѣе трехъ тысячъ шести сотъ.

Мы намѣревались спуститься изъ Херсона въ Алешки водою, по одному изъ рукавовъ Днѣпра. Разстояніе между этими мѣстами считаютъ въ семнадцать верстъ. Говорятъ, что на этомъ пути много живописныхъ мѣстъ. Впрочемъ, по обоимъ берегамъ растутъ камыши, возвышающіеся какъ двѣ стѣны. Изъ Алешекъ мы думали ѣхать до Перекопа. Но г-нъ Вассалъ сказалъ намъ, что всѣ лошади съ тамошнихъ почтовыхъ станцій переведены на станціи Херсонской губерніи, потому что здѣсь ожидали со дня на день многочисленныхъ путешественниковъ, а потому мы выпуждены были ѣхать вдоль по Днѣпру до Берислава. По этой дорогѣ, намъ приходилось сдѣлать значительный крюкъ, за то на ней мы вездѣ могли найти лошадей.

Солнце еще не садилось, когда мы прибыли къ берегамъ Ингулеца, рѣки впадающей въ Днѣпръ и текущей между высокихъ, крутыхъ береговъ. Мы прибыли къ этой рѣкѣ по длинной аллеѣ, состоявшей изъ густыхъ ивъ, которыхъ верхушки сплелись надъ

дорогою. Эго мѣсто показалось намъ почти настоящимъ лѣсомъ въ сравненіи съ обнаженною, скучною степью, по которой мы ѣхали до тѣхъ поръ, и которая, при наступленіи ночи, принимала видъ все болѣе и болѣе печальный.

Часовъ въ восемь мы прибыли на станцію, гдѣ напились чаю и закусили кое-чѣмъ. Отсюда съ нами ѣхалъ какой-то генералъ, возвращавшійся изъ Вознесенска въ Крымъ. Часовъ въ двѣнадцать ночи мы проѣзжали черезъ Бериславъ, освѣщенный луною. Прибывъ на почтовый дворъ, содержимый Евреемъ, мы нашли его спящимъ со всею семьею на дворѣ. Пока успѣли разбудить его, прошло довольно долго; вмѣстѣ съ нимъ проснулось и все семейство, такъ что когда мы отправлялись, дворъ со всѣхъ сторонъ оглашался ужасными звуками испорченнаго Нѣмецкаго языка.

Проѣхавъ такимъ образомъ ночью черезъ Бериславъ, мы не успѣли хорошо осмотрѣть его, и потому можемъ сообщить объ немъ весьма немногое. Этотъ городъ стоитъ на обширной плоской возвышенности, у берега Днѣпра. Улицы въ немъ прямыя, правильно проведенныя, какъ и во всѣхъ городахъ южной Россіи. Бериславъ основанъ въ славное царствованіе Императрицы Екатерины Второй, когда Великая Монархиня старалась оградить безопасность новопокоренныхъ областей устройствомъ многочисленныхъ укрѣпленныхъ мѣстъ. То мѣсто, на которомъ устроили новый городъ, Татары называли прежде « Кизилькерманомъ », или « Красною-крѣпостью ». Къ Бериславу примыкаютъ пять важныхъ дорогъ. Одна идетъ изъ Перекопа; по этой дорогѣ привозятъ сюда очень много соли; двѣ другія дороги ведутъ въ Екатеринославскую губернію и въ землю Донскихъ казаковъ; четвертая тянется черезъ степи къ Полтавѣ и въ Украину. Наконецъ пятая дорога, та, по которой мы ѣхали, служитъ для сообщенія южной Россіи съ западною Европою и проходитъ черезъ Херсонъ, Николаевъ и Одессу.

Съ плоской возвышенности, на которой раскинутъ городъ, мы съѣхали по крутому спуску, къ пловучему мосту, перекинутому черезъ Днѣпръ, и описывавшему на рѣкѣ дугообразную линію. Переѣздъ былъ очень продолжителенъ. Между тѣмъ какъ лошади наши осторожно ступали по зыбкому мосту мы осматривали обширное пространство сѣрыхъ водъ, въ которыхъ отражались облака, гонимыя вѣтромъ. Это былъ все тотъ же древній Борисѳенъ, котораго живописное имя намекало на господство бурныхъ вѣтровъ. Но Борисѳенъ, со временъ Скиѳовъ такъ часто упоминаемый въ исторіи, утратилъ свое поэтическое имя, получилъ другое; впрочемъ, и не съ нимъ однимъ это случилось: точно такъ же Тирасъ сталъ называться Днѣстромъ, Гипанисъ Бугомъ, а Танаисъ Дономъ. Краснорѣчивые Греки, поэты во всѣхъ словахъ своего языка, созданнаго Гомеромъ, не подозрѣвали, что гармоническія имена, данныя ими разнымъ мѣстностямъ, будутъ со временемъ замѣнены суровыми названіями, почерпнутыми изъ грубыхъ сѣверныхъ нарѣчій.

Но возвратимся къ нашему мосту и вязкимъ, затопленнымъ берегамъ Днѣпра. Выбравшись на лѣвый берегъ рѣки, мы долго еще ѣхали по вязкой почвѣ, всюду залитой водою. На слѣдующей станціи, весьма недалеко отстоящей отъ Берислава, мы вдругъ повернули къ югу и отсюда уже все прямо ѣхали до самаго Перекопа и узкаго перешейка, соединяющаго Тавриду съ южною Россіею.

Сентября 14-го мы прибыли въ Перекопъ — ключь

отъ Крымскаго полуострова. Перекопъ, по настоящему, нельзя назвать городомъ: это просто большая деревня.

Прежде чѣмъ Таврида сдѣлалась Русскою областью, деревня эта носила напыщенное восточное имя *Оръ-Гапи*, то есть «Царскія врата». Такъ Татары называли входъ въ ничтожное укрѣпленіе, прикрывавшее полуостровъ и соединявшее оба моря. Въ Перекопъ мы въѣхали по мосту, перекинутому черезъ ровъ, довольно глубокій, но уже начинающій обваливаться. Въ этомъ городѣ только одна улица, чрезвычайно широкая. Съ права и съ лѣва мы видѣли довольно много домовъ, очень далеко другъ отъ друга отстоящихъ; всѣ они въ одинъ этажъ, и покрыты тесомъ или камышемъ. Впрочемъ, не смотря на бѣдную внѣшность, эта деревня очень важна по своему мѣстоположенію. Она отдѣляетъ Крымъ отъ остальной Россіи и замыкаетъ входъ въ него. Въ Перекопѣ находится главная таможня; здѣсь складочное мѣсто огромнаго количества соли, добываемой изъ сосѣднихъ морей и изъ озеръ, находящихся внутри полуострова. Все это, однакожь, нисколько не содѣйствуетъ къ оживленію степей, простирающихся вокругъ Перекопа, которыя, какъ по всему видно, нѣкогда составляли дно моря. Геродотъ, Страбонъ, Плиній единогласно предполагали, что Таврида въ древнѣйшія времена составляла островъ, и свойство здѣшней почвы оправдываетъ это предположеніе. Перешеекъ такъ низменъ, что изъ середины его кажется, какъ будто стоишь ниже морей, видныхъ съ обѣихъ сторонъ, потому что весь перешеекъ имѣетъ лишь семь верстъ ширины. Сивачь находится на востокѣ его, Черное море на западѣ. Взгляните на карту полуострова и васъ поразитъ различіе, существующее между очертаніемъ двухъ этихъ

морей. Гнилое море, съ стоячею водою и берегами низменными, представляетъ по краямъ своимъ множество странныхъ, измѣнчивыхъ вырѣзокъ.

Въ Перекопѣ, кромѣ должностныхъ лицъ, живетъ довольно много Евреевъ, отличающихся чрезвычайною неопрятностью. По увѣренію нѣкоторыхъ путешественниковъ, Гнилое море, находящееся очень близко къ Перекопу, распространяетъ вокругъ него вредныя испаренія. Но въ сочиненіи г-на Монтандона, заслуживающемъ всякое вѣроятіе, и о которомъ мы уже говорили, находимъ противное. Этотъ писатель утверждаетъ, что не смотря на всѣ предубѣжденія, онъ нашелъ воздухъ въ Перекопѣ весьма здоровымъ. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ то, что Гнилое море, о вредномъ вліяніи котораго мы разсуждать не имѣемъ надобности, доставляетъ поводъ къ большому торговому движенію во всей этой странѣ. По берегамъ его и въ сосѣднихъ озерахъ добывается большое количество соли, доставляющей значительный доходъ казнѣ. Соль эту собираютъ лѣтомъ и потомъ разсылаютъ по всѣмъ направленіямъ, даже въ самую внутренность имперіи. Намъ нерѣдко случалось встрѣчать обозы съ солью, но нигдѣ мы ихъ не видали въ такомъ количествѣ какъ въ Перекопѣ. При томъ здѣсь они представляютъ даже много живописнаго: это просто четырехколесные степные флоты. У Крымскихъ Татаръ существуетъ особенный обычай, запрягать въ тѣлеги верблюдовъ, которые здѣсь достигаютъ огромныхъ размѣровъ и принадлежатъ къ особенной, прекрасной породѣ. Они вообще очень кротки и послушны своимъ хозяевамъ; однакожь бывали примѣры, что, разсердившись, они иногда умерщвляли своихъ вожатыхъ. Нельзя не замѣтить, что обозы, состоящіе изъ тѣлегъ, запряжен-

ныхъ двумя верблюдами, представляютъ что-то величественное: оба сильныя животныя идутъ ровнымъ, медленнымъ шагомъ и безъ малѣйшаго усилія влекутъ тяжело нагруженную Татарскую « маджіару ». Это четырехколесная фура, съ крѣпкими стѣнками, прикрытыми толстымъ верблюжьимъ войлокомъ. Простой, безъискуственный видъ этихъ повозокъ внушаетъ невольно мысль, что онѣ изобрѣтены еще въ глубокой древности и можетъ быть заимствованы отъ кочевыхъ Скиѳовъ, которымъ служили жилищемъ. *Quorum plaustra vagas rite trahunt domos*, говоритъ Горацій. И теперь еще Ногайскіе Татары предпочитаютъ кочевыя кибитки постояннымъ жилищамъ.

Изъ Перекопа мы быстро доѣхали до « Армянскаго-Базара ». Это мѣсто, какъ видно и по имени его, есть рынокъ, содержимый Армянами. Здѣсь собраны и продаются всѣ вещи, въ которыхъ могутъ имѣть надобность ямщики и извощики. Это заведеніе очень полезное и ему предстоитъ, по всей вѣроятности, цвѣтущая будущность.

Отсюда опять въѣзжаешь въ степь и съ недоумѣніемъ спрашиваешь себя: гдѣ же мы найдемъ эту живописную Тавриду, которую, когда говоришь о ней, то невольно находишь себя вынужденнымъ сравнивать ее и съ Швейцаріей, и съ Италіей? Дѣло въ томъ, что лучшая часть полуострова находится по ту сторону горъ.

Не раздѣляя мнѣнія, нѣсколько сатирическаго, высказаннаго однимъ Англійскимъ путешественникомъ, который сравниваетъ Крымъ съ развернутымъ плащемъ, а южную половину его, составляющую прекрасный садъ, съ узкою каймою этого плаща, мы скажемъ, съ своей стороны, что хотя природа и дала въ удѣлъ Крыму только узкую полосу прекрасныхъ мѣстъ,

за то эта полоса представляетъ въ своемъ родѣ истинное совершенство. Кажется, будто природа съ намѣреніемъ помѣстила на краю безконечныхъ грустныхъ равнинъ, эту очаровательную цѣпь скалъ и зелени, точно для того, чтобы люди, пріѣзжающіе изъ отдаленныхъ степей, могли хоть однажды въ жизнь насладиться зрѣлищемъ прекрасныхъ горъ, величественныхъ лѣсовъ и ручьевъ, игриво струящихся.

И такъ, почти до самаго Симферополя, то есть безъ малаго на разстояніи двухъ третей полуострова, все еще тянется равнина, изрѣдка представляющая жилыя мѣста, покрытая ѣдущими въ разныя стороны обозами и многочисленными курганами, очевидно расположенными такъ, что съ ихъ помощію могли быть передаваемы извѣстія. И въ самомъ дѣлѣ, мы замѣтили нѣсколько рядовъ, содержавшихъ отъ четырехъ до семи такихъ кургановъ, которые всѣ были расположены въ особенномъ направленіи. Недавно въ генеральномъ штабѣ составлена прекрасная карта Россіи; не знаю отмѣтили ли искусные офицеры, составлявшіе означенную карту, эти курганы, которыми они, вѣроятно, не разъ пользовались при своихъ тріангуляціяхъ какъ основными точками. Если бы существовала спеціальная карта, въ которой были бы означены эти возвышенности, разсѣянныя въ такомъ огромномъ количествѣ по Дону, въ Тавридѣ, даже по сосѣдству съ Дунаемъ, на предѣлахъ Польши, а иногда и на сѣверѣ Россіи, то эта карта, безъ всякаго сомнѣнія, представила бы много любопытнаго и заслуживающаго изученія. Были ли эти курганы просто могилами, или служили въ древности для какого нибудь неизвѣстнаго употребленія, тѣмъ не менѣе въ Крымской степи и теперь еще умѣютъ извлекать изъ нихъ пользу. Пастухи, желая собрать разсѣявшихся лошадей и

верблюдовъ, всходятъ на вершину кургана и оттуда, на далекое разстояніе, могутъ видѣть, гдѣ находится ихъ скотина и что съ нею дѣлается. Недавно еще эти же курганы доставили большую выгоду при учрежденіи телеграфической линіи, проведенной черезъ полуостровъ.

Мы приближались къ цѣли нашего путешествія; вдали виднѣлись передъ нами южныя Крымскія горы; можно было даже различить нѣкоторыя вершины, уже знакомыя намъ. Впрочемъ, мы далеко опередили всѣхъ другихъ, попавшихся намъ на дорогѣ проѣзжихъ. Хотя на станціяхъ и случались задержки, на которыя, однакожь, никто не жалуется, такъ онѣ вошли въ обычай; за то ямщики, поощряемые убѣжденіями, понятными безъ изустныхъ толкованій, наверстывали для насъ утраченное время и гнали лошадей съ быстротою, иногда въ полномъ смыслѣ слова ужасною. Не смотря на всѣ предосторожности, принимаемыя нами на каждой станціи, мы безпрестанно опасались, чтобы не вспыхнула ось у нашего легкаго экипажа. Къ пяти часамъ, небольшія купы деревьевъ и зелени возвѣстили намъ о томъ, что мы находимся въ малой Салгирской лощинѣ; нѣсколько минутъ спустя, мы перебрались черезъ русло, почти изсохшее, этой маленькой рѣчки, и наконецъ, по широкой дорогѣ, проложенной по лугамъ, прибыли въ Симферополь. Улицы этого города истинно огромныя, примыкаютъ къ церкви, отличающейся затѣйливою архитектурою, но выстроенной изъ матеріаловъ весьма непрочныхъ. И здѣсь, какъ въ Херсонѣ, мы едва могли найти бѣдную гостинницу, содержимую какимъ-то Нѣмцемъ. Ужинъ подали намъ такой же плохой какъ въ Николаевѣ, только мы ждали его еще долѣе, и попытавшись утолить голодъ, легли спать на уз-

кихъ деревянныхъ скамьяхъ, прикрытыхъ сѣномъ. Впрочемъ, скажемъ однажды навсегда, что тоже самое повторяется и во всѣхъ гостинницахъ въ Крыму, украшенныхъ обманчивою вывѣскою съ надписью: *трактиръ*.

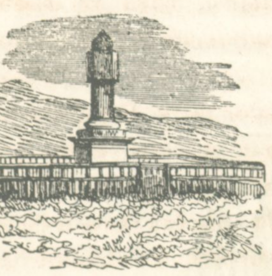
Въ пятницу $^{3}/_{15}$-го сентября былъ день, опредѣленный для общаго сбора нашего кочеваго товарищества. Мѣстомъ съѣзда были назначены или Эвпаторія, или Козловъ, лежащій на западномъ берегу Крыма. Эти мѣста я находилъ удобными для отсылки моремъ нашихъ коллекцій. Прежде всѣхъ на сборное мѣсто въ Козловъ явились наши натуралисты. Извѣстясь объ этомъ, и мы, немедля ни мало, отправились туда же. На этотъ разъ мы принуждены были оставить въ Симферополѣ нашъ разбитый экипажъ и отправиться въ тѣлегѣ, чрезвычайно безпокойной. Отъ Симферополя до того города, куда мы ѣхали, считается семдесятъ двѣ версты; дорога тянется по обнаженной плоской возвышенности, которая на протяженіи двухъ третей идетъ покато. Восемь верстъ ѣхали мы по Перекопской дорогѣ, а потомъ повернули къ перекрестку, на которомъ стоитъ высокій столбъ, поставленный еще въ то время, когда Екатерина Вторая посѣщала здѣшній край. Какъ поверстные столбы разставлены на всѣхъ дорогахъ имперіи, такъ на всемъ пространствѣ, по которому проѣзжала Императрица, на каждыхъ десяти верстахъ поставлено по каменному столбу.

Ѣхали мы съ чрезвычайною быстротою, и съ нами повторилось тоже самое приключеніе, о которомъ выше уже было расказано. Именно, у насъ соскочило одно колесо и мы протащились довольно далеко на боку, прежде чѣмъ ямщикъ убѣдился, что у него не все въ добропорядочномъ состояніи. На вершинѣ пло-

X.

КОЗЛОВЪ. — СИМФЕРОПОЛЬ. — КАРА-СУ-БАЗАРЪ. — ѲЕОДОСІЯ.

Городъ Козловъ, также какъ и многіе другіе города Таврическаго полуострова, извѣстенъ въ Крыму подъ тремя названіями, наложенными на него измѣнчивою исторіею этой страны. Татары основавшіе, какъ видится, этотъ приморскій городъ, и долго имъ владѣвшіе, называютъ его Гуцловомъ или Гейцлевомъ. Происхожденіе этого названія объяснить не возможно. Восточная географія, столь обильная названіями, имѣющими значеніе, на этотъ разъ измѣнила своей обычной ясности. По завоеваніи Крыма Русскими, многимъ

мѣстамъ этого полуострова были возвращены, по возможности, ихъ историческія названія; что же касается до городовъ, которыхъ и слѣды уже изгладились, то Русское правительство хотѣло, по крайней мѣрѣ, сохранить эти города отъ совершеннаго забвенія, давъ ихъ имена какимъ нибудь новымъ мѣстамъ. Такимъ образомъ Одесса и Севастополь наслѣдовали историческія имена, хотя находятся, по свидѣтельству антикваріевъ, довольно далеко отъ мѣстъ, которыя занимали древніе города того же имени. По той же причинѣ Гуцловъ, о которомъ древніе географы нигдѣ не упоминаютъ, названъ Эвпаторіею, въ память Эвпаторіи, города, существовавшаго во времена Митридата *Эвпатора*, на границахъ небольшаго Гераклеотическаго полуострова, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится деревня Инкерманнъ. Впрочемъ, прекрасное Греческое имя не воспрепятствовало этому Татарскому городу сохранить въ народѣ свое старое названіе Гейцлева или Гуцлова, изъ котораго Русскіе сдѣлали Козловъ. Послѣднее названіе теперь стало самымъ употребительнымъ въ общенародномъ языкѣ, хотя въ оффиціальныхъ актахъ ставится обыкновенно только новое Греческое названіе.

Видно, что Козловъ былъ нѣкогда у Татаръ значительнымъ городомъ. Прекрасныя мечети его, украшенныя двадцатью минаретами, роскошныя бани, базары и ремесленныя заведенія доставляли ему возможность успѣшно соперничествовать съ Бахчи-Сараемъ и Кара-су-Базаромъ, производительными городами ханскихъ областей. Въ гавань Козлова всегда приходило изъ Константинополя множество судовъ, нагруженныхъ разными товарами. Правда, что гавань эта худо укрыта, и въ ней корабли подвергаются иногда опасности, но подобныя неблагопріятныя условія не

могли испугать мусульманскихъ мореходцевъ, которые во всякихъ несчастіяхъ утѣшаютъ себя слѣдующими словами: *такъ было предопредѣлено!*

Нѣкогда, какъ увѣряютъ, Козловъ находился въ цвѣтущемъ состояніи; теперь, однакожь, надобно сознаться, что объ этомъ процвѣтаніи его свидѣтельствуютъ только однѣ развалины. Онъ занимаетъ большое пространство; но улицы въ немъ узкія, неправильныя, домы низкіе, обветшалые, стѣны полуразвалившіяся, сады и огороды невоздѣланные. Есть одинъ только кварталъ, содержащій нѣсколько базаровъ, гдѣ вяло производится кое-какая торговля, есть небольшое количество ремесленныхъ заведеній, доставляющихъ издѣлія, покупаемыя лишь одними жителями этого упавшаго города: сюда принадлежатъ разныя войлочныя и сафьянныя издѣлія. Здѣсь поселилось нѣсколько Евреевъ Караимовъ, которые всѣ почти безъ исключенія хорошіе золотыхъ дѣлъ мастера; они умѣютъ превосходно дѣлать разныя убранства, требуемыя Татарками и Еврейками. Жить въ Козловѣ дешево и не смотря на малочисленность жителей, съѣстныхъ припасовъ въ немъ очень много. Настоящія причины упадка, какому подвергся Козловъ, заключаются въ сильномъ развитіи Одесской торговли и въ распространеніи каботажнаго судоходства около Севастополя. Замѣтимъ также, не смотря на могущія встрѣтиться противорѣчія, что климатъ берега, на которомъ стоитъ Козловъ и сосѣдство соляныхъ Сакскихъ озеръ не могутъ быть благопріятны для здоровья здѣшнихъ жителей. Хотя мы и соглашаемся безусловно, что грязи этихъ озеръ дѣйствительно излечиваютъ нѣкоторыя болѣзни, однакожь никакъ не думаемъ, чтобы испаренія ихъ могли быть столь же полезны. Во время нашего непродолжительнаго пребыванія въ Козловѣ,

мы легко замѣчали, по многимъ признакамъ, что жители его часто подвергаются эпидемическимъ лихорадкамъ. Впрочемъ, при наступленіи равноденствія и въ слѣдствіе непостоянства температуры, во многихъ другихъ мѣстахъ обнаруживаются точно такія же явленія.

Сентября 16-го во весь день мы принуждены были сидѣть взаперти. Температура воздуха была удушливая, порывы вѣтра ужасные, тучи шли такія темныя, тяжелыя, что намъ едва удалось слегка обозрѣть окрестности только нашего жилища. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ ревѣло море, волны его безпрерывно болѣе и болѣе размывали берегъ, на которомъ стоятъ лучшіе Козловскіе домы. На этомъ берегу, столь слабо защищенномъ отъ волнъ, недавно устроили деревянное зданіе для складки товаровъ; къ этому зданію могутъ подходить лишь большія шлюбки и брать грузъ; но корабли вынуждены стоять очень далеко отъ берега на якорѣ. Такое положеніе кораблей, весьма неудобное при сѣверо-западныхъ вѣтрахъ, становится чрезвычайно опаснымъ въ то время, когда дуютъ, съ нѣкоторою силою, вѣтры южные и юго-восточные. Въ тотъ день, о которомъ мы говоримъ, передъ Козловымъ стояло на якорѣ десять бриговъ, довольно большихъ; они находились, по видимому, въ положеніи самомъ неблагопріятномъ, не смотря на то, что буря была еще не очень сильная.

На слѣдующее утро мы обошли большую часть города. Лучшее зданіе въ немъ составляетъ обширная мечеть, называемая *Джума-Джамаи*. Это величественное зданіе увѣнчано смѣлымъ куполомъ, вокругъ котораго возвышается еще шестнадцать малыхъ куполовъ. Стѣны его очень толсты, окна узкія, стрѣльчатыя, въ Византійскомъ вкусѣ. При мечети находятся

два минарета, но верхушки ихъ сломаны вѣтромъ и обломки еще валяются вокругъ нихъ. Эта мечеть, самая прекрасная и обширная во всемъ Крыму, была выстроена въ 1522 году ханомъ Девлетъ-Гиреемъ, что доказывается актомъ, въ ней сохраняющимся и на которомъ подписались одинъ за другимъ всѣ осьмнадцать хановъ, властвовавшихъ послѣ того въ Крыму до присоединенія этого полуострова къ Россіи. И такъ этотъ бренный листъ пергамена пережилъ династію Гиреевъ и владычество мусульманское!

Лучшее общество города Козлова состоитъ изъ нѣсколькихъ Караимовъ и знатныхъ Татаръ, которые по цѣлымъ днямъ сидятъ у дверей кофеенъ съ трубками во рту. Женщины живутъ здѣсь въ совершенномъ заключеніи. Впрочемъ хозяинъ нашъ, человѣкъ весьма угодливый, доставилъ намъ возможность взглянуть на одну изъ этихъ затворницъ. Это была жена какого то купца, состоявшаго въ пріязненныхъ отношеніяхъ съ нашимъ хозяиномъ и вѣроятно не слишкомъ строго держащагося восточныхъ обычаевъ, потому что онъ безъ особенныхъ затрудненій согласился показать намъ свою хозяйку. Если судить по этому образцу, то Козловскія женщины заслуживаютъ всякую похвалу, потому что та, которую намъ удалось видѣть, была въ полномъ смыслѣ красавица. Ея черные густые волосы были перевязаны шелковымъ платкомъ; глаза у нея были чрезвычайно свѣтлые, взоръ кроткій, головка миловидная, шея отличалась необыкновенною бѣлизною. На ней было платье, сшитое въ видѣ шлафрока, и плотно прилегавшее къ тѣлу, узенькій галстучекъ, покрытый золотымъ и серебрянымъ шитьемъ, шаровары и сафьянныя туфли. Хотя мы взошли къ ней невзначай, однакожь она не смутилась; но къ вели-

чайшему нашему неудовольствію очень скоро ушла въ другія комнаты.

Въ воскресенье $\frac{5}{17}$-го сентября надобно было готовиться къ отъѣзду. Тяжелые ящики наши съ коллекціями оставили мы для пересылки одному изъ Козловскихъ негоціантовъ и взяли крытую повозку для нашего больнаго. Передъ выѣздомъ изъ города, мы осматривали производимое здѣсь сверленіе артезіанскаго колодезя. Работа была уже совсѣмъ почти окончена, ожидали только присылки изъ Одессы трубъ.

Цѣлыя тридцать пять верстъ ѣхали мы безъ малѣйшей остановки; наши тѣлеги, состоявшія подъ надзоромъ Михаила Барба-Кристи, неслись вскачь, а г. Гюо ѣхалъ позади, въ кибиткѣ и потихоньку. На станціи, въ бѣдной деревушкѣ Тулатѣ, не оказалось достаточнаго количества лошадей; а потому пришлось прибѣгнуть къ пособію Татаръ; иначе мы не имѣли бы возможности доѣхать до Симферополя; между тѣмъ однакожь, пока шли съ Татарами переговоры, у насъ пропало четыре часа времени. Наконецъ намъ удалось нанять двѣ длинныя, узкія, крытыя камышевыя повозки, на огромныхъ колесахъ, запряженныя тощими, слабосильными лошадьми. Въ нихъ мы усѣлись рядами и отправились уже вечеромъ. Все небо было покрыто тучами, вскорѣ пошелъ дождь, превратившійся мало по малу въ ливень; потомъ поднялась страшная буря, сопровождаемая градомъ и снѣгомъ, который таялъ на нашемъ платьѣ и промочилъ насъ до костей; повозки наши наполнились холодною водою и мы сидѣли въ нихъ какъ въ ваннахъ; вся равнина превратилась въ грязное озеро, въ которомъ мы увязали на каждомъ шагу. Такъ мы продолжали ѣхать до двѣнадцати часовъ ночи; но наконецъ

однакожъ прибыли въ Симферополь, гдѣ, послѣ всѣхъ этихъ бѣдствій, были вынуждены улечься на голомъ холодномъ полу тамошней единственной гостинницы.

На слѣдующее утро мы представлялись гражданскому губернатору Тавриды, г-ну Муромцеву, который принялъ насъ весьма привѣтливо, не смотря на то, что былъ очень занятъ приготовленіями къ пріему Августѣйшей фамиліи. Кромѣ того мы имѣли удовольствіе познакомиться здѣсь съ ученымъ профессоромъ, г-мъ Стевеномъ, который, подобно тому какъ нѣкогда Палласъ, живетъ въ Крыму въ пріятномъ уединеніи, посвящая свое время исключительно наукамъ. При постоянномъ трудѣ, г. Стевенъ успѣлъ составить полный травникъ Тавриды и богатую энтомологическую коллекцію. Не лишнимъ считаемъ упомянуть также о кабинетѣ г-на Казначеева, въ которомъ собраны разныя раковины Чернаго моря и кости замѣчательнѣйшихъ ископаемыхъ животныхъ, находимыхъ въ Крыму.

Къ югу отъ Симферополя, на сѣверномъ скатѣ сосѣднихъ горъ, находится мѣстечко Сабли, гдѣ естествоиспытатели, желающіе имѣть вѣрное понятіе о естественныхъ произведеніяхъ этого края, могутъ достаточно удовлетворить своему любопытству. Сабли есть обширное помѣстье, состоящее изъ нѣсколькихъ селъ съ лѣсами, воздѣланными пашнями и прочими принадлежностями. Вся его совокупность представляетъ очень много схожаго съ помѣстьями во Франціи. Здѣсь есть даже, какъ при Французскихъ помѣстьяхъ, прекрасный замокъ и чудесная каштановая аллея. Тѣ изъ крестьянъ этого помѣстья и принадлежащихъ къ нему селъ, которые не занимаются земледѣліемъ, выдѣлываютъ холсты, сукна и горшки.

Между тѣмъ дни дѣлались короче и приближеніе суровой поры года уже становилось ощутительнымъ; ночью и утромъ шли холодные дожди, которыми обыкновенно сопровождается осеннее равноденствіе. Однакожь, не заботясь объ этихъ грустныхъ предвѣстникахъ ненастья, мы рѣшились осмотрѣть Чатыръ-Дагъ, потому что на немъ надѣялись найти многое, достойное изслѣдованія и наблюденія.

Такимъ образомъ мы пустились въ путь снова верхомъ на Татарскихъ лошадяхъ, и почитали себя счастливыми, что могли добыть этихъ лошадей для проѣзда по горнымъ дорогамъ. Дѣйствительно здѣсь лучше всего ѣхать верхомъ, тѣмъ болѣе, что Татарскія лошади чрезычайно пригодны для подобной ѣзды; онѣ легки, послушны, неутомимы, идутъ весьма осторожно по мѣстамъ опаснымъ, а на гладкой, прочной почвѣ тотчасъ пускаются во всю прыть. Сперва мы взъѣхали на Кильбурунъ, гору уже довольно высокую и величественную; въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него переѣхали черезъ рѣку Салгиръ, по Джольмскому мосту, и видѣли не вдалекѣ оттуда развалины, извѣстныя подъ именемъ *Эски-Сарая*, что на Татарскомъ языкѣ значитъ «Старый дворецъ.» По увѣренію туземцевъ, развалины эти составляютъ остатки дворца начатаго Ханами, только недостроеннаго. Но если вѣрить ученому Палласу, историку, географу и натуралисту Тавриды, которую онъ изучалъ съ особенною къ ней любовью, то стѣны Эски-Сарая, еще до сихъ поръ не упавшія, суть не иное что, какъ остатки небольшаго Генуэзскаго укрѣпленія. У насъ не было достаточнаго досуга, чтобы рѣшить, которое изъ двухъ показаній вѣрнѣе, — преданіе ли мусульманское, или остроумная гипотеза ученаго Палласа; впрочемъ мы не имѣли въ виду и данныхъ, необходимо нужныхъ для такаго рѣшенія.

Послѣ того мы видѣли мѣстечко *Султанъ-Махмутъ*, украшенное высокимъ минаретомъ, возносящимся изъ среды садовъ, и наконецъ *Чавки*, деревню, лежащую уже очень высоко на крутомъ скатѣ большой цѣпи горъ, поверхъ которыхъ возносится Чатыръ-Дагъ, особенно замѣчательный своимъ правильнымъ рѣзкимъ очертаніемъ.

Объѣхавъ вокругъ подошвы Чатыръ-Дага, на который мы намѣревались взобраться съ южной его стороны, мы остановились на ночь въ *Корбекѣ*. Это Татарская деревня, выстроенная въ живописномъ, величественномъ мѣстоположеніи. Изъ Корбека видно море, Алуштская лощина, простирающаяся, въ видѣ огромнаго рва, до самаго морскаго берега, и наконецъ самая Алушта, большое Татарское село, которое сторожитъ, какъ передовой караульный, входъ въ этотъ исполинскій оврагъ.

Еще не разсвѣтало какъ мы уже начали взбираться на Чатыръ-Дагъ; съ этой стороны скатъ его еще довольно отлогъ, такъ что можно очень долго ѣхать на лошадяхъ, которыя вездѣ идутъ вѣрною поступью, совершенно безопасною для всадника. Проѣхавъ мимо цвѣтущихъ, плодородныхъ садовъ, мимо луговъ, обильно покрытыхъ травою, и наконецъ, пробравшись черезъ обширный лѣсъ, мы достигли верхнихъ откосовъ горы, гдѣ деревья появлялись уже только отдѣльными купами. Намъ приготовили мѣсто для отдыха, укрытое отъ холоднаго вѣтра, дующаго съ моря; здѣсь Татары, понукаемые проводникомъ, устроили шалашъ, который защитилъ насъ не только отъ вѣтра, но и отъ испареній, обыкновенно распространяющихся вокругъ вершины Чатыръ-Дага при закатѣ солнца. Было не совсѣмъ еще темно: время, пока не наступила ночь, мы употребили на охоту, пытаясь стрѣлять коршуновъ, которые въ это время возвращались въ свои гнѣзда, устроенныя въ углубленіяхъ сосѣдственныхъ скалъ. Охота эта была сопряжена со множествомъ затрудненій, и въ ней мы не имѣли никакой удачи: эти дикія птицы могутъ быть убиты не иначе какъ пулею, и летаютъ такъ высоко, что обыкновенное ружье до нихъ не хватаетъ. Лучшіе Татарскіе стрѣлки, поощряемые обѣщаніемъ щедрой награды, пытались также стрѣлять, но равнымъ образомъ безъ успѣха, такъ что воздушные хищники не потерпѣли отъ нашихъ выстрѣловъ ни малѣйшаго вреда, и громъ залповъ только возмущалъ на минуту ихъ спокойствіе.

Между тѣмъ нашъ неутомимый геологъ, желая воспользоваться нѣсколькими минутами времени, пока еще не совсѣмъ смерклось, отправился осматривать нѣкоторыя скалы, возвышавшіяся довольно далеко отъ мѣста, гдѣ мы остановились. Спустившись въ огромный оврагъ, онъ вскорѣ исчезъ изъ глазъ нашихъ. Прошло довольно много времени, наступила уже совершенная ночь, а г. Гюо все еще не возвращался. На разсвѣтѣ мы начали объ немъ безпокоиться, потому что не слыхали отъ него отвѣта на всѣ наши сигналы. Впрочемъ, мы полагали, что можетъ быть онъ пріютился гдѣ нибудь въ пастушьемъ шалашѣ, которыхъ по скатамъ горъ всегда бываетъ довольно много. По этой причинѣ мы успокоились, и начали взбираться далѣе на гору. На вершину ея, представляющую площадь довольно обширную, взошли мы рано утромъ по узкимъ, весьма крутымъ тропинкамъ. Бока горы состоятъ изъ сѣроватаго известняка, изборожденнаго темными жилами, довольно рыхлаго, издававшаго, при дѣйствіи на него солнечныхъ лучей, паръ, отличавшійся непріятнымъ запахомъ. Плоскость, простирающаяся на вершинѣ горы, представляетъ

пространство, совершенно безплодное, довольно покатое къ сѣверо-востоку. Чатыръ-Дагъ измѣренъ уже нѣсколько разъ наблюдателями, вполнѣ заслуживающими довѣрія. Вообще можно принять, что высота его надъ уровнемъ моря простирается, съ западной стороны, до 1580 метровъ (724 сажени), а съ восточной до 1510 метровъ; это составляетъ 70 метровъ (32 сажени) разницы между обоими краями. Но издали край болѣе высокій, простирающійся на довольно обширное пространство, виднѣе, а потому верхушка горы кажется плоскостью горизонтальною. Подобно всѣмъ горамъ такой формы, Чатыръ-Дагъ пресѣкаетъ движеніе паровъ, образующихъ, посредствомъ сгущенія своего, тучи, которыя такимъ образомъ иногда скопляются въ видѣ бѣловатой массы вокругъ его вершины. Татары, зная по опыту, какія слѣдствія имѣетъ подобное явленіе, при видѣ его всегда ожидаютъ дождя. «Будетъ дождь, говорятъ они, Чатыръ-Дагъ *надѣлъ колпакъ.*»

Утренній туманъ еще не совсѣмъ разсѣялся, но мы уже ясно могли видѣть прекрасную панораму, развивавшуюся вокругъ насъ на весьма далекое разстояніе. Съ одной стороны простиралась темная равнина степи, гдѣ взоръ не находилъ никакого предмета, на которомъ бы могъ остановиться, — съ другой море тихое, гладкое, какъ обширное озеро; ближе, повсюду вокругъ насъ возвышались гряды горъ и холмовъ, постепенно понижавшіяся до равнинъ, простирающихся у ихъ подошвы. При этомъ, попеременно, то набѣгали облака, закрывавшія солнце, то вдругъ солнце, освободясь отъ нихъ, осыпало своими лучами всѣ эти картины, передъ нами разстилавшіяся.

Древніе называли эту гору *Берозусомъ*; но кромѣ того Греки давали еще имя *Трапезоса* какой-то горѣ, находившейся въ Тавридѣ; можетъ быть оба имя были даны одной и той же горѣ — Чатыръ-Дагу. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что здѣсь нѣтъ ни одной горы, которой вершина представляла бы такое сходство съ геометрическою трапеціею, какъ вершина Чатыръ-Дага. Самое Татарское названіе, сложенное изъ двухъ словъ «шатеръ» и «гора», очень близко подходитъ къ идеѣ, на которой основано сравненіе Грековъ. Впрочемъ, многіе, весьма достойные уваженія, ученые не согласуются на счетъ настоящаго мѣста, гдѣ была гора «Трапезосъ.» Нѣкоторые изъ нихъ даже полагаютъ, что она находилась близь Балаклавы; точно такимъ же образомъ въ наше время трудно добраться, гдѣ былъ Кріу-Метопонъ, или Бараній лобъ, одинъ изъ мысовъ Таврическаго полуострова, наиболѣе знаменитыхъ у древнихъ Грековъ.

Спускъ съ горы, въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы начали сходить съ нея, такъ крутъ, что даже сопряженъ съ опасностью. Но мы искали на этомъ скатѣ узкой террассы, съ которой можно было пройдти въ большую пещеру. Пещера эта вполнѣ не извѣстна, такъ она обширна и такъ много въ ней разныхъ переходовъ; но она замѣчательна тѣмъ, что въ ней находятся огромныя массы льда, сохраняющагося изъ году въ годъ, отъ одной зимы до другой. Мы осмотрѣли только первую залу, представляющую величественное подземелье, котораго своды простираются до пятидесяти футовъ въ вышину.

Вечеромъ мы опять всѣ собрались въ деревнѣ Корбекъ; г. Гюо пришелъ туда прежде насъ, совершенно изнемогшій отъ усталости. Спускаясь къ скаламъ, которыя онъ хотѣлъ осмотрѣть наканунѣ, онъ не замѣтилъ, что на пути къ нимъ находился еще глубокій оврагъ, наполненный множествомъ большихъ деревьевъ. Едва вступилъ онъ въ этотъ лѣсъ, какъ

уже сдѣлалось совершенно темно; онъ хотѣлъ воротиться, но не могъ отыскать дороги. Не имѣя съѣстныхъ припасовъ и никакаго оружія, кромѣ тяжелыхъ молотковъ, онъ сначала нѣсколько встревожился своимъ положеніемъ; но по счастію ему удалось развести огонь. Мѣсто, гдѣ онъ остановился, было дикое, пустынное; кругомъ находилось множество дупловатыхъ деревъ, столь старыхъ, что, казалось, онѣ готовы уже повалиться. На землѣ лежалъ огромный стволъ, по видимому, уже очень давно упавшій; его-то и зажегъ нашъ заблудившійся геологъ; всю ночь грѣлся онъ у этого огня, но ни на минуту не заснулъ, опасаясь волковъ. И дѣйствительно волки здѣсь опасны; по этому туземные пастухи вынуждены держать огромное количество большихъ и весьма злыхъ собакъ. Нашъ неосторожный товарищъ зналъ это, и потому постоянно былъ на сторожѣ. Впрочемъ, благодаря Бога, ему не пришлось раскаяваться въ своемъ отважномъ поступкѣ; его навѣщали только многочисленныя хищныя птицы, привлеченныя блескомъ огня, вокругъ котораго онѣ летали съ крикомъ. Наступившій день возвратилъ усталому г. Гюо если не силы, по крайней мѣрѣ надежду; прибывъ прежде насъ въ Корбекъ, онъ почелъ себя очень счастливымъ, что добрые Татары не отказали ему въ гостепріимствѣ, въ которомъ онъ имѣлъ большую надобность.

По той же дорогѣ, по которой ѣхали къ Чатыръ-Дагу, мы воротились опять въ Симферополь, гдѣ немедленно занялись приготовленіями къ поѣздкѣ по восточной части полуострова.

Мы уже прежде исчислили все, чѣмъ Симферополь достопримѣчателенъ; остается сказать объ немъ еще немногое. Это собственно двойной городъ; можно

даже сказать, что онъ состоитъ изъ двухъ городовъ, тѣсно между собою соединенныхъ. Построеніе новаго Симферополя не нанесло ущерба старому *Акъ-Метшету*, то есть «бѣлой мечети», какъ его и теперь еще называютъ Татары. Вотъ почему оба города живутъ въ добромъ согласіи; каждый по братски выбралъ себѣ свою долю: новый городъ взялъ на свой пай прекрасные казармы, обширный и величественный гошпиталь, красивыя церкви, скопированныя съ Римскихъ памятниковъ; старый оставилъ за собою грязныя изрытыя улицы, базары и Татарскія ремесленныя заведенія. Въ этомъ же городѣ цѣлая улица предоставлена Евреямъ, улица широкая, съ обѣихъ сторонъ изъ конца въ конецъ окаймленная лавками. Здѣсь находятся всякаго рода инструменты, орудія, посуда, металлы, ткани, необходимыя для Европейскаго потребителя; здѣсь же мѣнялы, это безсмертное поколѣніе фарисеевъ, выставляютъ груды своихъ золотыхъ, серебряныхъ и бумажныхъ денегъ.

Губернаторскій домъ, прекраснѣйшее зданіе въ цѣломъ городѣ, находится въ самомъ веселомъ кварталѣ; передъ нимъ красуется вновь разведенный общественный садъ, простирающійся до рѣчки Салгира. Оба берега этой рѣчки осѣнены густыми массами деревъ; она протекаетъ по лугамъ, виноградникамъ и прекраснымъ садамъ. Черезъ нее устроенъ каменный мостъ, находящійся въ восточной оконечности Симферополя. Въ самой серединѣ общественнаго гульбища устроено нѣсколько весьма красивыхъ зданій; въ одномъ изъ нихъ, во время нашего пребыванія, находилась выставка Крымскихъ сельскихъ и промышленныхъ произведеній, изготовленная по случаю ожидаемаго прибытія Государя Императора. Мы были очень рады такому случаю, и снабженные письменнымъ дозволеніемъ губернатора,

ни мало не медля отправились осматривать выставку.

Въ первой залѣ было вывѣшено нѣсколько прекрасныхъ шерстяныхъ ковровъ туземнаго издѣлія ; далѣе были разставлены разныхъ сортовъ вина , производимыя въ Крыму. Хотя вина эти доставляются виноградомъ , пересаженнымъ въ Крымъ изъ другихъ странъ , однакожь качествомъ они вообще довольно хороши. Здѣсь же были выставлены разныя рыбы, водящіяся въ Черномъ морѣ и сохраняемыя въ свѣжемъ состояніи посредствомъ многоразличныхъ способовъ ; между прочимъ мы замѣтили нѣсколько кусковъ икры, облитыхъ воскомъ: это, какъ насъ увѣряли, самое вѣрное средство сохранять икру въ совершенной свѣжести.

Изъ промышленныхъ произведеній, кромѣ ковровъ, о которыхъ уже упомянуто, мы замѣтили кушаки, на подобіе Черкесскихъ, дѣлаемые въ Козловѣ , сафьянные поясы, усѣянные мелкими металлическими бляхами, которыя отличались чрезвычайно искусною рѣзьбою. Кромѣ того здѣсь много было выставлено серебряныхъ галантерейныхъ вещицъ, издѣлія Караимовъ. Далѣе находились сѣдла, сбруя, бабуши и множество другихъ издѣлій , изготовляемыхъ Татарами чрезвычайно красиво изъ кожи , отличающейся мягкостью , гибкостью и яркостью красокъ. Тонкія ягнячьи руна, изъ которыхъ здѣшніе жители дѣлаютъ обыкновенно себѣ шапки, находились также на выставкѣ. Эти прекрасныя руна доставляются особенною породою овецъ , разводимыхъ въ степи , къ сѣверу отъ Козлова, и въ равнинахъ, прилегающихъ къ Керчи , на противоположной оконечности полуострова. Черныя шкурки, продающіяся по самой дорогой цѣнѣ , обыкновенно добываются средствомъ довольно жестокимъ:

именно, матку убиваютъ прежде, чѣмъ она окатится и съ вынутаго изъ нея ягненка снимаютъ шкурку. Вотъ почему шкурки эти и дороги.

Въ минералогическомъ отношеніи, на выставкѣ были предметы весьма достойные вниманія. Между прочимъ мы видѣли двѣ прекрасныя вазы изъ порфира, добытаго въ Яйльскомъ хребтѣ. Вазы эти, изваянныя Крымскимъ художникомъ, были замѣчательны также и по своей отдѣлкѣ.

Что сказать о войлочныхъ издѣліяхъ, разныхъ тканяхъ, сукнахъ, плащахъ изъ верблюжьей шерсти, занимавшихъ цѣлую залу ? Всѣ эти произведенія безъ сомнѣнія свидѣтельствуютъ о замѣчательныхъ успѣхахъ въ ремесленномъ производствѣ ; нужно только, чтобы производители имѣли въ виду хорошіе образцы для руководства своего въ отдѣлкѣ фабричныхъ издѣлій.

Сверхъ того залы были украшены множествомъ гирляндъ съ виноградными кистями , которыя всѣ были занумерованы и на каждой было надписано какого она происхожденія. Вообще убранствомъ своимъ и прекраснымъ расположеніемъ предметовъ эта любопытная выставка была обязана изящному вкусу г-на Шеншина, съ которымъ мы имѣли удовольствіе познакомиться еще прежде, въ Одессѣ.

Вскорѣ и въ Симферополѣ будетъ артезіанскій колодезь. Сверленіе уже начато въ самой многолюдной части города, неподалеку отъ моста , перекинутаго черезъ Салгиръ. По странному случаю , едва буравъ углубился на двадцать пять футовъ, какъ вдругъ наткнулся на какую-то окаменѣлость. По изслѣдованію оказалось , что окаменѣлость эта была не иное что, какъ клыкъ мамонта, который просверлить стоило очень много труда. Такое диковинное препятствіе очень бы обрадовало какого нибудь натуралиста , а

бѣднымъ рабочимъ оно чрезвычайно надоѣдаетъ и сверхъ того портитъ и притупляетъ инструменты.

Мы очень были обрадованы посѣщеніемъ г-на Монтандона, автора книги « *Путеводитель иностранца по Крыму.* » Это сочиненіе очень хорошее, которое можетъ быть еще полезнѣе, если перемѣнить порядокъ его изложенія. Г. Монтандонъ урожденецъ Швейцарскій, давно уже поселившійся въ Крыму; онъ, какъ кажется, изучилъ подробно и добросовѣстно этотъ край. Въ продолжительной и занимательной бесѣдѣ съ г-мъ Монтандономъ, мы имѣли случай прояснить многое, что было для насъ темно при собственныхъ нашихъ наблюденіяхъ, а также мы составили себѣ иное понятіе о нѣкоторыхъ идеяхъ, допущенныхъ въ книгѣ г-на Монтандона и получившихъ извѣстность на основаніи общаго мнѣнія. Такъ напримѣръ, надобно думать, что мнѣніе, будто близь Мискора и Фороса, на южномъ берегу Крыма, существуютъ слои каменнаго угля, не заслуживаетъ вѣроятія. Тоже слѣдуетъ, по видимому, замѣтить и объ углѣ, найденномъ близь Теренэра, въ помѣстьи, находящемся въ десяти верстахъ отъ Симферополя. Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ мы очень внимательно осматривали вещество, почитаемое тамъ за каменный уголь, и нашли, что это просто лигнитъ и притомъ большею частію не хорошаго качества.

Такимъ образомъ мы видѣли все достопримѣчательное въ Симферополѣ, гдѣ мѣстныя начальства съ чрезвычайною предупредительностью оказывали намъ всякое возможное пособіе, не смотря на то, что были до чрезвычайности заняты важными приготовленіями къ пріему Августѣйшихъ особъ.

Мы выѣхали изъ Симферополя 21-го сентября. Для насъ достаточно было нашей Валашской повозки, недавно передъ тѣмъ починенной, потому что весь ба-

гажъ нашъ былъ уложенъ въ Татарскую фуру, на которой Михаилъ Барба-Кристи отправился впередъ. Почтовыя лошади вездѣ были задержаны, а потому мы съ большимъ трудомъ могли нанять трехъ лошадей у одного обывателя, который, хотя человѣкъ не бѣдный и не жидъ, взялъ однакожь за своихъ лошадей въ три-дорога. Наконецъ мы отправились по пути въ Кара-су-Базаръ; нѣкоторые изъ насъ сидѣли въ скромной нашей повозкѣ, другіе шли пѣшкомъ, стрѣляя хищныхъ птицъ и зайцевъ, которыхъ здѣсь очень много.

Продолжая такимъ образомъ ѣхать, мы сводили въ одно цѣлое всѣ наши воспоминанія о Симферополѣ. При этомъ мы никакъ не могли угадать причины, почему этому городу дано такое названіе, и заключили что оно выдумано для него произвольно.

Оставивъ въ покоѣ этимологію, мы принялись за приведеніе въ порядокъ статистическихъ данныхъ. Въ Симферополѣ восемь тысячъ жителей, между тѣмъ какъ въ самыхъ лучшихъ географіяхъ ихъ показано въ половину менѣе. Въ числѣ означенныхъ осьми тысячъ, находится три тысячи Татаръ, тысяча семь сотъ Русскихъ, четыреста человѣкъ разныхъ иностранцевъ и девять сотъ цыганъ, привлекаемыхъ сюда здѣшними многочисленными базарами, на которыхъ они, по всегдашней привычкѣ своей, занимаются мошенничествомъ. Остальная часть населенія состоитъ изъ Евреевъ, способныхъ ко всякой промышлености, Армянъ, торгующихъ разными тканями, и Грековъ, за которыми полиція имѣетъ постоянный надзоръ, потому что они большею частью предаются непозволительнымъ промысламъ. Къ числу мѣстъ, за которыми полиція также строго надзираетъ, принадлежатъ общественныя бани и нѣкоторыя другія подозрительныя заведенія.

Въ городѣ содержится болѣе девяти сотъ домовъ; въ немъ есть два гошпиталя: гражданскій и военный,—это зданія обширныя, состоящія изъ длинныхъ корпусовъ въ одинъ этажъ. Кромѣ того въ Симферополѣ существуютъ три Греческія церкви, католическая капелла, Армянская церковь и пять мечетей. Протестантовъ здѣсь не много; они собираются для богослуженія въ одной изъ залъ гошпиталя, временно имъ для этой цѣли уступленной. Акъ-Метшетъ, какъ Татарскій городъ, не могъ имѣть недостатка въ фонтанахъ; жаль только, что большая часть существующихъ здѣсь фонтановъ, очень запущена и многіе даже развалились, такъ что правительство вынуждено было само заняться ихъ возобновленіемъ. Въ верхней части города есть бассейнъ съ четырьмя водометами; онъ даетъ достаточное количество воды для всѣхъ тамошнихъ жителей; изъ Салгира воду носятъ въ ведрахъ и возятъ въ бочкахъ; сверхъ того, какъ уже сказано выше, по распоряженію начальства, производится сверленіе артезіанскаго колодезя, который обойдется дешевле, нежели починка испорченныхъ фонтановъ.

Въ городѣ, во всякое время дня, разъѣзжаетъ множество извощиковъ на дрожкахъ. Эти экипажи очень удобны и плата за провозъ самая дешевая; особенно въ зимнее время извощики здѣсь необходимы, потому что тогда въ городѣ много грязи, и пѣшкомъ ходить почти невозможно.

Въ Симферополѣ есть гимназія, зависящая отъ Одесскаго учебнаго округа. Въ 1828-мъ году здѣсь основана нормальная Татарская школа, имѣющая цѣлью образованіе учителей для первоначальныхъ школъ, и преподавателей восточныхъ языковъ. Воспитанники этой школы всѣ дѣти муллъ и эфендіевъ, то есть духовныхъ особъ и законовѣдцевъ мусульманскаго испо-

вѣданія. Этимъ молодымъ людямъ преподаютъ языки Турецкій и Арабскій, а также истолковываютъ Коранъ; по выходѣ изъ училища они обязаны прослужить шесть лѣтъ казнѣ.

Почта приходитъ въ Симферополь два раза въ недѣлю; изъ него ходятъ дилижансы въ Козловъ и Керчь. Здѣсь происходятъ также скачки, но мы не могли ихъ дождаться, потому что онѣ бываютъ въ половинѣ октября. На этихъ скачкахъ выигравшимъ раздается два приза—одинъ въ 1500 рублей, а другой въ 500. Намъ сказывали, что скачки эти представляютъ зрѣлище весьма любопытное: на нихъ съѣзжается вся лучшая часть Татарскаго народонаселенія, а Татары, какъ извѣстно, всегда были отличными наѣздниками, и потому подобное празднество необходимо должно было имъ понравиться.

Мы уже сказали нѣсколько словъ о положеніи Симферополя; къ сказанному находимъ нужнымъ прибавить еще слѣдующее: городъ выстроенъ на открытомъ, безплодномъ мѣстѣ, но одною стороною примыкаетъ къ рѣчкѣ Салгиру, которая протекаетъ въ узкой лощинѣ, поросшей прекрасными деревьями, и потому заслуживаетъ вниманія артистовъ. Если вы станете на каменномъ мосту, то увидите передъ собою прекрасный ландшафтъ, со всѣхъ сторонъ огражденный высокими горами. Отсюда всего удобнѣе видѣть прямоугольную вершину Чатыръ-Дага, возносящуюся надъ всѣми грядами Таврическихъ горъ. И такъ, принимая въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, надобно сознаться, что положеніе Симферополя самое лучшее, какое только можно было выбрать для главнаго города. Онъ находится въ центрѣ, отвсюду удободоступномъ, ѣдешь ли изъ степи, или спускаешься съ горъ. Распоряженія начальства, разсылаемыя изъ этого города, быстро

развозятся во всѣ стороны по дорогамъ, которыя проведены къ разнымъ точкамъ полуострова, лежащимъ на его окружности, обнимающей болѣе ста шестидесяти Французскихъ миль (около семи сотъ верстъ).

Дорога въ Кара-су-Базаръ очень ровная, идетъ по плоскимъ безплоднымъ возвышенностямъ, изсохшимъ отъ зноя. Вся растительность здѣсь состояла изъ длинной, сухой травы, желтой, какъ солома въ августѣ мѣсяцѣ, волновавшейся отъ дуновенія вѣтра.

По этой дорогѣ каменные верстовые столбы, означающіе во всей этой странѣ путь, по которому проѣзжала Императрица Екатерина Вторая, сохранились лучше, нежели гдѣ либо въ другихъ мѣстахъ; многіе изъ нихъ даже огорожены досками для того, чтобы прохожіе не касались ихъ. Дорога повсюду очень широка, по сторонамъ ея идутъ рвы, хорошо содержимые. Впрочемъ мы ѣхали здѣсь не одни, и кромѣ насъ было очень много проѣзжихъ. Многіе опереживали насъ, потому что мы ѣхали какъ настоящіе натуралисты, не спѣша, осматривая окрестности, стрѣляя птицъ, отыскивая растенія.

Единственная деревня, находящаяся на этомъ пути, населена Русскими; она называется *Зуйскою*, по имени рѣчки Зуи, протекающей близь нея. Эта рѣчка принадлежитъ къ числу четырехъ ручьевъ, вытекающихъ изъ южныхъ горъ и падающихъ въ Салгиръ. Перебравшись черезъ Зую, мы поѣхали у сѣвернаго подножія горъ и наконецъ прибыли къ полукруглой равнинѣ, огражденной довольно высокими известковыми горами. Въ глубинѣ этой узкой лощины течетъ многими рукавами рѣчка *Кара-су*, падающая также въ Салгиръ; имя рѣчки Кара-су значитъ *черная вода*.

Городъ Кара-су-Базаръ лежитъ въ самой серединѣ этой дикой лощины. Многочисленные минареты этого города, возвышающіеся наровнѣ съ кипарисами и тополями садовъ, его неровные домы, перемѣшанные съ купами орѣховыхъ и другихъ плодовитыхъ деревъ, сообщаютъ ему такой же восточный отпечатокъ, какимъ отличается Бахчи-Сарай.

Между тѣмъ нашъ добрый Михаилъ Барба-Кристи не безъ труда нашелъ намъ квартиру. Эта квартира состояла изъ двухъ весьма небольшихъ комнатъ, нанятыхъ въ домѣ какого-то Русскаго обывателя, у котораго обыкновенно останавливались ямщики. Одну изъ этихъ комнатъ мы немедленно обратили въ общую гостинную, въ другой намъ наклали цѣлые вороха сѣна и она сдѣлалась спальнею. Окончивъ всѣ эти приготовленія и расположившись сколько можно удобнѣе, мы отправились осматривать городъ.

Послѣ Севастополя Кара-су-Базаръ есть городъ наиболѣе населенный въ цѣломъ Крыму. Въ этомъ большомъ, весьма торговомъ городѣ число жителей простирается не менѣе какъ до пятьнадцати тысячъ человѣкъ. Улицы его грязныя, плохо вымощенныя, съ обѣихъ сторонъ окаймлены множествомъ лавокъ, защищенныхъ отъ дождя и солнца навѣсами утвержденными на безобразныхъ деревянныхъ столбахъ. Все это представляетъ зрѣлище пестрое, можетъ быть и живописное, но ужь вовсе не изящное. По обычаю, о которомъ мы уже упоминали выше, изстари ведущемуся на востокѣ, каждый особенный родъ товаровъ продается въ какой нибудь особой части города; такъ, въ одной части можно купить только съѣстные припасы, въ другой колоніальные товары, въ третьей шерстяныя издѣлія, бабуши, привлекающія взоры прохожихъ чрезвычайною яркостью

своихъ красокъ, и такъ далѣе. Кофейныхъ домовъ здѣсь очень много, но они всѣ собраны въ одной улицѣ, очень пространной и лучше другихъ вымощенной: посѣтивъ нѣсколько такихъ кофейныхъ домовъ, можно получить довольно вѣрное понятіе о свойствахъ народонаселенія вообще. Внутренность каждаго кофейнаго дома раздѣляется на квадратныя пространства, отдѣляемыя другъ отъ друга деревянными рѣшетками; подобные квадраты устроены по ту и другую сторону каждой комнаты, а въ серединѣ идетъ длинный проходъ, въ видѣ корридора. Вы входите въ любую изъ этихъ клѣтокъ и въ каждой найдете множество праздныхъ Татаръ, Армянъ, Караимовъ, которые, усѣвшись на диванахъ, съ длинными черешневыми чубуками въ рукахъ, проводятъ цѣлые часы только въ томъ, что молча курятъ трубку. Лишь изрѣдка произносятъ они нѣсколько словъ голосомъ тихимъ, не измѣняя нисколько величественнаго, почти совершенно недвижнаго положенія. Сколько добрыхъ и спокойныхъ моделей нашелъ нашъ пріятель Раффе въ этихъ безгласныхъ тавернахъ, которыя, можно сказать, были наполнены почти сонными посѣтителями! Сколько передъ нимъ находилось важныхъ, прекрасныхъ физіономій, украшенныхъ пестрыми, разнообразно свитыми чалмами и характеристическими шапками изъ бараньей шкуры, какія носятъ природные Татары! Здѣсь то особенно можно было уловить внѣшніе оттѣнки, которыми различаются эти люди, принадлежащіе къ племенамъ, совершенно разнымъ. У Армянъ вообще цвѣтъ лица темнѣе нежели у Татаръ, они дороднѣе, бороду имѣютъ длиннѣе и глаже, во взорахъ у нихъ больше кротости. Караимы замѣчательны преимущественно тѣмъ, что всегда одѣваются съ чрезвычайною тщательностью. Они носятъ

обыкновенно платье длинное, широкое, темнаго цвѣта, придающее ихъ внѣшнему виду что-то строгое, важное; лице у нихъ очень благородное, не смотря на то, что въ немъ сохранился Еврейскій типъ. Бороду они брѣютъ, руки у нихъ очень бѣлыя и пальцы всегда украшены драгоцѣнными перстнями. Разумѣется, что такъ живутъ тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ нѣкоторый достатокъ. Впрочемъ, всѣ эти люди столь несходные по нравамъ, образу мыслей, обычаямъ и привычкамъ, проводятъ время въ кофейныхъ домахъ очень миролюбиво, играютъ въ триктракъ, курятъ трубки, пьютъ прекрасный кофе, и между ними никогда не бываетъ ни шуму, ни ссоры.

И простой народъ имѣетъ также свои мѣста, гдѣ сбирается для развлеченія. Людей этого класса часто можно видѣть, въ обѣденное время, или вечеромъ подъ навѣсами Татарскихъ трактировъ, гдѣ они сидятъ цѣлыми толпами. Здѣсь имъ подаютъ почти всегда одно и тоже кушанье, которое, какъ видно, преимущественно нравится Татарамъ. Оно состоитъ изъ жареной баранины и тонкихъ лепешекъ. Дешевле баранины въ Крыму только одинъ табакъ; а этихъ двухъ предметовъ уже достаточно для того, чтобы здѣшній простолюдинъ былъ доволенъ своею судьбою.

Когда выйдешь изъ средней части города и проникнешь въ боковыя улицы, примыкающія къ Кара-су и Тунасу, рѣчкамъ, обтекающимъ городъ съ двухъ сторонъ, то, среди множества густолиственныхъ плодоносныхъ деревьевъ, найдешь большое количество хижинъ, разбросанныхъ въ живописномъ безпорядкѣ, превосходно согласующемся съ общимъ видомъ города. Въ предмѣстьяхъ женщины вообще не такъ прячутся, какъ въ среднихъ кварталахъ, и нерѣдко

можно ихъ застать въ расплохъ, сидящихъ вмѣстѣ у полуотворенной двери. Но и здѣсь, едва онѣ завидятъ мужчину, особенно иностранца, какъ тотчасъ же обращаются въ бѣгство, и любопытному путнику обыкновенно удается увидѣть только старухъ, замыкающихъ ретираду, послѣ которой остаются лишь дѣти, большею частью весьма красивыя, щеголевато одѣтыя; но и онѣ, хотя съ любопытствомъ смотрятъ на иностранцевъ, однакожъ боязливо прячутся и всегда готовы убѣжать.

Въ Кара-су-Базарѣ, лежащемъ между двухъ рѣчекъ, которыя нерѣдко выходятъ изъ береговъ, каждый вечеръ бываютъ сильные туманы, вредные, какъ слышно, для здоровья и порождающіе множество эпидемическихъ болѣзней. Другое неудобство, на которое жители очень жалуются, состоитъ въ томъ, что недалеко отъ города находится огромная гора, состоящая изъ бѣлыхъ утесовъ, которые, будучи озарены солнцемъ и сильно отражая его лучи, дѣйствуютъ не только вреднымъ образомъ на зрѣніе, но въ лѣтнее время еще до крайности увеличиваютъ степень жара.

Хотя сосѣдство этой горы, называемой по Татарски *Акъ-каія*, представляетъ много неудобствъ для жителей Кара-су-Базара, за то съ вершины ея чрезвычайно удобно осматривать городъ. Съ этой вершины можно очень ясно видѣть не только весь городъ, но каждую часть его, каждый домъ со всѣми его принадлежностями, можно подсмотрѣть даже большую часть того, что происходитъ въ этихъ таинственныхъ жилищахъ, обнесенныхъ, по мусульманскому обычаю, такими оградами, что въ самомъ городѣ нѣтъ никакой возможности что нибудь узнать о домашней жизни Татарина. Но съ высоты горы Акъ-каіи мы видѣли подробно весь лабиринтъ безпорядочно пересѣкающихся улицъ этого города, заключающаго болѣе семи сотъ домовъ. Кромѣ того въ немъ двадцать четыре минарета, много мечетей, Греческая церковь, изящно отстроенная, отличающаяся прекраснымъ зеленымъ куполомъ, церкви: католическая, Армяно-Григоріанская, и нѣсколько Еврейскихъ синагогъ. Въ самой срединѣ города находится замѣчательное четырехъугольное зданіе: это такъ называемый ханъ, или укрѣпленный базаръ, обширный дворъ, обнесенный каменною стѣною, которой внутренняя сторона занята многочисленными магазинами и галлереями. И здѣсь, среди торговой дѣятельности, мусульманская безпечность проявляется во всей полнотѣ. Ханъ этотъ выстроенъ очень давно. Имя министра, положившаго ему основаніе въ 1656-мъ году, сохранилось и до сихъ поръ въ памяти народной. Извнѣ все зданіе защищено толстыми стѣнами, въ которыхъ пробиты только узкія бойницы; входъ въ него одинъ, и тотъ запирается крѣпкими воротами, обитыми желѣзомъ. Въ прежнія времена, когда бывали внутреннія смуты, укрѣпленія этого было достаточно для отраженія грабительскихъ шаекъ, покушавшихся овладѣть товарами, которые хранились внутри базара.

Истративъ небольшое количество денегъ, подаренныхъ нѣкоторымъ мусульманскимъ духовнымъ особамъ, мы получили дозволеніе присутствовать при Татарской религіозной церемоніи, столь странной, что нѣтъ возможности разгадать ея цѣль, именно при пляскѣ дервишей. Вотъ какимъ образомъ происходила эта церемонія, болѣе смѣшная нежели важная,

Около девяти часовъ вечера, двадцать человѣкъ очень старыхъ дервишей, украшенныхъ длинными сѣдыми бородами, пришли въ мечеть и стали посреди

ея въ кружокъ, въ центрѣ котораго находился мулла, отличавшійся самымъ почтеннымъ видомъ. Каждый дервишъ началъ пѣть и потихоньку кружиться, а мулла пѣлъ громче ихъ всѣхъ и кружился гораздо быстрѣе, въ противоположную сторону. Мало по малу всѣ дервиши стали кружиться быстрѣе и быстрѣе, пѣніе ихъ раздавалось безпрерывно громче и громче, а подъ конецъ всѣ они кружились съ неимовѣрною быстротою. Цѣлыя двадцать минутъ продолжалось такое круговращеніе, и во все это время дервиши то кружились, то падали, то вдругъ вскакивали, при чемъ испускали дикіе вопли, обращаясь постоянно въ лѣвую сторону. Когда одни дервиши уставали, то ихъ замѣняли другіе, и такъ продолжалось цѣлый часъ, пока всѣ плясавшіе выбились изъ силъ и спотыкаясь разбрелись по домамъ. Это безсмысленное зрѣлище оставило въ насъ какое-то тягостное чувство, отъ котораго мы не скоро могли освободиться.

На слѣдующій день мы отправились къ истоку рѣки Кара-су, находящемуся въ нѣсколькихъ верстахъ на югъ отъ города. Дорогою мы имѣли случай видѣть странный слѣдъ громоваго удара. Молнія упала на минаретъ, проникла черезъ маленькую дверцу, служащую входомъ на верхній балконъ, прошла по узкой лѣстницѣ, устроенной внутри минарета, и между тѣмъ произвела въ стѣнахъ его множество трещинъ. Теперь многіе камни, высунувшіеся по этой причинѣ на внѣшнюю часть стѣны, висятъ безобразными массами, и хотя зданіе связано крѣпкимъ цементомъ, однакожь по общему виду его можно подумать, что оно готово развалиться при малѣйшемъ потрясеніи.

По выходѣ изъ города, мы зашли на минуту на кладбище, гдѣ не видали, впрочемъ, ничего замѣча-

тельнаго, кромѣ памятника, воздвигнутаго на могилѣ какого-то паши. Это каменный осьмиугольникъ, украшенный аркадами, довольно легкими и красивыми.

Едва перебрались мы черезъ небольшой холмъ, замыкавшій лощину, какъ увидѣли, на довольно высокой горѣ, зданіе, отличавшееся нѣкоторымъ величіемъ: это былъ домъ, устроенный нѣкогда для пріема Императрицы Екатерины Второй. На первомъ планѣ здѣшняго ландшафта, напоминающаго многія Италіанскія мѣстности, представляется плодоносная равнина, усѣянная купами красивыхъ деревьевъ и орошаемая рѣкою. Въ глубинѣ, позади бѣлыхъ стѣнъ упомянутаго дома, виднѣются грозные черные хребты. Но вокругъ этой плодоносной лощины, почва повсюду сухая и безплодная.

Въ сосѣднемъ оврагѣ мы увидѣли прекрасный источникъ, вытекающій изъ каменнаго бассейна, осѣненнаго пятью огромными вязами. На вѣтвяхъ этихъ деревьевъ были развѣшаны разноцвѣтныя тряпки, составляющія не иное что какъ приношеніе бѣдныхъ людей, вылѣчившихся употребленіемъ воды изъ здѣшняго источника, славящагося въ окрестностяхъ своею цѣлебною силою. Въ глубинѣ бассейна видно нѣсколько серебряныхъ монетъ; никто не дерзаетъ украсть ихъ, не смотря на отсутствіе караула. Это дары нѣкоторыхъ зажиточныхъ больныхъ, вылѣчившихся отъ своихъ болѣзней.

Источники рѣки Кара-су находятся въ глубинѣ дикой лощины. Одинъ изъ нихъ вытекаетъ изъ обширнаго естественнаго бассейна, находящагося у подножія огромной известковой скалы, — другой, начинающійся нѣсколько далѣе, выходитъ съ кипѣніемъ изъ трещины высокаго утеса. Кромѣ удовольствія, доставляемаго

прогулкою, охотою, и нашими обыкновенными наблюденіями, мы имѣли еще намѣреніе изслѣдовать свойство каменистыхъ толщъ, составляющихъ края этого узкаго оврага. Многіе полагали, что тутъ можно добывать литографическій камень, стоющій, какъ извѣстно, очень дорого; мы замѣтили даже, что были сдѣланы опыты добыванія такого камня, но надежда эта оказалась ложною. Ни геологи наши, ни рисовальщики не нашли въ здѣшнихъ безполезныхъ камняхъ ни одного изъ тѣхъ свойствъ, которыя дѣлаютъ ихъ годными для литографіи, и мы думаемъ, что лучше прямо высказать правду, хотя можетъ быть и непріятную, нежели вводить людей въ заблужденіе ложными надеждами, которыя могутъ увлечь иныхъ въ попытки, дорого стоющія.

Возвращаясь въ городъ, мы шли по берегу рѣки Кара-су, которой вода, очень обильная, до крайности холодная и чрезвычайно прозрачная, течетъ по дну, усѣянному кремнями. Намъ сказывали, что въ одной деревнѣ, находящейся по близости истока этой рѣки, и называемой Кара-су-Баши, мы найдемъ проводника, хорошо знающаго всѣ окрестныя мѣста. «Вамъ стоитъ лишь, говорили намъ, спросить Али-Бея и онъ тотчасъ явится». Мы такъ и сдѣлали; но не смотря на троекратный призывъ нашъ, Али-Бей не явился, по той простой причинѣ, что онъ давно умеръ. Преемникъ его, Сеидъ-Османъ, отлучился въ Кара-су-Базаръ, а потому мы взяли молодаго, весьма проворнаго Татарина, который, хотя вообще не былъ намъ очень полезенъ, однакожь, по крайней мѣрѣ, при помощи криковъ, употребительныхъ въ здѣшнемъ краю, умѣлъ отгонять злыхъ собакъ, бросавшихся на насъ, когда мы приближались къ деревнямъ.

Возвратясь на нашу тѣсную квартиру, мы занялись изысканіемъ средствъ для проѣзда въ Ѳеодосію. Почтовыхъ лошадей ни за что въ свѣтѣ нельзя было добыть, и вѣрный Арнаутъ нашъ не иначе какъ съ великимъ трудомъ нашелъ лошадей вольнонаемныхъ.

Наконецъ, 24-го сентября, приведя тщательно въ порядокъ наши новыя коллекціи, мы выѣхали изъ Кара-су-Базара; но въ то время погода уже совершенно измѣнилась, и во все продолженіе пути насъ поливало сильнымъ дождемъ. Дорога шла почти прямо на востокъ, у подошвы сѣверныхъ горъ. На всемъ этомъ проѣздѣ, мы только два раза перемѣняли лошадей, потому что между Кара-су-Базаромъ и Ѳеодосіей существуютъ только двѣ станціи — Бурундуцкая и Кренишки. Между тѣмъ вся равнина превратилась въ жидкую лужу, по которой почти не было возможности ѣхать. Сначала мы хотѣли было остановиться на нѣсколько часовъ въ деревнѣ Эски-Крымъ, или «Старый Крымъ», гдѣ находятся развалины очень большаго города, о которомъ существуетъ преданіе, что будто бы онъ былъ нѣкогда главнымъ городомъ всего полуострова; но при такомъ проливномъ дождѣ мы ни какъ бы не могли осмотрѣть этихъ развалинъ, а потому, предоставивъ себѣ въ другое время посѣтить это мѣсто, нѣкогда процвѣтавшее, нынѣ преданное запустѣнію, мы поспѣшили перемѣнить лошадей и искать убѣжища въ Ѳеодосіи.

Не смотря на страшную грязь, черезъ нѣсколько часовъ мы прибыли въ Ѳеодосію, спустившись къ ней по весьма крутому съѣзду. Это весьма красивый приморскій городокъ, извѣстный подъ двумя именами Ѳеодосіи и Кафы, изъ которыхъ первое древне-Греческое, второе-Турецкое.

Проѣхавъ черезъ ворота, устроенныя въ квадратной, чрезвычайно величественной башнѣ, и миновавъ развалины древней крѣпости, нѣкогда защищавшей городъ со стороны моря, мы увидѣли красивенькій общественный садъ, состоявшій изъ молодыхъ деревцовъ, и потомъ въѣхали въ большую улицу, вымощенную каменными плитами. Домы въ этой улицѣ, украшенные изящными портиками, всѣ были расписаны и отличались особенною архитектурою, какой ни гдѣ въ здѣшнемъ краю нѣтъ и слѣдовъ. Тогда мы удостовѣрились, что въ Ѳеодосіи еще вполнѣ уцѣлѣли слѣды Генуэзцевъ, нѣкогда здѣсь господствовавшихъ. Въ этомъ городѣ есть цѣлая улица, идущая параллельно съ морскимъ берегомъ и имѣющая физіономію совершенно Италіанскую: всѣ домы въ ней снабжены аркадами, точно такими же какъ въ Болоніи. Въ улицахъ, имѣющихъ направленіе перпендикулярное къ берегу, всѣ зданія уже Русскія, а далѣе тянутся предмѣстія, населенныя Татарами; но собственно городъ, то есть городъ трудящійся, дѣйствующій, и теперь еще такой же какимъ былъ при Генуэзцахъ.

Надобно, однакожь, сознаться, что измоченные дождемъ, оцѣпенѣвъ отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра, мы не очень обольщались этими историческими воспоминаніями, и помышляли только о томъ, гдѣ бы поскорѣе найти хорошій ночлегъ. По счастію мы нашли здѣсь прекрасную гостинницу, содержимую вдовою Нѣмкою. Въ этой гостинницѣ намъ отвели хорошую квартиру, гдѣ мы отогрѣлись у огромной печи, отопляющей вдругъ четыре комнаты.

И такъ, мы въ Ѳеодосіи! Этотъ городъ расположенъ полукругомъ, въ видѣ амфитеатра, на скатѣ холма. Онъ обращенъ прямо къ востоку; у подошвы его простирается обширный рейдъ. Для купеческихъ

кораблей, стоящихъ на этомъ рейдѣ, опасны только одни восточные и юго-восточные вѣтры. Дно рейда крѣпкое и весьма удобное для якорной стоянки; два деревянныхъ мола и множество мелкихъ судовъ способствуютъ выгрузкѣ и нагрузкѣ кораблей.

Исторія Ѳеодосіи составляетъ собственно исторію всего полуострова, потому что съ участью этого знаменитаго города всегда была соединена участь всего Крыма. Въ настоящую минуту мы займемся только теперешнимъ состояніемъ Ѳеодосіи; здѣсь наши изысканія были для насъ такъ полезны, что мы, безъ опасенія утомить читателя, можемъ описать всѣ самомалѣйшія впечатлѣнія, какія испытали при нашихъ ежедневныхъ изслѣдованіяхъ.

Въ дополненіе къ вышесказанному о главныхъ чертахъ Ѳеодосіи, слѣдуетъ присовокупить, что нынѣшній городъ составляетъ только часть древняго Генуэзскаго. Въ прекрасной Италіанской улицѣ, о которой мы говорили, подъ аркадами, устроено очень много лавокъ. Въ нихъ торгуютъ Евреи-Караимы и Армяне. Всѣ они люди довольно образованные и торговцы, повидимому, почтенные. Верхніе этажи домовъ, находящихся въ этой улицѣ, составляющей главную во всемъ городѣ, заняты большею частію чиновниками и начальствующими лицами.

Греки, которыхъ здѣсь довольно много, живутъ въ средней части города; они занимаютъ домы новѣйшей постройки, большею частію весьма красивые. Каждая семья живетъ отдѣльно; при всѣхъ почти жилищахъ есть особенный садикъ. Въ Греческомъ населеніи болѣе всего иностранца поражаетъ красота женщинъ: есть много Греческихъ семействъ, въ которыхъ еще сохранилось строгое совершенство древне-Греческаго типа, украшенное прелестью обращенія, заимствован-

наго отъ образованнаго общества западной Европы. Татары, хотя также живутъ въ Ѳеодосіи, однакожь не составляютъ преобладающаго народонаселенія; видно, что здѣсь они отказываются отъ многихъ привычекъ своихъ и поселяются въ этомъ городѣ единственно по необходимости, будучи привлечены торговыми дѣлами. Физіономія предмѣстія, въ которомъ живутъ эти Татары, не сохранила ничего такого, чѣмъ обыкновенно отличаются Татарскія селенія. Глиняные, крытые соломою шалаши, составляющіе жилища здѣшнихъ Татаръ, разставлены такими правильными рядами, что съ перваго взгляда ни какъ не угадаешь, кто въ нихъ живетъ. Взойдя на гору, выше этихъ шалашей, изумляющихъ своею правильностью, находишь только множество деревянныхъ мельницъ о восьми крыльяхъ. Внутренній механизмъ этихъ мельницъ примѣчателенъ тѣмъ, что помѣщается въ чрезвычайно маломъ пространствѣ. Впрочемъ, на всѣхъ холмахъ, возвышающихся вокругъ Ѳеодосіи, не растетъ не только деревьевъ, но даже и кустовъ.

Въ Ѳеодосіи бываетъ кромѣ того много Ногайскихъ Татаръ, которые вообще занимаются извозомъ и по этой причинѣ съѣзжаются сюда въ значительномъ количествѣ. Они другаго жилища не имѣютъ кромѣ своихъ повозокъ (маджіаръ), запрягаемыхъ огромными верблюдами. Армяне занимаютъ многіе большіе ханы и живутъ въ квартирахъ, помѣщающихся надъ ихъ магазинами, наполненными съ избыткомъ всякими товарами.

Къ Италіанской улицѣ примыкаютъ двѣ огромныя площади, раздѣляемыя только однимъ рядомъ домовъ. На одной изъ этихъ площадей, лежащей къ югу, помѣщается Ѳеодосійскій рынокъ для продажи съѣстныхъ припасовъ. Здѣсь выставляются самые разнообразные товары и множество рыбы. На этомъ рынкѣ можно видѣть флегматическихъ Нѣмцевъ, поселенныхъ въ окрестностяхъ Кара-су-Базара; они продаютъ здѣсь свои сельскія произведенія, составляющія теперь уже необходимую потребность для жителей всѣхъ большихъ городовъ южной Россіи.

У подошвы горы, между рѣками Зуей и Кара-су, по правую сторону дороги, идущей изъ Симферополя, есть три селенія, напоминающія деревни, находящіяся по берегамъ Рейна. Селенія эти называются: Нейзацъ, Фриденталь и Розенталь; въ нихъ находится около осьми сотъ жителей, которые всѣ земледѣльцы. Эти Нѣмцы доставляютъ прекрасное молоко; они же отличные хлѣбники, и жители Ѳеодосіи преимущественно у нихъ покупаютъ сливки, сухари, бѣлый хлѣбъ и прочія хлѣбенныя издѣлія, особенно нужныя къ чаю.

На другой площади, находящейся рядомъ съ описанною выше, всегда господствуетъ совершенная тишина и народу на ней ни въ какое время не видно. На мѣстѣ этой площади, нынѣ обнаженномъ, въ давнія времена, стояла прекраснѣйшая мечеть Ѳеодосіи и самыя роскошныя бани этого города; но теперь всѣ эти зданія сломаны. Мечеть, о которой мы говоримъ, была выстроена точь въ точь по образцу извѣстной Константинопольской церкви Святыя Софіи, обращенной Турками въ мечеть. Самая Ѳеодосія долго называлась *Крымскимъ Константинополемъ*. Обширныя бани, находившіяся здѣсь, внутри были выложены мраморомъ. Но всѣ эти мраморныя плиты расхищены, и на площади остается лишь нѣсколько развалинъ, посреди которыхъ можно еще различить расположеніе, какое имѣли разрушенныя зданія. Виновниками этого разрушенія были сами Татары; они разломали

оба зданія вскорѣ по присоединеніи Крыма къ Россіи, въ то еще время, когда Русскія начальства не вездѣ могли быть установлены. Теперь мраморные пиластры, украшенные арабесками, образуютъ ступени крылецъ у нѣкоторыхъ Италіанскихъ питейныхъ домовъ, въ которыхъ матросы, заѣзжіе изъ Генуи и Рагузы, упиваются Крымскимъ виномъ, распѣвая свои національныя пѣсни.

И кромѣ того, почти все въ этомъ обновленномъ городѣ перемѣнило свое назначеніе: мечети большею частью обращены въ христіанскія церкви разныхъ исповѣданій. Такъ, на примѣръ, теперешняя прекрасная Армянская церковь была прежде мечетью. Красивый куполъ ея не тронутъ, только вмѣсто полумѣсяца поставленъ крестъ; верхушка минарета сломана и на ней повѣшено нѣсколько колоколовъ, прикрытыхъ легкою кровлею изъ зеленой мѣди. Еще въ одной мечети помѣщается Ѳеодосійскій музей, учрежденіе весьма любопытное, о которомъ, къ сожалѣнію, мы можемъ сказать только нѣсколько словъ.

Мы уже говорили, что нынѣшній городъ, хотя заключается въ предѣлахъ древняго, однакожъ составляетъ лишь часть его. Значительнѣйшіе остатки Генуэзской крѣпости, столь же обширной какъ и самый городъ, находятся на южномъ мысу. Цитадель, устроенная здѣсь Генуэзцами, съ этого возвышеннаго мѣста, могла обстрѣливать и городъ и бухту. Нѣкоторыя, еще уцѣлѣвшія на скатѣ холма, части крѣпости послужили для устройства обширнаго и прекрасно содержимаго карантиннаго лазарета. Всѣ залы этого лазарета отдѣлены одна отъ другой, воздухъ въ нихъ всегда свѣжій, и вокругъ всѣхъ зданій разсажены прекрасныя рощи. Но и кромѣ того видъ моря и великолѣпныхъ окрестностей очень много можетъ способствовать развлеченію людей, выдерживающихъ скучный карантинъ.

Съ вершины холма, на скатѣ котораго устроено это заведеніе, взорамъ представляются обширные магазины, многочисленныя залы, (въ которыхъ складываются и подвергаются очищенію товары), особое отдѣленіе, назначенное для несчастныхъ, подвергшихся заразѣ и наконецъ небольшое кладбище, гдѣ покоятся нѣкоторые умершіе отъ чумы.

Наконецъ, въ Ѳеодосіи есть упомянутый уже общественный садъ и превосходныя, весьма обширныя казармы, снабженныя крытыми галлереями, гдѣ солдаты всегда находятся въ прикрытіи отъ непогоды и отъ солнечнаго зноя. Здѣсь много также прекрасныхъ Турецкихъ бань, и мы тотчасъ, по прибытіи нашемъ, отправились въ одно изъ этихъ несравненныхъ заведеній. Но представьте нашъ ужасъ, когда въ той банѣ куда мы случайно попали, взорамъ нашимъ представился одинъ лишь моющійся, пораженный Египетскимъ воспаленіемъ глазъ, которое, какъ мы слышали, имѣетъ заразительное свойство!

Чтобы изгладить грустное впечатлѣніе, производимое такимъ непріятнымъ воспоминаніемъ, перенесемся въ самую веселую часть города, находящуюся неподалеку отъ бань. Здѣсь есть прекрасный домъ, принадлежащій Генуэзскому негоціанту, г-ну Аморетти. Этотъ домъ былъ назначенъ для пріема Государя Императора. Недостатокъ извѣстій изъ западной части Крыма былъ причиною того, что въ Ѳеодосіи никто не могъ знать когда именно послѣдуетъ прибытіе Его Величества. Впрочемъ, домъ г-на Аморетти былъ уже совершенно изготовленъ, расписанъ вновь, снабженъ самою лучшею мебелью. Жители ежедневно

сходились толпами къ берегу, готовые встрѣтить Монарха съ радостными криками: ура!

Въ Ѳеодосіи считается теперь четыре тысячи пятьсотъ человѣкъ жителей. Въ ней есть церкви Греческая и Армяно-католическая, мечеть, двѣ синагоги — одна для Евреевъ-Караимовъ, другая для раввинистовъ и нѣсколько прекрасныхъ фонтановъ.

Теперь раскажемъ какъ мы употребили время, находясь въ Ѳеодосіи, гдѣ оканчивалось наше странствованіе по историческому краю Тавриды.

XI.

ѲЕОДОСІЯ. — КАФФА. — КЕРЧЬ. — ТАМАНЬ. — АЛУШТА. — ЯЛТА. — АЛУПКА.

Рѣшившись посвятить нѣсколько дней на изученіе Ѳеодосіи и ея окрестностей, представляющихъ множество предметовъ, любопытныхъ и достойныхъ внимательнаго изслѣдованія, мы, на другой же день по прибытіи нашемъ, принялись за наблюденія, каждый по своей части. Геологи и естествоиспытатели собирали вокругъ города, часто въ мѣстахъ довольно отъ него отдаленныхъ, предметы, относящіеся

къ ихъ наукамъ, каждый вечеръ приносили свой сборъ въ общую лабораторію и присоединяли къ составленнымъ нами, довольно уже многочисленнымъ коллекціямъ. Одинъ только любознательный ботанистъ нашъ мало находилъ растеній, заслуживающихъ по чему либо особеннаго вниманія, по той причинѣ, что почва въ окрестностяхъ города была вся изсушена солнечнымъ жаромъ и занесена пылью. Впрочемъ, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ Тавриды мы не могли бы найти въ такомъ обиліи предметы любопытные и достойные рисунка, или замѣтокъ.

Въ послѣ-обѣденное время, когда всѣ жители города обыкновенно предаются успокоенію, мы преимущественно посѣщали Θеодосійскій музей, куда насъ обыкновенно водилъ самъ хранитель этого музея, г-нъ докторъ Граперонъ, Французскій медикъ, поселившійся въ Россіи. Этотъ музей расположенъ въ одной изъ старинныхъ Θеодосійскихъ мечетей. Въ немъ, съ особеннымъ любопытствомъ, мы разсматривали собраніе художественныхъ предметовъ, свидѣтельствующихъ о плодовитой изобрѣтательности древнихъ Греческихъ и Генуэзскихъ поселенцевъ. Впрочемъ, Генуэзскіе гербы попадаются въ Θеодосіи на каждомъ шагу; очень часто мы видѣли гдѣ нибудь въ стѣнахъ или на ступеняхъ крылецъ рѣзныя изображенія гербовъ Доріи и другихъ знаменитѣйшихъ Италіанскихъ фамилій; самый гербъ Каффы всегда соединенъ съ гербомъ Генуи. Но возвратимся къ музею. У дверей, при входѣ въ него, лежатъ два колосальные льва изъ бѣлаго мрамора, которыхъ головы обращены въ одну и туже сторону. Эти львы найдены на днѣ моря, въ Киммерійскомъ Босфорѣ, недалеко отъ Керчи и Тамани. Они долго лежали подъ водою и отъ дѣйствія

волнъ формы ихъ нѣсколько сгладились; однакожь, не смотря на то, видно, что они были сдѣланы превосходно. Во внутренности музея прежде всего обращаетъ на себя вниманіе мраморный пьедесталъ, привезенный изъ Азіатскаго города Анапы. На этомъ пьедесталѣ должна была стоять статуя Цереры; по крайней мѣрѣ, такъ надобно заключить по надписи, въ которой сказано, что памятникъ этотъ воздвигла Аристоника, дочь Ксенокрита, посвященная Церерѣ. Потомъ мы увидѣли Генуэзскій надгробный памятникъ; этотъ остатокъ отъ церкви, существовавшей еще въ 1523-мъ году, любопытенъ лишь какъ свидѣтель того, что и послѣ завоеванія Θеодосіи Турками (въ 1475) нѣкоторые Генуэзцы оставались въ Каффѣ и вели въ этомъ городѣ жизнь, не лишенную почета.

Еще нѣсколько далѣе, вниманіе наше на себя обратилъ другой Генуэзскій памятникъ, принадлежащій къ тѣмъ временамъ, когда консулъ Гримальди достраивалъ укрѣпленія Каффы, начатыя за семь лѣтъ передъ тѣмъ Годфридомъ Зоаліо (Zoaglio). Латинская надпись, сдѣланная на этомъ памятникѣ готическими буквами, гласитъ, что одна изъ башенъ, принадлежавшихъ къ упомянутымъ укрѣпленіямъ, была особенно посвящена имени Папы Климента VI-го, въ знакъ признательности за крестовый походъ, предписанный этимъ первосвященникомъ, за сорокъ лѣтъ передъ тѣмъ, въ пользу Θеодосіи. Рядомъ съ этимъ памятникомъ стоитъ драконъ, принадлежавшій къ гербу Пантикапеи, нынѣшней Керчи, что доказывается найденными медалями того времени. Барельефъ, находящійся надъ этимъ дракономъ, сдѣланный изъ бѣлаго мрамора, отличается чрезвычайно хорошею работою. Драконъ представленъ стоящимъ, крылья его распущены, хребетъ усѣянъ торчащими остріями.

Кромѣ того, въ этомъ, только еще образующемся, музеѣ мы видѣли много другихъ древностей, въ томъ числѣ двѣ огромныя амфоры, имѣющія болѣе пяти футовъ въ вышину, множество драгоцѣнныхъ предметовъ, найденныхъ въ курганахъ, между прочимъ небольшую золотую голову быка, украшенную эмалью, нѣсколько маленькихъ глиняныхъ статуекъ, прелестную голову и бюстъ Венеры, многочисленные обломки глиняныхъ вазъ, украшенныхъ правильными рисунками и покрытыхъ чрезвычайно прочнымъ лакомъ, и наконецъ драгоцѣнное собраніе медалей.

На ряду съ этими почтенными памятниками древнихъ временъ, г. Граперонъ не поколебался помѣстить достопримѣчательности, доставляемыя природою, которая всегда является юною, всегда обнаруживаетъ творческую силу, между тѣмъ какъ величайшіе художники умираютъ, имена ихъ предаются забвенію, а произведенія старѣютъ, искажаются, пропадаютъ. Мы говоримъ о собраніи любопытныхъ ископаемыхъ, находимыхъ въ Крыму. Одно это собраніе могло бы очень долго занять самымъ пріятнымъ образомъ всякаго любителя геологіи.

Осмотрѣвъ древности, мы отправились въ карантинный лазаретъ. Всего болѣе насъ поразило прекрасное расположеніе этого обширнаго заведенія и строгій порядокъ, въ немъ господствующій. Идучи изъ города въ карантинъ, мы должны были переходить черезъ дорогу, проложенную по скату одного холма. При раскопкахъ, производившихся для устройства этой дороги, вырыто множество обломковъ такъ называемой *Этрусской* горшечной работы. Между прочимъ найдено нѣсколько вазъ почти совершенно уцѣлѣвшихъ и отличающихся превосходствомъ формъ и рисунковъ. Мы сами, безъ всякаго особеннаго усилія, менѣе недели въ часъ, собрали значительное количество этихъ достопримѣчательныхъ обломковъ. Между тѣмъ, среди такихъ искусственныхъ остатковъ, мы находили и множество устричныхъ раковинъ, свидѣтельствующихъ, что устрицы составляли любимую пищу древнихъ жителей этого края. И нынѣ, какъ тогда, по морскимъ берегамъ, прилегающимъ къ Ѳеодосіи, собирается очень много устрицъ, которыхъ ловля, въ новѣйшее время, подчинена весьма благоразумнымъ правиламъ.

Нѣкоторая часть карантина устроена на развалинахъ знаменитаго монастыря, посвященнаго святому Василію. Этотъ богатый монастырь, находившійся на неприступномъ мѣстѣ, долго сопротивлялся переворотамъ, происходившимъ въ Каффѣ; но наконецъ и онъ палъ, и, если вѣрить преданію, вмѣстѣ съ нимъ погибла его прекрасная библіотека, собранная въ продолженіе многихъ лѣтъ, и содержавшая большое количество ученыхъ, религіозныхъ и литературныхъ произведеній. Сколько разъ, во время нашего краткаго пребыванія, и всегда съ какою благоговѣйною внимательностью мы осматривали эти благородные остатки Генуэзскаго величія, эту огромную ограду, которая съ каждымъ годомъ разбирается по частямъ на новѣйшія постройки! Какими воспоминаніями мы были исполнены, какимъ мечтамъ каждый разъ предавались здѣсь!

Но по возвращеніи нашемъ въ городъ, мы забывали о древнихъ временахъ, увлекаясь разнообразными явленіями, составляющими душу и жизнь новаго города. Народонаселеніе, зданія, обычаи — все было для насъ ново; на каждомъ шагу зрѣлище измѣнялось: то проходили войска, при звукахъ военной музыки, то тянулись обозы, съѣзжающіеся въ Ѳеодосію какъ въ

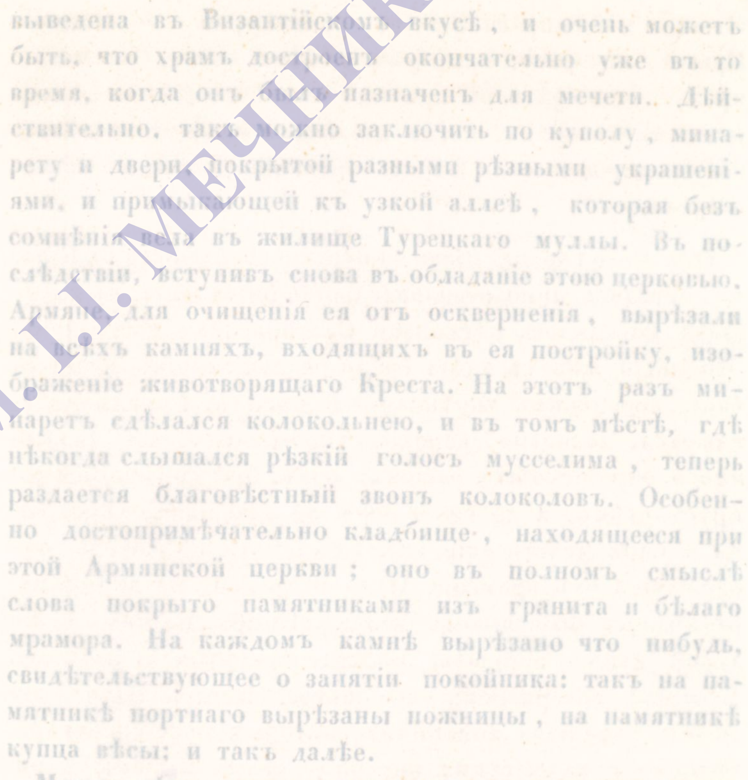
сборное мѣсто; вездѣ было видно самое дѣятельное движеніе, повсюду раздавался неумолкаемый шумъ.

Ожидаемое прибытіе Государя Императора вновь оживило въ этомъ древнемъ городѣ всю Азіатскую роскошь, которая въ прежнія времена такъ была ему знакома. Со всѣхъ сторонъ въ этотъ городъ съѣзжались депутаціи отъ жителей разныхъ мѣстностей. Особенно богатою одеждою отличались Татарскіе представители Кара-су-Базара; это были все лишь муллы, хаджи, эфенди, которые прибывали небольшими группами, въ своихъ національныхъ повозкахъ, (маджіарахъ), запряженныхъ верблюдами. Подъѣхавъ къ городу, они выходили изъ повозокъ и отправлялись въ какой нибудь ханъ, гдѣ тотчасъ же садились на дворѣ, подъ открытымъ небомъ, но въ тѣни. Вотъ ясное доказательство, что это племя и до сихъ поръ сохранило еще привычку жить не въ домахъ, а на чистомъ воздухѣ. Усѣвшись, они принимались курить и курили съ утра до вечера, все ожидая вождѣленнаго прибытія Монарха. Но къ величайшему прискорбію, какъ этихъ добрыхъ Татаръ, такъ и всей Ѳеодосіи, ожиданіе ихъ было напрасное: Государь Императоръ въ этотъ разъ не изволилъ посѣтить Ѳеодосіи.

Кафскія мечети ни чѣмъ не отличаются отъ прочихъ, которыя мы видѣли въ Крыму; и потому объ нихъ не станемъ говорить, а скажемъ лишь нѣсколько словъ о существующей здѣсь Армянской церкви. По многимъ признакамъ видно, что церковь эта начата построеніемъ очень давно, а достроена гораздо позже. Вся нижняя часть ея отличается совершенно особеннымъ характеромъ; она, по всей вѣроятности, возведена еще въ тринадцатомъ вѣкѣ, когда Армянамъ впервые было дозволено поселиться въ Каффѣ, сдѣлавшейся ихъ убѣжищемъ при нашествіи Татаръ. Верхняя часть

Древняя мечеть, превращенная въ православную церковь, въ Ѳеодосіи.

выведена въ Византійскомъ вкусѣ, и очень можетъ быть, что храмъ достроенъ окончательно уже въ то время, когда онъ былъ назначенъ для мечети. Дѣйствительно, такъ можно заключить по куполу, минарету и двери, покрытой разными рѣзными украшеніями, и примыкающей къ узкой аллеѣ, которая безъ сомнѣнія вела въ жилище Турецкаго муллы. Въ послѣдствіи, вступивъ снова въ обладаніе этою церковью, Армяне, для очищенія ея отъ оскверненія, вырѣзали на всѣхъ камняхъ, входящихъ въ ея постройку, изображеніе животворящаго Креста. На этотъ разъ минаретъ сдѣлался колокольнею, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда слышался рѣзкій голосъ мусселима, теперь раздается благовѣстный звонъ колоколовъ. Особенно достопримѣчательно кладбище, находящееся при этой Армянской церкви; оно въ полномъ смыслѣ слова покрыто памятниками изъ гранита и бѣлаго мрамора. На каждомъ камнѣ вырѣзано что нибудь, свидѣтельствующее о занятіи покойника: такъ на памятникѣ портнаго вырѣзаны ножницы, на памятникѣ купца вѣсы; и такъ далѣе.

Между тѣмъ время подвигалось; съ каждымъ днемъ становилось холоднѣе; дулъ сухой восточный вѣтеръ; въ городѣ всѣ начинали мало по малу надѣвать теплую одежду, протапливать комнаты. Прогулки наши становились уже не такъ пріятны; но однакожь ничто не могло охладить нашего усердія. Еще на другой день по прибытіи нашемъ, мы отправились къ юговостоку отъ Каффы, въ окрестности деревни, называющейся Коткебель. Эта деревня лежитъ въ дикомъ, но величественномъ мѣстоположеніи, и отдѣляется отъ города цѣпью большихъ круглыхъ возвышенностей. По сосѣдству съ Коткебелемъ наши натуралисты нашли множество любопытныхъ ископаемыхъ.

выведена въ Византійскомъ вкусѣ, и очень можетъ быть, что храмъ достроенъ окончательно уже въ то время, когда онъ былъ назначенъ для мечети. Дѣйствительно, такъ можно заключить по куполу, минарету и двери, покрытой разными рѣзными украшеніями, и примыкающей къ узкой аллеѣ, которая безъ сомнѣнія вела въ жилище Турецкаго муллы. Въ послѣдствіи, вступивъ снова въ обладаніе этою церковью, Армяне, для очищенія ея отъ оскверненія, вырѣзали на всѣхъ камняхъ, входящихъ въ ея постройку, изображеніе животворящаго Креста. На этотъ разъ минаретъ сдѣлался колокольнею, и въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда слышался рѣзкій голосъ муселима, теперь раздается благовѣстный звонъ колоколовъ. Особенно достопримѣчательно кладбище, находящееся при этой Армянской церкви; оно въ полномъ смыслѣ слова покрыто памятниками изъ гранита и бѣлаго мрамора. На каждомъ камнѣ вырѣзано что нибудь, свидѣтельствующее о занятіи покойника: такъ на памятникѣ портнаго вырѣзаны ножницы, на памятникѣ купца вѣсы; и такъ далѣе.

Между тѣмъ время подвигалось; съ каждымъ днемъ становилось холоднѣе; дулъ сухой восточный вѣтеръ; въ городѣ всѣ начинали мало по малу надѣвать теплую одежду, протапливать комнаты. Прогулки наши становились уже не такъ пріятны; но однакожь ничто не могло охладить нашего усердія. Еще на другой день по прибытіи нашемъ, мы отправились къ юго-востоку отъ Каффы, въ окрестности деревни, называющейся Коткебель. Эта деревня лежитъ въ дикомъ, но величественномъ мѣстоположеніи, и отдѣляется отъ города цѣпью большихъ круглыхъ возвышенностей. По сосѣдству съ Коткебелемъ наши натуралисты нашли множество любопытныхъ ископаемыхъ.

Отсюда мы отправились въ Эски-Сарай или Старый Крымъ, котораго, какъ уже сказано выше, не могли прежде осмотрѣть по причинѣ сильнаго дождя, лившаго въ то время, когда мы ѣхали мимо этого мѣста, составлявшаго, если вѣрить преданію, столицу полуострова.

Отъ этого города, нѣкогда первенствовавшаго въ Крыму, остались лишь незначительныя развалины, въ которыхъ поселилось нѣсколько Булгаргскихъ выходцевъ. Эти люди живутъ здѣсь среди разрушенныхъ мечетей, бань, городскихъ укрѣпленій и могилъ. Городъ былъ, кажется, довольно хорошо укрѣпленъ: мы видѣли много обрушенныхъ башенъ; ровъ, простиравшійся вокругъ стѣнъ, и до сихъ поръ не засыпанъ. Одна баня и одна мечеть еще уцѣлѣли, хотя обѣ очень повреждены отъ времени. И та и другая, по видимому, отличались особеннымъ великолѣпіемъ. Въ мечети, которой двери покрыты прекрасною рѣзною работою, Булгары совершаютъ свое богослуженіе. Извнѣ эта мечеть украшена колоннами, которыя испещрены арабесками и надписями; внутри — шесть изящныхъ пилястръ поддерживаютъ сводъ и нишь, гдѣ помѣщался мулла. Все это отличается вкусомъ восточнымъ, исполненнымъ изящества. При внимательномъ осмотрѣ, можно еще замѣтить слѣды яркой живописи, украшавшей внутренность зданія.

Вокругъ Стараго-Крыма очень много кургановъ, свидѣтельствующихъ, что городъ выстроенъ и процвѣталъ еще прежде нежели Крымъ подпалъ владычеству Татаръ. Курганы эти были неизвѣстно кѣмъ разрыты, вещи въ нихъ найденныя, похищены и утрачены. Здѣсь можно удостовѣриться, что во внутренности кургановъ устроивался каменный сводъ,

въ которомъ помѣщались покойники, а отверстіе закрывалось плитою и потомъ уже насыпался курганъ.

При подобныхъ занятіяхъ время проходило для насъ очень быстро. Мы порядочно отдохнули въ Ѳеодосіи и пора уже было намъ отправиться далѣе. Между тѣмъ къ намъ присоединился г. Ле-Плэ, который изслѣдовавъ берега Дона, прибылъ для осмотра Крыма въ минералогическомъ отношеніи.

Когда все было готово, мы отправились, оставивъ на этотъ разъ при обозѣ нашего добраго Михаила Барба-Кристи, страдавшаго лихорадкою, и 4-го октября покатились по дорогѣ въ Керчь, теперь уже закутанные въ плащи, едва защищавшіе насъ отъ холоднаго вѣтра.

Страна, по которой мы ѣхали, представляла степь совершенно обнаженную, невоздѣланную, изрѣдка лишь посѣщаемую вереницами морскихъ птицъ. Кое гдѣ попадались Нѣмецкія колоніи, легко узнаваемыя, еще издалека, по огромнымъ мельницамъ, обыкновенно при нихъ устроеннымъ.

Въ Порпачѣ, первой станціи, гдѣ мы остановились на этой дорогѣ, насъ поразило чрезвычайно большое стеченіе Татаръ и Нѣмцевъ; они привели сюда своихъ лошадей, которыхъ требовалось очень много для почты. Между тѣмъ какъ мы разговаривали съ этими добрыми Нѣмцами, наши натуралисты не безъ пользы осматривали окрестности. Они нашли здѣсь, въ глубинѣ какого-то оврага, новый родъ раковинъ, замѣчательной красоты, и видѣли огромныхъ драфъ, летавшихъ очень тяжело, но столь сторожкихъ, что ни одной не удалось убить.

Между тѣмъ намъ привели лошадей, запрягли ихъ въ наши повозки, и мы опять понеслись по степи. Вторая станція была въ Аргинѣ. Этотъ почтовый

домъ расположенъ на горной площадкѣ, на которую въѣзжаешь по степной дорогѣ, незамѣтно возвышающейся. Отсюда почва такъ же постепенно и нечувствительно понижается до Керчи. Во все продолженіе дороги, справа, то есть вдоль по южной сторонѣ, тянется цѣпь холмовъ, столь высокихъ, что они совершенно закрываютъ видъ моря, омывающаго подошву этихъ холмовъ. Равнина, менѣе безплодная нежели въ окрестностяхъ Ѳеодосіи, представляетъ видъ столь же пустынный. На ней повсюду растетъ высокая трава, въ которой скрываются въ большомъ количествѣ зайцы и драфы, но человѣческаго жилья нигдѣ не видно. Прежде, однакожь, здѣсь было нѣсколько Татарскихъ деревень, но всѣ онѣ опустѣли. Мы проѣзжали по мѣстамъ, гдѣ нѣкогда стояли эти деревни; все въ нихъ опрокинуто и развалилось точно отъ дѣйствія землетрясенія, ничто не устояло: ни домы, ни надгробные памятники, ни мечети. И самыя развалины уже поросли травою, такъ что можно подумать, будто прошло нѣсколько столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ страна эта предана запустѣнію. Между тѣмъ однакожь, эти уничтоженныя деревни были заселены еще въ 1833-мъ году. Но тогда въ здѣшнихъ степяхъ случился страшный голодъ и жители поспѣшили выселиться въ другія, болѣе плодородныя страны; остальное довершили вѣтры, бури и непогодица, которые придали этимъ развалинамъ столь древностный видъ, что самые опытные антикваріи легко могутъ ошибиться на счетъ времени, когда упомянутыя деревни оставлены жителями.

Въ осьмнадцати верстахъ отъ Аргина мы переѣзжали черезъ широкій, весьма древній ровъ, обведенный съ восточной стороны валомъ. Этотъ ровъ тянется, отъ сѣвера къ югу, черезъ весь Керчскій полуостровъ, въ самомъ широкомъ его мѣстѣ. Ровъ вырытъ незадолго до окончательнаго паденія Босфорскаго царства, котораго составлялъ послѣднюю защиту; онъ до сихъ поръ сохранилъ названіе Акосскаго укрѣпленія. Теперь Акосское укрѣпленіе служитъ защитою для останавливающихся здѣсь на ночлегъ обозовъ, которые, смотря по надобности, становятся то съ восточной, то съ западной стороны, укрываясь отъ вѣтровъ, дующихъ въ здѣшней, отвсюду открытой, степи съ чрезвычайною силою.

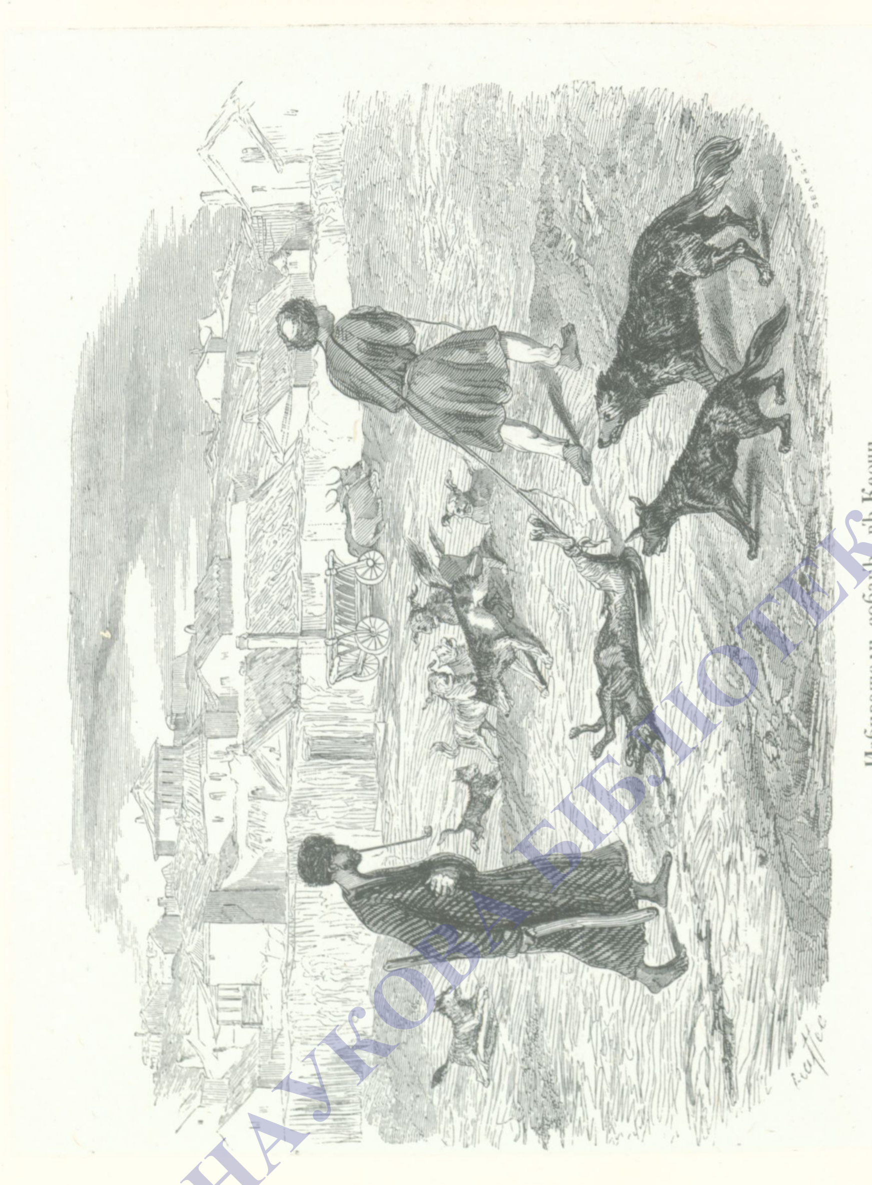
Приближаясь къ Керчи, мы въѣхали въ такое мѣсто, гдѣ почти на каждомъ шагу попадались курганы. Нигдѣ намъ не случалось встрѣтить этихъ насыпей въ такомъ большомъ количествѣ. Замѣчательно, что здѣсь и естественные холмы, своимъ внѣшнимъ видомъ, очень много сходствуютъ съ курганами. Впрочемъ, здѣшніе курганы всѣ были уже разрыты, обысканы и оставлены полуразрушенными, такъ что на нихъ грустно смотрѣть. Конечно, очень хорошо было для науки собрать всѣ вещи, безполезно въ курганахъ лежавшія, и такимъ образомъ знакомить современниковъ и потомство съ древностью, но тѣмъ не менѣе можно бы, кажется, обыскавъ курганъ, опять зарыть его и даже поставить на немъ хоть какую нибудь доску съ надписью, въ которой исчислялись бы вещи, въ томъ или другомъ курганѣ найденныя; это послужило бы полезнымъ указаніемъ для историковъ и антикваріевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ сохранились бы и самые курганы, составляющіе также не только древность, но и не послѣднюю достопримѣчательность здѣшняго края.

Въ Керчь, эту древнюю столицу Босфорскаго царства, мы въѣхали по широкой, прекрасной улицѣ, въ которой было проведено крѣпкое шоссе, покатое къ обоимъ краямъ; тротуары въ ней сдѣланы изъ широкихъ

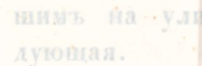
плитъ, домы изъ мягкаго скважистаго известняка, такого же какъ и въ Одессѣ. По внѣшнему виду домовъ, по ихъ аркадамъ, колоннамъ и другимъ архитектурнымъ украшеніямъ, Керчь очень похожа на Европейскій городъ, и въ ней нѣтъ такихъ несоразмѣрно широкихъ улицъ, какія мы находили въ нѣкоторыхъ новѣйшихъ городахъ южной Россіи. Главная улица пересѣкается подъ прямымъ угломъ другими, и всѣ содержатся въ чрезвычайной чистотѣ. Въ одной изъ этихъ боковыхъ улицъ, мы нашли, послѣ долгихъ поисковъ, гостинницу *Босфоръ*, о которой заранѣе знали, что это лучшая и почти, можно сказать, единственная гостинница въ Керчи. И не смотря на то, какая однакожь гостинница! Представьте, что вмѣсто кровати и здѣсь мы нашли только зловѣщій билліардъ, напоминавшій намъ о нашемъ пребываніи въ Валахіи.

Гостинницу Босфоръ содержитъ Нѣмецъ; у него премилое семейство. Но увы! эти Нѣмцы сохранили и здѣсь свою національную медлительность. Мы должны были дожидаться нѣсколько часовъ, пока намъ развели огонь въ огромной печи, которая могла нагрѣться не иначе какъ послѣ продолжительной, почти суточной топки. Столь же долго вынуждены мы были дожидаться и скуднаго ужина. Въ окнахъ недоставало трехъ стеколъ, и отъ того въ комнатѣ была сильная стужа; мы попросили, чтобы стекла эти вставили; но такое требованіе изумило всѣхъ отъ мала до велика, и съ той поры никто уже не хотѣлъ намъ служить, всѣ говорили, что мы черезъ чуръ взыскательны.

Впрочемъ, здѣсь мы удостовѣрились, что можно очень хорошо заснуть безъ стеколъ и безъ кровати. Всѣ мы спали прекрасно до самаго разсвѣта, но вдругъ были пробуждены ужаснымъ шумомъ, происходив-

Избиватели собакъ въ Керчи.

шимъ на ули[illegible] Причина этого шума была слѣдующая.

Въ Керчи, [illegible] во всѣхъ городахъ [illegible], водится множ[illegible] бездомныхъ собакъ, [illegible] бы начальств[illegible] принимало никакихъ мѣръ [illegible] ихъ распложе[illegible] могли бы сдѣлаться [illegible] жителей. [illegible] ніе этихъ мѣръ [illegible] Керчи цыгана[illegible] которые поступаютъ [illegible] образомъ: од[illegible] изъ этихъ цыганъ, одѣтый въ [illegible]дѣленное для [illegible] его занятія платье, тащитъ на веревкѣ убитую [illegible] какую-нибудь собаку. Такимъ образомъ онъ обходитъ [illegible] ныя улицы, скрывая подъ плащемъ огромный ко[illegible] который служитъ ему для истребленія собакъ. [illegible] появляется онъ на улицѣ, какъ отвсюду раздае[illegible] страшный лай и вой собакъ, которыя узнаютъ [illegible] его палача, а можетъ быть и жертву. Собаки эти б[illegible]аются за цыганомъ и преслѣдуютъ его, но большею [illegible]астію издали, а онъ между тѣмъ продолжаетъ [illegible]ти спокойно, до тѣхъ поръ, пока которая нибуд[illegible] [illegible]бака подбѣжитъ къ нему такъ близко, что ему удо[illegible] достать ее. Тогда онъ быстро оборачивается и [illegible]разу убиваетъ собаку. Такъ продолжаетъ онъ нѣ[illegible]лько времени, пока въ городѣ [illegible] спятъ, а вече[illegible] [illegible]ъ является въ полицію, гдѣ получаетъ за каждую [illegible]тую собаку по двадцати пяти [illegible] ассигнаціями.

Вставши, [illegible] тотчасъ отправились осматривать Керчь. Городъ этот[illegible] лежитъ на восточной оконечности Таврическаго п[illegible]уострова, при глубокой бухтѣ, [illegible]ющей Ким[illegible]рійскій Босфоръ, и занимаетъ [illegible]но большое [illegible]пространство, растянувшись [illegible] полумѣсяца п[illegible] сѣверному берегу бухты, [illegible]ихъ возвышенно[illegible] [illegible]ахъ, ее окружающихъ. [illegible] почти въ сам[illegible] [illegible]ъ центрѣ, возносится [illegible] большой.

шимъ на улицѣ. Причина этого шума была слѣдующая.

Въ Керчи, какъ и во всѣхъ городахъ на Востокѣ, водится множество бездомныхъ собакъ, которыя, если бы начальство не принимало никакихъ мѣръ противъ ихъ распложенія, могли бы сдѣлаться опасными для жителей. Исполненіе этихъ мѣръ поручается въ Керчи цыганамъ, которые поступаютъ слѣдующимъ образомъ: одинъ изъ этихъ цыганъ, одѣтый въ опредѣленное для такого занятія платье, тащитъ на веревкѣ убитую наканунѣ собаку. Такимъ образомъ онъ обходитъ разныя улицы, скрывая подъ плащемъ огромный колъ, который служитъ ему для истребленія собакъ. Едва появляется онъ на улицѣ, какъ отвсюду раздается страшный лай и вой собакъ, которыя узнаютъ своего палача, а можетъ быть и жертву. Собаки эти бросаются за цыганомъ и преслѣдуютъ его, но большею частію издали, а онъ между тѣмъ продолжаетъ идти спокойно, до тѣхъ поръ, пока которая нибудь собака подбѣжитъ къ нему такъ близко, что ему удобно достать ее. Тогда онъ быстро оборачивается и съ разу убиваетъ собаку. Такъ продолжаетъ онъ нѣсколько времени, пока въ городѣ еще спятъ, а вечеромъ является въ полицію, гдѣ получаетъ за каждую убитую собаку по двадцати пяти копѣекъ ассигнаціями.

Вставши, мы тотчасъ отправились осматривать Керчь. Городъ этотъ лежитъ на восточной оконечности Таврическаго полуострова, при глубокой бухтѣ, замыкающей Киммерійскій Босфоръ, и занимаетъ довольно большое пространство, разстилаясь въ видѣ полумѣсяца по сѣверному берегу бухты, на плоскихъ возвышенностяхъ, ее окружающихъ. Надъ нимъ, почти въ самомъ центрѣ, возносится довольно большой,

круто спускающійся къ морю холмъ, называемый *Митридатовою* горою. На этой горѣ нѣкогда стоялъ *Акрополисъ*, цитадель древней Пантикапеи; на самой вершинѣ горы возвышается курганъ, покрытый огромными камнями; этотъ курганъ называютъ гробницею Митридата. У подошвы кургана стоитъ растрескавшійся камень, довольно сходный съ курульными креслами и называемый Митридатовыми креслами. Отсюда, по увѣренію преданія, знаменитый Понтійскій царь осматривалъ съ гордостью свой многочисленный флотъ, наводившій страхъ даже на Римлянъ.

Въ новѣйшее время на Митридатовой горѣ устроили обширное зданіе, въ которомъ выставлены многочисленные драгоцѣнные предметы, извлеченные изъ кургановъ. Эта гора во многихъ мѣстахъ разрыта и въ ней найдено большое количество человѣческихъ костей. Отъ музея до города вы спускаетесь по исполинской лѣстницѣ, устроенной въ новѣйшее время, украшенной Греческими балюстрадами, масками и чашами. Тутъ же помѣщены Пантикапейскіе драконы, отличающіеся прекрасною отдѣлкою. Лѣстница примыкаетъ къ многоугольной площади, окруженной аркадами, на которой помѣщается рынокъ. Вокругъ этой площади проходятъ многія правильныя улицы; нѣкоторыя изъ нихъ спускаются къ морю. Но главная улица, простирающаяся къ сѣверо-западу, тянется черезъ весь городъ изъ конца въ конецъ. Это самая торговая и населенная улица; параллельно съ нею проходятъ еще другія, также пересѣкаемыя подъ прямымъ угломъ. Вокругъ всей бухты устроена каменная набережная; вдоль по этой набережной выстроено множество прекрасныхъ домовъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто занимаютъ домъ губернатора, таможня и обширные магазины для складки товаровъ. По несчастію

корабли не могутъ подходить къ набережной по причинѣ мелководья; они останавливаются у стѣнъ карантина, устроеннаго на томъ берегу бухты, гдѣ съ нею соединяется проливъ. Въ этомъ мѣстѣ море очень глубоко, а дно крѣпкое, представляющее большія удобства для якорной стоянки.

Прежде всего, мы посѣтили гражданскаго губернатора Керчи, князя Херхеулидзева. Онъ сдѣлалъ намъ такой пріемъ, котораго мы никогда не забудемъ. Узнавъ, что мы не имѣемъ порядочной квартиры, онъ приказалъ помѣстить насъ въ одномъ изъ домовъ, опредѣленныхъ для пріема придворныхъ лицъ. Не взирая на многочисленныя приготовленія по случаю ожидаемаго прибытія Государя, князь Херхеулидзевъ обнаруживалъ къ намъ весьма любезную внимательность. Мы имѣли случай провести съ нимъ нѣсколько вечеровъ въ самой пріятной бесѣдѣ. Онъ родился въ Грузіи и расказы его объ этой прекрасной странѣ, внушили намъ глубокое сожалѣніе, что мы не могли въ этотъ разъ посѣтить ее, какъ по причинѣ позднаго времени года, такъ и потому, что уже приближался срокъ нашему отъѣзду изъ Россіи.

Керченскій музей заслуживаетъ того, чтобы объ немъ сказать нѣсколько словъ. Это одинъ изъ богатѣйшихъ и замѣчательнѣйшихъ музеевъ, какіе мы когда либо видали. Однѣ Этрусскія вазы, найденныя въ Керчи, стоятъ того, чтобы объ нихъ написать цѣлый археологическій трактатъ. Всѣ онѣ украшены такими прекрасными рисунками, что съ ними очень бы хорошо познакомить Европу, снявъ ихъ на гравюру. Что сказать также о богатыхъ мраморныхъ кенотафахъ, вынутыхъ въ цѣлости изъ подземелій, въ которыхъ они были погребены болѣе двухъ тысячъ лѣтъ? Фигуры на нихъ выдѣланы не очень бойко, хотя прочія укра-

шенія выполнены удачнѣе: это внушаетъ мысль, что Греческіе города, гдѣ искусства вполнѣ процвѣтали, высылали въ свои колоніи не настоящихъ мастеровъ, а только учениковъ ихъ. Не станемъ исчислять надгробныхъ камней всѣхъ временъ, которые хранятся въ этомъ прекрасномъ музеѣ. Надписей на такихъ камняхъ множество и при томъ самыхъ разнообразныхъ, начиная отъ чистѣйшаго Греческаго языка, до нарѣчій, наиболѣе отъ него уклонившихся. На многихъ камняхъ, при Греческой надписи, видно изображеніе Татарина, верхомъ на конѣ, вооруженнаго почти также какъ въ новѣйшее время.

Во многихъ шкапахъ, снабженныхъ стеклами, сохраняется безчисленное множество драгоцѣннѣйшихъ предметовъ, медалей, хрустальныхъ вазъ, цѣпочекъ, колецъ, и такъ далѣе. Музей содержится превосходно. Въ разстановкѣ предметовъ соблюденъ, по возможности, хронологическій порядокъ. При каждой надписи, а ихъ безчисленное множество, приложенъ и тщательно сдѣланный переводъ на Русскомъ и Французскомъ языкахъ.

Здѣсь то преимущественно поймешь назначеніе кургановъ, хотя все еще не узнаешь времени, когда начали воздвигаться эти странные памятники. И въ самомъ дѣлѣ почему можно угадать сколько вѣковъ назадъ насыпанъ тотъ или этотъ курганъ? Въ одномъ изъ нихъ покоился Грекъ, въ другомъ какой нибудь Босфорскій сановникъ, а въ третьемъ, можетъ быть даже Сарматъ, Хазаръ, Печенѣгъ.

Всего болѣе мы любили прогуливаться на *Акъ-Бурунъ*, что по Татарски значитъ «бѣлый носъ». Словомъ « носъ » Татары называютъ всѣ высоты, вдающіяся въ море, и называвшіяся у Латинянъ *promontorium*, а нынѣ именующіяся у Французовъ *cap*, у Англичанъ *head* (голова). Съ этого мыса взоръ обнимаетъ самую обширную и великолѣпную панораму. Мысъ *Акъ-Бурунъ* лежитъ у южной оконечности Керченской бухты; съ него видны и Черное море и проливъ съ обоими своими устьями и Азіатскій берегъ, на отдаленнѣйшемъ краю котораго синѣются вершины Кавказскаго хребта.

На самомъ верху мыса находится еще огромный курганъ, отъ котораго тянется множество холмовъ, сливающихся съ возвышенностями, окружающими городъ. Отсюда мы каждый разъ насчитывали болѣе ста кораблей, плывущихъ по Босфору Киммерійскому, или стоящихъ на якорѣ у стѣнъ обширнаго карантина.

Наши натуралисты простирали еще далѣе свои поиски. На *Каміутъ-Бурунѣ*, другомъ мысѣ, находящемся по сосѣдству, они нашли драгоцѣнныя раковины, какихъ до сихъ поръ не имѣлось еще ни въ одномъ изъ Европейскихъ музеевъ.

Однажды вечеромъ, возвратясь въ Керчь, мы нашли всѣхъ ея жителей на набережной. Шлюпка губернатора съ гребцами, щегольски одѣтыми, отчалила отъ берега, и направилась къ двумъ пароходамъ, только что вошедшимъ въ бухту. Ура! наконецъ пламенныя желанія жителей исполнились. Государь изволилъ прибыть! Нѣкоторые изъ наиболѣе зоркихъ, находившихся въ числѣ присутствовавшихъ, даже узнали Его Величество на палубѣ парохода « Сѣверная Звѣзда ».

Государь Императоръ принялъ на пароходѣ городскихъ сановниковъ, но изволилъ объявить, что выйдетъ на берегъ уже на слѣдующее утро. Ночью весь заливъ и всѣ его окрестности озарились блестящею, истинно волшебною иллюминаціею. На Акъ-Бурунѣ навалено было множество смолистыхъ ве-

ществъ, которыя, будучи зажжены, разливали по окрестностямъ синеватый свѣтъ. Вся Керчь, ея улицы, зданія, историческая гора, словомъ все блистало рядами огней, которые тянулись по сосѣднимъ деревнямъ до самаго карантина. Все это въ совокупности образовало огромную массу огня, еще повторенную посредствомъ отраженія въ волнахъ залива. А въ самомъ городѣ, между тѣмъ, повсюду господствовало веселье, вездѣ гремѣла музыка, давались балы; словомъ, лучше не могло бы быть ни въ какой, даже самой большой, столицѣ Европы.

На слѣдующее утро, съ самаго разсвѣта, народъ уже толпился на набережной. Наконецъ Государь изволилъ вступить на берегъ. Минута эта была истинно торжественная. Нельзя описать какой живописный видъ представляла толпа, скопившаяся вокругъ гавани, и одушевленная одинакими чувствами. Русскіе, принадлежащіе большею частію къ должностнымъ лицамъ, по этой причинѣ почти всѣ были въ мундирахъ, Евреи въ своихъ лучшихъ черныхъ одѣяніяхъ, Татары въ плащахъ изъ бараньей шкуры. Въ числѣ зрительницъ было много прекрасныхъ Гречанокъ и Русскихъ дамъ, которыхъ, если бы только не языкъ, на которомъ онѣ говорили, можно бы было принять за Француженокъ, такъ могущественно вліяніе модъ, сливающихъ весь женскій полъ цѣлаго міра въ одну націю!

Государь Императоръ вышелъ на берегъ при радостныхъ восклицаніяхъ народа; вмѣстѣ съ Его Величествомъ находился и Государь Наслѣдникъ. Вскорѣ подъѣхали кареты, заранѣе изготовленныя, и Августѣйшіе гости отправились въ соборъ, гдѣ происходило благодарственное молебствіе. Потомъ Государь Императоръ и Государь Наслѣдникъ

изволили посѣщать музей и осматривать вновь строимыя зданія, въ числѣ которыхъ особеннаго замѣчанія заслуживаетъ большая церковь, прекраснаго Греческаго стиля, на которой сдѣлана слѣдующая Латинская надпись: *Reddite Dei Deo, et Caesaris Caesari.* (Воздайте Божія Богови, Кесарево Кесареви).

Послѣ того Государь удостоилъ своего посѣщенія домъ губернатора. Князь Херхеулидзевъ собралъ въ одно мѣсто самые драгоцѣнные предметы Пантикапейской коллекціи, найденныя въ богатѣйшемъ курганѣ, какой только былъ до сихъ поръ открытъ. Невѣроятна роскошь, съ какою была погребена какая-то весьма знатная Гречанка; предметы, о которыхъ мы говоримъ, были найдены въ ея могилѣ; тутъ были драгоцѣннѣйшія ея убранства, алмазныя украшенія, красивыя принадлежности самаго утонченнаго туалета, сбруя любимой лошади, покрытая золотомъ и дорогими каменьями. Но всего драгоцѣннѣе то, что тутъ же найдена золотая маска и лавровый вѣнецъ изъ того же металла, покрывавшіе лице и чело знаменитой покойницы. Эта маска, довольно толстая, была сдѣлана, какъ видится, не на обумъ. Она вѣроятно приходилась точь въ точь по лицу покойницы, и составляла слѣпокъ съ него, потому что самыя несовершенства ея доказываютъ, что она снята съ натуры. Эти драгоцѣнныя древности отвезены въ С. Петербургскій музей, составляющій для нихъ наиболѣе приличное мѣсто храненія.

Государь изволилъ осматривать этотъ возрожденный городъ и одобрить планъ, составленный для его дальнѣйшаго распространенія. Черезъ нѣсколько часовъ, посвященныхъ болѣе дѣламъ, нежели отдыху, Его Величество снова отправился въ море, а Государь Наслѣдникъ изволилъ остаться въ Керчи, откуда отправился сухимъ путемъ въ имѣніе Князя

Воронцова, Алупку, гдѣ въ это время уже находилась Государыня Императрица, со всѣмъ дворомъ.

Что касается до насъ, то мы поспѣшили въ Тамань, на противоположной сторонѣ пролива; по пути туда мы посѣтили новую крѣпость Ени-Кале: такъ называется небольшой, довольно древній городъ, господствующій надъ самымъ узкимъ мѣстомъ Киммерійскаго Босфора. До карантина дорога содержится очень хорошо, потому что по ней ежедневно ѣздятъ возы Керченскихъ купцевъ, которыхъ торговля поддерживается исключительно доставкою разныхъ товаровъ въ этотъ карантинъ. Дорога эта проходитъ черезъ Русскую деревню, расположенную по обѣимъ ея сторонамъ. Но далѣе за карантиномъ, почва скользкая и ѣхать по ней чрезвычайно затруднительно, особенно въ дождливое время. Упомянутая дорога идетъ довольно близко къ морскому берегу, на которомъ особенно замѣчательны скалы звѣздчатаго коралла, отличающіяся своими странными формами, представляющими то пещеры, то легкія аркады, какъ будто нарочно устроенныя, для утвержденія на нихъ моста. Въ углубленіяхъ этихъ скалъ, составляющихъ произведеніе слабаго моллюска, сидятъ черные бакланы и другія морскія птицы. Вдругъ, при звукѣ ружейнаго выстрѣла, птицы эти цѣлою тучею поднимаются на воздухъ, и по миновании опасности, опять садятся на свои мѣста.

Къ Ени-Кале мы спустились по крутому съѣзду. Этотъ городокъ попеременно принадлежалъ то Генуэзцамъ, то Туркамъ, а теперь населенъ почти исключительно Греками. Въ сѣверной части его находится крѣпость, такъ дурно и неправильно устроенная, что въ ней тотчасъ можно угадать произведеніе невѣжественныхъ Турокъ. Въ новѣйшее время ее починили и прибавили

къ ней нѣкоторыя, очень хорошія постройки; особенно въ этихъ постройкахъ замѣчательны ворота, отличающіяся чистымъ восточнымъ стилемъ. Кромѣ того заслуживаетъ вниманія громадная четырехъ-угольная башня, снабженная по угламъ маленькими сторожевыми башенками, напоминающая военную архитектуру Генуэзцевъ. У подошвы башни есть два фонтана, устроенные Турками. Одинъ изъ нихъ совершенно обвалился и воды въ немъ уже нѣтъ; но изъ другаго еще бьетъ весьма чистая вода, падающая въ прекрасный Греческій саркофагъ изъ бѣлаго мрамора, служащій ему бассейномъ. Рѣзьба на этомъ саркофагѣ почти уже изгладилась, но еще видно, что на немъ были изображены двѣ птицы. Въ Ени-Кале есть нѣсколько магазиновъ, въ которыхъ продается холстъ, деготь, весла, и чрезвычайное множество рыбы. Большая часть этой рыбы отпускается въ Керчь, остальную солятъ.

Послѣ продолжительныхъ, съ великими затрудненіями сопряженныхъ, переговоровъ, намъ удалось наконецъ нанять небольшую барку для переѣзда черезъ проливъ. Барка эта была судно узкое, длинное, снабженное двумя треугольными парусами. Очень трудно было намъ обогнуть небольшой мысъ, поросшій травою; но потомъ мы въѣхали въ обширную Таманскую бухту, гдѣ плыть было гораздо удобнѣе, и мы могли заняться стрѣльбою лебедей, баклановъ и другихъ водяныхъ птицъ, которыя водятся здѣсь въ огромномъ количествѣ; поднявшись, послѣ выстрѣла, на воздухъ, онѣ производили крыльями шумъ, довольно похожій на раскаты отдаленнаго грома.

Приближаясь къ Тамани, мы были поражены печальнымъ видомъ берега, на которомъ она стоитъ. Со стороны моря Тамань не представляетъ ничего

31

величественнаго; этотъ городъ есть не иное что какъ сборище бѣдныхъ хижинъ, крытыхъ соломою: лишь кое гдѣ видны небольшіе домы, служащіе жилищемъ для военныхъ лицъ, которымъ ввѣрено начальство надъ этимъ важнымъ постомъ. Давъ удовлетворительный отвѣтъ на вопросы, предложенные намъ при вступленіи въ городъ, мы отправились, обливаемые холоднымъ дождемъ, отыскивать квартиру.

Мы имѣли письмо отъ одного Генуэзца, живущаго въ Керчи, къ его соотечественнику, давно поселившемуся въ Тамани. Отыскавъ съ трудомъ жилище этого человѣка, мы представили наше письмо его женѣ, которая довольно непривѣтливо отвѣчала намъ, что мужъ ея въ отлучкѣ. Что было дѣлать? Мы принялись совѣтоваться, стоя на дворѣ, но и здѣсь собаки, не болѣе хозяйки гостепріимныя, начали лаемъ своимъ увѣщевать насъ, чтобы мы поскорѣе удалились и со двора. Опасаясь чего нибудь хуже, мы поспѣшили уйти.

Наконецъ, однакожь, наши Греческіе матросы нашли намъ тѣсную комнатку у какой-то доброй Русской старушки. Въ эту комнату намъ натащили сѣна, и мы расположились сколько могли лучше. Хижина, гдѣ мы помѣстились была на самой большой городской улицѣ; прямо противъ насъ находились домы, занимаемые главными начальниками; на обширныхъ дворахъ этихъ домовъ стояло множество экипажей, свидѣтельствовавшихъ, что сюда съѣхались офицеры для совѣщанія о военныхъ дѣйствіяхъ, происходившихъ очень близко оттуда. У одного дома стоялъ многочисленный караулъ; рядовые всѣ были одѣты въ Черкесскій костюмъ; на нихъ былъ надѣтъ казакинъ, перетянутый поясомъ; на груди помѣщались патроны; голова была накрыта косматою шапкою, нѣсколько сходною съ чалмой.

Козаки Кубанской линіи.

Въ Тамани службу отправляютъ одни Кубанскіе казаки; они же содержатъ караулы по всей Екатеринодарской военной дорогѣ и по сосѣднимъ берегамъ Кубани; равнымъ образомъ ихъ же посылаютъ для прикрытія обозовъ и проѣзжихъ.

Ничто не можетъ быть живописнѣе казацкихъ биваковъ, которыхъ главная квартира помѣщается въ бѣдномъ шалашѣ, крытомъ соломою. Вокругъ него разставлено множество тѣлегъ и лошадей, назначаемыхъ для перевоза проѣзжихъ, потому что казацкій постъ есть вмѣстѣ и почтовая станція, и каждый рядовой, смотря по надобности, отправляетъ должность или ямщика, или конвойнаго всадника. Вокругъ биваковъ нѣкоторые изъ воиновъ содержатъ такой же зоркій караулъ, какой обыкновенно соблюдается вблизи непріятеля, а между тѣмъ товарищи ихъ спокойно курятъ и разговариваютъ, сидя возлѣ своихъ пикъ, симметрически разставленныхъ и прислоненныхъ остріями къ кровлѣ.

Намъ нельзя было тратить много времени, а потому, не смотря на непогодицу, сильный дождь и грязь, мы отправились обозрѣвать окрестности Тамани. Прежде всего мы осмотрѣли церковь. Она окружена оградою, которая защищаетъ ее отъ песковъ, наносимыхъ вѣтромъ не рѣдко въ уровень съ оградною стѣною. Церковь эта деревянная, она возведена на древнемъ фундаментѣ, и въ нижней части ея странымъ образомъ перемѣшаны, съ простыми камнями, мраморныя плиты, украшенныя Греческими надписами. На ограду, окружающую эту церковь, всегда слетается большое количество хищныхъ птицъ, въ числѣ которыхъ мы видѣли соколовъ особенной, прекрасной породы, и нѣсколькихъ изъ нихъ застрѣлили.

Побывавъ въ церкви, мы отправились осматривать крѣпость, находящуюся не подалеку отъ Тамани и

Козаки Кубанской линіи.

Въ Тамани службу отправляютъ одни Кубанскіе казаки; они же содержатъ караулы по всей Екатеринодарской военной дорогѣ и по сосѣднимъ берегамъ Кубани; равнымъ образомъ ихъ же посылаютъ для прикрытія обозовъ и проѣзжихъ.

Ничто не можетъ быть живописнѣе казацкихъ биваковъ, которыхъ главная квартира помѣщается въ бѣдномъ шалашѣ, крытомъ соломою. Вокругъ него разставлено множество тѣлегъ и лошадей, назначаемыхъ для перевоза проѣзжихъ, потому что казацкій постъ есть вмѣстѣ и почтовая станція, и каждый рядовой, смотря по надобности, отправляетъ должность или ямщика, или конвойнаго всадника. Вокругъ биваковъ нѣкоторые изъ воиновъ содержатъ такой же зоркій караулъ, какой обыкновенно соблюдается вблизи непріятеля, а между тѣмъ товарищи ихъ спокойно курятъ и разговариваютъ, сидя возлѣ своихъ пикъ, симметрически разставленныхъ и прислоненныхъ остріями къ кровлѣ.

Намъ нельзя было тратить много времени, а потому, не смотря на непогодицу, сильный дождь и грязь, мы отправились обозрѣвать окрестности Тамани. Прежде всего мы осмотрѣли церковь. Она окружена оградою, которая защищаетъ ее отъ песковъ, наносимыхъ вѣтромъ не рѣдко въ уровень съ оградною стѣною. Церковь эта деревянная, она возведена на древнемъ фундаментѣ, и въ нижней части ея страннымъ образомъ перемѣшаны, съ простыми камнями, мраморныя плиты, украшенныя Греческими надписями. На ограду, окружающую эту церковь, всегда слетается большое количество хищныхъ птицъ, въ числѣ которыхъ мы видѣли соколовъ особенной, прекрасной породы, и нѣсколькихъ изъ нихъ застрѣлили.

Побывавъ въ церкви, мы отправились осматривать крѣпость, находящуюся не подалеку отъ Тамани и

построенную на высокихъ черныхъ утесахъ, составляющихъ берегъ бухты. Эта твердыня называется Фанагоріей; въ ней заключаются обширныя, прекрасныя казармы. Говорятъ, будто въ одномъ мѣстѣ этой крѣпости еще уцѣлѣли развалины древней стѣны, устроенной Іонійскими поселенцами. А извѣстно, что въ Фанагоріи и Тамани были заведены Греческія колоніи въ то самое время, когда Милитяне основывали Ѳеодосію и Пантикапею.

При возвращеніи на нашу скромную квартиру, намъ довелось проходить черезъ цѣлое море грязи. Но къ довершенію несчастія, и здѣсь мы вскорѣ замѣтили, что добрая хозяйка наша, видя у себя людей, говорящихъ языкомъ, вовсе ей незнакомымъ, начала раскаиваться, что пустила насъ. Впрочемъ, мы успѣли, щедрою платою за каждую услугу ея, за каждую вещь, которую брали, нѣсколько успокоить совѣсть бѣдной старушки, встревоженную опасеніемъ имѣть дѣло съ бусурманами.

Сентября 28-го, во вторникъ, мы съ ранняго утра были уже на пути изъ Тамани въ Бугасъ, лежащій на берегу Кубанскаго лимана, составляющаго обширное озеро, соединенное съ Чернымъ моремъ. Это озеро у древнихъ называлось Гирканскимъ моремъ, а у Татаръ *Кизиль-ташемъ*, или «Краснымъ камнемъ», по цвѣту нѣкоторыхъ сосѣдственныхъ скалъ. Бугасъ отстоитъ отъ Тамани на осьмнадцать верстъ; мы ѣхали туда на тѣлегахъ, запряженныхъ казацкими лошадьми, и кучерами у насъ были линѣйные казаки. Эти казаки чуть ли не лучше всѣхъ другихъ ямщиковъ; они люди чрезвычайно послушные и везли насъ удивительно скоро.

Бугасъ есть имя нарицательное, которое Турки даютъ вообще всякому мѣсту, гдѣ находится устье

какой нибудь рѣки. Деревня Бугасъ прислонена къ холмамъ средней вышины; прямо противъ нея, на плоской косѣ, огибающей лиманъ, находятся скромныя зданія карантина, въ которомъ очищаются товары, привозимые сюда изъ Анапы. Что касается до пріѣзжихъ изъ этой крѣпости, то и они также подвергаются карантинному заключенію, но продолжающемуся только одну недѣлю. Прибывъ къ рѣшеткѣ этого карантина, мы были встрѣчены нѣсколькими чиновниками; они обошлись съ нами очень вѣжливо и тотчасъ послали за лицами, съ которыми мы имѣли надобность переговорить.

Удостовѣрясь, что мы можемъ, безъ всякаго нарушенія законовъ, осмотрѣть окрестности Бугаса и посѣтить вершины сосѣднихъ горъ, съ которыхъ можно, на далекое разстояніе, видѣть Азіатскій берегъ, мы поспѣшили воспользоваться позволеніемъ, оставили въ Бугасѣ наши легкія повозки, и отправились, по вершинамъ сосѣдственныхъ высотъ, къ мысу, довольно далеко лежащему отъ Бугаса и господствующему надъ входомъ въ лиманъ. Перебравшись черезъ нѣсколько овраговъ, мы прибыли на площадку, совершенно лишенную всякой растительности и окруженную многими высокими горами. Здѣсь, изъ сухой почвы, вытекала и разливалась по скатамъ холма кипучая сѣроватая грязь, очень жидкая, освобождавшая газъ, отличающійся непріятнымъ запахомъ. По краямъ каждаго потока этой грязи мы замѣтили маслистыя, блестящія отложенія, а на кратерѣ, послѣ каждаго пузырька, образуемаго освобождающимся газомъ, оставалось темное кольцо, похожее цвѣтомъ на нефть. Мы взяли съ собою нѣсколько зеленоватой матеріи, скопляющейся по краямъ кратера, и разсмотрѣвъ ее въ послѣдствіи черезъ микроскопъ, нашли, что она состояла изъ

скопленія микроскопическихъ животныхъ, принадлежащихъ къ породѣ clostrum. Но объ этомъ подробнѣе будетъ сказано въ ученомъ отдѣлѣ нашего изданія. Въ самое короткое время мы нашли семнадцать такихъ отверстій, изъ которыхъ выходила, съ кипѣніемъ, но безъ особеннаго шума, описанная грязь, разливавшаяся маленькими ручейками, которые очень скоро лишались содержавшагося въ нихъ газа и потомъ засыхали.

Осмотрѣвъ это примѣчательное мѣсто, мы продолжали путь нашъ то по крутымъ холмамъ, то по песчаному берегу лимана, и наконецъ, около полудня, прибыли къ цѣли нашей прогулки, къ высокому мысу, составлявшему крайній предѣлъ нашего далекаго странствованія. Отсюда мы могли однимъ взглядомъ окинуть часть Европы и Азіи, и насладиться чудесною панорамою, которая составляла послѣднюю великолѣпнѣйшую картину, какою только могла достойно заключиться наша Одиссея.

Такъ на восточной сторонѣ течетъ рѣка Кубань; мы ясно видѣли то мѣсто, гдѣ она, протекая между низменныхъ береговъ, поросшихъ тростникомъ, сливалась съ моремъ, которое еще нельзя здѣсь назвать настоящимъ моремъ. По ту сторону обширнаго лимана, мы усматривали прекрасныя купы горъ, возвышавшихся на Азіатскомъ материкѣ, Анапу, бѣлѣвшуюся на морскомъ берегу, и величественный Кавказскій хребетъ, котораго вершины, облеченныя туманомъ, сливались съ облаками. На западной сторонѣ, виднѣлись, на оконечности песчаной косы, Бугасъ и его карантинъ. На сѣверѣ, горизонтъ ограничивался цѣпью плоскихъ возвышенностей, совершенно открытыхъ. Солнце, какъ будто желая поблагопріятствовать намъ, явилось во всемъ блескѣ своемъ и осыпало яркими

лучами самыя привлекательныя мѣста этой великолѣпной картины, которую мы въ первый и въ послѣдній разъ имѣли передъ глазами. Долго мы любовались ею, но наконецъ должны были подумать о возвращеніи. Снова сѣли мы въ наши тѣлеги и казаки быстро примчали насъ обратно въ Бугасъ, откуда мы возвратились прежнимъ путемъ въ Тамань.

Сентября 29-го мы встали очень рано, располагаясь въ тотъ же день ѣхать обратно; но море было сильно взволновано порывистымъ вѣтромъ и мы опасались, чтобы намъ не пришлось еще долго пробыть въ этомъ скучномъ городѣ. По счастію, около полудня, погода установилась и мы благополучно прибыли въ Ени-Кале. Здѣсь мы разстались съ нашими судовщиками и отправились въ Керчь, нанявъ вольныхъ лошадей, потому что почтовыхъ негдѣ было взять.

Послѣ всѣхъ испытанныхъ нами лишеній, Керчь показалась намъ истинною столицею, обильно снабженною всѣми житейскими удобствами. Едва расположились мы въ гостинницѣ «Босфоръ», какъ получили приглашеніе ѣхать къ Князю Херхеулидзеву и немедленно отправились къ нему. Князь принялъ насъ съ величайшимъ радушіемъ и познакомилъ съ своимъ семействомъ. При этомъ супруга Князя, прекрасная, весьма молодая дама, оказала намъ столько ласкъ, что мы никогда не будемъ въ состояніи забыть ихъ.

Мы уже говорили, что въ древности Керчь носила гармоническое имя Пантикапеи. Это имя дано ей первою Греческою колоніею, на этомъ мѣстѣ поселившеюся. Еще за 1230 лѣтъ до Р. Х. здѣсь основалась колонія Милитянъ, приведенная сюда Аэтесомъ, сыномъ Колхидскаго царя. Названіе Пантикапеи можно производить отъ двухъ слѣдующихъ Греческихъ словъ — *Панти* и *Кепосъ*, которыя на Дорійскомъ

нарѣчіи означаютъ *вездѣ* и *сады*. Но увы! теперь это названіе совершенно несоотвѣтственно, потому что около Керчи мы нигдѣ не нашли ни какихъ садовъ. Наиболѣе Пантикапея извѣстна тѣмъ, что была столицею Босфорскаго царства и мѣстопребываніемъ знаменитаго царя Митридата. Но потомъ, послѣ многочисленныхъ переворотовъ и бѣдствій, отъ этого, прежде процвѣтавшаго города, остались однѣ развалины, изъ которыхъ онъ только теперь начинаетъ возникать. Жителей въ Керчи, какъ говорятъ, всего три тысячи, что не соотвѣтствуетъ тому пространству, какое она занимаетъ. Торговля вся вообще производится при карантинѣ, къ которому свозятся товары, назначаемые къ отпуску въ Азовское море. Хотя для входа въ Керченскую гавань, корабли вынуждены пробираться по узкому, излучистому каналу, однакожь въ гавани, у стѣнъ карантина, они могутъ стоять совершенно безопасно. По этимъ причинамъ надобно думать, что современемъ Керчь сдѣлается однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ торговыхъ городовъ; впрочемъ, до сихъ поръ еще не замѣтно, чтобы торговля ея сильно развивалась. На кредитъ здѣсь производится очень много разныхъ сдѣлокъ, но въ деньгахъ замѣтенъ ощутительный недостатокъ, простирающійся до того, что иногда купецъ отказывается продать вамъ какую нибудь вещь, не имѣя сдачи. Вотъ почему человѣкъ, желающій размѣнять здѣсь деньги, бываетъ вынужденъ очень дорого платить за промѣнъ. Магазины торговцевъ, продающихъ свои товары въ разницу, почти всѣ расположены на большой улицѣ, о которой мы говорили выше, и обильно снабжены товарами. Замѣтно, что здѣсь пользуются особеннымъ предпочтеніемъ Московскія фабричныя издѣлія. Что касается до такъ называе-

мыхъ колоніальныхъ товаровъ, то они привозятся на Генуэзскихъ и Рагузскихъ корабляхъ, которые, выдержавъ карантинъ, идутъ за хлѣбомъ въ Азовское море, или въ самой Керчи нагружаются шерстью, саломъ, кожами.

Въ Керчи находится большой запасъ соли, привозимой съ Перекопскихъ соловаренъ; здѣсь также, въ новѣйшее время, основано складочное мѣсто каменнаго угля, доставляемаго изъ чужихъ краевъ и потребнаго для пароходовъ. Одни эти товары занимаютъ очень много народу при таможняхъ. На здѣшнемъ рынкѣ продается большое количество мяса, прекрасной зелени и рыбы разнаго рода.

Въ Керчи очень много Евреевъ, которые производятъ мелочную торговлю; въ ней есть также Татары, Италіанскіе торговцы, нѣсколько Греческихъ семействъ и цыганъ, но главная часть народонаселенія состоитъ изъ Русскихъ.

Уѣзжая изъ Керчи, мы не безъ труда могли добыть почтовыхъ лошадей. Михаила Барба-Кристи отправили мы съ обозомъ впередъ, приказавъ ему дожидаться насъ въ Ѳеодосіи, коллекціи наши поручили для отсылки одному торговому коммиссіонеру, а сами отправились въ Арабатъ. По причинѣ сильнаго дождя, дорога сдѣлалась очень скользка и въ первое время мы ѣхали весьма медленно. Къ довершенію несчастія, наша Валашская повозка изломалась на дорогѣ. Перевязавъ ее кое-какъ веревками, мы успѣли, однакожь доѣхать въ ней до ближайшаго станціоннаго дома, Аргина, о которомъ уже было упомянуто выше. Здѣсь мы нашли достаточное число тѣлегъ; намъ обѣщали даже починить нашу повозку и черезъ три дня доставить ее въ Ѳеодосію. Мы, правда, не хотѣли было вѣрить этому, но дѣлать было нечего. Впрочемъ, намъ сдер-

жали слово, повозку починили и доставили въ Ѳеодосію именно въ обѣщанный срокъ.

Дорога къ Арабату проходитъ по мѣстамъ уже совершенно пустыннымъ; на ней мы не видали никакихъ живыхъ существъ, кромѣ большихъ верблюдовъ, которые паслись совершенно на свободѣ и безъ всякаго надзора.

О близости Арабата, мы угадали уже по заразительнымъ испареніямъ, распространеннымъ въ атмосферѣ. Вскорѣ мы прибыли въ это мѣстечко и переночевавъ на почтовомъ дворѣ, на слѣдующее утро осматривали любопытную косу, на которой стоитъ Арабатъ. Эта песчаная коса такъ плоска и такъ необширна, что кажется, при вѣтрѣ нѣсколько сильномъ, оба моря должны бы соединиться. Потомъ мы посѣтили крѣпость, воздвигнутую въ этомъ мѣстѣ еще Турками. Внутренность этой крѣпости заключаетъ лишь развалины, но валы и рвы содержатся въ хорошемъ состояніи. Внутри крѣпости мы нашли развалины обширной мечети и сняли планъ бань, на которыхъ и куполъ еще существуетъ. Но намъ никакъ не удалось узнать откуда проводилась вода въ эти бани, не смотря на то, что нѣкоторыя трубы еще сохранились. Вся почва внутри крѣпости была покрыта травою, довольно свѣжею и рослою; здѣсь мы набрали, для нашей зоологической коллекціи, очень много разныхъ пресмыкающихся, въ томъ числѣ нѣсколько жабъ, которыхъ шкурка отличалась разными яркими цвѣтами. Крѣпость Арабатская взята штурмомъ въ 1768-мъ году войсками князя Долгорукова; она представляетъ многоугольникъ, фланкированный фортами о шести фасахъ, похожими на бастіоны. Здѣсь есть подземный ходъ, ведущій къ Азовскому морю; но главный въѣздъ въ крѣпость обращенъ къ югу. На лѣвомъ крылѣ

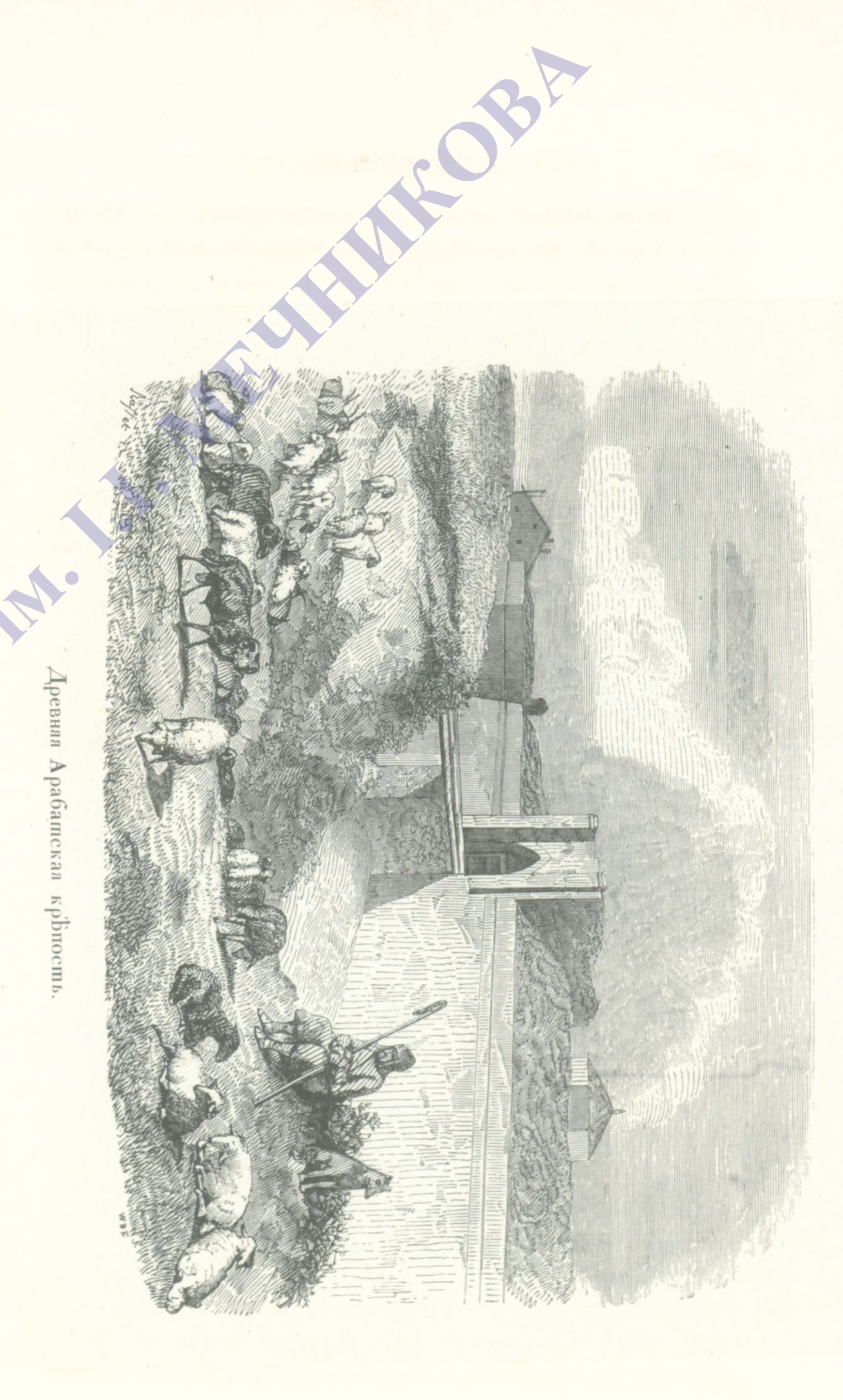

Древняя Арабатская крѣпость

жали слово, повозку починили и доставили въ Ѳеодосію именно въ обѣщанный срокъ.

Дорога къ Арабату проходитъ по мѣстамъ уже совершенно пустыннымъ; на ней мы не видали никакихъ живыхъ существъ, кромѣ большихъ верблюдовъ, которые паслись совершенно на свободѣ и безъ всякаго надзора.

О близости Арабата, мы угадали уже по заразительнымъ испареніямъ, распространеннымъ въ атмосферѣ. Вскорѣ мы прибыли въ это мѣстечко и переночевавъ на почтовомъ дворѣ, на слѣдующее утро осматривали любопытную косу, на которой стоитъ Арабатъ. Эта песчаная коса такъ плоска и такъ необширна, что кажется, при вѣтрѣ нѣсколько сильномъ, оба моря должны бы соединиться. Потомъ мы посѣтили крѣпость, воздвигнутую въ этомъ мѣстѣ еще Турками. Внутренность этой крѣпости заключаетъ лишь развалины, но валы и рвы содержатся въ хорошемъ состояніи. Внутри крѣпости мы нашли развалины обширной мечети и сняли планъ бань, на которыхъ и куполъ еще существуетъ. Но намъ никакъ не удалось узнать откуда проводилась вода въ эти бани, не смотря на то, что нѣкоторыя трубы еще сохранились. Вся почва внутри крѣпости была покрыта травою, довольно свѣжею и рослою; здѣсь мы набрали, для нашей зоологической коллекціи, очень много разныхъ пресмыкающихся, въ томъ числѣ нѣсколько жабъ, которыхъ шкурка отличалась разными яркими цвѣтами. Крѣпость Арабатская взята штурмомъ въ 1768-мъ году войсками князя Долгорукова; она представляетъ многоугольникъ, фланкированный фортами о шести фасахъ, похожими на бастіоны. Здѣсь есть подземный ходъ, ведущій къ Азовскому морю; но главный въѣздъ въ крѣпость обращенъ къ югу. На лѣвомъ крылѣ

Древняя Арабатская крѣпость.

крѣпости нѣкогда была устроена линія укрѣпленій, простиравшихся довольно далеко въ Гнилое море, до такого мѣста, гдѣ это море уже имѣетъ значительную глубину.

Не найдя въ Арабатѣ почти никакихъ съѣстныхъ припасовъ, мы поспѣшили отправиться въ Ѳеодосію, и то не всѣ вдругъ, потому что съ трудомъ могли добыть лошадей. Отъ этого нѣкоторые изъ нашего общества прибыли въ Ѳеодосію уже гораздо за полночь. Проѣзжая ночью по степи, они часто слышали вой волковъ. Эти алчныя животныя бѣгаютъ по степи стадами, стараясь разтерзать гдѣ нибудь вола, отшатнувшагося отъ обоза. Но Татарскій ямщикъ нашъ сказывалъ намъ, что волы умѣютъ защищаться; при томъ съ обозами всегда много большихъ, весьма злыхъ собакъ, и потому несчастные волки не находятъ почти никогда никакой другой поживы, кромѣ небольшаго количества мертвой рыбы, выбрасываемой на берегъ морскими волнами.

Въ самой Ѳеодосіи все перемѣнилось послѣ нашего перваго посѣщенія; городъ не имѣлъ прежняго веселаго вида, жители начали уже готовиться къ зимѣ, окна были закрыты, во многихъ вставлены двойныя рамы. Впрочемъ, насъ увѣряли, что на южномъ берегу Крыма теплая погода держится еще долго, такъ что тамъ виноградъ собираютъ уже въ октябрѣ мѣсяцѣ. Мы не разъ слыхали о такой замѣчательной разницѣ между температурою степи и южнаго берега, и хотя подобное явленіе очень естественно объясняется расположеніемъ мѣстности, однакожь разсказы объ этомъ казались намъ преувеличенными, тѣмъ болѣе, что въ Алупкѣ мы видѣли рощи оливковыхъ деревъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южнаго Крыма гранатовыя деревья. Все это не согласовалось съ тѣмъ, что намъ говорили о здѣшнихъ холодахъ. Съ другой стороны

мы сами были свидѣтелями, что зима началась довольно рано. По этой причинѣ мы рѣшились посовѣтоваться съ г-мъ Стевеномъ; онъ давно уже поселился въ Крыму и на его отзывъ можно было вполнѣ положиться. Г. Стевенъ очень благосклонно принялъ нашу просьбу, и вотъ свѣдѣнія, которыя онъ доставилъ намъ.

Этотъ ученый профессоръ цѣлыя двѣнадцать лѣтъ (съ 1-го января 1822 по 1-е января 1834-го года) дѣлалъ въ своей деревнѣ, лежащей близь Симферополя, наблюденія надъ среднею температурою Крыма. Въ этихъ вычисленіяхъ ему помогалъ полковникъ Маркевичь, исправлявшій въ послѣдствіи должность директора 2-го кадетскаго корпуса въ С.-Петербургѣ. По вычисленіямъ профессора Гебеля, домъ, гдѣ производились наблюденія, находится на двухъ стахъ пятидесяти девяти метрахъ, осмидесяти семи центиметрахъ выше уровня Чернаго моря. Онъ открытъ восточнымъ вѣтрамъ, но защищенъ отъ сѣверныхъ. Наблюденія, какъ лѣтомъ такъ и зимою, дѣлались при восходѣ солнца. За весьма немногими исключеніями, при восходѣ солнца степень температуры была самая низкая, а самая высокая была въ два или три часа по полудни, средняя же въ десять часовъ вечера.

Въ нижеслѣдующей таблицѣ представлена средняя температура, въ продолженіе всѣхъ двѣнадцати лѣтъ, за каждый мѣсяцъ и за весь годъ; суточная средняя температура выведена изъ сравненія высшей и низшей температуры каждаго дня. Наблюденія производились по системамъ Шува (Schouv) и Чиминелло.

Замѣчаніе. Всѣ числа мѣсяцевъ приведены по употребительному въ Россіи старому стилю, то есть двѣнадцатью днями позже противъ того, какъ считаютъ во всѣхъ прочихъ Европейскихъ государствахъ.

СРЕДНЯЯ ТЕМПЕРАТУРА ПО РЕОМЮРОВУ ТЕРМОМЕТРУ ВЪ 80 ГРАДУСОВЪ.

	При восходѣ солнца. Низшая температура.	Въ 2—3 часа по полудни. Высшая температур.	Въ 10 часовъ вечер. Средняя температура.	Средняя суточная температура.	Разность между низшею и высшею температ.
Январь	— 1, 55	+ 1, 86	— 1, 62	+ 0,	3, 41
Февраль	— 1, 20	+ 3, 36	— 0, 06	— 4, 03	4, 56
Мартъ	+ 1, 76	+ 7, 51	+ 3, 14	+ 4, 74	5, 75
Апрѣль	+ 5, 25	+ 12, 73	+ 6, 97	+ 9, 02	7, 48
Май	+ 8, 69	+ 17, 21	+ 10, 67	+ 13, 07	8, 52
Іюнь	+ 11, 71	+ 20, 30	+ 13, 72	+ 16, 04	8, 59
Іюль	+ 12, 52	+ 21, 16	+ 14, 69	+ 16, 87	8, 65
Августъ	+ 10, 33	+ 19, 51	+ 12, 92	+ 14, 73	9, 18
Сентябрь	+ 7, 60	+ 14, 54	+ 9, 09	+ 11, 50	6, 94
Октябрь	+ 3, 94	+ 8, 94	+ 4, 99	+ 6, 16	5, 00
Ноябрь	+ 1, 38	+ 5, 17	+ 2. 02	+ 2, 65	3, 79
Декабрь	— 0, 70	+ 2, 99	+ 0, 37	+ 0, 65	3, 69
Средняя температура за весь г.	+ 4, 98	+ 11, 27	+ 6, 30	+ 8, 03	6, 99

Обыкновенно самый жаркій мѣсяцъ въ году бываетъ іюль; но, въ 1828, 1830 и 1833 годахъ, жарче было въ іюнѣ.

Также самымъ холоднымъ мѣсяцемъ въ году обыкновенно бываетъ январь, но, въ 1822, 1825, 1826 и 1832 годахъ, февраль былъ самый холодный.

За исключеніемъ зимы 1832-го года, которая была холодна во всей Европѣ, средняя температура года измѣнялась очень немного; въ 1831-мъ году, самомъ холодномъ послѣ 1832-го, стужа была только на 0,62 менѣе противъ общаго средняго числа, составляющаго 8,03 (10,04 стоградуснаго термометра).

Отъ 1-го декабря по 1-е марта. — Средняя температура зимы. + 0, 56
Отъ 1-го марта по 1-е іюня. — Средняя температура весны. + 8, 94

От 1-го іюня до 1-го сентября. — Средняя температура лѣта. + 15, 88
От 1-го сентября до 1-го декабря. — Средняя температура осени. + 6, 77

Эта температура подвержена многимъ измѣненіямъ.

Средняя температура.	Высшая температура.	Низшая температура.	Разность.
Зима.	(1824) + 2, 70	— 1, 39	4, 09
Весна.	(1828) + 9, 86	(1825) + 7, 51	4, 09
Лѣто.	(1827) + 17, 08	(1832) + 13, 60	3, 48
Осень.	(1825) + 8, 86	(1832) + 4, 63	4, 23

Среднимъ числомъ высшая температура въ цѣломъ году составляетъ + 26,55; она измѣнялась отъ + 23 (въ 1831-мъ году) до + 28,05 (въ 1832-мъ году).

Низшая температура въ году, среднимъ числомъ, составляетъ — 14,21; она измѣнялась отъ — 10 (въ 1824) до—23 (въ 1828).

Самые сильные жары бываютъ между 20-мъ іюня и 10-мъ августа.

Самый большой холодъ между 6-мъ января и 15-мъ февраля.

Послѣдній морозъ, среднимъ числомъ, бываетъ около 6-го апрѣля; но онъ былъ 18-го марта въ 1828-мъ и 1829 году, и 29-го апрѣля въ 1833-мъ году.

Первый морозъ обыкновенно случается около 8-го октября; но онъ былъ 23-го октября въ 1829 году и 25-го сентября въ 1833-мъ году.

Въ Никитѣ, на южномъ берегу, средняя температура, въ 1826, 1827 и 1830 годахъ была + 10,04, — а въ Симферополѣ + 8,35; что составляетъ 1,69 разности.

Изъ этихъ вычисленій, которыхъ вѣрность не можетъ быть подвержена сомнѣнію, видно, во первыхъ: что самые свѣдущіе люди этой страны имѣютъ нѣсколько преувеличенное понятіе объ измѣненіяхъ климата въ Крыму, и во вторыхъ: что температура

какъ на югѣ отъ Крымскихъ горъ, такъ и на сѣверѣ отъ нихъ представляетъ самое незначительное различіе.

Наконецъ настало время, когда мы должны были выѣхать изъ Θеодосіи. Проѣзжая на обратномъ пути по той же дорогѣ, по которой пріѣхали, мы встрѣчали на каждомъ шагу мѣста, съ которыми должны были прощаться. И такъ, прости Θеодосія, прекрасная Милитянка, прекрасная до такой степени, что первые основатели ея дали ей имя *дара Божіяго*. Замѣчательно, что потомъ тотъ же городъ носилъ имя Ардаиды, что значитъ *семь боговъ*. Не прежде какъ уже въ тринадцатомъ вѣкѣ Татары назвали ее Кафою, то есть *невѣрною*. Это было въ то время, когда Генуэзцы принесли сюда свою религію и промышленность. Послѣ паденія Генуэзскаго владычества, въ пятнадцатомъ столѣтіи, Кафа достигла высшей степени своего процвѣтанія, такъ, что Турки прозвали ее *Кучукъ Стамбулъ*, то есть *Малый Константинополь*. И надобно сознаться, что тогда ни какой другой городъ не заслуживалъ такого прекраснаго имени. Народонаселеніе Θеодосіи въ то время простиралось до ста тысячъ человѣкъ и состояло изъ Татаръ, Грековъ, Армянъ, Евреевъ Караимовъ и, кажется, нѣсколькихъ Генуэзскихъ семействъ, получившихъ дозволеніе остаться, не смотря на общее изгнаніе ихъ соотечественниковъ. Тогда въ этомъ городѣ существовало сто семьдесятъ фонтановъ, пятьдесятъ христіанскихъ церквей, столько же мечетей, три тысячи шесть сотъ домовъ, девять общественныхъ бань, двѣ огромныя площади и четыре кладбища, такъ что лица каждаго вѣроисповѣданія, хоронились особо. Въ здѣшнюю гавань каждый годъ приходило отъ шести до осьми сотъ кораблей; словомъ вся жизнь, вся дѣятельность цѣлаго Крыма со-

средоточивалась въ этомъ мѣстѣ. Такова была Кафа! Но въ настоящее время Ѳеодосія находится со всѣмъ не въ такомъ цвѣтущемъ состояніи. Главною причиною ея упадка были междоусобныя войны и смуты, часто случавшіяся при владычествѣ Татаръ. Впрочемъ, теперь она начинаетъ оправляться и, по всей вѣроятности, скоро опять достигнетъ высокой степени развитія.

Доктору Граперону, трудолюбивому антикварію, давно изучающему Ѳеодосію, пришла въ голову счастливая мысль составить планъ, на которомъ древняя Кафа изображена вполнѣ. Руководствуясь уцѣлѣвшими развалинами, онъ представилъ на этомъ планѣ городъ во всей его обширности, съ прекрасными укрѣпленіями, многочисленными зданіями и фонтанами, теперь уже изсякшими. Этотъ трудъ, заслуживающій всякаго уваженія, безспорно представляетъ много любопытнаго для археологіи.

На пути нашемъ лежалъ Отузъ: это единственный путь, которому должно слѣдовать, если на пути изъ Ѳеодосіи въ Су-Дагъ, не хочешь слишкомъ далеко уклониться отъ берега. Проѣхавъ черезъ живописную деревню Коткебель, осмотрѣнную нами еще прежде, мы въѣхали въ прекрасную Отузскую долину и еще однажды насладились зрѣлищемъ горъ, вмѣстѣ живописныхъ и величественныхъ. Отузъ по Татарски значитъ *тридцать*. Говорятъ, будто въ этой долинѣ существовало нѣкогда тридцать деревень; но теперь осталась только одна-полу-Русская, полу-Татарская. Эта деревня занимаетъ огромное пространство, вѣроятно, то же самое, на которомъ помѣщались прежнія тридцать деревень. Всѣ пригорки Отузской долины покрыты прекрасными виноградниками, а за виноградниками тотчасъ же начинаются горные хребты. Здѣшнія

окрестности славятся своими естественными достопримѣчательностями, къ числу которыхъ, между прочимъ, принадлежатъ: пещеры, водопады, скалы и утесы, отличающіеся странными, диковинными формами. Все это, разумѣется, представляетъ много заманчиваго для путешественниковъ. Здѣсь мы были задержаны цѣлыя сутки однимъ любезнымъ Греческимъ семействомъ, съ которымъ познакомились еще въ Ѳеодосіи, и только на слѣдующій день, 6-го октября (18-го по новому стилю), отправились далѣе, уже верхомъ, чему мы были очень рады, потому что въ здѣшней странѣ это самый лучшій способъ путешествія.

Хотя дни были еще прекрасные, однакожь по ночамъ становилось уже очень холодно. Въ Отузѣ мы въ первый разъ видѣли на ручьяхъ ледъ довольно толстый. Въ деревню Козъ мы ѣхали по прекрасной тропинкѣ, проложенной по лѣсамъ, и попремѣнно то возносящейся на вершину горъ, то спускающейся въ узкіе, глубокіе овраги. Вездѣ на этомъ пути господствуетъ уединеніе, тишина, вездѣ взору представляются очаровательныя мѣстности. Листья деревъ, отличавшіеся уже разными колерами, свойственными осеннему времени, еще усугубляли прелесть ландшафта; намъ казалось, что мѣста эти, во время нашей отлучки въ степь, нарочно облеклись въ новый уборъ, чтобы явиться передъ нами въ видѣ еще болѣе прекрасномъ. Козъ знаменитъ лишь своими виноградниками; самая деревня представляетъ очень грустный видъ; въ ней только и занимаются, что выжиманіемъ вина изъ винограда, другой работы вовсе не знаютъ.

Цѣлый день мы ѣхали по странѣ, обильно покрытой прекрасными виноградниками, и уже къ вечеру спустились въ Су-Дагскую долину. Мѣсто, называемое Су-

32

Дагомъ, состоитъ изъ множества разсѣянныхъ тамъ и сямъ сельскихъ домиковъ, окруженныхъ виноградниками. Деревня этого имени лежитъ въ сѣверной части долины. Въ ней есть прекрасная церковь, нѣсколько хорошо отстроенныхъ домовъ и нѣкотораго рода ханъ, въ которомъ останавливаются торговцы, пріѣзжающіе во время сбора винограда, для закупки вина. Отсюда, до самаго морскаго берега, почва представляетъ едва замѣтную покатость, по которой протекаетъ рѣчка *Соукъ-су*, что на Татарскомъ языкѣ, значитъ *холодная вода*. Этотъ ручей, оросивъ долину, падаетъ въ море у подошвы горы, на которой еще сохранились развалины Генуэзскаго укрѣпленія.

Су-Дагъ значитъ *вода* и *гора*. Вѣроятно, это имя дано здѣшнему мѣсту уже очень давно; въ древности оно называлось *Сольдаія* и *Сугдаія*. Въ девятомъ вѣкѣ Су-Дагъ такъ процвѣталъ, что сообщилъ свое имя всѣмъ Греческимъ областямъ, находившимся въ Крыму, которыя получили тогда общее имя Согдаіи. И въ послѣдствіи, при Генуэзцахъ, Су-Дагъ также былъ важнымъ городомъ. Теперь его развалины покрываютъ огромный мысъ; оградныя стѣны и башни еще уцѣлѣли. У подошвы горы находится бѣдная Татарская деревенька. Всходя на эту гору, вы найдете прекрасный фонтанъ, на бассейнѣ котораго довольно грубо высѣчено изображеніе святаго архангела Михаила.

Крѣпость нѣкогда была обведена рвомъ, но теперь онъ заваленъ. И здѣсь, какъ и въ Балаклавѣ, повсюду руины; однакожь въ нижней части города, сосѣдственной со стѣною, есть еще нѣсколько большихъ зданій, въ томъ числѣ ветхія казармы, большія цитерны и водопроводы, искусно устроенные; кромѣ того здѣсь есть

еще мечеть и нѣсколько домовъ новѣйшей постройки, впрочемъ, ни кѣмъ не обитаемыхъ. Въ этомъ заключается все, что уцѣлѣло отъ богатаго Су-Дага, который долгое время, пользуясь благопріятнымъ положеніемъ своей гавани, защищенный прекрасною крѣпостью, обладалъ плодороднѣйшею страною и велъ цвѣтущую торговлю. Перенеситесь воображеніемъ въ эти отдаленныя времена, представьте себѣ прелестную равнину, покрытую дивною растительностью и дремучими лѣсами, подъ сѣнью которыхъ струится рѣка съ прозрачными водами. Видите ли, среди этого простаго, но поэтическаго ландшафта, городъ дѣятельный, исполненный жизни, гавань, наполненную кораблями? Если вы представите себѣ все это съ надлежащею живостью, то будете имѣть понятіе о Су-Дагской долинѣ, столь много прославленной. Теперь все это замѣнилось промышленостью, не менѣе полезною, именно разведеніемъ многочисленныхъ виноградниковъ, перемѣшанныхъ съ садами. Намъ сказывали, что Су-Дагъ представляетъ зрѣлище особенно прекрасное весною, когда во всей этой странѣ, облагодѣтельствованной природою, цвѣтутъ миндальныя и персиковыя деревья. Такимъ образомъ съ каждымъ вѣкомъ для этой мѣстности возраждается новое убранство, новая поэзія.

Изъ Су-Дага мы отправились къ сѣверу въ Кутлакъ, лежащій среди страны, чрезвычайно плодородной; изъ Кутлака спустились опять къ морскому берегу по дну огромнаго оврага, усѣянному кремнями, и ночью прибыли въ Каскаръ.

Это прекрасная Татарская деревня, расположенная амфитеатромъ по скату горы. На одномъ изъ концовъ деревни возвышается мечеть, совершенно новая. Здѣсь мы слѣзли съ лошадей и были очень вѣжливо при-

няты какимъ-то муллою, который только что вышелъ изъ мечети. Онъ тотчасъ поручилъ насъ попеченіямъ *омбаши* (деревенскаго старшины), а этотъ, съ высоты террасы, устроенной при его домѣ, немедленно созвалъ всѣхъ Татаръ, которые могли быть почему либо для насъ нужны. Это былъ часъ, когда поселяне собирались ужинать; но по призыву старшины, они всѣ выбѣжали на свои террасы, чтобы узнать за чѣмъ ихъ требовали.

Намъ отвели комнату очень опрятную, снабженную коврами. Окна, по случаю приближенія зимы, уже были замазаны намасленою бумагою, замѣняющею стекла. Ужинъ подали намъ простой, но предложили его съ искреннимъ радушіемъ. Утоливъ голодъ, мы предались спокойному сну.

На слѣдующее утро, октября 9-го, мы снова пустились по морскому берегу. Добрые Каскарскіе Татары дали намъ въ главные проводники одного изъ наиболѣе уважаемыхъ земляковъ своихъ, котораго бѣлая чалма, свидѣтельствовала, что онъ *хаджи*, то есть, что былъ въ Меккѣ, на поклоненіи гробу Магометову. Отъѣздъ нашъ былъ нѣсколько замедленъ слѣдующимъ обстоятельствомъ. Наканунѣ, одинъ молодой Татаринъ приходилъ освѣдомиться, нѣтъ ли между нами медика, и былъ очень радъ, узнавъ, что г. Левелье готовъ оказать ему пособіе. Дѣло состояло въ томъ, что этому бѣдняку надобно было снять съ одного глаза наростъ, закрывавшій ему почти всю вѣку. Приходя къ намъ, этотъ молодой человѣкъ изъявлялъ твердую рѣшимость подвергнуться операціи, но на слѣдующеее утро, когда назначено было совершить ее, онъ, по видимому, струсилъ, и не пришелъ. Мы искали его довольно долго

по всей деревнѣ, но видя безполезность поисковъ, наконецъ рѣшились уѣхать.

Горы, по которымъ мы ѣхали, хотя очень высокія, не представляли въ своей формѣ ничего такого, что могло бы украсить мѣстность, или придать ей какой либо особенный, замѣчательный характеръ. Дорога наша пролегала по огромнымъ оврагамъ и крутымъ взъѣздамъ.

Проѣхавъ мимо древней башни, которой построеніе приписываютъ еще Римлянамъ и носящей у Татаръ названіе «Пастушьей Башни» (*Чобанъ-Калегъ*), мы увидѣли деревню Ускутъ, лежащую въ глубокой лощинѣ. Здѣсь мы не безъ труда добыли лошадей. Татары, не ожидавшіе въ такое позднее время года проѣзжихъ, распустили своихъ лошадей по горамъ и собрать ихъ, въ достаточномъ для насъ количествѣ, стоило не малаго труда. Наконецъ, однакожь ихъ собрали, и мы пустились въ дальнѣйшій путь.

Уже приближался вечеръ, когда у подошвы горъ, мы увидѣли веселую мѣстность. Здѣсь мы спустились въ узкую лощину, переправились черезъ двѣ рѣчки и приблизились къ Туаку, деревнѣ, находящейся въ пріятномъ мѣстоположеніи, не далеко отъ моря, и окруженной прекрасными садами.

Между тѣмъ какъ намъ сѣдлали лошадей, мы разлеглись на мягкихъ коврахъ, которые мѣстный омбаши наклалъ на кровлѣ одного дома, расположенной въ видѣ террасы. Намъ подали винограду и сладкаго вина. Утоливъ нѣсколько голодъ этимъ скромнымъ ужиномъ, мы снова отправились въ путь и вскорѣ миновали двѣ хорошенькія деревни, изъ которыхъ одна называется *Кучукъ-Узенъ*, (маленькій ручей), а другая *Куру-Узенъ*, (сухой ручей). Ночь застигла

насъ именно въ то самое время, когда мы съѣхали съ битой дороги и пустились къ Алуштѣ по неровному, извилистому прибрежью.

« Гдѣ дорога въ Алушту?» спросили мы у двухъ попавшихся намъ Татарскихъ пастуховъ. Они указали на морской берегъ; но съ перваго раза мы подумали, что они не поняли насъ, и уже послѣ вторичнаго подтвержденія убѣдились, что именно по морскому берегу намъ должно ѣхать. Дѣлать нечего, мы пустились по этому зыбкому берегу, усѣянному круглыми камнями, которые скользили изъ подъ лошадиныхъ копытъ. Проводники наши, ѣхавшіе съ обозомъ, отстали отъ насъ довольно далеко.

Намъ все однакожь не вѣрилось, чтобы тутъ дѣйствительно шла дорога; мы не знали, что только на одномъ этомъ мѣстѣ еще не успѣли устроить дорогу, которая по распоряженію Князя Воронцова, была проведена по всему берегу южнаго Крыма. Тѣмъ не менѣе мы продолжали ѣхать по этой зыбкой почвѣ, на которой лошади наши вскорѣ измучились. Между тѣмъ настала темная ночь, поднялся сильный вѣтеръ съ моря, волны хлестали лошадей по ногамъ, и къ довершенію несчастія, пошелъ сильный холодный дождь.

Въ эту минуту, по выраженію Раффе, положеніе наше начало *обрисовываться*. Тьма была такая глубокая, что никто изъ насъ не могъ видѣть голову лошади, на которой ѣхалъ. Такимъ образомъ мы подвигались какъ будто въ какой пропасти, не имѣя другаго путеводителя, кромѣ шума, производимаго волнами и катившимися камнями. На каждомъ шагу намъ встрѣчались новыя препятствія: то поваленныя деревья, то ямы и провалы. Но среди этого мрака, ло-

шади наши, руководствуясь своимъ превосходнымъ инстинктомъ, всегда умѣли выбирать лучшій путь. Онѣ то взбирались на камни, то шли по узкимъ тропинкамъ, пролегавшимъ черезъ зыбкіе пески. Нѣсколько разъ намъ случалось однакожь падать, но въ темнотѣ, по счастію, мы не замѣчали какимъ подвергались опасностямъ при этихъ паденіяхъ. Насквозь измоченные дождемъ, окоченѣвъ отъ холода, мы употребили цѣлые три часа на то, чтобы доѣхать до Алушты, отъ которой находились только въ нѣсколькихъ верстахъ.

Наконецъ вдали показались огни; лошади почувствовавъ подъ собою почву болѣе прочную, пустились рысью; мы переправились черезъ небольшую рѣчку, и вдругъ остановились подъ обширными галлереями прекраснаго дома, выстроеннаго въ Турецкомъ вкусѣ. Это былъ Алуштскій почтовый дворъ. Часъ спустя мы забыли все, что перетерпѣли.

Между тѣмъ двое изъ нашихъ товарищей, которые хотѣли не упустить парохода, совершавшаго въ это время уже послѣдній рейсъ, рѣшились, отдохнувъ не болѣе часу, отправиться въ Ялту. Тотчасъ запрягли тѣлегу, товарищи наши усѣлись въ нее и поскакали, а мы улеглись спать и заснули еще прежде нежели затихъ звукъ колокольчика, *звенѣвшаго* на дугѣ у нашихъ уѣхавшихъ товарищей.

Но на слѣдующій день, въ восемь часовъ утра, мы опять услышали звонъ этого колокольчика. Всѣ изумились! Что такое случилось? Ничего, или почти ничего. Товарищи наши, прощаясь съ нами, забыли сказать ямщику, куда онъ долженъ былъ ѣхать, и сѣвши въ тѣлегу, закричали только: *пошелъ!* Ямщикъ ударилъ по лошадямъ и поскакалъ, но не въ Ялту, а

по дорогѣ въ Симферополь. Между тѣмъ шелъ густой снѣгъ, вылъ страшный вѣтеръ и наши странники неслись сами не зная куда, какъ древесные листья, уносимые бурнымъ вѣтромъ. Пріѣхали наконецъ на станцію, называемую *Чаонъ-Базаръ* (Заячій рынокъ); это хорошенькій почтовый домикъ, расположенный у самой дороги, на восточномъ скатѣ Чатыръ-Дага, похожій на красивую фабрику, помѣщенную среди Англійскаго сада. Здѣсь наши товарищи спросили у почтмейстера: Сколько верстъ остается до Ялты?—Пятьдесятъ четыре, отвѣчалъ онъ.—Быть не можетъ, вѣрно мы плохо выразились по Русски, а онъ со сна не знаетъ, что говоритъ; заставимъ его написать на бумагѣ. И они попросили почтмейстера написать цифрами сколько верстъ оставалось до Ялты. Эта несчастная цифра наконецъ объяснила все дѣло и бѣдные товарищи наши принуждены были воротиться.

Между тѣмъ, по пути къ Ялтѣ, почти нельзя было добыть лошадей, которыя большею частью находились въ разгонѣ по казеннымъ надобностямъ. И мы вынуждены были ѣхать какъ попало, кто верхомъ, кто въ телегѣ.

Прежде мы уже представили описаніе живописнаго мѣстоположенія, занимаемаго Алуштою. Это мѣстечко, возвышающееся на скатѣ огромнаго оврага, помѣщено здѣсь какъ часовой, обязанный охранять этотъ великій дефилей. Алушта и Су-Дагъ составляютъ двѣ единственныя точки, при которыхъ прерывается передовая цѣпь Таврическихъ горъ; вторая цѣпь, довершающая съ этой стороны хребетъ, кажется, какъ будто нарочно устроена для того, чтобы защитить прибрежную часть полуострова отъ губительныхъ сѣверныхъ вѣтровъ. Алушту отъ этихъ вѣтровъ защищаетъ самъ

Чатыръ-Дагъ. Благодаря естественной крѣпости своего мѣстоположенія, мѣстечко Алушта не совсѣмъ лишено нѣкоторой знаменитости. Въ пятомъ вѣкѣ, когда этою страною владѣли Римляне, защищавшіе ее отъ варваровъ, Императоръ Юстиніанъ приказалъ воздвигнуть крѣпость при входѣ въ Алуштскую лощину. Эта крѣпость была названа *Фуріономъ*. Отъ нея еще уцѣлѣли три высокія башни, стоящія въ западной части оврага, среди множества Татарскихъ хижинъ.

Въ послѣдствіи Алушта сдѣлалась большимъ городомъ, и хотя въ новѣйшее время утратила свою значительность, однакожь должна быстро возвыситься, какъ скоро будутъ окончены всѣ дороги, къ ней направленныя. Въ ней есть почтовый дворъ, таможня, гостинница, выстроенная въ Азіатскомъ вкусѣ, мечеть, совершенно новая, и нѣсколько магазиновъ.

Успѣхи винодѣлія такъ сильно развились въ южной части Крыма, что десятина земли, стоившая здѣсь прежде только пятьдесятъ рублей, возвысилась, въ настоящее время до осьми сотъ рублей ассигнаціями. Но и по этой цѣнѣ землевладѣльцы еще не охотно продаютъ.

Возвратимся однакожь къ Ялтѣ, въ которую мы наконецъ отправились. Дорога къ этому городу представляетъ множество прекрасныхъ, истинно живописныхъ, то веселыхъ, то дикихъ и величественныхъ картинъ. Но мы не рѣшаемся описывать ихъ, а ограничимся только изчисленіемъ замѣчательнѣйшихъ мѣстъ, по которымъ проѣзжали.

Чрезвычайно дурная погода, продолжавшаяся во все время, пока мы ѣхали по этой прекрасной дорогѣ, представляющей цѣлый лабиринтъ скалъ, горъ, овраговъ и лѣсовъ, не воспрепятствовала однакожь намъ

усмотрѣть *Буюкъ Лампатъ*, напоминающій древній Лампасъ, Греческую колонію, которая вела цвѣтущую торговлю, не смотря на то, что гавань ея не представляла кораблямъ достаточной защиты. Нѣсколько далѣе, мы увидѣли *Парѳенитъ*. Этимъ древнимъ именемъ теперь называютъ большое помѣстье. обилующее виноградниками, и богатую деревню, въ которой съ успѣхомъ разводятъ ленъ и лучшій табакъ, какой только есть въ Крыму, гдѣ и безъ того очень много занимаются разведеніемъ табака. Нѣсколько далѣе Парѳенита, мы въѣхали въ замѣчательную мѣстность, простирающуюся между мысомъ Аю-Дагомъ и Таврическими горами, и представляющую очень много сходнаго съ Швейцаріей. Это сходство замѣчено уже многими путешественниками. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь на каждомъ шагу попадаются точно такіе же виды какъ въ Швейцаріи: утесы, мельницы, смѣло перекинутые мосты, шумные водопады. Подобно всѣмъ горнымъ тѣснинамъ и эта дорога имѣетъ свои легенды, свою поэзію. Если вѣрить словамъ почтмейстеровъ, Татарскихъ ямщиковъ, самихъ фельдъ-егерей, развозящихъ казенныя бумаги, то на этой дорогѣ нерѣдко можно встрѣтить какого-то неизвѣстнаго разбойника, который ограбивъ путешественниковъ, прячется съ похищенными сокровищами на вершинѣ Аю-Дага. Впрочемъ, все это лишь расказы болѣе поэтическіе, нежели страшные; по всей упомянутой дорогѣ постоянно ѣздитъ множество путешественниковъ и днемъ и ночью, и несчастій до сихъ поръ еще никакихъ не бывало.

Замѣчательно также мѣстоположеніе помѣстья Артека, которому одинъ изъ его прежнихъ владѣльцевъ, бывшій, какъ видно, знатокомъ Греческаго языка, далъ названіе *Кардіатрикона*, а это значитъ *сердечное лѣкарство*. Далѣе слѣдуетъ Урсуфъ, крѣпость также воздвигнутая Юстиніаномъ противъ вторженія Славянъ. Урсуфъ, въ свою очередь принадлежалъ Генуэзцамъ. Отъ крѣпости теперь осталось только нѣсколько развалинъ, возвышающихся надъ нынѣшнимъ Урсуфомъ, расположеннымъ въ видѣ амфитеатра по берегу свѣтлаго ручейка. Въ лѣво отсюда лежитъ *Аи-Даниль*, знаменитый своими виноградниками. По сосѣдству находится Никита, прекрасная деревня, осѣненная большими орѣховыми деревьями.

Нечего говорить, что во всѣхъ здѣшнихъ оврагахъ протекаетъ множество ручейковъ съ прекрасною свѣтлою водою. Нѣсколько ниже, между деревнею Никитою и моремъ, находится знаменитый казенный ботаническій садъ, разведенный въ 1812-мъ году. Этотъ драгоцѣнный садъ содержитъ множество растеній, тщательно воспитываемыхъ и принявшихся, сверхъ ожиданія, очень хорошо, благодаря прекрасной почвѣ и пріятному климату. Посреди этого несравненнаго сада стоитъ простое зданіе, украшенное колоннами и бюстомъ Линнея. Къ сожалѣнію мы не могли, по желанію нашего ботаниста, долго пробыть въ этомъ мѣстѣ; впрочемъ, г. Левелье провелъ въ немъ цѣлыя сутки, изучая здѣшнія ботаническія сокровища.

Продолжая путь къ Ялтѣ и приблизясь къ Массандрѣ, прекрасной дачѣ, принадлежащей Князю Воронцову, мы вдругъ увидѣли нѣсколько человѣкъ, ѣхавшихъ верхомъ и закутанныхъ въ бурки. Главное лице въ этой кавалькадѣ былъ самъ Князь Воронцовъ. Увидя насъ, Князь чрезвычайно прогнѣвался на ямщика, ѣхавшаго съ нашею передовою телегою. И въ самомъ дѣлѣ этотъ человѣкъ поступилъ очень дурно; вопреки строжайшимъ предписаніямъ, онъ запрягъ въ

тѣлегу три лошади, тогда какъ по причинѣ тѣсноты дороги, окоймленной стремнинами, въ этомъ мѣстѣ нельзя было ѣхать иначе какъ на двухъ лошадяхъ. Сверхъ того неосторожный ямщикъ, (старый отставной солдатъ) имѣлъ одну только руку, и слѣдственно не всегда бы могъ легко справиться съ тремя горячими лошадьми, которыя безпрестанно пускались вскачь и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже на поворотахъ, неслись съ ужасною быстротою.

Сдѣлавъ ямщику строгій выговоръ, Князь привѣтливо обратился къ намъ и съ участіемъ освѣдомлялся о нашемъ путешествіи. Онъ простеръ свою снисходительность до того, что по просьбѣ нашей, освободилъ виновнаго ямщика отъ заслуженнаго имъ наказанія.

Не могу описать того пріятнаго впечатлѣнія, какое произвели на насъ слова содержателя Ялтской гостинницы, Бартолуччи : *Siate benvenuti, signori!* Въ этой гостинницѣ, называющейся *Città di Odessa,* мы нашли все, чего только могутъ пожелать путешественники усталые, измоченные дождемъ и съ ногъ до головы покрытые грязью.

На слѣдующее утро всѣ сосѣдственныя горы были покрыты снѣгомъ ; но это великолѣпное зрѣлище было непродолжительно; восходящее солнце превратило снѣгъ въ потоки воды.

Въ ожиданіи того времени, когда пароходъ «Петръ Великій» выйдетъ въ море, намъ оставалось исполнить одинъ только долгъ, налагаемый на насъ признательностью къ Князю Воронцову. По этой причинѣ мы поспѣшили отправиться въ Алупку.

Послѣ нашего перваго посѣщенія, Алупкскіе чертоги были вполнѣ отдѣланы и теперь, возвышаясь на обширной террасѣ, господствующей надъ прекрасными окрестностями, являлись въ видѣ истинно величественномъ. Позади этого дома стоитъ Аи-Петри, огромный утесъ, разшибенный ударомъ молніи и возвышающійся слишкомъ на тысячу футовъ. Самый домъ окруженъ густыми массами зелени, рѣзко отдѣляющейся отъ сѣраго грунта, представляемаго утесомъ.

Матеріалъ, употребленный для постройки дома, состоитъ изъ прекраснаго зеленаго гранита ; это тотъ самый камень, который у Нѣмецкихъ минералоговъ называется Grünstein. Форма дома представляетъ массивный квадратъ ; стиль его есть искусное смѣшеніе Византійской архитектуры съ восточнымъ стилемъ ; только въ слѣдствіе близости мѣста, откуда доставлялся гранитъ, камни кладены громадной величины. Такимъ образомъ этотъ домъ состоитъ, какъ Римскій памятникъ, изъ колосальныхъ слоевъ. При подобныхъ матеріалахъ , архитекторъ могъ слить всѣ украшенія, всю самую тонкую рѣзьбу въ одно цѣлое. Вотъ почему баллюстрады дома, его изящные камины, покрытые прелестнѣйшими украшеніями, разныя подобія кружева, высѣченныя въ цѣльномъ гранитѣ, простоятъ столько же какъ сосѣдственныя горы, изъ которыхъ гранитъ извлеченъ.

Прежде мы также упоминали и о садѣ Алупкинскомъ, но въ самыхъ короткихъ словахъ ; а между тѣмъ едва ли гдѣ найдется другой садъ, болѣе достойный самаго подробнаго описанія ! Это прекрасное мѣсто, облагодѣтельствованное природою , вмѣстѣ съ тѣмъ и украшено всѣми пособіями искусства. Здѣсь есть множество гротовъ и естественныхъ пещеръ , прекрасныхъ водопадовъ , прудовъ и бассейновъ, наполненныхъ прозрачною водою, пропастей , дикихъ , пустынныхъ мѣстностей, приглашающихъ къ уедине-

пію. И при томъ надобно замѣтить, что искусство здѣсь весьма немного помогло природѣ. Ему оставалось только провести безопасную тропинку по отлогостямъ сада, по краямъ стремнинъ и водоемовъ. Ограду этого сада составляютъ отвѣсные бока самаго утеса Аи-Петри, и садъ такъ обширенъ, что до подошвы его можно достигнуть не иначе, какъ употребивъ на это два часа времени. Возвращаясь по саду къ княжескому дому, вы увидите неожиданно цѣлую Татарскую деревню, скрывающуюся въ оврагѣ, среди густаго лѣса. Существованіе этой деревни обнаруживается только верхушкою минарета, возвышающеюся надъ деревьями. На противоположной сторонѣ горы, обращенной къ морю, устроенъ прелестный Англійскій садъ. Тамъ вы увидите затѣйливыя аллеи, большія пространства, покрытыя свѣжею зеленью, среди которой струятся свѣтлые ручейки; съ каждой точки открываются новые прекрасные виды: то древняя башня, то Арнаутская гауптвахта, то гостинница, и притомъ Италіанская, еще болѣе усугубляющая сходство съ Италіею. Въ самомъ низу горы есть небольшая пристань, защищенная скалами, доставляющая пріютъ рыболовнымъ и потѣшнымъ судамъ. Но все то, что мы здѣсь сказали, представляетъ лишь несовершенный и холодный очеркъ удивительнаго Алупкинскаго сада. Что сказать еще объ этомъ великолѣпномъ замкѣ? Что сказать о томъ какъ мы простились съ Княземъ, о чувствѣ признательности, какое онъ поселилъ въ сердцахъ нашихъ? Пріемъ его былъ запечатлѣнъ величайшимъ добросердечіемъ; въ этомъ послѣднемъ свиданіи онъ хотѣлъ даже увѣрить насъ, будто мы ничѣмъ ему не обязаны, и прощаясь съ нами далъ намъ слово, что позаботится о повышеніи нашего вѣрнаго проводника Михаила Барба-Кристи.

Въ субботу, 28-го октября, мы въ послѣдній разъ перебрались на пароходъ «Петръ Великій» вмѣстѣ съ нашими коллекціями, учеными сокровищами и записками. Михаилъ Барба-Кристи, который искренно полюбилъ насъ, долго насъ обнималъ, пожималъ намъ руки и тщетно старался удержаться отъ слезъ. На слѣдующій день, благопріятствуемые прекраснѣйшею погодою, мы прибыли въ Одессу.

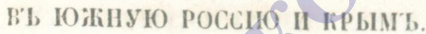

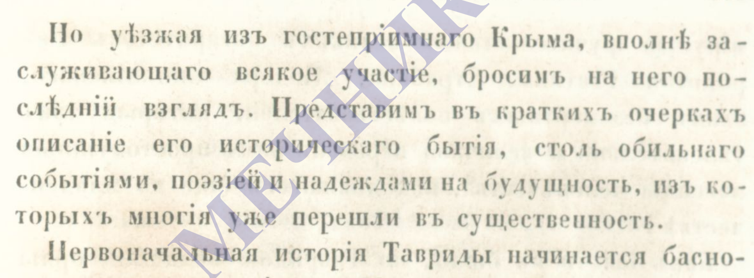
XII.

ИСТОРИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ О КРЫМѢ. — ОДЕССА. — ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Наше путешествіе приближалось къ окончанію. Мы добросовѣстно исполнили наше ученое предпріятіе, и должны были помышлять о возвращеніи. Время года было уже позднее; хотя еще можно было ожидать на южномъ берегу Крыма хорошей погоды, однако уже и здѣсь начинали появляться признаки приближающейся зимы. Октября 29-го мы прибыли въ Одессу и считали за счастье, что еще не начались дожди, по причинѣ которыхъ ѣзда по степи становится невозможною.

Но уѣзжая изъ гостепріимнаго Крыма, вполнѣ заслуживающаго всякое участіе, бросимъ на него послѣдній взглядъ. Представимъ въ краткихъ очеркахъ описаніе его историческаго бытія, столь обильнаго событіями, поэзіей и надеждами на будущность, изъ которыхъ многія уже перешли въ существенность.

Первоначальная исторія Тавриды начинается баснословными преданіями. Многіе старались прояснить мракъ, покрывающій первобытныя происшествія, совершившіяся на этомъ полуостровѣ, но усилія эти были безполезны и только повели къ новымъ заблужденіямъ. Самые строгіе историки помѣщали въ своихъ описаніяхъ цѣлыя миѳологическія драмы, которыхъ театромъ была будто бы Таврида. Легенды эти не могли, конечно, представить ничего удовлетворительнаго для людей съ основательнымъ умомъ, но всѣ онѣ были такъ хорошо разсказаны повѣствователями, жившими еще за сорокъ вѣковъ, что съ ними жаль было растаться даже такимъ изыскателямъ, которые наиболѣе стремились только за свѣдѣніями положительными.

Если вѣрить историкамъ, первоначально Таврида была заселена народомъ, жившимъ здѣсь съ незапамятныхъ временъ и называвшимся Таврами или Таврійцами; но объ этомъ народѣ вскорѣ перестаютъ упоминать; его замѣнили грозныя Амазонки. Эти героини, вторгнувшись въ Европу, послали экспедицію и въ Тавриду. Люди, привыкшіе призывать хронологію въ помощь поэзіи, найдутъ во историческихъ книгахъ увѣреніе, что нашествіе Амазонокъ случилось ровно за четыреста лѣтъ до экспедиціи Аргонавтовъ. Какъ жаль, что мы не можемъ разсказать здѣсь всю эту исторію Амазонокъ, достойную Аріоста, почерпнутую изъ преданій и повѣданную

міру за ручательствомъ великихъ авторитетовъ Геродота, Юстина, Страбона, Діодора Сицилійскаго, этихъ безсмертныхъ повѣствователей, которые такъ увлекательно и величаво передали намъ простодушныя легенды человѣчества, находившагося еще во младенчествѣ!

Какъ бы то ни было, но Тавридою овладѣли орды неукротимыхъ женщинъ, составлявшія своенравную то жестокую, то милосердую къ враждебному полу. Едва поселясь въ Тавридѣ, Амазонки основали здѣсь свои храмы, гдѣ не было жрецовъ, а однѣ только жрицы, гдѣ на жертву приносились мущины. Слѣдуетъ ли прибавлять, что самый грозный изъ этихъ храмовъ былъ воздвигнутъ на томъ мысѣ, который въ послѣдствіи назывался Парѳеніумомъ, что храмъ этотъ былъ посвященъ Діанѣ Тавраполитанской, что въ немъ находилась и статуя этой богини, которой въ жертву приносили людей?

Но прошло нѣсколько вѣковъ, возникла Троянская война, и вотъ жестокая жертва возложена на Ифигенію, Агамемнову дочь, воспѣтую Эврипидомъ и Расиномъ. Похищенная Ифигенія бѣжала въ Тавриду и сдѣлалась тамъ жрицею. Всѣмъ извѣстна ужасная обязанность, ей предстоявшая, извѣстно также, что Орестъ и Пиладъ, убѣжавъ въ Аргосъ, увезли и жрицу и статую жестокосердой богини.

Нѣсколько позже на Тавриду нахлынули Скиѳскіе наѣздники; и хотя они только мимоходомъ заняли эту страну, направляясь съ востока на западъ, однакожь долго въ ней господствовали. Но вдругъ, совсѣмъ неожиданно, опять появились Амазонки!

Странная исторія! Эти женщины-воины, побѣждены Геркулесомъ и Ѳезеемъ; ихъ везутъ плѣнными въ Грецію, но вдругъ онѣ овладѣли кораблями, перебили своихъ побѣдителей; а потомъ занесенныя бурею къ Тавридѣ, вышли на берегъ, опустошили страну и распространили ужасъ между Скиѳами. Однакожь, когда миновался первый страхъ, Скиѳы увидѣли, что имѣютъ дѣло съ врагами не очень опасными, и противопоставили грознымъ Амазонкамъ сперва только самыхъ молодыхъ воиновъ своихъ. Тогда совершилось тоже, что было въ послѣдствіи при Фарсалѣ: противники поражали другъ друга въ лице и въ сердце, и миръ скоро былъ заключенъ.

Но минуемъ эти первобытныя описанія, принадлежащія къ области фантазіи, перейдемъ къ исторіи болѣе достовѣрной.

Дарій, этотъ метеоръ, надѣлавшій такъ много пустаго грома, предпринялъ противъ Скиѳовъ грозную экспедицію. Но его побѣдили и онъ едва успѣлъ спастись по мосту, устроенному черезъ Дунай. Вскорѣ потомъ Греція, повсюду разносившая свое краснорѣчіе и оружіе, выслала къ варварамъ нѣсколько своихъ отважныхъ выходцевъ. Именно въ это самое время Язонъ освѣдомлялся здѣсь о златомъ рунѣ, составлявшемъ награду, достойную его красоты и мужества. Тогда же Греческіе выходцы поселились между Бугомъ и Днѣпромъ и воздвигли храмъ Церерѣ.

За семь столѣтій до нашей эры, Милитяне заняли восточную часть Тавриды; они основали здѣсь Ѳеодосію, Нимфею, Пантикапею, Мирмикіону. Въ тоже самое время Ираклиты пристали къ малому западному полуострову и основали на немъ свои первыя поселенія.

Тогда дикіе туземцы, составлявшіе смѣсь Тавровъ и Скиѳовъ, тѣснимые съ востока и запада просвѣщенными пришельцами, вынуждены были укрыться въ

горахъ; толпы ихъ бросились въ эти горы, гдѣ укрѣпясь, продолжали защищаться.

Тогда Греческія поселенія начали быстро умножаться; въ восточной части полуострова также основалось много новыхъ городовъ, быстро достигшихъ цвѣтущаго состоянія. Между тѣмъ, долго находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ Греками, сами Скиѳы наконецъ подчинились благотворному вліянію просвѣщенія.

Нѣсколько времени спустя, основалось Босфорское царство, въ которомъ первымъ царемъ былъ Левконъ; царство это процвѣтало цѣлые три столѣтія, и долго казалось, что существованіе его упрочено навсегда.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о Сарматахъ: долго они владѣли окрестными странами, и хотя часто возмущали спокойствіе на границахъ Босфорскаго царства, однакожь никогда не могли потрясти его. Такъ продолжалось до царствованія Митридата *Эвпатора*, четвертаго царя этого имени, столь извѣстнаго по его подвигамъ и превратности счастія. Нельзя не сознаться, что Митридатъ былъ великій человѣкъ, хотя ознаменовалъ свою жизнь многими поступками, достойными варвара. Обагренный кровью своихъ родственниковъ, изгнанный изъ Азіи, Митридатъ вздумалъ напасть на самый Римъ, мечталъ о покореніи Италіи въ то время, когда иго Римлянъ тяготѣло надъ всею Греціею. Предпріятіе было огромное, истинно дерзкое; подражая Аннибалу, Митридатъ долженъ былъ пробираться черезъ Скиѳскія области. Остановленный этими неукротимыми ордами, онъ вступилъ въ союзъ съ Сарматами; но въ войскѣ его таилось предательство, солдаты возмутились, устрашенные столь опаснымъ и многотруднымъ предпріятіемъ; они объявили царемъ, вмѣсто Митридата, его сына Фарнака. Но что повторять эту исторію? Она всѣмъ извѣстна по

героизму, ее ознаменовавшему, по жестокостямъ и бѣдствіямъ своимъ.

Послѣ паденія Митридата, власть Римлянъ безпрепятственно утвердилась въ этомъ несчастномъ царствѣ, которымъ еще управляли монархи, сохранившіе только по имени свое достоинство.

Такой порядокъ вещей продолжался до половины перваго столѣтія по Р. Х. Вскорѣ послѣ того начались вторженія варваровъ и первые нахлынули на Тавриду Аланы. Это были кочевые варвары, отличные всадники, которыхъ жилище состояло изъ кибитокъ; они страстно любили войну и грабежъ, разорили Ѳеодосію и въ продолженіе цѣлаго столѣтія опустошали страну.

Потомъ явились Готѳы, и тогда варвары столкнулись съ варварами; но Готѳы одолѣли, покорили Алановъ и оттѣснили ихъ въ горы. Въ это время Тавриду стали называть Готѳіей.

Между тѣмъ Сарматы покушались овладѣть остатками потрясеннаго Босфорскаго царства. Херсониты малой западной республики поспѣшили на помощь устрашеннымъ Босфорскимъ областямъ, заняли Пантикапею и мужественно отражали нападеніе Сарматовъ. Вскорѣ оба войска, утомленныя отчаяннымъ боемъ, происходившимъ неподалеку отъ Ѳеодосіи, остановились среди кроваваго поля сраженія. Тогда согласились рѣшить дѣло поединкомъ между обоими вождями противниковъ. Со стороны варваровъ выступилъ ихъ военачальникъ Савроматъ, со стороны Херсонитовъ Фарнацесъ. Варваръ былъ громадный, какъ башня, великанъ, съ ногъ до головы покрытый желѣзомъ,— соперникъ его человѣкъ тощій, слабый. Но Грекъ прибѣгнулъ къ хитрости: въ условленное время армія Греческая испустила троекратный крикъ; великанъ

смутился, началъ озираться, а Фарнацесъ, пользуясь этимъ, успѣлъ нанести ему смертельный ударъ. Такого рода преданія повторяются у многихъ древнихъ народовъ, и потомство всегда съ любовью принимаетъ ихъ. Послѣ того Сарматы, вѣрные данному слову, покорились и отошли обратно въ Азію. Великодушный Фарнацесъ не воспользовался правами, какія ему давало пособіе, оказанное имъ Босфорцамъ, и не лишилъ ихъ свободы.

Но вскорѣ потомъ нахлынули новые грабители — Гунны, вытѣсненные изъ своихъ прежнихъ жилищъ Татарами. Они наводнили Тавриду, истребили Готѳовъ и Алановъ, застигнутыхъ въ расплохъ, и распространились на сѣверъ, даже до Балтійскаго моря. Но когда царь ихъ, Аттила, прозванный бичемъ Божіимъ и страшилищемъ человѣчества, наконецъ умеръ, то громадное царство Гунновъ, воздвигнутое насиліемъ, распалось и уничтожилось. Гунны, разсѣянные, разъединенные междоусобными враждами, опять ринулись на тѣхъ народовъ, которыхъ прежде увлекли за собою въ своемъ движеніи на Европу. Въ продолженіе цѣлыхъ двухъ столѣтій мы видимъ ихъ въ разныхъ мѣстахъ, подъ разными именами, то въ Тавридѣ, то въ сосѣдственныхъ съ нею странахъ; и вездѣ они ознаменовываютъ свое появленіе только грабительствомъ и насиліями. Наконецъ они стали угрожать и Херсонесской республикѣ. Въ это-то время Императоръ Юстиніанъ послалъ вспомоществованіе устрашеннымъ Греческимъ поселенцамъ и воздвигнулъ, для защиты береговъ, цѣлый рядъ укрѣпленій, которыхъ остатки мы еще видѣли.

Когда это грозное нашествіе варваровъ наконецъ отхлынуло, Таврида немного отдохнула. Но вскорѣ она опять подпала подъ чуждое владычество; ее заняли Хазары, происшедшіе отъ Гунновъ. Этотъ народъ, оставленный Гуннами въ тѣхъ мѣстахъ, которыя въ настоящее время называются Литвою, быстро достигъ чрезвычайнаго могущества и далеко распространилъ свои владѣнія.

Таврида, покоренная Хазарами въ началѣ седьмаго вѣка, получила тогда названіе Хазаріи. Къ ней Хазары присоединили еще часть Кіевской области, Донскую землю, Кавказъ, Молдавію, Трансильванію, Венгрію. Таково было Хазарское царство, съ которымъ и сами Византійскіе Императоры не пренебрегали вступать въ союзъ.

Около 811-го года по Р. Х. государство Хазаровъ образовалось въ сильную монархію. Но едва возникъ этотъ колоссъ, какъ уже началъ клониться къ паденію. Около того же времени на Хазарію стали нападать Русскіе и Печенѣги, а съ такими противниками оставалось одно изъ двухъ: или самому погибнуть, или ихъ искоренить. Русскіе уже въ то время имѣли правительство сильное своимъ политическимъ единствомъ. Находясь въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, Хазары прибѣгли къ пособію Грековъ и въ 858-мъ году обратились къ христіанству. Не смотря на то, однакожь, въ слѣдствіе безпрестанныхъ нападеній отъ Русскихъ и Печенѣговъ, а также по причинѣ внутреннихъ междоусобій, владычество Хазаровъ быстро клонилось къ упадку и Хазарія, принявъ опять имя Таврическаго Херсонеса, сдѣлалась исключительною добычею Печенѣговъ. Впрочемъ, южная часть полуострова успѣла отстоять свою независимость и, какъ принадлежность Херсонитской республики, была присоединена къ Греческой имперіи.

Печенѣги, какъ видится, были народъ дѣятельный, промышленый и торговый; они не замедлили отбить

у Херсонитовъ торговлю съ Востокомъ. — Такимъ образомъ Херсониты, утративъ транзитную торговлю, которую вели нѣкогда, перевозя товары изъ Азіи въ Византію, пришли въ упадокъ.

Но цвѣтущее состояніе Печенѣговъ продолжалось не болѣе полустолѣтія : на нихъ напали Команы, побѣдили ихъ и прогнали въ Азію.

Команы нашли на Тавриду, убѣгая отъ Монголовъ. Сначала они платили дань Крымскимъ горцамъ, первобытному здѣшнему народу, который устоялъ при всѣхъ переворотахъ, происходившихъ на полуостровѣ; но въ послѣдствіи, утвердясь въ своихъ новыхъ жилищахъ, начали, по свойственному дикимъ народамъ обычаю, опустошать весь край. Впрочемъ, и Команы обитали здѣсь не долго ; вскорѣ на нихъ нашли Татары и оттѣснили ихъ къ Ѳракіи.

Тогда не только для Тавриды, но и для всей восточной Европы наступила новая эра. Чингисъ-ханъ, знаменитый основатель обширной Кипчакской имперіи, умеръ въ 1226-мъ году. Одинъ изъ его внуковъ, Батый-ханъ, пламенно желавшій прославиться не менѣе своего грознаго дѣда, устремился на Европу съ полчищами, состоявшими изъ шести сотъ тысячъ человѣкъ. Вскорѣ Татары наводнили Россію, Польшу, Венгрію. Европейская Сарматія и Таврида не могли сопротивляться свирѣпымъ побѣдителямъ; изъ нихъ образовалась такъ называемая Малая Татарія. Когда Батый-ханъ умеръ, Крымъ достался въ удѣлъ одному изъ его потомковъ Оранъ-Тимуру, и въ это самое время Сольгатъ, нынѣ называемый Эски-Крымомъ, сдѣлался мѣстопребываніемъ хана.

Вскорѣ въ Крыму все измѣнилось; Татары, хотя уже приняли Магометанскую религію, не вынуждали, однакожъ, покоренныхъ ими туземцевъ къ принятію

этой религіи, и не подвергали ихъ за то гоненію. Вообще они отличались вѣротерпимостью. Тогда торговля начала опять процвѣтать въ этой странѣ. Солдая, новѣйшій Су-Дагъ, сдѣлался богатымъ складочнымъ мѣстомъ всѣхъ Азіатскихъ товаровъ. Въ окрестностяхъ Оръ-Капи, нынѣшняго Перекопа, начали добывать, въ большомъ количествѣ, соль. Наконецъ въ Крымъ явились выходцы изъ Италіи, которой торговые флоты покрывали въ то время Средиземное море. Тогда о владычествѣ надъ этимъ моремъ спорили три Италіанскія республики : Венеція, Генуя и Пиза.

Въ этой борьбѣ временно взяли верхъ Генуэзцы. Уже въ 1262-мъ году они учредили нѣсколько конторъ въ Константинополѣ. Лѣтъ осьмнадцать спустя, въ древнюю гавань Ѳеодосіи прибылъ одинъ Генуэзецъ ; онъ купилъ уголъ земли у Сольгатскаго хана, котораго владѣнія прилегали къ упомянутой гавани, и основалъ Каффу.

Мало по малу, Генуэзцы усилились въ этихъ мѣстахъ, гдѣ сначала основались, можно сказать, почти украдкою. Здѣсь не мѣсто разсказывать о тѣхъ хитростяхъ, къ которымъ они при этомъ прибѣгали, о той дѣятельности, какую обнаружили. Когда Татары замѣтили, что Генуэзцы хотятъ господствовать въ ихъ странѣ, то было уже поздно; пришельцы сдѣлались могущественнѣе ихъ самихъ.

Богатая, торговая Каффа составляла предметъ зависти для Венеціанъ. Для истребленія этого города, они снарядили большой флотъ, овладѣли Каффою и разграбили ее; но эта побѣда не доставила имъ никакой пользы: истощенные голодомъ и болѣзнями, они скоро удалились изъ Каффы, оставивъ даже въ ея гавани, по недостатку матросовъ, нѣсколько галеръ.

Между тѣмъ, ущербъ, понесенный Генуэзцами отъ разоренія Каффы, нисколько не поколебалъ ихъ могущества. Въ 1304-мъ году скромная контора, учрежденная ими при Константинополѣ, сдѣлалась особымъ городомъ и приняла названіе Перы. Это случилось при слабомъ Андроникѣ Палеологѣ, который ни въ чемъ не спорилъ съ Генуэзцами. Что касается до Каффы, то вмѣстѣ съ Генуэзскимъ флотомъ въ нее возвратились и богатство и сила. Католическая религія утвердилась въ ней со всѣми своими обрядами, и Папа Іоаннъ XXII учредилъ въ этомъ городѣ епископство. Но не смотря на столь сильное развитіе, Каффа едва не подверглась гибели отъ самаго обыкновеннаго происшествія.

Въ Танѣ, древнемъ городѣ, лежавшемъ при Азовскомъ морѣ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Таганрогъ, жилъ ханъ Джани-бекъ, царствовавшій въ то время надъ Кипчакскою ордою. Генуэзцы и Венеціане свободно торговали въ этомъ городѣ. Но какой-то Танскій Татаринъ оскорбилъ одного Генуэзца, а этотъ убилъ его. Слѣдствіемъ такого неосторожнаго поступка было общее избіеніе всѣхъ Италіанцевъ и строгое предписаніе Джани-бека Каффскимъ Генуэзцамъ, чтобы они немедленно выѣхали изъ мусульманскихъ областей. Генуэзцы не повиновались и началась война.

Татары осадили Каффу; но Генуэзцы сдѣлали вылазку, разбили Татаръ, освободили свой городъ, и наконецъ довели Джани-бека до того, что онъ вынужденъ былъ униженно просить мира, обѣщаясь платить дань. Но вскорѣ онъ вѣроломно нарушилъ свое слово, началъ опять грабить и убивать Италіанцевъ и война загорѣлась съизнова. Генуэзцы обложили тѣсною блокадою Азовское море и Каффа приготовилась къ сильному отпору. Между тѣмъ опасность, въ какой находилась Каффа встревожила Европу, и Папа Климентъ VI пригласилъ все христіанство оказать помощь этому городу. Вскорѣ, однакожъ, война надоѣла обѣимъ враждовавшимъ сторонамъ и переговоры о мирѣ возобновились. Тѣмъ не менѣе Каффа рѣшилась охранить себя на будущее время отъ опасности и тогда же городъ былъ обнесенъ грозными укрѣпленіями, которыхъ развалины мы видѣли. Въ 1386-мъ году укрѣпленія эти были уже вполнѣ воздвигнуты. Исполненіе столь огромнаго предпріятія доказываетъ степень силы и богатства, на какой находилась тогда республика. Все это, разумѣется, еще увеличило высокое понятіе, какое имѣли Татары о могуществѣ Генуэзцевъ.

Сверхъ того Генуэзская колонія поступала такъ справедливо и безкорыстно съ своими сосѣдями, что они охотно прибѣгали къ ея посредничеству въ своихъ ссорахъ. И надобно сознаться, что тогда была самая прекрасная эпоха этой колоніи. Въ 1365-мъ году она владѣла двумя важнѣйшими мѣстами морскаго берега, *Чембаломъ* и *Солдаей*, т. е. нынѣшнею Балаклавою и Су-Дагомъ. Эти города были укрѣплены, что доказывается развалинами, существующими по нынѣ. Но этого было мало для Каффы: спустя пятнадцать лѣтъ, она овладѣла и всѣмъ берегомъ между Балаклавою и Су-Дагомъ. Готѳія, такъ еще называлась горная мѣстность, также подпала подъ владычество Генуэзцевъ.

Между тѣмъ какъ могущество Кафской республики возрастало, Кипчакское ханство видимо клонилось къ упадку. Безпрестанныя войны, измѣны, междоусобія сильно потрясли могущество орды; несчастія, постигшія Татаръ отозвались и въ той части Тавриды, которая принадлежала имъ.

Послѣдній потомокъ Чингисъ-хана, Токатъ-Михе

просилъ пособія у Тамерлановыхъ родственниковъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Абу-Сеидъ пришелъ въ 1401-мъ году и овладѣлъ всею страною, гдѣ господствовала Кипчакская орда. Наконецъ, произошло сраженіе, въ которомъ Абу-Сеидъ собственною рукою убилъ Токатъ-Михе. Послѣ того Абу-Сеидъ велѣлъ перебить и всѣхъ потомковъ Чингисъ-хана. Изо всѣхъ членовъ этого знаменитаго семейства отъ убійцъ скрылся только десятилѣтній Девлетъ, котораго ожидалъ въ послѣдствіи высокій жребій. Его спасъ какой-то пастухъ; онъ воспитывался между пастухами и самъ пасъ стада.

Настало однакожь время, когда Татары угнетенные Тамерлановыми потомками, свергли ихъ владычество. Вся нація горько оплакивала гибель своихъ законныхъ властелиновъ. Тогда явился Девлетъ и былъ принятъ какъ избавитель. Хотя онъ и не ходилъ на поклоненіе въ Мекку, однакожь принимая въ уваженіе долговременныя несчастія его, общимъ голосомъ ему дали названіе *хаджи*. Тогда дошла очередь до пастуха: Девлетъ спросилъ у него какой награды желаетъ онъ за то, что спасъ его.— « Государь, отвѣчалъ пастухъ, присоедините къ вашему имени мое и передайте его вашимъ потомкамъ, въ память бѣднаго пастуха, сохранившаго вашу жизнь ». Пастуха звали Гиреемъ и ханъ, присоединивъ это имя къ своему, сталъ называться Девлетъ-Гиреемъ. Потомъ это имя сохранилось у всѣхъ хановъ, царствовавшихъ въ Крыму до присоединенія полу-острова къ Россіи.

Между тѣмъ какъ Девлетъ-Гирей утверждалъ свою власть въ обширныхъ областяхъ, населенныхъ Татарами, Генуэзцевъ постигли нѣкоторыя несчастія. Балаклавскіе Греки неожиданно возмутились противъ нихъ и прогнали ихъ, но за то были жестоко ими

наказаны. Съ другой стороны у Генуэзцевъ возникло несогласіе съ Сольгатскими Татарами, которые на этотъ разъ побѣдили. Звѣзда республики начинала затмѣваться.

Взятіе Константинополя Турками, въ 1453 году, нанесло жестокій ударъ могуществу Генуи. Пера не могла сопротивляться побѣдителю; Каффа также подверглась опасности рано или поздно подпасть подъ владычество мусульманъ. Въ этомъ самомъ году Генуэзская республика, которой финансы были разстроены, заложила свои колоніи банку Святаго Георгія и банкъ этотъ владѣлъ ими двадцать два года.

Между тѣмъ на тронъ хановъ вступилъ одинъ изъ осьми сыновъ Девлетъ-Гирея, Менгли-Гирей. Но братья его не покорились ему; каждый изъ нихъ хотѣлъ самъ царствовать. Вспомоществуемый Кафскими Генуэзцами, Менгли-Гирей восторжествовалъ надъ своими соперниками. Послѣ чего Генуэзскіе банкиры вздумали извлекать выгоду изъ положенія хана, котораго участь находилась въ ихъ рукахъ, потому что всѣ его братья содержались въ ихъ Су-Дагской крѣпости. Тогда народъ началъ громко роптать; несправедливость и наглость Генуэзцевъ возбудила всеобщее негодованіе. Наконецъ буря, долго собиравшаяся, разразилась громовымъ ударомъ. Покамѣстъ толпы Татаръ безуспѣшно осаждали Каффу, въ Константинополь былъ отправленъ особенный агентъ, предложившій Магомету II-му овладѣть Генуэзскими колоніями. Вслѣдъ за тѣмъ, 1-го іюня 1475-го года, передъ стѣнами Каффы явился Турецкій флотъ, состоявшій изъ четырехъ сотъ осьмидесяти двухъ судовъ. Послѣ шестидневнаго отчаяннаго сопротивленія, городъ вынужденъ былъ къ безусловной сдачѣ. Турки поступили немилосердо съ побѣжденными. Всѣ

почти христіане католическаго исповѣданія были перевезены въ Константинополь, а остальные жители ограблены и обременены тяжкими налогами. Послѣ Каффы и всѣ другія Генуэзскія колоніи, одна за другою, подпали подъ владычество Турокъ; послѣдній взятъ Су-Дагъ; гарнизонъ его Турки выморили голодомъ. Такимъ образомъ пали, подъ ударами исламисма, Генуэзскія колоніи, съ трудомъ и постепенно возвышавшіяся въ продолженіе цѣлыхъ двухъ столѣтій.

Послѣ Менгли-Гирея, удалившагося въ Константинополь, братья его, освобожденные изъ Су-Дагской крѣпости, начали воевать другъ противъ друга. Татары, наскучивъ междоусобіями, обратились къ Султану и просили прислать къ нимъ человѣка, который бы могъ возстановить въ Крыму спокойствіе. Султанъ согласился на ихъ просьбу, возвратилъ имъ Менгли-Гирея, но отпуская этого хана, далъ ему особенныя тайныя предписанія, состоявшія въ томъ, чтобы подчинить все государство Татарское владычеству Турокъ. Предпріятіе это было сопряжено со многими затрудненіями; Менгли-Гирей зналъ, что рѣшаясь на него, онъ возстановитъ противъ себя всѣхъ своихъ подданныхъ. Можетъ быть этимъ то онъ и былъ вынужденъ ко многимъ жестокимъ поступкамъ, навлекшимъ на него всеобщую ненависть. Наконецъ онъ умеръ въ 1515-мъ году, оставивъ сына, который царствовалъ еще хуже.

Долгое время ханы этого племени слыли только начальниками разбойниковъ. Пользуясь несогласіями сосѣдственныхъ государствъ, они помогали за деньги то той, то другой изъ воевавшихъ сторонъ, а иногда и обѣимъ вдругъ. Съ своей стороны Порта, ссылаясь на условіе, заключенное съ Менгли-Гиреемъ, поступала съ ханами какъ съ своими пашами, и по произволу своему или возводила ихъ на тронъ, или свергала съ него. Всѣ ханы, царствовавшіе въ Крыму въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ были просто игралищемъ Оттоманской Порты.

Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ хановъ, отличавшіеся миролюбіемъ, обуздывали воинственныя склонности своихъ подданныхъ. Одинъ только изъ нихъ, Гази-Гирей, заслуживаетъ безусловныхъ похвалъ: онъ былъ отличный воинъ и великодушный государь, любилъ поэзію и музыку, имѣлъ душу благородную, и конечно сдѣлалъ бы много добра, если бы ему не препятствовала склонность Татаръ къ войнѣ и грабежу. Онъ умеръ въ 1608-мъ году, оставивъ ханство свое въ мирѣ съ сосѣдними государствами. Но всѣ восемь хановъ, слѣдовавшихъ послѣ него, продолжали по прежнему, вести грабительскую и вѣроломную войну съ Русскими, Поляками, казаками и даже съ другими Татарскими ханами.

Прямое потомство Менгли-Гирея пресѣклось въ 1666-мъ году, и на тронъ вступила младшая отрасль этого дома, извѣстная подъ именемъ Чобановъ, то есть пастуховъ. Первый ханъ изъ этой отрасли былъ Адель-Гирей; но онъ царствовалъ не долго, его свергъ съ трона Султанъ. За нимъ слѣдовалъ Селимъ-Гирей, котораго Турки нѣсколько разъ свергали съ трона и опять возводили на него. Это повторялось каждый разъ при возобновленіи войны съ Нѣмцами, Русскими и Поляками. Селимъ-Гирей былъ человѣкъ возвышеннаго характера; онъ счастливо велъ войну, и когда янычары, которымъ онъ внушилъ къ себѣ особенную привязанность своими прекрасными качествами, хотѣли было сдѣлать его Султаномъ, то онъ отказался отъ ихъ предложенія, предпочитая частную жизнь не-

справедливо похищенному трону, и тотчасъ отправился въ Мекку. Сынъ его Девлеть былъ свергнутъ еще прежде, чѣмъ успѣлъ возложить на себя вѣнецъ ханскій; тогда Селимъ-Гирей возвратился въ пятый разъ на тронъ Крыма, и умеръ облеченный въ санъ, къ которому такъ мало обнаруживалъ привязанности.

Между тѣмъ въ странѣ сосѣдственной съ Крымомъ, совершились событія, имѣвшія чрезвычайно важныя послѣдствія. Безсмертный преобразователь Россіи, Петръ Великій, началъ войну съ Турками, окончившуюся извѣстнымъ договоромъ при Прутѣ. Девлетъ-Гирей, царствовавшій тогда въ Крыму, очень разсердился на Великаго Визиря Балтаджу-Мегемета-пашу за то, что онъ заключилъ миръ съ Россійскимъ государемъ, и отмстилъ ему за этотъ миръ уже по прошествіи десяти лѣтъ. Въ это время онъ пріѣзжалъ въ Адріанополь для совѣщаній о нѣкоторыхъ военныхъ предпріятіяхъ съ Султаномъ, который очень уважалъ его. По окончаніи переговоровъ, Девлетъ-Гирей, намѣреваясь отправиться въ обратный путь, сталъ уже садиться на лошадь, — вдругъ остановился. « — Чего ты ждешь? спросилъ Султанъ. — Жду, чтобы ты прислалъ мнѣ голову Балтаджи-Мегмета.» И по его желанію казнили не только бывшаго великаго визиря, но сверхъ того Рейсъ-Эфенди и агу янычаръ, которыми Девлетъ также былъ недоволенъ.

Но поспѣшимъ ко временамъ менѣе отдаленнымъ. Въ 1736-мъ году Крымъ подвергся нашествію стотысячной Русской арміи, находившейся подъ командою графа Миниха. Русскіе взяли приступомъ Перекопское укрѣпленіе, преслѣдовали враговъ своихъ до Акъ-Метшета, нынѣшняго Симферополя, и потомъ удалились, утомленные трудымъ походомъ, совершеннымъ въ самое жаркое время года. Татары вслѣдъ

за тѣмъ нахлынули на Малороссію и опустошили ее. На слѣдующій годъ надобно было опять наказать ихъ. Тогда Русская армія снова двинулась въ Крымъ; ею командовалъ графъ Ласи. Между тѣмъ Татары возстановили Перекопское укрѣпленіе, разрушенное Русскими, и теперь его защищалъ уже лично самъ Ханъ. Но Русскіе вторично преодолѣли эту преграду взяли Арабатъ, сожгли, какъ увѣряютъ, болѣе тысячи деревень и опять удалились.

Вскорѣ послѣ того новое нападеніе Хана заставило графа Ласи предпринять третій походъ въ Крымъ. Но на этотъ разъ онъ былъ вынужденъ отказаться отъ своего намѣренія по той причинѣ, что въ странѣ, подвергавшейся столько разъ опустошенію, не было никакой возможности содержать армію. Война эта кончилась миромъ, заключеннымъ въ 1740-мъ году.

Тогда владычество Хановъ простиралось очень далеко; области ихъ граничили съ Турціею, доходили на сѣверъ до Польши и Малоросіи, а на востокъ до Таганрога и Кавказскихъ горъ. Населеніе этихъ областей состояло изъ Татаръ Крымскихъ, Ногайскихъ и изъ Черкесовъ. Крымскіе Татары обитали въ самомъ Крыму, Ногайскіе Татары занимали равнины, простирающіяся между Дунаемъ и Дономъ, Черкесы жили на восточномъ берегу Чернаго моря и по отлогостямъ Кавказскаго хребта. Изъ этихъ трехъ племенъ безспорно наиболѣе образованы были Крымскіе Татары. Они давно и съ успѣхомъ вели торговлю, занимались земледѣліемъ, и сверхъ того имѣли много школъ для первоначальнаго обученія. Все это послужило къ смягченію ихъ нравовъ и мало по малу нѣсколько пріучило къ жизни осѣдлой и спокойной.

Земли въ Крыму раздѣлялись на удѣлы, принадлежавшіе дворянству. Весь полуостровъ составлялъ сорокъ

восемь округовъ или *Кадиликовъ*. Землевладѣльцы не платили Ханамъ никакой подати, но каждый изъ нихъ былъ обязанъ доставлять въ военное время фуру съ хлѣбомъ, запряженную двумя лошадьми. А какъ Ханы вели часто войну, то и повинность эта взималась почти постоянно. Впрочемъ, доходъ Хана состоялъ въ продажѣ соли, въ таможенныхъ сборахъ, въ дани, взимаемой съ Молдавіи и Валахіи, а болѣе всего въ военной добычѣ. По этому Ханы были очень богаты и отличались необыкновенною щедростью. Племя Гиреевъ, казалось, вмѣстѣ съ высокимъ саномъ своимъ, получило въ удѣлъ эту добродѣтель, свойственную всѣмъ великимъ государямъ и искупающую многіе пороки. Ни одинъ изъ Хановъ этого племени не отказывался отъ благотворительности, и если имъ совѣтовали соблюдать бережливость, то эти государи, которыхъ будущность всегда была такъ непрочна, обыкновенно отвѣчали: « Къ чему копить сокровища? Развѣ видано, чтобы кто либо изъ Гиреевъ умеръ въ бѣдности? »

Ханы могли выставить въ поле до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, не обезлюдивъ своего государства. Прокормленіе такой арміи не стоило казнѣ ничего; дворяне содержали своихъ приближенныхъ на собственный счетъ, а простолюдины сами запасались съѣстными припасами и при первомъ случаѣ съ избыткомъ вознаграждали себя за свои издержки грабежемъ.

Миръ заключенный въ 1740-мъ году, продолжался осьмнадцать лѣтъ. Въ теченіе этого времени Ханъ Алимъ-Гирей вынужденъ былъ нѣсколько разъ усмирять подданныхъ своихъ, бунтовавшихъ противъ него. Наконецъ его свергнули и на тронъ вступилъ Керимъ-Гирей. Этого Хана Татары чрезвычайно любили. Это былъ человѣкъ съ большими способностями,

любилъ искусства, которыми занимался и самъ, покровительствовалъ людямъ съ достоинствами и отличался необыкновенною справедливостью. Въ Бахчи-Сараѣ на каждомъ шагу невольно вспоминаешь объ немъ. Онъ также, въ свою очередь былъ свергнутъ Турками, но потомъ опять возведенъ на тронъ для командованія Татарами по случаю экспедиціи противъ Сербовъ. Этотъ великій государь умеръ въ Бендерахъ отъ отравы, данной ему какимъ-то Грекомъ. Чувствуя приближеніе смерти, Керимъ-Гирей изъявилъ желаніе умереть какъ поэтъ и артистъ, и приказалъ призвать къ себѣ музыкантовъ, говоря, что при музыкѣ веселѣе уснетъ.

Потомъ царствовали Девлетъ-Гирей, Капланъ-Гирей и Селимъ Гирей. Въ это время война противъ Россіи вспыхнула съ новою силою по поводу притязаній Турціи на Сербію. Россія выслала армію противъ Турокъ и въ тоже время напала на Татаръ. Князь Долгорукій вступилъ въ Крымъ двумя колоннами, изъ которыхъ одна взяла Перекопское укрѣпленіе, а другая крѣпость Арабатъ. Устрашенный Селимъ умолялъ о мирѣ, ему дали миръ, но онъ вѣроломно нарушилъ его, и снова побѣжденный, бѣжалъ изъ Крыма.

Тогда Татары возвели на тронъ Сагимъ-Гирея и это былъ ихъ послѣдній Ханъ. Сагимъ, по согласію съ своими подданными, свергъ иго Порты и отдался подъ покровительство Россійской Императрицы Екатерины Второй. Въ слѣдствіе трактата, заключеннаго при этомъ случаѣ, Русскіе заняли въ Крыму три крѣпости. Этимъ Россія сильно потрясла могущество Турціи; но Порта, чувствуя свое безсиліе, не смѣла дѣйствовать явно и только въ тайнѣ старалась возмущать Крымцевъ противъ Россіи. Наконецъ, однакожь, Ку-

34*

чукъ-Кайнарджскимъ трактатомъ, заключеннымъ 17-го іюля 1774-го года, Порта торжественно признала независимость Крымскаго ханства. Съ того времени не подлежало уже сомнѣнію, что рано или поздно Крымъ будетъ окончательно присоединенъ къ Россіи. Великая Императрица, устроивая колоніи по берегамъ Азовскаго моря, куда въ большомъ количествѣ стекались Армяне и Евреи, вмѣстѣ съ тѣмъ усмиряла бунты, происходившіе противъ Сагимъ-Гирея. Кафа и Бахчи-Сарай, дважды бунтовавшіе, строго были наказаны; но искры мятежа все еще тлѣлись, раздуваемыя Портою. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, Сагимъ-Гирей рѣшился совсѣмъ уступить свое государство Россійской Императрицѣ. Тогда заключили трактатъ, подписанный 10-го іюня 1783-го года, въ слѣдствіе котораго Крымъ былъ навсегда присоединенъ къ Россійской Имперіи. Къ сожалѣнію Сагимъ-Гирей, по заключеніи упомянутаго трактата, обманутый ложными обѣщаніями Порты, уѣхалъ въ Константинополь, гдѣ и былъ удавленъ.

Такимъ образомъ совершились судьбы Тавриды, и различныя племена, ее населяющія, успокоились подъ сѣнію благотворнаго Россійскаго правительства, котораго отеческую попечительность они не замедлили оцѣнить. Правда, сначала жители начали было выселяться, но въ послѣдствіи, удостовѣрясь, что имъ нечего опасаться какъ относительно собственности, такъ и религіи, они большею частію возвратились опять. Мы уже говорили о томъ какъ возникали новые Русскіе города, и возобновлялись древнія названія мѣстностей. Къ сказанному считаемъ нужнымъ прибавить, что Татарскіе города не потерпѣли отъ этого никакого ущерба.

Въ гористой части Тавриды, долго называвшейся Гот-

ѳіею, остались почти всѣ жители; эти потомки горцевъ, сохраняя нравы прадѣдовъ своихъ, нисколько не имѣли желанія разстаться съ отечествомъ. Но степные Татары, составляющіе очевидно племя особое отъ горцевъ, не могли быть снова привлечены въ равнину, нѣкогда столь плодородную, теперь опустѣвшую отъ войны. За то вскорѣ на южномъ берегу начали поселяться новые пришельцы, привлеченные тамошнею прекрасною природою. На плодородной почвѣ этого берега они развели прекрасные виноградники, и теперь этотъ край, столь долго представлявшій дикую пустыню, сдѣлался, въ полномъ смыслѣ слова, садомъ, въ которомъ взоръ на каждомъ шагу встрѣчаетъ красивыя рощи, сады, цвѣты и плоды.

Крымъ составляетъ часть Таврической губерніи; онъ раздѣляется на четыре уѣзда: Симферопольскій, Эвпаторійскій, Ѳеодосійскій и Перекопскій.

Въ приложенной ниже таблицѣ показано число жителей, населяющихъ полуостровъ. Цифры эти почерпнуты изъ источниковъ достовѣрныхъ, однакожь мы не ручаемся за совершенную ихъ точность.

Населеніе четырехъ уѣздовъ, составляющихъ Таврическую губернію.

УѢЗДЫ.	ДВОРЯНЕ.	ДУХОВЕНСТВО.		КРЕСТЬЯНЕ		Иностранные поселенцы.	Итогъ жителей въ каждомъ уѣздѣ.	
		Муллы.	Христіанскіе священники.	Татары	Русскіе.			
Симферопольскій. . . .	365	1,548	6	27, 444	1,572	1, 128	32, 055	
Эвпаторійскій	557	1,255	»	17, 503	174	»	19, 489	
Ѳеодосійскій.	78	1,037	14	21, 321	959	1, 755	25, 164	102, 923
Перокопскій.	123	1.536	»	24, 410	146	»	26, 215	
	1,123	5,368	20	90, 678	2, 883	2, 883	102,923	

Прибавимъ къ этому, что приблизительное число женщинъ простирается до.	82,843	
Караимовъ.	1,383	87, 140
Евреевъ раввинистовъ.	325	
Грековъ и Армянъ.	2,589	
Такимъ образомъ все народонаселеніе составляетъ.		190,063

Возвратясь въ Одессу, мы начали дѣятельно готовиться къ отъѣзду. Часть экспедиціи вскорѣ отправилась вмѣстѣ со мною къ Австрійской границѣ черезъ Бендеры, Кишеневъ и Бессарабію. По счастію здѣсь еще не начинались дожди, во время которыхъ по здѣшнимъ дорогамъ почти нѣтъ возможности ѣздить. Въ Новосельцѣ мы переѣхали черезъ Прутъ и вступили въ Австрійскую область Галицію. Главный городъ этой

области Черновичь; онъ очень красивъ, расположенъ у подошвы горъ и чрезъ него протекаетъ рѣка Прутъ. Онъ особенно примѣчателенъ своими прекрасными церквами.

Можете себѣ представить какое удовольствіе мы чувствовали, пріѣхавъ послѣ степи въ образованную и населенную землю. Какая прекрасная страна эта Галиція, и какъ въ ней покойно ѣздить! И мѣстности, и живописные костюмы жителей,—все здѣсь соединилось, чтобы сообщить путешествію наиболѣе пріятности. Во Львовѣ (Лембергъ) можно уже найти все, чѣмъ отличаются большіе Нѣмецкіе города; здѣсь есть даже и Евреи, народъ суетливый, котораго вся жизнь есть непрерывная дѣятельность.

На этотъ разъ, однакожь, мы спѣшили какъ можно скорѣе пріѣхать въ Вѣну, и потому, не увлекаясь ни отличными видами, ни прекрасною осеннею погодою, быстро пронеслись черезъ Австрійскую Моравію и Силезію. А между тѣмъ какія чудесныя картины представлялись намъ вездѣ, какая плодородная почва, какіе зажиточные, счастливые поселяне!

Мы не поѣхали черезъ Краковъ, потому, что во всѣхъ Австрійскихъ областяхъ начинала свирѣпствовать холера, и мы боялись, чтобы насъ не задержали въ карантинахъ. Вотъ что и побуждало насъ спѣшить; намъ были еще очень памятны Скуляны. Поэтой причинѣ пріѣхавъ въ Вѣну, я немедленно отправился, черезъ Линцъ и Нюрембергъ, во Франкфуртъ, а оттуда въ Бельгію. Мы прибыли на границу Франціи въ такое время, когда наступленіе зимы, заставляетъ помышлять о пріятностяхъ уединенія и кабинетныхъ занятіяхъ.

Что касается до товарищей нашихъ, оставшихся въ

Одессѣ, то они не могли отправиться по той дорогѣ, по которой я было назначилъ имъ ѣхать. Предоставляю имъ самимъ расказать о препятствіи, какое они встрѣтили и о пути, по которому имъ пришлось возвратиться во Францію.

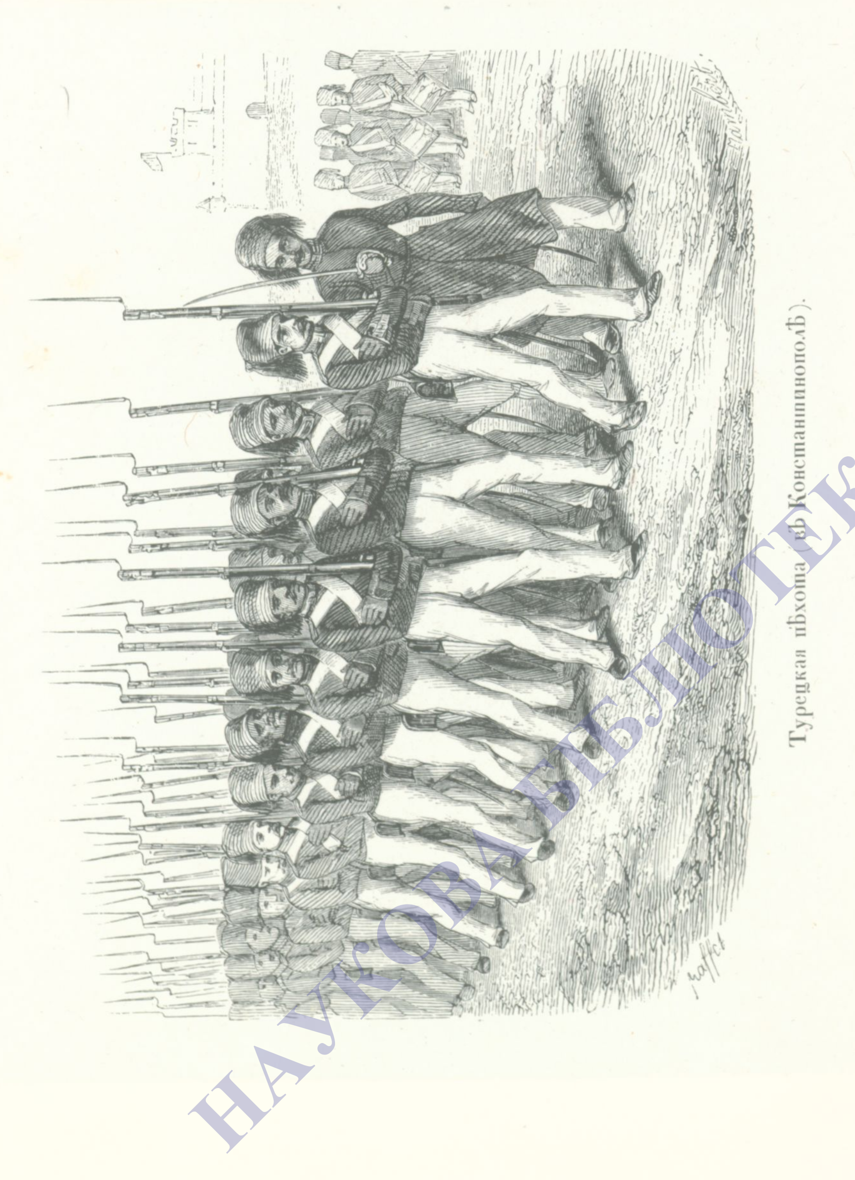
«Мы занимались приготовленіями къ отъѣзду; цѣлые дни только и дѣлали, что приводили въ порядокъ наши коллекціи, стараясь уложить ихъ какъ можно удобнѣе для продолжительнаго пути. Какъ счастливы были наши натуралисты, имѣя передъ собою въ сборѣ всѣ сокровища, накопленныя ими такъ удачно, въ столь различныхъ мѣстахъ! Они не могли налюбоваться ими. По вечерамъ мы посѣщали обязательныхъ особъ, оказывавшихъ намъ гостепріимство, истинно незабвенное. Самыя почтенныя лица наперерывъ приглашали насъ къ себѣ. Наконецъ все было готово, и мы уже располагались отправиться 3-го ноября къ Австрійской границѣ, какъ вдругъ 1-го ноября, въ Одессѣ распространился тревожный слухъ. Этотъ слухъ начиналъ уже пріобрѣтать нѣкоторую степень достовѣрности, а мы еще ничего не знали о немъ. Дѣло состояло въ томъ, что въ Одессѣ появилась чума. Изъ карантина тайно провезли шубу, отъ которой язва распространилась по городу. На первыхъ порахъ отъ нея уже умерло два человѣка, а потому, въ слѣдующее утро многіе кварталы были оцѣплены; но признаки болѣзни, вопреки всѣмъ преградамъ, какія ей противопоставляли, обнаруживались и во многихъ неоцѣпленныхъ мѣстахъ. Тогда ужасъ овладѣлъ всѣмъ городомъ. Но между тѣмъ порядокъ и тишина господствовали повсюду. Начальства тотчасъ условились какъ дѣйствовать и въ ожиданіи прибытія Генералъ-Губернатора, которому сообщили о несчастіи, постигшемъ Одессу, приняли самыя благоразумныя мѣры. Наконецъ 3-го ноября городъ былъ запертъ и всѣ, кого случай или надобность завели въ Одессу, остались въ ней узниками чумы.

Признаемся, для насъ это были минуты ужасныя. Правда, еще наканунѣ мы могли выѣхать изъ города; но и выбравшись изъ него, что бы мы стали дѣлать? Какимъ случайностямъ могли подвергнуться? Какъ стали бы насъ принимать, узнавъ, что мы ѣдемъ изъ чумнаго мѣста? Однакожь, нѣкоторыя благонамѣренныя особы совѣтовали намъ рѣшиться на это отчаянное средство. Всѣ помнили еще, что по такому же случаю Одесса была однажды оцѣплена цѣлыя шесть мѣсяцевъ. Въ слѣдствіе всего этого мы находились въ ужасной нерѣшимости, которая прекратилась вдругъ извѣстіемъ, что городъ оцѣпленъ. Впрочемъ, счастіе, благопріятствовавшее намъ во все продолженіе путешествія, не оставило насъ и теперь. Одесса была заперта съ сухаго пути, но путь моремъ былъ открытъ, и пароходъ «Петръ Великій» готовился къ отплытію въ Константинополь.

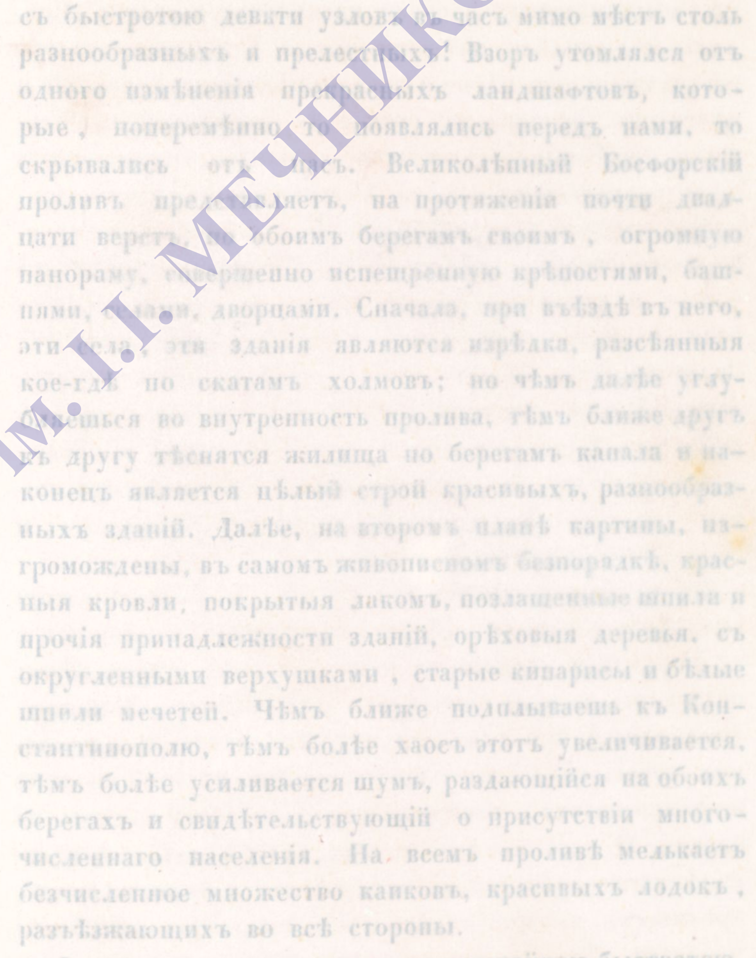
Кто изъ насъ могъ бы угадать за недѣлю, что мы будемъ въ Константинополѣ? А между тѣмъ, при тогдашнемъ нашемъ положеніи, возможность уѣхать въ этотъ городъ была для насъ обстоятельствомъ самымъ благопріятнымъ. Тамъ никто не спроситъ у насъ: Откуда вы? не въ чумѣ ли вы? тамъ насъ примутъ въ какомъ бы мы ни были состояніи, хоть зачумлены, хоть нѣтъ. И такъ, 4-го ноября мы перебрались на пароходъ, который снялся съ якоря уже при наступленіи ночи. Съ какою грустью сказали мы вѣчное «прости!» прекрасному городу, подвергнутому страшной опасности, городу, въ которомъ мы испытали такое благородное, обязательное гостепріимство!

На слѣдующее утро мы проходили въ небольшомъ разстояніи отъ *Змѣинаго острова*, единственнаго, суще-

ствующаго на Черномъ морѣ. Этотъ островъ у древнихъ назывался Левко или Бѣлый, онъ имѣлъ также много и другихъ названій. Ѳетида, мать Ахиллеса, подарила его своему сыну; но признаться, онъ составляетъ не очень завидное достояніе для такого богатаго наслѣдника! Тѣмъ неменѣе однакожъ, сынъ воздвигъ своей матери храмъ на этомъ голомъ утесѣ. Нынѣ Змѣиный островъ, лишенный занимательности, какую ему сообщала миѳологія, не украшенный ни какою растительностью, является въ видѣ самой грустной пустыни, населенной только морскими птицами. Вскорѣ мы потеряли изъ виду этотъ островъ, не замѣтивъ ни одного изъ тѣхъ признаковъ, о которыхъ говоритъ Арріенъ въ своемъ периплѣ Эвксинскаго Понта. При томъ и тѣни Ахиллеса и Патрокла не взяли на себя труда указать намъ, гдѣ всего удобнѣе пристать къ берегу, а эту обязанность, по увѣренію древнихъ, упомянутыя тѣни всегда исправно выполняли. Вотъ почему мы и поплыли дальше. Почти до 44 градусовъ широты море было взволновано, небо покрыто сѣрыми облаками, и дулъ холодный вѣтеръ. Такая температура и такой видъ неба совершенно согласовались съ расказами моряковъ объ этой части Чернаго моря. Нынѣшніе моряки не вѣрятъ болѣе ни Патроклу, ни Ахиллу, но справедливо утверждаютъ, что прямо противъ устьевъ Дуная и волны и вѣтры бушуютъ яростнѣе нежели во всѣхъ другихъ частяхъ Чернаго моря. Наконецъ, 6-го ноября, воздухъ сдѣлался теплѣе, явилось солнце на безоблачномъ небѣ, море стало тише и прозрачнѣе, мы уже приближались къ Босфору, съ нетерпѣніемъ ожидая той минуты, когда увидимъ этотъ знаменитый проливъ. Но едва завидѣли его, то начали сожалѣть о скорости, съ какою шелъ нашъ пароходъ. И въ самомъ дѣлѣ, жаль было нестись

Турецкая пѣхота въ Константинополѣ.

съ быстротою девяти узловъ въ часъ мимо мѣстъ столь разнообразныхъ и прелестныхъ! Взоръ утомлялся отъ одного измѣненія прекрасныхъ ландшафтовъ, которые, попеременно то появлялись передъ нами, то скрывались отъ насъ. Великолѣпный Босфорскій проливъ представляетъ, на протяженіи почти двадцати верстъ, по обоимъ берегамъ своимъ, огромную панораму, совершенно испещренную крѣпостями, башнями, селами, дворцами. Сначала, при въѣздѣ въ него, эти села, эти зданія являются изрѣдка, разсѣянныя кое-гдѣ по скатамъ холмовъ; но чѣмъ далѣе углубляешься во внутренность пролива, тѣмъ ближе другъ къ другу тѣснятся жилища по берегамъ канала и наконецъ является цѣлый строй красивыхъ, разнообразныхъ зданій. Далѣе, на второмъ планѣ картины, изгромождены, въ самомъ живописномъ безпорядкѣ, красныя кровли, покрытыя лакомъ, позлащенные шпилы и прочія принадлежности зданій, орѣховыя деревья, съ округленными верхушками, старые кипарисы и бѣлые шпили мечетей. Чѣмъ ближе подплываешь къ Константинополю, тѣмъ болѣе хаосъ этотъ увеличивается, тѣмъ болѣе усиливается шумъ, раздающійся на обоихъ берегахъ и свидѣтельствующій о присутствіи многочисленнаго населенія. На всемъ проливѣ мелькаетъ безчисленное множество каиковъ, красивыхъ лодокъ, разъѣзжающихъ во всѣ стороны.

До сихъ поръ мы плыли съ чрезвычайною быстротою, но поравнявшись съ *Буюкъ-Дере*, пароходъ нашъ сталъ идти гораздо тише. Буюкъ-Дере значитъ «большая долина»; такъ называется мѣсто, гдѣ находится домъ, въ которомъ живетъ Россійскій посолъ. У берега стояла на якорѣ военная корветта, и съ нея прислали на пароходъ за депешами. Нѣсколько минутъ спустя, мы прошли мимо Терапіи и Французскаго посольскаго до-

съ быстротою девяти узловъ въ часъ мимо мѣстъ столь разнообразныхъ и прелестныхъ! Взоръ утомлялся отъ одного измѣненія прекрасныхъ ландшафтовъ, которые, попеременно то появлялись передъ нами, то скрывались отъ насъ. Великолѣпный Босфорскій проливъ представляетъ, на протяженіи почти двадцати верстъ, по обоимъ берегамъ своимъ, огромную панораму, совершенно испещренную крѣпостями, башнями, селами, дворцами. Сначала, при въѣздѣ въ него, эти села, эти зданія являются изрѣдка, разсѣянныя кое-гдѣ по скатамъ холмовъ; но чѣмъ далѣе углубляешься во внутренность пролива, тѣмъ ближе другъ къ другу тѣснятся жилища по берегамъ канала и наконецъ является цѣлый строй красивыхъ, разнообразныхъ зданій. Далѣе, на второмъ планѣ картины, нагромождены, въ самомъ живописномъ безпорядкѣ, красныя кровли, покрытыя лакомъ, позлащенные шпили и прочія принадлежности зданій, орѣховыя деревья, съ округленными верхушками, старые кипарисы и бѣлые шпили мечетей. Чѣмъ ближе подплываешь къ Константинополю, тѣмъ болѣе хаосъ этотъ увеличивается, тѣмъ болѣе усиливается шумъ, раздающійся на обоихъ берегахъ и свидѣтельствующій о присутствіи многочисленнаго населенія. На всемъ проливѣ мелькаетъ безчисленное множество каиковъ, красивыхъ лодокъ, разъѣзжающихъ во всѣ стороны.

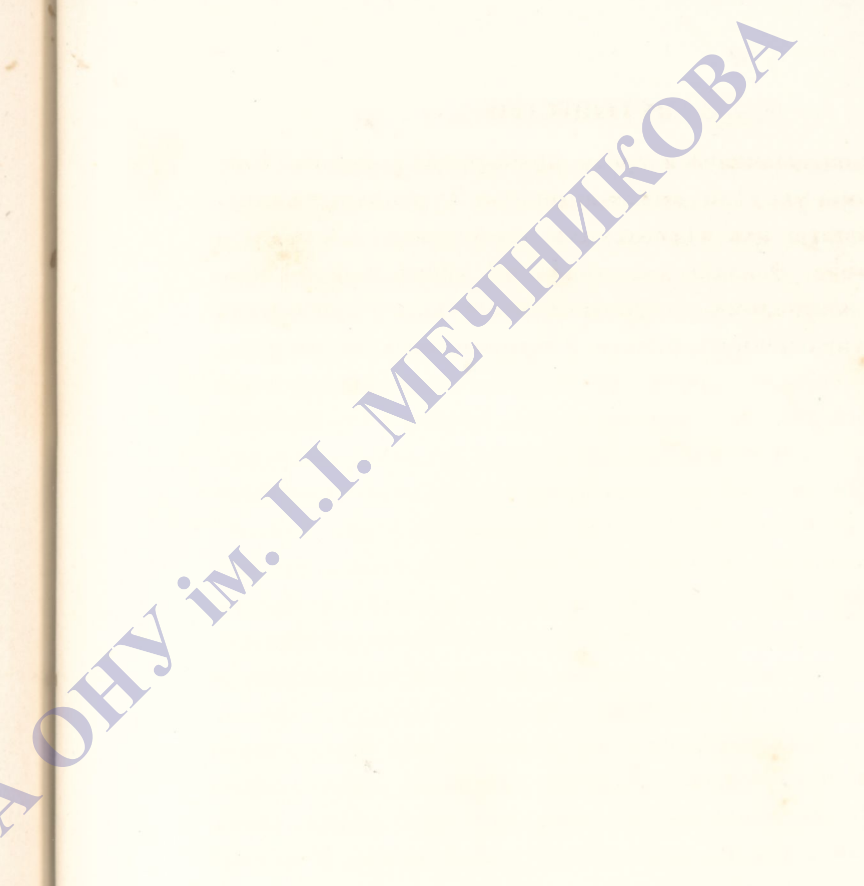
До сихъ поръ мы плыли съ чрезвычайною быстротою, но поравнявшись съ *Буюкъ-Дере*, пароходъ нашъ сталъ идти гораздо тише. Буюкъ-Дере значитъ «большая долина»; такъ называется мѣсто, гдѣ находится домъ, въ которомъ живетъ Россійскій посолъ. У берега стояла на якорѣ военная корветта, и съ нея прислали на пароходъ за депешами. Нѣсколько минутъ спустя, мы прошли мимо Терапіи и Французскаго посольскаго до-

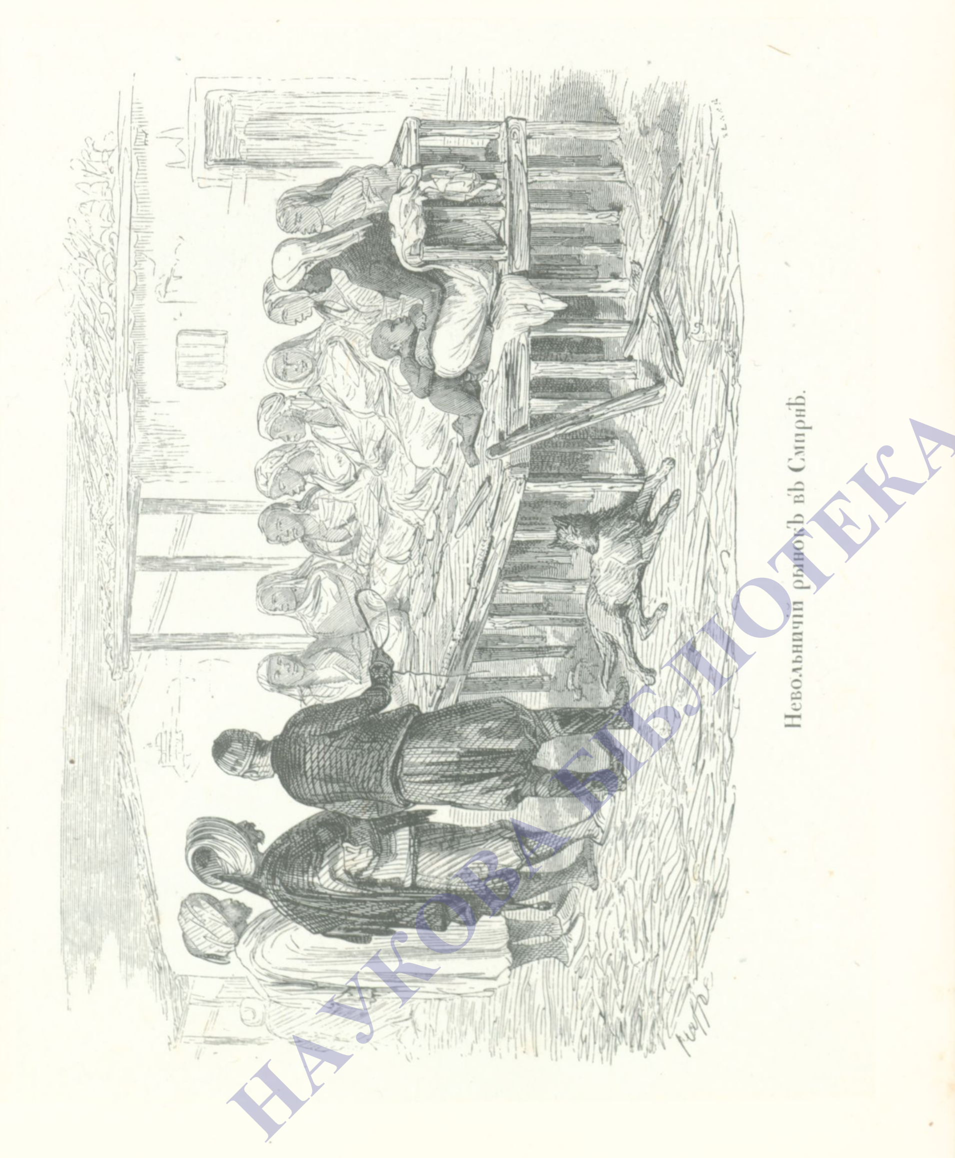
ма, возвышающагося среди прекрасныхъ садовъ. Еще далѣе мы увидѣли многочисленную Турецкую эскадру, состоявшую изъ нѣсколькихъ линѣйныхъ кораблей и фрегатовъ. Эскадра эта стояла на якорѣ передъ большимъ арсеналомъ, совершенно новымъ, выстроеннымъ подъ управленіемъ одного Американскаго инженера.

Мы плыли среди большаго, многонаселеннаго, шумнаго города, для котораго Босфоръ составляетъ улицу, и наконецъ бросили якорь, не далеко отъ Сераля, въ знаменитой бухтѣ, извѣстной подъ названіемъ Золотаго Рога. Въ эту минуту передъ нами открылось зрѣлище, истинно достойное удивленія: мы видѣли весь Константинополь съ его холмами и красивыми зданіями, осыпанный яркими лучами солнца, которое величественно угасало, скрываясь за куполами и минаретами Ахметовой мечети.

По прибытіи нашемъ мы узнали, что Французскій почтовый пароходъ «Дантъ» готовился къ отплытію въ Марсель и наняли на немъ для себя мѣста. Намъ оставались только одни сутки для осмотра Константинополя, и при томъ мы прибыли вечеромъ, въ такое время, когда, по существующимъ въ этой столицѣ постановленіямъ, воспрещается съ кораблей сходить на берегъ. И такъ, мы остались на палубѣ, любуясь великолѣпнымъ зрѣлищемъ, находившимся передъ нами, зрѣлищемъ, которому свѣтъ луны придавалъ еще болѣе прелести. Тщетно мы старались подслушать что либо въ заснувшемъ городѣ, въ немъ господствовала глубочайшая тишина, нарушаемая только лаемъ собакъ. Но съ наступленіемъ дня, все ожило: городъ, корабли, море; повсюду появились каики, легкія суда, которыхъ каждый день болѣе десяти тысячъ разъѣзжаетъ около Константинополя.

Намъ оставалось только десять часовъ времени для

Невольничий рынокъ въ Смирнѣ.

осмотра города съ его многочисленными улицами и базарами, посѣтить Галату и Перу, въ которой еше уцѣлѣла огромная Генуэзская башня, взглянуть на Скутари. И мы пустились весело, какъ школьники, которые съ восторгомъ пользуются каждою свободною минутою, чтобы только погулять. Убѣжавъ отъ чумы, теперь мы беззаботно шли ей на встрѣчу, разгуливая по улицамъ съ гордою безпечностью Турокъ, которые тѣснятся и толкаются, не говоря другъ другу: посторонись! Но, минутные посѣтители Константинополя, имѣемъ ли мы право говорить о мечетахъ, базарахъ, кладбищахъ, чертогахъ этой столицы? Мы не можемъ даже въ легкомъ очеркѣ дать понятіе объ этомъ городѣ, требующемъ продолжительнаго описанія. Осмотрѣвъ шагъ за шагомъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, каждый уголъ Крыма, каждую бѣдную деревню этого полуострова, мы могли въ столицѣ [illegible] только безмолвно предаваться удивленію.

Благодаря Бога, теперь путешествія не затруднительны; Константинополь въ наше время прикасается къ Марсели, и мы, ревностные, любознательные странники, содѣйствовавшіе по мѣрѣ силъ нашихъ руководителю дѣятельному, пламенно любящему науку, мы конечно еще разъ увидимъ этотъ прекрасный городъ, столь достойный изученія.

«Дантъ» снялся съ якоря 7-го ноября; на слѣдующій день мы встрѣтились въ Дарданеллахъ съ Турецкимъ флотомъ, находившимся подъ командою Тагира-паши; а нѣсколько часовъ спустя, увидѣли Французскую эскадру, лежавшую на якорѣ между островомъ Тенедосомъ и Трояискимъ берегомъ, *campus ubi Troja fuit*. На слѣдующій день мы прибыли въ Смирну, которую не беремся описывать; она и безъ насъ часто была описана.

Пароходъ нашъ, хотя и привыкшій плавать по

осмотра города съ его многочисленными улицами и базарами, посѣтить Галату и Перу, въ которой еше уцѣлѣла огромная Генуэзская башня, взглянуть на Скутари. И мы пустились весело, какъ школьники, которые съ восторгомъ пользуются каждою свободною минутою, чтобы только погулять. Убѣжавъ отъ чумы, теперь мы беззаботно шли ей на встрѣчу, разгуливая по улицамъ съ гордою безпечностью Турокъ, которые тѣснятся и толкаются, не говоря другъ другу: посторонись! Но, минутные посѣтители Константинополя, имѣемъ ли мы право говорить о мечетяхъ, базарахъ, кладбищахъ, чертогахъ этой столицы? Мы не можемъ даже въ легкомъ очеркѣ дать понятіе объ этомъ городѣ, требующемъ продолжительнаго описанія. Осмотрѣвъ шагъ за шагомъ, въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ, каждый уголъ Крыма, каждую бѣдную деревню этого полуострова, мы могли въ столицѣ исламисма только безмолвно предаваться удивленію.

Благодаря Бога, теперь путешествія не затруднительны; Константинополь въ наше время прикасается къ Марсели, и мы, ревностные, любознательные странники, содѣйствовавшіе по мѣрѣ силъ нашихъ руководителю дѣятельному, пламенно любящему науку, мы конечно еще разъ увидимъ этотъ прекрасный городъ, столь достойный изученія.

«Дантъ» снялся съ якоря 7-го ноября; на слѣдующій день мы встрѣтились въ Дарданеллахъ съ Турецкимъ флотомъ, находившимся подъ командою Тагира-паши; а нѣсколько часовъ спустя, увидѣли Французскую эскадру, лежавшую на якорѣ между островомъ Тенедосомъ и Троянскимъ берегомъ, *campus ubi Troja fuit*. На слѣдующій день мы прибыли въ Смирну, которую не беремся описывать; она и безъ насъ часто была описана.

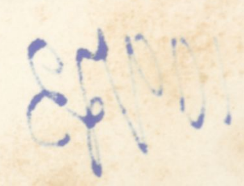
Пароходъ нашъ, хотя и привыкшій плавать по

здѣшнимъ морямъ, не могъ, однакожь, обойтись безъ того, чтобы не столкнуться съ другимъ кораблемъ. Въ тоже время одинъ Австрійскій пакетботъ, плывшій ночью по Хіосскому каналу, подвергся такъ же какъ и мы столкновенію. По счастію оба корабля, хотя сильно поврежденные, могли продолжать свой путь. Между Мореею и Мальтою внезапный порывъ вѣтра вынудилъ нашего капитана остановить дѣйствіе машины и зайти въ Мальту. Проплывъ мимо Сициліи и всей Италіи, которой берега были намъ видны только издали, мы прибыли наконецъ въ Марсель, послѣ шестимѣсячнаго отсутствія, и въ здѣшнемъ карантинѣ нашли отдыхъ и уединеніе, исполненныя воспоминаній.»

Здѣсь оканчивается простой расказъ о нашемъ путешествіи, въ продолженіе котораго каждый день и въ каждой странѣ испытывали мы новыя ощущенія, находили новые предметы для изслѣдованія. Остальное, что слѣдуетъ расказать о странахъ нами посѣщенныхъ, изложитъ наука своимъ языкомъ важнымъ, исполненнымъ точности. Что до меня касается, то мои желанія будутъ удовлетворены, если благосклонный читатель внимательно прослѣдитъ за мною среди лабиринта мѣстныхъ описаній, происшествій, наблюденій и поэтическихъ мечтаній, какимъ предавалось наше дѣятельное общество, такъ усердно и счастливо разъѣзжавшее въ продолженіе шести мѣсяцевъ. Этотъ томъ составитъ собственно необходимое введеніе къ трудамъ нашихъ ученыхъ и натуралистовъ, въ странствованіяхъ которыхъ мы участвовали. И когда каждый изъ насъ внесетъ въ наше изданіе свой участокъ труда, то мы

совершимъ общими силами дѣло, которое, если не по таланту, то по крайней мѣрѣ по справедливости показаній и добросовѣстности, не будетъ недостойно цѣли путешествія и Того Высокаго Покровителя нашего, Котораго Августѣйшему имени посвящена книга.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

ГЛАВА VII.

ГЛАВА VIII.

ГЛАВА IX.

ГЛАВА X.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

КОНЕЦЪ.

